Ф.М.ДОСТОЕВСКИЙ

Ф.М.ДОСТОЕВСКИЙ

СОЧИНЕНИЯ

23

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ТРИДЦАТИ ТОМАХ

* * *

ПУБЛИЦИСТИКА И ПИСЬМА

ТОМА XVIII—XXX

ИЗДАТЕЛЬСТВО «Н А У К А»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ • ЛЕНИНГРАД
1981

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ

ТОМ ДВАДЦАТЬ ТРЕТИЙ

ДНЕВНИК ПИСАТЕЛЯ ЗА 1876 ГОД

МАЙ—ОКТЯБРЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ • ЛЕНИНГРАД
1981

Д $\frac{70301-553}{042(02)-81}$ Подписное. 4702010100

ДНЕВНИК ПИСАТЕЛЯ

Ежемесячное издание

1876

МАЙ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

I. ИЗ ЧАСТНОГО ПИСЬМА

Меня спрашивают: буду ль я писать про дело Каировой? Я получил уже несколько писем с этим вопросом. Одно письмо особенно характерно и писано, очевидно, не для печати; но позволю себе привести из него несколько строк, с соблюдением, конечно, полнейшего анонима. Надеюсь, что многоуважаемый корреспондент на меня не посетует; я и цитирую из него лишь убежденный в его совершенной искренности, которую в полной степени могу оценить.

«...С чувством глубочайшего омерзения прочли мы дело Каировой. Это дело, как фокус объектива, выразило собою картину утробных инстинктов, для которой главное действующее лицо (Каирова) формировалось путем культурной подготовки: мать во время беременности вдалась в пьянство, отец был пьяница, родной брат от пьянства потерял рассудок и застрелился, двоюродный брат зарезал свою жену, мать отца была сумасшедшая, — и вот из этой-то культуры вышла личность деспотическая и необузданная в своих утробных пожеланиях. Обвинительная даже власть стала в недоумении перед нею и задала себе вопрос: не сумасшедшая ли она? Эксперты частью положительно это отрицали, а частью допустили возможность сумасшествия, но не лично в ней, а в ее поступках. Но сквозь весь этот процесс проглядывает не сумасшедшая, а женщина, дошедшая до крайних пределов отрицания всего святого: для нее не существует ни семьи, ни прав другой женщины — не только на мужа, но и на самую жизнь — всё для одной только нее и ее утробных похотей.

Ее оправдали, может быть, как сумасшедшую, это еще слава богу! По крайней мере, нравственная распущенность отнесена не к прогрессу ума, а к разряду психических болезней.

Но в „нижнем помещении публики, занятом *исключительно дамами,* послышались аплодисменты“ («Биржев‹ые› вед‹омости›»).

Чему аплодисменты? Оправданию сумасшедшей или торжеству расходившейся страстной натуры, цинизму, проявившемуся в лице женщины?

Рукоплещут дамы! Рукоплещут жены, матери! Да им не рукоплескать, им плакать надобно при таком поругании идеала женщины...

(NB. Здесь опускаю несколько слишком уже резких строк).

Неужели вы обойдете это молчанием?»

II. ОБЛАСТНОЕ НОВОЕ СЛОВО

Подымать историю Каировой (кажется, всем уже известную) слишком поздно, да и слову моему в таких характерных явлениях текущей нашей жизни и среди таких характерных настроений нашей публики я не придаю никакого значения; но *по поводу* этого «дела» все-таки стоило бы сказать хоть одно словцо, хотя бы даже и поздно. Ибо ничто не прекращается, а потому ничто и не поздно; всякое дело, напротив, продолжается и обновляется, хотя бы и минуло в своей первой инстанции; а главное и опять-таки — пусть извинит меня мой корреспондент за выписку из письма его. Судя хоть только по письмам, которые я один получаю, — можно бы сделать заключение об одном чрезвычайно замечательном явлении нашей русской жизни, о котором я уже косвенно и намекал недавно, а именно: все беспокоятся, все во всём принимают участие, все желают высказать мнение и заявить себя, и вот только одного не могу решить, чего больше желают: обособиться ли в своем мнении каждый или спеться в один общий стройный хор. Это письмо из провинции есть письмо частное, но замечу здесь к слову, что наша провинция решительно хочет зажить своеобразно и чуть ли не эмансипироваться от столиц совсем. Это заметил не я один, гораздо раньше меня об этом сказано в печати. У меня вот уже два месяца лежит на столе даже целый литературный сборник «Первый шаг», изданный в Казани, и об нем надо бы было давно сказать некоторое слово, — именно потому, что он выступает решительно с намерением сказать новое слово, не столичное, а областное и «настоятельно необходимое». Что же, всё это лишь новые голоса в старом русском хоре; а потому полезны и уж во всяком случае любопытны. Это новое направление из чего-нибудь да берется же. Правда, из всех этих проектированных новых слов, в сущности, еще ни одного не произнесено, но, может быть, действительно послышится что-нибудь из наших областей и окраин еще доселе неслыханное. Отвлеченно, теоретически судя, всё это так и должно произойти: пока, с самого Петра, Россию вели Петербург и Москва; теперь же, когда роль Петербурга и культурный период прорубленного в Европу окошка кончились, — теперь... но теперь-то вот и вопрос: неужели роль Петербурга и Москвы окончилась? По-моему, если и изменилась, то очень немного; да и прежде-то, за все-то полтораста лет, Петербург ли собственно и Москва ли вели Россию? Так ли это было в самом-то деле? И не вся ли Россия, напротив, притекала и толпилась в Петербурге и Москве, во все полтораста лет сряду, и, в сущности, сама себя и вела, беспрерывно обновляясь свежим притоком новых сил из областей своих и окраин, в которых, мимоходом говоря, задачи были совсем одни и те же, как и у всех русских в Москве или Петербурге, в Риге или на Кавказе, или даже где бы то ни было. Ведь уж чего бы кажется противуположнее, как Петербург с Москвой, если судить

по теории, в принципе: Петербург-то и основался как бы в противуположность Москве и *всей ее идее.* А между тем эти *два центра* русской жизни, в сущности, ведь составили один центр, и это тотчас же, с самого даже начала, с самого даже преобразования, и нисколько не взирая на разделявшие их некоторые характерности. Точь-в-точь то же, что зарождалось и развивалось в Петербурге, немедленно и *точь-в-точь так же самостоятельно* — зарождалось, укреплялось и развивалось в Москве, и *обратно.* Душа была единая и не только в этих двух городах, но в двух городах и во всей России вместе, *так, что везде по всей России в каждом месте была вся Россия.* О, мы понимаем, что каждый угол России может и должен иметь свои местные особенности и полное право их развивать; но таковы ли эти особенности, чтобы грозить духовным разъединением или даже просто каким-нибудь недоумением? Вообще у нас будущее «темна вода», но тут, мне кажется, еще яснее, чем где-либо. Во всяком случае, дай бог развиваться всему, что только может развиться, конечно из хорошего, и это первое, а второе и главное: дай бог ни за что не терять единства, ни за какие даже блага, посулы и сокровища — лучше вместе, чем врознь, и, главное, во всяком случае. Сказано новое слово будет, это несомненно, но всё же я не думаю, чтобы сказано было что-нибудь слишком уж новое и особенное нашими областями и окраинами, по крайней мере теперь, сейчас, слишком уж что-нибудь неслыханное и трудно выносимое. Великорус теперь только что начинает жить, только что подымается, чтобы сказать свое слово, и, может быть, уже всему миру; а потому и Москве, этому центру великоруса, — еще долго, по-моему, жить, да и дай бы бог. Москва еще третьим Римом не была, а между тем должно же исполниться пророчество, потому что «четвертого Рима не будет», а без Рима мир не обойдется. А Петербург теперь больше чем когда-нибудь вместе с Москвой заодно. Да, признаюсь, я и под Москвой-то подразумеваю, говоря теперь, не столько город, сколько некую аллегорию, так что никакой Казани и Астрахани обижаться почти совсем не за что. А ихним сборникам мы рады, и если даже выйдет и «Второй шаг», то тем лучше, тем лучше.

III. СУД И Г-ЖА КАИРОВА

Однако далеко уехали от дела Каировой. Я хотел лишь заметить моему корреспонденту, что хоть я и согласен во взгляде на «распущенность инстинктов и деспотическую необузданность желаний», тем не менее в мнении почтенного корреспондента моего нахожу слишком много строгости, даже бесцельной (ибо чуть ли он и сам не признает в преступнице сумасшедшую), слишком много тоже преувеличения, тем более, что ведь кончает же он тем, что сам признает *повлиявшую среду*, почти до невозможности борьбы с нею. Что до меня, то я просто рад, что Каирову

отпустили, я не рад лишь тому, что ее оправдали. Я рад, что отпустили, хотя и не верю сумасшествию ни на грош, несмотря на мнения части экспертов: пусть уж это мое личное мнение, я оставляю его при себе. К тому же без сумасшествия эту несчастную как-то жальче. В сумасшествии — «не ведала, что творила»... а без сумасшествия — подите-ка, перетащите-ка на себе столько муки! Убийство, если только убивает не «Червонный валет», — есть тяжелая и сложная вещь. Эти несколько дней нерешимости Каировой по приезде к ее любовнику его законной жены, это накипающее всё более и более оскорбление, эта нарастающая с каждым часом обида (о, обидчица она, Каирова, я ведь не сошел еще с ума, но ведь тем и жальче, что она в падении своем не могла понимать даже, что она-то и есть обидчица, а видела и чувствовала совершенно обратное!) — и, наконец, этот последний час перед «подвигом», ночью, на ступеньках лестницы, с бритвой в руках, которую купила накануне, — нет, всё это довольно тяжело, особенно для такой беспорядочной и шатающейся души, как Каирова! Тут не по силам бремя, тут как бы слышатся стоны придавленной. А затем — десять месяцев мытарств, сумасшедших домов, экспертов, и — столько ее таскали, таскали, таскали, и при этом эта бедная тяжкая преступница, вполне виновная, — в сущности представляет из себя нечто до того несерьезное, безалаберное, до того ничего не понимающее, не законченное, пустое, предающееся, собой не владеющее, серединное, и так даже до самой последней минуты приговора, — что как-то легче стало, когда ее совсем отпустили. Жаль только, что нельзя было этого сделать, не оправдав, а то вышел скандал, как хотите. Г-н присяжный поверенный Утин, мне кажется, мог бы наверно предчувствовать оправдание, а потому и ограничиться лишь простым изложением факта, а не пускаться в похвалы преступлению, потому что ведь он *почти похвалил преступление*... То-то и есть, что у нас ни в чем нет мерки. На западе Дарвинова теория — гениальная гипотеза, а у нас давно уже аксиома. На западе мысль, что преступление весьма часто есть лишь болезнь, — имеет глубокий смысл, потому что сильно *различается*, у нас же эта мысль не имеет никакого смысла, потому что совсем не различается — и всё, всякая пакость, сделанная даже червонным валетом, и та чуть ли не признается болезнью и — увы! — даже видят в этом нечто либеральное! Разумеется, я не про серьезных людей говорю (хотя много ли у нас серьезных-то людей в этом смысле?). Я говорю про улицу, про бездарную средину, с одной стороны, и про плутов, торгующих либерализмом, — с другой, и которым решительно всё равно, только чтобы было или казалось либерально. Что же до присяжного поверенного Утина, то он «похвалил преступление», вероятно воображая, что, как присяжный поверенный, он и не мог иначе поступить, — и вот так-то увлекаются бесспорно умные люди, и в результате выходит совсем даже не умно. Я так думаю, что будь в ином положении присяжные, то есть имей они воз-

можность сказать другой приговор, — то, пожалуй, за такое преувеличение они и вознегодовали бы на г-на Утина, так что он сам повредил бы своей клиентке. Но всё дело состояло именно в том, что они буквально не могли вынести иного приговора. В печати их за этот приговор одни похвалили, другие, слышно, хулят; я думаю, тут нет места ни похвале, ни хуле: просто сказали такой приговор по решительной невозможности сказать что-нибудь иное. Рассудите сами, вот что читаем в газетном отчете:

«На поставленный судом, согласно требованиям обвинения, вопрос о том: „нанесла ли Капрова, *заранее обдумав свое деяние*, Александре Великановой, *с целью лишить ее жизни*, несколько ран бритвой по шее, голове и груди, *но от дальнейшего приведения в исполнение своего намерения* убить Великанову была остановлена самою Великановою и ее мужем“, — присяжные ответили отрицательно».

Остановимся здесь. Это ответ на первый вопрос. Ну, можно ли отвечать на вопрос, *так* поставленный? Кто, чья совесть возьмется ответить на такой вопрос утвердительно? (Правда, тут и отрицательно-то равно невозможно ответить, но мы говорим лишь об утвердительном решении присяжных.) Тут, на вопрос, так поставленный, ответить утвердительно можно, лишь имея сверхъестественное божеское всеведение. Да и сама Каирова совершенно могла не знать того: «дорежет ли она или нет», а присяжных спрашивали положительно: «дорезала ли бы она или нет, если б не остановили ее?» Да она, купив за день бритву, хоть и знала, для чего ее купила, все-таки могла не знать: «станет ли еще она резать-то или нет, а не только дорежет ли или нет?» И вернее всего, что не знала об этом ни слова даже и тогда, когда сидела на ступеньках лестницы, уже с бритвой в руке, а сзади ее, на ее постели, лежали ее любовник с ее соперницей. Никто, никто в мире не мог знать об этом ни одного слова. Да мало того, хоть и покажется абсурдом, но я утверждаю, что и когда уже резала, то могла *еще не знать*: хочет ли она ее зарезать или нет, и с *этою ли целью* ее режет? Заметьте, этим я вовсе не говорю, что она была в бессознательном состоянии; я даже ни малейшего помешательства не допускаю. Напротив, наверно, в ту минуту, когда резала, *знала, что режет*, но хочет ли, сознательно *поставив себе это целью*, лишить свою соперницу жизни — этого она могла в высшей степени не знать, и, ради бога, не считайте этого абсурдом: она могла резать, в гневе и ненависти, не думая вовсе о последствиях. Судя по характеру этой беспорядочной и измученной женщины, — это именно так, вероятно, и было. А заметьте, что от ответа присяжных, например, утвердительного: что дорезала бы, и, главное, резала с непременною целью зарезать, зависела бы вся участь несчастной. Тут гибель, тут каторга. Как же брать на себя присяжным такую обузу на свою совесть? Они и ответили отрицательно, потому что не могли варьировать свой ответ иначе. Вы скажете, что преступление Каировой было не выдуманное, не головное, не книжное, а тут просто было «бабье дело», весьма не-

сложное, весьма простое, и что на ее постели вдобавок лежала ее соперница. Так ли, простое ли? А что если она, полоснув раз бритвой по горлу Великановой, закричала бы, задрожала бы и бросилась бы вон бежать? Почему вы знаете, что этого не случилось бы? А случилось бы, так очень может быть, что и до суда ничего не дошло бы. А теперь вас приперли к стене и допытываются у вас положительно: «дорезала бы она или нет», и, уж разумеется, с тем, чтоб услать ее или нет — сообразно с вашим ответом. И уж малейшая варьяция в вашем ответе соответствует целым годам заключения или каторги! А что если бы так случилось, что она, полоснув раз и испугавшись, принялась бы сама себя резать, да, может быть, тут бы себя и зарезала? А что, наконец, если бы она не только не испугалась, а, напротив, почувствовав первые брызги горячей крови, вскочила бы в бешенстве и не только бы докончила резать Великанову, но еще начала бы ругаться над трупом, отрезала бы голову «напрочь», отрезала бы нос, губы, и только потом, вдруг, когда у нее уже отняли бы эту голову, догадалась бы: что это она такое сделала? Я потому так спрашиваю, что всё это могло случиться и выйти от одной и той же женщины, из одной и той же души, при одном и том же настроении и при одной и той же обстановке; говорю это потому, что как-то чувствую, что не ошибаюсь. Итак, как же было ответить после того на такой мудреный вопрос суда? Ведь тут не домашний разговор за чайным столом, ведь тут решение судьбы. Так можно ставить вопросы, сильно рискуя не получить на них никакого ответа.

Но, скажут на это, в таком случае никогда нельзя ни обвинять, ни судить в убийстве или в намерении убить, если только преступление было не докончено или жертва выздоровела? Нет, мне кажется, за это нечего беспокоиться, потому что есть слишком явные случаи убийств, в которых хотя преступление и не докончено (даже хотя бы собственной волей преступника), то все-таки слишком явно, что оно было предпринято единственно *с целью убийства* и никакой иной цели и иметь не могло. А главное, повторяю, — на то есть совесть присяжных, а это главная и великая вещь; в этом-то и благодеяние нового суда, и эта совесть действительно подскажет присяжным новое решение. Если уж в такой важный момент человек ощутит в себе возможность твердо ответить: «да, виновен», то, по всей вероятности, не ошибется в виновности преступника. По крайней мере, ошибки случались анекдотически редко. Одно только желательно, чтоб эта совесть присяжных была воистину просвещена, воистину тверда и укреплена гражданским чувством долга и избегала увлечения в ту или другую сторону, то есть увлечений жестокости или пагубной сентиментальности. Правда и то, что это второе желание, то есть насчет избежания сентиментальности, таки довольно трудно исполнимое. Сентиментальность так всем по плечу, сентиментальность такая легкая вещь, сентиментальность не требует

никакого труда, сентиментальность так выгодна, сентиментальность с направлением даже ослу придает теперь вид благовоспитанного человека...

Равно и на второй вопрос, поставленный присяжным судом: «нанесла ли она эти раны, и *с тою же целью*, в запальчивости и раздражении?» — присяжные опять-таки не могли ответить иначе как отрицательно, то есть «нет, не нанесла», ибо опять тут фраза «с тою же целью» означала «с обдуманным заранее намерением лишить Великанову жизни». И особенно трудно стало ответить на это ввиду того, что «запальчивость и раздражение» в чрезвычайном большинстве случаев исключают «обдуманное заранее намерение»; так что в этом втором вопросе суда заключался как бы даже некоторый и абсурд.

Зато в *третьем* вопросе суда: «действовала ли Каирова в точно доказанном припадке умоисступления?» — заключался уже довольно твердый абсурд, ибо при существовании первых двух вопросов эти два вопроса и третий положительно исключают один другой; в случае же отрицательного ответа присяжных на первые два вопроса или даже просто в случае оставления их без ответа оставалось непонятным: об чем спрашивают и что даже значит слово «действовала», то есть об каком именно поступке спрашивают и как его определяют? Присяжные же никак не могли варьировать свой ответ, за непременной обязанностью ответить лишь *да* или *нет*, без варьяций.

Наконец, и *четвертый* вопрос суда: «если действовала не под влиянием умоисступления, то виновна ли в означенном в первом или во втором вопросе преступлении?» — присяжные тоже оставили без ответа, конечно ввиду того, что он был лишь повторением первых двух вопросов.

Таким образом суд и *отпустил* Каирову. В ответе присяжных: «нет, не нанесла», конечно, заключался абсурд, ибо отвергался самый факт нанесения ран, — факт никем не оспариваемый и для всех очевидный, но им трудно было сказать что-нибудь иное при такой постановке вопросов. Но, по крайней мере, нельзя сказать, что суд, отпуская Каирову или даже, так сказать, милуя ее, *оправдал* подсудимую, а г-н Утин именно оправдывал поступок преступницы, почти находил его правильным, хорошим. Конечно, это невероятно, а между тем так вышло.

IV. Г-Н ЗАЩИТНИК И КАИРОВА

Речь г-на Утина я разбирать не стану; притом она даже и не талантлива. Ужасно много высокого слога, разных «чувств» и той условно-либеральной гуманности, к которой прибегает теперь чуть не всякий, в «речах» и в литературе, и даже самая полная иногда бездарность (так что г-ну Утину уж совсем бы и некстати), чтоб придать своему произведению приличный вид, благодаря ко-

торому оно бы могло «пройти». Эта условно-либеральная гуманность обличает себя у нас чем дальше, тем больше. И всякий теперь знает, что всё это — лишь подручное пособие. Я так даже бы думал, что теперь уж и мало кому это нравится, — не десять лет тому назад, — а меж тем, глядь, еще столько простодушия в людях, особенно у нас в Петербурге! А простодушие-то наше и любо «деятелю». Деятелю некогда, например, заняться «делом», вникнуть в него; к тому же почти все они отчасти и поочерствели с годами и с успехами и, кроме того, достаточно уж послужили гуманности, выслужили, так сказать, пряжку гуманности, чтобы заниматься там еще несчастиями какой-нибудь страдающей и безалаберной душонки сумасбродного, навязавшегося им клиента, а вместо сердца в груди многих из них давно уже бьется кусочек чего-то казенного, и вот он, раз навсегда, забирает напрокат, на все грядущие экстренные случаи, запасик условных фраз, словечек, чувствиц, мыслиц, жестов и воззрений, всё, разумеется, по последней либеральной моде, и затем надолго, на всю жизнь, погружается в спокойствие и блаженство. Почти всегда сходит. Повторяю, это определение новейшего деятеля я положительно не отношу к г-ну Утину: он талантлив, и чувство у него, вероятнее всего, натуральное. Но трескучих фраз он все-таки напустил не в меру много в свою речь, что и заставляет подозревать — не то чтобы недостаток вкуса, а именно некоторое небрежное и, может быть, даже и не совсем гуманное отношение к делу в настоящем случае. Надобно сознаться, что наши адвокаты, чем талантливее они, тем больше заняты, а стало быть, у них нет и времени. Было бы и у г-на Утина больше времени, то и он бы, по мнению моему, отнесся к делу сердечнее, а отнесся бы сердечнее, то оказался бы и обдуманнее, не запел бы дифирамба в сущности крайне пошлой интриге, не напустил бы высокого слога про «встрепенувшихся львиц, у которых отнимают детенышей», не напал бы с такою простодушною яростью на жертву преступления, г-жу Великанову, не попрекнул бы ее тем, что ее не дорезали (почти ведь так!), и не изрек бы, наконец, своего неожиданнейшего каламбура на Христовы слова о грешнице из Евангелия. Впрочем, может быть, в натуре всё это произошло и не так, и г-н Утин произнес свою речь, имея совершенно серьезный вид; я в суде не был; но по газетным, однако, отчетам выходит, что как будто тут была какая-то, так сказать, распущенность свысока... одним словом, что-то ужасно не задумывающееся и сверх того много комического.

Я с самого начала почти речи стал в тупик и не мог понять: смеется ли г-н Утин, благодаря прокурора за то, что обвинительная речь его против Каировой, кроме того, что была «блестяща и талантлива, красноречива и гуманна», была сверх того и скорее защитительная, чем обвинительная. Что речь прокурора была красноречива и гуманна, в этом не могло быть сомнения, равно как и в том, что она была и в высшей степени либеральна, и во-

обще эти господа ужасно хвалят друг друга, а присяжные это слушают. Но, похвалив *обвинителя*-прокурора за его *защитительную* речь, г-н Утин не захотел только быть оригинальным до конца и, вместо защиты, приняться обвинять свою клиентку, г-жу Каирову. Это жаль, потому что было бы очень забавно и, может быть, подошло бы к делу. Я думаю даже, что присяжные не очень бы и удивились, потому что наших присяжных удивить трудно. Это невинное замечание мое, конечно, лишь шутка с моей стороны: г-н Утин не обвинял, он защищал, и если были в его речи недостатки, то именно в том, напротив, что уж слишком страстно защищал, так сказать, даже пересолил, что, как я и упомянул выше, я и объясняю лишь некоторою предварительною небрежностью отношения к «делу». «Отделаюсь, когда придет время, высоким слогом и довольно этой... „галерее“», — вот как, вероятно, теперь думают всего чаще иные из наших более занятых адвокатов. Г-н Утин из себя, например, выходит, чтоб представить свою клиентку как можно больше в идеальном, романтическом и фантастическом виде, а это было вовсе не нужно: без прикрас г-жа Каирова даже понятнее; но г-н защитник бил, конечно, на дурной вкус присяжных. Всё-то в ней идеально, всякий-то шаг ее необыкновенен, великодушен, грациозен, а любовь ее это — это что-то кипящее, это поэма! Каирова, например, не быв никогда на сцене, вдруг подписывает контракт в актрисы и уезжает на край России, в Оренбург. Г-н Утин не утверждает и не настаивает на том, что в этом поступке ее «сказалось обычное ее благодушие и самопожертвование», но «тут есть, — продолжал г-н Утин, — какая-то идеальность, известного рода сумасбродство и главным образом самоотречение. Ей нужно было искать место, чтобы помогать матери, и вот она принимает место, которое ей вовсе несвойственно, бросает Петербург и отправляется одна в Оренбург» и т. д. и т. д. Ну, и что же такое, казалось бы, ничего особенного и поражающего тут не произошло вовсе; мало ли кто куда отправляется, мало ли девушек бедных, прекрасных, несчастных, талантливых соглашаются на отъезд и принимают кондиции далеко похуже той, которая досталась г-же Каировой. Но у г-на защитника, как видите, выходит какая-то жертва самоотречения, а из контракта в актрисы почти подвиг. Ну, и дальше всё в таком же роде. Каирова очень скоро «сходится» с Великановым, антрепренером труппы. Дела его были плохи: «она хлопочет за него, выпрашивает субсидию, выхлопатывает освобождение». Ну, что ж такое, опять ничего бы особенного, да и многие женщины, особенно с живым подвижным характером, как у Каировой, начали бы в таком случае «хлопотать» ради милого человека, если уж завели с ним интрижку. Начались сцены с женой Великанова, и, описав одну из таких сцен, г-н Утин замечает, что с этой минуты его клиентка считала Великанова «своим», видела в нем свое создание, свое «милое дитя». Кстати, это «милое дитя», говорят, высокого роста, плотного, гренадерского сложения, с вьющимися

волосиками на затылке. Г-н Утин в своей речи утверждает, что она смотрела на него, как на «свое дитя», как на свое «творение», хотела его «возвысить, облагородить». Г-н Утин, видимо, отвергает, что г-жа Каирова могла бы привязаться к Великанову без этой именно специальной цели, а между тем это «милое дитя», это «творение» нисколько не благородится, а напротив, чем дальше тем хуже.

Одним словом, у г-на Утина везде выходит какой-то слишком уж не подходящий к этим лицам и к этой обстановке высокий настрой, так что подчас становится удивительно. Начинаются похождения; «милое дитя» и Каирова приезжают в Петербург, потом он едет в Москву искать места. Каирова пишет ему задушевные письма, она полна страсти, чувств, а он решительно не умеет писать письма и с этой точки ужасно «неблагороден». «В этих письмах, — замечает г-н Утин, — начинает проглядывать то облачко, которое потом затянуло всё небо и произвело грозу». Но г-н Утин и не умеет объясняться проще, у него всё везде таким слогом. Наконец, Великанов опять возвращается, и они опять живут в Петербурге (maritalement,[1] разумеется), — и вот вдруг важнейший эпизод романа — приезжает жена Великанова, и Каирова «встрепенулась, как львица, у которой отнимают детеныша». Тут действительно начинается много красноречия. Если б не было этого красноречия, то, конечно, было бы жальче эту бедную, сумасбродную женщину, мечущуюся между мужем и женой и не знающую, что предпринять. Великанов оказывается «вероломным», попросту слабым человеком. Он — то жену обманывает, уверяя ее в любви, то едет с дачи в Петербург к Каировой и успокоивает ее тем, что жена скоро уедет за границу. Г-н Утин представляет любовь своей клиентки не только в заманчивом, но даже в назидательном и, так сказать, высоконравственном виде. Она, видите ли, хотела даже обратиться к Великановой с предложением уступить ей мужа вовсе (про которого, положительно, стало быть, думала, что имеет почему-то на него полное право); «хотите взять его — возьмите, хотите жить с ним — живите, но или уезжайте отсюда, или я уеду. Решитесь на что-нибудь». Это она хотела сказать, не знаю только: сказала ли. Но никто ни на что не решился, а Каирова, вместо того чтобы самой уехать (если уж так хотелось чем-нибудь кончить) без всяких вопросов и не дожидаясь никаких невозможных решений, — только металась и кипела. «Отдать его без борьбы, да это была бы не женщина...», — вдруг замечает г-н Утин. Ну, так для чего же бы и говорить столько о разных хотениях, вопросах, «предложениях»? «Страсть обуревала ее, — растолковывает суду г-н Утин, — ревность уничтожила, поглотила ее ум и заставила играть страшную игру». И потом: «ревность искрошила ее рассудок, от него ничего не осталось. Как же могла она управлять собою». Так продолжа-

[1] как супруги (*франц.*).

лось десять дней. «Она томилась; ее бросало в жар и лихорадку, она не ела, не спала, бежала то в Петербург, то в Ораниенбаум, и когда она таким образом была измучена, наступил злополучный понедельник 7-го июля». В этот злополучный понедельник измученная женщина приезжает к себе на дачу, и ей говорят, что жена Великанова тут; она подходит к спальне и...

«Разве, г-да присяжные заседатели, возможно, чтобы женщина осталась спокойною? Для этого нужно быть камнем; нужно, чтоб у ней не было сердца. Любимый страстно ею человек — в ее спальне, на ее постели, с другой женщиной! Это было свыше ее сил. Ее чувства били бурным потоком, который истребляет всё, что ему попадется на пути; она рвала и метала; она могла *истребить всё окружающее* (!!!). Если мы спросим этот поток, что он делает, зачем причиняет зло, то разве он может нам ответить. Нет, он безмолвствует».

Эк ведь фраз-то, эк ведь «чувств-то»! «Было бы горячо, а вкус верно какой-нибудь выйдет». Но остановимся, однако же, на этих фразах: они очень нехороши; и тем хуже, что это самое главное место в защите г-на Утина.

Я слишком согласен с вами, г-н защитник, что Каирова не могла оставаться спокойной в сцене, которую вы описали, но лишь потому только, что она — Каирова, то есть слабая, может быть, очень добрая, если хотите, женщина, пожалуй, симпатичная, привязчивая (про эти ее качества я, впрочем, до сих пор знаю лишь из вашей речи), но в то же время ведь и беспутная же она, не правда ли? Я не развратную беспутность натуры здесь разумею: женщина эта несчастна, и не стану я ее оскорблять, тем более, что и судить-то в этом пункте совсем не возьмусь. Я разумею лишь беспутность ее ума и сердца, которая для меня бесспорна. Ну, вот по этой-то беспутности и не могла она в эту роковую минуту решить дело иначе, как она его решила, а не потому, что, решая иначе, «нужно быть камнем, нужно, чтоб у нее не было сердца», как определили вы, г-н защитник. Подумайте, г-н защитник, ведь, утверждая это, вы как будто и исхода другого, более ясного, более благородного и великодушного совсем не допускаете. И если б нашлась женщина, способная в такую минуту бросить бритву и дать делу другой исход, то вы бы, стало быть, обозвали ее камнем, а не женщиной, женщиной без сердца. Таким образом вы «почти похвалили преступление», как я сказал про вас выше. Это, конечно, было увлечение с вашей стороны, и уж бесспорно благородное, но жаль, что такие необдуманные слова уже раздаются с юных общественных трибун наших. Вы меня извините, г-н защитник, что я отношусь к вашим словам столь серьезно. А затем подумайте: есть высшие типы и высшие *идеалы* женщины. Эти идеалы были же и являлись же на свете, это бесспорно. И что если б даже сама г-жа Каирова и уже в последнюю минуту, с бритвой в руках, вдруг взглянула бы ясно в судьбу свою (не беспокойтесь, это очень иногда возможно и именно в последний момент), сознала бы несчастье свое (ибо

любить такого человека есть несчастье), сознала бы весь стыд и позор свой, всё падение свое (ибо не одно же ведь в самом деле «великодушие и самоотвержение» в этих «грешницах», г-н защитник, а и много лжи, стыда, порока и падения) — ощутила бы вдруг в себе женщину, воскресшую в новую жизнь, сознавшую при этом, что ведь и она — «обидчица», кроме того, — что, оставив этого человека, она может еще больше и вернее его облагородить, и, почувствовав всё это, встала бы и ушла залившись слезами: «до чего, дескать, я сама упала!» Ну, что же, если бы это случилось даже с самой г-жой Каировой — неужели бы вы не пожалели ее, не нашли бы отзывчивого чувства в добром, бесспорно, сердце вашем, а назвали бы эту вдруг воскресшую духом и сердцем женщину — камнем, существом без сердца и заклеймили бы ее всенародно с нашей юной трибуны, к которой все так жадно еще прислушиваются, вашим презрением?

Слышу, однако же, голоса: «Не требуйте же от всякой, это бесчеловечно». Знаю, я и не требую. Я содрогнулся, читая то место, когда она подслушивала у постели, я слишком могу понять и представить себе, что она вынесла в этот последний час, с своей бритвой в руках, я очень, очень был рад, когда отпустили г-жу Каирову, и шепчу про себя великое слово: «налагают бремена тяжкие и неудобоносимые»; но Тот, Кто сказал это слово, когда потом прощал преступницу, Тот прибавил: «иди и не греши». Стало быть, грех все-таки назвал грехом; простил, но не оправдал его; а г-н Утин говорит: «она была бы не женщина, а камень, существо без сердца», так что даже не понимает, как можно поступить было иначе. Я только робко осмеливаюсь заметить, что зло надо было все-таки назвать злом, несмотря ни на какую гуманность, а не возносить почти что до подвига.

V. Г-Н ЗАЩИТНИК И ВЕЛИКАНОВА

И уж если провозглашать гуманность, то можно бы пожалеть и г-жу Великанову. Кто уж слишком жалеет обидчика, тот, пожалуй, не жалеет обиженного. А между тем г-н Утин отнимает у г-жи Великановой даже ее качество «жертвы преступления». Мне кажется, я решительно не ошибусь заключением, что г-ну Утину, в продолжение всей его речи, поминутно хотелось сказать что-нибудь дурное про г-жу Великанову. Признаюсь, прием этот слишком уж простодушен и, кажется, самый неловкий: он слишком первоначален и тороплив; ведь скажут, пожалуй, г-н защитник, что вы гуманны лишь для своих клиентов, то есть по должности, а разве это правда? Вот вы подхватили и привели, например, «дикую, ужасную» сцену, когда Великанова в раздражении сказала вслух, что «расцелует ручки-ножки у того, кто избавит ее от такого мужа», и что Каирова, тут бывшая, тотчас же сказала на это: «я возьму его», а Великанова ей на то:

«ну и возьмите». Вы даже заметили, передав этот *факт*, что вот с этой-то минуты Каирова и стала считать этого господина *своим*, стала видеть в нем свое создание и «свое милое дитя». Всё это очень наивно. И, во-первых, что тут «дикого и ужасного»? Сцена и слова скверные бесспорно; но ведь если вы допускаете возможность извинить даже бритву в руках Каировой и признать, что Каирова не могла оставаться спокойной, в чем я вам в высшей степени верю, то как же не извинить нетерпеливое, хотя и нелепое, восклицание несчастной жены! Ведь сами же вы признаете, что Великанов человек невозможный и даже до того, что самый факт любви к нему Каировой уже может достаточно засвидетельствовать о ее безумии. Как же вы удивляетесь после того словам Великановой: «ручки-ножки». С невозможным человеком и отношения принимают иногда характер невозможный, и фразы вылетают подчас невозможные. Но ведь это только *подчас* и всего только фраза. И, признаюсь, если б г-жа Каирова так серьезно поняла, что жена в самом деле отдает ей мужа и что с этих пор она уж и право имеет считать его своим, то была бы большая шутница. Вероятно, всё это произошло как-нибудь иначе. И не надо смотреть на иную фразу иного бедного, удрученного человека так свысока. В этих семействах (да и не в этих только одних, а знаете ли еще в каких семействах?) говорят и не такие фразы. Бывает нужда, жизненная тягота, и отношения семейные под гнетом ее иногда невольно грубеют, так что и допускаются иные словечки, которых бы не сказал, например, лорд Байрон своей леди Байрон, даже в самую минуту их окончательного разрыва, или хоть Арбенин Нине в «Маскараде» Лермонтова. Конечно, этого неряшества извинять нельзя, хотя это всего лишь неряшество, дурной нетерпеливый тон, а *сердце* остается, может быть, еще лучше нашего, так что если смотреть попроще, то, право, будет гуманнее. А если хотите, то выходка г-жи Каировой — «я возьму его», по-моему, гораздо мерзче: тут страшное оскорбление жене, тут истязание, насмешка в глаза торжествующей любовницы, отбившей мужа у жены. У вас, г-н защитник, есть чрезвычайно ядовитые слова про эту жену. Сожалея, например, что она не явилась в суд, а прислала медицинское сидетельство о болезни, вы заметили присяжным, что если б она явилась, то свидетельство это потеряло бы всякое значение, потому что присяжные увидели бы здоровую, сильную, красивую женщину. Но какое вам дело, в данном случае, до ее красоты, силы и здоровья? Вы говорите далее: «Г-да присяжные! Что это за женщина, которая приезжает к мужу, который живет с другою, приходит в дом любовницы своего мужа, зная, что Каирова там живет; решается остаться ночевать и ложится в ее спальне, на постеле... Это превышает мое понятие». Пусть превышает, но все-таки вы слишком аристократичны и — несправедливы. И знаете ли, г-н защитник, что клиентка ваша, может быть, даже много выиграла тем, что г-жа Великанова не явилась в суд. Про Великанову

в суде насказано было много дурного, про ее характер например. Я не знаю ее характера, но мне почему-то даже нравится, что она не явилась. Она не явилась, может быть, по гордости оскорбленной женщины, может быть, жалея даже мужа. Ведь никто ничего не может сказать, почему она не явилась... Но во всяком случае видно, что она не из тех особ, которые любят рассказывать о своих страстях публично и описывать всенародно свои женские чувства. И кто знает, может быть, если б она явилась, то ей ничего бы не стоило разъяснить: почему она остановилась в квартире любовницы своего мужа, чему вы так удивляетесь и что ставите ей в такой особенный стыд. Мне кажется, она остановилась не у Каировой, а у своего раскаявшегося мужа, который призвал ее. И ниоткуда не следует, что г-жа Великанова рассчитывала, что г-жа Каирова будет продолжать платить за эту квартиру. Ей даже, может быть, и трудно было распознать сейчас по приезде: кто тут платит и кто хозяин. Муж звал ее к себе, значит, муж и квартиру оставил за собой; и весьма вероятно, что он так и сказал ей; ведь он же их тогда обеих обманывал. Точь-в-точь и ваша тонкость про спальню и про постель. Тут какой-нибудь волосок, какая-нибудь самая ничтожная подробность могла бы, может быть, разъяснить всё разом. Вообще, мне кажется, к этой бедной женщине были все несправедливы, и мне сдается, что застань Великанова Каирову в спальне с своим мужем и прирежь ее бритвой, то кроме грязи и каторги она ничего бы не добилась в своем ужасном качестве законной жены. Ну, возможно ли, например, сказать, как вы сказали, г-н защитник, что в этом «деле» Великанова не потерпела, потому что через несколько дней после происшествия явилась уже на подмостках театра и играла потом всю зиму, тогда как Каирова просидела десять месяцев в заключении. О бедной клиентке вашей мы все жалеем не меньше вас, но согласитесь, что и г-жа Великанова потерпела немало. Не говоря уже о том, сколько она потерпела как жена и как уважающая себя женщина (последнего я решительно не вправе отнять от нее), — вспомните, г-н защитник, вы, такой тонкий юрист и так гуманно заявивший себя в своей речи человек, — вспомните, сколько она должна была вынести в ту ужасную ночь? Она вынесла несколько минут (слишком много минут) *смертного страху*. Знаете ли, что такое *смертный страх*? Кто не был близко у смерти, тому трудно понять это. Она проснулась ночью, разбуженная бритвой своей убийцы, полоснувшей ее по горлу, увидала яростное лицо над собою; она отбивалась, а та продолжала ее полосовать; она, уж конечно, была убеждена в эти первые, дикие, невозможные минуты, что уже зарезана и смерть неминуема, — да ведь это невыносимо, это горячешный кошмар, только наяву и, стало быть, во сто раз мучительнее; это почти всё равно, что смертный приговор привязанному у столба к расстрелянию и когда на привязанного уже надвинут мешок... Помилуйте, г-н защитник, и этакое истязание вы считаете пу-

стяками! и неужели никто из присяжных даже не улыбнулся, это слушая. Ну, и что же такое, что Великанова через две недели уже играла на сцене: уменьшает ли это тот ужас, который она две недели перед тем вынесла, и вину вашей клиентки? Вон мачеха недавно выбросила из четвертого этажа свою шестилетнюю падчерицу, а ребенок стал на ножки совсем невредимый: ну, неужели это сколько-нибудь изменяет жестокость преступления, и неужели эта девочка так-таки ровно ничего не претерпела? Кстати, я уж воображаю себе невольно, как эту мачеху будут защищать адвокаты: и безвыходность-то положения, и молодая жена у вдовца, выданная за него насильно или вышедшая ошибкой. Тут пойдут картины бедного быта бедных людей, вечная работа. Она, простодушная, невинная, выходя, думала как неопытная девочка (при нашем-то воспитании особенно!), что замужем одни только радости, а вместо радостей — стирка запачканного белья, стряпня, обмывание ребенка, — «г-да присяжные, она естественно должна была возненавидеть этого ребенка — (кто знает, ведь может найдется и такой «защитник», что начнет чернить ребенка и приищет в шестилетней девочке какие-нибудь скверные, ненавистные качества!), — в отчаянную минуту, в аффекте безумия, почти не помня себя, она схватывает эту девочку и... Г-да присяжные, кто бы из вас не сделал того же самого? Кто бы из вас не вышвырнул из окна ребенка?»

Мои слова, конечно, карикатура, но если взяться *сочинить* эту речь, то, действительно, можно сказать что-нибудь довольно похожее и именно в этом самом роде, то есть именно в роде этой карикатуры. Вот это-то и возмутительно, что именно в роде этой карикатуры, тогда как действительно поступок этого изверга-мачехи слишком уж странен и, может быть, в самом деле должен потребовать тонкого и глубокого разбора, который мог бы даже послужить к облегчению преступницы. И потому подосадуешь иногда на простодушие и шаблонство приемов, входящих, по разным причинам, в употребление у наших талантливейших адвокатов. С другой стороны, думаешь так: ведь трибуны наших новых судов — это решительно нравственная школа для нашего общества и народа. Ведь народ учится в этой школе правде и нравственности; как же нам относиться хладнокровно к тому, что раздастся подчас с этих трибун? Впрочем, с них раздаются иногда самые невинные и веселые шутки. Г-н защитник в конце своей речи применил к своей клиентке цитату из Евангелия: «она много любила, ей многое простится». Это, конечно, очень мило. Тем более, что г-н защитник отлично хорошо знает, что Христос вовсе не *за этакую любовь* простил «грешницу». Считаю кощунством приводить теперь это великое и трогательное место Евангелия; вместо этого не могу удержаться, чтобы не привести одного моего давнишнего замечания, очень мелкого, но довольно характерного. Замечание это, разумеется, нисколько не касается г-на Утина. Я заметил еще с детства моего, с юнкерства, что у очень

многих подростков, у гимназистов (иных), у юнкеров (побольше), у прежних кадетов (всего больше) действительно вкореняется почему-то с самой школы понятие, что Христос именно за эту любовь и простил грешницу, то есть именно за клубничку или, лучше сказать, за усиленность клубнички, пожалел, так сказать, привлекательную эту немощь. Это убеждение встречается и теперь у чрезвычайно многих. Я помню, что раз-другой я даже задавал себе серьезно вопрос: отчего эти мальчики так наклонны толковать в эту сторону это место Евангелия? Небрежно ли их так учат закону божию? Но ведь остальные места Евангелия они понимают довольно правильно. Я заключил, наконец, что тут, вероятно, действуют причины более, так сказать, физиологические: при несомненном добродушии русского мальчика тут, вероятно, как-нибудь тоже действует в нем и тот особый избыток юнкерских сил, который вызывается в нем при взгляде на всякую женщину. А впрочем, чувствую, что это вздор, и не следовало бы приводить вовсе. Повторяю, г-н Утин, уж конечно, отлично знает, как надо толковать этот текст, и для меня сомнения нет, что он просто пошутил в заключение речи, но для чего — не знаю.

ГЛАВА ВТОРАЯ

I. НЕЧТО ОБ ОДНОМ ЗДАНИИ. СООТВЕТСТВЕННЫЕ МЫСЛИ

Ложь и фальшь, вот что со всех сторон, и вот что иногда несносно!

И как раз, когда шел в суде процесс г-жи Каировой, я попал в Воспитательный дом, в котором никогда не был и куда давно порывался посмотреть. Благодаря знакомому врачу осмотрели всё. Впрочем, о подробных впечатлениях моих потом; я даже ничего не записал и не отметил, ни годов, ни цифр; с первого шага стало ясно, что с одного раза нельзя осмотреть и что сюда слишком стоит еще и еще воротиться. Так мы и положили сделать с многоуважаемым моим руководителем, врачом. Я даже намерен съездить в деревни, к чухонкам, которым розданы на воспитание младенцы. Следовательно, описание мое всё в будущем, а теперь мелькают лишь воспоминания: памятник Бецкому, ряд великолепных зал, в которых размещены младенцы, удивительная чистота (которая ничему не мешает), кухни, питомник, где «изготовляются» телята для оспопрививания, столовые, группы маленьких деток за столом, группы пяти- и шестилетних девочек, играющих в лошадки, группа девочек-подростков, по шестнадцати и семнадцати, может быть, лет, бывших воспитанниц Дома, приготовляющихся в нянюшки и старающихся восполнить свое образование: они уже кое-что знают, читали Тургенева, имеют ясный взгляд и очень мило говорят с вами. Но г-жи надзирательницы мне больше понравились: они имеют такой ласковый вид (ведь не притворились же они для нашего

посещения), такие спокойные, добрые и разумные лица. Иные, видимо, имеют образование. Очень заинтересовало меня тоже известие, что смертность младенцев, собственно растущих в этом доме (в этом здании то есть), несравненно меньшая, чем смертность младенцев на воле, в семействах, чего, однако, нельзя сказать про младенцев, розданных по деревням. Видел, наконец, и комнату внизу, куда вносят младенцев их матери, чтоб оставить их здесь навеки... Но всё это потом. Я помню только, что с особенным и с каким-то странным, должно быть, взглядом приглядывался к этим грудным детям. Как ни абсурдно было это, а они мне показались ужасно дерзкими, так, что я, помню, внутри, про себя, улыбнулся даже на мою мысль. В самом деле, вот он где-нибудь там родился, вот его принесли, — посмотрите, как он кричит, орет, заявляет, что у него грудченка здорова и что он жить хочет, копошится своими красными ручками и ножками и кричит-кричит, как будто имеет право так вас беспокоить; ищет груди, как будто имеет право на грудь, на уход; требует ухода, как будто имеет точь-в-точь такое же право, как и те дети — там, в семействах: так вот все и бросятся и побегут к нему — дерзость, дерзость! И, право, вовсе без юмору говорю это, право, оглядишься кругом и нет-нет, а невольно мелькает мысль: а что, а ну как в самом деле он кого-нибудь разобидит? А ну как впрямь кто-нибудь вдруг его возьмет и осадит: «вот тебе, пузырь, что ты княжеский сын, что ли?» Да разве и не осаживают? Это не мечта. Швыряют даже из окон, а однажды, лет десять назад, одна, тоже, кажется, мачеха (забыл уж я, а лучше бы, если бы мачеха), наскучив таскать ребенка, доставшегося от прежней жены и всё кричавшего от какой-то боли, подошла к кипящему, клокочущему самовару, подставила прямо под кран ручку досадного ребеночка и... отвернула на нее кран. Это было тогда во всех газетах. Вот осадила-то, милая! Не знаю только, как ее осудили, — да и судили ли, полно? Не правда ли, что «достойна всякого снисхождения»: иногда ужасно ведь эти ребятишки кричат, расстроят нервы, ну, а там бедность, стирка, не правда ли? Впрочем, иные родные матери, так те хоть и «осадят» крикуна, но гораздо гуманнее: заберется интересная, симпатичная девица в укромный уголок — и вдруг с ней там обморок, и она ничего далее не помнит, и вдруг, откуда ни возьмись, ребеночек, дерзкий, крикса, ну и попадет нечаянно в самую влагу, ну и захлебнется. Захлебнуться всё же легче крана, не правда ли? Этакую и судить нельзя: бедная, обманутая, симпатичная девочка, ей бы только конфетки кушать, а тут вдруг обморок, и как вспомнишь еще, вдобавок, Маргариту «Фауста» (из присяжных встречаются иногда чрезвычайно литературные люди), то как судить, — невозможно судить, а даже надо подписку сделать. Так что даже порадуешься за всех этих деток, что попали сюда в это здание. И, признаюсь, у меня тогда всё рождались ужасно праздные мысли и смешные вопросы. Я, например, спрашивал себя мыс-

ленно и ужасно хотел проникнуть: когда именно эти дети начинают узнавать, что они всех хуже, то есть что они не такие дети, как «те другие», а гораздо хуже и живут совсем не по праву, а лишь, так сказать, из гуманности? Проникнуть в это нельзя, без большого опыта, без большого наблюдения над детками, но a priori я все-таки решил и убежден, что узнают они об этой «гуманности» чрезвычайно рано, то есть так рано, что, может быть, и нельзя поверить. В самом деле, если б ребенок развивался только посредством научных пособий и научных игр и узнавал мироведение через «утку», то, я думаю, никогда бы не дошел до той ужасающей, невероятной глубины понимания, с которою он вдруг осиливает, совсем неизвестно каким способом, иные идеи, казалось бы совершенно ему недоступные. Пяти-шестилетний ребенок знает иногда о боге или о добре и зле такие удивительные вещи и такой неожиданной глубины, что поневоле заключишь, что этому младенцу даны природою какие-нибудь другие средства приобретения знаний, не только нам неизвестные, но которые мы даже, на основании педагогики, должны бы были почти отвергнуть. О, без сомнения, он не знает фактов о боге, и если тонкий юрист начнет пробовать шестилетнего насчет зла и добра, то только расхохочется. Но вы только будьте немножко потерпеливее и повнимательнее (ибо это стоит того), извините ему, например, факты, допустите иные абсурды и добейтесь лишь *сущности понимания* — и вы вдруг увидите, что он знает о боге, может быть, уже столько же, сколько и вы, а о добре и зле и о том, что стыдно и что похвально, — может быть, даже и гораздо более вас, тончайшего адвоката, но увлекающегося иногда, так сказать, торопливостью. К числу таких ужасно трудных идей, столь неожиданно и неизвестно каким образом усваиваемых ребенком, я и отношу у этих здешних детей, как сказал выше, и это первое, но твердое и на всю жизнь незыблемое понятие о том, что они «всех хуже». И я уверен, что не от нянек и мамок узнает ребенок об этом; мало того, он живет так, что, не видя «тех других» детей, и сравнения сделать не может, а между тем вдруг вы присматриваетесь и видите, что он ужасно уже много знает, что он слишком много уже раскусил с самой ненужной поспешностью. Я, конечно, зафилософствовался, но я тогда никак не мог сладить с течением мыслей. Мне, например, вдруг пришел в голову еще такой афоризм: если судьба лишила этих детей семьи и счастья возрастать у родителей (потому что не все же ведь родители вышвыривают детей из окон или обваривают их кипятком), — то не вознаградить ли их как-нибудь другим путем; возрастив, например, в этом великолепном здании, — дать имя, потом образование и даже самое высшее образование всем, провесть через университеты, а потом — а потом приискать им места, поставить на дорогу, одним словом, не оставлять их как можно дальше, и это, так сказать, всем государством, приняв их, так сказать, за общих, за государственных детей. Право, если уже

прощать, то прощать вполне. И тогда же мне подумалось про себя: а ведь иные, пожалуй, скажут, что это значит поощрять разврат, и вознегодуют. Но какая смешная мысль: вообразить только, что все эти симпатичные девицы нарочно и усиленно начнут рождать детей только что услышат, что тех отдадут в университеты.

«Нет, — думал я, — простить их и простить совсем; уж коли прощать, так совсем!» Правда, многим, очень многим людям завидно станет, самым честным и работящим людям будет завидно: «Как, я, например, — подумает иной, — всю жизнь работал как вол, ни одного бесчестного дела не сделал, любил детей и всю жизнь бился, как бы их образовать, как бы их сделать гражданами, и не мог, не мог; гимназии даже не мог дать вполне. Вот теперь кашляю, одышка, на будущей неделе помру, — прощай, мои детушки, милые, все восемь штук! Все-то тотчас перестанут учиться, все тотчас разбредутся по улицам да на папиросные фабрики, и это бы еще дай бог... А те вышвырки университет доканчивать будут, места получат, да еще я же свою копейку ежегодно на их содержание косвенно или прямо платил!»

Этот монолог непременно скажется и — какие, в самом деле, противоречия? В самом деле, отчего это всё так устроилось, что ничего согласить нельзя? Подумайте, ну что, казалось бы, могло быть законнее и справедливее этого монолога? А между тем ведь он в высшей степени незаконен и несправедлив. Стало быть, и законен и, стало быть, и незаконен, что за путаница!

Не могу, однако, не досказать и иного чего, что мне тогда померещилось. Например: «если простить им, так простят ли они?» Вот ведь тоже вопрос. Есть иные высшего типа существа, те простят; другие, может быть, станут мстить за себя, — кому, чему, — никогда они этого не разрешат и не поймут, а мстить будут. Но насчет «мщения обществу» этих «вышвырков», если б таковое происходило, скажу так: я убежден, что это мщение всегда скорее может быть отрицательное, чем прямое и положительное. Прямо и сознательно мстить никто и не станет, да и сам даже не догадается, что мстить хочет, напротив, дайте только им воспитание, ужасно многие из вышедших из этого «здания» выйдут именно с жаждой почтенности, родоначальности, с жаждой семейства; идеал их будет завести свое гнездо, начать имя, приобрести значение, взвести деток, возлюбить их, а при воспитании их отнюдь, отнюдь не прибегать к «зданию», или к помощи на казенный счет. И вообще, первым правилом будет даже забыть дорогу к этому зданию, имя его. Напротив, этот новый родоначальник будет счастлив, если проведет своих деток через университет, на свой собственный счет. Что же, — эта жажда буржуазного, *данного* порядка, которая будет преследовать его всю жизнь, — что это будет: лакейством или самою высшею независимостью? По-моему, скорее последним, но душа все-таки останется на всю жизнь не совсем независимою, не совсем *гос-*

подскою, и потому многое будет не совсем приглядно, хотя и в высшей степени честно. Полную независимость духа дает совсем другое... но об этом потом, это тоже длинная история.

II. ОДНА НЕСООТВЕТСТВЕННАЯ ИДЕЯ

Я сказал, однако, сейчас: «независимость»? Но любят ли у нас независимость — вот вопрос. И что такое у нас независимость? Есть ли два человека, которые бы понимали ее одинаково; да и не знаю, есть ли у нас хоть одна такая идея, в которую хоть кто-нибудь серьезно верит? Рутина наша, и богатая и бедная, любит ни об чем не думать и просто, не задумываясь, развратничать, пока силы есть и не скучно. Люди получше рутины «обособляются» в кучки и делают вид, что чему-то верят, но, кажется, насильно и сами себя тешат. Есть и особые люди, взявшие за формулу: «Чем хуже, тем лучше» и разрабатывающие эту формулу. Есть, наконец, и парадоксалисты, иногда очень честные, но, большею частью, довольно бездарные; те, особенно если честны, кончают беспрерывными самоубийствами. И право, самоубийства у нас до того в последнее время усилились, что никто уж и не говорит об них. Русская земля как будто потеряла силу держать на себе людей. И сколько в ней несомненно честных людей и особенно честных женщин! Женщины у нас подымаются и, может быть, многое спасут, об этом я еще буду говорить. Женщины — наша большая надежда, может быть, послужат всей России в самую роковую минуту; но вот в чем беда: честных-то у нас много, очень много, то есть, видите ли: скорее добрых, чем честных, но никто из них не знает, в чем честь, решительно не верит ни в какую формулу чести, даже отрицает самые ясные прежние ее формулы, и это почти везде и у всех, что за чудо? А так называемая «живая сила», живое чувство бытия, без которого ни одно общество жить не может и земля не стоит, — решительно бог знает куда уходит. И почему это я раздумался об самоубийствах в этом здании, смотря на этот питомник, на этих младенцев? Вот уж несоответственная-то идея.

Несоответственных идей у нас много, и они-то и придавливают. Идея вдруг падает у нас на человека, как огромный камень, и придавливает его наполовину, — и вот он под ним корчится, а освободиться не умеет. Иной соглашается жить и придавленный, а другой не согласен и убивает себя. Чрезвычайно характерно одно письмо одной самоубийцы, девицы, приведенное в «Новом времени», длинное письмо. Ей было двадцать пять лет. Фамилия — Писарева. Была она дочь достаточных когда-то помещиков, но приехала в Петербург и отдала долг прогрессу, поступила в акушерки. Ей удалось, она выдержала экзамен и нашла место земской акушерки; сама свидетельствует, что не нуждалась

вовсе и могла слишком довольно заработать, но она *устала*, она очень «устала», так устала, что ей захотелось отдохнуть. «Где же лучше отдохнешь, как не в могиле?» Но устала она действительно ужасно! всё письмо этой бедной дышит усталостью. Письмо даже сварливо, нетерпеливо: — отстаньте только, я устала, устала. «Не забудьте велеть стащить с меня новую рубашку и чулки, у меня на столике есть старая рубашка и чулки. Эти пусть наденут на меня». Она не пишет *снять*, а *стащить*, — и всё так, то есть во всем страшное нетерпение. Все эти резкие слова от нетерпения, а нетерпение от усталости; она даже бранится: «Неужели вы верили, что я домой поеду? Ну, на кой черт я туда поеду?» Или: «Теперь, Липарева, простите вы меня и пусть простит Петрова (у которой на квартире она отравилась), в особенности Петрова. Я делаю свинство, пакость...» Родных своих она, видимо, любит, но пишет: «Не давайте знать Лизаньке, а то она скажет сестре, и та приедет выть сюда. Я не хочу, чтобы надо мной выли, а родственники все без исключения воют над своими родными». *Воют*, а не *плачут*, — всё это видимо от брюзгливой и нетерпеливой усталости: поскорей, поскорей бы только — и дайте покой!.. Брезгливого и цинического неверия в ней страшно, мучительно много; она и в Липареву, и в Петрову, которых так любит, не верит. Вот слова, которыми начинается письмо: «Не теряйте головы, не ахайте, сделайте над собой усилие и прочтите до конца; а потом рассудите, как лучше сделать. Петрову не пугайте. Может быть, ничего не выйдет, кроме смеха. Мой вид на жительство в чемоданной крышке».

Кроме смеха! Эта мысль, что над нею, над бедным телом ее будут смеяться, и кто же — Липарева и Петрова — эта мысль скользнула в ней в такую минуту! Это ужасно!

До странности занимают ее денежные распоряжения той крошечной суммой, которая после нее осталась: «те-то деньги чтоб не взяли родные, те-то Петровой, двадцать пять рублей, которые дали мне Чечоткины на дорогу, отвезите им». Эта важность, приданная деньгам, есть, может быть, последний отзыв главного предрассудка всей жизни «о камнях, обращенных в хлебы». Одним словом, проглядывает руководящее убеждение всей жизни, то есть «были бы все обеспечены, были бы все и счастливы, не было бы бедных, не было бы преступлений. Преступлений нет совсем. Преступление есть болезненное состояние, происходящее от бедности и от несчастной среды» и т. д. и т. д. В этом-то и состоит весь этот маленький, обиходный и ужасно характерный и законченный катехизис тех убеждений, которым они предаются в жизни с такою верою (и несмотря на то так скоро все наскучивают и своей верою и жизнью), которыми они заменяют всё, живую жизнь, связь с землей, веру в правду; всё, всё. Она устала, очевидно, от скуки жить и утратив всякую веру в правду, утратив всякую веру в какой-нибудь долг; одним словом, полная потеря высшего идеала существования.

И умерла бедная девушка. Я не вою над тобой, бедная, но дай хоть пожалеть о тебе, позволь это; дай пожелать твоей душе воскресения в такую жизнь, где бы ты уже не соскучилась. Милые, добрые, честные (всё это есть у вас!), куда же это вы уходите, отчего вам так мила стала эта темная, глухая могила? Смотрите, на небе яркое весеннее солнце, распустились деревья, а вы устали не живши. Ну как не *выть* над вами матерям вашим, которые вас растили и так любовались на вас, когда еще вы были младенцами? А в младенце столько надежд! Вот я смотрю, вот эти здешние «вышвырки», — ведь как они хотят жить, как они заявляют о своем праве жить! Так и ты была младенцем, и хотела жить, и твоя мать это помнит, и как сравнит теперь твое мертвое лицо с тем смехом и радостью, которые видела и помнит на твоем младенческом личике, то как же ей не «взвыть», как же упрекать их за то, что они воют? Вот мне показали сейчас девочку Дуню: она родилась с искривленной ножкой, то есть совсем без ноги; вместо ноги у нее что-то вроде какой-то тесемки. Ей всего только полтора года, она здоровенькая и замечательно хороша собой; ее все ласкают, и она всякому-то кивнет головкой, всякому-то улыбнется, всякому-то пощелкает языком. Она еще ничего не знает про свою ножку, не знает, что она урод и калека, но неужели и этой тоже суждено возненавидеть жизнь? «Мы ей вставим ножку, дадим костыль и выучим ходить, и не заметит», — говорил доктор, лаская ее. Ну и дай бог, чтоб *не заметила*. Нет, устать, возненавидеть жизнь, возненавидеть, значит, и всех, о, нет, нет, пройдет это жалкое, уродливое, недоношенное племя, племя корчащихся под свалившимися на них камнями, засветит как солнце новая великая мысль, и укрепится шатающийся ум, и скажут все: «Жизнь хороша, а мы были гадки». Не виню ведь я, говоря, что гадки. Вон я вижу эта баба, эта грубая кормилица, это «нанятое молоко» вдруг поцеловала ребенка, — этого-то ребенка, «вышвырка-то»! Я и не думал, что здесь кормилицы целуют этих ребят; да ведь за этим только, чтоб это увидеть, стоило бы сюда съездить! А она поцеловала и не заметила и не видела, что я смотрел. За деньги, что ли, они их любят? их нанимают, чтоб ребят кормить, и не требуют, чтоб целовали. У чухонок по деревням детям, рассказывают, хуже, но некоторые из них до того привыкают к своим выкормкам, что, передавали мне, сдают их опять в Дом, плача, приходят потом нарочно их повидать издалека, из деревень приносят гостинца, «воют над ними». Нет, тут не деньги: «родные ведь все воют», — как решила Писарева в своей предсмертной записке, вот и эти приходят выть, и целуют, и гостинца своего деревенского бедного тащут. Это не одни только наемные груди, заменившие груди матерей, это *материнство*, это та «живая жизнь», от которой так устала Писарева. Да правда ли, что русская земля перестает на себе держать русских людей? Отчего же жизнь рядом, тут же, бьет таким горячим ключом?

И, уж конечно, тут много тоже младенцев от тех интересных матерей, которые сидят там у себя на ступеньках дач и точат бритвы на своих соперниц. Скажу в заключение: эти бритвы в своем роде могут быть очень симпатичны, но я очень жалел, что попал сюда, в это здание, в то время, когда следил за процессом г-жи Каировой. Я вовсе не знаю жизнеописания г-жи Каировой и решительно не могу и права не имею применить к ней что-нибудь насчет этого здания, но весь этот роман ее и всё это красноречивое изложение ее страстей на суде как-то решительно потеряли для меня всякую силу и убили во мне всякую к себе симпатию, как только я вышел из этого здания. Я прямо сознаюсь в этом, потому что, может быть, оттого-то и написал так бесчувственно о «деле» г-жи Каировой.

III. НЕСОМНЕННЫЙ ДЕМОКРАТИЗМ. ЖЕНЩИНЫ

Чувствую, что надо бы ответить и еще на одно письмо одного корреспондента. В прошлом апрельском № «Дневника», говоря о политических вопросах, я, между прочим, включил одну, положим, фантазию:

«...Россия окажется сильнее всех в Европе. Произойдет это от того, что в Европе уничтожатся все великие державы по весьма простой причине: они все будут обессилены и подточены неудовлетворенными демократическими стремлениями огромной части своих низших подданных, своих пролетариев и нищих. В России же этого не может случиться совсем: наш демос доволен, и чем далее, тем более будет удовлетворен, ибо всё к тому идет, общим настроением или, лучше, согласием. А потому и останется один только колосс на континенте Европы — Россия».

Мой корреспондент в ответ на это мнение приводит один любопытнейший и назидательный факт и выставляет его как причину сомнения в том, что «наш демос доволен и удовлетворен». Почтенный корреспондент слишком хорошо поймет (если ему попадутся эти строки), почему я не могу теперь поднять этот сообщенный им факт и ответить на него, хотя и не теряю надежды в возможность поговорить именно об этом факте в самом непродолжительном будущем. Но теперь я хочу лишь сказать одно слово в объяснение о демосе, тем более, что получил уже сведение и о некоторых других мнениях, тоже не согласных с моим убеждением о довольстве нашего «демоса». Я хочу лишь обратить внимание моих оппонентов на одну строчку выписанного выше места из апрельского номера: «...ибо всё к тому идет, общим настроением или, лучше, согласием». В самом деле, если б этого общего *настроения* или, лучше, *согласия* не было даже в самых моих оппонентах, то они пропустили бы мои слова без возражения. И потому настроение это несомненно существует, несомненно демократическое и несомненно бескорыстное; мало того, оно всеобщее. Правда, много в теперешних демократиче-

ских заявлениях и фальши, много и журнального плутовства; много увлечения, например, в преувеличении нападок на противников демократизма, которых, к слову сказать, у нас теперь очень мало. Тем не менее честность, бескорыстие, прямота и откровенность демократизма в большинстве русского общества не подвержены уже никакому сомнению. В этом отношении мы, может быть, представили или начинаем представлять собою явление, еще не объявлявшееся в Европе, где демократизм до сих пор и повсеместно заявил себя еще только снизу, еще только воюет, а побежденный (будто бы) верх до сих пор дает страшный отпор. Наш верх побежден не был, наш верх сам стал демократичен или, вернее, народен, и — кто же может отрицать это? А если так, то согласитесь сами, что наш демос ожидает счастливая будущность. И если в настоящем еще многое неприглядно, то, по крайней мере, позволительно питать большую надежду, что временные невзгоды демоса непременно улучшатся под неустанным и беспрерывным влиянием впредь таких огромных *начал* (ибо иначе и назвать нельзя), *как всеобщее демократическое настроение и всеобщее согласие* на то всех русских людей, начиная с самого верху. Вот в этом-то смысле я и выразился, что наш демос доволен и «чем далее, тем более будет удовлетворен». Что же, в это трудно не верить.

А в заключение мне хочется прибавить еще одно слово о русской женщине. Я сказал уже, что в ней заключена одна наша огромная надежда, один из залогов нашего обновления. Возрождение русской женщины в последние двадцать лет оказалось несомненным. Подъем в запросах ее был высокий, откровенный и безбоязненный. Он с первого раза внушил уважение, по крайней мере заставил задуматься, невзирая на несколько паразитных неправильностей, обнаружившихся в этом движении. Теперь, однако, уже можно свести счеты и сделать безбоязненный вывод. Русская женщина целомудренно пренебрегла препятствиями, насмешками. Она твердо объявила свое желание участвовать в общем деле и приступила к нему не только бескорыстно, но и самоотверженно. Русский человек, в эти последние десятилетия, страшно поддался разврату стяжания, цинизма, материализма; женщина же осталась гораздо более его верна чистому поклонению идее, служению идее. В жажде высшего образования она проявила серьезность, терпение и представила пример величайшего мужества. «Дневник писателя» дал мне средство ближе видеть русскую женщину; я получил несколько замечательных писем: меня, неумелого, спрашивают они: «что делать?» Я ценю эти вопросы и недостаток уменья в ответах стараюсь искупить искренностью. Я сожалею, что многого не могу и права не имею здесь сообщить. Вижу, впрочем, и некоторые недостатки современной женщины и главный из них — чрезвычайную зависимость ее от некоторых собственно мужских идей, способность принимать их на слово и верить в них без контроля. Говорю

далеко не обо всех женщинах, но недостаток этот свидетельствует и о прекрасных чертах сердца: ценят они более всего свежее чувство, живое слово, но главное, и выше всего, искренность, а поверив искренности, иногда даже фальшивой, увлекаются и мнениями, и вот это иногда слишком. Высшее образование впереди могло бы этому очень помочь. Допустив искренно и вполне высшее образование женщины, со всеми правами, которые дает оно, Россия еще раз ступила бы огромный и своеобразный шаг перед всей Европой в великом деле обновления человечества. Дай бог тоже русской женщине менее «уставать», менее разочаровываться, как «устала», наприм<ер>, Писарева. Но скорее пусть, как жена Щапова, она утолит тогда свою грусть самопожертвованием и любовью. Но и та и другая одинаково мучительные и незабвенные явления, — одна по своей маловознагражденной высокой женственной энергии, другая — как бедная усталая, уединившаяся, поддавшаяся, побежденная...

ИЮНЬ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

I. СМЕРТЬ ЖОРЖ ЗАНДА

Прошлый, майский № «Дневника» был уже набран и печатался, когда я прочел в газетах о смерти Жорж Занда (умерла 27 мая—8 июня). Так и не успел сказать ни слова об этой смерти. А между тем, лишь прочтя о ней, понял, что значило в моей жизни это имя, — сколько взял этот поэт в свое время моих восторгов, поклонений и сколько дал мне когда-то радостей, счастья! Я смело ставлю каждое из этих слов, потому что всё это было буквально. Это одна из наших (то есть *наших*) современниц вполне — идеалистка тридцатых и сороковых годов. Это одно из тех имен нашего могучего, самонадеянного и в то же время больного столетия, полного самых невыясненных идеалов и самых неразрешимых желаний, — имен, которые, возникнув там у себя, в «стране святых чудес», переманили от нас, из нашей вечно создающейся России, слишком много дум, любви, святой и благородной силы порыва, живой жизни и дорогих убеждений. Но не жаловаться нам надо на это: вознося такие имена и преклоняясь перед ними, русские служили и служат прямому своему назначению. Пусть не удивляются этим словам моим, и особенно в отношении к Жорж Занду, о которой до сих пор могут быть споры и которую, наполовину, если не на все девять десятых, у нас успели уже забыть; но свое дело она все-таки у нас сделала в свое время и — кому же собраться помянуть ее на ее могиле, как не нам, ее современникам со всего мира? У нас — русских — две родины: наша Русь и Европа, даже и в том случае, если мы называемся славянофилами (пусть они на меня за это не сердятся). Против этого спорить не нужно. Величайшее из величайших назначений, уже сознанных Русскими в своем будущем, есть назначение общечеловеческое, есть общеслужение человечеству, — не России только, не общеславянству только,

но всечеловечеству. Подумайте и вы согласитесь, что Славянофилы признавали то же самое, — вот почему и звали нас быть строже, тверже и ответственнее русскими, — именно понимая, что всечеловечность есть главнейшая личная черта и назначение русского. Впрочем, всё это требует еще многого разъяснения: уж одно то, что служение общечеловеческой идее и легкомысленное шатание по Европе, добровольно и брюзгливо покинув отечество, суть две вещи обратно противуположные, а их до сих пор еще смешивают. Напротив, многое, очень многое из того, что мы взяли из Европы и пересадили к себе, мы не скопировали только, как рабы у господ и как непременно требуют того Потугины, а привили к нашему организму, в нашу плоть и кровь; иное же пережили и даже выстрадали *самостоятельно*, точь-в-точь как те, там — на Западе, для которых всё это было свое родное. Европейцы этому ни за что не захотят поверить: они нас не знают, да и пока тем лучше. Тем неприметнее и спокойнее совершится необходимый процесс, который впоследствии удивит весь мир. Вот этот-то процесс всего яснее и осязательнее можно выследить отчасти и на отношении нашем к литературам других народов. Ихние поэты нам, по крайней мере большинству развитых людей наших, точно так же родные, как и им, там у себя — на Западе. Я утверждаю и повторяю, что всякий европейский поэт, мыслитель, филантроп, кроме земли своей, из всего мира, наиболее и нaироднее бывает понят и принят всегда в России. Шекспир, Байрон, Вальтер Скотт, Диккенс — роднее и понятнее русским, чем, например, немцам, хотя, конечно, у нас и десятой доли не расходится экземпляров этих писателей в переводах, чем в многокнижной Германии. Французский конвент 93 года, посылая патент на право гражданства au poête allemand Schiller, l'ami de l'humanité,[1] хоть и сделал тем прекрасный, величавый и пророческий поступок, но и не подозревал, что на другом краю Европы, в варварской России, этот же Шиллер гораздо национальнее и гораздо роднее варварам русским, чем не только в то время — во Франции, но даже и потом, во всё наше столетие, в котором Шиллера, гражданина французского и l'ami de l'humanité, знали во Франции лишь профессора словесности, да и то не все, да и то чуть-чуть. А у нас он, вместе с Жуковским, в душу русскую всосался, клеймо в ней оставил, почти период в истории нашего развития обозначил. Это русское отношение к всемирной литературе есть явление, почти не повторявшееся в других народах в такой степени, во всю всемирную историю, и если это свойство есть действительно наша национальная русская особенность — то какой обидчивый патриотизм, какой шовинизм был бы вправе сказать что-либо против этого явления и не захотеть, напротив, заметить в нем прежде всего самого широко обещающего и самого пророческого факта в гаданиях о нашем будущем.

[1] немецкому поэту Шиллеру, другу человечества (*франц.*).

О, конечно, многие улыбнутся, может быть, прочтя выше о том значении, которое я придаю Жорж Занду; но смеющиеся будут неправы: теперь прошло очень уже довольно времени всем этим минувшим делам, да и сама Жорж Занд умерла старушкой, семидесяти лет, и, может быть, давно уже пережив свою славу. Но всё то, что в явлении этого поэта составляло «новое слово», всё, что было «всечеловеческого», — всё это тотчас же в свое время отозвалось у нас, в нашей России, сильным и глубоким впечатлением, не миновало нас и тем доказало, что всякий поэт — новатор Европы, всякий, прошедший там с новою мыслью и с новою силой, не может не стать тотчас же и русским поэтом, не может миновать русской мысли, не стать почти русскою силой. А впрочем, я вовсе не статью критическую хочу писать о Жорж Занде, а всего только хотел было сказать отшедшей покойнице несколько напутственных слов на ее свежей могиле.

II. НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ЖОРЖ ЗАНДЕ

Появление Жорж Занда в литературе совпадает с годами моей первой юности, и я очень рад теперь, что это так уже давно было, потому что теперь, с лишком тридцать лет спустя, можно говорить почти вполне откровенно. Надо заметить, что тогда только это и было позволено, — то есть романы, остальное всё, чуть не всякая мысль, особенно из Франции, было строжайше запрещено. О, конечно, весьма часто смотреть не умели, да и откуда бы могли научиться: и Меттерних не умел смотреть, не то что наши подражатели. А потому и проскакивали «ужасные вещи» (например, проскочил весь Белинский). Но зато, как бы взамен тому, под конец особенно, чтоб не ошибиться, стали запрещать почти что сплошь, так что кончалось, как известно, транспарантами. Но романы все-таки дозволялись, и с начала, и в средине, и даже в самом конце, и вот тут-то, именно на Жорж Занде, оберегатели дали тогда большого маха. Помните вы стихи:

Томы Тьера и Рабо
Он на память знает, —
И, как ярый Мирабо,
Вольность прославляет.

Стихи эти чрезвычайно талантливые, даже до редкости, и останутся навсегда, потому что они исторические; но тем и драгоценнее, ибо они написаны Денисом Давыдовым, поэтом, литератором и честнейшим русским. Но уж коли Денис Давыдов, и кого же — Тьера (за историю революции, разумеется) счел тогда опасным и поместил в стих вместе с каким-то Рабо (был же, стало быть, и такой, я, впрочем, не знаю), то, уж разумеется, слишком мало могло быть тогда официально дозволено. И что же вышло: то, что вторгнулось к нам тогда, в форме романов, не

только послужило точно так же делу, но, может быть, было, напротив, еще самой «опасной» формой по тогдашнему времени, потому что на Рабо-то, может быть, и не нашлось бы тогда столько охотников, а на Жорж Занда нашлось их тысячами. Здесь надо заметить и то, что у нас, несмотря ни на каких Магницких и Липранди, еще с прошлого столетия, всегда тотчас же становилось известным о всяком интеллектуальном движении в Европе, и тотчас же из высших слоев нашей интеллекции передавалось и массе хотя чуть-чуть интересующихся и мыслящих людей. Точь-в-точь то же произошло и с европейским движением тридцатых годов. Об этом огромном движении европейских литератур, с самого начала тридцатых годов, у нас весьма скоро получилось понятие. Были уже известны имена многих новых явившихся ораторов, историков, трибунов, профессоров. Даже, хоть отчасти, хоть чуть-чуть, известно стало и то, куда клонит всё это движение. И вот особенно страстно это движение проявилось в искусстве — в романе, а главнейше — у Жорж Занда. Правда, о Жорж Занде Сенковский и Булгарин предостерегали публику еще до появления ее романов на русском языке. Особенно пугали русских дам тем, что она ходит в панталонах, хотели испугать развратом, сделать ее смешной. Сенковский, сам же и собиравшийся переводить Жорж Занда в своем журнале «Библиотека для чтения», начал называть ее печатно г-жой Егором Зандом и, кажется, серьезно остался доволен своим остроумием. Впоследствии, в 48-м году, Булгарин печатал об ней в «Северной пчеле», что она ежедневно пьянствует с Пьером Леру у заставы и участвует в афинских вечерах, в министерстве внутренних дел, у разбойника и министра внутренних дел Ледрю-Роллена. Я это сам читал и очень хорошо помню. Но тогда, в 48 году, Жорж Занд была у нас уже известна почти всей читающей публике, и Булгарину никто не поверил. Появилась же она на русском языке впервые примерно в половине тридцатых годов; жаль, что не помню и не знаю — когда и какое первое произведение ее было у нас переведено; но тем удивительнее должно быть было впечатление. Я думаю, так же как и меня, еще юношу, всех поразила тогда эта целомудренная, высочайшая чистота типов и идеалов и скромная прелесть строгого, сдержанного тона рассказа, — и вот этакая-то женщина ходит в панталонах и развратничает! Мне было, я думаю, лет шестнадцать, когда я прочел в первый раз ее повесть *«Ускок»* — одно из прелестнейших первоначальных ее произведений. Я помню, я был потом в лихорадке всю ночь. Я думаю, я не ошибусь, если скажу, что Жорж Занд, по крайней мере по моим вспоминаниям судя, заняла у нас сряду чуть не самое первое место в ряду целой плеяды новых писателей, тогда вдруг прославившихся и прогремевших по всей Европе. Даже Диккенс, явившийся у нас почти одновременно с нею, уступал ей, может быть, в внимании нашей публики. Я не говорю уже о Бальзаке, явившемся прежде нее и давшем,

однако, в тридцатых годах такие произведения, как «Еженп Гранде» и «Старик Горио» (и к которому так был несправедлив Белинский, совершенно проглядевший его значение во французской литературе). Впрочем, я говорю всё это не с точки зрения какой-нибудь критической оценки, а просто-запросто припоминаю о вкусе тогдашней массы русских читателей, о непосредственном произведенном на них впечатлении. Главное то, что читатель сумел извлечь даже из романов всё то, от чего его так тогда оберегали. По крайней мере, в половине сороковых годов у нас, даже массе читателей, было хоть отчасти известно, что Жорж Занд — одна из самых ярких, строгих и правильных представительниц того разряда тогдашних западных новых людей, явившихся и начавших прямым отрицанием тех «положительных» приобретений, которыми закончила свою деятельность кровавая французская (а вернее европейская) революция конца прошлого столетия. По окончании ее (после Наполеона I-го) явились новые попытки выразить новые желания и новые идеалы. Передовые умы слишком поняли, что лишь обновился деспотизм, что лишь произошло: «Ote-toi de là que je m'y mette»,[1] что новые победители мира (буржуа) оказались еще, может быть, хуже прежних деспотов (дворян) и что «свобода, равенство и братство» оказались лишь громкими фразами и не более. Мало того, явились такие учения, по которым, из громких фраз, они уже оказались и невозможными фразами. Победители произносили или, лучше, припоминали эти три сакраментальные слова уже насмешливо; даже наука (экономисты) явилась, в блестящих представителях своих, пришедших тогда тоже как бы с новым словом, — на подмогу насмешке и на осуждение утопического значения этих трех слов, для которых было пролито столько крови. Таким образом, рядом с восторжествовавшими победителями начали появляться унылые и грустные лица, пугавшие торжествующих. И вот в эту-то эпоху вдруг возникло действительно новое слово и раздались новые надежды: явились люди, прямо возгласившие, что дело остановилось напрасно и неправильно, что ничего не достигнуто политической сменой победителей, что дело надобно продолжать, что обновление человечества должно быть радикальное, социальное. О, конечно, явилось рядом с этими возгласами и множество самых пагубных и самых уродливых заключений, но главное было в том, что засветилась опять надежда и опять начала возрождаться вера. История этого движения известна,—оно продолжается до сих пор и, кажется, вовсе не намерено останавливаться. Я вовсе не намерен говорить здесь ни за, ни против него, но я лишь желал обозначить настоящее место Жорж Занда в этом движении. Ее место надо искать в самом начале его. Тогда, встречая ее в Европе, говорили, что она проповедует новое положение женщины и пророчествует о «правах

[1] «Убирайся прочь, а я займу твое место» *(франц.)*.

свободной жены» (выражение про нее Сенковского); но это не совсем было верно, ибо она проповедовала вовсе не об одной только женщине и не изобретала никакой «свободной жены». Жорж Занд принадлежала всему движению, а не одной лишь проповеди о правах женщины. Правда, как женщина сама, она, естественно, более любила выставлять *героинь,* чем *героев,* и, уж конечно, женщины всего мира должны теперь надеть по ней траур, потому что умерла одна из самых высших и прекрасных их представительниц и, кроме того, женщина почти небывалая по силе ума и таланта — имя, ставшее историческим, имя, которому не суждено забыться и исчезнуть среди европейского человечества.

Что же до героинь ее, то, повторяю опять, я был с самого первого раза, еще шестнадцати лет, удивлен странностью противоречия того, что об ней писали и говорили, с тем, что увидал я сам на самом деле. На самом деле многие, некоторые по крайней мере, из героинь ее представляли собою тип такой высокой нравственной чистоты, какой невозможно было и представить себе без огромного нравственного запроса в самой душе поэта, без исповедания самого полного долга, без понимания и признания самой высшей красоты в милосердии, терпении и справедливости. Правда, среди милосердия, терпения и признания обязанностей долга являлась и чрезвычайная гордость запроса и протеста, но гордость-то эта и была драгоценна, потому что исходила из той высшей правды, без которой никогда не могло бы устоять, на всей своей нравственной высоте, человечество. Эта гордость не есть вражда quand même,[1] основанная на том, что я, дескать, тебя лучше, а ты меня хуже, а лишь чувство самой целомудренной невозможности примирения с неправдой и пороком, хотя, опять-таки повторяю, чувство это не исключает ни всепрощения, ни милосердия; мало того, соразмерно этой гордости добровольно налагался на себя и огромнейший долг. Эти героини ее жаждали жертв, подвига. Особенно нравилось мне тогда, в первоначальных произведениях ее, несколько типов девушек, выведенных, например, в так называвшихся тогда венецианских повестях ее (к которым принадлежат и «Ускок», и «Альдини»), типов, закончившихся потом романом «Жанна», произведением уже гениальным, представляющим собою светлое и, может быть, бесспорное разрешение исторического вопроса о Жанне д'Арк. В современной крестьянской девушке она вдруг воскрешает перед нами образ исторической Жанны д'Арк и наглядно оправдывает действительную возможность этого величавого и чудесного исторического явления,— задача вполне жорж-зандовская, ибо никто, может быть, кроме нее, из современных ей поэтов не носил в душе своей столь чистый идеал невинной девушки — чистый и столь могущественный своею невинностью. Все эти типы девушек, о которых я сказал выше, повторяют собою в нескольких произведениях

[1] также (*франц.*).

ряду одну задачу, одну тему (впрочем, не одни девушки: эта же тема повторена потом в великолепной повести ее «La Marquise», тоже из первоначальных). Изображается прямой, честный, но неопытный характер юного женского существа, с тем гордым целомудрием, которое не боится и не может быть загрязнено от соприкосновения даже с пороком, даже если б вдруг существо это очутилось случайно в самом вертепе порока. Потребность великодушной жертвы (будто бы от нее именно ожидаемой) поражает сердце юной девушки, и, нисколько не задумываясь и не щадя себя, она бескорыстно, самоотверженно и бесстрашно вдруг делает самый опасный и роковой шаг. То, что она видит и встречает, не смущает и не страшит ее потом нимало,— напротив, тотчас же возвышает мужество в юном сердце, тут только впервые познающем все свои силы — силы невинности, честности, чистоты,— удвоивает ее энергию и указывает новые пути и новые горизонты еще не знавшему до того себя, но бодрому и свежему уму, не загрязненному еще жизненными уступками. При этом самая безукоризненная и прелестная форма поэмы: Жорж Занд особенно любила тогда кончать свои поэмы *счастливо*, торжеством невинности, искренности и юного, бесстрашного простодушия. Такие ли образы могли возмутить общество, возбудить сомнения и страхи? Напротив, самые строгие отцы и матери стали позволять в своих семействах чтение Жорж Занда и только удивлялись: «что же это так все об ней говорили?» Но тут-то и раздались предостерегающие голоса, что «вот в этой-то гордости женского запроса, в этой-то непримиримости целомудрия с пороком, в этом-то отказе от всяких уступок пороку, в этом-то бесстрашии, с которым невинность воздвигается на борьбу и смотрит ясно в глаза обиде, и заключается яд, будущий яд женского протеста, женской эмансипации». Что же! может быть — про яд говорили справедливо; действительно зарождался яд, но что он шел истребить, что от этого яда должно было погибнуть и что спастись,— вот что тотчас же составило вопрос и долго не разрешалось.

Теперь давно уже эти вопросы разрешены (кажется, так). Надо, кстати, заметить, что к половине сороковых годов слава Жорж Занда и вера в силу ее гения стояли так высоко, что мы, современники ее, все ждали от нее чего-то несравненно большего в будущем, неслыханного еще нового слова, даже чего-нибудь разрешающего и уже окончательного. Надежды эти не осуществились: оказалось, что в то же время, то есть к концу сороковых годов, она уже сказала всё, что ей суждено и предназначено было высказать, а теперь над свежей могилой ее о ней уж вполне можно сказать последнее слово.

Жорж Занд не мыслитель, но это одна из самых ясновидящих предчувственниц (если только позволено выразиться такою кудрявою фразою) более счастливого будущего, ожидающего человечество, в достижение идеалов которого она бодро и великодушно

верила всю жизнь, и именно потому, что сама, в душе своей, способна была воздвигнуть идеал. Сохранение этой веры до конца обыкновенно составляет удел всех высоких душ, всех истинных человеколюбцев. Жорж Занд умерла деисткой, твердо веря в бога и бессмертную жизнь свою, но об ней мало сказать этого: она сверх того была, может быть, и всех более христианкой из всех своих сверстников — французских писателей, хотя формально (как католичка) и не исповедовала Христа. Конечно, как француженка, сообразно с понятием своих соотечественников, Жорж Занд не могла сознательно исповедовать идеи, что «во всей вселенной нет имени, кроме его, которым можно спастися», — главной идеи православия; но, несмотря на кажущееся и формальное противоречие, повторяю это, Жорж Занд была, может быть, одною из самых полных исповедниц Христовых, сама не зная о том. Она основывала свой социализм, свои убеждения, надежды и идеалы на нравственном чувстве человека, на духовной жажде человечества, на стремлении его к совершенству и к чистоте, а не на муравьиной необходимости. Она верила в личность человеческую безусловно (даже до бессмертия ее), возвышала и раздвигала представление о ней всю жизнь свою — в каждом своем произведении и тем самым совпадала и мыслию, и чувством своим с одной из самых основных идей христианства, то есть с признанием человеческой личности и свободы ее (а стало быть, и ее ответственности). Отсюда и признание долга и строгие нравственные запросы на это и совершенное признание ответственности человеческой. И, может быть, не было мыслителя и писателя во Франции в ее время, в такой силе понимавшего, что «не единым хлебом бывает жив человек». Что же до гордости ее запросов и протеста, то, повторяю это опять, эта гордость никогда не исключала милосердия, прощения обиды, даже безграничного терпения, основанного на сострадании к самому обидчику; напротив, Жорж Занд в произведениях своих не раз прельщалась красотою этих истин и не раз воплощала типы самого искреннего прощения и любви. Пишут об ней, что она умерла прекрасной матерью, трудясь до конца своей жизни, другом окрестных крестьян, любимая безгранично друзьями своими. Кажется, она наклонна была отчасти ценить аристократизм своего происхождения (она происходила по матери из королевского Саксонского дома), но, уж конечно, можно твердо сказать, что если она и ценила аристократизм в людях, то основывала его лишь на совершенстве души человеческой: она не могла не любить великого, примиряться с низким, уступить идею — и вот в этом-то смысле была, может быть, и с излишком горда. Правда, не любила она тоже выводить в романах своих приниженных лиц, справедливых, но уступающих, юродливых и забитых, как почти есть во всяком романе у великого христианина Диккенса; напротив, воздвигала своих героинь гордо, ставила прямо цариц. Это она любила и эту особенность надо заметить; она довольно характерна.

ГЛАВА ВТОРАЯ

I. МОЙ ПАРАДОКС

Вновь сшибка с Европой (о, не война еще: до войны нам, то есть России, говорят, всё еще далеко), вновь на сцене бесконечный Восточный вопрос, вновь на русских смотрят в Европе недоверчиво... Но, однако, чего нам гоняться за доверчивостью Европы? Разве смотрела когда Европа на русских доверчиво, разве может она смотреть на нас когда-нибудь доверчиво и не враждебно? О, разумеется, *когда-нибудь* этот взгляд переменится, когда-нибудь и нас разглядит и раскусит Европа получше, и об этом *когда-нибудь* очень и очень стоит поговорить, но пока,— пока мне пришел на ум как бы посторонний и боковой вопрос, и недавно я очень занят был его разрешением. Пусть со мной будет никто не согласен, но мне кажется, что я хоть отчасти, а прав.

Я сказал, что русских не любят в Европе. Что не любят — об этом, я думаю, никто не заспорит, но, между прочим, нас обвиняют в Европе, всех русских, почти поголовно, что мы страшные либералы, мало того — революционеры и всегда, с какою-то даже любовью, наклонны примкнуть скорее к разрушительным, чем к консервативным элементам Европы. За это смотрят на нас многие европейцы насмешливо и свысока — ненавистно: им непонятно, с чего это нам быть в *чужом деле* отрицателями, они положительно отнимают у нас право европейского отрицания — на том основании, что не признают нас принадлежащими к «цивилизации». Они видят в нас скорее варваров, шатающихся по Европе и радующихся, что что-нибудь и где-нибудь можно разрушить, — разрушить лишь для разрушения, для удовольствия лишь поглядеть, как всё это развалится, подобно орде дикарей, подобно гуннам, готовым нахлынуть на древний Рим и разрушить святыню, даже без всякого понятия о том, какую драгоценность они истребляют. Что русские действительно в большинстве своем заявили себя в Европе либералами, — это правда, и даже это странно. Задавал ли себе кто когда вопрос: почему это так? Почему чуть не девять десятых русских, во всё наше столетие, культурясь в Европе, всегда примыкали к тому слою европейцев, который был либерален, к «левой стороне», то есть всегда к той стороне, которая сама отрицала свою же культуру, свою же цивилизацию, более или менее конечно (то, что отрицает в цивилизации Тьер, и то, что отрицала в ней Парижская коммуна 71-го года, — чрезвычайно различно). Так же «более или менее» и так же многоразлично либеральны и русские в Европе, но всё же, однако, повторю это, они наклоннее европейцев примкнуть прямо к крайней левой с самого начала, чем витать сперва в нижних степенях либерализма, — одним словом, Тьеров из русских гораздо менее найдешь, чем коммунаров. И, заметьте, это вовсе

не какие-нибудь подбитые ветром люди, по крайней мере — не всё одни подбитые ветром, а и имеющие даже и очень солидный и цивилизованный вид, иногда даже чуть не министры. Но виду-то этому европейцы и не верят: «Grattez le russe et vous verrez le tartare», — говорят они (поскоблите русского, и окажется татарин). Всё это, может быть, справедливо, но вот что мне пришло на ум: потому ли русский в общении своем с Европой примыкает, в большинстве своем, к крайней левой, что он татарин и любит разрушение, как дикий, или, может быть, двигают его другие причины, — вот вопрос! .. и согласитесь, что он довольно любопытен. Сшибки наши с Европой близятся к концу; роль прорубленного окна в Европу кончилась, и наступает что-то другое, должно наступить по крайней мере, и это теперь всяк сознает, кто хоть сколько-нибудь в состоянии мыслить. Одним словом, мы всё более и более начинаем чувствовать, что должны быть к чему-то готовы, к какой-то новой и уже гораздо более оригинальной встрече с Европой, чем было это доселе, — в Восточном ли вопросе это будет или в чем другом, кто это знает! .. А потому всякие подобные вопросы, изучения, даже догадки, даже парадоксы, и те могут быть любопытны хоть тем одним, что могут навести на мысль. А как же не любопытно такое явление, что те-то именно русские, которые наиболее считают себя европейцами, называются у нас «западниками», которые тщеславятся и гордятся этим прозвищем и до сих пор еще дразнят другую половину русских квасниками и зипунниками, — как же не любопытно, говорю я, что те-то скорее всех и примыкают к отрицателям цивилизации, к разрушителям ее, к «крайней левой», и что это вовсе никого в России не удивляет, даже вопроса никогда не составляло? Как же это не любопытно?

Я прямо скажу: у меня ответ составился, но я доказывать мою идею не буду, а лишь изложу ее слегка, попробую развить лишь факт. Да и нельзя доказывать уже по одному тому, что всего не докажешь.

Вот что мне кажется: не сказалась ли в этом факте (то есть в примыкании к крайней левой, а в сущности, к отрицателям Европы даже самых яростных наших западников), — не сказалась ли в этом протестующая русская душа, которой европейская культура была всегда, с самого Петра, ненавистна и во многом, слишком во многом, сказывалась чуждой русской душе? Я именно так думаю. О, конечно, этот протест происходил почти всё время бессознательно, но дорого то, что чутье русское не умирало: русская душа хоть и бессознательно, а протестовала именно во имя своего русизма́, во имя своего русского и подавленного начала? Конечно, скажут, что тут нечему радоваться, если б и было так: «всё же отрицатель — гунн, варвар и татарин — отрицал не во имя чего-нибудь высшего, а во имя того, что сам был до того низок, что даже и в два века не мог разглядеть европейскую высоту».

Вот что несомненно скажут. Я согласен, что это вопрос, но на него-то я отвечать и не стану, а лишь объявлю голословно, что предположение о татарине отрицаю из всех сил. О, конечно, кто теперь из всех русских, и особенно когда всё прошло (потому что период этот и впрямь прошел), кто из всех даже русских будет спорить против дела Петрова, против прорубленного окошка, восставать на него и мечтать о древнем Московском царстве? Не в том вовсе и дело и не об том завел я мою речь, а об том, что как это всё ни было хорошо и полезно, то есть всё то, что мы в окошко увидели, но все-таки в нем было и столько дурного и вредного, что чутье русское не переставало этим возмущаться, не переставало протестовать (хотя до того заблудилось, что и само, в огромном большинстве, не понимало, что делало) и протестовало не от татарства своего, а и в самом деле, может быть, от того, что хранило в себе нечто высшее и лучшее, чем то, что видело в окошке... (Ну, разумеется, не против всего протестовало: мы получили множество прекрасных вещей и неблагодарными быть не желаем, ну, а уж против половины-то, по крайней мере, могло протестовать.)

Повторяю, всё это происходило чрезвычайно оригинально: именно самые ярые-то западники наши, именно борцы-то за реформу и становились в то же время отрицателями Европы, становились в ряды крайней левой... И что же: вышло так, что тем самым сами и обозначили себя самыми ревностными русскими, борцами за Русь и за русский дух, чему, конечно, если б им в свое время разъяснить это, — или рассмеялись бы, или ужаснулись. Сомнения нет, что они не сознавали в себе никакой высоты протеста, напротив, всё время, все два века отрицали свою высоту и не только высоту, но отрицали даже самое уважение к себе (были ведь и такие любители!) и до того, что тем дивили даже Европу; а выходит, что они-то вот и оказались настоящими русскими. Вот эту догадку мою я и называю моим парадоксом.

Белинский, например, страстно увлекавшийся по натуре своей человек, примкнул, чуть не из первых русских, прямо к европейским социалистам, отрицавшим уже весь порядок европейской цивилизации, а между тем у нас, в русской литературе, воевал с славянофилами до конца, по-видимому, совсем за противуположное. Как удивился бы он, если б те же славянофилы сказали ему тогда, что он-то и есть самый крайний боец за русскую правду, за русскую особь, за русское начало, именно за всё то, что он отрицал в России для Европы, считал басней, мало того: если б доказали ему, что в некотором смысле он-то и есть по-настоящему консерватор, — и именно потому, что в Европе он социалист и революционер? Да и в самом деле оно ведь почти так и было. Тут вышла одна великая ошибка с обеих сторон, и прежде всего та, что все эти тогдашние западники Россию смешали с Европой, приняли за Европу серьезно и — отрицая Европу и порядок ее, думали, что то же самое отрицание можно прило-

жить и к России, тогда как Россия вовсе была не Европа, а только ходила в европейском мундире, но под мундиром было совсем другое существо. Разглядеть, что это не Европа, а другое существо, и приглашали славянофилы, прямо указывая, что западники уравнивают нечто непохожее и несоизмеримое и что заключение, которое пригодно для Европы, неприложимо вовсе к России, отчасти и потому уже, что всё то, чего они желают в Европе, — всё это давно уже есть в России, по крайней мере в зародыше и в возможности, и даже составляет сущность ее, только не в революционном виде, а в том, в каком и должны эти идеи всемирного человеческого обновления явиться: в виде божеской правды, в виде Христовой истины, которая когда-нибудь да осуществится же на земле и которая всецело сохраняется в православии. Они приглашали сперва поучиться России, а потом уже делать выводы; но учиться тогда нельзя было, да, по правде, и средств не было. Да и кто тогда мог что-нибудь знать о России? Славянофилы, конечно, знали во сто раз более западников (и это minimum), но и они действовали почти что ощупью, умозрительно и отвлеченно, опираясь более на чрезвычайное чутье свое. Научиться чему-нибудь стало возможным лишь в последнее двадцатилетие: но кто и теперь-то что-нибудь знает о России? Много-много, что начало положено изучению, а чуть явится вдруг важный вопрос — и все у нас тотчас же в разноголосицу. Ну вот, зачинается вновь теперь Восточный вопрос: ну, сознайтесь, много ли у нас, и кто именно — способны согласиться по этому вопросу на какое-нибудь одно общее решение? И это в таком важном, великом, в таком роковом и национальном нашем вопросе! Да что Восточный вопрос! Куда брать такие большие вопросы! Посмотрите на сотни, на тысячи наших внутренних и обыденных, текущих вопросов — и что за всеобщая шатость, что за неустановившийся взгляд, что за непривычка к делу! Вот Россию безлесят, помещики и мужики сводят лес с каким-то остервенением. Положительно можно сказать, что он идет за десятую долю цены, ибо — долго ли протянется предложение? Дети наши не успеют подрасти, как на рынке будет уже в десять раз меньше леса. Что же выйдет, — может быть гибель. А между тем, подите, попробуйте сказать что-нибудь о сокращении прав на истребление леса и что услышите? С одной стороны, государственная и национальная необходимость, а с другой — нарушение прав собственности, две идеи противуположные. Тотчас же явятся два лагеря, и неизвестно еще, к чему примкнет либеральное, всё решающее мнение. Да два ли, полно, лагеря? И дело станет надолго. Кто-то сострил в нынешнем либеральном духе, что нет худа без добра и что если и сведут весь русский лес, то всё же останется хоть та выгода, что окончательно уничтожится телесное наказание розгами, потому что волостным судам нечем уж будет пороть провинившихся мужиков и баб. Конечно, это утешение, но и этому как-то не верится: хоть не будет совсем

леса, а на порку всегда хватит, из-за границы привозить станут. Вон жиды становятся помещиками, — и вот, повсеместно, кричат и пишут, что они умерщвляют почву России, что жид, затратив капитал на покупку поместья, тотчас же, чтобы воротить капитал и проценты, иссушает все силы и средства купленной земли. Но попробуйте сказать что-нибудь против этого — и тотчас же вам возопят о нарушении принципа экономической вольности и гражданской равноправности. Но какая же тут равноправность, если тут явный и талмудный Status in Statu прежде всего и на первом плане, если тут не только истощение почвы, но и грядущее истощение мужика нашего, который, освободясь от помещиков, несомненно и очень скоро попадет теперь, всей своей общиной, в гораздо худшее рабство и к гораздо худшим помещикам — к тем самым новым помещикам, которые уже высосали соки из западнорусского мужика, к тем самым, которые не только поместья и мужиков теперь закупают, но и мнение либеральное начали уже закупать и продолжают это весьма успешно. Почему это всё у нас? Почему такая нерешимость и несогласие на всякое решение, на какое бы ни было даже решение (и заметьте: ведь это правда)? По-моему, вовсе не от бездарности нашей и не от неспособности нашей к делу, а от продолжающегося нашего незнания России, ее сути и особи, ее смысла и духа, несмотря на то, что, сравнительно, со времен Белинского и славянофилов у нас уже прошло теперь двадцать лет школы. И даже вот что: в эти двадцать лет школы изучение России фактически даже очень продвинулось, а чутье русское, кажется, уменьшилось сравнительно с прежним. Что за причина? Но если славянофилов спасало тогда их русское чутье, то чутье это было и в Белинском, и даже так, что славянофилы могли бы счесть его своим самым лучшим другом. Повторяю, тут было великое недоразумение с обеих сторон. Недаром сказал Аполлон Григорьев, тоже говоривший иногда довольно чуткие вещи, что «если б Белинский прожил долее, то наверно бы примкнул к славянофилам». В этой фразе была мысль.

II. ВЫВОД ИЗ ПАРАДОКСА

Итак, скажут мне, вы утверждаете, что «всякий русский, обращаясь в европейского коммунара, тотчас же и тем самым становится русским консерватором»? Ну нет, это было бы уж слишком рискованно заключить. Я только хотел заметить, что в этой идее, даже и буквально взятой, есть капельку правды. Тут, главное, много бессознательного, а с моей стороны, может быть, слишком сильная вера в непрерывающееся русское чутье и в живучесть русского духа. Но пусть, пусть я и сам знаю, что тут парадокс, но вот что, однако, мне хотелось бы представить на вид в заключение: это тоже один факт и один вывод из факта.

Я сказал выше, что русские отличаются в Европе либерализмом и что, по крайней мере, девять десятых примыкает к левой, и к крайней левой, чуть только они соприкоснутся с Европой... На цифре я не настаиваю, может быть, их и не девять десятых, но настаиваю лишь на том, что либеральных русских даже несравненно больше, чем нелиберальных. Но есть и нелиберальные русские. Да, действительно есть и всегда были такие русские (имена многих из них известны), которые не только не отрицали европейской цивилизации, но, напротив, до того преклонялись перед нею, что уже теряли последнее русское чутье свое, теряли русскую личность свою, теряли язык свой, меняли родину и если не переходили в иностранные подданства, то, по крайней мере, оставались в Европе целыми поколениями. Но факт тот, что все этакие, в противуположность либеральным русским, в противуположность их атеизму и коммунарству, немедленно примыкали к правой, и крайней правой, и становились страшными и уже европейскими консерваторами.

Многие из них меняли свою веру и переходили в католицизм. Это ли уж не консерваторы, это ли уж не крайняя правая? Но позвольте: консерваторы в Европе и, напротив, совершенные отрицатели России. Они становились разрушителями России, врагами России! Итак, вот что значило перемолоться из русского в настоящего европейца, сделаться уже настоящим сыном цивилизации, — замечательный факт, полученный за двести лет опыта. Вывод тот, что русскому, ставшему действительным европейцем, нельзя не сделаться в то же время естественным врагом России. Того ли желали те, кто прорубал окно? Это ли имели в виду? Итак, получилось два типа цивилизованных русских: европеец Белинский, отрицавший в то же время Европу, оказался в высшей степени русским, несмотря на все провозглашенные им о России заблуждения, а коренной и древнейший русский князь Гагарин, став европейцем, нашел необходимым не только перейти в католичество, но уже прямо перескочить в иезуиты. Кто же. скажите теперь, из них больше друг России? Кто из них остался более русским? И не подтверждает ли этот второй пример (с крайней правой) мой первоначальный парадокс, состоящий в том, что русские европейские социалисты и коммунары — прежде всего не европейцы и кончат-таки тем, что станут опять коренными и славными русскими, когда рассеется недоумение и когда они выучатся России, и — второе, что русскому ни за что нельзя обратиться в европейца серьезного, оставаясь хоть сколько-нибудь русским, а коли так, то и Россия, стало быть, есть нечто совсем самостоятельное и особенное, на Европу совсем непохожее и само по себе серьезное. Да и сама Европа, может быть, вовсе несправедлива, осуждая русских и смеясь над ними за революционерство: мы, стало быть, революционеры не для разрушения только, там, где не строили, не как гунны и татары, а для чего-то другого, чего мы пока, правда, и сами не знаем

(а те, кто знает, те про себя таят). Одним словом, мы — революционеры, так сказать, по собственной какой-то необходимости, так сказать, даже из консерватизма... Но всё это переходное, всё это, как я сказал уже, постороннее и боковое, а теперь на сцене вечно неразрешимый Восточный вопрос.

III. ВОСТОЧНЫЙ ВОПРОС

Восточный вопрос! Кто из нас в этот месяц не переживал довольно необыкновенных ощущений, и сколько было толков в газетах! И какое смущение в иных головах, какой цинизм в иных приговорах, какой добрый честный трепет в иных сердцах, какой гвалт в иных жидах! Одно верно: бояться нечего, хотя и много было пугающих. Да и трудно представить, чтоб в России было уж так много трусов. В ней есть *умышленно* трусливые, это правда, но они, кажется, ошиблись сроком, и теперь даже и им уже поздно трусить и не расчет: успеха не приобретут. Но и умышленно трусливые, конечно, знают себе предел и всё же не потребуют от России бесчестия, подобно тому как в старину, отправляя послов к королю Стефану Баторию, царь Иван Васильевич Грозный потребовал от них, чтоб переносили, буде надо, и побои, лишь бы мир выпросили. Одним словом, мнение общества, кажется, обозначилось и на побои ни для какого мира не согласно.

Князь Милан Сербский и князь Николай Черногорский, надеясь на бога и на право свое, выступили против султана, и, когда будут читать эти строки, то уже, может быть, будет известно о какой-нибудь значительной встрече или даже о решительном сражении. Дело пойдет теперь быстро. Нерешительность и медленность великих держав, дипломатический выверт Англии, отказавшейся примкнуть к заключениям берлинских конференций, и вдруг затем последовавшая революция в Константинополе и вспышка мусульманского фанатизма, а наконец, ужасное избиение башибузуками и черкесами шестидесяти тысяч мирных болгар, стариков, женщин и детей — всё это разом зажгло и двинуло войну. У славян много надежд. У них, если сосчитать все их силы, до ста пятидесяти тысяч бойцов, из которых более трех четвертей порядочного регулярного войска. Но главное — дух: они идут, веря в свое право, веря в свою победу, тогда как у турок, несмотря на фанатизм, большое безначалие и большое смущение, и — не диво будет, если смущение это, после самых первых встреч, обратится в панический страх. Кажется, можно уже предсказать, что если вмешательства Европы не воспоследует, то славяне победят наверно. Невмешательство Европы, по-видимому, решено, но трудно сказать, чтобы в европейской политике в настоящую минуту было что-нибудь твердое и законченное. Ввиду огромного и вдруг восставшего вопроса все как бы положили про себя ждать и медлить последним реше-

нием. Слышно, однако же, что союз трех великих восточных держав продолжается, продолжаются и личные свидания трех монархов, так что невмешательство в борьбу славян с этой стороны *пока* верно. Уединившаяся Англия ищет союзников: найдет ли их — это вопрос. Если и найдет, то, кажется, не во Франции. Одним словом, вся Европа будет глядеть на борьбу христиан и султана, не вмешиваясь в нее, но... пока только, до времени... до дележа наследства. Но возможно ли будет это наследство? Еще будет ли какое наследство? Если бог пошлет славянам успех, то до какого предела в успехе допустит их Европа? Позволит ли стащить с постели больного человека совсем долой? Последнее очень трудно предположить. Не решат ли, напротив, после нового и торжественного консилиума, опять лечить его?.. Так что усилия славян, даже и в случае очень большого успеха, могут быть вознаграждены лишь довольно слабыми паллиативами. Сербия вышла в поле, надеясь на свою силу, но, уж разумеется, она знает, что окончательная судьба ее зависит вполне от России; она знает, что только Россия сохранит ее от погибели в случае большого несчастия — и что Россия же, могущественным влиянием своим, поможет ей сохранить за собою, в случае удачи, возможный maximum выгоды. Она знает про это и надеется на Россию, но знает тоже и то, что вся Европа смотрит теперь на Россию с затаенною недоверчивостью и что положение России озабоченное. Одним словом, всё в будущем, но как же, однако, поступит Россия?

Вопрос ли это? Для всякого русского это не может и не должно составлять вопроса. Россия поступит *честно* — вот и весь ответ на вопрос. Пусть в Англии первый министр извращает правду пред парламентом из политики и сообщает ему официально, что истребление шестидесяти тысяч болгар произошло не турками, не башибузуками, а славянскими выходцами, — и пусть весь парламент из политики верит ему и безмолвно одобряет его ложь: в России ничего подобного быть не может и не должно. Скажут иные: не может же Россия идти во всяком случае навстречу явной своей невыгоде? Но, однако, в чем выгода России? Выгода России именно, коли надо, пойти даже и на явную невыгоду, на явную жертву, лишь бы не нарушить справедливости. Не может Россия изменить великой идее, завещанной ей рядом веков и которой следовала она до сих пор неуклонно. Эта идея есть, между прочим, и всеединение славян; но всеединение это — не захват и не насилие, а ради всеслужения человечеству. Да и когда, часто ли Россия действовала в политике из прямой своей выгоды? Не служила ли она, напротив, в продолжение всей петербургской своей истории всего чаще чужим интересам с бескорыстием, которое могло бы удивить Европу, если б та могла глядеть ясно, а не глядела бы, напротив, на нас всегда недоверчиво, подозрительно и ненавистно. Да бескорыстию в Европе и вообще никто и ни в чем не поверит, не только рус-

скому бескорыстию, — поверят скорее плутовству или глупости. Но нам нечего бояться их приговоров: в этом самоотверженном бескорыстии России — вся ее сила, так сказать, вся ее личность и всё будущее русского назначения. Жаль только, что сила эта иногда довольно-таки ошибочно направлялась.

IV. УТОПИЧЕСКОЕ ПОНИМАНИЕ ИСТОРИИ

Все эти полтора века после Петра мы только и делали, что выживали общение со всеми цивилизациями человеческими, роднение с их историей, с их идеалами. Мы учились и приучали себя любить французов и немцев и всех, как будто те были нашими братьями, и несмотря на то, что те никогда не любили нас, да и решили нас не любить никогда. Но в этом состояла наша реформа, всё Петрово дело: мы вынесли из нее, в полтора века, *расширение* взгляда, еще не повторявшееся, может быть, ни у одного народа ни в древнем, ни в новом мире. Допетровская Россия была деятельна и крепка, хотя и медленно слагалась политически; она выработала себе единство и готовилась закрепить свои окраины; про себя же понимала, что несет внутри себя драгоценность, которой нет нигде больше, — православие, что она — хранительница Христовой истины, но уже истинной истины, настоящего Христова образа, затемнившегося во всех других верах и во всех других народах. Эта драгоценность, эта вечная, присущая России и доставшаяся ей на хранение истина, по взгляду лучших тогдашних русских людей, как бы избавляла их совесть от обязанности всякого иного просвещения. Мало того, в Москве дошли до понятия, что всякое более близкое общение с Европой даже может вредно и развратительно повлиять на русский ум и на русскую *идею*, извратить самое православие и совлечь Россию на путь погибели, «по примеру всех других народов». Таким образом, древняя Россия в замкнутости своей *готовилась быть неправа*, — неправа перед человечеством, решив бездеятельно оставить драгоценность свою, свое православие, при себе и замкнуться от Европы, то есть от человечества, вроде иных раскольников, которые не станут есть из одной с вами посуды и считают за святость каждый завести свою чашку и ложку. Это сравнение верно, потому что перед пришествием Петра у нас именно выработались почти точно такие же политические и духовные отношения к Европе. С Петровской реформой явилось расширение взгляда беспримерное, — и вот в этом, повторяю, и весь подвиг Петра. Это-то и есть та самая драгоценность, про которую я говорил уже в одном из предыдущих № «Дневника», — драгоценность, которую мы, верхний культурный слой русский, несем народу после полуторавекового отсутствия из России и которую народ, после того как мы сами преклонимся пред правдой его, должен принять от нас sine qua non,[1] «без чего соединение обоих слоев окажется невозмож-

[1] непременно (*лат.*).

ным, и всё погибнет». Что же это за «расширение взгляда», в чем оно и что означает? Это не просвещение в собственном смысле слова и не наука, это и не измена тоже народным русским нравственным началам, во имя европейской цивилизации; нет, это именно нечто одному лишь народу русскому свойственное, ибо подобной реформы нигде никогда и не было. Это, действительно и на самом деле, почти братская любовь наша к другим народам, выжитая нами в полтора века общения с ними; это потребность наша всеслужения человечеству, даже в ущерб иногда собственным и крупным ближайшим интересам; это примирение наше с их цивилизациями, познание и *извинение* их идеалов, хотя бы они и не ладили с нашими; это нажитая нами способность в каждой из европейских цивилизаций или, вернее, — в каждой из европейских личностей открывать и находить заключающуюся в ней истину, несмотря даже па многое, с чем нельзя согласиться. Это, наконец, потребность быть прежде всего справедливыми и искать лишь истины. Одним словом, это, может быть, и есть начало, первый шаг того деятельного приложения нашей драгоценности, нашего православия, к всеслужению человечеству, — к чему оно и предназначено и что, собственно, и составляет настоящую сущность его. Таким образом, через реформу Петра произошло расширение *прежней* же нашей идеи, русской московской идеи, получилось умножившееся и усиленное понимание ее: мы сознали тем самым всемирное назначение наше, личность и роль нашу в человечестве, и не могли не сознать, что назначение и роль эта не похожи на таковые же у других народов, ибо там каждая народная личность живет единственно для себя и в себя, а мы начнем теперь, когда пришло время, именно с того, что станем всем слугами, для всеобщего примирения. И это вовсе не позорно, напротив, в этом величие наше, потому что всё это ведет к окончательному единению человечества. Кто хочет быть выше всех в царствии божием — стань всем слугой. Вот как я понимаю русское предназначение *в его идеале*. Сам собою после Петра обозначился и первый шаг нашей новой политики: этот первый шаг должен был состоять в единении всего славянства, так сказать, под крылом России. И не для захвата, не для насилия это единение, не для уничтожения славянских личностей перед русским колоссом, а для того, чтоб их же воссоздать и поставить в надлежащее отношение к Европе и к человечеству, дать им, наконец, возможность успокоиться и отдохнуть после их бесчисленных вековых страданий; собраться с духом и, ощутив свою новую силу, принести и свою лепту в сокровищницу духа человеческого, сказать и свое слово в цивилизации. О, конечно, вы можете смеяться над всеми предыдущими «мечтаниями» о предназначении русском, но вот скажите, однако же: не все ли русские желают воскресения славян именно на этих основаниях, именно для их полной личной свободы и воскрешения их духа, а вовсе не для того, чтобы приобресть их России

политически и усилить ими политическую мощь России, в чем, однако, подозревает нас Европа? Ведь это же так, не правда ли? А стало быть, и оправдывается уже тем самым хотя часть предыдущих «мечтаний»? Само собою и для этой же цели, Константинополь — рано ли, поздно ли, должен быть наш...

Боже, какая насмешливая улыбка явилась бы у какого-нибудь австрийца или англичанина, если б он имел возможность прочесть все эти вышеписанные *мечтания* и дочитался бы вдруг до такого *положительного* заключения: «Константинополь, Золотой Рог, первая политическая точка в мире — это ли не захват?»

Да, Золотой Рог и Константинополь — всё это будет наше, но не для захвата и не для насилия, отвечу я. И, во-первых, это случится само собой, именно потому, что время пришло, а если не пришло еще и теперь, то действительно время близко, все к тому признаки. Это выход естественный, это, так сказать, слово самой природы. Если не случилось этого раньше, то именно потому, что не созрело еще время. В Европе верят какому-то «Завещанию Петра Великого». Это больше ничего как подложная бумага, написанная поляками. Но если б Петру и пришла тогда мысль, вместо основания Петербурга, захватить Константинополь, то, мне кажется, он, по некотором размышлении, оставил бы эту мысль тогда же, если б даже и имел настолько силы, чтобы сокрушить султана, именно потому, что тогда дело это было несвоевременное и могло бы принести даже гибель России.

Уж когда в чухонском Петербурге мы не избегли влияния соседних немцев, хотя и бывших полезными, но зато и весьма парализовавших русское развитие, прежде чем выяснилась его настоящая дорога, то как в Константинополе, огромном и своеобразном, с остатками могущественной и древнейшей цивилизации, могли бы мы избежать влияния греков, людей несравненно более тонких, чем грубые немцы, людей, имеющих несравненно более общих точек соприкосновения с нами, чем совершенно непохожие на нас немцы, людей многочисленных и царедворных, которые тотчас же бы окружили трон и прежде русских стали бы и учены, и образованны, которые и Петра самого очаровали бы в его слабой струне уже одним своим знанием и умением в мореходстве, а не только его ближайших преемников. Одним словом, они овладели бы Россией политически, они стащили бы ее немедленно на какую-нибудь новую азиатскую дорогу, на какую-нибудь опять замкнутость, и, уж конечно, этого не вынесла бы тогдашняя Россия. Ее русская сила и ее национальность были бы остановлены в своем ходе. Мощный великорус остался бы в отдалении на своем мрачном снежном севере, служа не более как материалом для обновления Царьграда, и, может быть, под конец, совсем не признал бы нужным идти за ним. Юг же России весь бы подпал захвату греков. Даже, может быть, соверши-

лось бы распадение самого православия на два мира: на обновленный царьградский и старый русский... Одним словом, дело было в высшей степени несвоевременное. Теперь же совсем иное.

Теперь Россия уже побывала в Европе и уже сама образованна. Главное же — узнала всю свою силу и действительно стала сильна; узнала тоже, и чем именно она будет всего сильнее. Теперь она понимает, что Царьград может быть наш вовсе не как столица России; а два века назад, Петр, захватив Царьград, не мог бы не перенести в него столицу свою, что и было бы погибелью, ибо Царьград не в России и *не мог* стать Россией. Если б Петр и удержался от этой ошибки, то ни за что не удержались бы его ближайшие преемники. Если же теперь Царьград может быть нашим и не как столица России, то равно и не как столица Всеславянства, как мечтают некоторые. Всеславянство, без России, истощится там в борьбе с греками, если бы даже и могло составить из своих частей какое-нибудь политическое целое. Наследовать же Константинополь одним грекам теперь уже совсем невозможно: нельзя отдать им такую важную точку земного шара, слишком уж было бы им не по мерке. Всеславянство же с Россией во главе — о, конечно, это дело совсем другое, но хорошее ли оно, опять вопрос? И не похоже ли бы это было как бы на политический захват славян Россией, чего не надо нам вовсе? Итак, во имя чего же, во имя какого *нравственного* права могла бы искать Россия Константинополя? Опираясь на какие высшие цели, могла бы требовать его от Европы? А вот именно — как предводительница православия, как покровительница и охранительница его, — роль, предназначенная ей еще с Ивана III, поставившего в знак ее царьградского двуглавого орла выше древнего герба России, но обозначившаяся уже несомненно лишь после Петра Великого, когда Россия сознала в себе силу исполнить свое назначение, а фактически уже и стала действительной и единственной покровительницей и православия, и народов, его исповедующих. Вот эта причина, вот это *право* на древний Царьград и было бы понятно и не обидно даже самым ревнивым к своей независимости славянам или даже самим грекам. Да и тем самым обозначилась бы и настоящая сущность тех политических отношений, которые и должны неминуемо наступить у России ко всем прочим православным народностям — славянам ли, грекам ли, всё равно: она — покровительница их и даже, может быть, предводительница, но не владычица; мать их, а не госпожа. Если даже и государыня их, когда-нибудь, то лишь по собственному их провозглашению, с сохранением всего того, чем сами они определили бы независимость и личность свою. Так что к такому союзу могли бы примкнуть наконец и когда-нибудь даже и не православные европейские славяне, ибо увидали бы сами, что всеединение под покровительством России есть только упрочение каждому его независимой

личности, тогда как, без этой огромной единящей силы, они, может быть, опять истощились бы в взаимных раздорах и несогласиях, даже если б и стали когда-нибудь политически независимыми от мусульман и европейцев, которым теперь принадлежат они.

К чему играть в слова, скажут мне: что такое это «православие»? и в чем тут особенная такая идея, особенное право на единение народностей? И не тот же ли это чисто политический союз, как и все прочие подобные ему, хотя бы и на самых широких основаниях, вроде как Соединенные Американские Штаты или, пожалуй, даже еще шире? Вот вопрос, который может быть задан; отвечу и на него. Нет, это будет не то, и это не игра в слова, а тут *действительно* будет нечто особое и неслыханное; это будет не одно лишь политическое единение и уж совсем не для политического захвата и насилия, — как и представить не может иначе Европа; и не во имя лишь торгашества, личных выгод и вечных и всё тех же обоготворенных пороков, под видом официального христианства, которому на деле никто, кроме *черни*, не верит. Нет, это будет настоящее воздвижение Христовой истины, сохраняющейся на Востоке, настоящее новое воздвижение креста Христова и окончательное слово православия, во главе которого давно уже стоит Россия. Это будет именно соблазн для всех сильных мира сего и торжествовавших в мире доселе, всегда смотревших на все подобные «ожидания» с презрением и насмешкою и даже не понимающих, что можно серьезно верить в братство людей, во всепримирение народов, в союз, основанный на началах вселужения человечеству, и, наконец, на самое обновление людей на истинных началах Христовых. И если верить в это «новое слово», которое может сказать во главе объединенного православия миру Россия, — есть «утопия», достойная лишь насмешки, то пусть и меня причислят к этим утопистам, а смешное я оставляю при себе.

«Да уж одно то утопия,— возразят, пожалуй, еще,— что России когда-нибудь *позволят* стать во главе славян и войти в Константинополь. Мечтать можно, но всё же это мечты!»

Так ли, полно? Но кроме того, что Россия сильна и, может быть, даже гораздо сильнее, чем сама о себе полагает, кроме того — не на наших ли глазах, и не в последние ли недавние десятилетия, воздвигались огромные могущества, царившие в Европе, из коих одно исчезло как пыль и прах, сметенное в один день вихрем божиим, а на место его воздвигнулась новая империя, какой по силе, казалось бы, еще не было на земле. И кто бы мог предсказать это заблаговременно? Если же возможны такие перевороты, уже случившиеся в наше время и на наших глазах, то может ли ум человеческий вполне безошибочно предсказать и судьбу Восточного вопроса? Где действительные основания отчаиваться в воскресении и в единении славян? Кто знает пути божии?

V. ОПЯТЬ О ЖЕНЩИНАХ

В газетах почти уже все перешли к сочувствию восставшим на освобождение братьев своих сербам и черногорцам, а в обществе и даже уже в народе с жаром следят за успехами их оружия. Но славяне нуждаются в помощи. Получены известия и, кажется, весьма точные, что туркам, хотя и анонимно, весьма деятельно помогают австрийцы и англичане. Впрочем, почти и не анонимно. Помогают деньгами, оружием, снарядами и — людьми. В турецкой армии множество иностранных офицеров. Огромный английский флот стоит у Константинополя... из политических соображений, а вернее — на всякий случай. У Австрии уже готова огромная армия — тоже на всякий случай. Австрийская пресса раздражительно относится к восставшим сербам и — к России. Надо заметить, что если Европа смотрит на славян в настоящее время так *бесчувственно*, то уже, конечно, потому, что и русские — славяне. Иначе австрийские газеты не боялись бы так сербов, слишком ничтожных военной силой перед австрийским могуществом, и не сравнивали бы их с Пиемонтом...

А потому русскому обществу надо опять помочь славянам — разумеется, хотя лишь деньгами и кое-какими средствами. Генерал Черняев уже сообщал в Петербург, что санитарная часть всей сербской армии чрезвычайно слаба: нет докторов, лекарств, мало ухода за ранеными. В Москве славянский комитет объявил энергическое воззвание на всю Россию о помощи восставшим братьям нашим и присутствовал во всем составе своем, при многочисленном стечении народа, на торжественном молебствии в церкви сербского подворья — о даровании победы сербскому и черногорскому оружию. В Петербурге начинаются в газетах заявления публики с присылкою пожертвований. Движение это, очевидно, разрастается, несмотря даже на так называемый «мертвый летний сезон». Но ведь он только в Петербурге мертвый.

Я уже хотел было заключить мой «Дневник» и уже просматривал корректуру, как вдруг ко мне позвонила одна девушка. Она познакомилась со мной еще зимою, уже после того, как я начал издание «Дневника». Она хочет держать один довольно трудный экзамен, энергически приготовляется к нему и, конечно, его выдержит. Из дому она даже богатого и в средствах не нуждается, но очень заботится о своем образовании и приходила спрашивать у меня советов: что ей читать, на что именно обратить наиболее внимания. Она посещала меня не более раза в месяц, оставалась всегда не более десяти минут, говорила лишь о своем деле, но не многоречиво, скромно, почти застенчиво, с чрезвычайной ко мне доверчивостью. Но нельзя было не разглядеть в ней весьма решительного характера, и я не ошибся. В этот раз она вошла и прямо сказала:

— В Сербии нуждаются в уходе за больными. Я решилась пока отложить мой экзамен и хочу ехать ходить за ранеными. Что бы вы мне сказали?

И она почти робко посмотрела на меня, а между тем я уже ясно прочел в ее взгляде, что она уже решилась и что решение ее неизменно. Но ей надо было и мое напутствие. Я не могу передать наш разговор в полной подробности, чтобы какой-нибудь, хотя малейшей чертой не нарушить анонима, и передаю лишь одно общее.

Мне вдруг стало очень жаль ее,— она так молода. Пугать ее трудностями, войной, тифом в лазаретах — было совсем лишнее: это значило бы подливать масла в огонь. Тут была единственно лишь жажда жертвы, подвига, доброго дела и, главное, что всего было дороже, — никакого тщеславия, никакого самоупоения, а просто желание — «ходить за ранеными», принести пользу.

— Но ведь вы не умеете ходить за ранеными?

— Да, но я уже справлялась и была в комитете. Поступающим дают срок в две недели, и я, конечно, приготовлюсь.

И, конечно, приготовится; тут слово с делом не рознится.

— Слушайте,— сказал я ей,— я не пугать вас хочу и не отговаривать, но сообразите мои слова и постарайтесь взвесить их по совести. Вы росли совсем не в той обстановке, вы видели лишь хорошее общество и никогда не видали людей иначе как в их спокойном состоянии, в котором они не могли нарушать хорошего тона. Но те же люди на войне, в тесноте, в тяготе, в трудах становятся иногда совсем другими. Вдруг вы всю ночь ходили за больными, служили им, измучились, едва стоите на ногах, и вот доктор, может быть, очень хороший сам по себе человек, но усталый, надорванный, только что отрезавший несколько рук и ног, вдруг, в раздражении, обращается к вам и говорит: «Вы только портите, ничего не делаете! Коли взялись, надо служить» и проч., и проч. Не тяжело ли вам будет вынести? А между тем это непременно надо предположить, и я подымаю перед вами лишь самый крошечный уголок. Действительность иногда очень неожиданна. И наконец, перенесете ли вы, уверены ли вы, что перенесете, несмотря на всю твердость решения вашего, самый этот уход? Не упадете ли в обморок в виду иной смерти, раны, операции? Это происходит мимо воли, бессознательно. . .

— Если мне скажут, что я порчу дело, а не служу, то я очень пойму, что этот доктор сам раздражен и устал, а мне довольно лишь знать про себя, что я не виновата и исполнила всё как надо.

— Но вы так еще молоды, как можете вы ручаться за себя?

— Почему вы думаете, что я так молода? *Мне уже восемнадцать* лет, я совсем не так молода. . .

Одним словом, уговаривать было невозможно: ведь всё равно она бы завтра же уехала, но только с грустию, что я ее не одобрил.

— Ну бог с вами, — сказал я, — ступайте. Но кончится дело, приезжайте скорей назад.

— О, разумеется, мне надо сдать экзамен. Но вы не поверите, как вы меня обрадовали.

Она ушла с сияющим лицом и, уж конечно, через неделю будет *там*.

В начале этого «Дневника», в статье о Жорж Занде я написал несколько слов о ее характерах девушек, которые мне особенно нравились в повестях ее первого, самого раннего периода. Ну, вот это именно вроде тех девушек, тут именно тот же самый прямой, честный, но неопытный юный женский характер, с тем гордым целомудрием, которое не боится и не может быть загрязнено даже от соприкосновения с пороком. Тут потребность жертвы, дела, будто бы от нее именно ожидаемого, и убеждение, что нужно и должно начать самой, первой, и безо всяких отговорок, всё то хорошее, чего ждешь и чего требуешь от других людей, — убеждение в высшей степени верное и нравственное, но, увы, всего чаще свойственное лишь отроческой чистоте и невинности. А главное, повторю это, тут одно дело и для дела и ни малейшего тщеславия, ни малейшего самомнения и самоупоения собственным подвигом,— что, напротив, очень часто видим в современных молодых людях, даже еще только в подростках.

По уходе ее мне опять невольно пришла на мысль потребность у нас высшего образования для женщин,— потребность самая настоятельная и именно теперь, ввиду серьезного запроса деятельности в современной женщине, запроса на образование, на участие в общем деле. Я думаю, отцы и матери этих дочерей сами бы должны были настаивать на этом, для себя же, если любят детей своих. В самом деле, только лишь высшая наука имеет в себе столько серьезности, столько обаяния и силы, чтоб умирить это почти волнение, начавшееся среди наших женщин. Только наука может дать ответ на их вопросы, укрепить ум, взять, так сказать, в опеку расходившуюся мысль. Что же до этой девушки, то хоть и жалка мне ее молодость, но остановить ее я, кроме того что не мог, но отчасти думаю, что, может быть, это путешествие будет ей, с одной стороны, даже и полезно: всё же это не книжный мир, не отвлеченное убеждение, а предстоящий огромный опыт, который, может быть, в неизмеримой благости своей, судил ей сам бог, чтоб спасти ее. Тут — готовящийся ей урок живой жизни, тут предстоящее расширение ее мысли и взгляда, тут будущее воспоминание на всю жизнь о чем-то дорогом и прекрасном, в чем она участвовала и что заставит ее дорожить жизнию, а не устать от нее — не живши, как устала несчастная самоубийца Писарева, о которой я говорил в прошлом, майском «Дневнике» моем.

ИЮЛЬ И АВГУСТ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

I. ВЫЕЗД ЗА ГРАНИЦУ. НЕЧТО О РУССКИХ В ВАГОНАХ

Два месяца уже не беседовал с читателем. Выдав июньский № (которым заключилось полгода моего издания), я тотчас же сел в вагон и отправился в Эмс — о, не отдыхать, а затем, зачем в Эмс ездят. И уж конечно, всё это слишком личное и частное, но дело в том, что я пишу иногда мой «Дневник» не только для публики, но и для себя самого (вот потому-то, вероятно, в нем иногда и бывают иные как бы шероховатости и неожиданности, то есть мысли мне совершенно знакомые и длинным порядком во мне выработавшиеся, а читателю кажущиеся совершенно чем-то вдруг выскочившим, без связи с предыдущим),— а потому как же я не включу в него и мой выезд за границу? О, конечно, моя бы воля, я отправился бы куда-нибудь на юг России, туда

> ...Где с щедростью обычной,
> За ничтожный, легкий труд,
> Плод оратаю сторичный
> Нивы тучные дают;
> Где в лугах необозримых,
> При журчании волны,
> Кобылиц неукротимых
> Гордо бродят табуны.

Но, увы! кажется, и там теперь совсем другое, чем когда мечтал об этом крае поэт, и не только за ничтожный труд, но и за тяжелый — оратай получает далеко не сторичные выгоды. Да и насчет кобылиц, кажется, тоже надо теперь взять тон несравненно умереннее. Кстати, недавно в «Московских ведомостях» нашел статью о Крыме, о выселении из Крыма татар и о «запустении края». «Московские ведомости» проводят дерзкую мысль, что и нечего жалеть о татарах — пусть выселяются, а на их место лучше бы колонизировать русских. Я прямо называю такую мысль

дерзостью: это одна из тех мыслей, один из тех вопросов, о которых я говорил в июньском № «Дневника», что чуть какой-нибудь из них явится «и все у нас тотчас в разноголосицу». В самом деле, трудно решить — согласятся ли у нас все с этим мнением «Московских ведомостей», с которым я от всей души соглашаюсь, потому что сам давно точно так же думал об этом «крымском вопросе». Мнение решительно *рискованное*, и неизвестно еще, примкнет ли к нему либеральное, всё решающее мнение. Правда, «Московские ведомости» выражают желание «не жалеть о татарах» и т. д. не для одной лишь политической стороны дела, не для одного лишь закрепления окраин, а выставляют и прямо экономическую потребность края. Они выставляют, как факт, что крымские татары даже доказали свою неспособность правильно возделывать почву Крыма и что русские, и именно южнорусы — на это гораздо будут способнее, и в доказательство указывают на Кавказ. Вообще если б переселение русских в Крым (постепенное, разумеется) потребовало бы и чрезвычайных каких-нибудь затрат от государства, то на такие затраты, кажется, очень можно и чрезвычайно было бы выгодно решиться. Во всяком ведь случае, если не займут места русские, то на Крым непременно набросятся жиды и умертвят почву края...

Переезд из Петербурга до Берлина — длинный, почти в двое суток, а потому взял с собой, на всякий случай, две брошюры и несколько газет. Именно «на всякий случай», потому что всегда боюсь оставаться в толпе незнакомых русских интеллигентного нашего класса, и — это везде, в вагоне ли, на пароходе ли, или в каком бы то ни было собрании. Я признаюсь в этом как в слабости и прежде всего отношу ее к моей собственной мнительности. За границей, в толпе иностранцев, мне всегда бывает легче: тут каждый идет совершенно прямо, если куда наметил, а наш идет и оглядывается: «что, дескать, про меня скажут». Впрочем, на вид тверд и незыблем, а на самом деле ничего нет более шатающегося и в себе неуверенного. Незнакомый русский если начинает с вами разговор, то всегда чрезвычайно конфиденциально и дружественно, но вы с первой буквы видите глубокую недоверчивость и даже затаившееся мнительное раздражение, которое, чуть-чуть не так, и мигом выскочит из него или колкостью, или даже просто грубостью, несмотря на всё его «воспитание», и, главное, ни с того ни с сего. Всякий как будто хочет отмстить кому-то за свое ничтожество, а между тем это может быть вовсе и не ничтожный человек, бывает так, что даже совсем напротив. Нет человека готового повторять чаще русского: «какое мне дело, что про меня скажут», или: «совсем я не забочусь об общем мнении» — и нет человека, который бы более русского (опять-таки цивилизованного) более боялся, более трепетал общего мнения, того, что про него скажут или подумают. Это происходит именно

от глубоко в нем затаившегося неуважения к себе, при необъятном, разумеется, самомнении и тщеславии. Эти две противуположности всегда сидят *почти* во всяком интеллигентном русском и для него же первого и невыносимы, так что всякий из них носит как бы «ад в душе». Особенно тяжело встречаться с незнакомыми русскими за границей, где-нибудь глаз на глаз, так что нельзя уже убежать, в случае какой беды, именно, например, если вас запрут вместе в вагоне. А меж тем, казалось бы, «так приятно встретиться на чужбине с соотечественником». Да и разговор-то всегда почти начинается с этой самой фразы; узнав, что вы русский, соотечественник непременно начнет: «Вы русский? как приятно встретиться на чужбине с соотечественником: вот я здесь тоже»... и тут сейчас же начинаются какие-нибудь откровенности, именно в самом дружественном и, так сказать, в братском тоне, приличном двум соотечественникам, обнявшимся на чужбине. Но не верьте тону: соотечественник хоть и улыбается, но уже смотрит на вас подозрительно, вы это видите из глаз его, из его сюсюкания и из нежной скандировки слов; он вас меряет, он уже непременно боится вас, он уже хочет лгать; да и не может он не смотреть на вас подозрительно и не лгать, именно потому, что вы тоже русский и он вас поневоле меряет с собой, а может быть, и потому, что вы действительно это заслужили. Замечательно тоже, что всегда или, по крайней мере, очень нередко русский незнакомец за границей (за границей чаще, за границей почти всегда) почти с первых трех фраз поспешит ввернуть: что он вот только что встретил такого-то или только что слышал что-нибудь от такого-то, то есть от какого-нибудь замечательного или знатного лица из наших, из русских, но выставляя его при этом именно в самом милом фамильярном тоне, как приятеля, не только своего, но и вашего — «ведь вы, конечно, знаете, скитается бедный по всем здешним медицинским знаменитостям, те его на воды шлют, убит совершенно, знакомы вы?» Если вы ответите, что совсем не знаете, то незнакомец тотчас же отыщет в этом обстоятельстве нечто для себя обидное: «ты, дескать, уж не подумал ли, что я хотел похвалиться перед тобой знакомством с знатным лицом?» Вы этот вопрос уже читаете в глазах его, а между тем это именно, может быть, так и было. Если же вы ответите, что знаете то лицо, то он обидится еще пуще, и тут уж, право, не знаю почему. Одним словом, неискренность и враждебность растут с обеих сторон и — разговор вдруг обрывается и умолкает. Соотечественник от вас вдруг отвертывается. Он готов проговорить всё время с каким-нибудь немецким булочником, сидящим напротив, но только не с вами, и именно чтоб вы это заметили. Начав с такой дружбы, он прерывает с вами все сношения и отношения и грубо не замечает вас вовсе. Наступит ночь, и если есть место, он растянется на подушках, чуть-чуть не доставая вас ногами, даже, может быть, нарочно доставая вас ногами, а кончится путь, то выходит из вагона, не-

кивнув даже вам головою. «Да чем же он так обиделся?»,— думаете вы с горестию и с великим недоумением. Всего лучше встречаться с русскими генералами. Русский генерал за границей больше всего хлопочет, чтоб не осмелился кто из встречающихся русских с ним не по чину заговорить, пользуясь тем, что, дескать, «мы за границей, а потому и сравнялись». А потому с первой минуты, в дороге например, погружается в строгое и мраморное молчание; а тем и лучше, никому не мешает. Кстати, русский генерал, отправляющийся за границу, иногда даже очень любит надеть статское платье и заказывает у первейшего петербургского портного, а приехав на воды, где всегда так много хорошеньких дам со всей Европы, очень любит пощеголять. Он с особенным удовольствием, кончив сезон, снимает с себя фотографию в штатском платье, чтоб раздарить карточки в Петербурге своим знакомым или осчастливить подарком преданного подчиненного. Но, во всяком случае, припасенная книга или газета чрезвычайно помогают в дороге, именно от русских: «я, дескать, читаю, оставьте меня в покое».

II. НЕЧТО О ПЕТЕРБУРГСКОМ БАДЕН-БАДЕНСТВЕ

Стал читать и попал как раз в «Биржевых ведомостях» на брань за мой июньский «Дневник». Впрочем, не на брань, статья написана довольно мило, но не очень. Фельетонист, г-н Б., ужасно подшучивает надо мной, хотя и вежливо, но свысока, за то, что я насажал парадоксов, «взял Константинополь». «Итак, Константинополь уже взят, — говорит он, — как-то странно, волшебно, но взят. Мы и в войне-то не участвовали, но он все-таки нам принадлежит единственно потому, что принадлежать должен». Но, милостивый г-н Б., ведь это вы всё сами сочинили: я вовсе не брал Константинополя в нынешнюю войну, «в которой мы не участвовали», я говорил, что это сбудется *во времени*, и прибавил только, что, может быть, в скором времени, и кто знает, может быть, я ведь и не ошибся. И не виноват ведь я, что ваш взгляд на Россию и на ее назначение сузился под конец в Петербурге до размеров какого-нибудь Баден-Бадена или даже фюрстентум Нассау, в котором теперь сижу и пишу это. Вы вот думаете, что будет всё один Петербург продолжаться. Уж и теперь начинается местами протест провинциальной печати против Петербурга (да и не против Петербурга вовсе, а против вас же, усевшихся в Петербурге и в нем обособившихся) — и которая хочет что-то там сказать у себя новое. Так ведь что вы думаете, может, и скажет, особенно когда перестанет сердиться, а теперь, правда, еще гнев мешает. Идея о Константинополе и о будущем Восточного вопроса так, как я ее изложил, — есть идея старая, и вовсе не славянофилами сочиненная. И не старая даже, а *древняя* русская историческая идея, а потому реальная, а не фанта-

стическая, и началась она с Ивана III-го. Кто ж виноват, что у вас теперь везде и во всем Баден-Баден. Я ведь не про вас одного говорю; если б шло дело про вас одного, я бы и не заговорил, но в Петербурге и мимо вас много завелось баден-баденства. Я понимаю, что вас так шокировало: это будущее предназначение России в семье народов, об котором я заключил словами: «вот как я понимаю русское предназначение *в его идеале*». Вас это раздражило. Будущее, близкое будущее человечества полно страшных вопросов. Самые передовые умы, наши и в Европе, согласились давно уже, что мы стоим накануне «последней развязки». И вот вы *стыдитесь* того, что и Россия может принять участие в этой развязке, стыдитесь даже и предположения, что Россия осмелится сказать свое новое слово в общечеловеческом деле. Но вам это стыд, а для нас это вера. И даже то вера, что она скажет не только собственное, но, может, и окончательное слово. Да этому должен, обязан верить каждый русский, если он член великой нации и великого союза людей, если, наконец, он член великой семьи человеческой. Вам дико, что я осмелился предположить, что в народных началах России и в ее православии (под которым я подразумеваю *идею*, не изменяя, однако же, ему вовсе) заключаются залоги того, что Россия может сказать слово живой жизни в грядущем человечестве? И что вы говорите о славянофилах: их надобно знать, чтоб говорить о них. А кто об них теперь знает? Все больше понаслышке и по старой памяти. У нас теперь многое люди забыли и давно уже многому разучились, хотя ни во что не переучились. У меня большая ошибка в том, что я начал прямо с конца, сказал результат, последнее слово моей веры. Беда до конца высказываться. Вот вы и глумитесь: «Ах, дескать, об этом все стыдятся говорить, а он говорит; осмеять его!» Недоговаривать лучше и выгоднее. Всё писать, всё намекать и никогда не высказываться: этим можно снискать большое уважение, даже можно, не имея ни одной мысли, прослыть мыслителем. Да я-то этого не хочу. Меня упрекнут, я знаю это, мои же читатели за то, что «отвечаю на критику», как уже и упрекали не раз. Но ведь это не одному ответ, а многим. Тут факт. Не ответить, так отметить его все-таки надо.

III. О ВОИНСТВЕННОСТИ НЕМЦЕВ

Как только въехали в немецкую землю, так тотчас же все шесть немцев нашего купе, чуть только заперли нас вместе, заговорили между собою о войне и о России. Мне это показалось любопытным, и хоть я знал, что в немецкой печати, именно теперь, огромный толк об России, но всё же не думал, что об этом у них и на площадях говорят. Это были далеко не «высшие» немцы; тут наверно не было ни одного барона и даже ни одного немецкого военного офицера. Да и говорили они не о «высшей» политике, а лишь об настоящих силах России, преимущественно

военных, об силах лишь в данный момент, в настоящую минуту. С торжествующим и даже несколько надменным спокойствием они сообщили друг другу, что никогда еще Россия не была в таком слабом состоянии по части вооружения и проч. Один важный и рослый немец, ехавший из Петербурга, сообщил самым компетентным тоном, что у нас будто бы не более двухсот семидесяти тысяч чуть-чуть порядочных скорострельных ружей, а остальное всё лишь переделка кое-как из старого, и что всех скорострельных ружей, вместе взятых, не доходит будто бы и до полумиллиона. Что металлических патронов у нас заготовлено пока еще не более шестидесяти миллионов, то есть всего лишь по шестидесяти выстрелов на солдата, если считать всю армию во время войны в миллион, и, кроме того, утверждал, что и патроны-то эти дурно сделаны. Они, впрочем, толковали довольно весело. Надо заметить, что они знали про меня, что я русский, но по нескольким словам моим с кондуктором, очевидно, заключили, что я не знаю по-немецки. Но я хоть и дурно говорю по-немецки, зато понимаю. После некоторого времени я счел «патриотическим долгом» возразить, но как можно менее горячась, чтоб попасть в их тон, что все их цифры и сведения преувеличены в дурную сторону, что еще четыре года назад у нас вооружение войск доведено было до весьма удовлетворительного результата, но что с тех пор оно еще увеличилось, так как дело вооружения продолжается беспрерывно, и что мы теперь никому не уступим. Они выслушали меня внимательно, несмотря на мой дурной немецкий разговор, и даже сами подсказывали мне всякий раз то немецкое слово, которое я забывал и на котором запинался в речи, ободрительно кивая головами в знак того, что меня понимают. (NB. Если вы говорите дурно на немецком языке, то чем выше по образованию немец — ваш слушатель, тем скорее он вас поймет; с уличной же толпой или, например, с прислугой дело совсем другое: те понимают тупо, хотя бы вы забыли всего одно слово в целой фразе, и особенно, если, вместо общеупотребительного какого-нибудь слова, употребили другое, менее принятое; тут вас иногда даже совсем не поймут. Не знаю, так ли это с французами, с итальянцами, но вот про русских севастопольских солдат рассказывали и писали, что они разговаривали с пленными французскими солдатами в Крыму (разумеется, жестами) и умели понимать их; стало быть, если б знали хотя только половину слов, которые говорил француз, то поняли бы его совсем.) Немцы не сделали мне ни одного возражения, они лишь улыбались словам моим, но не высокомерно, а даже ободрительно, совершенно уверенные, что я, как русский, говорю, лишь защищая русскую честь, но по глазам их было видно, что не поверили мне ни капли и остались при своем. Пять лет тому назад, в 71-м году, они были, однако, вовсе не так вежливы. Я жил тогда в Дрездене и помню, как воротились саксонские войска после войны; тогда им устроен был городом торжественный вход и овация. Помню, впрочем, эти же

войска и год перед тем, когда они только еще шли на войну и когда вдруг на всех углах, во всех публичных местах Дрездена, появилась крупными буквами напечатанная афиша: der Krieg ist erklärt! (война объявлена!). Я видел тогда эти войска и невольно любовался ими: какая бодрость в лицах, какое светлое, веселое и, в то же время, важное выражение взгляда! Всё это была молодежь, и, смотря на иную проходящую роту, нельзя было не залюбоваться удивительной военной выправкой, стройным шагом, точным, строгим равнением, но в то же время и какой-то необыкновенной свободой, еще и невиданной мною в солдате, сознательной решимостью, выражавшейся в каждом жесте, в каждом шаге этих молодцов. Видно было, что их не гнали, а что они сами шли. Ничего деревянного, ничего палочно-капрального, и это у немцев, у тех самых немцев, у которых мы заимствовали, заводя с Петра свое войско, и капрала, и палку. Нет, эти немцы шли без палки, как один человек, с совершенной решимостью и с полною уверенностью в победе. Война была народною: в солдате сиял гражданин, и, признаюсь, мне тогда же стало жутко за французов, хотя я всё еще твердо был уверен, что те поколотят немцев. Можно представить после того, как эти же солдаты входили в Дрезден год спустя, уже после побед, наконец-то ими одержанных над французом, от которого они всё столетие терпели всякие унижения. Прибавьте к тому обычную немецкую — и уже всенародную хвастливость собой без меры, в случае какого-нибудь успеха, хвастливость даже мелочную до детскости и всегда переходящую у немца в нахальство, — довольно неприглядная народная черта и почти удивительная в этом народе: народ этот даже слишком многим может похвалиться, даже в сравнении с какими бы то ни было нациями, чтоб выказывать столько мелочности. Выходило, что им уж так внове была эта честь, что они ее сами не ожидали. И действительно, они до того тогда восторжествовали, что принялись оскорблять русских. Русских в Дрездене было тогда очень много, и многие из них передавали потом, как всякий, даже лавочник, чуть лишь заговаривал с русским, хотя бы только пришедшим к нему в лавку купить что-нибудь, тотчас же старался ввернуть: «вот мы покончили с французами, а теперь примемся и за вас». Эта злоба против русских вскипела тогда в народе сама собою, несмотря даже на всё то, что говорили тогда газеты, понимавшие политику России во время войны — политику, без которой им, может быть, и не пришлось бы пожать такие лавры. Правда, это был первый пыл военного успеха, столь неожиданного, но факт тот, что в пылу этом тотчас же вспомянули русских. Это почти невольно проявившееся ожесточение против русских даже мне показалось тогда удивительным, хотя я всю жизнь мою знал, что немец всегда и везде, еще с самой Немецкой слободы в Москве, очень-таки не жаловал русского. Одна русская дама, жившая тогда в Дрездене, графиня К., сидела на одном из отведенных для публики мест во время этой торжественной ова-

ции войску, входившему в город, а сзади нее несколько восторженных немцев начали ужасно ругать Россию. «Я к ним обернулась и выругала их по-простонародному»,— рассказывала она мне потом. Те смолчали: немцы очень учтивы с дамами, но русскому они бы не спустили. Я сам читал тогда в наших газетах, что наши петербургские немцы, в Петербурге, затевали тогда целыми пьяными ватагами ссоры и драки где-нибудь на попойке с нашими солдатами, и это именно из «патриотизма». Кстати, большинство немецких газет наполнено теперь самыми яростными выходками против России. Указывая на эту ярость немецкой прессы, уверяющей, что русские хотят захватить Восток и славян, чтоб, усилившись, низринуться на европейскую цивилизацию, «Голос» заметил недавно в одной передовой статье своей, что весь этот яростный хор тем более удивителен, что поднялся он, как нарочно, именно сейчас после дружественных съездов и свиданий трех императоров, и что это, по меньшей мере, странно. Замечание тонкое.

IV. САМОЕ ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО ЦИВИЛИЗАЦИИ

Да, в Европе собирается нечто как бы уж неминуемое. Вопрос о Востоке растет, подымается, как волны прилива, и действительно, может быть, кончится тем, что захватит *всё*, так что уж никакое миролюбие, никакое благоразумие, никакое твердое решение не зажигать войны не устоит против напора обстоятельств. Но важнее всего то, что уже и теперь выразился ясно страшный факт и что этот факт — есть *последнее слово* цивилизации. Это последнее слово сказалось, выяснилось; оно теперь известно и оно есть результат всего восемнадцативекового развития, всего очеловечения человеческого. Вся Европа, по крайней мере первейшие представители ее, вот те самые люди и нации, которые кричали против невольничества, уничтожили торговлю неграми, уничтожили у себя деспотизм, провозгласили права человечества, создали науку и изумили мир ее силой, одухотворили и восхитили душу человеческую искусством и его святыми идеалами, зажигали восторг и веру в сердцах людей, обещая им уже в близком будущем справедливость и истину, — вот те самые народы и нации вдруг, все (почти все) в данный момент разом отвертываются от миллионов несчастных существ — христиан, человеков, братьев своих, гибнущих, опозоренных, и ждут, ждут с надеждою, с нетерпением — когда передавят их всех, как гадов, как клопов, и когда умолкнут наконец все эти отчаянные призывные вопли спасти их, вопли — Европе досаждающие, ее тревожащие. Именно за гадов и клопов, хуже даже: десятки, сотни тысяч христиан избиваются как вредная паршь, сводятся с лица земли с корнем, дотла. В глазах умирающих братьев бесчестятся их сестры, в глазах матерей бросают вверх их детей-младенцев и подхватывают на ружейный штык; селения истребляются, церкви

разбиваются в щепы, всё *сводится* поголовно — и это дикой, гнусной мусульманской ордой, заклятой противницей цивилизации. Это уничтожение систематическое; это не шайка разбойников, выпрыгнувших случайно, во время смуты и беспорядка войны, и боящаяся, однако, закона. Нет, тут система, это метод войны огромной империи. Разбойники действуют по указу, по распоряжениям министров и правителей государства, самого султана. А Европа, христианская Европа, великая цивилизация, смотрит с нетерпением... «когда же это передавят этих клопов»! Мало того, в Европе оспаривают факты, отрицают их в народных парламентах, не верят, делают вид, что не верят. Всякий из этих вожаков народа знает про себя, что всё это правда, и все наперерыв отводят друг другу глаза: «это неправда, этого не было, это преувеличено, это они сами избили шестьдесят тысяч своих же болгар, чтоб сказать на турок». «Ваше превосходительство, она сама себя высекла!» Хлестаковы, Сквозники-Дмухановские в беде! Но отчего же это всё, чего боятся эти люди, отчего не хотят ни видеть, ни слышать, а лгут сами себе и позорят сами себя? А тут, видите ли, Россия: «Россия усилится, овладеет Востоком, Константинополем, Средиземным морем, портами, торговлей. Россия низринется варварской ордой на Европу и «уничтожит цивилизацию» (вот ту самую цивилизацию, которая допускает такие варварства!). Вот что кричат теперь в Англии, в Германии, и опять-таки лгут поголовно, сами не верят ни в одно слово из этих обвинений и опасений. Всё это лишь слова для возбуждения масс народа к ненависти. Нет человека теперь в Европе, чуть-чуть мыслящего и образованного, который бы верил теперь тому, что Россия хочет, может и в силах истребить цивилизацию. Пусть они не верят нашему бескорыстию и приписывают нам все дурные намерения: это понятно; но невероятно то, чтоб они, после стольких примеров и опытов, еще верили тому, что мы сильнее всей соединенной Европы вместе. Невероятно, чтоб не знали они, что Европа вдвое сильнее России, если б даже та и Константинополь держала в руках своих. Что Россия сильна чрезвычайно только у себя дома, когда сама защищает свою землю от нашествия, но вчетверо того слабее при нападении. О, всё это они знают отлично, но морочат и продолжают морочить всех и себя самих единственно потому, что там у них, в Англии, есть несколько купцов и фабрикантов, болезненно мнительных и болезненно жадных к своим интересам. Но ведь и эти знают отлично, что Россия, даже при самых благоприятных для себя обстоятельствах, все-таки не осилит их промышленности и торговли и что это еще вопрос веков; но даже малейшее развитие чьей-нибудь торговли, малейшее чье-нибудь усиление на море, — и вот уже у них тревога, паника, тоска за барыш: вот из-за этого-то вся «цивилизация» вдруг и оказывается пуфом. Ну, а немцам что, пресса-то их чего всполошилась? А этим то́, что Россия стоит у них за спиною и связывает им руки, что из-за нее они упустили *своевременный*

момент свести с лица земли Францию уже окончательно, чтобы уж не беспокоиться с нею вовеки. «Россия мешает, Россию надо вогнать в пределы, а как ее вгонишь в пределы, когда, с другого бока, еще *цела* Франция?» Да Россия виновата уже тем, что она Россия, а русские тем, что они русские, то есть славяне: ненавистно славянское племя Европе, les esclaves, дескать, рабы, а у немцев столько этих рабов: пожалуй, взбунтуются. И вот восемнадцать веков христианства, очеловечения, науки, развития — оказываются вдруг вздором, чуть лишь коснулось до слабого места, басней для школьников, азбучным нравоучением. Но в том-то и беда, в том-то и ужас, что это — «последнее слово цивилизации» и что слово это выговорилось, не постыдилось выговориться. О, не выставляйте на вид, что и в Европе, что и в самой Англии подымалось общественное мнение протестом, просьбой, денежными пожертвованиями избиваемому человечеству: но ведь тем еще грустнее; всё это частные случаи; они только доказали, как бессильны они у себя против всеобщего, государственного, своего национального направления. Вопрошающий человек останавливается в недоумении: «Где же правда, неужели и вправду мир еще так далеко от нее? Когда же пресечется рознь, и соберется ли когда человек вместе, и что мешает тому? Будет ли когда-нибудь так сильна правда, чтоб совладать с развратом, цинизмом и эгоизмом людей? Где выработанные, добытые с таким мучением — истины, где человеколюбие? Да и истины ли уж это, полно? И не одно ли они упражнение для „высших" чувств, для ораторских речей или для школьников, чтоб держать их в руках, — а чуть дело, *настоящее* дело, *практическое* уже дело — и всё побоку, к черту идеалы! Идеалы вздор, поэзия, стишки! И неужели правда, что жид опять везде воцарился, да и не только „опять воцарился", а и не переставал никогда царить?»*

ГЛАВА ВТОРАЯ

I. ИДЕАЛИСТЫ-ЦИНИКИ

А помнит ли кто статью незабвенного профессора и незабвенного русского человека — Тимофея Николаевича Грановского о Восточном вопросе, писанную им, если только правда это, в 1855 году, в самый разгар войны нашей с Европой и когда уже началась осада Севастополя? Я взял ее с собою в вагон и перечел именно ввиду теперь поднимающегося вновь Восточного вопроса, и эта старая почтенная статья вдруг показалась мне необыкновенно любопытною, несравненно любопытнее, чем когда я читал ее в первый раз и когда остался в высшей степени с нею согласен. В этот раз поразило меня одно особенное соображение:

* Статья эта написана еще в июле.

во-первых, взгляд тогдашнего западника на народ, а во-вторых, и главное — так сказать, психологическое значение статьи. Не могу не поделиться моим впечатлением с читателем.

Грановский был самый чистейший из тогдашних людей: это было нечто безупречное и прекрасное. Идеалист сороковых годов в высшем смысле, и, бесспорно, он имел свой собственный, особенный и чрезвычайно оригинальный оттенок в ряду тогдашних передовых людей наших, известного закала. Это был один из самых честнейших наших Степанов Трофимовичей (тип идеалиста сороковых годов, выведенный мною в романе «Бесы» и который наши критики находили правильным. Ведь я люблю Степана Трофимовича и глубоко уважаю его) — и, может быть, без малейшей комической черты, довольно свойственной этому типу. Но я сказал, что меня поразило *психологическое* значение статьи, и эта мысль показалась мне весьма забавною. Не знаю, согласитесь ли вы со мной, но когда наш русский идеалист, заведомый идеалист, знающий, что все его и считают лишь за идеалиста, так сказать, «патентованным» проповедником «прекрасного и высокого», вдруг по какому-нибудь случаю увидит необходимость подать или заявить свое мнение в каком-нибудь деле (но уже «настоящем» деле, практическом, текущем, а не то что там в какой-нибудь поэзии, в деле уже важном и *серьезном*, так сказать, в гражданском почти деле), и заявить не как-нибудь, не мимоходом, а с тем, чтоб высказать решающее и судящее слово, и с тем, чтоб непременно иметь влияние, — то вдруг обращается весь, каким-то чудом, не только в завзятого реалиста и прозаика, но даже в циника. Мало того: цинизмом-то, прозой-то этой он, главное, и гордится. Подает мнение и сам чуть не щелкает себе языком. Идеалы побоку, идеалы вздор, поэзия, стишки; наместо них одна «реальная правда», но вместо реальной правды всегда пересолит до цинизма. В цинизме-то и ищет ее, в цинизме-то и предполагает ее. Чем грубее, чем суше, чем бессердечнее, тем, по-его, и реальнее. Отчего это так? А потому, что наш идеалист, в подобном случае, непременно устыдится своего идеализма. Устыдится и убоится, что ему скажут: «ну, вы идеалист, что вы в „делах“ понимаете; проповедуйте там у себя *прекрасное*, а „дела“ решать предоставьте нам». Даже в Пушкине была эта черта: великий поэт не раз стыдился того, что он *только* поэт. Может быть, эта черта встречается и в других народностях, но, однако, вряд ли? Вряд ли, по крайней мере, в такой степени, как у нас. Там, от давнишней привычки к делу всех и каждого, успели рассортироваться веками занятия и значения людей, и почти каждый там знает, понимает и уважает себя — и в своем занятии, и в своем значении. У нас же, при двухсотлетней отвычке от всякого дела — несколько иначе. Затаенное глубоко внутреннее неуважение к себе не минует даже таких людей, как Пушкин и Грановский. И действительно, найдя необходимым вдруг превратиться из профессора истории в дипломата, этот невиннейший и правдивейший человек дошел до

удивительных вещей в своих приговорах. Он, например, совершенно отрицает даже возможность благодарности к нам Австрии за то, что мы ей помогли в ее споре с венгерцами и буквально спасли ее от распадения. И не потому отрицает, что Австрия «коварна» и что это нам следовало предугадать; нет, он не видит никакого коварства и прямо выводит, что Австрия не могла поступить иначе. Но этого ему мало: он прямо выводит, что она и *не должна* была поступить иначе, что она, напротив, должна была поступить именно так, как поступила, — и что, стало быть, надежды наши на ее благодарность составляют лишь непростительный и смешной промах нашей политики. Частный-де человек одно, а государство — другое; у государства свои высшие, текущие цели, свои собственные выгоды, и требовать благодарности даже до жертвы собственным интересам — просто смешно. «У нас коварство и неблагодарность Австрии, — говорит Грановский, — сделались общим ходячим местом. Но говорить о неблагодарности или благодарности в политических делах показывает только их непонимание. Государство не частное лицо; ему нельзя из благодарности жертвовать своими интересами, тем более, что в политических делах самое великодушие *никогда не бывает бескорыстное*» (то есть и не должно быть, что ли? мысль именно та); одним словом, почтенный идеалист наговорил чрезвычайно умных вещей, но главное — *реальных*: не всё, дескать, мы стишки пишем!.. Умно-то это умно, это правда, тем более, что и не ново, а живет с тех пор, как на свете живут дипломаты, но всё же оправдывать с таким жаром поступок Австрии, и не то что оправдывать, а прямо доказывать, что и не *должна* была она поступить иначе, — воля ваша, это как-то режет ум пополам. Что-то есть тут такое, с чем никак нельзя согласиться, с чем претит согласиться, несмотря даже на необычайный практический и политический ум, столь вдруг и столь неожиданно выказанный нашим историком — поэтом и жрецом прекрасного. Ведь с этим признанием святости текущей выгоды, непосредственного и торопливого барыша, с этим признанием справедливости плевка на честь и совесть, лишь бы сорвать шерсти клок, — ведь с этим можно очень далеко зайти. Ведь с этим, пожалуй, можно оправдать политику Меттерниха из высших и *реальных* государственных целей. Да и практические ли только выгоды, текущие ли только барыши составляют настоящую выгоду нации, а потому и «высшую» ее политику, в противуположность всей этой «шиллеровщине» чувств, идеалов и проч.? Тут ведь вопрос. Напротив, не лучшая ли политика для *великой* нации именно эта политика чести, великодушия и справедливости, даже, по-видимому, и в ущерб ее интересам (а на деле никогда не в ущерб)? Неужели наш историк не знал, что вот эти-то великие и честные идеи (а не один барыш и шерсти клок) и торжествуют наконец в народах и нациях, несмотря на всю, казалось бы, смешную непрактичность этих идей и на весь их идеализм, столь унизительный в глазах дипломатов и

Меттернихов, и что политика чести и бескорыстия есть не только высшая, но, может быть, и самая *выгодная* политика для великой нации, именно потому, что она великая. Политика текущей практичности и беспрерывного бросания себя туда, где повыгоднее, где понасущнее, изобличает мелочь, внутреннее бессилие государства, горькое положение. Дипломатический ум, ум практической и *насущной* выгоды всегда оказывался ниже правды и чести, а правда и честь кончали тем, что всегда торжествовали. А если не кончали тем, то кончат тем, потому что так того, неизменно и вечно, хотели и хотят люди. Когда уничтожалась торговля неграми, разве не было глубоких и высокоумных возражений, что это «уничтожение» непрактично, что оно повредит самым насущным и необходимейшим интересам народов и государств? Доходили до того, что торговлю неграми выставляли даже нравственно необходимым делом, оправдывали ее естественным различием племен и заключали, что негр почти не человек... Когда Северо-Американские колонии Англии взбунтовались против нее, не кричали ли в практической Англии столько лет сряду, что освобождение колоний от автономии Англии будет гибелью английских интересов, потрясением, бедой. Когда у нас освобождали крестьян, не раздавались ли и у нас такие же крики по местам, не говорили ли «глубокие и практические умы», что государство вступает на дурную дорогу, неведомую и ужасную, на потрясение всей державы и что не такова должна быть политика высшая, наблюдающая интересы реальные, а не основанные лишь на модных экономических соображениях и теориях, опытом не проверенных, да на «чувствительности». Да чего далеко идти! вот перед нами славянский вопрос: вот бы нам бросить теперь славян совсем! Хотя Грановский и настаивает на том, что мы хотим славянами только усилиться и действуем только для нашей практической выгоды, но, по-моему, он и тут обмолвился. Ну, какая с ними практическая выгода, даже в будущем-то, и чем тут усилишься? Средиземное-то море когда-нибудь или Константинополь, «которого нам никогда не дадут»? Так ведь это только журавль в небе, да хоть и поймать его, так еще больше хлопот наживем. На 1000 лет наживем. Это ли благоденствие, это ли взгляд мудреца, это ли настоящий практический интерес? С славянами только возня и хлопоты; особенно теперь, когда они еще не наши. Из-за них на нас уже сто лет косится Европа, а теперь и не косится только, а — при малейшем нашем шевелении — тотчас же выхватывает меч и наводит на нас пушку. Просто — бросить их, да и навсегда, чтоб успокоить раз навсегда Европу. Да и не просто бросить их: Европа-то, пожалуй, и не поверит теперь, что мы бросили, стало быть, бросить надо с доказательствами: надо нам же самим наброситься на славян и передавить их по-братски, чтоб поддержать Турцию: «Вот-де, милые братцы славяне, государство не частное лицо, ему нельзя из великодушия жертвовать своими интересами, а вы и не знали этого?» И сколько

выгод, практических, настоящих и уже немедленных выгод, а не мечтательных каких-то в будущем, получила бы тотчас Россия! Тотчас же бы кончился Восточный вопрос, Европа возвратила бы нам хоть на время свою доверенность, а вследствие того военный наш бюджет убавляется, наш кредит восстановляется, наш рубль входит в свою настоящую цену, — да это ли только: ведь журавль-то никуда не улетит, он всё летать будет! Теперь-то мы покривим, переждем: «государство не частное лицо, ему нельзя жертвовать своими интересами», — ну, а со временем... Что ж, ведь уж если суждено славянам не обойтись без нас, то они сами примкнут к нам, когда придет время, вот мы тогда к ним и опять примажемся с любовью и братством. А впрочем, Грановский именно это-то и находит в нашей политике. Он именно уверяет, что наша политика только и делала, что весь последний век давила славян, «доносила на них и выдавала их туркам», что славянская политика наша и всегда была политикой захвата и насилия, да и не могло быть иначе. (То есть и должна была быть такою? Ведь оправдывает же он других за такую политику, вот бы и нас оправдать.) Но так ли это, неужто, в самом деле, такова была наша всегдашняя политика в славянском вопросе, и неужто она и теперь даже не выяснилась, — вот вопрос!

II. ПОСТЫДНО ЛИ БЫТЬ ИДЕАЛИСТОМ?

Грановский был, конечно, самолюбив, но самолюбие, и даже иногда раздраженное, мне кажется, должно было быть и у всех тогдашних наших способных людей, — именно по неимению дела, по невозможности приискать себе дело, так сказать, из тоски по делу. Доходило до того, что и имевшие, казалось бы, занятие (иной профессор, например, литератор, поэт, даже великий поэт) мало ценили свою профессию, и не по одному только стеснению, в котором видели себя и свою профессию, а и потому еще, что почти каждый из них был наклонен предполагать в себе зачатки другого дела, более, по его понятиям, высшего, более полезного, более гражданского, чем то, которым он занимался. Раздраженность самолюбия в лучших передовых и способных наших людях (иных, разумеется) поразительна и теперь, и всё от той же причины. (Впрочем, я об одних только способных и даровитых людях и говорю, а о безобразном, непозволительно раздраженном самомнении и тщеславии столь многих бездарных и пустых современных «деятелей», воображающих себя гениями, я пока пропускаю, хотя это явление, именно в настоящее время, очень бьет в глаза.) Эта тоска по делу, это вечное искание дела, происходящее единственно от нашего двухвекового безделья, дошедшего до того, что мы теперь не умеем даже и подойти к делу, мало того — даже узнать, где дело и в чем оно состоит, — страшно раздражает у нас людей. Является самомнение, иногда даже непри-

личное, судя по нравственной высоте лица, делает его чуть не смешным; но всё это именно потому, что этот высокий нравственный человек сам иногда не в силах определить себя, своих сил и значения, узнать, так сказать, свой собственный удельный вес и настоящую свою стоимость на практике, на деле. Узнав это, он, как высокоодухотворенный человек, конечно, не почел бы для себя низостью сознаться в том, в чем он чувствует себя неспособным; в настоящую же пору он обидчив и в раздражительности берется часто не за свое дело. Статья Грановского, повторяю, написана очень умно, хотя есть и политические ошибки, подтвердившиеся потом в Европе фактами, — и, уж конечно, их можно бы было указать; но я не об этих ошибках хочу говорить, да и не берусь судить в этом Грановского. Меня поразила лишь, в этот раз, чрезвычайная раздражительность статьи. О, не самолюбию его приписываю я ее раздражительность и не на известную тенденциозность статьи *нападаю* я; я слишком понимаю «злобу дня», отразившуюся в этом сочинении, чувство гражданина, скорбь гражданина. Есть, наконец, моменты, когда и справедливейший человек не может быть беспристрастным... (увы, Грановский не дожил до освобождения крестьян и даже не воображал этого тогда и в мечтах своих!) нет, не на это я нападаю, но зачем же он так презрительно в этом Восточном вопросе взглянул на народ и не отдал ему должного? Участия народа, мысли народной он не хочет замечать в этом деле вовсе. Он положительно утверждает, что народ, в деле славян и в тогдашнюю войну, не имел никакого мнения вовсе, а только чувствовал тяготу повинностей и наборов. По-видимому, и не должен иметь мнения, — Грановский пишет:

«Прежде всего надо устранить мысль, что эта война (то есть 53—54 и 55 годов) — священная; правительство старалось уверить народ, что оно идет на защиту прав единоверцев и христианской церкви. Защитники православия и славянской народности *с радостью подняли это знамя* и проповедовали крестовый поход против мусульман. *Но век крестовых походов прошел; в наше время никто не подвинется на защиту гроба господня* (и на защиту славян тоже?), *никто не смотрит на магометан как на вечных врагов христианства;* ключи Вифлеемского храма служат только предлогом для достижения целей политических (в другом месте прямо говорится это и насчет славян)».

Конечно, и мы готовы согласиться, что русская политика в славянском вопросе, в это последнее столетие, может, и бывала порою небезупречна; моментами она могла бывать слишком уж сдержанною и осторожною и потому, на иной нетерпеливый взгляд, казалась неискреннею. Может быть, и бывала излишняя боязнь за текущие интересы, двусмыслие, вследствие иных внешних дипломатических внушений, полумеры, приостановки, но в сущности, в целом, вряд ли политика России хлопотала *только* об одном лишь захвате славян под свою власть, об умножении тем своей силы и политического значения. Нет, конечно, это было не так, и в *сущности* своей политика наша, даже во весь петер-

бургский период нашей истории, вряд ли розпилась в славянском, то есть Восточном вопросе, от древнейших исторических заветов и преданий наших и воззрения народного. И правительство наше всегда твердо знало, что чуть народ наш заслышит призыв его в этом деле, то всегда отзовется па него всецело, а потому Восточный вопрос, в высшей сущности своей, всегда был у нас народным вопросом. Но Грановский не признает этого вовсе. О, Грановский глубоко любил народ! В статье своей он скорбит и плачет о страданиях его в войну и о тягостях, им вынесенных. Да такие люди, как Грановский, разве могут не любить народа? В этом сострадании, в этой любви выказалась вся прекрасная душа его, но в то же время высказался невольно и взгляд на народ наш заклятого западника, готового всегда признать в народе прекрасные зачатки, но лишь в «пассивном виде» и на степени «замкнутого идиллического быта», а об настоящей и возможной деятельности народа — «лучше уж и не говорить». Для него народ наш, даже во всяком случае, лишь косная и безгласная масса, — и что же: мы все почти ведь тогда ему и поверили. Вот почему я и не смею «нападать» на Грановского и обличаю лишь время, а не его. Статья эта ходила тогда по рукам и имела влияние... То-то и есть, что меня всего более поразила параллель этой замечательной статьи и замечательного взгляда ее с настоящей, теперешней нашей минутой. Нет, теперь даже западник Грановский мог бы изумиться, а пожалуй, и *поверить*. Эти добровольные жертвы и приношения народные для православных славян, эти жертвы старообрядцев, посылающих от обществ своих санитарные отряды, эти жертвы артельных рабочих из последних грошей или целыми деревнями, по мирским приговорам, жертвы, наконец, солдат и матросов из их жалованья, наконец — русские люди всех сословий, едущие сражаться за угнетенных православных братьев, проливать за них кровь, — нет, это нечто уже обозначившееся и нельзя сказать чтоб пассивное, нечто, с чем нельзя не считаться. Движение обозначилось, и уже оспорить его нельзя. Дамы, знатные барыни ходят по улицам с кружками, собирая милостыню на братьев славян, и он важно и умилительно смотрит на это совсем новое для него явление: «значит, все опять собираются вместе, значит — не всегда же рознь, значит, мы все такие же христиане», — вот что непременно чувствует народ, а может, уже и думает. И, уж конечно, до него доходят и сведения: он слушает газеты и сам уже начинает читать их. И, уж конечно, слышал, да и в церкви молился за упокой души Николая Алексеевича Киреева, положившего жизнь свою за народное дело, и, кто знает, может быть, сложит об этой смерти и жертве свою народную песню —

И хоть падет, но будет жив
В сердцах и памяти народной
И он, и пламенный порыв
Души прекрасной и свободной;
Славна кончина за народ!

Да, это была «кончина за народ», и не за один лишь славянский народ, а и за дело всеобщее, православное и русское дело, и народ всегда это хорошо поймет. Нет, народ наш не матерьялист и не развращен еще духом настолько, чтоб думать об одних только насущных выгодах и о положительном интересе. Он рад духовно, если предстанет великая цель, и примет ее как хлеб духовный. И неужели народ теперь, в настоящую минуту, не знает и не смекает, что дальнейшее развитие этого «дела о славянах» может даже и нам грозить войной, зажечь войну? Ведь тогда ему опять, как и в восточную войну, двадцать лет назад, выпадут на долю повинности и тяготы; взгляните же на него теперь: боится ли он чего-нибудь? Нет, в народе нашем видно побольше духовных и деятельных сил, чем предполагают о нем иные его «знатоки». Предоставил бы лучше Грановский взгляд этот другим, вот тому самому множеству этих наших «знатоков народа» и даже, пожалуй, иным нашим писателям о народе, которые так и остались, во весь свой век, лишь обучившимися русскому мужику иностранцами.

Повторю в заключение: у нас идеалист часто забывает, что идеализм есть дело вовсе не стыдное. У идеалиста и реалиста, если только они честны и великодушны, одна и та же сущность — любовь к человечеству и один и тот же объект — человек, только лишь одни *формы* представления объекта различные. Стыдиться своего идеализма нечего: это тот же путь и к той же цели. Так что идеализм, в сущности, точно так же реален, как и реализм, и никогда не может исчезнуть из мира. Не Грановским стыдиться, что они являются именно затем, чтоб проповедовать «прекрасное и высокое». А если устыдятся уж и Грановские и, убоясь насмешливых и высокомерных мудрецов ареопага, примкнут чуть не к Меттерниху, то кто же будут тогда нашими пророками? И не *историку бы Грановскому* не знать, что народам дороже всего — иметь идеалы и сохранить их и что иная святая идея, как бы ни казалась вначале слабою, непрактичною, идеальною и смешною в глазах мудрецов, но всегда найдется такой член ареопага и «женщина именем Фамарь», которые еще изначала поверят проповеднику и примкнут к светлому делу, не боясь разрыва с своими мудрецами. И вот маленькая, несовременная и непрактическая «смешная идейка» растет и множится и под конец побеждает мир, а мудрецы ареопага умолкают.

III. НЕМЦЫ И ТРУД. НЕПОСТИЖИМЫЕ ФОКУСЫ. ОБ ОСТРОУМИИ

Эмс — место блестящее и модное. Сюда съезжаются со всего света больные преимущественно грудью, «катарами дыхательных путей» и весьма успешно лечатся у его источников. Перебывает в лето до 14-ти и до 15 тысяч посетителей, всё, конечно, людей

богатых или уж по крайней мере таких, которые в состоянии не отказать себе в заботе о собственном здоровье. Но есть и бедные, которые тоже *приходят* сюда полечиться. Их перебывает до сотни человек и, может быть, что и не приходят, а приезжают. Меня очень заинтересовали *четвертые* классы, устроенные на немецких железных дорогах, не знаю только, на всех ли? Во время одной остановки в пути я попросил кондуктора (все почти кондукторы на немецких железных дорогах не только очень распорядительны, но и внимательны и любезны к пассажиру) растолковать мне, что это за четвертый класс. Он показал мне пустой вагон, то есть без всяких скамеек и в котором были только стены и пол. Оказывалось, что пассажиры должны стоять.

— Может быть, па пол садятся?

— О да, конечно, кто как хочет.

— А сколько мест полагается на вагон?

— Двадцать пять мест.

Прикинув мысленно размер этого пустого вагона на двадцать пять человек, я заключил, что они непременно должны стоять, да еще плечом к плечу; таким образом, в случае если б впрямь набилось двадцать пять человек, то есть полный комплект, ни один из них не мог бы сесть никак, несмотря на «кто как хочет». Поклажу свою, разумеется, должен держать в руках; впрочем, у них ведь узелки какие-нибудь.

— Да, но зато здесь цены ровно наполовину менее против третьего класса, а это уже чрезвычайное благодеяние для бедного.

Ну, это действительно чего-нибудь да стоит. И так, эти «бедные», прибывающие в Эмс, не только лечатся, но и содержатся на счет... вот уж этого и не знаю — на чей счет. Только что вы приезжаете в Эмс и занимаете квартиру в отеле (а в Эмсе все дома — отели), к вам на второй, на третий день непременно явятся, один вслед за другим, два сбирателя пожертвований с книжками, — люди вида смиренного и терпеливого, но и при некотором собственном достоинстве. Один из них сбирает на содержание вот этих самых бедных больных. К книжке приложено печатное приглашение эмских докторов эмским пациентам — вспомнить о бедных. Вы даете посильную жертву и вписываете ваше имя. Я пересмотрел книгу, и пожертвования поразили меня своею скудостью: одна марка, полмарки, редко три марки, ужасно редко пять марок, а казалось бы, здесь не очень-то надоедают публике просьбами о пожертвованиях: кроме этих двух «сбирателей», нет никаких других. В то время, когда вы жертвуете и вписываетесь в книгу, чиновник (буду уж называть его чиновником) смиренно стоит у вас посреди комнаты.

— А много вы набираете во весь сезон? — спросил я.

— До тысячи талеров, мейн гер, а между тем это слишком малая сумма сравнительно с тем, что требуется: их много, их до ста человек, и мы их совершенно содержим, лечим, поим и кормим и помещение даем.

Действительно маловато; тысяча талеров это три тысячи марок; если перебывает публики до 14 тысяч человек, то — по скольку же придется жертвы на каждого? Стало быть, есть и такие, которые совсем не жертвуют, отказываются и выгоняют собирателя (и есть, и именно *выгоняют*, я это узнал впоследствии). Между тем публика блестящая, чрезвычайно даже блестящая. Выйдите, когда пьют воды или па музыку, и посмотрите эту толпу.

Кстати, я читал еще весной в наших газетах, что мы, русские, очень мало пожертвовали для восставших славян (это, конечно, было высказано еще до теперешних пожертвований) и что, сравнительно с нами, в Европе все пожертвовали гораздо более, не говоря уже об Австрии, которая одна пожертвовала множество (?) миллионов гульденов на содержание несчастных семейств повстанцев, десятками тысяч перебравшихся на ее территорию; что в Англии, например, пожертвовали несравненно более нашего и даже во Франции и в Италии. Но, воля ваша, я не верю громадности этих европейских пожертвований на славян. Про Англию много говорили, но любопытно бы, однако, узнать настоящую цифру ее пожертвований, которая, кажется, еще никому в точности не известна. Что же до Австрии, с самого начала восстания уже имевшей в виду приобретение части Боснии (об котором теперь уже заходит в дипломатическом мире речь), то жертвовала она, стало быть, не бескорыстно, а ввиду будущего своего интереса, и жертва ее была вовсе не общественная, а просто-запросто казенная. Но и тут «множество» миллионов гульденов, кажется, можно бы подвергнуть сомнению. Жертвы были, или, лучше сказать, ассигнованы деньги были, но велика ли была эта помощь на самом деле, — это обозначится разве лишь в будущем.

Другой чиновник, то есть эмский сборщик пожертвований, неуклонно являющийся вслед за первым, сбирает на «blödige Kinder»,[1] то есть на маленьких детей-идиотов. Это здешнее заведение. Уж разумеется, этих идиотов доставляет в это заведение не один только Эмс, да и неприлично было бы такому маленькому городку народить столько идиотов. На заведение это ассигнована казенная сумма, но, видно, приходится прибегать и к пожертвованиям. Блестящий человек или великолепная дама вылечиваются, получают здоровье благодаря именно здешним источникам и — не то что в благодарность к месту, но хоть на память, оставляют две-три марки на бедных, брошенных, несчастных маленьких существ. В этой второй книге пожертвований тоже — марка, две марки, иногда, страшно редко, мелькает даже 10 марок. Сбирает этот второй чиновник в сезон до 1500 талеров: «но прежде было лучше, прежде больше давали», — прибавил он с горестию. В этой книге бросилось мне в глаза одно пожертвование, так сказать, как бы с направлением: 5 пфеннигов ($1\frac{1}{2}$ копейки сереб-

[1] слабоумные дети (*нем.*).

р‹ом›). Это напомнило мне пожертвование одного русского статского советника, вписанное в книгу в Пятигорске, на памятник Лермонтову: он пожертвовал *одну копейку серебр.* и подписал свое имя. С год тому это передавали в газетах, но имени жертвователя не объявили, и, по-моему, совершенно напрасно: ведь он сам подписал свое имя публично и, может быть, именно мечтая о славе. Но статский советник имел, очевидно, в виду выказать свою умственную силу, взгляд, направление, он протестовал против искусства, против ничтожности поэзии в наш век «реализма», пароходов и железных дорог, то есть против всего того, на что восстает обыкновенно и всякая либеральная (а верней — с чужого голоса либеральствующая) обшмыга третьего разряда. Но этот-то, другой-то, здешний-то blödige что хотел выразить своими пятью пфеннигами? Уж и не понимаю, к чему тут приложить направление. Blödige Kinder — это маленькие несчастные существа, выброски из беднейших семейств, — чего уж бы тут-то острить? «И если напоите бедного хоть единым стаканом воды, то и то зачтется вам в царствии небесном». А впрочем, что ж я: стакан воды в Эмсе, уж конечно, не стоит более пяти пфеннигов, даже ни в каком случае, а стало быть, и за пять пфеннигов можно в рай попасть. Именно рассчитал minimum расхода на рай: «к чему давать лишнее?» Просто дитя века; нынче, дескать, никого не надуешь.

С самого первого моего приезда в Эмс, то есть еще третьего года, и с самого первого дня меня заинтересовало одно обстоятельство — и вот продолжает интересовать в каждый мой приезд. Два самые общеупотребительные источника в Эмсе, несмотря на несколько других, — это Кренхен и Кессельбрунен. Над источниками выстроен дом, и самые источники отгорожены от публики балюстрадой. За этой балюстрадой стоит несколько девушек, по три у каждого источника — приветливых, молодых и чисто одетых. Вы им подаете ваш стакан, и они тотчас же вам наливают воду. В определенные два часа, положенные на утреннее питье, у этих балюстрад перебывают тысячи больных; каждый больной выпивает в течение этих двух часов по нескольку стаканов, по два, по три, по четыре — сколько ему предписано; то же и во время вечернего питья. Таким образом, каждая из этих трех девушек нальет и раздаст, в эти два часа, чрезвычайное множество стаканов. Но мало того, что это делается совершенно в порядке, не суетливо, спокойно, методически и вас ни разу не задержат, — удивительнее всего то, что каждая из этих девиц, по-моему, обладает каким-то чуть не сверхъестественным соображением. Вы только один раз скажете ей, в первый раз по приезде: «вот мой стакан, мне столько-то унций кренхена и столько-то унций молока» — и она уже во весь месяц лечения ни разу не ошибется. Кроме того, она уже вас знает наизусть и различает в толпе.

Толпа теснится густо, в несколько рядов, все протягивают стаканы; она берет их по шести, по семи стаканов зараз, зараз все их и наполняет в какую-нибудь четверть минуты и, не пролив, не разбив, раздает каждому без ошибки. Она сама протягивает к вам стакан и знает, что из тысячи стаканов — вот этот ваш, а этот другого, помнит наизусть, сколько вам унций воды, сколько молока и сколько вам предписано выпить стаканов. Никогда не случается ни малейшей ошибки; я к этому присматривался и нарочно справлялся. И главное — тут несколько тысяч больных. Очень может быть, что всё это самая обыкновенная вещь и нет ничего удивительного, но для меня, вот уже третий год, это почти непостижимо, и я всё еще смотрю на это, как на какой-то непостижимый фокус. И хоть и смешно всему удивляться, но эту задачу я положительно не могу разрешить. По-видимому, надо заключить о необыкновенной памяти и быстроте соображения этих немок, а между тем тут, может быть, всего только привычка к работе, усвоение работы с самого раннего детства и, так сказать, *победа над трудом*. Что касается собственно труда, то для присматривающегося русского тут тоже большое недоумение. Живя месяц в отеле (то есть, собственно, не в отеле, тут всякий дом отель, и большинство этих отелей, кроме нескольких больших гостиниц, — просто квартиры с прислугою и с содержанием по уговору), я просто дивился на служанку отеля. В том отеле, где я жил, было двенадцать квартир, все занятые, а в иной и целые семейства. Всякий-то позвонит, всякий-то требует, всем надо услужить, всем подать, взбежать множество раз на день по лестнице — и на всё это, во всем отеле, всей прислуги была одна только девушка девятнадцати лет. Мало того, хозяйка держит ее же и на побегушках по поручениям: за вином к обеду тому-то, в аптеку другому, к прачке для третьего, в лавочку для самой хозяйки. У этой хозяйки-вдовы было трое маленьких детей, за ними надо было все-таки присмотреть, услужить им, одеть поутру в школу. Каждую субботу надо вымыть во всем доме полы, каждый день убрать каждую комнату, переменить каждому постельное и столовое белье и каждый раз, после каждого выбывшего жильца, немедленно вымыть и вычистить всю его квартиру, не дожидаясь субботы. Ложится спать эта девушка в половине двенадцатого ночи, а наутро хозяйка будит ее колокольчиком ровно в пять часов. Всё это буквально так, как я говорю, я не преувеличиваю нисколько. Прибавьте, что она служит за самую скромную плату, немыслимую у нас в Петербурге, и, сверх того, с нее требуется, чтоб одета была чисто. Заметьте, что в ней нет ничего приниженного, забитого: она весела, смела, здорова, имеет чрезвычайно довольный вид, при ненарушимом спокойствии. Нет, у нас так не работают; у нас ни одна служанка не пойдет на такую каторгу, даже за какую угодно плату, да, сверх того, не сделает так, а сто раз забудет, прольет, не принесет, разобьет, ошибется, рассердится, «нагрубит», а тут в целый месяц ни на что ровно

нельзя было пожаловаться. По-моему, это удивительно — и я, в качестве русского, уж и не знаю: хвалить или хулить это? Я, впрочем, рискну и похвалю, хотя есть над чем и задуматься. Здесь каждый принял свое состояние так, как оно есть, и на этом успокоился, не завидуя и не подозревая, по-видимому, еще ничего, — по крайней мере, в огромнейшем большинстве. Но труд все-таки прельщает, труд установившийся, веками сложившийся, с обозначившимся методом и приемом, достающимися каждому чуть не со дня рождения, а потому каждый умеет подойти к своему делу и *овладеть* им вполне. Тут каждый свое дело знает, хотя, впрочем, каждый только свое дело и знает. Говорю это потому, что здесь все так работают, не одни служанки, а и хозяева их.

Посмотрите на немецкого чиновника, — ну, вот хоть бы почтамтский чиновник. Всякий знает, что такое чиновник русский, из тех особенно, которые имеют ежедневно дело с публикою: это нечто сердитое и раздраженное, и если не высказывается иной раз раздражение видимо, то затаенное, угадываемое по физиономии. Это нечто высокомерное и гордое, как Юпитер. Особенно это наблюдается в самой мелкой букашке, вот из тех, которые сидят и дают публике справки, принимают от вас деньги и выдают билеты и проч. Посмотрите на него, вот он занят делом, «при деле»: публика толпится, составился хвост, каждый жаждет получить свою справку, ответ, квитанцию, взять билет. И вот он на вас не обращает никакого внимания. Вы добились наконец вашей очереди, вы стоите, вы говорите — он вас не слушает, он не глядит на вас, он обернул голову и разговаривает с сзади сидящим чиновником, он взял бумагу и с чем-то справляется, хотя вы совершенно готовы подозревать, что он это только так и что вовсе не надо ему справляться. Вы, однако, готовы ждать и — вот он встает и уходит. И вдруг бьют часы и присутствие закрывается — убирайся, публика! Сравнительно с немецким, у нас чиновник несравненно меньше часов сидит во дню за делом. Грубость, невнимательность, пренебрежение, *враждебность* к публике, потому только, что она публика, и главное — мелочное юпитерство. Ему непременно нужно выказать вам, что вы от него зависите: «Вот, дескать, я какой, ничего-то вы мне здесь за балюстрадой не сделаете, а я с вами могу всё, что хочу, а рассердитесь — сторожа позову, и вас выведут». Ему нужно кому-то отмстить за какую-то обиду, отмстить вам за свое ничтожество. Здесь, в Эмсе, в почтамте сидят обыкновенно два, много три чиновника. Бывают месяцы, во время сезона (июнь, июль, например), в которые столпятся приезжие тысячами, можно представить, какая переписка и какая почтамту работа. За исключением каких-нибудь двух часов на обед и проч., они заняты сплошь весь день. Надобно принять почту, отправить ее, тысяча человек приходит спрашивать poste restante или об чем-нибудь справиться. Для каждого-то он пересмотрит целые вороха писем, каждого-то выслушает, каждому-то

выдаст справку, объяснение — и всё это терпеливо, ласково, вежливо и в то же время с сохранением достоинства. Он из мелкой букашки человеком становится, а не обращается из человека в букашку... По приезде в Эмс я долго не получал нетерпеливо ожидаемого мною письма — и каждый день справлялся в poste restante. В одно утро, возвратясь с питья вод, нахожу письмо это у себя на столе. Оно только что пришло, и чиновник, упомнивший мою фамилию, но не знавший, где я живу, нарочно справился о том в печатном листе о приезжих, в котором обозначаются все прибывшие и где они остановились, и прислал мне письмо экстренно, несмотря на то, что оно адресовано было poste restante (до востребования), и всё это единственно потому, что накануне, когда я справлялся, он заметил чрезвычайное мое беспокойство. Ну, кто из наших чиновников так сделает?

Что же до остроты немецкого ума и немецкой сообразительности, пришедших мне на ум именно по поводу немецкого труда и всего, что я сказал о нем выше, то об этом в свете существует несколько варьянтов. Французы, никогда и прежде не любившие немцев, постоянно находили и находят немецкий ум туговатым, но уже, разумеется, не тупым. Они признают в немецком уме какую-то как бы наклонность всегда и во всем обойти прямое и, напротив, всегдашнее желание прибегнуть к чему-нибудь посредствующему, из единичного сделать нечто как бы двусложное, двухколенное. У нас же, русских, про туготу и тупость немцев всегда ходило множество анекдотов, несмотря на всё искреннее преклонение наше перед их ученостью. Но у немцев, кажется мне, лишь слишком сильная своеобразность, слишком уж упорная, даже до надменности, национальная характерность, которая и поражает иной раз до негодования, а потому и доводит иногда до неверного о них заключения. Впрочем, в общежитии, и особенно на свежеприбывшего в Германию иностранца, немец действительно производит вначале иногда странное впечатление.

Дорогою из Берлина в Эмс поезд остановился у одной станции на 4 минуты. Была ночь; я устал сидеть в вагоне, и мне захотелось хоть немного походить и выкурить на воздухе папиросу. Все вагоны спали, и в целом длинном поезде никто, кроме меня, не вышел. Но раздается звонок, и я вдруг замечаю, что, по всегдашней моей рассеянности, забыл номер вагона, а выходя, сам же и затворил его. Оставалось, может быть, несколько секунд, я уже хотел идти к кондуктору, который был на другом конце поезда, как вдруг слышу, что кто-то зовет из окна одного вагона: pst! pst! ну, думаю, вот и мой вагон! Действительно, немцы, в своих маленьких вагонных купе, в которых помещается maximum по 8 человек, в продолжение пути очень наблюдают друг за другом. Немец, если остановка на большой станции, где обед или ужин, выходя сам из вагона, непременно позаботится разбудить заснувшего соседа, чтоб он потом не тужил, что проспал ужин, и проч. Я и подумал, что это один из проснувшихся товарищей

по вагону, который звал меня, заметив, что я потерял мое место. Я подошел, высунулось озабоченное немецкое лицо.

— Was suchen Sie? (Что вы ищете?)

— Мой вагон. Я не с вами сплю? Это мой вагон?

— Нет, здесь не ваш вагон, и вы не здесь спите. Но где же ваш вагон?

— Да то-то и есть, что я его потерял!

— И я не знаю, где ваш вагон.

И только в самую последнюю, можно сказать, секунду явившийся кондуктор указал мне мой вагон. Спрашивается, для чего же звал и расспрашивал меня тот немец? Но, поживя в Германии, вы скоро убеждаетесь, что и всякий немец точно такой же и точно так же поступит.

Лет десять назад я приехал в Дрезден — и на другой же день, выйдя из отеля, прямо отправился в картинную галерею. Дорогу я не спросил: Дрезденская картинная галерея такая замечательная вещь в целом мире, что уж наверно каждый встречный дрезденец, образованного класса, укажет дорогу, подумал я. И вот, пройдя улицу, я останавливаю одного немца, весьма серьезной и образованной наружности.

— Позвольте узнать, где здесь картинная галерея?

— Картинная галерея? — остановился, соображая, немец.

— Да.

— Ко-ро-левская картинная галерея? (Он особенно ударил на слово: королевская.)

— Да.

— Я не знаю, где эта галерея.

— Но... здесь разве есть еще какая-нибудь другая галерея?

— О, нет, нету никакой.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

I. РУССКИЙ ИЛИ ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫК?

Какая бездна русских на всех этих немецких водах, тем более на модных, как в Эмсе. Вообще русские очень любят лечиться. Даже у Вундерфрау, в лечебнице близ Мюнхена, где нет, впрочем, вод, главный контингент больных, как рассказывают, добывается из России. К этой фрау ездят, впрочем, всё более лица солидные и, так сказать, генеральские, предварительно высылая ей из Петербурга свои пузыри и выпрашивая себе, еще с зимы, место в ее заведении. Женщина эта грозная и строптивая. В Эмсе же вы различаете русских, разумеется, прежде всего по говору, то есть по тому русскому-французскому говору, который свойствен только одной России и который даже иностранцев начал уже повергать в изумление. Я говорю: «уже начал», но доселе нам за это

слышались лишь одни похвалы. Я знаю, скажут, что ужасно старо нападать на русских за французский язык, что и тема, и нравоучение слишком изношенные. Но для меня вовсе не то удивительно, что русские между собою говорят не по-русски (и даже было бы странно, если б они говорили по-русски), а то удивительно, что они воображают, что хорошо говорят по-французски. Кто вбил нам в голову этот глупый предрассудок? Безо всякого сомнения, он держится лишь нашим невежеством. Русские, говорящие по-французски (то есть огромная масса интеллигентных русских), разделяются на два общие разряда: на тех, которые уже бесспорно плохо говорят по-французски, и на тех, которые воображают про себя, что говорят как настоящие парижане (всё наше высшее общество), а между тем говорят так же бесспорно плохо, как и первый разряд. Русские первого разряда доходят до нелепостей. Я сам, например, встретил в одну уединенную вечернюю прогулку мою по берегу Ланна двух русских — мужчину и даму, людей пожилых и разговаривавших с самым озабоченным видом о каком-то, по-видимому, очень важном для них семейном обстоятельстве, очень их занимавшем и даже беспокоившем. Они говорили в волнении, но объяснялись по-французски и очень плохо, книжно, мертвыми, неуклюжими фразами и ужасно затрудняясь иногда выразить мысль или оттенок мысли, так что один в нетерпении подсказывал другому. Они друг другу подсказывали, но никак не могли догадаться взять и начать объясняться по-русски; напротив, предпочли объясниться плохо и даже рискуя не быть понятными, но только чтоб было по-французски. Это меня вдруг поразило и показалось мне неимоверною нелепостью, а между тем я встречал это уже сто раз в жизни. Главное в том, что тут наверно не бывает предпочтения, — хоть я и сказал сейчас «предпочли говорить», — или выбора языка: просто говорят на скверном французском по привычке и по обычаю, не ставя даже и вопроса, на каком языке говорить удобнее. Отвратительно тоже в этом неумелом мертвом языке это грубое, неумелое, мертвое тоже произношение. Русский французский язык второго разряда, то есть язык высшего общества, отличается опять-таки прежде всего произношением, то есть действительно говорит как будто парижанин, а между тем это вовсе не так — и фальшь выдает себя с первого звука, и прежде всего именно этой усиленной надорванной выделкой произношения, грубостью подделки, усиленностью картавки и грассейемана, неприличием произношения буквы *р* и, наконец, в нравственном отношении — тем нахальным самодовольством, с которым они выговаривают эти картавые буквы, тою детскою хвастливостью, не скрываемою даже и друг от друга, с которою они щеголяют один перед другим подделкой под язык петербургского парикмахерского гарсона. Тут самодовольство всем этим лакейством отвратительно. Как хотите, хоть всё это и старо, но это всё продолжает быть удивительным, именно потому, что живые люди,

в цвете здоровья и сил, решаются говорить языком тощим, чахлым, болезненным. Разумеется, они сами не понимают всей дрянности и нищеты этого языка (то есть не французского, а того, на котором они говорят) и, по неразвитости, короткости и скудости своих мыслей ужасно пока довольны тем материалом, который предпочли для выражения этих коротеньких своих мыслей. Они не в силах рассудить, что выродиться совершенно во французов им все-таки нельзя, если они родились и выросли в России, несмотря на то, что самые первые слова свои лепечут уже по-французски от бонн, а потом практикуются от гувернеров и в обществе; и что потому язык этот выходит у них непременно мертвый, а не живой, язык не натуральный, а сделанный, язык фантастический и сумасшедший, — именно потому, что так упорно принимается за настоящий, одним словом, язык совсем не французский, потому что русские, как и никто, никогда не в силах усвоить себе всех основных родовых стихий живого французского языка, если только не родились совсем французами, а усвоивают лишь прежде данный чужой жаргон, и много что парикмахерское нахальство фразы, а затем, пожалуй, и мысли. Язык этот как бы краденый, а потому ни один из русских парижан не в силах породить во всю жизнь свою на этом краденом языке ни одного своего собственного выражения, ни одного нового оригинального слова, которое бы могло быть подхвачено и пойти в ход на улицу, что в состоянии, однако, сделать каждый парикмахерский гарсон. Тургенев рассказывает в одном своем романе анекдот, как один из таких русских, войдя в Париже в Café de Paris, крикнул: «garçon, beftek aux pommes de terre»,[1] а другой русский, уже успевший перенять, как заказывают бифштекс по-новому, пришел и крикнул: «garçon, beftek-pommes». Русский, крикнувший по-старому «aux pommes de terre», был в отчаянии, как это он не знал и пропустил это новое выражение — «beftek-pommes», и в страхе, что теперь, пожалуй, гарсоны могут посмотреть на него с презрением. Рассказ этот, очевидно, взят автором с истинного происшествия. Ползая рабски перед формами языка и перед мнением гарсонов, русские парижане естественно также рабы и перед французскою мыслью. Таким образом сами осуждают свои бедные головы на печальный жребий не иметь во всю жизнь ни одной своей мысли.

Да, рассуждения о вреде усвоения чужого языка, вместо своего родного, с самого первого детства — бесспорно смешная и старомодная тема, наивная до неприличия, но, мне кажется, вовсе еще не до того износившаяся, чтоб нельзя было попытаться сказать на эту тему и свое словцо. Да и нет такой старой темы, на которую нельзя бы было сказать что-нибудь новое. Я, конечно, не претендую на *новое* (где мне!), но рискну хоть для

---

[1] официант, бифштекс с картофелем! (*франц*).

очистки совести: все-таки скажу. Мне бы ужасно тоже хотелось как-нибудь изложить мои аргументы попопулярнее, в надежде, что какая-нибудь маменька высшего света прочтет меня.

II. НА КАКОМ ЯЗЫКЕ ГОВОРИТЬ ОТЦУ ОТЕЧЕСТВА?

Я спросил бы маменьку так: знает ли она, что такое язык, и как она представляет себе, для чего дано слово? Язык есть, бесспорно, форма, тело, оболочка мысли (не объясняя уже, что такое мысль), так сказать, последнее и заключительное слово органического развития. Отсюда ясно, что чем богаче тот материал, те формы для мысли, которые я усвоиваю себе для их выражения, тем буду я счастливее в жизни, отчетнее и для себя и для других, понятнее себе и другим, владычнее и победительнее; тем скорее скажу себе то, что хочу сказать, тем глубже скажу это и тем глубже сам пойму то, что хотел сказать, тем буду крепче и спокойнее духом — и, уж конечно, тем буду умнее. Опять-таки: знает ли маменька, что человек хоть и может мыслить с быстротою электричества, но никогда не мыслит с такою быстротою, а все-таки несравненно медленнее, хотя и несравненно скорее, чем, например, говорит. Отчего это? Оттого, что он все-таки мыслит непременно на каком-нибудь языке. И действительно, мы можем не примечать, что мы мыслим на каком-нибудь языке, но это так, и если не мыслим словами, то есть произнося слова хотя бы мысленно, то всё же, так сказать, мыслим «стихийной основной силой того языка», на котором предпочли мыслить, если возможно так выразиться. Понятно, что чем гибче, чем богаче, чем многоразличнее мы усвоим себе тот язык, на котором предпочли мыслить, тем легче, тем многоразличнее и тем богаче выразим на нем нашу мысль. В сущности, ведь для чего мы учимся языкам европейским, французскому например? Во-первых, попросту, чтоб читать по-французски, а во-вторых, чтоб говорить с французами, когда столкнемся с ними; но уж отнюдь не между собой и не сами с собой. На высшую жизнь, на глубину мысли заимствованного, чужого языка не достанет, именно потому, что он нам все-таки будет оставаться чужим; для этого нужен язык родной, с которым, так сказать, родятся. Но вот тут-то и запятая: русские, по крайней мере высших классов русские, в большинстве своем, давным-давно уж не родятся с живым языком, а только впоследствии приобретают какой-то искусственный и русский язык узнают почти что в школе, по грамматике. О, разумеется, при большом желании и прилежании, можно наконец перевоспитать себя, научиться даже до некоторой степени и живому русскому языку, родившись с мертвым. Я знал одного русского писателя, составившего себе имя, который не только русскому языку выучился, не зная его вовсе, но даже и мужику русскому обу-

чился — и писал потом романы из крестьянского быта. Этот комический случай повторялся у нас нередко, а иногда так даже в весьма серьезных размерах: великий Пушкин, по собственному своему признанию, тоже принужден был перевоспитать себя и обучался и языку, и духу народному, между прочим, у няни своей Арины Родионовны. Выражение *«обучиться языку»* особенно идет к нам, русским, потому что мы, высший класс, уже достаточно оторваны от народа, то есть от живого языка (язык — народ, в нашем языке это синонимы, и какая в этом богатая глубокая мысль!). Но скажут: уж если пришлось «обучаться» живому языку, то ведь всё равно, что русскому, что французскому, — но в том-то и дело, что русский язык русскому все-таки легче, несмотря ни на бонн, ни на обстановку, и этою легкостью непременно, пока время есть, надо воспользоваться. Чтоб усвоить себе этот русский язык натуральнее, без особой надсадки и не по одной только науке (под наукой я, конечно, не одну школьную грамматику здесь разумею), надо непременно еще с детства перенимать его от русских нянек, по примеру Арины Родионовны, не боясь того, что она сообщит ребенку разные предрассудки — о трех китах например (господи! ну, как киты-то у него на всю жизнь останутся!); сверх того, не бояться простонародья и даже слуг, от которых так предостерегают родителей иные деятели. Затем уже в школе непременно заучивать наизусть памятники нашего слова, с наших древних времен — из летописей, из былин и даже с церковнославянского языка, — и именно наизусть, невзирая даже на ретроградство заучивания наизусть. Усвоив себе таким образом родной язык, то есть язык, на котором мы мыслим, по возможности, то есть хоть настолько хорошо, чтоб хоть походило на что-нибудь живое, и приучив себя непременно на этом языке мыслить, мы тем самым извлечем тогда пользу из нашей оригинальной русской способности европейского языкознания и многоязычия. В самом деле, только лишь усвоив в возможном совершенстве первоначальный материал, то есть родной язык, мы в состоянии будем в возможном же совершенстве усвоить и язык иностранный, но не прежде. Из иностранного языка мы невидимо возьмем тогда несколько чуждых нашему языку форм и согласим их, тоже невидимо и невольно, с формами нашей мысли — и тем расширим ее. Существует один знаменательный факт: мы, на нашем еще неустроенном и молодом языке, можем передавать глубочайшие формы духа и мысли европейских языков: европейские поэты и мыслители все переводимы и передаваемы по-русски, а иные переведены уже в совершенстве. Между тем на европейские языки, преимущественно на французский, чрезвычайно много из русского народного языка и из художественных литературных наших произведений до сих пор совершенно непереводимо и непередаваемо. Я не могу без смеха вспомнить один перевод (теперь очень редкий) Гоголя на французский

язык, сделанный в средине 40-х годов, в Петербурге, г-м Виардо, мужем известной певицы, в сообществе с одним русским, теперь по праву знаменитым, но тогда еще лишь начинавшим молодым писателем. Вышла просто какая-то галиматья, вместо Гоголя. Пушкин тоже во многом непереводим. Я думаю, если б перевесть такую вещь, как сказание протопопа Аввакума, то вышла бы тоже галиматья, или, лучше сказать, ровно ничего бы не вышло. Почему это так? Ведь страшно сказать, что европейский дух, может быть, не так многоразличен и более замкнуто-своеобразен, чем наш, несмотря даже на то, что уж несомненно законченнее и отчетливее выразился, чем наш. Но если это страшно сказать, то, по крайней мере, нельзя не признать, с надеждой и с весельем духа, что нашего-то языка дух — бесспорно многоразличен, богат, всесторонен и всеобъемлющ, ибо в неустроенных еще формах своих, а уже мог передать драгоценности и сокровища мысли европейской, и мы чувствуем, что переданы они точно и верно. И вот этакого «материала» мы сами лишаем своих детей, — для чего? Чтоб сделать их несчастными, бесспорно. Мы презираем этот материал, считаем грубым подкопытным языком, на котором неприлично выразить великосветское чувство или великосветскую мысль.

Кстати, ровно пять лет назад произошла у нас так называемая классическая реформа обучения. Математика и два древние языка, латинский и греческий, признаны наиболее развивающим средством, умственным и даже духовным. Не мы признали это и не мы это выдумали: это факт и факт бесспорный, выжитый на опыте всею Европою в продолжение веков, а нами только перенятый. Но вот в чем дело: рядом с страшно усиленным преподаванием этих двух древних великих языков и математики, почти совсем подавлено у нас преподавание языка русского. Спрашивается: как, каким средством и через какой матерьял наши дети усвоят себе формы этих двух древних языков, если русский язык в упадке. Неужели только один механизм преподавания этих двух языков (да еще учителями чехами) и составляет всю развивающую их силу. Да и с механизмом нельзя справиться, не ведя в параллель самое усиленное и углубленное преподавание *живого* языка. Вся нравственно-развивающая сила этих двух древних языков, этих двух наиболее законченных форм человеческой мысли и уже поднявших, веками, весь бывший варварский Запад до высочайшей степени развития и цивилизации, — вся эта сила, естественно, минует нашу новую школу, именно из-за упадка в ней русского языка. Или, может быть, реформаторы наши считали, что русскому языку у нас не надо учиться вовсе, кроме разве того, где ставить букву ѣ, потому что с ним родятся? Но то-то и есть, что мы, в высших классах общества, уже перестаем родиться с живым русским языком — и давно уже. Живой же язык явится у нас не раньше, как когда мы совсем соединимся с народом.

Но я увлекся, ведь я заговорил было с маменькой, а перешел на классическую реформу и на соединение с народом.

Маменьке, конечно, скучно всё это слушать; маменька в негодовании махает ручкой и с насмешкой отвертывается. Маменьке всё равно, на каком бы языке сынок ни мыслил, а коль на парижском, так тем даже лучше: «и изящнее, и умнее, и больше вкуса». Но она даже и того не знает, что для этого нужно переродиться во француза совсем, а с боннами и гувернерами этого счастья все-таки никак не достигнешь, а сделаешь разве лишь одну первую станцию по этой дороге, то есть перестанешь быть русским. О, маменька не знает, каким ядом она отравляет свое детище еще с двухлетнего возраста, приглашая к нему бонну. Всякая мать и всякий отец знают, например, об одной ужасной детской физической привычке, начинающейся у иных несчастных детей чуть ли еще не с десятилетнего возраста и, при недосмотре за ними, могущей переродить их иногда в идиотов, в дряблых, хилых стариков еще в юношестве. Прямо осмелюсь сказать, что бонна, то есть французский язык с первого детства, с первого детского лепета, есть всё равно — в нравственном смысле, что та ужасная привычка в физическом. Хорошо еще, если он от природы глуп или благонадежно-ограничен; тогда он проживет свою жизнь и на французском языке, шутя, с коротенькими идейками и с парикмахерским развитием, а умрет, совсем не заметив, что всю жизнь был дураком. Но что если это человек со способностями, человек с мыслью в голове и с порывами великодушия в сердце, — разве он может быть счастлив? Не владея матерьялом, чтоб организовать на нем всю глубину своей мысли и своих душевных запросов, владея всю жизнь языком мертвым, болезненным, краденым, с формами робкими, заученными, для него не раздвигающимися и грубыми, — он будет вечно томиться беспрерывным усилием и надрывом, умственным и нравственным, при выражении себя и души своей (господи, да неужели так трудно понять, что это язык неживой и ненатуральный!). Он сам заметит с мучением, что мысль его коротка, легковесна, цинична — цинична именно по своей короткости, вследствие ничтожных, мелочных форм, в которые всю жизнь облечена была; заметит, наконец, что даже и сердце его развратно. Разврат придет и от тоски. О, конечно, карьера его не пострадает: все эти — родящиеся с боннами предназначаются своими маменьками непременно в будущие отцы отечества и имеют претензию думать, что без них нельзя обойтись. Он будет блистать, повелевать и «подгонять»; будет вводить порядки и сумеет распорядиться, — одним словом, очень даже часто будет собою доволен, особенно когда будет говорить длинные речи чужими мыслями и чужими фразами и в которых будет plus de noblesse, que de sincerité.[1] А между тем если он

[1] больше благородства, чем искренности (*франц.*).

чуть-чуть человек, то в целом он будет несчастен. Он будет вечно тосковать как бы от какого-то бессилия, именно как те старцы-юноши, страдающие преждевременным истощением сил от скверной привычки. Но, увы, какая маменька поверит мне, что все эти бедствия могут произойти от французского языка и от бонны! Предчувствую, что и не одна маменька скажет мне, что я преувеличил; а между тем, в строгом смысле, я сказал правду без преувеличения. Возразят, напротив, что тем даже и лучше, что живешь на чужом языке, что тем проживешь легче, легковеснее, приятнее, и что вот именно этих вопросов и запросов жизни и надо избегать, и что всему этому именно способствует французский язык, не как французский язык, а как чужой язык, усвоенный вместо родного. Как? Этот блестящий молодой человек, этот салонный очарователь и бонмотист будет несчастен? Он так одет, так причесан, так здоров, с таким аристократическим цветом лица и с такой прелестной розой в бутоньерке? Маменька надменно усмехается. А между тем и без того уже (то есть и без французского воспитания) интеллигентный русский, даже и теперь еще, в огромном числе экземпляров — есть не что иное, как умственный пролетарий, нечто без земли под собою, без почвы и начала, международный межеумок, носимый всеми ветрами Европы. А уж этот-то прошедший через бонн и гувернеров, даже в самых лучших случаях, даже если он об чем-нибудь и мыслит и что-нибудь чувствует, — в сущности все-таки не более как превосходно гантированный молодой человек, может быть уже проглотивший несколько модных увражей, но ум которого бродит в вечных тенебрах, а сердце жаждет одних аржанов. Отцом отечества он, повторяю, будет, конечно, ему ли не дослужиться, да и кому же быть, как не ему (отцы отечества начинаются у нас с чина тайного советника), — ну, вот маменьке пока и довольно; но ведь только маменьке!..

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

I. ЧТО НА ВОДАХ ПОМОГАЕТ: ВОДЫ ИЛИ ХОРОШИЙ ТОН?

Эмс я описывать не буду; к тому же на русском языке существуют подробнейшие описания Эмса, например книжка доктора Гиршгорна «Эмс и его целебные источники», изданная в Петербурге. Там всё можно почерпнуть, начиная с медицинских сведений об источниках до самых мельчайших подробностей об жизни в отелях, об гигиене, прогулках, местоположении и даже о публике Эмса. Что до меня, то я и не умею этого описывать, и если б заставили меня теперь, когда уже я приехал домой, то я прежде всего припомнил бы яркое солнце, действительно живописное ущелье Таунуса, в котором расположился Эмс, огромную нарядную толпу со всего света и — глубокое, глубочайшее

уединение мое в этой толпе. И, однако ж, несмотря на уединение, я даже люблю этакую толпу, конечно особенным образом. В толпе этой я нашел даже одного знакомого, русского, вот того самого *парадоксалиста*, который когда-то, давно уже, отстаивал в споре со мной войну и находил в ней все правды и истины, каких нельзя найти в современном обществе (смотри апрельский № «Дневника»). Я уже объявил, что это самого смиренного и статского вида человек. Всем известно, что мы, русские, или, лучше сказать, мы, петербуржцы, так сложили свою жизнь, что видимся и ведем дела подчас бог знает с кем, а друзей наших хоть и не забываем (разве может петербуржец что-нибудь или кого-нибудь забыть), но преспокойно не видимся с ними иногда даже по целым годам. Приятель мой тоже что-то пил в Эмсе. Лет ему примерно сорок пять от роду, может быть меньше.

— Это вы правы, — сказал он мне. — Эту здешнюю толпу как-то любишь и даже не знаешь за что. Да и везде как-то любишь толпу, разумеется фешенебельную, сливки. Можно не якшаться ни с кем из всего этого общества, но в целом — ведь ничего пока лучшего на свете нет.

— Ну, полноте...

— Я с вами не спорю, не спорю, — согласился он поскорей. — Когда настанет на земле лучшее общество — и человек согласится жить, так сказать, разумнее, то мы на это теперешнее общество и посмотреть не захотим и помянуть даже не захотим, разве только два слова во всемирной истории. Но теперь-то что вы, вместо него, можете представить лучшего?

— Неужели же нельзя и теперь ничего представить лучше этой праздной толпы обеспеченных людей, людей, которые, если б не толкались теперь на водах, то наверно не знали бы, что делать и как изломать свой день. Хорошие отдельные личности — это так, это еще можно найти и в этой толпе, но в целом — в целом она не стоит не только каких-нибудь особых похвал, но даже особого внимания!..

— Вы говорите это как глубокий человеконенавистник или просто по моде. Вы говорите: «не знали бы, что делать и как изломать свой день»!.. Поверьте, что у каждого из них есть свое дело и даже такое, из-за которого он уже изломал всю свою жизнь, а не только день. Не виноват же каждый из них, что не может сделать из жизни рая, а потому и страдает. Вот мне и нравится глядеть, как все эти страдальцы здесь смеются.

— Смеются из приличия?

— Смеются из обычая, который их всех ломит и заставляет принимать участие в игре в рай, пожалуй, если хотите так назвать. Он не верит раю, он играет в эту игру скрепя сердце, но всё же играет, а тем развлекается. Обычай-то уж слишком силен. Тут есть такие, которые этот обычай даже совсем за серьезную вещь приняли — и тем лучше для них, конечно: они уже

в настоящем раю. Если вы их всех любите (а вы их должны любить), — то должны радоваться, что им есть возможность отдохнуть и забыться, ну, хоть в мираже.

— Да вы смеетесь? И зачем я должен любить их?

— Да ведь это человечество, другого ведь и не бывает, а как же не любить человечества. В последнее десятилетие нельзя не любить человечества. Здесь есть одна русская дама, которая очень любит человечество. И совсем я не смеюсь. И, чтоб не продолжать на эту тему, я вам прямо скажу в заключение, что всякое общество хорошего тона, вот этакая — вот фешенебельная толпа, имеет в себе даже некоторые положительные достоинства. Например: всякое фешенебельное общество уже тем хорошо, что оно хоть карикатурно, а соприкасается с природой больше, чем всякое иное, например даже земледельческое, которое в большинстве своем везде пока живет совсем неестественно. Я уж не говорю про фабрики, про войска, про школы, про университеты: всё это верх неестественности. Эти же всех свободнее, потому что всех богаче, а потому, по крайней мере, могут жить как хотят. О, разумеется, они соприкасаются с природой лишь насколько позволяют приличие и хороший тон. Раздвинуться, раствориться, раскрыться навстречу природе совершенно, навстречу вот этому золотому солнечному лучу, который светит на нас, грешных, с голубого неба, без разбора: стóим ли мы того или нет, — без сомнения, неприлично в той мере, в какой хотелось бы теперь нам обоим или там какому-нибудь поэту; маленький стальной замочек хорошего тона по-прежнему висит над каждым сердцем и над каждым умом. Тем не менее нельзя не согласиться, что хороший тон все-таки ступил хоть маленький шажок по дороге соприкосновения с природой не только в наше столетие, но даже в наше поколение. Я наблюдал и прямо вывожу, что в наш век чем дальше, тем больше понимают и соглашаются, что соприкосновение с природой есть самое последнее слово всякого прогресса, науки, рассудка, здравого смысла, вкуса и отличной манеры. Войдите и погрузитесь в эту толпу: на лицах радость, веселие. Все говорят один с другим кротко, то есть необыкновенно вежливо, все ласковы и необыкновенно веселы. Подумаешь, всё счастье этого молодца с розой в бутоньерке — развеселить вот эту пятидесятилетнюю толстую барыню. В самом деле, что заставляет его около нее стараться? Неужели он и впрямь желает ей счастья и веселья? Конечно нет, и наверно его заставляют стараться какие-нибудь особые и слишком частные причины, до которых нам с вами нет дела; но ведь вот что главное: его может и в силах заставить к тому и один лишь хороший тон, без всяких особенных и частных причин, — а это уж чрезвычайно важный результат: это показывает, до чего может осилить в наш век хороший тон иную даже дикую природу иного молодца. Поэзия выводит Байронов, а те Корсаров, Гарольдов, Лар, — но

посмотрите, как мало прошло времени с их появления, а уж все эти лица забракованы хорошим тоном, признаны за самое дурное общество, а уж тем паче наш Печорин или Кавказский Пленник: те оказались уж вполне дурного тона; это петербургские чиновники, одну минуту имевшие успех. А почему забракованы? Потому что эти лица истинно злы, нетерпеливы и хлопочут о себе одних откровенно, так что нарушают гармонию хорошего тона, который из всех сил должен делать вид, что всякий живет для всех, а все для каждого. Смотрите, вот несут цветы, это букеты дамам и отдельные розы для бутоньерок кавалерам; вы только посмотрите, как обработаны эти розы, как подобраны, как обрызганы водой! Никогда дева полей не подберет и не подстрижет ничего изящнее для молодого парня, которого любит. А меж тем эти розы принесены на продажу по пяти и по десяти немецких грошей за штуку, и дева полей до них не прикасалась вовсе. Золотой век еще весь впереди, а теперь промышленность; но вам-то какое дело и не всё ли равно: они рядятся, они прекрасны, и выходит действительно точно рай. Да и не всё ли равно: «рай» или «точно рай»? А меж тем вникните: сколько вкуса и какая верная идея! ну, что может больше идти к питью вод, то есть к надежде выздороветь, к здоровью, как не цветы? Цветы — это надежды. Сколько вкуса в этой идее. Вспомните текст: «Не заботьтесь во что одеться, взгляните на цветы полевые, и Соломон во дни славы своей не одевался как они, кольми паче оденет вас бог». В точности не упомню, но какие прекрасные слова! В них вся поэзия жизни, вся правда природы. Но пока правда природы наступит и люди в простоте и в веселии сердца будут венчать друг друга цветами искренней человеческой любви, — всё это теперь продается и покупается за пять грошей без любви. А не всё ли вам, опять-таки говорю, равно? По-моему, даже удобнее, потому что, право, я вам скажу, от иной еще любви убежишь, ибо слишком уж много благодарности потребует, а тут вынул грош — и квит. А меж тем, действительно, получается подобие золотого века — и если вы человек с воображением, то вам и довольно. Нет, современное богатство должно быть поощряемо, хотя бы на счет других. Оно дает роскошь и хороший тон, чего никогда не даст мне эта остальная толпа человечества. Здесь я имею изящную картину, которая меня веселит, а за веселье и всегда деньги платят. Веселье и радость всегда всего дороже стоили, а между тем я, нищий человек, ничего не платя, могу тоже участвовать во всеобщей радости тем, что, по крайней мере, языком пощелкаю. Посмотрите: раздается музыка, люди смеются, дамы одеты так, как, уж конечно, никто не одевался во дни Соломоновы, — и хоть всё это мираж, но ведь вам и мне весело, и, наконец, по совести, разве я порядочный человек? (Я про себя одного говорю) — но, благодаря водам, вот и я участвую, вместе с самыми, так сказать, сливками людей. И с каким аппетитом пойдете вы теперь пить

ваш сквернейший немецкий кофей! Вот что я называю положительной стороной хорошего общества.

— Ну, это вы всё смеетесь, и очень даже не ново.

— Смеюсь, а скажите, улучшился ли ваш аппетит с тех пор, как вы приходите сюда пить воды?

— О, конечно, чрезвычайно.

— Значит, положительная сторона хорошего тона до того сильна, что даже на желудок действует?

— Помилуйте, да ведь это действие вод, а не хорошего тона.

— И несомненно хорошего тона. Так что еще неизвестно, что главное на водах помогает: воды или хороший тон. Даже доктора здешние сомневаются, чему отдать преимущество, и вообще трудно и выразить, какой огромный прогрессивный шаг сделала в наш век медицина: у нее теперь родились даже идеи, а прежде были одни лекарства.

II. ОДИН ИЗ ОБЛАГОДЕТЕЛЬСТВОВАННЫХ СОВРЕМЕННОЙ ЖЕНЩИНОЙ

Но я, конечно, не буду описывать всех наших разговоров с этим старого покроя человеком. Я знал, впрочем, что самая щекотливая для него тема — это женщины. И вот мы с ним однажды разговорились о женщинах. Он заметил мне, что я очень уж всматриваюсь.

— Это я всматриваюсь в англичанок, и с особой целью. Я взял с собой сюда в дорогу две брошюры: одну Грановского о Восточном вопросе, а другую — о женщинах. В этой брошюре о женщинах есть несколько прекраснейших и самых зрелых мыслей. Но одна фраза, представьте себе, совсем меня сбила с толку. Автор вдруг пишет:

> «И однако же, всему свету известно, что такое англичанка. Это очень высокий тип женской красоты и женских душевных качеств, и с этим типом не могут равняться наши русские женщины...»

Как? Я с этим не согласен. Неужели англичанка составляет уж такой высокий тип женщины в сравнении с нашими русскими женщинами? Я глубоко с этим не согласен.

— Кто автор брошюры?

— Так как я не хвалил то, что можно в брошюре похвалить, то и, выдернув эту единственную фразу автора, с которой не могу согласиться, умолчу его имя.

— Должно быть, автор холостой человек и не успел еще узнать всех качеств русской женщины.

— Хотя вы это сказали и из язвительности, но вы сказали правду о «качествах» русской женщины. Да, не русскому отрекаться от своих женщин. Чем наша женщина ниже какой бы то ни было? Я уже не стану указывать на обозначившиеся

идеалы наших поэтов, начиная с Татьяны, — на женщин Тургенева, Льва Толстого, хотя уж это одно большое доказательство: если уж воплотились идеалы такой красоты в искусстве, то откуда-нибудь они взялись же, не сочинены же из ничего. Стало быть, такие женщины есть и в действительности. Не стану тоже говорить, например, о декабристках, о тысяче других примеров, ставших известными. И нам ли, знающим русскую действительность, не знать о тысячах женщин, не ведать о тысячах незримых, никому не видимых подвигах их, и иногда в какой обстановке, в каких темных, ужасных углах и трущобах, среди каких пороков и ужасов! Короче, я не буду защищать прав русской женщины на высокое положение среди женщин всей Европы, но вот что только скажу: не правда ли, мне кажется, должен существовать такой естественный закон в народах и национальностях, по которому каждый мужчина должен по преимуществу искать и любить женщин в своем народе и в своей национальности? Если же мужчина начнет ставить женщин других наций выше своих и прельщаться ими по преимуществу, то тогда наступит пора разложения этого народа и шатания этой национальности. Ей-богу, у нас уже начиналось нечто подобное в этом роде, в последние сто лет, именно пропорционально разрыву нашему с народом. Мы прельщались польками, француженками, даже немками; теперь вот есть охотники ставить выше своих англичанок. По-моему, в этом признаке ровно ничего нет утешительного. Тут две точки: или духовный разрыв с национальностью, или просто гаремный вкус. Надо воротиться к своей женщине, надо учиться своей женщине, если мы разучились понимать ее...

— Я с приятностью готов согласиться с вами во всем, хотя и не знаю, существует ли такой закон природы или национальности. Но позвольте вас спросить: почему вы подумали, что я будто бы с язвительностью заметил, что автор брошюры, как холостой человек, должно быть, не имел случая познакомиться со всеми высшими качествами русской женщины? Тут уж по тому одному не может быть ни малейшей с моей стороны язвительности, что сам я, могу сказать, облагодетельствован русской женщиной. Да, каков я ни есть и каков бы я вам ни казался, я сам был некоторое время моей жизни женихом русской женщины. Эта девица была, так сказать, даже выше меня по положению в свете, она была окружена искателями, она могла выбирать, и она...

— Предпочла вас? Извините, я не знал...

— Нет, она не предпочла, а именно забраковала меня, но в том-то и состояло всё дело! Я вам откровенно скажу, пока я не был женихом, всё было ничего, и я был счастлив лишь тем, что мог видеть эту особу почти ежедневно. Даже осмелюсь заметить, впрочем совершенно вскользь, что, может быть, я и не производил совершенно уже дурного впечатления. Прибавлю

тоже, что девица эта имела в доме своем много свободы. И вот однажды, в одну чрезвычайно странную и ни на что не похожую (могу даже так сказать) минуту, она вдруг дает мне слово, — и вы не поверите, что со мной тогда сталось. Всё это, конечно, было между нами в секрете, но когда я, огорошенный, воротился на мою квартиру, то мысль, что я буду владетелем и половиной такого блестящего существа, просто придавила меня, как гирей. Я скользил взглядом по моей мебели, по всем дрянным моим холостым вещам и вещицам, для меня, однако ж, столь необходимым, — и я так стыдился и себя, и своего положения в свете, и фигуры моей, и волос моих, и вещиц моих, и ограниченности моего ума и сердца, что тысячу раз готов был решиться даже на проклятие своего жребия при мысли, что я, такой ничтожнейший из людей, буду обладать такими неподходящими мне сокровищами. Я вам к тому это всё обозначаю, чтоб выразить одну довольно неизвестную сторону брачной истины или, лучше сказать, чувство, которое, к сожалению, слишком редко кто ощущает из женихов, а именно: чтоб жениться, нужно иметь чрезвычайно много в запасе самой глупейшей надменности, знаете, этакой самой глупенькой, пошленькой гордости, — и всё это при самом смешном тоне, к которому деликатный человек не может быть ни за что способен. Ну как сравнить себя хоть одно мгновение с таким существом, как светская девица, с таким утонченным совершенством, начиная с воспитания, с локонов, с газового платья, с танцев, с невинности, с простодушной, но вместе с тем со светской прелестью суждений и чувств ее? И представить себе, что всё это войдет в мою квартиру, а я буду даже в халате, — вы смеетесь? А между тем это ужасная мысль! И вот еще задача, скажут вам: если вы боитесь такого совершенства и чувствуете себя для него непригодным, то возьмите замарашку (то есть во всяком случае не нравственную замарашку). И что же, ведь ни-ни: не соглашаешься даже с негодованием и ничего сбавлять не намерен. Одним словом, я не буду вам описывать подробностей, всё такие же. Например, когда я лег в отчаянии и бессилии на мой диван (надо вам сказать, сквернейший диван во всем мире, с толкучего рынка и с сломанной пружиной), то меня, между прочим, посетила одна ничтожненькая мысль: «Вот женюсь и будут наконец теперь постоянно уж тряпочки, — ну, от выкроек, что ли, вытирать перья». Ну чего бы, кажется, обыкновеннее такого рассуждения и что в нем такого ужасного? Соображение это мелькнуло, без сомнения, нечаянно, мимолетом, вы это сами должны понимать, потому что бог знает какие идеи способны иногда мелькнуть в душе человеческой, и даже в ту минуту, когда эту душу тащут на гильотину. Помыслил же я так, вероятно, потому, что до нервных припадков не люблю оставлять стальных перьев невытертыми, что делают, однако же, все на свете. И что же? Я горько упрекнул себя за эту мысль в ту же минуту: ввиду

такой огромности события и предмета мечтать о тряпочках для перьев, находить время и место для такой низкой обыкновенной идеи, — «ну чего ж ты после этого стоишь?» Одним словом, я почувствовал, что вся моя жизнь пройдет теперь в упреках самому себе, за всякую мысль мою и за всякий поступок мой. И что же, когда она вдруг объявила мне, несколько дней спустя, со смехом в лице, что она пошутила и выходит, напротив, замуж за одного сановника, то я, я... А впрочем, я тут вместо радости выказал такой испуг, такое падение, что даже сама она испугалась и сама побежала за стаканом воды. Я оправился, но испуг мой послужил мне же на пользу: она поняла, как я любил ее, и... как ценил, как высоко ценил... «А я-то думала, — сказала она потом, уже замужем, — что вы такой гордый и ученый и что вы меня ужасно будете презирать». С тех пор я имею в ней друга, и, повторяю, если кто был когда-либо облагодетельствован женщиной, или, лучше сказать, русской женщиной, то уж это, конечно, я, и я этого никогда не забуду.

— Так что вы стали другом этой особы?

— То есть, видите ли, в высшей степени, но мы видимся редко, из года в год, и даже реже. Русские друзья обыкновенно видятся в пять лет по одному разу, а многие чаще и не вынесли бы. Сначала я не посещал их, потому что положение в свете ее супруга было выше моего, теперь же, — теперь она столь несчастна, что мне самому тяжело смотреть на нее. Во-первых, муж ее старик шестидесяти двух лет и через год после свадьбы угодил под суд. Он должен был отдать, для пополнения казенного недочета, чуть не всё свое состояние, под судом лишился ног — и теперь его возят в креслах в Крейцнахе, где я видел их обоих дней десять тому назад. Она, как возят кресло, постоянно идет подле с правой стороны и тем исполняет высокий долг современной женщины, — заметьте, всё время и постоянно выслушивая его язвительнейшие упреки. Мне так тяжело стало смотреть на нее, или, лучше сказать, на них обоих, — потому что я еще до сих пор не знаю, кого больше жалеть, — что я их тотчас же там и оставил, а сам приехал сюда. Я очень рад, что не сказал вам ее фамилии. Вдобавок же имел несчастье, даже в этот короткий срок, рассердить ее и, кажется, окончательно, передав ей откровенно мой взгляд на счастье и на обязанность русской женщины.

— О, конечно, вы не могли сыскать более удобного случая.

— Вы критикуете? Но кто же бы ей это высказал? Мне всегда, напротив, казалось, что величайшее счастье — это знать по крайней мере, отчего несчастлив. И позвольте, так как уж вышло к слову, то я и вам выскажу мой взгляд на счастье и обязанность русской женщины; в Крейцнахе я всего не договорил.

III. ДЕТСКИЕ СЕКРЕТЫ

Но здесь я пока остановлюсь. Я только чтобы вывести лицо и познакомить его предварительно с читателем. Да и хотелось бы мне вывести его лишь как рассказчика, а со взглядами его я не совсем согласен. Я уже объяснял, что это «парадоксалист». Взгляд же его на «счастье и обязанность современной женщины» даже и не блистает оригинальностью, хотя излагает он его с каким-то почти гневом; подумаешь, что это у него самое больное место. Просто-напросто, по его пониманию, женщина, чтоб быть счастливою и исполнить все свои обязанности, должна непременно выйти замуж и в браке народить как можно больше детей, «не двух, не трех, а шестерых, десятерых, до изнеможения, до бессилия». «Тогда только она соприкоснется с живою жизнью и узнает ее во всевозможных проявлениях».

— Помилуйте, не выходя из спальни!

— Напротив, напротив! Я предчувствую и знаю все возражения зараие. Я взвесил всё: «университет, высшее образование и т. д. и т. д.». Но не говоря уже о том, что и из мужчин лишь десятитысячный становится ученым, я вас серьезно спрошу: чем может помешать университет браку и рождению детей? Напротив, университет непременно должен наступить для всех женщин, и для будущих ученых и для просто образованных, но потом, после университета,—«брак и роди детей». Умнее как родить детей ничего до сих пор на свете еще пе придумано, а потому, чем больше запасешь для этого ума, тем лучше выйдет. Ведь это Чацкий, что ли, провозгласил, что

...чтоб иметь детей
Кому ума недоставало?

И провозгласил именно потому, что сам-то он и был в высшей степени необразованным москвичом, всю жизнь свою только кричавшим об европейском образовании с чужого голоса, так что даже завещания не сумел написать, как оказалось впоследствии, а оставил имение неизвестному лицу, «другу моему Сонечке». Эта острота насчет «кому ума недоставало» тянулась пятьдесят лет именно потому, что и целых пятьдесят лет потом у нас не было людей образованных. Теперь, слава богу, образованные люди начинают и у нас появляться и, поверьте, первым делом поймут, что иметь детей и родить их — есть самое главное и самое серьезное дело в мире, было и не переставало быть. «Кому недоставало ума, скажите пожалуйста?» Да вот же недостает: современная женщина в Европе перестает родить. Про наших я пока умолчу.

— Как перестает родить, что вы?

Я должен включить мимоходом, что в этом человеке есть одна самая неожиданная странность: он любит детей, любитель детей и именно маленьких, крошек, «еще в ангельском чине». Он любит до того, что бегает за ними. В Эмсе он даже стал этим

известен. Всего более любил он гулять в аллеях, куда выносят или выводят детей. Он знакомился с ними, даже только с годовалыми, и достигал того, что многие из детей узнавали его, ждали его, усмехались ему, протягивали ему ручки. Немку-няньку он расспросит непременно, сколько ребенку годков или месяцев, расхвалит его, похвалит косвенно и няньку, чем ей польстит. Одним словом, это в нем вроде страсти. Он всегда был в особенном восторге, когда каждое утро на водах, в аллеях, среди публики, вдруг показывались целыми толпами дети, идущие в школу, одетые, прибранные, с бутербродами в руках и с ранчиками за плечами. Надо признаться, что действительно эти толпы детей были хороши, особенно четырех-, пяти-, шестилетние, то есть самые маленькие.

— Tel que vous me voyez,[1] я сегодня купил две дудки, — сообщил он мне в одно утро, с чрезвычайно довольным видом, — не этим, не школьникам — эти большие, и я только что вчера имел удовольствие познакомиться с нхним школьным учителем: самый достойнейший человек, какой только может быть. Нет, это были два пузана, два брата, один трех, а другой двух лет. Трехлетний водит двухлетнего, много ума-то у обоих; и оба остановились у палатки с игрушками, разинув рты, в этом глупом и прелестном детском восхищении, которого прелестнее ничего в мире не выдумаешь. Торговка, немка хитрая, сейчас смекнула, как я смотрю, — и мигом всучила им по дудке: я должен был заплатить две марки-с. Восторг неописанный, ходят и дудят. Это было час тому, но я сейчас опять туда наведался — всё дудят. Я вам как-то говорил, указывая на здешнее общество, что пока лучше его ничего еще не может дать мир. Я соврал, а вы мне поверили, не отрекайтесь, поверили. Напротив, вот где лучшее, вот где совершенство: эти толпы этих эмских детей, с бутербродами в руках и с ранчиками за плечами, идущих в школы... Что же, солнце, Таунус, дети, смех детей, бутерброды и изящная толпа всех милордов и маркизов в мире, любующаяся на этих детей, — всё вместе это прелестно. Вы заметили, что толпа на них каждый раз любуется: это все-таки в ней признаки вкуса и — порыв серьезности. Но Эмс глуп, Эмс не может быть не глуп, а потому он еще продолжает родить детей, но Париж — Париж уж приостановился.

— Как приостановился?

— В Париже есть такая огромная промышленность под названием Articles de Paris,[2] которая, вместе с шелком, французским вином и фруктами, помогла выплатить пять миллиардов контрибуции. Париж слишком чтит эту промышленность и занимается ею до того, что забывает производить детей. А за Парижем и вся Франция. Ежегодно министр торжественно докладывает палатам о том, что «la population reste stationnaire».[3] Ребятишки, видите

[1] Я, знаете ли (*франц.*).
[2] Парижские изделия (*франц.*).
[3] «численность населения остается постоянной» (*франц.*).

ли, не рождаются, а и рождаются — так не стоят; зато, прибавляет министр с похвальбой, «старики у нас стоят, старики, дескать, во Франции долговечны». А по-моему, хоть бы они передохли, старые <- - ->, которыми Франция начиняет свои палаты. Есть чему радоваться — их долговечности; песку, что ли, сыплется мало?

— Я вас, все-таки, не понимаю. К чему тут Articles de Paris?

— А дело просто. Впрочем, вы сами романист, а стало быть, может, и знаете одного бестолковейшего и очень талантливого французского писателя и идеалиста старой школы, Александра Дюма-фиса? Но за этим Александром Дюма есть несколько хороших, так сказать, движений. Он требует, чтоб французская женщина родила. Мало того: он прямо возвестил всем известный секрет, что женщины во Франции, из достаточной буржуазии, все сплошь, родят по двое детей; как-то так ухитряются с своими мужьями, чтоб родить только двух — и ни больше, ни меньше. Двух родят и забастуют. И все уже так, и не хотят родить больше, — секрет распространяется с удивительною быстротою. Потомство уже получается и с двумя, и, кроме того, имения на двух останется больше, чем на шестерых, это раз. Ну, а во-вторых, сама женщина сохраняется дольше: красота дольше тянется, здоровье, на выезды больше времени выгадывается, на наряды, на танцы. Ну, а насчет родительской любви, — нравственной стороны то есть вопроса, — так двух, дескать, еще больше любишь, чем шестерых, а шестеро-то нашалят еще, пожалуй, надоедят, разобьют, возись с ними! .. но башмакам только одним сосчитать на них, так сколько досады выйдет и т. д. и т. д. Но не в том дело, что Дюма сердится, а в том, что прямо решился заявить о существовании секрета: двух, дескать, — и ни больше, ни меньше, да еще с мужьями продолжают жить брачно в свое удовольствие, словом, всё спасено. Мальтус, столь боявшийся увеличения населения в мире, и не предположил бы даже в фантазии вот этаких средств. Что ж, всё это слишком соблазнительно. Во Франции, как известно, страшное количество собственников, буржуазии городской и буржуазии земельной: для них это находка. Это их изобретение. Но находка перешагнет и за пределы Франции. Пройдет еще каких-нибудь четверть века, и увидите, что даже глупый Эмс поумнеет. Берлин, говорят, страшно уж поумнел в этом же смысле. Но хоть и уменьшаются дети, но всё же министр во Франции не заметил бы этой разницы, если б обошлось лишь одной буржуазией, то есть достаточным классом, и если б не было в этом деле другого конца. Другой конец — пролетарии, восемь, десять, а пожалуй, и все двенадцать миллионов пролетариев, людей некрещеных и невенчанных, живущих, вместо брака, в «разумных ассоциациях», для «избежания тирании». Эти прямо вышвыривают детей на улицы. Родятся Гавроши, мрут, не стоят; а устоят, так наполняют воспитательные дома и тюрьмы для малолетних преступников. У Zola, так

называемого у нас реалиста, есть одно очень меткое изображение современного французского рабочего брака, то есть брачного сожития, в романе его «Le ventre de Paris».[1] И заметьте: Гавроши уж не французы, но замечательнее всего, что и эти сверху, вот — которые родятся собственниками, по двое и в секрете, — тоже ведь не французы. По крайней мере, я осмеливаюсь утверждать это, так что два конца и две противуположности сходятся. Вот уж и первый результат: Франция начинает переставать быть Франциeй. (Ну возможно ли сказать, чтоб эти 10 миллионов считали Францию за отечество!) Я знаю, найдутся, что скажут, тем лучше: уничтожатся французы — останутся люди. Но ведь люди ли? Люди-то, положим, но это будущие дикие, которые проглотят Европу. Из них изготовляется исподволь, но твердо и неуклонно, будущая бесчувственная мразь. Что поколение вырождается физически, бессилеет, пакостится, по-моему, нет уже никакого сомнения. Ну, а физика тащит за собой и нравственность. Это плоды царства буржуазии. По-моему, вся причина — земля, то есть почва и современное распределение почвы в собственность. Я вам это, так и быть, объясню.

IV. ЗЕМЛЯ И ДЕТИ

— Земля всё, — продолжал мой Парадоксалист. — Я землю от детей не розню, и это у меня как-то само собой выходит. Впрочем, я вам этого развивать не хочу, поймете и так, коли призадумаетесь. Дело в том, что всё от земельной ошибки. Даже, может, и всё остальное, и все-то остальные беды человеческие, — все тоже, может быть, вышли от земельной ошибки. У миллионов нищих земли нет, во Франции особенно, где слишком уж, и без того, малоземельно, — вот им и негде родить детей, они и принуждены родить в подвалах, и не детей, а Гаврошей, из которых половина не может назвать своего отца, а еще половина так, может, и матери. Это с одного краю, с другого же краю, с высшего, тоже, думаю, земельная ошибка, но только уж другого рода ошибка, противуположная, а идет, может быть, еще с Хлодвига, покорителя Галлии: у этих уж слишком много земли на каждого, слишком уж велик захват, не по мерке, да и слишком уж сильно они им владеют, ничего не уступают, так что и там и тут ненормальность. Что-нибудь тут должно произойти, переменить, но только у всех должна быть земля, и дети должны родиться на земле, а не на мостовой. Не знаю, не знаю, как это поправится, но знаю, что пока там негде родить детей. По-моему, работай на фабрике: фабрика тоже дело законное и родится всегда подле возделанной уже земли: в том ее и закон. Но пусть каждый фабричный работник знает, что у него где-то там есть Сад, под золо-

[1] «Чрево Парижа» (*франц.*).

тым солнцем и виноградниками, собственный, или, вернее, общинный Сад, и что в этом Саду живет и его жена, славная баба, не с мостовой, которая любит его и ждет, а с женой — его дети, которые играют в лошадки и все знают своего отца. Que diable,[1] всякий порядочный и здоровый мальчишка родится вместе с лошадкой, это всякий порядочный отец должен знать, если хочет быть счастлив. Вот он туда и будет заработанные деньги носить, а не пропивать в кабаке с самкой, найденной на мостовой. И хоть Сад этот и не мог бы, в крайнем случае (во Франции, например, где так мало земли), прокормить его вместе с семьей, так что и не обошлось бы без фабрики, но пусть он знает, по крайней мере, что там его дети с землей растут, с деревьями, с перепелками, которых ловят, учатся в школе, а школа в поле, и что сам он, наработавшись на своем веку, все-таки придет туда отдохнуть, а потом и умереть. А ведь, кто знает, — может, и совсем прокормить достанет, да и фабрик-то, может, нечего бояться, может — и фабрика-то середи Сада устроится. Одним словом, я не знаю, как это всё будет, но это сбудется, Сад будет. Помяните мое слово хоть через сто лет и вспомните, что я вам об этом в Эмсе, в искусственном саду и среди искусственных людей, толковал. Человечество обновится в Саду и Садом выправится — вот формула. Видите, как это было: сначала были замки, а подле замков землянки; в замках жили бароны, а в землянках вассалы. Затем стала подыматься буржуазия в огороженных городах, медленно, микроскопически. Тем временем кончились замки и настали столицы королей, большие города с королевскими дворцами и с придворными отелями, и так вплоть до нашего века. В наш век произошла страшная революция, и одолела буржуазия. С ней явились страшные города, которые не снились даже и во сне никому. Таких городов, какие явились в 19-м веке, никогда прежде не видало человечество. Это города с хрустальными дворцами, с всемирными выставками, с всемирными отелями, с банками, с бюджетами, с зараженными реками, с дебаркадерами, со всевозможными ассоциациями, а кругом них с фабриками и заводами. Теперь ждут третьего фазиса: кончится буржуазия и настанет Обновленное Человечество. Оно поделит землю по общинам и начнет жить в Саду. «В Саду обновится и Садом выправится». Итак, замки, города и Сад. Если хотите всю мою мысль, то, по-моему, дети, настоящие то есть дети, то есть дети людей, должны родиться на земле, а не на мостовой. Можно жить потом на мостовой, но родиться и *всходить* нация, в огромном большинстве своем, должна на земле, на почве, на которой хлеб и деревья растут. А европейские пролетарии теперь все — сплошь мостовая. В Саду же детки будут выскакивать прямо из земли, как Адамы, а не поступать девяти лет, когда еще играть хочется, на фабрики, ломая там спинную кость над станком, тупя ум перед подлой ма-

[1] Черт возьми (*франц.*).

что пусть его дадутъ землю рощицу, съ деревья-
съ перепелками, которыхъ ловятъ, учатся въ
школахъ, а школа въ полѣ, и что самъ онъ, нарабо-
тавшись на своемъ вѣку, все-таки придетъ туда
отдохнуть а потомъ и умереть. А вѣдь кто
знаетъ ~~[illegible]~~ — можетъ
и совсѣмъ прокормитъ достатокъ. Да и фабрика
-то можетъ ничего совсѣмъ не значить. Можетъ
и фабрика-то среди сада устроится. Однимъ
словомъ, я не знаю какъ это все будетъ, но это
сбудется, Садъ будетъ. Помяните мое слово хоть
черезъ сто лѣтъ и вспомните что я вамъ объ этомъ
въ Эмсѣ, въ искусственномъ саду и среди искусствен-
ныхъ людей отписывалъ. Человѣчество обновится
въ Саду и Садомъ выправится — вотъ формула.
Видите какъ это было: Сначала были замки, а
подлѣ замковъ землянки. Въ замкахъ жили бароны,
а въ землянкахъ вассалы. Затѣмъ стала подыматься
буржуазія въ огороженныхъ городахъ, медленно, ми-
кроскопически. Тѣмъ временемъ кончились
замки и настали столицы королей, большіе
города съ королевскими дворцами и съ придворными
отелями, — и такъ вплоть до нашего вѣка. Въ
нашъ вѣкъ произошла страшная революція и
одолѣла буржуазія. Съ ней явились страшные горо-
да которые не снились даже и во снѣ никому. Та-
кихъ городовъ, какіе явились въ 19м вѣкѣ ни-
когда прежде не видало человѣчество. Это города
съ хрустальными дворцами, съ всемірными выстав-
ками, съ всемірными отелями, съ банками, съ
бюджетами, съ зараженными рѣками, съ дебарка-
дерами, со всевозможными ассоціаціями, а кругомъ
нихъ съ фабриками и заводами. Теперь ждутъ
третьяго фазиса: кончится буржуазія и на-
станетъ Обновленное Человѣчество. Оно подѣлитъ
землю по общинамъ и начнетъ жить въ Саду.
Въ Саду обновится и Садомъ выправится. И такъ

«Дневник писателя» за 1876 г. Страница наборной рукописи четвертой главы выпуска за июль—август.

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР. Ленинград.

шиной, которой молится буржуа, утомляя и губя воображение перед бесчисленными рядами рожков газа, а нравственность — фабричным развратом, которого не знал Содом. И это мальчики и это девочки десяти лет, и где же, добро бы здесь, а то уж у нас в России, где так много земли, где фабрики еще только шутка, а городишки стоят каждый для трех подьячих. А между тем если я вижу где зерно или идею будущего — так это у нас, в России. Почему так? А потому, что у нас есть и по сих пор уцелел в народе один принцип и именно тот, что земля для него *всё*, и что он всё выводит из земли и от земли, и это даже в огромном еще большинстве. Но главное в том, что это-то и есть нормальный закон человеческий. В земле, в почве есть нечто сакраментальное. Если хотите переродить человечество к лучшему, почти что из зверей поделать людей, то наделите их землею — и достигнете цели. По крайней мере у нас земля и община в скверпейшем виде, согласен, — но всё же огромное зерно для будущей идеи, а в этом и штука. По-моему, порядок в земле и из земли, и это везде, во всем человечестве. Весь порядок в каждой стране — политический, гражданский, всякий — всегда связан с почвой и с характером землевладения в стране. В каком характере сложилось землевладение, в таком характере сложилось и всё остальное. Если есть в чем у нас в России наиболее теперь беспорядка, так это в владении землею, в отношениях владельцев к рабочим и между собою, в самом характере обработки земли. И покамест это всё не устроится, не ждите твердого устройства и во всем остальном. Я ведь никого и ничего не виню: тут всемирная история, — и мы понимаем. По-моему, мы так еще дешево от крепостного права откупились, благодаря *согласию* земли. Вот на это-то согласие я бью и во всем остальном. Это согласие — ведь это опять одно из народных начал, вот тех самых, которые в нас до сих пор еще Потугины отрицают. Ну-с, а все эти железные дороги наши, наши новые все эти банки, ассоциации, кредиты — всё это, по-моему, пока только лишь тлен, я из железных дорог наших одни только стратегические признаю. Всё это должно бы было после устройства земли завестись, тогда бы оно явилось естественно, а теперь это только биржевая игра, жид встрепенулся. Вы смеетесь, вы несогласны, пусть: а вот я только что читал одни мемуары одного русского помещика, писанные им в средине столетия, — и желавшего, в двадцатых годах еще, отпустить своих мужичков на волю. Тогда это было редкою новостью. Между прочим, заехав в деревню, он завел в ней школу и начал учить крестьянских детей хоровому церковному пению. Сосед помещик, завернув к нему и послушав хор, сказал: «это вы хорошо придумали; вот вы теперь их обучите и наверно найдете покупщика на весь хор. Это любят, вам хорошие деньги за хор дадут». Значит, когда еще можно было продавать «на своз» хоры малых ребятишек от отцов и матерей, то, стало быть, отпуск на волю крестьян был еще мудреной диковиной в русской земле. Вот он и стал мужичкам гово-

рить об этой диковинке; те выслушали, задивились, перепугались, долго меж собой переговаривались, вот и приходят к нему: «Ну, а земля?» — «А земля моя; вам избы, усадьбы, а землю вы мне ежегодно убирайте исполу». — Те почесали головы: «Нет, уж лучше по-старому: мы ваши, а земля наша». Конечно, это удивило помещика: дикий, дескать, народ; свободы даже не хотят в нравственном падении своем, свободы — сего первого блага людей и т. д. и т. д. Впоследствии эта поговорка, или, вернее, формула: «мы ваши, а земля наша», — стала всем известною и никого уже не дивила. Но, однако же, важнее всего: откудова могло появиться такое «неестественное и ни на что не похожее» понимание всемирной истории, если только сравнить с Европой? И, заметьте, именно в это-то время и свирепствовала у нас наиболее война между нашими умниками о том: «есть или нет у нас, в самом деле, какие-то там народные начала, которые бы стоили внимания людей образованных?» Нет-с, позвольте: значит, русский человек с самого начала и никогда не мог и представить себя без земли. Но всего здесь удивительнее то, что и после крепостного права народ остался с сущностью этой же самой формулы и в огромном большинстве своем всё еще не может вообразить себя без земли. Уж когда свободы без земли не хотел принять, значит, земля у него прежде всего, в основании всего, земля — всё, а уж из земли у него и всё остальное, то есть и свобода, и жизнь, и честь, и семья, и детишки, и порядок, и церковь — одним словом, всё, что есть драгоценного. Вот из-за формулы-то этой он и такую вещь, как община, удержал. А что есть община? Да тяжелее крепостного права иной раз! Про общинное землевладение всяк толковал, всем известно, сколько в нем помехи экономическому хотя бы только развитию; но в то же время не лежит ли в нем зерно чего-то нового, лучшего, будущего, идеального, что всех ожидает, что неизвестно как произойдет, но что у нас лишь одних есть в зародыше и что у нас у одних может сбыться, потому что явится не войною и не бунтом, а опять-таки великим и всеобщим согласием, а согласием потому, что за него и теперь даны великие жертвы. Вот и будут родиться детки в Саду и выправятся, и не будут уже десятилетние девочки сивуху с фабричными по кабакам пить. Тяжело деткам в наш век взростать, сударь! Я ведь только и хотел лишь о детках, из-за того вас и обеспокоил. Детки — ведь это будущее, а любишь ведь только будущее, а об настоящем-то кто ж будет беспокоиться. Конечно не я, и уж наверно не вы. Оттого и детей любишь больше всего.

V. ОРИГИНАЛЬНОЕ ДЛЯ РОССИИ ЛЕТО

На другой день я сказал моему чудаку:

— А вот вы всё об детях толкуете, а я только что прочел в курзале, в русских газетах, около которых, замечу вам, все

здешние русские теперь толпятся, — прочел в одной корреспонденции об одной матери, болгарке, там у них в Болгарии, где целыми уездами истреблялись люди. Она старуха, уцелела в одной деревне и бродит, обезумевшая, по своему пепелищу. Когда же ее начинают расспрашивать, как было дело, то она не говорит обыкновенными словами, а тотчас прикладывает правую руку к щеке и начинает петь и напевом рассказывает, в импровизированных стихах, о том, как у ней были дом и семья, был муж, были дети, шестеро детей, а у деток, у старших, были тоже деточки, маленькие внуки ее. И пришли мучители и сожгли у стены ее старика, перерезали соколов ее детей, изнасиловали малую девочку, увели с собой другую, красавицу, а младенчикам вспороли всем ятаганами животики, а потом зажгли дом и пошвыряли их всех в лютое пламя, и всё это она видела и крики деточек слышала.

— Да, я тоже читал, — ответил мой чудак, — замечательно, замечательно. Главное, в стихах. А у нас, наша русская критика хоть и хвалила иногда стишки, но всегда, однако, наклоннее была полагать, что они более для баловства устроены. Любопытно проследить натуральный эпос в его, так сказать, стихийном зачатии. Вопрос искусства.

— Ну, полноте, не притворяйтесь. Впрочем, я заметил, вы не очень-то любите разговаривать о Восточном вопросе.

— Нет, я тоже пожертвовал. Я, если хотите, действительно кое-что не жалую в Восточном вопросе.

— Что именно?

— Ну, хоть любвеобильность.

— И, полноте, я уверен. . .

— Знаю, знаю, не договаривайте, и вы совершенно правы. К тому же я пожертвовал в самом даже начале. Видите ли, Восточный вопрос, действительно, был у нас до сих пор, так сказать, лишь вопросом любви и выходил от славянофилов. Действительно на любвеобильности многие выехали, особенно прошлой зимой с герцеговинцами; составилось даже несколько любвеобильных карьер. Заметьте, я ведь ничего не говорю; к тому же любвеобильность сама в себе вещь превосходнейшая, но ведь можно и заездить клячу, — вот, вот этого-то я и боялся еще с весны, а потому и не верил. Потом я и летом даже еще здесь боялся, чтоб с нас всё это братство вдруг как-нибудь не соскочило. Но теперь, — теперь даже уж и я не боюсь; да и русская уж кровь пролита, а пролитая кровь важная вещь, соединительная вещь!

— А неужели вы в самом деле думали, что братство наше соскочит?

— Грешный человек, полагал. Да как и не предположить. Но теперь уж не предполагаю. Видите ли, даже здесь в Эмсе, в десяти верстах от Рейна, получались известия из самого, так сказать, Белграда. Являлись путешественники, которые сами слышали, как в Белграде винят Россию. С другой стороны, я сам

читал в «Temps» и в «Débats», как в Белграде, после того как прорвались в Сербию турки, кричали: «Долой Черняева!» Другие же корреспонденты и другие очевидцы уверяют, напротив, что всё это вздор и что сербы только и делают, что обожают Россию и ждут всего от Черняева. Знаете: я и тем и другим известиям верю. И те и другие крики были наверно, да и не могли не быть: нация молодая, солдатов нет, воевать не умеют, великодушия пропасть, деловитости никакой. Черняев там принужден был армию создавать, а ведь они, я уверен, в огромном большинстве, не могут понять, какая это задача армию создать в такой срок и при таких обстоятельствах; потом поймут, но тогда уж наступит всемирная история. Кроме того, я уверен, что даже из самых крепких и, так сказать, министерских ихних голов найдутся такие, которые убеждены, что Россия спит и видит, как бы их в свою власть захватить и ими безмерно усилиться политически. Ну так вот я и боялся, чтоб на наше русское братолюбие всё это не подействовало холодной водой. Но оказалось напротив, — до того напротив, что для многих даже и русских неожиданно. Вся земля русская вдруг заговорила и вдруг свое главное слово сказала. Солдат, купец, профессор, старушка божия — все в одно слово. И ни одного звука, заметьте, об захвате, а вот, дескать: «на православное дело». Да и не то что гроши на православное дело, а хоть сейчас сами готовы нести свои головы. И опять-таки, заметьте, что эти два слова: «на православное дело» — это чрезвычайно, чрезвычайно важная политическая формула и теперь, и в будущем. Даже можно так сказать, что это формула нашего будущего. А то, что об «захвате» ниоткуда ни звука, то это ужасно оригинально. Европа никак и ни за что не могла бы поверить тому, потому что сама бы действовала не иначе как с захватом, а потому ее даже и винить нельзя за ее крик против нас, в строгом смысле, знаете ли вы это? Одним словом, в этот раз началось наше окончательное столкновение с Европой и... разве оно могло начаться иначе как с недоумения? Для Европы Россия — недоумение, и всякое действие ее — недоумение, и так будет до самого конца. Да, давно уже не заявляла себя так земля русская, так сознательно и согласно, и, кроме того, мы действительно ведь родных и братьев нашли, и уж это не высокий лишь слог. И уж не через славянский лишь комитет, а прямо, так-таки, всей землей нашли. Вот это для меня и неожиданно, вот этому-то я бы никак не поверил. Согласию-то этому нашему, всеобщему и столь, так сказать, *внезапному*, трудно бы было поверить, если б даже кто и предсказывал. А меж тем совершившееся совершилось. Вы вот про Мать-болгарку несчастную рассказали, а я знаю, что и другая мать объявилась нынешним летом: Мать-Россия новых родных деток нашла, и раздался ее великий жалобный голос об них. И именно деток, и именно материнский великий плач, и опять-таки политическое великое указание в будущем, заметьте это себе: «мать их, а не госпожа!» И хоть бы даже и случилось так,

что новые детки, не понимая дела, — на одну минутку, впрочем, — возроптали бы на нее: нечего ей этого слушать и на это глядеть, а продолжать благотворить с бесконечным и терпеливым материнством, как и должна поступить всякая истинная мать. Нынешнее лето, знаете ли вы, что нынешнее лето в нашей истории запишется? И сколько недоумений русских разом разъяснилось, на сколько вопросов русских разом ответ получен! Для сознания русского это лето было почти эпохой.

POST SCRIPTUM

«Русский народ бывает иногда ужасно *неправдоподобен»* — словцо это удалось мне услышать тоже нынешним летом и, опять-таки, конечно, потому, что и для произнесшего это словцо многое, случившееся нынешним летом, было делом неожиданным, а может быть, и в самом деле «неправдоподобным». Но что же, однако, случилось такого нового, и не лежало ли, напротив, всё, что вышло наружу, давно уже и даже всегда в сердце народа русского?

Поднялась, во-первых, народная идея и сказалось народное чувство: чувство — бескорыстной любви к несчастным и угнетенным братьям своим, а идея — «Православное дело». И действительно, уже в этом одном сказалось нечто как бы и неожиданное. Неожиданного (впрочем, далеко не для всех) было то, что народ не забыл свою великую идею, свое «Православное дело» — не забыл в течение двухвекового рабства, мрачного невежества, а в последнее время — гнусного разврата, матерьялизма, жидовства и сивухи. Во-вторых, неожиданным было то, что с народной идеей, с «Православным делом» — соединились вдруг почти все оттенки мнений самой высшей интеллигенции русского общества — вот тех самых людей, которых считали мы уже совсем оторвавшимися от народа. Заметьте при этом необычайное у нас одушевление и единодушие почти всей нашей печати... Старушка божия подает свою копеечку на славян и прибавляет: «на Православное дело». Журналист подхватывает это словцо и передает его в газете с благоговением истинным, и вы видите, что он сам всем сердцем своим за то же самое «Православное дело»: вы это чувствуете, читая статью. Даже, может быть, и ничему не верующие поняли теперь у нас наконец, что значит, в сущности, для русского народа его Православие и «Православное дело»? Они поняли, что это вовсе не какая-нибудь лишь обрядная церковность, а с другой стороны, вовсе не какой-нибудь fanatisme religieux[1] (как уже и начинают выражаться об этом всеобщем теперешнем движении русском в Европе), а что это именно есть прогресс человеческий и всеочеловечение человеческое, так именно понимаемое русским

---

[1] религиозный фанатизм (*франц.*).

народом, ведущим всё от Христа, воплощающим всё будущее свое во Христе и во Христовой истине и не могущим и представить себя без Христа. Либералы, отрицатели, скептики, равно как и проповедники социальных идей, — все вдруг оказываются горячими русскими патриотами, по крайней мере, в большинстве. Что ж, они, стало быть, ими и были; но можем ли мы утверждать, что доселе мы про это знали, и не раздавалось ли до сих пор, напротив, чрезвычайно много горьких взаимных упреков, оказавшихся теперь во многом напрасными? Русских, истинных русских, оказалось у нас вдруг несравненно более, чем полагали до сих пор многие, тоже истинные русские. Что же соединило этих людей воедино или, вернее, — что указало им, что они, во всем главном и существенном, и прежде не разъединялись? Но в том-то и дело, что Славянская идея, в высшем смысле ее, перестала быть лишь славянофильскою, а перешла вдруг, вследствие напора обстоятельств, в самое сердце русского общества, высказалась отчетливо в общем сознании, а в *живом* чувстве совпала с движением народным. Но что же такое эта «Славянская идея в высшем смысле ее»? Всем стало ясно, что это такое: это, прежде всего, то есть прежде всяких толкований исторических, политических и проч., — есть жертва, потребность жертвы даже собою за братьев, и чувство добровольного долга сильнейшему из славянских племен заступиться за слабого, с тем, чтоб, уравняв его с собою в свободе и политической независимости, тем самым основать впредь великое всеславянское единение во имя Христовой истины, то есть на пользу, любовь и службу всему человечеству, на защиту всех слабых и угнетенных в мире. И это вовсе не теория, напротив, в самом теперешнем движении русском, братском и бескорыстном, до сознательной готовности пожертвовать даже самыми важнейшими своими интересами, даже хотя бы миром с Европой, — это обозначилось уже как факт, а в дальнейшем — всеединение славян разве может произойти с иною целью, как на защиту слабых и на служение человечеству? Это уже потому так должно быть, что славянские племена, в большинстве своем, сами воспитались и развились лишь страданием. Мы вот написали выше, что дивимся, как русский народ не забыл, в крепостном рабстве, в невежестве и в угнетении, своего великого «Православного дела», своей великой православной обязанности, не озверел окончательно и не стал, напротив, мрачным замкнувшимся эгоистом, заботящимся лишь об одной собственной выгоде? Но, вероятно, таково именно свойство его, как славянина, то есть — подыматься духом в страдании, укрепляться политически в угнетении и, среди рабства и унижения, соединяться взаимно в любви и в Христовой истине.

Удрученный ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
В рабском виде Царь Небесный
Исходил, благословляя!

Вот потому-то, что народ русский сам был угнетен и перенес многовековую крестную ношу, — потому-то он и не забыл своего «Православного дела» и страдающих братьев своих, и поднялся духом и сердцем, с совершенной готовностью помочь всячески угнетенным. Вот это-то и поняла высшая интеллигенция наша и всем сердцем своим примкнула к желанию народа, а примкнув, вдруг, всецело, ощутила себя в единении с ним. Движение, охватившее всех, было великодушное и гуманное. Всякая высшая и единящая мысль и всякое верное единящее всех чувство — есть величайшее счастье в жизни наций. Это счастье посетило нас. Мы не могли не ощутить всецело нашего умножившегося согласия, разъяснения многих прежних недоумений, усилившегося самосознания нашего. Обнаружилась вдруг, ясно сознаваемая обществом и народом, политическая мысль. Чуткая Европа тотчас же это разглядела и следит теперь за русским движением с чрезвычайным вниманием. Сознательная политическая мысль в нашем народе — для нее совершенная неожиданность. Она предчувствует нечто новое, с чем надо считаться; в ее уважении мы выросли. Самые слухи и толки о политическом и социальном разложении русского общества, как национальности, давно уже крепившиеся в Европе, несомненно должны получить теперь, в глазах ее, сильное опровержение: оказалось, что, когда надо, русские умеют и соединяться. Да и самые разлагающие силы наши, — буде она существованию таковых продолжает верить, естественно должны теперь, в ее убеждении, принять сами собою другое направление и другой исход. Да, много взглядов с этой эпохи должно впредь измениться. Одним словом, это всеобщее и согласное русское движение свидетельствует уже и о зрелости национальной в некоторой значительной даже степени и не может не вызывать к себе уважения.

Русские офицеры едут в Сербию и слагают там свои головы. Движение русских офицеров и отставных русских солдат в армию Черняева всё время возрастало и продолжает возрастать прогрессивно. Могут сказать: «это потерянные люди, которым дома было нечего делать, поехавшие, чтоб куда-нибудь поехать, карьеристы и авантюристы». Но, кроме того, что (по многим и точным данным) эти «авантюристы» не получили никаких денежных выгод, а в большинстве даже едва доехали, кроме того, некоторые из них, еще бывшие на службе, несомненно должны были проиграть по службе своим, хотя бы и временным, выходом в отставку. Но — кто бы они ни были, что, однако, мы слышим и читаем об них? Они умирают в сражениях десятками и выполняют свое дело геройски; на них уже начинает твердо опираться юная армия восставших славян, созданная Черняевым. Они славят русское имя в Европе и кровью своею единят нас с братьями. Эта геройски пролитая их кровь не забудется и зачтется. Нет, это не авантюристы: они начинают новую эпоху сознательно. Это пионеры рус-

ской политической идеи, русских желаний и русской воли, заявленных ими перед Европою.

Обозначилась и еще одна русская личность, обозначилась строго, спокойно и даже величаво, — это генерал Черняев. Военные действия его шли доселе с переменным счастьем, но в целом — до сих пор пока еще с очевидным перевесом в его сторону. Он создал в Сербии армию, он выказал строгий, твердый, неуклонный характер. Кроме того, отправляясь в Сербию, он рисковал всей своей военной славой, уже приобретенной в России, а стало быть, и своим будущим. В Сербии, как обозначилось лишь недавно, он согласился принять начальство лишь над отдельным отрядом и лишь недавно только был утвержден в звании главнокомандующего. Армия, с которою он выступил, состояла из милиции, из новобранцев, никогда не видавших ружья, из мирных граждан — прямо от сохи. Риск был чрезвычайный, успех сомнительный: это была воистину жертва для великой цели. Создав армию, обучив ее, устроив и направив по возможности, генерал Черняев стал оперировать тверже, смелее. Ему удалось одержать весьма значительную победу. В последнее время он должен был отступить перед напором втрое сильнейшего неприятеля. Но он отступил, сохранив армию, не разбитый, сильный, вовремя, и занял крепкую позицию, которую не осмелились атаковать «победители». Если судить по-настоящему, генерал Черняев едва только лишь начинает свои главные действия. Армия его, впрочем, не может уже более ждать ниоткуда поддержки, тогда как неприятельская может чрезвычайно еще возрасти в силах. К тому же политические соображения сербского правительства могут сильно помешать ему довести свое дело до конца. Тем не менее это лицо уже обозначилось твердо и ясно: военный талант его бесспорен, а характером своим и высоким порывом души он, без сомнения, стоит на высоте русских стремлений и целей. Но об генерале Черняеве еще вся речь впереди. Замечательно, что с отъезда своего в Сербию он в России приобрел чрезвычайную популярность, его имя стало народным. И немудрено: Россия понимает, что он начал и повел дело, совпадающее с самыми лучшими и сердечными ее желаниями, — и поступком своим заявил ее желания Европе. Что бы ни вышло потом, он может уже гордиться своим делом, а Россия не забудет его и будет любить его.

СЕНТЯБРЬ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

I. PICCOLA BESTIA

Лет семь тому назад мне случилось провести всё лето, вплоть до сентября, во Флоренции. По мнению итальянцев, Флоренция — летом самый жаркий, а зимою самый холодный город во всей Италии. Лето в Неаполе они считают несравненно более сносным, чем во Флоренции. И вот раз, в июле месяце, в моей квартире, которую я нанимал от хозяев, случился переполох, — ко мне вдруг ворвались, с криками, две служанки, с хозяйкой во главе: видели, как сейчас только в мою комнату вбежала из коридора piccola bestia,[1] и ее надо было сыскать и истребить во что бы то ни стало. Piccola bestia — это тарантул. И вот пустились искать под стульями, под столами, по всем углам, в мебели, начали выметать из-под шкапов, принялись топать ногами, чтоб испугать его и тем выманить; наконец, бросились в спальню, начали искать под кроватью, в кровати, в белье и... не нашли. Его сыскали лишь на другой день поутру, когда выметали комнату, и, уж конечно, сейчас же казнили, но зато перед этим ночь мне все-таки пришлось провести в моей постели с чрезвычайно неприятным сознанием, что в комнате, вместе со мною, ночует и piccola bestia. Укушение тарантула, говорят, редко бывает смертельно, хотя я и знал уже один случай, в мое время в Семипалатинске, ровно пятнадцать лет до Флоренции, когда от укушения тарантула умер один линейский казак, несмотря на лечение. Большею же частию отделываются горячкой или просто лихорадочными припадками, а в Италии, где столько лекарей, может быть, и еще легче обходится дело; не знаю, я не медик, а все-таки ночевать было жутко. Сначала я отгонял мысль, даже смеялся, припомнил и прочел наизусть, засыпая, нравоучительную басню Кузьмы Пруткова

[1] пакостная тварь (*итал.*).

«Кондуктор и тарантул» (верх совершенства в своем роде). потом заснул. Но сны были решительно нехорошие. Тарантул не снился вовсе, но снилось что-то другое, пренеприятное, тяжелое, кошмарное, с частыми пробуждениями, и только поутру, когда встало солнце, я заснул лучше. Этот маленький старый анекдот знаете почему мне теперь припомнился? По поводу Восточного вопроса!.. Впрочем, я сам даже не удивляюсь: ведь чего-чего не пишут и не говорят теперь по поводу Восточного вопроса!

Мне кажется вот что: с Восточным вопросом забежала в Европу какая-то piccola bestia и мешает успокоиться всем добрым людям, всем любящим мир, человечество, процветание его, всем — жаждущим той светлой минуты, в которую кончится наконец-то *хоть эта* первоначальная, грубая рознь народов. В самом деле, если вдуматься, то иногда *кажется*, что с окончательным разрешением Восточного вопроса кончится и всякая прочая политическая рознь в Европе, что в этой формуле: Восточный вопрос — заключаются, и может быть себе неведомо, и все остальные политические вопросы, недоумения и предрассудки Европы. Одним словом, наступило бы нечто очень новое, а для России так совсем другой фазис, ибо слишком ясно уж теперь, что лишь с окончательным разрешением этого вопроса Россия могла бы наконец поладить с Европой в первый раз в своей жизни и наконец-то стать ей понятной. И вот всему-то этому счастью и мешает какая-то piccola bestia. Она и всегда была, но с Восточным вопросом она уже забегает в самые комнаты. Все ждут, все беспокоятся, над всеми какой-то кошмар, все видят дурные сны. Кто же или что же такое эта piccola bestia, которая производит такую сумятицу, — это невозможно определить, потому что наступает какое-то общее безумие. Всякий представляет ее себе по-своему, и никто не понимает друг друга. И однако, все как будто уже укушены. Укушение это производит немедленно самые чрезвычайные припадки: все в Европе сейчас же как будто перестают понимать друг друга, как при Вавилонской башне; даже всякий про себя перестает понимать, чего хочет. В одном лишь все соединяются: все тотчас указывают на Россию, всякий уверен, что вредный гад каждый раз выбегает оттуда. А между тем в одной России лишь всё светло и ясно, кроме, разумеется, великой скорби о восточных славянских братьях ее — скорби, однако же, освещающей душу и возвышающей сердце. В России с Восточным вопросом каждый раз происходит нечто совершенно обратное, чем в Европе: все тотчас же начинают понимать друг друга яснее, всякий верно чувствует, чего хочет, и все чувствуют, что согласны друг с другом; последний мужик понимает, чего надо ему желать, точно так же как и самый образованный человек. Всех немедленно единит прекрасное и великодушное чувство бескорыстной и великодушной помощи распинаемым на кресте своим братьям. Но Европа не верит этому, не верит ни благородству России, ни ее бескорыстию. Вот особенно в этом-то «бескорыстии» и вся неизвестность, весь

соблазн, всё главное, сбивающее с толку обстоятельство, всем противное, всем ненавистное обстоятельство, а потому ему никто и не хочет верить, всех как-то тянет ему не верить. Не будь «бескорыстия» — дело мигом стало бы в десять раз проще и понятнее для Европы, а с бескорыстием — тьма, неизвестность, загадка, тайна! О, в Европе укушенные! И, уж конечно, вся эта тайна заключена, по понятию укушенных, в одной России, которая никому-де, однако, ничего не хочет открыть, а идет к какой-то своей цели, твердо, неустанно, всех обманывая, коварно и тихомолком. Двести уже лет живет Европа с Россией, насильно заставившей принять себя в европейский союз народов, в цивилизацию; но Европа всегда косилась на нее, предчувствуя недоброе, как на роковую загадку, бог знает откуда явившуюся и которую надо, однако же, разрешить во что бы то ни стало. И вот каждый раз, именно с Восточным вопросом, эта неизвестность, это недоумение Европы насчет России усиливается до болезни, а между тем ничего не разрешается: «Кто же и что же это, наконец, такое, и когда мы это, наконец, узнаем? Кто они, эти русские? Азияты, татары? хорошо, кабы так, по крайней мере, дело стало бы ясно; но нет; то-то и есть, что нет, то-то и есть, что про себя мы должны сознаться, что нет. А между тем они так с нами не схожи... И что такое это единение славян? На что оно, с какими целями? Что скажет, что может сказать нам нового это опасное объединение?» Кончают тем, что разрешают на свой аршин, по-прежнему, по-всегдашнему: «Захват, дескать, означает завоевание, бесчестность, коварство, будущее истребление цивилизации, объединившаяся орда монгольская, татары!..»

И однако же, даже самая ненависть к России не в силах соединить вполне укушенных: каждый раз с Восточным вопросом вся Европа из видимого целого, тотчас же и слишком уж явно, начинает распадаться на свои личные, отдельно-национальные эгоизмы. Всё тут выходит из ложной идеи, что кто-то хочет что-то захватить и заграбить: «так вот бы и мне: а то все тащат, а мне ничего!» Так что всякий раз, с появлением на сцене этого рокового вопроса, разбаливаются и начинают нарывать и все прежние застарелые политические распри и боли Европы. А потому всем естественно хочется затушить вопрос, хоть на время; главное — затушить в России, как-нибудь отвернуть от него Россию, как-нибудь заговорить, заколдовать, запугать ее.

И вот виконт Биконсфильд, урожденный израиль (né d'Israeli), в речи своей на одном банкете вдруг открывает Европе одну чрезвычайную тайну: все эти русские, с Черняевым во главе, бросившиеся в Турцию спасать славян, — всё это лишь русские социалисты, коммунисты и коммунары, — одним словом, всё, что было разрушительных элементов в России и которыми будто бы начинена Россия. «Мне-то вы можете поверить, ведь я Биконсфильд, премьер, как называют меня в русских газетах, для приданья статьям их важности: я первый министр, у меня секретные

Сентябрь 1876 стр. 275–276.

как и самый образованный человек. В Европе
немедленно объяснят прекрасное и великодушное
чувство бескорыстной (и великодушной) помощи расслабленным
на кресте своим братьям; но Европа не по-
верит этому, не поверит ни благородству Рос-
сии, ни бескорыстию. В Европе [illegible], в Евро-
пе тайна. Тут главная в этом Восточном
вопросе, всегда усиливающая в Европе какую-
то неизвестность, которая мешает всякому
ясному взгляду, всякому толковому разрешению.
Эта неизвестность, эта загадка, эта тайна
есть конечно Россия, с которою [illegible]
[illegible] как будто и считая [illegible]
[illegible] Однако всегда [illegible]
[illegible] которую надо
на нее как на [illegible] в это [illegible],
[illegible] разрешать [illegible]
И вот каждый раз с Восточным вопросом
эта загадка, эта неизвестность усиливается
до болезни, [illegible]
[illegible] а между тем [illegible] не разре-
шается; [illegible] тем что разрешают по
своему, на свой аршин: [illegible]
[illegible], бессмыслица, коварство, [illegible]
[illegible] цивилизации, татары.
И однако [illegible] даже самая ненависть России
не в силах [illegible]
Восточным вопросом все народы Европы,
[illegible]

«Дневник писателя» за 1876 г. Редакция фрагмента текста сентябрьского выпуска.

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР. Ленинград.

документы, стало быть, знаю лучше, чем вы, я очень многое знаю» — вот что просвечивает в каждой фразе этого Биконсфильда. Я уверен, что он сам себе выдумал и сочинил эту альбомную фамилию, напоминающую наших Ленских и Греминых, когда выпрашивал себе дворянство у королевы; ведь он романист. Кстати, когда я, несколько строк выше, писал о таинственной piccola bestia, мне вдруг подумалось: ну что если читатель вообразит, что я хочу в этой аллегории изобразить виконта Биконсфильда? Но уверяю, что нет: piccola bestia — это только идея, а не лицо, да и слишком много было бы чести господину Биконсфильду, хотя надо признаться, что на piccola bestia он очень похож. Провозгласив в своей речи, что Сербия, объявив войну Турции, сделала поступок бесчестный и что война, которую ведет теперь Сербия, есть война бесчестная, и плюнув, таким образом, почти прямо в лицо всему русскому движению, всему русскому одушевлению, жертвам, желаниям, мольбам, которые не могли же быть ему неизвестны, — этот израиль, этот новый в Англии судья чести, продолжает так (я передаю не буквально):

«Россия, конечно, рада была сбыть все эти разрушительные свои элементы в Сербию, хотя упустила из вида, что они там сплотятся, срастутся, сговорятся, получат организацию, дорастут до силы»... «Эту новую, грозящую силу надо заметить Европе», — напирает Биконсфильд, грозя английским фермерам будущим социализмом России и Востока. «Заметят и в России эту мою инсинуационную фразу о социализме, — тут же думает он, конечно, про себя, — надо и Россию пугнуть».

Паук, паук, piccola bestia; действительно, ужасно похож; действительно, маленькая мохнатая bestia! И ведь как шибко бегает! Ведь это избиение болгар — ведь это он допустил, куда — сам и сочинил; ведь он романист, и это его chef-d'œuvre. А ведь ему семьдесят лет, ведь скоро в землю — и сам это знает. И ведь как обрадовался, должно быть, своему виконтству; непременно всю жизнь мечтал о нем, когда еще романы писал. Во что эти люди веруют, как они засыпают ночью, какие им сны снятся, что делают они наедине с своею душою? О, души их наверно полны изящного! .. Сами они кушают ежедневно такие прелестные обеды, в обществе таких тонких и остроумных собеседников, по вечерам их ласкают в самом изящнейшем и в самом высоком обществе такие прелестные леди, — о, жизнь их так благообразна, пищеварение их удивительное, сны легки, как у младенцев. Недавно я читал, что башибузуки распяли на крестах двух священников, — и те померли через сутки, в муках, превосходящих всякое воображение. Биконсфильд хоть и отрицал вначале в парламенте всякие муки, даже самые маленькие, но, уж конечно, про себя всё это знает, даже и об этих двух крестах, «ведь у него документы». Безо всякого сомнения, он отгоняет от себя эти пустые, дрянные и даже грязные, неприличные картины; но эти два черные, скорченные на крестах трупа могут

ведь вдруг вскочить в голову, в самое неожиданное время, ну например, когда Биконсфильд, в своей богатой спальне, готовится отойти ко сну, с ясной улыбкой припоминая только что проведенный блестящий вечер, бал и все эти прелестные остроумные вещи, которые он сказал тому-то или той-то.

«Что же, — подумает Биконсфильд, — эти черные трупы на этих крестах... гм... оно, конечно... А впрочем, „государство не частное лицо; ему нельзя из чувствительности жертвовать своими интересами, тем более, что в политических делах самое великодушие никогда не бывает бескорыстное“». «Удивительно, какие прекрасные бывают изречения, — думает Биконсфильд, — освежающие даже, и главное, так складно. В самом деле, ведь государство... А я лучше, однако же, лягу... Гм. Ну, и что же такое эти два священника? Попа? По-ихнему, это попы, les popes. Вольно же было подвертываться; ну, спрятались бы там куданибудь... под диван... Mais, avec votre permission, messieurs les deux crucifiés,[1] вы мне нестерпимо надоели с вашим глупым приключением, et je vous souhaite la bonne nuit à tous les deux».[2]

И Биконсфильд засыпает, сладко, нежно. Ему всё снится, что он виконт, а кругом него розы и ландыши и прелестнейшие леди. Вот он говорит прелестнейшую речь: какие bonmots! все аплодируют, вот он только что раздавил коалицию...

И вот все эти наши капитаны и маиоры, старые севастопольцы и кавказцы, в своих измятых, ветхих сюртучках, с белым крестиком в петличке (так многих из них описывали) — всё это социалисты! Выпьют-то из них иные, конечно; мы про это слышали, слаб на это служивый человек, но ведь это вовсе не социализм. Зато посмотрите, как он умрет в сражении, каким щеголем, каким героем, впереди своего батальона, славя русское имя и примером своим даже трусов-новобранцев преобразуя в героев! Так это социалист, по-вашему? Ну, а эти два юноши, которых привела обоих за руки мать (был ведь и этот случай), — это коммунары? А этот старый воин с семью сыновьями, — ну неужели ему сжечь Тюльери хочется? Эти старые солдатики, эти казаки с Дона, эти партии русских, прибывающие с санитарными отрядами и с походными церквами, — неужели они спят и видят, как бы расстрелять архиепископа? Эти Киреевы, эти Раевские — всё это разрушительные элементы наши, которых должна трепетать Европа? А Черняев, этот наивнейший из героев, и в России бывший издатель «Русского мира» — он-то и есть предводитель русского социализма? Тьфу, как неправдоподобно! Если б Биконсфильд знал, как это по-русски выйдет нескладно и... стыдно, то, может быть, не решился бы ввернуть в свою речь такое глупое место.

---

[1] Ну, с вашего позволения, господа распятые (*франц.*).
[2] и я вам желаю спокойной ночи обоим (*франц.*).

II. СЛОВА, СЛОВА, СЛОВА!

Несколько мнений, наших и европейских, о разрешении Восточного вопроса, решительно удивительны. Кстати, в газетном мире есть и у нас как бы укушенные. О, не буду перебирать всех моих впечатлений, устану. Одна «административная автономия» способна устроить у вас паралич в мозгу. Видите ли, если сделать так, чтобы дать Болгарии, Герцеговине, Боснии одинаковые права с населением мусульманским, и тут же найти способ, как бы эти права обеспечить, — «то мы решительно не видим, почему бы не кончиться Восточному вопросу» и т. д. и т. д. Мнение это, как известно, пользуется особым авторитетом в Европе. Одним словом, представляют такую комбинацию, осуществить которую труднее, чем вновь создать всю Европу, или отделить воду от земли, или всё что угодно, а между тем думают, что дело решили, и спокойны, и довольны. Нет-с, Россия согласилась на это лишь *в принципе*, а за исполнением хотела сама присмотреть, и *по-своему*, и, уж конечно, не дала бы вам погреть руки, г-да фразеры. «Дать автономию? Найти комбинацию?» — да ведь как же это сделать, кто может это дать и сделать? Кто станет слушаться и кто заставит слушаться? Наконец, кто управляет Турцией, какие партии и силы? Есть ли даже в Константинополе, который всё же *образованнее*, чем остальные турки, хоть единый турок, который в самом деле, по внутреннему убеждению своему, мог бы, наконец, признать христианскую райю до того себе равноправною, чтоб могло выйти из этой «автономии» хоть что-нибудь в самом деле? Я говорю: «хоть единый человек»... А если так, если нет даже единого, то как вести с таким народом переговоры и договоры? «Устроить надзор, найти комбинацию», — возражают путеводители. А нуте-ка, найдите комбинацию! Есть вопросы, имеющие уже такое свойство в себе, что их никак нельзя разрешить именно так, как непременно тянет всех разрешить их в данный момент. Гордиев узел нельзя было распутать пальцами, а между тем все ломали голову, как бы его распутать именно пальцами; но пришел Александр — и рассек узел мечом, тем и разрешил загадку.

Но вот еще, например, одно газетное мнение; впрочем, не одно газетное: это старинное, дипломатическое мнение, а также мнение множества ученых, профессоров, фельетонистов, публицистов, романистов, западников, славянофилов и проч. и проч., именно: что Константинополь в конце концов будет никому не принадлежать, что это будет нечто вроде вольного города, международного, одним словом, вроде какого-то «общего места». Охранять же его будет европейское равновесие и т. д. Одним словом, вместо простого, прямого и ясного решения, единственно возможного, является какая-то сложная и неестественная ученая комбинация. Но спросить только: что такое европейское равновесие? Равновесие это предполагалось до сих пор между несколькими наи-

более могучими европейскими державами, — ну, пятью, например, равного веса (то есть предполагалось, так сказать, из деликатности, что они равного веса). И вот пять волков разлягутся кругом, а в средине их лакомый кусок (Константинополь), и все пятеро только и делают, что оберегают один от другого добычу. И это называется шедевром, мейстерштюком разрешения вопроса! Но разрешает ли это хоть что-нибудь? Уж одно то, что всё основано на первобытной нелепице, на факте фантастическом и никогда не существовавшем, на факте даже ненатуральном — на равновесии. Существовало ли когда-нибудь политическое равновесие на свете в самом деле? Положительно нет! Это только хитрая формула, созданная в свое время хитрыми людьми, чтоб надувать простячков. Россия хоть и не простячок, но честный человек, а потому всех чаще, кажется, верила в ненарушимость истин и законов этого равновесия, и много раз искренно сама исполняла их, и служила им охранительницей. В этом смысле Россию Европа чрезвычайно нагло эксплуатировала. Зато из остальных равновесящих, кажется, никто не думал об этих равновесных законах серьезно, хотя до времени и исполнял формалистику, но лишь до времени: когда, по расчетам, выдавался успех — всякий нарушал это равновесие, ни об чем не заботясь. Комичнее всего то, что всегда сходило с рук и всегда тотчас же наступало опять «равновесие». Когда же случалось и России — не нарушить что-нибудь, а лишь чуть-чуть подумать о своем интересе, — то тотчас же все остальные равновесия соединялись в одно и двигались на Россию: «нарушаешь-де равновесие». Ну, вот то же самое будет и при международном Константинополе: будут лежать пять волков, скаля друг на друга зубы и каждый про себя изобретая комбинацию: как бы соединиться с соседями и как бы, истребив остальных волков, повыгоднее разделить кусок. Неужто это есть разрешение? Между тем между волками-охранителями происходят тоже своего рода новые комбинации: вдруг один какой-нибудь из пяти волков, да еще самый серый, в один день, в один час, каким-нибудь таким несчастным для него случаем, обращается из волка в крошечную комнатную собачонку, даже совсем уж и не лающую. Вот уж и потрясение в равновесии! Мало того, может случиться в будущем Европы, что из пяти равновесных сил могут образоваться просто-напросто только две, и тогда — где тогда ваша комбинация, господа мудрецы?.. Кстати, я бы осмелился выговорить одну аксиому: «никогда не будет такого момента в Европе, такого в ней политического состояния вещей, чтобы Константинополь *не был чьим-нибудь*, то есть не принадлежал бы кому-нибудь». Вот эта аксиома, и мне кажется — невозможно, чтоб было иначе. Если же позволите мне пошутить, то вернее всего разве то, что в самую последнюю и решительную минуту Константинополь вдруг захватят англичане, как захватили они Гибралтар, Мальту и пр. И именно тогда, когда державы будут всё еще думать о равно-

весии. Именно эти самые англичане, с таким материнским участием оберегающие теперь неприкосновенность Турции, пророчествующие ей возможность великой будущности, цивилизации, верящие в ее живые начала, — именно они-то, когда увидят, что дело дошло до порога, именно они-то и скушают султана и Константинополь. Это так в их характере, в их направлении, так сходно с их всегдашнею наглою дерзостью, с их насилием, с их ехидностью! Удержатся ли в Константинополе, как в Гибралтаре, это другой вопрос! Всё это, конечно, теперь только шутка, я и выдаю как за шутку, но не худо бы, однако, эту шутку запомнить: ужасно похожа на правду...

III. КОМБИНАЦИИ И КОМБИНАЦИИ

Итак, в решение Восточного вопроса допускаются все комбинации, кроме самой ясной, самой здравой, самой простой и естественной. Даже так можно сказать: чем неестественнее предполагается разрешение, тем скорее и схватится за него общественное и общее мнение. Вот, например, еще одна «неестественность»: предполагается, что «если бы Россия заявила вслух о своем бескорыстии на всю Европу, то дело было бы разом разрешено и покончено». Но — блажен кто верует! Да если б Россия не только объявила, а и доказала бы даже, de facto,[1] свое бескорыстие, то это, может быть, еще пуще смутило бы Европу. Ну, что ж такое, что мы ничего не возьмем себе, «облагодетельствуем» и уйдем назад, ничем не воспользовавшись, а только лишь доказав Европе наше бескорыстие. Да Европе это тем даже хуже: «Чем бескорыстнее ты их облагодетельствовала, тем пуще доказала им, что не посягаешь на их независимость; тем доверчивее, тем преданнее станут они к тебе, — всё равно как за солнце будут впредь почитать тебя, за верх, за зенит, за Империю. И что ж, что они будут автономны, а не твоими подданными: зато в душе признают себя твоими подданными, бессознательно даже признавать будут, невольно». Вот эта-то неминуемость нравственного приобщения славян к России, рано ли, поздно ли, эта, так сказать, естественность, законность этого ужасного для Европы факта и составляет кошмар ее, ее главные опасения в будущем. С ее стороны только силы и комбинации, а с нашей стороны — закон природы, естественность, родственность, правда; за кем же, стало быть, будущее славянских земель?

А между тем есть именно в Европе одна комбинация, основанная на совершенно противуположном начале и до того *вероятная*, что, может быть, будет иметь даже будущность. Эта новая комбинация тоже английского изделия; это — так сказать, поправка всех ошибок и промахов торийской партии. Основана

[1] делом (*лат.*).

она на том, чтоб немедленно облагодетельствовать славян самой Англией, но с тем, однако, чтоб поделать из них, на веки вечные, врагов и ненавистников России. Предполагается отказаться наконец от турок, уничтожить турок, как людей отпетых и ни на что не способных, и из всех христианских народов Балканского полуострова составить союз с центром в Константинополе. Освобожденные и благодарные славяне естественно потянутся к Англии, как к своей спасительнице и освободительнице, а она «откроет тогда им глаза на Россию»: «Вот, дескать, ваш злейший враг; она, под видом забот о вас, спит и видит, как бы вас проглотить и лишить вас неминуемой, славной политической будущности вашей». Таким образом, когда славяне уверятся в коварстве России, то составят тотчас же новый и сильнейший оплот против нее и — «не видать тогда России Константинополя, не пустят они ее туда никогда!»

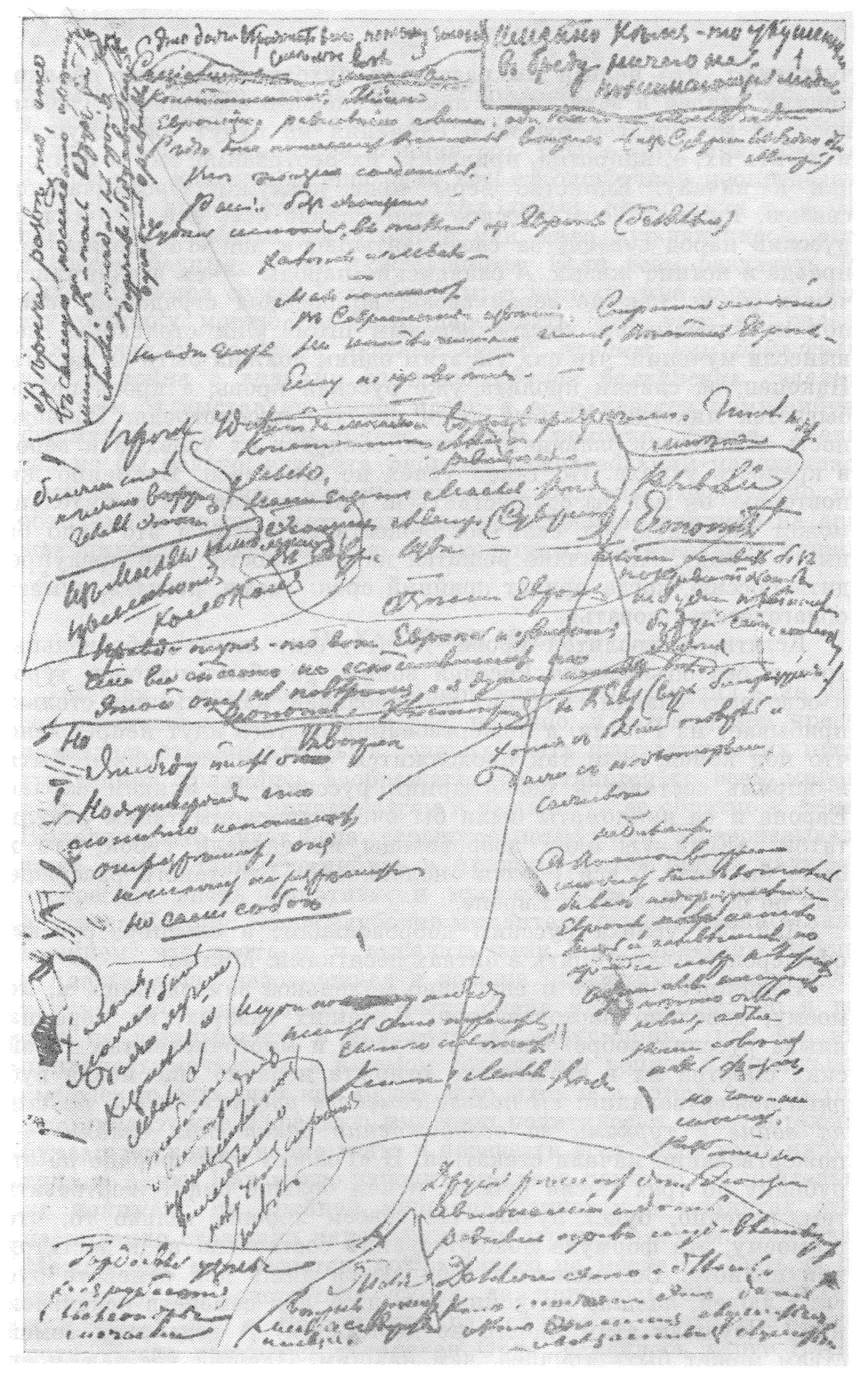
Хитрее и, на первый взгляд, метче трудно что и придумать. Главное — так просто и основано на существующем факте. Про факт этот уже я заговаривал прежде, вскользь. Состоит он в том, что в части славянской интеллигенции, в некоторых высших представителях и предводителях славян, существует действительно затаенная недоверчивость к целям России, а потому даже враждебность к России и русским. О, я не про народ говорю, не про массу. Для народов славянских, для сербов, для черногорцев — Россия всё еще солнце, всё еще надежда, всё еще друг, мать и покровительница их, будущая освободительница! Но интеллигенция славянская — дело другое. Разумеется, я говорю не про всю интеллигенцию; я не осмелюсь и не позволю себе сказать про всех; «но *хоть далеко не все*, но, однако же, даже из самых министерских ихних голов» (как выразился я в августовском моем «Дневнике») «найдутся такие, которым только и мерещится, что Россия коварна, спит и видит, как бы их отвоевать и проглотить». Нечего скрывать нам от самих себя, что нас, русских, очень даже многие из образованных славян, может быть, даже и вовсе не любят. Они, например, всё еще считают нас, сравнительно с собой, необразованными, чуть не варварами. Они далеко не очень интересуются нашими успехами гражданской жизни, нашим внутренним устройством, нашими реформами, нашей литературой. Разве уж очень ученые из них знают про Пушкина, но и из знающих вряд ли найдется уж очень много таких, которые согласятся признать его за великого славянского гения. Очень многие из образованных чехов уверены, например, что у них было уже сорок таких поэтов, как Пушкин. Кроме того, все эти славянские отдельности, в том виде, в каком они теперь, — политически самолюбивы и раздражительны, как нации неопытные и жизни не знающие. Между такими английская комбинация могла бы иметь успех, если б могла пойти в ход. И трудно представить, почему бы ей не пойти, если б, с победою в Англии вигов, дошла и до нее очередь. А между тем

сколько в ней искусственности, неестественности, невозможности, лжи!

Во-первых, как соединить такие несходные разнородности Балканского полуострова, да еще с центром в Константинополе? Тут греки, славяне, румыны. Чей будет Константинополь? Общий. Вот и рознь и свара, хоть у греков с славянами на первый случай (если предположить даже, что славяне будут все в согласии). Скажут: можно поставить главу, основать империю, — так, кажется, и предполагается в мечтах проекта. Но кто же императором — славянин, грек, уж не из Габсбургского ли дома? Во всяком случае, тотчас же начнутся дуализмы, бифуркации. Главное, греческий и славянский элементы не соединимы: оба элемента эти с огромными, совсем несоизмеримыми и фальшивыми мечтами, каждый о предстоящей ему собственной славной политической будущности. Нет, Англия если уж раз бы захотела решиться оставить турок, то устроит всё это прочнее. Вот тут-то, мне кажется, и могла бы произойти та комбинация, которую я, выше, назвал шуткой, то есть Англия сама проглотит Константинополь «для блага, дескать, славян». «Я из вас, славяне, составлю на Севере союз и оплот против северного колосса, чтоб не пустить его в Константинополь, потому что — раз он захватит Константинополь, то захватит и всех вас. Тогда и не будет у вас никакой славной политической будущности. Не беспокойтесь и вы, греки, Константинополь ваш: я именно хочу, чтоб он был ваш, а для того и занимаю его. Я только, чтоб его России не дать. Славяне его с севера защитят, а я с моря — и никого не пустим. Я же только временно постою в Константинополе, пока вы укрепитесь и пока из вас составится уже твердая и зрелая союзная империя. А до тех пор я ваша руководительница и оборона. Мало ли где я ни стояла, у меня и Гибралтар, и Мальта: воротила же я Ионические острова...»

Одним словом, если это изделье вигов могло бы получить ход, то, повторяю, трудно сомневаться в успехе, но, конечно, лишь на время. Мало того, это время могло бы, пожалуй, протянуться и на много лет, но... тем неминуемее всё это и сокрушится, когда придет к тому натуральный предел, и уж тогда-то крушение будет окончательное, потому что вся эта комбинация основана лишь на клевете и на неестественности.

Ложь в том, что оклеветана Россия. Никакой туман не устоит против лучей правды. Поймут когда-нибудь даже и народы славянские всю правду русского бескорыстия, а к тому времени восполнится и духовное их единение с нами. Ведь деятельное единение наше с славянами началось чрезвычайно недавно, но теперь — теперь оно уже никогда не остановится и всё будет продолжаться более и более. Славяне уверятся наконец, если б состоялась даже всевозможная клевета, в русской родственной любви к ним. На них подействует неотразимое обаяние великого и мощного русского духа, как начала им родственного. Они по-



«Дневник писателя» за 1876 г. Страница чернового автографа первой главы сентябрьского выпуска.

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР. Ленинград.

чувствуют, что нельзя им развиться духовно в мелких объединениях, сварах и завистях, а лишь всецело, всеславянски. Огромность и могущество русского единения не будут уже смущать и пугать их, а, напротив, привлекут их неотразимо, как к центру, как к началу. Единство веры тоже послужит чрезвычайною связью. Русская вера, русское православие есть всё, что только русский народ считает за свою святыню; в ней его идеалы, вся правда и истина жизни. А славянские народы — чем и единились, чем и жили, как не верой своей, во времена страданий своих под мусульманским четырехвековым игом? Они столько за нее вынесли мучений, что она уж этим одним должна быть им дорога. Наконец, за славян пролита уже русская кровь, а кровь не забывается никогда. Хитрые люди всё это просмотрели. Возможность оклеветать славянам Россию ободряет их успехом и верой в крепость успеха. Но такой успех не вековечен. Временно же, повторяю, он мог бы осуществиться. Комбинация эта решительно может получить ход, если восторжествуют виги, и это надо бы иметь в виду. Англичане решатся на нее просто, чтоб предупредить Россию, когда придет крайний срок: «сами, дескать, сумеем облагодетельствовать».

Кстати, о пролитой крови. А что, если наши добровольцы, хоть и без объявления Россией войны, разобьют наконец турок и освободят славян? Русских добровольцев, как слышно, столько прибывает из России, а пожертвования до того идут непрерывно, что под конец, если так продолжится, у Черняева, может быть, и впрямь составится целая армия русских. Во всяком случае, Европа и ее дипломаты были бы очень удивлены таким результатом: «Если уж одни добровольцы их одолели турок, что ж было бы, если б вся Россия ополчилась?» Без такого рассуждения не обошлось бы в Европе.

Дай бог успеха русским добровольцам; а слышно, русских офицеров убивают опять в битвах десятками. Милые!

Нелишнее сделать и еще одно маленькое замечаньице, и, по-моему, довольно настоятельное. В наших газетах, по мере наплыва русских добровольцев в Сербию и многочисленных геройских смертей их в сражениях, открыта недавно еще новая рубрика пожертвований: «*В пользу семейств русских людей, павших на войне с турками за освобождение балканских славян*» — и пожертвования начали стекаться. В «Голосе» уже собрано на эту рубрику до трех тысяч рублей, и чем больше будут жертвовать, тем, конечно, будет лучше. Не совсем хорошо только то, что, по-моему, эта формула пожертвований составлена не в достаточной полноте. Вспоможения собираются лишь для семейств русских людей, *павших* на войне и т. д. А для семейств искалеченных? Неужели этим ничего не достанется? А ведь этим семействам может быть труднее, чем павшим. Павший уж пал, и его оплакивают, а этот воротился калекой, без ног, без рук или так израненный, что здоровье его постоянно будет требовать с этой

поры и усиленного ухода и врачебной помощи. Кроме того, хоть и искалеченный, а все-таки он ест и пьет, стало быть, прибавился в бедном семействе лишний рот. Кроме того, мне кажется, в этой рубрике есть и еще одна весьма ошибочная неопределенность: «*В пользу семейств русских людей, павших*» и т. д. Но ведь есть семейства достаточные или мало нуждающиеся, есть и совсем бедные, очень нуждающиеся. Если всем раздавать, то мало останется совсем уже бедным; а потому, мне кажется, всю эту рубрику можно бы было переделать хоть так: «*В пользу нуждающихся семейств русских людей, павших или искалеченных в войне с турками за освобождение балканских славян*». Впрочем, я выставляю лишь идею; а если удастся кому-нибудь формулировать и еще точнее, то тем, конечно, лучше. Желательно бы только, чтоб эта рубрика пожертвований наполнялась быстрее и обильнее. Она чрезвычайно полезна, совершенно необходима и может иметь большое нравственное влияние на сражающихся за русскую идею великодушных добровольцев наших.

IV. ХАЛАТЫ И МЫЛО

Между суждениями о Восточном вопросе я встретил один уже совершенный курьез. Как-то раз, недавно, в заграничной прессе появилась странная вещь: в горячих почти фантастических представлениях принялись воображать, что станется со всем миром, если уничтожить Турцию совсем и выдвинуть ее обратно в Азию. Выходило, что будет беда, страшное потрясение. Предсказывали даже, что в Азии, где-нибудь в Аравии, явится новый калифат, воскреснет вновь фанатизм, и мусульманский мир низринется опять на Европу. Более глубокие мыслители ограничивались лишь мнением, что взять-де и выселить этак всю нацию из Европы в Азию — вещь невозможная и вообще немыслимая. Когда я читал всё это, мне почему-то было очень удивительно; но я всё еще не догадывался, в чем дело. И вдруг понял, что все эти дипломаты-мечтатели и в самом деле ставят вопрос в буквальном смысле, то есть, что как будто дело идет и в самом деле о том, чтоб, уничтожив Турецкую империю политически, действительно, буквально, вещественно взять и перевезти всех турок куда-нибудь туда, в Азию. Как могло зародиться такое понятие — решительно не понимаю; по крайней мере, на банкетах и митингах этим несомненно стращали народ: будет-де страшное потрясение, беда. Между тем, мне кажется, ровно ничего не могло бы быть, и решительно ни одного-таки турка не пришлось бы переселить в Азию. У нас в России уже раз случилось нечто в этом же роде. Когда кончилась татарская Орда, усилилось вдруг Казанское царство, и до того наконец, что одно время даже трудно бы было предсказать: за кем останется русская земля — за христианством или мусульманством? Это царство владычествовало над

тогдашним востоком России, сносилось с Астраханью, держало в руках Волгу, а сбоку России объявился у него великолепный союзник, хан Крымской орды, страшный разбойник и грабитель, от которого много досталось Москве. Дело было настоятельное — и молодой царь Иван Васильевич, тогда еще не Грозный, решил кончить с этим тогдашним Восточным вопросом и взять Казань.

Осада была ужасная, — и Карамзин описал ее потом чрезвычайно красноречиво. Казанцы защищались как отчаянные, превосходно, упорно, устойчиво, выносливо. Но вот взорвали подкопы и пустили толпы на приступ, — взяли Казань! Что ж, как поступил царь Иван Васильевич, войдя в Казань? Истребил ли ее жителей поголовно, как потом в Великом Новгороде, чтоб и впредь не мешали? Переселил ли казанцев куда-нибудь в степь, в Азию? Ничуть; даже ни одного татарчонка не выселил, всё осталось по-прежнему, и геройские, столь опасные прежде казанцы присмирели навеки. Произошло же это самым простым и сообразным образом: только что овладели городом, как тотчас же и внесли в него икону божьей матери и отслужили в Казани молебен, в первый раз с ее основания. Затем заложили православный храм, отобрали тщательно оружие у жителей, поставили русское правительство, а царя казанского вывезли куда следовало, — вот и всё; и всё это совершилось в один даже день. Немного спустя — и казанцы начали нам продавать халаты, еще немного — стали продавать и мыло. (Я думаю, что это произошло именно в таком порядке, то есть сперва халаты, а потом уж мыло.) Тем дело и кончилось. Точь-в-точь и точно так же дело кончилось бы и в Турции, если б пришла благая мысль уничтожить наконец этот калифат политически.

Во-первых, тотчас же бы отслужили молебен в Святой Софии; затем патриарх освятил бы вновь Софию; из Москвы, я думаю, в тот же день подоспел бы колокол, султана бы вывезли куда следует, — и тем всё бы и кончилось. Правда, есть у турок один закон, почти что догмат Корана, именно: что один только мусульманин может и должен носить оружие, а райя нет. В последнее время стали позволять они и райе иметь оружие, но за большую лишь пошлину, так что и новый доход государственный выдумали — и носящих оружие вышло все-таки сравнительно чрезвычайно мало. Ну, так вот разве этот только один закон можно бы было в самый первый день, то есть в день первого молебна в Святой Софии, изменить обратно, в том смысле, что только райя может и должен носить оружие, а мусульманин ни за что и даже за пошлину. Ну, вот и всё обеспечение тишины — и уверяю, что больше ровно ничего и не надо. Прошло бы немного — и турки тотчас же принялись бы нам продавать халаты, а еще немного — и мыло, и, может быть, даже лучше казанского. Что же до земледелия, до табачного и виноградного производств, то все эти части, при новых порядках и новых законах, поднялись бы, думаю, с такой быстротой, с таким успехом, что, уж конечно,

мало-помалу, выплатили бы наконец даже и неоплатные долги прошлого турецкого государства Европе. Одним словом, ровно ничего бы не вышло, кроме самого хорошего и самого подходящего, ни самомалейшего потрясения, и, повторяю, ни единого даже турчонка не пришлось бы выселить из Европы. . .

И на Востоке ничего бы не произошло. Калифат-то, пожалуй, где-нибудь и объявился бы, где-нибудь в азиатской степи, в песках; но, чтоб низринуться на Европу, в наш век потребно столько денег, столько орудий нового образца, столько ружей, заряжающихся с казенной части, столько обоза, столько предварительных фабрик и заводов, что не только мусульманский фанатизм, но даже самый английский фанатизм не в состоянии был бы ничем помочь новому калифату. Одним словом, решительно ничего не будет, кроме хорошего. И дай бы бог поскорее это хорошее, а то ведь так много дурного!

ГЛАВА ВТОРАЯ

I. ЗАСТАРЕЛЫЕ ЛЮДИ

«Всякая высшая и единящая мысль и всякое верное единящее всех чувство — есть величайшее счастье в жизни наций. Это счастье посетило нас. Мы не могли не ощутить всецело нашего умножившегося согласия, разъяснения многих прежних недоумений, усилившегося самосознания нашего».

Вот что высказал я в заключительной статье прошлого августовского моего «Дневника», — и верую, что не ошибся. Верное единящее чувство в жизни наций — есть действительно счастье. Если в чем я и ошибся, так это в том разве, что, может быть, несколько преувеличил степень нашего «умножившегося согласия и самосознания». Но и в этом я еще не готов уступить. Кто любит Россию, у того давно уже болело сердце за то разъединение высших слоев русских людей с низшими, с народом и с народною жизнью, которое, как существующий факт, не подвержено теперь ничьему сомнению. Вот это-то разъединение отчасти подалось и ослабело, по моему взгляду, с настоящим всерусским движением нынешнего года по поводу славянского дела. Конечно, возможности нет представить себе, чтоб разрыв наш с народом был бы уже совершенно покончен и излечен. Он продолжается и будет долго еще продолжаться, но такие исторические минуты, как пережитые нами в нынешнем году, без сомнения, способствуют и «умножившемуся согласию и разъяснению недоумений», — одним словом, способствуют нашему более ясному пониманию народа и русской жизни, с одной стороны, а с другой — более близкому знакомству и самого народа с странными, как бы чужими людьми для него, как будто и не русскими, — с «господами», как называет он нас и доселе.

Надо признаться, что народ и теперь, во всем этом общерус-

ском движении этого года, выказал себя с более здравой, точной и ясной стороны, чем многие из интеллигентного нашего класса. У народа высказалось чувство прямое, простое и сильное, воззрение твердое и — главное, с удивительною общностью и согласием. Там даже и спора не возникало о том, «за что именно помогать славянам? Надо ли помогать? Кому лучше и больше помогать, а кому не помогать совсем? Не испортим ли мы каким-нибудь случаем нашей нравственности и не повредим ли нашему гражданскому развитию тем, что слишком уж будем помогать? С кем, наконец, нам воевать, да и нужно ли воевать?» и пр. и пр. Одним словом, тысяча недоумений, которые посетили, однако же, нашу интеллигенцию. Особенно в иных отделениях нашей высшей интеллигенции, именно там, где на народ до сих пор смотрят еще свысока, презирая его с высоты европейского образования (иногда совсем мнимого), там, в этих высших «отдельностях», обнаружилось довольно чрезвычайных диссонансов, нетвердость взгляда, странное непонимание иногда самых простых вещей, почти смешное колебание в том, что делать и чего не делать, и пр. и пр. «Помогать или не помогать славянам? А если помогать, то за что именно помогать — и за что будет нравственнее и красивее помогать: за то или за это?» Все эти черты, иногда до странности поражавшие, проявились действительно, слышались в разговорах, выказались в фактах, отразились в литературе. Но ни одной статьи в этом роде не читал я удивительнее статьи «Вестника Европы», за сентябрь месяц сего года, в отделе «Внутреннего обозрения». Статья именно трактует о настоящем текущем русском движении, по поводу братской помощи угнетенным славянам, и тщится бросить на этот предмет взгляд как можно глубокомысленнее. Это место статьи, касающееся русского народа и общества, невелико — четыре или пять страничек, а потому я и позволю себе проследить эти странички, так сказать, по порядку, разумеется, не всё выписывая. По-моему, эти странички чрезвычайно любопытны и составляют, так сказать, в своем роде документ. Цель моего поступка определится сама собой в конце этой предпринятой мною работы, так что, я думаю, даже и не надо будет выводить особого нравоучения.

Впрочем, в виде самого краткого предуведомления замечу лишь то, что автор статьи принадлежит, как это слишком ясно, к тому устаревшему теоретическому западничеству, которое, четверть века тому назад, составляло в нашем обществе, так сказать, зенит интеллигентных сил наших; теперь же до того устарело, что в чистом, первобытном своем состоянии встречается в виде большой уже редкости. Это, так сказать, обломки, последние могикане теоретического, оторвавшегося от народа и жизни русского европейничанья, которое, хотя и имело в свою очередь когда-то свою необходимую причинность существования, тем не менее оставило по себе, мимо, однако же, и своего рода пользы, чрезвычайно много самого вредного, предрассудочного вздора,

продолжающего вредить и до сих пор. Главная историческая польза этих людей была отрицательная и состояла в крайности их выводов и окончательных приговоров (ибо были они столь надменны, что приговаривали не иначе как окончательно), в тех последних столпах, до которых доходили они в исступленных своих теориях. Эта крайность невольно способствовала отрезвлению умов и повороту к народу, к соединению с народом. Теперь, после всей этой четверти века и после множества новых, прежде неслыханных фактов, добытых уже практическим изучением русской жизни, — эти «последние могикане» старых теорий невольно представляются в комическом виде, несмотря даже на их усиленно почтенную осанку. Главная же смешная черта их в том, что они всё еще продолжают считать себя молодыми и единственными хранителями и, так сказать, «носителями указаний» тех путей, по которым следовало бы, по их мнению, идти настоящей русской жизни. Но от жизни этой они до того уже отстали, что решительно перестают узнавать ее; а потому и живут в совершенно фантастическом мире. Вот почему чрезвычайно любопытно и назидательно, в минуту какого-нибудь сильного общественного одушевления, проследить, до какой степени этот теоретический европеизм фальшиво разъединился с народом и обществом, до какой степени взгляды его и решения, в иную чрезвычайную минуту общественной жизни хотя и по-прежнему надменны и высокомерны, в сущности — слабы, шатки, темны и ошибочны, сравнительно с ясными, простыми, твердыми и непоколебимыми выводами народного чувства и разума. Но обратимся, однако, к статье.

Надо, впрочем, отдать справедливость автору статьи; он признает, то есть соглашается признать, и народное, и общественное движение в пользу славян, признает его даже достаточно искренним. Конечно, еще бы он не признал его! .. но всё же для такого застарелого «европейца», как наш автор, это заслуга немалая. А между тем он всё как бы чем-то недоволен, ему почему-то не нравится, что это движение началось. Правда, он прямо не высказывается, что недоволен тем, что движение началось, но зато брюзжит и придирается к подробностям. Мне кажется, Грановский, один из самых чистейших и первоначальных представителей теоретического западничества нашего, тоже писавший в свое время о Восточном вопросе и о тогдашнем, впрочем лишь несколько подобном настоящему, народном движении в войну 54—56 годов (см. мою статью о Грановском в августовском моем «Дневнике»), — Грановский, говорю я, мне кажется, был бы тоже недоволен нашим теперешним народным движением и, уж конечно, предпочел бы видеть скорее народ наш по-прежнему в виде неподвижной косной массы, чем проявляющимся в таких отчасти даже неразвитых и, так сказать, первобытных формах, не подходящих к нашему европейскому веку. И вообще, все эти прежние старые теоретики хоть и любили народ (хотя, впрочем,

нам это не очень известно), но любили его до того лишь в теории, то есть до того в тех мечтательных представлениях и формах, в которых желали бы его видеть, что, в сущности, как бы даже и не любили его вовсе. Впрочем, в оправдание их, надо признаться, что они никогда и не знали народа вовсе, да и не находили нужным знать его и с ним знаться. Они не то что *извращали факты*, а просто не понимали их совсем, так что много, слишком много раз чистейшее золото народного духа, смысла и глубокого, чистейшего чувства причислялось ими прямо к пошлости, невежеству и тупому народному русскому бессмыслию. Проявись народ перед ними чуть-чуть не в тех видах и образах, в которых им нравилось (большею частью в виде французской парижской черни), и они, может, отказались бы от него вовсе. «Прежде всего надо устранить всякую мысль, что война эта священная, — восклицает Грановский в своей брошюре о Восточном вопросе, — ныне-де на крестовый поход никого не подымешь, не тот век ныне, никто не двинется на освобождение гроба господня» и т. д. и т. д. Точь-в-точь и теоретик «Вестника Европы»: ему тоже не нравятся рубрики, он придирается к ним. Ему очень не нравится, например, что народ наш и общество жертвуют не под той рубрикой, как бы ему хотелось. Он хочет взгляда более, так сказать, подходящего к нашему веку, более просвещенного. Но мы опять отступили в сторону.

Пропускаем начало этого места статьи о русском движении в пользу славян — начало очень характерное в своем роде, но мы не можем останавливаться на каждой строчке. Вот что говорит автор далее.

II. КИФОМОКИЕВЩИНА

«Нельзя, впрочем, отрицать, что среди многочисленных заявлений, появлявшихся по этому делу в наших газетах, были некоторые странные и бестактные; не говоря уже о тех, в которых виднелось желание слишком выставить свою личность, так как это не важно, мы должны указать на те, в которых обнаруживался сыск по части чувств русских граждан невеликорусов. Эта нехорошая привычка, к сожалению, всё еще не оставила нас, а по самой сущности дела, о котором говорилось, требовалась особая осторожность в отношении всех национальностей, входящих в общую русскую народность. Заметим еще, что вообще движению в пользу славян не следует придавать слишком вероисповедный характер, беспрестанно упоминая о „наших единоверцах". Для возбуждения русского общества к оказанию славянам помощи совершенно достаточны те мотивы, которые могут соединять всех русских граждан, — и излишни те мотивы, которые могут разъединять их. Если мы будем объяснять себе наше сочувствие к славянам главным образом тем, что они наши единоверцы, то как же мы должны будем относиться к тем из наших мусульман, которые стали бы собирать пожертвования в пользу турок или заявили бы желание ехать в турецкую армию... Беспокойство, обнаружившееся в некоторых местностях Кавказа, должно напомнить нам, что православный великорус живет в семье, что он не единственный, хотя и старший сын России».

Довольно было бы и одного этого места, чтоб указать, до какого разрыва с общественным смыслом и до какой праздной «кифомокиевщины» может договориться в наше время застарелый в своем упорстве теоретический европеизм иного прежнего «носителя указаний». Автор задает нам, и его самого мучат вопросы, удивляющие своею придуманностью и деланностью, самою фантастическою теоретичностью и, главное, совершенною их бесцельностью. «Если-де мы будем жертвовать из единоверия, то как же мы будем относиться к тем из наших мусульман, которые стали бы собирать пожертвования в пользу турок или заявили бы желание ехать в турецкую армию?» Ну, возможен ли тут какой-нибудь вопрос и возможно ли тут хоть какое-нибудь колебание в ответе? Всякий простой, неизломанный русский человек тотчас же даст вам самый точный ответ. Да и не один русский человек, а и всякий европеец, всякий североамериканец вам даст на это самый ясный ответ; разве только что европеец оглядит вас, прежде ответа, с крайним удивлением. Заметим, кстати и вообще, что наше русское западничество, то есть европейничанье, укрепляясь на русской земле, принимает мало-помалу, и весьма часто, далеко не европейский оттенок, так что иную европейскую идею, занесенную к нам иными «хранителями указаний», иногда даже и узнать нельзя вовсе — до того изменится она, перемалываясь в русских теориях и в приложении к русской жизни, которую, вдобавок, теоретик не знает вовсе, да и знать ее не находит нужным. «Как будем мы, видите ли, относиться к тем из наших мусульман, которые» и т. д. Да очень просто: во-первых, если уж мы будем в войне с турками, а наши татары, например, начнут помогать туркам деньгами или пойдут в их ряды, то еще прежде того, как отнесется к ним общество, само правительство, думаю, отнесется к ним как к государственным изменникам и, уж конечно, сумеет их остановить вовремя. Во-вторых, если война еще не будет объявлена, а турки начнут резать славян, которым все русские равно сочувствуют, то, в случае, если начались бы пожертвования, деньгами или людьми, русских мусульман в пользу турок, — неужели вы думаете, что кто-нибудь из русских мог бы отнестись к такому факту без оскорбленного чувства и без негодования? .. По-вашему, вся беда в вероисповедном характере пожертвований, то есть если уж русский стал помогать славянину, *как единоверцу*, то как же может он, не нарушая гражданской равноправности и справедливости, запретить такое же пожертвование и русскому татарину в пользу единоверца своего — турка? Напротив, очень может и имеет на то самое полное право, потому что русский, помогая славянину против турок, даже и в мысли не имеет стать врагом татарина и пойти на него войной, тогда как татарин, помогая турке, разрывает с Россией, становится изменником России и, становясь в ряды турок, идет прямо на нее войной. Кроме того, ведь если я, русский, пожертвую в пользу славянина, воюющего с турком,

хотя бы даже и из единоверия, то ведь победы ему желаю над турком вовсе не потому, что тот мусульманин, а потому лишь, что тот режет славянина, тогда как татарин, переходя к турке, может это сделать единственно лишь из той причины, что я христианин и что будто бы хочу истребить мусульманство, тогда как я вовсе не хочу истреблять мусульманства, а лишь единоверца своего защитить... Помогая славянину, я не только не нападаю на веру татарина, но мне и до мусульманства-то самого турки нет дела: оставайся он мусульманином сколько хочет, лишь бы славян не трогал. Тут скажут, пожалуй: «Если ты помогаешь единоверцу против турок, то уж тем самым и идешь против русского татарина и против веры его, потому что у них шариат, а султан есть калиф всех мусульман. Райя же, уже по самому Корану, не может быть свободен и не может быть равноправен мусульманину; помогая же ему стать равноправным, русский тем самым, в глазах всякого мусульманина, идет уже не на турок, а и на всё мусульманство». Но в таком случае зачинщик религиозной войны уже татарин, а не я, и, согласитесь, что это уже совсем другого рода возражение и что тут уж никакими хитростями и никакими рубриками не поможешь... Вы вот думаете, что вся беда от единоверия и что если б я скрыл от татарина, что помогаю славянину как единоверцу, а, напротив, выставил бы на вид, что помогаю славянину под какою-нибудь другою рубрикой, ну, например, из-за того, что тот угнетен туркой, лишен свободы — «сего первого блага людей», то татарин мне и поверит? Напротив, смею вас заверить, что в глазах какого бы то ни было мусульманина помогать райе против мусульман, под каким бы то ни было предлогом, — есть совершенно всё одно, как бы я пошел помогать райе за веру. Неужели вы этого не знали? А между тем вы именно пишете: «Для возбуждения русского общества к оказанию славянам помощи совершенно достаточны те мотивы, которые могут соединять всех русских граждан, и излишни те мотивы, которые могут разъединять их»... Это вы написали именно про единоверие, как про разъединяющий мотив, и про русских мусульман — и тут же сейчас это и разъяснили. Вы предлагаете «борьбу за свободу» как лучший и высший предлог или «мотив», как вы выражаетесь, для русских пожертвований в пользу славян и, по-видимому, совершенно убеждены, что «борьба славян за свободу» очень понравится татарину и в высшей степени его успокоит. Но, опять-таки, уверяю вас, что для русского мусульманина, если уж он такой, что решится пойти помогать туркам, — все мотивы равны, и что, под какой бы рубрикой ни началась война, в его глазах она все-таки будет религиозная. Но ведь русский не виноват, что татарин так понимает...

III. ПРОДОЛЖЕНИЕ ПРЕДЫДУЩЕГО

Мне даже очень досадно, что я должен был так распространиться. Если б возможна была когда-нибудь война Франции с Турцией и при этом заволновались бы принадлежащие Франции мусульмане, алжирские арабы, то неужели вы думаете, что французы не усмирили бы их тотчас же самым энергическим образом? И стали бы они деликатничать и позорно прятать свои лучшие и благороднейшие «мотивы» из опасения, чтоб мусульмане их как-нибудь не обиделись и не оскорбились! Вы пишете самым величавым образом нравоучение для всей России: «Беспокойство, обнаружившееся в некоторых местностях Кавказа (NB кстати, сами, стало быть, заявляете, что беспокойство было), должно напомнить нам, что православный великорус живет в семье, что он не единственный, хотя и старший сын России». Положим, что это величаво сказано, но что ж, однако, великорусу-то делать в том случае, если б действительно кавказцы заволновались? Чем виноват этот старший сын в семье, что мусульманин-кавказец, этот младший сын в семье, так восприимчив насчет своей веры и с такими понятиями, что, идя против турок, старший сын идет уже и против него и всего мусульманства?.. Вы тревожитесь, чтобы «старший брат в семье» (великорус) не оскорбил как-нибудь сердца младшего брата (татарина или кавказца). Какая, в самом деле, гуманная и полная просвещенного взгляда тревога! Вы напираете на то, что православный великорус не «единственный, хотя и старший сын России». Позвольте, что ж это такое? Русская земля принадлежит русским, *одним* русским, и есть земля русская, и *ни клочка в ней нет татарской земли*. Татары, бывшие мучители земли русской, на этой земле пришлецы. Но, усмирив их, отвоевав у них назад свою землю и завоевав их самих, русские не отомстили татарину за двухвековое мучительство, не унизили его, подобно как мусульманин-турка измучил и унизил райю, ничем и прежде его не обидевшего, — а, напротив, дал ему с собой такое полное гражданское равноправие, которого вы, может быть, не встретите в самых цивилизованных землях столь просвещенного, по-вашему, Запада. Даже, может быть, русский мусульманин пользовался иногда и высшими льготами против самого русского, против самого владетеля и хозяина русской земли... Веру татарина никогда тоже не унижал русский, никогда не притеснял и не гнал, и — поверьте, что нигде на Западе и даже в целом мире не найдете вы такой широкой, такой гуманной веротерпимости, как в душе настоящего русского человека. Поверьте тоже, что скорей уж татарин любит сторониться от русского (именно вследствие своего мусульманства), а не русский от татарина. В этом всякий вас уверит, кто жил подле татар. Тем не менее хозяин земли русской — есть один лишь русский (великорус, малорус, белорус — это всё одно) — и так будет навсегда, и уж если пра-

вославному русскому придет нужда воевать с мусульманами-турками, то верьте, что никогда русский не позволит кому бы то ни было сказать себе на своей земле veto! Деликатничать же с татарами до такой степени, что бояться сметь обнаружить перед ними самые великодушные и невольные чувства, вовсе никому не обидные, — чувства сострадания к измученному славянину, хотя бы как и к единоверцу, — кроме того, всячески прятать от татарина всё то, что составляет назначение, будущность и, главное, задачу русского, — ведь это есть требование смешное и унизительное для русского... Чем я оскорбляю татарина, что сочувствую моей вере и единоверцам, чем гоню его веру? И чем я виноват, что в его понятиях, всякая наша война с турками принимает непременно характер вероисповедный? Не может же русский изменить основные понятия всего мусульманства. Вы говорите: «ну, так деликатничай, секретничай, старайся не оскорбить»... Но, позвольте, если уж он так чувствителен, то ведь он, пожалуй, может вдруг оскорбиться и тем, что на той же улице, где стоит его мечеть, стоит и наша православная церковь, — так уж не снести ли ее с места, чтобы он не оскорбился? Ведь не бежать же русскому из своей земли? Не залезть же куда-нибудь под стол, чтоб было не слышно и не видно, из-за того, что в русской земле младший брат-татарин живет!..

Вы что-то заговорили про «*сыск*». «Мы должны-де указать на те (статьи в русских газетах), в которых обнаружился *сыск* по части чувств русских граждан невеликорусов. Эта нехорошая привычка, к сожалению, всё еще не оставила нас, а по самой сущности дела, о котором говорилось, требовалась особая осторожность в отношении всех национальностей, входящих в общую русскую народность». Какая же это наша привычка? Смею вас уверить, что это лишь фальшивая нота старого теоретического либеральничанья, не умеющего и приложить-то с толком вывезенной из Европы либеральной идеи. Нет-с, не нам с вами учить народ веротерпимости или читать ему лекции о свободе совести. В этом отношении он и вас, и всю Европу поучит. Впрочем, вы говорите о газетах, о русской журналистике. Так что ж это за сыск? И какую *нашу привычку*, столь укоренившуюся, вы так оплакиваете? Привычку сыска в нашей литературе? Но это тоже фантазия теоретического либерализма, не оправдывающаяся действительностью. Уверяю вас, что у нас никогда и ни на кого не доносили в литературе ни за веру, ни даже за какие-нибудь местно-патриотические чувства. Если же и были когда-нибудь частные случаи, то они до того уединенны и исключительны, что грешно и стыдно возводить их в общее правило: «дескать, привычка эта всё еще нас не оставила». Да и что такое донос или сыск? Есть факты, про которые уж нельзя не говорить. Не знаю, про какие статьи вы говорите и на что намекаете. Помню, читал я кое-что про волнения начинавшегося фанатизма на Кавказе: так ведь вы и сами сейчас же написали об этих волнениях

в смысле *действительно совершившегося факта.* Заезжали тоже, говорят, из Турции проповедники фанатизма и в Крым; но были ли эти волнения в самом деле или вовсе не были, я, в настоящем случае, разбирать не буду, да, по правде, и сам не знаю наверно. Я только спрошу вас: неужели же, если б какая-нибудь из газет сообщила про подобный слух или уже факт, так уж это могло бы назваться «сыском по части чувств наших иноверцев»? Ну, положим, что эти факты волнений случились бы действительно, как же об них умолчать, да еще газете, которая и вообще на том стоит, чтоб извещать о фактах? Ведь она тем предупреждает опасность. Ведь если молчать и дать развиться делу, то есть фанатизму, то ведь пострадают и фанатики, и те из русских, которые живут подле них. Вот если газета *умышленно* приведет фальшивые факты, чтоб *донести* правительству и возбудить преследования, то тогда, конечно, был бы сыск и донос, но ведь если факты верны, то об них молчать, что ли? Да и кто гнал у нас когда инородцев за их веру и даже за их иные «вероисповедные чувства» или даже просто за чувства, хотя бы и в самом широком смысле слова? Напротив, на этот счет у нас почти всегда бывало даже и очень слабенько, совсем, например, не так, как в иных просвещеннейших государствах Европы. Что же до вероисповедных чувств, то у нас и раскольников-то уж теперь почти никто не гонит, а не то что инородцев, и если было в последнее время несколько редких, совсем единичных, случаев преследования штундистов, то эти случаи тотчас же и резко осуждались всей нашей прессой. Кстати, уж не согласиться ли нам с иными германскими газетами, обвинявшими нас и обвиняющими даже теперь в том, что мы терзаем и преследуем наших остзейских немцев — за их веру и *чувства*! .. Очень, очень жаль, что вы не указали статьи и не привели факта, чтоб уж было точно известно, про какие именно сыски вы говорите. Надо знать и понимать употребление слов и не шутить такими словами, как «сыск».

Главное, вам не нравится эта рубрика: «единоверие». Помогай, дескать, из других мотивов, а не из единоверия. Но уж, во-первых, то, что это «мотив» не сочиненный, не подысканный, а сам явившийся, сам сказавшийся и сказавшийся всеми разом. Это мотив исторический, и *история* эта тянется до сих пор. «*Не надо*-де движению в пользу славян придавать вероисповедный характер, беспрерывно упоминая о „наших единоверцах“», — пишете вы. Но что же делать с историей и с живой жизнью: надо или не надо придавать, а оно само собою так выходит. Сообразите: турок режет славянина за то, что тот, будучи христианином, райей, осмеливается домогаться с ним равноправия. Перейди болгарин в магометанство — и турок тотчас же перестанет мучить его, напротив, тотчас же признает его за своего, — так по Корану. Следственно, если болгаре терпят такие лютые муки, то, уж конечно, за свое христианство, это ясно как день. Так как

же тут русскому, жертвуя на славянина, избежать «вопроса вероисповедности»? Да русскому и в голову не придет избегать! Да и кроме исторической и текущей необходимости, русский человек ничего не знает выше христианства, да и представить не может. Он всю землю свою, всю общность, всю Россию назвал христианством, «крестьянством». Вникните в православие: это вовсе не одна только церковность и обрядность, это живое чувство, обратившееся у народа нашего в одну из тех основных живых сил, без которых не живут нации. В русском христианстве, по-настоящему, даже и мистицизма нет вовсе, в нем одно человеколюбие, один Христов образ, — по крайней мере, это главное. В Европе давно уже и по праву смотрят на клерикализм и церковность с опасением: там они, особенно в иных местах, мешают течению живой жизни, всякому преуспеянию жизни, и, уж конечно, мешают самой религии. Но похоже ли наше тихое, смиренное православие на предрассудочный, мрачный, заговорный, пронырливый и жестокий клерикализм Европы? Как же может оно не быть близким народу? Народные стремления создаются всем народом, а не сочиняются в редакциях журналов: «Надо иль не надо», а будет так, как есть в самом деле. Вы пишете, например, далее: «Благородное дело свободы увидало в рядах своих защитников — русских людей. Уже с этой точки зрения, еще более возвышенной, чем сочувствие по единоверию и даже единству племени, дело славян — священное дело». Ваша правда, это очень высокий мотив, но ведь что, однако же, говорит мотив единоверия? Единоверие тут именно означает несчастного, измученного, распятого на кресте и за угнетение которого я восстаю и негодую. Это значит: «положи живот свой за угнетенного, за ближнего, выше нет подвига» — вот что говорит мотив единоверия! Кроме того, я осмелюсь заметить, впрочем лишь вообще, что искать «рубрик» для добрых дел опасно. Если я, например, помогаю славянину как единоверцу, то ведь это вовсе не рубрика, это только обозначение его исторического положения в данный момент: «он единоверец, стало быть, — христианин, и за это угнетен и мучим». Но если я скажу, что помогаю из-за «благородного дела свободы», то тем самым как бы выставляю причину моей помощи. А уж если искать причину помощи, то черногорцы, например, и герцеговинцы, выказавшие всех больше благородного искания свободы, выйдут и всех достойнее помощи; сербы уж немного поменьше, а болгары и болгарки даже ведь совсем и не подымались за свободу, разве где-нибудь вначале, по горам, ничтожными кучками. Они просто выли, когда их маленьким ребятишкам мучители отрезывали в каждые пять минут по пальчику, чтоб продлить их мучения в глазах отцов и матерей, а те и не защищались, а лишь целовали, вопя и терзаясь, как бы в безумии, ноги мучителям, чтоб они перестали мучить и отдали им назад бедных деточек. Ну, так ведь этим, пожалуй, пришлось бы всех меньше помочь, потому что они всего только страдали, а не

возвысились до благородного дела свободы — «сего первого блага людей». Положим, вы так дрянно не помыслите, но сознайтесь, что, вводя причины и «мотивы» для человеколюбия, почти всегда доходишь до несколько подобных рассуждений и выводов. Лучше всего — помогать просто потому, что человек несчастен. Помощь единоверцу это именно и означает; повторяю вам, у нас слово «единоверец» вовсе не клерикальная рубрика, а лишь историческое обозначение. Поверьте, что и «единоверие» слишком любит и ценит благородное и великое дело свободы, мало того: умеет и сумеет умереть за него всегда, когда надо будет. А теперь я только против неправильного приложения европейских идей к русской действительности...

IV. СТРАХИ И ОПАСЕНИЯ

Всего забавнее то, что почтенный теоретик прозревает в современном увлечении в пользу славян серьезную для нас опасность и изо всех сил спешит предупредить нас. Он думает, что мы, в минуту самообольщения, выдадим себе «аттестат зрелости» и полезем спать на печку. Вот что он пишет:

«В этом смысле опасны все часто читаемые нами, по поводу жертв в пользу славян, рассуждения на тему: „факты эти обнаруживают в русском обществе отрадное оживление, они доказывают, что русское общество дозрело до“... и т. д. Склонность любоваться собою в зеркало по поводу международных вопросов и заявлений сочувствия национальностям, а затем засыпать сном труженика, исполнившего свой долг, в нас так велика, что все подобные рассуждения, хотя верные до известной степени, положительно опасны. Ведь мы уже торжествовали свою готовность к жертвам при начале Крымской войны, праздновали свою общественную зрелость по поводу депеш нашего канцлера в 1863 году, и по поводу сочувственной встречи, оказанной у нас офицерам североамериканского броненосца, и по поводу сбора в пользу кандиотов, и по поводу оваций славянским литераторам в Петербурге и Москве. Прочтите, что писалось в то время газетами, и убедитесь, что иные фразы ныне буквально повторяются... Спросим себя, что вышло из всех тех „зрелостей“, которые мы поочередно праздновали, и подвинули ли нас вперед те моменты, в которые мы их праздновали?.. Но мы должны помнить, что, следуя влечению, мы не вправе еще претендовать на выдачу нам „аттестата зрелости“...»

Во-первых, тут всё, с первого до последнего слова, не верно действительности. «Склонность-де засыпать сном труженика, исполнившего свой долг, в нас так велика» и т. д. Эта «склонность к засыпанию» есть одно из самых предрассудочных и неверных обвинений устарелого теоретизма, очень любившего много болтать и ничего не делать, именно всегда лежавшего на печке и читавшего нравоучения с печки и именно, в самоупоении своей красотой, беспрерывно заглядывавшего на себя в зеркало. Это предрассудочное, а теперь до невероятности оказенившееся обвинение зародилось именно тогда, когда русский человек, если и лежал

на печи или только и делал, что играл в карты, то единственно потому, что ему и не давали ничего делать, не пускали его делать, запрещали ему делать. Но чуть лишь у нас раздвинулись заборы, то русский человек тотчас же обнаружил скорее лихорадочное беспокойство и нетерпение в стремлении к делу и даже неустанность в деле, чем желание лезть на печку. Если же и до сих пор не совсем ладится дело, так ведь это вовсе не потому, что оно не делается, а потому, что при двухсотлетней отвычке от всякого дела нельзя так сразу приобресть способность понимать дело, верно подходить к нему и суметь за него взяться. Вам бы только наставления читать и бранить русского человека, по старой памяти. Я говорю это старым теоретикам, никогда не удостоивавшим, с высоты своего величия, вникнуть в русскую жизнь и хоть что-нибудь изучить в ней, ну, хоть чтобы проверить и поправить свои предрассудочные взгляды старинных давнишних годов.

Но опасение вполне достойное Кифы Мокиевича — это об «аттестате зрелости». Дескать, выдадим себе аттестат зрелости, да и успокоимся, и заснем. Напротив, это лишь старый теоретизм, столь давно уже выдавший себе аттестат зрелости, наклонен к самоупоению, к чтению наставлений и к сладкой полудремоте, а такие молодые, прекрасные, единящие движения всем обществом, как в нынешнем году, способны лишь побудить к дальнейшему преуспеянию и совершенствованию. Такие моменты оставляют лишь благотворный след. И откуда только вы могли вывесть, что русское общество так склонно к самокрасованию и к смотрению на себя в зеркало? Все факты тому противоречат. Напротив, это самое недоверчивое к себе, самое самобичующее общество в целом мире! .. Мы не только славянам сочувствовали, мы и крестьян освободили, а посмотрите, был ли когда в истории русского народа более скептический, более самопроверяющий себя момент, как в эти последние двадцать лет русской жизни? В недоверии к себе мы доходили, в эти годы, до болезненных крайностей, до непозволительной насмешки над собою, до незаслуженного презрения к себе и уж слишком, слишком далеки были от самоупоения нашими совершенствами. Вы говорите, что мы и критянам сочувствовали, и броненосец встречали, и каждый раз писали о своей зрелости и что ничего не вышло из этой зрелости. Да вы даже самые обыденные явления жизни, не только русской, но и всеобщей, перестаете понимать после этого. Ведь если мы и порадовались тогда на себя и на свои успехи, с некоторым преувеличением, то ведь это так естественно в молодом и стремящемся жить обществе, еще слишком верящем в жизнь и смотрящем на назначение свое серьезно! Это везде, всегда и с каждым народом случается. Возьмите какую-нибудь из древнейших книг в мире — и увидите, что такой точно *первый*, молодой восторг над своим успехом бывал свойствен даже самым древнейшим народам в мире, а стало быть, существовал с самого

начала мира, конечно, под тем условием, если эти народы молоды, полны жизни и будущности. У нас могла быть слишком преждевременная радость на свои успехи и на то, что мы вот бросили же наконец карты и начали тоже заниматься делом, — но опасно ли это хоть сколько-нибудь, как тревожно возвещает нам предостерегатель? Напротив, вот эти-то люди, принимающие настоящую живую жизнь серьезно и радостно, с таким чувством и сердцем, — вот эти-то и не дадут себе заснуть от самовосхваления. Поверьте, что раз возбужденная и забившая горячим ключом жизнь не остановится, самоупоение пройдет мигом, и чем сильнее оно было, тем вернее настанет спасительное отрезвление, с движением вперед и вперед. Но хоть и отрезвимся, а все-таки будем уважать спасительный, молодой, благородный и невинный недавний восторг наш. Вы спрашиваете: А что вышло из этих «зрелостей»? Как что: да вот нынешний момент, может быть, вышел. А не было бы одушевления с критянами и при приеме славянских гостей — не вышло бы и теперь ничего. Общество стало серьезнее, познакомилось с известным циклом идей и воззрений. Помилуйте, всё делается постепенно на свете, да и народы формируются постепенно, а не рождаются так прямо маленькими рассудительными педантиками. И на что вы сердитесь: «слишком-де увлекаемся движением»; но преждевременное благоразумие, педантизм юношей, играющих роль стариков, опаснее. Вы не любите никакого живого движения, любите больше резонерство, ну что ж — это ваш вкус. О, вы, конечно, ссылаетесь сейчас на Европу: «Франция-де и не то сделала для Италии, что мы, пока, делаем для славян, но разве французское общество, по освобождении Италии, стало считать себя более зрелым, чем прежде?» Вот что вы пишете. Но это уж из рук вон! И нашли кого поставить нам в пример скромности — Францию? Да когда француз не смотрел на себя в зеркало, не красовался самим собою? При Наполеоне I, например, они возбудили к себе всеобщую европейскую ненависть своим нестерпимым гордым видом, своим вседовольством и всеблаженством. Таковы же были они по-настоящему и всегда, до самого 1871 года. Но Франция теперь слишком разъединенная внутренно нация, а потому и наблюдать ее с этой точки довольно трудно. Но как вы скажете, например, насчет англичан или, особенно, немцев? Вот уж не любят-то смотреть на себя в зеркало, вот уж не любят-то хвалиться, особенно немцы! И как верны у вас исторические выводы: «Франция-де и не то сделала для Италии, что мы пока делаем для славян. . .» Уверяю вас, что собственно сама Франция ровно ничего не сделала для Италии. Освободил северную Италию лишь Наполеон III, по своим политическим соображениям, и вовсе даже неизвестно, освободил ли бы французский народ Италию *сам*, без Наполеона III и без его политических соображений. По крайней мере, очень трудно решить, произошло ли бы это освобождение итальянцев лишь для их освобождения, а не для некоторого рода

политического захвата... Нам вот кажется до сих пор, что и Наполеон III, и сама Франция совсем-таки без большого восторга взирали потом на подвиги несколько обманувшего их Кавура, а когда раздалось столь громкое: «Jamais! [1]» французского правительства насчет всякого дальнейшего поползновения итальянцев на Рим, то французский народ, может быть, даже и сочувственно выслушал это jamais. О, конечно правда, что Франция все-таки больше сделала для Италии, чем пока русские для славян; дело это еще не кончено, и дальнейшие результаты его только богу известны; но трудно всё же допустить, чтобы столь искреннее, полное любви и уже подкрепленное подвигами высочайшего самоотвержения движение русских за славян нуждалось в таких высших назидательных примерах доблести, как освобождение Северной Италии Наполеоном III... А, впрочем, что ж, вы даже и венгерцев ставите русскому народу в пример великодушия. Особенно теперь красивы и великодушны венгерцы, не правда ли? Какая узкая в них ненависть ко всякой мысли об облегчении участи славян! Какая ненависть к России! Как это вам пришел на ум такой пример и такой народ?..

V. POST SCRIPTUM

Повторяю, — я очень сожалею, что так распространился, но в этих, впрочем весьма невинных, словах бесспорно умного и доброго, но несколько старого автора, в этом тоне, в котором высказаны эти слова, как бы послышались мне голоса, может быть, уже очень близкого и нехорошего будущего, а потому я и не мог удержаться... О, конечно, эти будущие и возможные голоса не имеют ничего общего с голосом из «Вестника Европы», но они мне почему-то послышались. В самом деле, случись так, что всё это доброе, благородное русское движение в пользу славян, силою обстоятельств, обратится ни во что, что не удастся это дело, что все воротятся и замолкнут — о, какие мы тогда уже новые крики услышим и в каком торжествующем и победном тоне, и уже не невинные, а насмешливые, язвительные, победу празднующие! Тогда-то раздадутся вволю голоса, теперь на время было примолкшие или даже уж запевшие в унисон «благородному порыву». Раздастся хохот в глаза этому благородному порыву, и люди благородного порыва опять сконфузятся, присмиреют, а очень многие так даже и поверят: «да, дескать, это надо было предвидеть», — подумают бедненькие. «Ну что, взяли, верующие! — завопят победившие, — что вышло из вашего единения, из вашей „единящей мысли“? Остались с носом, богатыри! Умные люди вперед знали, чем кончится; разве и могло быть что-нибудь? Да и дело-то выеденного яйца

[1] «Никогда!» (*франц.*).

не стоило. Аттестат зрелости себе написали. Зрелее ли вы теперь, господа? Нет, брат, сторонись в свой угол да хихикай в руку по-прежнему — дело складнее выйдет!» Вот что послышится, да и много, много еще другого, чего не упишешь. И сколько опять, сразу, увидим цинизма, сколько опять неверия в свои силы, неверия в самую Россию. Опять начнут отпевать ее! А сколько явится червонных валетов! А сколько самой чистейшей сердцем молодежи побежит опять вон из общества! Опять разъединение, опять шатание! Кстати, ведь, уж конечно, виконт Биконсфильд, говоря про наши разрушительные элементы, сам знал, что лжет. Даже предчувствовал, может быть, что разрушительные элементы если и есть у нас, то теперь, с новым порывом России, должны будут принять направление иное, — и, уж конечно, такое соображение было очень досадно виконту тарантулу. Теперь же, то есть в случае неудачи «порыва», тарантул очень возрадуется, — он уж знает чему! Но... но разве это похоже на правду? Разве это сбудется? Какой дурной сон! Сон и не больше...

ОКТЯБРЬ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

I. ПРОСТОЕ, НО МУДРЕНОЕ ДЕЛО

Пятнадцатого октября решилось в суде дело той мачехи, которая, помните, полгода назад, в мае месяце, выбросила из окошка, из четвертого этажа, свою маленькую падчерицу, шести лет, и еще ребенок каким-то чудом остался цел и здоров. Эта мачеха, крестьянка Екатерина Корнилова, двадцати лет, была за вдовцом, который с нею, по показаниям ее, ссорился, не пускал ее в гости к родным, да и родных ее не принимал к себе, попрекал ее покойной женой своей и тем, что при той хозяйство у него шло лучше, и т. д. и т. д., словом, «довел ее до того, что она перестала любить его», и, чтоб отмстить ему, вздумала выкинуть его дочь от той прежней жены, которою он попрекал ее, за окошко, что и исполнила. Одним словом, история, — кроме чудесного спасения ребенка, — по-видимому, представляется довольно простою и ясною историей. С этой точки, то есть с точки «простоты», взглянул на дело и суд, и тоже самым простейшим образом присудил Екатерину Корнилову, «имевшую при совершении преступления более семнадцати лет и менее двадцати, сослать в каторжные работы на два года и восемь месяцев, а по окончании работ сослать в Сибирь навсегда».

И однако, несмотря на всю простоту и ясность, остается тут как бы нечто и не совсем разъяснившееся. Подсудимая (довольно приятная лицом женщина) судилась в последнем периоде беременности, так что в зало заседания суда, на всякий случай, была приглашена и акушерка. Еще в мае, когда случилось это преступление (и когда, стало быть, подсудимая была на четвертом месяце беременности), я записал в моем майском «Дневнике» (впрочем, мельком и мимоходом, рассматривая рутинность и казенщину приемов нашей «адвокатуры») следу-

ющие слова: «Вот это-то и возмутительно... тогда как, действительно, поступок этого изверга-мачехи *слишком уж странен* и, может быть, в самом деле должен потребовать тонкого и глубокого разбора, который мог бы даже послужить к облегчению преступницы». Вот что я написал тогда. Теперь проследите по фактам. Во-первых, подсудимая сама признала себя виновною, и это сейчас после совершения преступления, сама же и донесла на себя. Она рассказала тогда же, в участке, что еще накануне думала покончить с падчерицей, которую возненавидела из злобы на мужа, но накануне вечером помешало присутствие мужа. На другой же день, когда тот ушел на работу, она отворила окно, составила на одну сторону подоконника горшки с цветами и велела девочке влезть на подоконник и посмотреть вниз, в окошко. Девочка, разумеется, полезла, может быть даже с охотою, думая и бог знает что под окном увидеть; но как только влезла, стала на колени и заглянула, опершись руками, в окно, то мачеха приподняла ее сзади за ножки и та бултыхнулась в пространство. Преступница, поглядев вниз на слетевшего ребенка (так сама рассказывает), затворила окошко, оделась, заперла комнату и отправилась в участок — доложить о случившемся. Вот факты, кажется, чего бы проще, а между тем сколько тут фантастического, не правда ли? Наших присяжных обвиняли до сих пор, и даже нередко, за иные, действительно уже фантастические, оправдания подсудимых. Иногда возмущалось даже нравственное чувство самых, так сказать, посторонних людей. Мы понимали, что можно жалеть преступника, но нельзя же зло называть добром в таком важном и великом деле, как суд; между тем бывали оправдания почти что в этом роде, то есть зло *почти* что признавалось добром, по крайней мере очень немного недоставало к тому. Являлась или ложная сентиментальность, или непонимание самого принципа суда, непонимание того, что в суде первое дело, первый принцип дела состоит в том, чтобы зло было определено по возможности, по возможности указано и названо злом всенародно. А там, потом, смягчение участи преступника, забота об исправлении его и т. д. и т. д., — это всё уже другие вопросы, весьма глубокие, огромные, но совершенно различные от дела судебного, а относящиеся совсем к другим отделам жизни общества — отделам, надо сознаться, еще далеко не определившимся и даже совсем у нас не формулированным, так что по этим отделам общественной деятельности, может быть, еще и первого аза не произнесено. А пока в судах наших эти обе *разные идеи* смешиваются, и выходит иногда бог знает что. Выходит, что преступление как бы не признается преступлением вовсе; обществу, напротив, как бы возвещается, да еще судом же, что совсем, дескать, и нет преступления, что преступление, видите ли, есть только болезнь, происходящая от ненормального состояния общества, — мысль до гениальности верная *в иных* частных применениях и в известных

разрядах явлений, но совершенно ошибочная в применении к целому и общему, ибо тут есть некоторая черта, которую невозможно переступить, иначе пришлось бы совершенно обезличить человека, отнять у него всякую самость и жизнь, приравнять его к пушинке, зависящей от первого ветра, одним словом, возвестить как бы какую-то новую природу человека, теперь только что открытую какой-то новой наукой. Между тем этой науки еще нет и даже не начиналось. Так что все эти милостивые приговоры суда присяжных, в которых иногда ясно доказанное и подкрепленное полным сознанием преступника преступление отрицалось прямо: «не виновен, не делал, не убивал», — все эти милостивые приговоры (кроме редких случаев, когда они были действительно у места и безошибочны) удивляли народ, а в обществе возбуждали насмешку и недоумение. И что ж, вот теперь, как только я прочел о решении судьбы крестьянки Корниловой (в каторгу на два года и восемь месяцев), мне вдруг пришло в голову: вот бы им теперь-то оправдать ее, — вот бы теперь сказать: «не было преступления, не убивала, не вышвыривала из окошка». Впрочем, не буду пускаться в какие-нибудь отвлеченности или в чувства, чтоб развить мою мысль. Мне *просто* кажется, что тут был даже как бы наизаконнейший повод оправдать подсудимую, — а именно, — ее беременность.

Всем известно, что женщина во время беременности (да еще первым ребенком) бывает весьма часто даже подвержена иным странным влияниям и впечатлениям, которым странно и фантастично подчиняется ее дух. Эти влияния принимают иногда, — хотя, впрочем, в редких случаях, — чрезвычайные, ненормальные, почти нелепые формы. Но что в том, что это редко случается (то есть слишком уж чрезвычайные-то явления), — в настоящем случае слишком довольно и того соображения для решающих судьбу человека, что они случаются и даже только могут случаться. Доктор Никитин, исследовавший преступницу (уже после преступления), заявил, что, по его мнению, Корнилова совершила свое преступление *сознательно*, хотя можно допустить раздражение и аффект. Но, во-первых, что может означать тут слово: *сознательно*? Бессознательно редко что-нибудь делается людьми, разве в лунатизме, в бреду, в белой горячке. Разве не знает даже хоть и медицина, что можно совершить нечто и совершенно сознательно, а между тем невменяемо. Да вот хоть бы взять сумасшедших: большинство их безумных поступков происходит совершенно сознательно, и они их помнят; мало того, дадут вам в них отчет, будут их защищать перед вами, будут из-за них с вами спорить, и иногда так логично, что, пожалуй, и вы станете в тупик. Я, конечно, не медик, но я, например, запомнил, как рассказывали, еще в детстве моем, про одну даму в Москве, которая, каждый раз, когда бывала беременна и в известные периоды беременности, получала необычайную, не-

удержимую страсть к воровству. Она воровала вещи и деньги у знакомых, к которым ездила в гости, у гостей, которые к ней ездили, даже в лавках и магазинах, куда заезжала что-нибудь купить. Потом эти краденые вещи возвращались ее домашними по принадлежности. Между тем это была дама слишком не бедная, образованная, хорошего круга; по прошествии этих нескольких дней странной страсти, ей и в голову бы не могло прийти воровать. Всеми решено было тогда, не исключая и медицины, что это лишь временный аффект беременности. Между тем, уж конечно, она воровала сознательно и вполне давая себе в этом отчет. Сознание сохранялось вполне, но лишь перед влечением она не могла устоять. Надо полагать, что медицинская наука вряд ли может сказать и до сих пор, в подобных явлениях, что-нибудь в точности, то есть насчет духовной стороны этих явлений: по каким именно законам происходят в душе человеческой такие переломы, такие подчинения и влияния, такие сумасшествия без сумасшествия, и что собственно тут может значить и какую играет роль сознание? Довольно того, что возможность влияний и чрезвычайных подчинений, во время беременности женщин, кажется неоспорима... И что в том, повторяю, что слишком чрезвычайные влияния эти слишком редко и встречаются: для совести судящего достаточно, в таких случаях, лишь соображения, что они всё же могут случиться. Положим, скажут: не пошла же она воровать, как та дама, или не выдумала же чего-нибудь необыкновенного, а, напротив, сделала всё именно как раз *относящееся к делу*, то есть просто отомстила ненавистному мужу убийством его дочери от той прежней жены его, которою ее попрекали. Но, воля ваша: хоть тут и понятно, но всё же *не просто*; хоть тут и логично, но согласитесь, что — не будь она беременна, может быть, этой логики и не произошло бы вовсе. Произошло бы, например, вот что: оставшись одна с падчерицей, прибитая мужем, в злобе на него, она бы подумала в горьком раздражении, про себя: «Вот бы вышвырнуть эту девчонку, ему назло, за окошко», — подумала бы, *да и не сделала*. Согрешила бы мысленно, а не делом. А теперь, в беременном состоянии, *взяла да и сделала*. И в том, и в другом случае логика была та же, но разница-то большая.

По крайней мере присяжные, если б оправдали подсудимую, могли бы на что-нибудь опереться: «хоть и редко-де бывают такие болезненные аффекты, но ведь всё же бывают; ну так что, если и в настоящем случае был аффект беременности?» Вот соображение. По крайней мере, в этом случае милосердие было бы всем понятно и не возбуждало бы шатания мысли. И что в том, что могла выйти ошибка: лучше уж ошибка в милосердии, чем в казни, тем более, что тут и проверить-то никак невозможно. Преступница первая же считает себя виновною; она сознается сейчас же после преступления, созналась и через полгода на суде. Так и в Сибирь, может быть, пойдет, по совести и глу-

боко в душе считая себя виновною; так и умрет, может быть, каясь в последний час и считая себя душегубкой; и вдомек ей не придет, да и никому на свете, о каком-то болезненном аффекте, бывающем в беременном состоянии, а он-то, может быть, и был всему причиной, и не будь она беременна, ничего бы и не вышло... Нет, из двух ошибок уж лучше бы выбрать ошибку милосердия. Спать было бы лучше потом... А впрочем, что ж я: занятому человеку не о спанье думать; у занятого человека сто таких дел, и спит он крепко, когда дорвется до постели усталый. Это у праздного человека, у которого в целый год одно такое дело случится или два, — это у того бывает много времени думать. Такому, пожалуй, и начнет мерещиться, от нечего делать. Одним словом, праздность есть мать всех пороков.

А кстати, тут ведь сидела акушерка и — посмотрите: осудив преступницу, осудили вместе с нею и ее младенца, еще не родившегося, — не правда ли, как это странно? Положим, что неправда; но согласитесь, что как будто очень похоже на правду, да еще самую полную. В самом деле, ведь вот уж он, еще прежде рождения своего, осужден в Сибирь вслед за матерью, которая его вскормить должна. Если же он пойдет с матерью, то отца лишится; если же обернется как-нибудь дело так, что оставит его у себя отец (не знаю, может ли он теперь это сделать), то лишится матери... Одним словом, еще до рождения лишен семьи, это во-первых, а потом он вырастет, узнает всё про мать и будет... А впрочем, мало ли что будет, лучше смотреть на дело *просто*. Просто посмотреть — и исчезнут все фантасмагории. Так и надо в жизни. Я даже так думаю, что все этакие вещи, с виду столь необыкновенные, на деле всегда обделываются самым обыкновенным и до неприличия прозаическим образом. В самом деле, посмотрите: этот Корнилов теперь опять вдовец — ведь он тоже теперь свободен, брак его расторгнут ссылкой в Сибирь его жены; и вот его жена — не жена, родит ему на днях сына (потому что разродиться-то ей уж наверно дадут до дороги), и пока она будет больна, в острожной больнице или там, куда ее на это время положат, Корнилов, бьюсь об заклад в этом, будет ее навещать самым прозаическим образом и, знаете, ведь почем знать, может быть, с этой же девчонкой, за окошко вылетевшей, и будут они сходиться и говорить всё об делах самых простых и насущных, об каком-нибудь там мизерном холсте, об теплых сапогах и валенках ей в дорогу. Почем знать, может быть, самым задушевным образом сойдутся теперь, когда их развели, а прежде ссорились. И не попрекнут, может быть, друг друга даже и словом, а разве так только поохают на судьбу, друг дружку и себя жалеючи. Эта же вылетевшая из окна девчонка, повторяю, наверно будет бегать от отца каждый день на побегушках «к мамоньке», калачи ей носить: «Вот, дескать, мамонька, тятенька вам чаю с сахаром еще прислали, а завтра сами зайдут». Самое трагическое будет то, что завоют, может

быть, в голос, когда будут прощаться на железной дороге, в последнюю минуту, между вторым и третьим звонком; завоет тут же и девчонка, разинув рот до ушей, на них глядя, а они наверно поклонятся оба, каждый в свою очередь, друг другу в ноги: «прости, дескать, матушка Катерина Прокофьевна, не помяни лихом»; а та ему: «прости и ты меня, батюшка, Василий Иванович (или там как его), виновата я перед тобой, вина моя великая...» А тут еще грудной младенчик заголосит, который уж наверно тут же будет находиться, — возьмет ли она его с собой или у отца оставит. Одним словом, с нашим народом никогда поэмы не выйдет, не правда ли? Это самый прозаический народ в мире, так что почти даже стыдно за него в этом отношении становится. Ну, то ли, например, вышло бы в Европе: какие страсти, какие мщения и при каком достоинстве! Ну, попробуйте описать это дело в повести, черту за чертой, начиная с молодой жены у вдовца до швырка у окна, до той минуты, когда она поглядела в окошко: расшибся ли ребенок, — и тотчас в часть пошла; до той минуты, как сидела на суде с акушеркой, и вот до этих последних проводинов и поклонов, и... и представьте, ведь я хотел написать «и, уж конечно, ничего не выйдет», а между тем ведь оно, может, вышло бы лучше всех наших поэм и романов с героями «с раздвоенною жизнью и высшим прозрением». Даже, знаете, ведь я просто не понимаю, чего это смотрят наши романисты: ведь вот бы им сюжет, вот бы описать черту за чертой одну правду истинную! А, впрочем, что ж я, забыл старое правило: не в предмете дело, а в глазе: есть глаз — и предмет найдется, нет у вас глаза, слепы вы, — и ни в каком предмете ничего не отыщете. О, глаз дело важное: что на иной глаз поэма, то на другой — куча...

А неужели нельзя теперь смягчить как-нибудь этот приговор Корниловой? Неужели никак нельзя? Право, тут могла быть ошибка... Ну так вот и мерещится, что ошибка!

II. НЕСКОЛЬКО ЗАМЕТОК О ПРОСТОТЕ И УПРОЩЕННОСТИ

Теперь о другом. Теперь бы мне хотелось заявить кое-что насчет простоты вообще. Мне припомнился один маленький и старинный со мной анекдот. Лет тринадцать тому назад, в самое «смутное» время наше, на иной взгляд, и в самое «прямолинейное» — на другой, раз, зимой, вечером, я зашел в одну библиотеку для чтения, в Мещанской (тогда еще) улице, по соседству от меня: я надумал тогда одну критическую статью, и мне понадобился один роман Теккерея для выписки из него. В библиотеке меня встретила одна барышня (тогдашняя барышня). Я спросил роман; она выслушала меня с строгим видом:

— Мы такого вздора не держим, — отрезала она мне с невыразимым презрением, которого, ей-богу, я не заслуживал.

Я, конечно, не удивился и понял в чем дело. Тогда много

было подобных явлений, и они как-то вдруг тогда начались, с восторгом и внезапностью. Идея попала на улицу и приняла самый уличный вид. Вот тогда-то страшно доставалось Пушкину и вознесены были «сапоги». Однако я все-таки попытался поговорить:

— Неужели вы считаете и Теккерея вздором? — спросил я, принимая самый смиренный вид.

— К стыду вашему относится, что вы это спрашиваете. Нынче прежнее время прошло, нынче разумный спрос...

С тем я и ушел, оставив барышню чрезвычайно довольною прочитанным мне уроком. Но простота взгляда поразила меня ужасно, и именно тогда я задумался о *простоте* вообще и об нашей русской стремительности к обобщению, в частности. Эта удовлетворимость наша простейшим, малым и ничтожным, по меньшей мере поразительна. Мне скажут на это, что случай этот маленький и вздорный, что барышня была неразвитая дурочка и, главное, необразованная, что и вспоминать анекдота не стоило и что барышне, например, ничего не стоило представить себе, что вот до нее все и вся Россия были дураки, а вот теперь вдруг явились всё умники, и она в том числе. Я это всё сам знаю, знаю тоже, что эта барышня наверно только это и умела сказать, то есть об «разумном спросе» и об Теккерее, да и то с чужого голоса, и это по лицу ее было видно, но всё же анекдот этот остался у меня с тех пор в уме, как сравнение, как аполог, даже почти как эмблема. Вникните в теперешние суждения, вникните в теперешний «разумный спрос» и в теперешние приговоры, и не только об Теккерее, но и обо всем народе русском: какая иногда *простота*! Какая прямолинейность, какая скорая удовлетворимость мелким и ничтожным на слово, какая всеобщая стремительность поскорее успокоиться, произнести приговор, чтоб уж не заботиться больше, и — поверьте, это чрезвычайно еще долго у нас простоит. Посмотрите: все теперь верят в искренность и действительность народного движения в этом году, а между тем даже вера уж не удовлетворяет, требуется еще чего-нибудь попроще. При мне рассказывал один из членов одной комиссии, что он получил довольно много писем с такими, например, вопросами: «Для чего тут непременно славяне? Для чего мы помогаем славянам как славянам? И если б в таком положении были скандинавы, то будем ли мы точно так же помогать им, как и славянам?» Одним словом, для чего эта рубрика славян (помните заботы о рубрике единоверия в «Вестнике Европы», о которых я говорил в прошлом «Дневнике» моем). Казалось бы, на первый взгляд, что тут вовсе не простота, не стремление упростить, а, напротив, в вопросах этих слышится беспокойство; но простота в этом случае заключается именно в желании добиться до nihil'я[1] и до tabula rasa, — значит, тоже

[1] до ничего *(лат.)*.

в своем роде успокоиться. Ибо что проще и что успокоительнее нуля? Заметьте тоже, что в этих вопросах опять хоть и косвенно заслышался «разумный спрос» и «к стыду вашему относится».

Сомнения нет, что есть очень многие из самых интеллигентных и, так сказать, высших людей наших, которым это народное, тихое и смиренное, но твердое и сильное слово в высшей степени не понравилось — и не потому, что не поняли они его, а, напротив, потому, что слишком поняли, до того, что оно их несколько даже и приозадачило. По крайней мере, несомненно начинаются теперь признаки сильной реакции. Я не про те невинные голоса говорю, которые еще и прежде послышались, в виде невольного брюзжания и несогласия из-за излюбленных старых принципов на старые темы, например на ту, что «не надо-де уж так очень спешить и увлекаться таким делом, всё же ведь грубым и не просвещенным, как помощь славянам как славянам, потому, что они какие-то там наши «братья», и пр. и пр. Нет, я не про этих разумно-либеральных старичков говорю, пережевывающих старые фразы, а про настоящую реакцию народному движению, которая, по всем признакам, очень скоро подымет голову. Вот эта-то реакция естественно и невольно примыкает к тем господам, которые, давно уже упростив свой взгляд на Россию до последних пределов ясности, готовы сказать: «Взять бы, дескать, да и запретить всё явление, чтобы всё лежало в косном порядке по-прежнему». И представьте, ведь этим упростителям вовсе не по фантастичности своей не нравится это «явление», то есть в том, например, смысле, что вот такая до сих пор косная бестолковая простота осмелилась вдруг заговорить, как будто и в самом деле нечто сознательное и живое. Такой смысл был бы понятен: просто обидно стало, вот и всего. Напротив, не понравилось им всё это явление именно за то, что из фантастического стало оно вдруг всем понятно: «как смело оно стать вдруг всем понятным, как смело получить такой упрощенный и разумный вид?» Вот это-то негодование, как я сказал уже, встретило поддержку себе и в интеллигентных старичках наших, всеми силами старающихся «упростить» и низвести «явление» с разумного на что-то стихийное, первоначальное, хоть и добродушное, но всё же невежественное и могущее повредить. Одним словом, реакция из всех сил и всеми путями стремится прежде всего к упрощению... А между тем от этой чрезмерной упрощенности воззрений на иные явления иногда ведь проигрывается собственное дело. В иных случаях простота вредит самим упростителям. Простота не меняется, простота «прямолинейна» и сверх того — высокомерна. Простота враг анализа. Очень часто кончается ведь тем, что в простоте своей вы начинаете не понимать предмета, даже не видите его вовсе, так что происходит уже обратное, то есть ваш же взгляд из простого сам собою и невольно переходит в фантастический. Это именно происходит у нас от взаимной, долгой и всё более и бо-

лее возрастающей оторванности одной России от другой. Наша оторванность именно и началась с *простоты взгляда одной России на другую*. Началась она ужасно давно, как известно, еще в Петровское время, когда выработалось впервые необычайное упрощение взглядов высшей России на Россию народную, и с тех пор, от поколения к поколению, взгляд этот только и делал у нас, что упрощался.

III. ДВА САМОУБИЙСТВА

Недавно как-то мне случилось говорить с одним из наших писателей (большим художником) о комизме в жизни, о трудности определить явление, назвать его настоящим словом. Я именно заметил ему перед этим, что я, чуть не сорок лет знающий «Горе от ума», только в этом году понял как следует один из самых ярких типов этой комедии, Молчалина, и понял именно, когда он же, то есть этот самый писатель, с которым я говорил, разъяснил мне Молчалина, вдруг выведя его в одном из своих сатирических очерков. (Об Молчалине я еще когда-нибудь поговорю, тема знатная.)

— А знаете ли вы, — вдруг сказал мне мой собеседник, видимо давно уже и глубоко пораженный своей идеей, — знаете ли, что, что бы вы ни написали, что бы ни вывели, что бы ни отметили в художественном произведении, — никогда вы не сравняетесь с действительностью. Что бы вы ни изобразили — всё выйдет слабее, чем в действительности. Вы вот думаете, что достигли в произведении самого комического в известном явлении жизни, поймали самую уродливую его сторону, — ничуть! Действительность тотчас же представит вам в этом же роде такой фазис, какой вы и еще и не предлагали и превышающий всё, что могло создать ваше собственное наблюдение и воображение!..

Это я знал еще с 46-го года, когда начал писать, а может быть и раньше, — и факт этот не раз поражал меня и ставил меня в недоумение о полезности искусства при таком видимом его бессилии. Действительно, проследите иной, даже вовсе и не такой яркий на первый взгляд факт действительной жизни, — и если только вы в силах и имеете глаз, то найдете в нем глубину, какой нет у Шекспира. Но ведь в том-то и весь вопрос: *на чей глаз и кто в силах?* Ведь не только чтоб создавать и писать художественные произведения, но и чтоб только приметить факт, нужно тоже в своем роде художника. Для иного наблюдателя все явления жизни проходят в самой трогательной простоте и до того понятны, что и думать не о чем, смотреть даже не на что и не стоит. Другого же наблюдателя те же самые явления до того иной раз озаботят, что (случается даже и нередко) — не в силах, наконец, их обобщить и упростить, вытянуть в прямую линию и на том успокоиться, — он прибегает к другого рода упрощению и *просто-запросто* сажает себе пулю в лоб, чтоб погасить

свой измученный ум вместе со всеми вопросами разом. Это только две противуположности, но между ними помещается весь наличный смысл человеческий. Но, разумеется, никогда нам не исчерпать всего явления, не добраться до конца и начала его. Нам знакомо одно лишь насущное видимо-текущее, да и то по-наглядке, а концы и начала — это всё еще пока для человека фантастическое.

Кстати, один из уважаемых моих корреспондентов сообщил мне еще летом об одном странном и неразгаданном самоубийстве, и я всё хотел говорить о нем. В этом самоубийстве всё, и снаружи и внутри, — загадка. Эту загадку я, по свойству человеческой природы, конечно, постарался как-нибудь разгадать, чтоб на чем-нибудь «остановиться и успокоиться». Самоубийца — молодая девушка лет двадцати трех или четырех не больше, дочь одного слишком известного русского эмигранта и родившаяся за границей, русская по крови, но почти уже совсем не русская по воспитанию. В газетах, кажется, смутно упоминалось о ней в свое время, но очень любопытны подробности: «Она намочила вату хлороформом, обвязала себе этим лицо и легла на кровать... Так и умерла. Перед смертью написала следующую записку:

«Je m'en vais entreprendre un long voyage. Si cela ne réussit pas qu'on se rassemble pour fêter ma résurrection avec du Cliquot. *Si cela réussit*, je prie qu'on ne me laisse enterrer que tout à fait morte, puisqu'il est très désagréable de se réveiller dans un cercueil sous terre. *Ce n'est pas chic!*»

То есть по-русски:

«Предпринимаю длинное путешествие. Если самоубийство не удастся, то пусть соберутся все отпраздновать мое воскресение из мертвых с бокалами Клико. А если удастся, то я прошу только, чтоб схоронили меня, вполне убедясь, что я мертвая, потому что совсем неприятно проснуться в гробу под землею. *Очень даже не шикарно выйдет!*»

В этом гадком, грубом шике, по-моему, слышится вызов, может быть негодование, злоба, — но на что же? Просто грубые натуры истребляют себя самоубийством лишь от материальной, видимой, внешней причины, а по тону записки видно, что у нее не могло быть такой причины. На что же могло быть негодование?.. на простоту представляющегося, на бессодержательность жизни? Это те, слишком известные, судьи и отрицатели жизни, негодующие на «глупость» появления человека на земле, на бестолковую случайность этого появления, на тиранию косной причины, с которою нельзя помириться? Тут слышится душа именно возмутившаяся против «прямолинейности» явлений, не вынесшая этой прямолинейности, сообщившейся ей в доме отца еще с детства. И безобразнее всего то, что ведь она, конечно, умерла без всякого отчетливого сомнения. Сознательного сомнения, так называемых вопросов, вероятнее всего, не было в душе ее; всему она, чему научена была с детства, верила прямо, на слово, и

это вернее всего. Значит, просто умерла от «холодного мрака и скуки», с страданием, так сказать, животным и безотчетным, просто стало душно жить, вроде того, как бы воздуху недостало. Душа не вынесла прямолинейности безотчетно и безотчетно потребовала чего-нибудь более сложного. . .

С месяц тому назад, во всех петербургских газетах появилось несколько коротеньких строчек мелким шрифтом об одном петербургском самоубийстве: выбросилась из окна, из четвертого этажа, одна бедная молодая девушка, швея, — «потому что никак не могла приискать себе для пропитания работы». Прибавлялось, что выбросилась она и упала на землю, *держа в руках образ*. Этот образ в руках — странная и неслыханная еще в самоубийстве черта! Это уж какое-то кроткое, смиренное самоубийство. Тут даже, видимо, не было никакого ропота или попрека: просто — стало нельзя жить, «бог не захотел» и — умерла, помолившись. Об иных вещах, как они с виду ни *просты*, долго не перестается думать, как-то мерещится, и даже точно вы в них виноваты. Эта кроткая, истребившая себя душа невольно мучает мысль. Вот эта-то смерть и напомнила мне о сообщенном мне еще летом самоубийстве дочери эмигранта. Но какие, однако же, два разные создания, точно обе с двух разных планет! И какие две разные смерти! А которая из этих душ больше мучилась на земле, если только приличен и позволителен такой праздный вопрос?

IV. ПРИГОВОР

Кстати, вот одно рассуждение одного самоубийцы *от скуки*, разумеется матерьялиста.

«. . . В самом деле: какое право имела эта природа производить меня на свет, вследствие каких-то там своих вечных законов? Я создан с сознанием и эту природу *сознал*: какое право она имела производить меня, без моей воли на то, сознающего? Сознающего, стало быть, страдающего, но я не хочу страдать — ибо для чего бы я согласился страдать? Природа, чрез сознание мое, возвещает мне о какой-то гармонии в целом. Человеческое сознание наделало из этого возвещения религий. Она говорит мне, что я, — хоть и знаю вполне, что в „гармонии целого“ участвовать не могу и никогда не буду, да и не пойму ее вовсе, что она такое значит, — но что я все-таки должен подчиниться этому возвещению, должен смириться, принять страдание в виду гармонии в целом и согласиться жить. Но если выбирать сознательно, то, уж разумеется, я скорее пожелаю быть счастливым лишь в то мгновение, пока *я* существую, а до целого и его гармонии мне ровно нет никакого дела после того, как *я* уничтожусь, — останется ли это целое с гармонией на свете после меня или уничтожится сейчас же вместе со мною. И для чего бы я должен был так заботиться о его сохранении после меня — вот вопрос? Пусть уж лучше я был бы создан как все животные, то есть живущим, но не сознающим себя разумно; сознание же мое есть именно не гармония, а, напротив, дисгармония, потому что я с ним несчастлив. Посмотрите, кто счастлив на свете и какие люди *соглашаются* жить? Как раз те, которые похожи на животных и ближе подходят под их тип по малому разви-

тию их сознания. Они соглашаются жить охотно, но именно под условием жить как животные, то есть есть, пить, спать, устраивать гнездо и выводить детей. Есть, пить и спать по-человеческому значит наживаться и грабить, а устраивать гнездо значит по преимуществу грабить. Возразят мне, пожалуй, что можно устроиться и устроить гнездо на основаниях разумных, на научно верных социальных началах, а не грабежом, как было доныне. Пусть, а я спрошу: для чего? Для чего устроиваться и употреблять столько стараний устроиться в обществе людей правильно, разумно и нравственно-праведно? На это, уж конечно, никто не сможет мне дать ответа. Всё, что мне могли бы ответить, это: „чтоб получить наслаждение“. Да, если б я был цветок или корова, я бы и получил наслаждение. Но, задавая, как теперь, себе беспрерывно вопросы, я не могу быть счастлив, даже и при самом высшем и *непосредственном* счастье любви к ближнему и любви ко мне человечества, ибо знаю, что завтра же всё это будет уничтожено: и я, и всё счастье это, и вся любовь, и всё человечество — обратимся в ничто, в прежний хаос. А под таким условием я ни за что не могу принять никакого счастья, — не от нежелания согласиться принять его, не от упрямства какого из-за принципа, а просто потому, что не буду и не могу быть счастлив под условием грозящего завтра нуля. Это — чувство, это непосредственное чувство, и я не могу побороть его. Ну, пусть бы я умер, а только человечество оставалось бы вместо меня вечно, тогда, может быть, я всё же был бы утешен. Но ведь планета наша невечна, и человечеству срок — такой же миг, как и мне. И как бы разумно, радостно, праведно и свято ни устроилось на земле человечество, — всё это тоже приравняется завтра к тому же нулю. И хоть это почему-то там и необходимо, по каким-то там всесильным, вечным и мертвым законам природы, но поверьте, что в этой мысли заключается какое-то глубочайшее неуважение к человечеству, глубоко мне оскорбительное и тем более невыносимое, что тут нет никого виноватого.

И наконец, если б даже предположить эту сказку об устроенном наконец-то на земле человеке на разумных и научных основаниях — возможною и поверить ей, поверить грядущему наконец-то счастью людей, — то уж одна мысль о том, что природе необходимо было, по каким-то там косным законам ее, истязать человека тысячелетия, прежде чем довести его до этого счастья, одна мысль об этом уже невыносимо возмутительна. Теперь прибавьте к тому, что той же природе, допустившей человека наконец-то до счастья, почему-то необходимо обратить всё это завтра в нуль, несмотря на всё страдание, которым заплатило человечество за это счастье, и, главное, нисколько не скрывая этого от меня и моего сознанья, как скрыла она от коровы, — то невольно приходит в голову одна чрезвычайно забавная, но невыносимо грустная мысль: „ну что, если человек был пущен на землю в виде какой-то наглой пробы, чтоб только посмотреть: уживется ли подобное существо на земле или нет?“ Грусть этой мысли, главное — в том, что опять-таки нет виноватого, никто пробы не делал, некого проклясть, а просто всё произошло по мертвым законам природы, мне совсем непонятным, с которыми сознанию моему никак нельзя согласиться. Ergo: [1]

Так как на вопросы мои о счастье я через мое же сознание получаю от природы лишь ответ, что могу быть счастлив не иначе, как в гармонии целого, которой я не понимаю, и очевидно для меня, и понять никогда не в силах —

Так как природа не только не признает за мной права спрашивать у нее отчета, но даже и не отвечает мне вовсе — и не потому, что не хочет, а потому, что и не может ответить —

Так как я убедился, что природа, чтоб отвечать мне на мои вопросы, предназначила мне (бессознательно) *меня же самого* и отвечает мне моим же сознанием (потому что я сам это всё говорю себе) —

---

[1] Следовательно (*лат.*).

Так как, наконец, при таком порядке, я принимаю на себя в одно и то же время роль истца и ответчика, подсудимого и судьи и нахожу эту комедию, со стороны природы, совершенно глупою, а переносить эту комедию, с моей стороны, считаю даже унизительным —

То, в моем несомненном качестве истца и ответчика, судьи и подсудимого, я присуждаю эту природу, которая так бесцеремонно и нагло произвела меня на страдание, — вместе со мною к уничтожению... А так как природу я истребить не могу, то и истребляю себя одного, единственно от скуки сносить тиранию, в которой нет виноватого».

N. N.

ГЛАВА ВТОРАЯ

I. НОВЫЙ ФАЗИС ВОСТОЧНОГО ВОПРОСА

Восточный вопрос вступил в свой второй период, а первый кончился, — но не разбитием будто бы Черняева. Этак и Суворов был разбит в Швейцарии, так как принужден же был отступить: но разве мы можем согласиться, что Суворов был разбит? Не виноват он был, что повел русский народ во Францию при невозможных обстоятельствах. С Суворовым Черняева мы и не сравниваем, а хотим только сказать, что есть же обстоятельства, при которых и Суворовы отступают. Правда, теперь в Петербурге иные будущие полководцы наши громко критикуют военные действия Черняева, а политики завопили, что он именно тем и виноват, что повел славян и русский народ в бой «при невозможных обстоятельствах». Но все эти будущие полководцы наши пока еще в черняевских тисках не бывали; это всё военные — пока еще штатские, и хотят порох выдумать, его не нюхавши; а что до политиков, то вспомнили бы они легенду о суворовской яме в Швейцарии, которую он велел выкопать, вскочил в нее и велел солдатикам его засыпать землей, «коли уж не хотят его слушаться и идти за ним». Солдатики-то расплакались, и его из ямы вытащили, и пошли за ним; ну, а из ямы, которую выкопала Черняеву в Сербии интрига, видно, вытащит Черняева весь народ русский. Вы забыли, господа, что Черняев народный герой, и не вам его похоронить в яме.

Восточный вопрос вступил во второй период свой по громовому слову царя, отозвавшемуся в сердцах всех русских людей — благословением, а в сердцах всех врагов России — страхом. Порта приникла и приняла ультиматум, но что теперь далее будет — более чем когда-нибудь неизвестно. Говорят о конференции в Константинополе (или где бы там ни было, ведь не всё ли равно), о съезде дипломатов. Стало быть, опять дипломатия, к радости ее обожателей!

И вот после громового слова России опять начнет чваниться перед нами европейская пресса. Ведь даже венгерцы писали и печатали про нас, почти еще за день до ультиматума, что мы их боимся, а потому и виляем перед ними и не смеем объявить

нашу волю. Опять будут интриговать и указывать нам англичане, которые опять будут воображать, что их так боятся. Даже Франция какая-нибудь и та с гордым и напыщенным видом заявит на конференции свое слово и «чего она хочет или не хочет», тогда как — что нам Франция и на кой нам знать, чего она там у себя хочет или не хочет? Теперь не пятьдесят третий год, и никогда, может быть, не было момента для России, в который враги ее были бы для нее безвреднее. Но пусть, пусть опять воцарится дипломатия, к утешению наших петербургских ее любителей. Но Болгария, славяне, что станется с ними в эти два месяца, вот вопрос? тут ведь дело насущное, которое не ждет ни минуты. Что станется с ними в эти два месяца? Опять, может быть, потечет болгарская кровь! Ведь надобно же будет Порте доказать своим софтам, что не из трусости приняла она ультиматум; вот и поплатится Болгария: «знать, не боимся, дескать, русских, коли режем болгар в самую конференцию». Ну, что сделаем мы в таком случае, который так возможен? Заявим тут же на конференции наше негодование? Но Порта тотчас же отопрется от избиения, свалит всё на самих болгар, пожалуй, еще примет благородно обиженный вид и поспешно назначит следственную комиссию: «Вот, дескать, господа представители Европы, сами видите, как меня обижает и как придирается ко мне Россия!» А болгар между тем будут всё резать да резать, а европейская пресса так, пожалуй, опять поддержит башибузуков, скажет, что Россия придирается из честолюбия, нарочно интригует против конференции и хочет войны, и ... И очень может быть, что Европа опять предложит мир еще хуже войны — мир усиленно вооруженный, мир с беспокойством и волнением народов, с мрачными ожиданиями, и это, пожалуй, на целый еще год! Целый год опять неизвестности! .. Ну, а через год-то, уж конечно, после такого мира, опять начнется война. Надо славянам мира, да только не этакого. Да и вовсе не мир теперь нужен, а просто конец.

А против Черняева раздались-таки голоса, и это только еще первые застрельщики. Но подождите дальше, хор усилится и окрепнет. Главное тут не в Черняеве, тут реакция против всего движения этого года. «Петербургская газета» в превосходной статье своей, отвечая на нападки против Черняева, предсказала «Биржевым ведомостям», что те потеряют подписчиков и что публика от них отвернется, но — вряд ли это теперь уже сбудется: есть очень, очень многие теперь люди, которым «Биржевые ведомости» прямо попали в тон. Это те самые люди, у которых чрезвычайно много накопилось желчи за этот год, люди злые и раздраженные и которые называют себя людьми порядка, по преимуществу. Для них всё движение этого года — один лишь беспорядок, а Черняев лишь бесстыдник: дескать, генерал-лейтенант, а как какой-нибудь кондотьери полетел в приключения. Но это люди порядка, так сказать, бюрократического, а есть и

другого рода любители порядка, люди высшей интеллигенции, смотрящие с болью в сердце, что «столько сил уходит на такое средневековое, так сказать, дело, тогда как, например, школы» и т. д. и т. д. Нападающие на Черняева кричат, что даром пролилась русская кровь *без выгоды для России.* «Новое время» прекрасно ответило о выгоде и о том, что значит выгода, ответило прямо и уже откровенными словами, не устыдясь *идеализма* слов, чего так все стыдятся. Мне еще в июне месяце, еще в начале движения, случилось написать в «Дневнике» о том: что такое в этом случае выгода России? Такой высокий организм, как Россия, должен сиять и огромным духовным значением. Выгода России не в захвате славянских провинций, а в искренней и горячей заботе о них и покровительстве им, в братском единстве с ними и в сообщении им духа и взгляда нашего на воссоединение славянского мира. Одной материальной выгодой, одним «хлебом» — такой высокий организм, как Россия, не может удовлетвориться. И это не идеал и не фразы: ответ на то — весь русский народ и всё движение его в этом году. Движение почти беспримерное в других народах по своему самоотвержению и бескорыстию, по благоговейной религиозной жажде *пострадать за правое дело.* Такой народ не может внушать опасения за порядок, это не народ беспорядка, а народ твердого воззрения и уже ничем не поколебимых правил, народ — любитель жертв и ищущий правды и знающий, где она, народ кроткий, но сильный, честный и чистый сердцем, как один из высоких идеалов его — богатырь Илья-Муромец, чтимый им за святого. Сердце хранителя такого народа должно радоваться на такой народ, — и оно радуется, и народ про то знает! Нет, тут не было беспорядка...

II. ЧЕРНЯЕВ

Черняева даже и защитники его теперь уже считают *не гением*, а лишь доблестным и храбрым генералом. Но одно уже то, что в славянском деле он стал во главе всего движения, — было уже гениальным прозрением; достигать же таких задач дается лишь гениальным силам. Славянское дело, во что бы то ни стало, должно было наконец *начаться,* то есть перейти в свой деятельный фазис; а без Черняева оно бы не получило такого развития. Скажут, что в том и беда, что он подтолкнул его, раздул его до таких размеров, что в том вина его и что начал он его несвоевременно. Но великая славянская задача не могла быть не поднята, и, право, не знаю, можно ли еще спорить о ее своевременности. Но если уж началось славянское дело, то кто же как не Россия должна была стать во главе его, в том назначение России — и это понял Черняев и поднял знамя России. Решиться на это, шагнуть этот шаг, — нет, нет, это не мог бы сделать человек без особенной силы.

Скажут, что всё это из честолюбия, что он — искатель приключений, искал отличиться. Но честолюбцы в таких случаях любят более бить на верную, а если и рискуют, то всё же до известного предела: при обстоятельствах, грозящих уже верной неудачей, они немедленно оставляют дело. Верную неудачу *немедленного* военного успеха, с одними сербами и без помощи русских, давно уже, конечно, предвидел Черняев: теперь уж слишком многое стало известно, слишком уж достаточно разъяснено в этой истории, чтоб сомневаться в этом. Но оставить дело он не мог, ибо дело это не исчерпывается одним лишь *немедленным* военным успехом: в нем будущее и России, и славянских земель. Надежда же его даже и на немедленную помощь России во всяком случае не была ошибкою, ибо Россия произнесла же наконец свое великое решающее слово. Если б это слово было сказано хоть немного раньше, то Черняев ни в чем бы не ошибся. О, многие на месте Черняева не захотели бы ждать так долго, — вот именно честолюбцы и карьеристы. Я уверен, что многие из его критиков не выдержали бы и половины того, что он вынес. Но Черняев служил огромному делу, а не одному своему честолюбию, и предпочел скорее пожертвовать всем — и судьбой, и славой своей, и карьерой, может быть даже жизнью, но не оставить дела. Это именно потому, что он работал для чести и *выгоды* России и сознавал это. Ибо дело славянское есть дело русское и должно быть решено *окончательно* лишь одной Россией и по идее русской. Остался он тоже и для добровольцев русских, которые все стеклись к нему, под его знамя, стеклись за идею как к представителю идеи. Не мог же он их покинуть одних, и, уж конечно, в этом тоже есть великодушие. Сколько опять-таки из критиков его на его месте бросили бы всё и вся — и идею, и Россию, и добровольцев, сколько их там ни есть! Ведь надо же говорить правду...

Критикуют Черняева и с военной стороны. Но, во-первых и опять-таки, эти военные в черняевских тисках не были, а во-вторых, всё же то, что уже сделал Черняев «при невозможных обстоятельствах», — не смог бы, может быть, сделать никто из его критиков. Эти «невозможные обстоятельства», столь влиявшие на военные обстоятельства, тоже принадлежат истории; но главные черты их уже и теперь известны и до того характерны, что их нельзя пройти мимо даже и с стратегической точки зрения. Если только правда, что интрига против Черняева дошла до того, что высшие чиновники страны, в мнительной ненависти к подозрительному им русскому генералу, оставляли важнейшие просьбы и требования его для армии, в самые критические моменты, *без ответа* и даже накануне последних и решающих битв оставляли его без артиллерийских снарядов, — то возможна ли будет правильная критика военных действий без разъяснения этого пункта? Все эти интриги и всё это раздражение даже беспримерны: этот подозрительный им генерал был всё же предводи-

тель их войска и защищал вход в Сербию — и вот, из досады и ненависти, они жертвуют всем, — и войском, и даже отечеством, только чтоб уничтожить неприятного им человека. По крайней мере так по весьма точным сведениям. Про несомненно бывшую интригу свидетельствуют все корреспонденты и все газеты в Европе; началась она и шла в Белграде всё время, с самого прибытия Черняева в Сербию. Интриге этой помогали весьма англичане из политики, помогали иные и русские, — эти уж неизвестно из чего. Очень может быть, что Черняев чем-нибудь оскорбил вначале самолюбие сербских чиновников. Но всё же главная причина их мнительного и неутолимого раздражения против него была, без сомнения, та же, об которой мне уже случилось говорить прежде, то есть предвзятая идея очень многих сербов, что если и освобождены будут русскими славяне, то лишь на пользу одной России, и что Россия их захватит и лишит «столь славной и несомненной их политической будущности». Войну Турции они, как известно, решились объявить и до приезда Черняева, именно мечтая о том, что, став во главе славянского движения и одолев султана, преобразятся в славянское союзное несколькомиллионное сербское королевство «с столь славною будущностью». Большая и властная у себя партия сербов только об этом и мечтала. Одним словом, это были мечтатели, очень похожие на маленьких семилетних детей, которые надевают игрушечные эполеты и воображают себя уже генералами. Черняев же и добровольцы, естественно, должны были испугать *партию* «вслед за ними грядущим захватом России». И, уж без сомнения, теперь у них, после недавних военных несчастий, начнутся и начались уже пререкания усиленные. Все эти мечтатели, про себя, а может, и вслух, начнут теперь бранить русских и утверждать, что через русских-то всё несчастье и вышло... Но пройдет немного, — и явится спасительная реакция; ибо все эти, мнительные теперь сербы, всё же ведь горячие патриоты. Они вспомнят о русских убитых, положивших свой живот за их землю. Русские уйдут, но великая идея останется. Великий дух русский оставит следы свои в их душах — и из русской крови, за них пролитой, вырастет и их доблесть. Ведь убедятся же они когда-нибудь, что помощь русская была бескорыстная и что никто из русских, убитых за них, и не думал их захватывать!

Но всё это не должно нас разъединять с славянами. Есть две Сербии: Сербия верхняя, горячая и неопытная, еще не жившая и не действовавшая, но зато страстно мечтающая о будущем, и уже с партиями и с интригами, которые доходят иногда до таких пределов (опять-таки вследствие горячей неопытности), что не встретишь подобного ни в одной из долго живших, безмерно бо́льших и самостоятельных, чем Сербия, наций. Но рядом с этою верхнею Сербией, столь спешащей жить политически, есть Сербия народная, считающая лишь русских своими спасителями и

братьями, а царя русского — за солнце свое, любящая русских и верящая им. Невозможно выразиться лучше, как сделали это о том же предмете «Московские ведомости», бесспорно лучшая наша политическая газета. Вот ее слова:

«Мы уверены, что чувства русского народа к Сербии не изменятся вследствие успеха враждебной обеим сторонам интриги... Сербы княжества — народ земледельческий, мирный, успевший в течение долгого мира забыть свои воинственные предания и не успевший, взамен их, выработать твердого народного сознания, связующего всякую историческую нацию. Наконец, сербы княжества не могут и народом назваться: это лишь отрывок народа, не имеющий органического значения. Но мы не можем забыть, что сербы восторженно и единодушно встали на помощь своим единокровным братьям, злодейски мучимым... Русский народ не оставит сербов в эту грозную для них минуту, и кровь русских людей показала, как чисто было их участие, как геройски бескорыстна была их жертва и как бессмысленны вражеские наветы, что Россия хочет извлечь для себя какие-то выгоды из положения Сербии. Да послужит же память доблестных русских людей, павших за Сербию, звеном братской любви двух народов, столь близких по крови и вере».

В заключение скажу: пусть мы, русские, в это лето потерпели, кроме всех *беспокойств* (?), материальные даже убытки и уже истратили, может быть, десятки миллионов, пошедших, однако, на устройство и подъем нашего войска (что, конечно, тоже и хорошо), но уж одно то, что движением этого года определились наши *лучшие люди*, — уж одно это есть такой результат, который ни с чем не сравнится. О, если б все-то народы, даже самые высшие и интеллигентные в Европе, знали твердо и согласно условились, кого считать своими настоящими лучшими людьми, — тот ли вид имела бы Европа и европейское человечество?

III. ЛУЧШИЕ ЛЮДИ

Лучшие люди, — эта тема стоит того, чтоб сказать о ней несколько слов. Это те люди, без которых не живет и не стоит никакое общество и никакая нация, при самом даже широком равенстве прав. *Лучшие люди* бывают, естественно, двух родов: 1) перед которыми и сам народ и сама нация добровольно и свободно склоняют себя, чтя их истинную доблесть, и 2) перед которыми все или очень многие, из народа или нации, преклоняют себя по некоторому, так сказать, уже принуждению, и если и считают их «лучшими людьми», то уже несколько условно, а не то чтобы вполне в самом деле. На существование этого «условного» разряда лучших людей, так сказать, официально признанных лучшими для высших целей порядка и твердости управления, — роптать нельзя: ибо происходят этого сорта «лучшие люди» по закону историческому и существовали доселе во всех нациях и государствах с начала мира, так что никакое даже общество не могло устроиться и связать себя в целое без некоторого в этом роде добровольного над собою насилия. Всякому

обществу, чтобы держаться и жить, надо кого-нибудь и что-нибудь уважать непременно, и, главное, всем обществом, а не то чтобы каждому как он хочет про себя. Так как лучшие люди первого разряда, то есть истинно доблестные и перед которыми все или величайшее большинство нации преклоняются сердечно и несомненно, — отчасти иногда неуловимы, потому что даже идеальны, подчас трудно определимы, отличаются странностями и своеобразностью, а снаружи так и весьма нередко имеют несколько даже неприличный вид, то взамен их и устанавливаются лучшие люди уже *условно*, в виде, так сказать, касты лучших людей, под официальным покровительством: «Вот, дескать, сих уважайте». Если же при этом эти «условные» и действительно совпадают с лучшими людьми первого разряда (потому что не все же и в первом разряде имеют неприличный вид) и тоже истинно доблестны, то цель не только вполне, но и вдвойне достигается. Таковыми лучшими людьми были у нас с изначала княжеская дружина, потом бояре, священство (но лишь высшее), даже иные именитые купцы, — но последних бывало весьма немного. Надо заметить, что эти лучшие люди, и у нас, и везде, то есть и в Европе, всегда вырабатывали себе под конец довольно стройный кодекс правил доблести и чести, и хоть этот кодекс в целом всегда бывал, конечно, довольно условен и с идеалами народными иногда даже сильно разнился, но в некоторых пунктах и он бывал довольно высок. «Лучший» человек обязательно должен был умереть, например, за отечество, если жертва эта от него требовалась, и он умирал действительно по долгу чести, «потому-де поруха роду моему будет большая», — и, уж конечно, все-таки это было несравненно лучше, чем право на бесчестье, при котором человек бросает всё и всех в минуту опасности и бежит прятаться: «пропадай, дескать, всё на свете, был бы я и животы мои целы». Так велось у нас весьма долго, и надо заметить еще раз, что у нас, в России, эти условные лучшие люди, очень и очень часто и очень во многом, сходились в своих идеалах с лучшими людьми безусловными, то есть народными. Ну, конечно, не во всем и даже далеко, но, по крайней мере, смело можно сказать, что несравненно больше было тогда нравственного сближения между русскими боярами и русским народом, чем в Европе почти повсеместно в то же самое время между победителями тиранами — рыцарями и побежденными рабами — народом.

Но вдруг в организации наших лучших людей явилась и у нас некоторая радикальная даже перемена: лучшие люди, все, по государеву указу, рассортированы были на четырнадцать разрядов, один другого выше, в виде как бы лестницы, под именем классов, так что получилось ровно четырнадцать разрядов человеческой доблести с немецкими именами. Изменение это в дальнейшем развитии своем отчасти и не достигло первоначальной цели, с которою было устроено, ибо прежние «лучшие люди»

тотчас же сами заняли и наполнили все эти четырнадцать новых разрядов, и вместо бояр стали только называться дворянством, но отчасти изменение это и достигло цели, потому что оно, даже и очень сильно, раздвинуло старый забор. Явился прилив новых сил снизу общества, по нашей терминологии, демократических уже сил, — и особенно из семинаристов. Прилив этот привнес много живительного и плодотворного в отдел лучших людей, ибо явились люди со способностями и с новыми воззрениями, с образованием, еще неслыханным по тогдашнему времени, хотя в то же время и чрезвычайно презиравшие свое прежнее происхождение и с жадностью спешившие преобразиться, посредством чинов, поскорее в чистокровных дворян. Надо заметить, что кроме семинаристов, из народа и из купцов например, лишь весьма немногие пробились в разряд «лучших людей», и дворянство продолжало стоять во главе нации. Разряд этот был весьма сильно организован, и тогда как деньги, собственность, золотой мешок уже царили во всей Европе и считались там уже от искреннего сердца всем, что есть доблестного, всем, что есть лучшего в людях и между людьми, у нас в России, — и это на памяти еще нашей, генерал, например, до того ценился, что и самый богатый купец считал за великую честь залучить его к себе на обед. Еще недавно я читал один анекдот, которому бы не поверил, если б не знал, что он совершенная правда, про одну петербургскую даму, из верхнеклассного круга, которая всенародно согнала в одном концерте одну десятимиллионную купчиху с кресел и заняла ее место, да еще выбранила ее публично, — и это всего каких-нибудь тридцать лет назад! Впрочем, надо сказать и то, что эти «лучшие» люди, столь окрепнув на своем месте, усвоили себе и несколько весьма даже хороших правил, например почти *обязательность* для себя хоть какого-нибудь образования, так что вся эта каста лучших людей была в то же время и по преимуществу образованным в России сословием, хранителем и носителем русского просвещения, каково бы там оно ни было. Нечего уж и говорить, что оно было тоже и единственным хранителем и носителем правил чести, но уже совершенно по европейскому шаблону, так что буква и форма правил совершенно осилили под конец искренность содержания: чести было много, ну, а честных людей под конец-то стало уж и не так много. В этот период, и особенно в конце его, сословие «лучших» очень уже отдалилось от народа в своих идеалах «лучшего человека», так что над всеми почти народными представлениями о «лучшем» даже вслух смеялось. Но вдруг произошел один из самых колоссальных переворотов, которые когда-либо переживала Россия: уничтожилось крепостное право и произошла глубокая перемена во всем. Правда, все четырнадцать классов остались как были, но «лучшие люди» как будто поколебались. Вдруг как бы утратилось прежнее обаяние в массе общества, как будто изменились в чем-то взгляды на «лучшее».

Правда, изменились частию и не к лучшему; мало того, началось что-то до крайности уже сбивчивое и неопределенное в понимании лучшего; тем не менее прежний взгляд уже не удовлетворял, так что очень у многих начался в сознании чрезвычайно серьезный вопрос: «кого же теперь считать будут *лучшими*, и, главное, откуда их ждать, где взять, кто возьмет на себя провозгласить их лучшими и на каких основаниях? И надобно ль комунибудь это брать на себя? Известны ли, наконец, хоть новые основания-то эти, и кто поверит, что они именно те самые, на которых надо столь многое вновь воздвигнуть»? Право, эти вопросы начались было уже очень у многих. . .

IV. О ТОМ ЖЕ

Всё дело заключалось в том, что от прежних «лучших людей» как бы удалилось покровительство авторитета, как бы уничтожилась их официальность. Таким образом, на первый случай, хоть то утешало, что прежняя кастовая форма «лучших людей» если и не разрушилась окончательно, то, по крайней мере, сильно подалась и раздвинулась, так что всякий из них, если б пожелал удержать за собой прежнее значение, то, волей-неволей, из «условных лучших людей» должен был перейти в натуральные. Являлась прекрасная надежда, что «натуральные-то» и займут таким образом, мало-помалу, все места прежних «лучших». Но как это совершится, — разумеется, оставалось загадкою. Для многих, впрочем, весьма почтенных людей, но горячих и либеральных, тут не было никакой загадки. У них всё было уже решено как по писаному, а иные так даже думали, что уже всё достигнуто и что «натуральный» человек если и не стал еще на первое место сегодня, то завтра, только лишь чуть-чуть рассветет, непременно и станет. . . Между тем более задумчивые люди не переставали задавать вопросы на прежнюю тему: «да кто они, натуральные-то? знает ли кто-нибудь, как они теперь называются? Не потерян ли, напротив, у нас их идеал окончательно? Где теперь общепризнанный „лучший человек“? Что и кого чтить всем обществом и кому подражать?»

Всё это, может быть, и не раздавалось буквально в этих выражениях и именно в форме этих вопросов, но несомненно, однако же, что всё это «волнение» пережилось нашим обществом в той или другой форме. Люди пламенные и восторженные кричали скептикам, что «новый человек» есть, найден, определен, дан. Решили наконец, что этот новый и «лучший» человек есть просто человек просвещенный, «человек» науки и *без прежних предрассудков*. Мнение это не могло, однако, быть принято очень многими по самому простому соображению: что человек образованный — не всегда человек честный и что наука еще не гарантирует в человеке доблести. В эту минуту общей шатости и неопределенности

иные попробовали предложить: не обратиться ли, дескать, к народу или к народным началам? Но уж одно слово «народные начала» ужасно многим было давно уже противно и ненавистно; притом же и народ, по освобождении своем, как-то не особенно поспешил заявить себя с своей доблестной стороны, так что искать в нем разрешения таких вопросов было уже сомнительно. Напротив, доходили слухи о беспорядочности, распущенности, страшной сивухе, неудающемся самоуправлении, о кулаках и мироедах, занимающих место прежних помещиков, и, наконец, — о жиде. «Умнейшие» даже писатели провозгласили, что кулак и мироед в народе царствуют, да и вдобавок сам народ принимает их за настоящих «лучших» людей своих. Явилось, наконец, даже одно, совершенно либеральное в высшем смысле, воззрение, что народ наш даже и *не может быть* теперь компетентен в создании идеала лучшего человека, да и не то что сам компетентен, а и участвовать в этом подвиге даже не в силах, что его нужно самого обучить сперва грамоте, образить его, развить его, настроить школ и проч. и проч. Надо признаться, что очень многие из скептиков стали в тупик и не знали, что на это ответить...

А между тем находила новая гроза, наступала новая беда — «золотой мешок»! На место прежних «условных» лучших людей являлась новая *условность*, которая почти вдруг получила у нас страшное значение. О, конечно, золотой мешок был и прежде: он всегда существовал в виде прежнего купца-миллионера; но никогда еще не возносился он на такое место и с таким значением, как в последнее наше время. Прежний купец наш, несмотря на ту роль, которую уже повсеместно играл в Европе миллион и капитал, — имел у нас, говоря сравнительно, довольно невысокое место в общественной иерархии. Надо правду сказать — он и не стоил большего. Оговорюсь вперед: я говорю лишь про богатых купцов; большинство же их, не развратившееся еще богатством, жило в виде типов Островского и, может быть, было очень многих не хуже, если только говорить сравнительно, а низшее и самое многочисленное купечество — так даже почти вполне совпадало с народом. Но чем более богател прежний купец, тем становился хуже. В сущности это был тот же мужик, но лишь развращенный. Прежние купцы-миллионеры разделялись на два разряда — на тех, которые продолжали носить бороду, несмотря на свой миллион, и в огромных собственных домах своих, несмотря на зеркала и паркетные полы, жили немного по-свински, и нравственно и физически. Самое еще лучшее, что в них было, — это их любовь к колоколам и к голосистым диаконам. Но, несмотря на эту любовь, они уже нравственно совсем разрывали с народом. Трудно представить себе что-нибудь менее сходящееся нравственно, как народ и иной миллионер-фабрикант. Овсянников, когда его везли недавно в Сибирь через Казань, вышвыривал, говорят, ногами поданные копейки, которые ему наивно кидал народ в экипаж: это

уже последняя степень нравственной разорванности с народом, полная потеря самого малейшего понимания народного смысла и духа. И никогда народ не бывал в такой кабале, как на фабриках у иных из этих господ! Другой разряд миллионеров-купцов отличался прежде всего фраками и бритыми подбородками, великолепной европейской обстановкой домов их, воспитанием дочерей на французском и английском языках с фортепианами, нередко орденом за большие пожертвования, нестерпимым чванством над всем, что его пониже, презрением к обыкновенному «обеденному» генералу и в то же время самою низкою приниженностью перед высшим сановником, особенно если случалось, иногда бог знает какими происками и стараниями, залучить такого к себе на бал или обед, разумеется для него же и устроенный. Эти старания цать обед особе обращались в программу жизни. Это жаждалось: почти ведь для того и жил миллионер на свете. Само собою, что этот прежний богач купец молился своему миллиону как богу: миллион был в глазах его всё, миллион вытащил его из ничтожества, дал ему всё значение. В грубой душе этого «развращенного мужика» (так как он продолжал быть им, несмотря на все свои фраки) никогда не могло зародиться ни одной мысли и ни одного чувства, которые хотя бы на мгновение возвысили его в сознании над собственным миллионом. Само собою, несмотря на наружный лоск, вся семья такого купца вырастала безо всякого образования. Миллион не только не способствовал образованию, но, напротив, бывал в этом случае главною причиною невежества: станет сын такого миллионщика учиться в университете, когда и безо всякого ученья можно всё получить, тем более что все эти миллионщики, достигая миллиона, весьма часто заручались правами дворянскими. Кроме разврата с самых юных лет и самых извращенных понятий о мире, отечестве, чести, долге, богатство ничего не вносило в души этого юношества, плотоядного и наглого. А извращенность миросозерцания была чудовищная, ибо надо всем стояло убеждение, преобразившееся для него в аксиому: «Деньгами всё куплю, всякую почесть, всякую доблесть, всякого подкуплю и от всего откуплюсь». Трудно представить сухость сердца юношей, возраставших в этих богатых домах. Из чванства и чтобы не отстать от других, такой миллионер, пожалуй, и жертвовал иногда огромные суммы на отечество, в случае, например, опасности (хотя случай такой был лишь раз в двенадцатом году), — но пожертвования он делал в виду наград и всегда готов был, в каждую остальную минуту своего существования, соединиться хоть с первым жидом, чтобы предать всех и всё, если того требовал его барыш; патриотизма, чувства гражданского почти не бывает в этих сердцах.

О, разумеется, я говорю про наш русский торговый миллион лишь в значении касты. Исключения же бывают везде и всегда. Можно указать и у нас на купцов, отличавшихся европейским образованием и доблестными гражданскими подвигами; но из мил-

лионеров их все-таки было крайне немного, даже все наперечет; каста не теряет свой характер от исключений.

И вот, прежние рамки прежнего купца вдруг страшно раздвигаются в наше время. С ним вдруг роднится европейский спекулянт, на Руси еще прежде неведомый, и биржевой игрок. Современному купцу уже не надо залучать к себе на обед «особу» и давать ей балы; он уже роднится и братается с особой на бирже, в акционерном собрании, в устроенном вместе с особой банке; он уже теперь сам лицо, сам особа. Главное, он вдруг увидал себя решительно на одном из самых высших мест в обществе, на том самом, которое во всей Европе давно уже, и официально и искренно, отведено миллиону, и — уж разумеется, не усумнился сам в себе, что он и впрямь достоин этого места. Одним словом, он всё более и более убеждается теперь сам, от самого чистого сердца, что он-то и есть теперь «лучший» человек на земле взамен даже всех бывших прежде него. Но грозящая беда не в том, что он думает такие глупости, а в том, что и другие (и уже очень многие), кажется, начинают точно так же думать. Мешок у *страшного* большинства несомненно считается теперь за всё лучшее. Против этого опасения, конечно, заспорят. Но ведь фактическое теперешнее преклонение пред мешком у нас не только уже бесспорно, но, по внезапным размерам своим, и беспримерно. Повторю еще: силу мешка понимали все у нас и прежде, но никогда еще доселе в России не считали мешок за высшее, что есть на земле. В официальной же рассортировке русских людей, прежний купеческий мешок даже чиновника не мог пересесть в общественной иерархии. А теперь даже и прежняя иерархия, без всякого даже принуждения со стороны, как будто сама собою готова отодвинуться на второй план перед столь любезным и прекрасным новым «условием» лучшего человека, «столь долго и столь ошибочно не входившего в настоящие права свои». Теперешний биржевик нанимает для услуг своих литераторов, около него увивается адвокат: «эта юная школа изворотливости ума и засушения сердца, школа извращения всякого здравого чувства по мере надобности, школа всевозможных посягновений, бесстрашных и безнаказанных, постоянно и неустанно, по мере спроса и требования» — эта юная школа сильно уже попала в тон современному биржевику и запела ему хвалебную песнь. О, не подумайте, что я намекаю на «дело Струсберга»: адвокаты, провозгласившие в этом деле своих «попавшихся» клиентов идеалами людей, пропевшие им гимн как «лучшим людям всей Москвы» (именно в этом роде), — лишь дали маху. Они показали, что сами-то они — не только люди без малейших серьезных убеждений, но даже без всякой выдержки и без чувства меры, и если и играют у нас роли «европейских талантов», то единственно на безрыбье. В самом деле, они, как дипломаты, запросили сколь возможно больше, чтоб добиться наибольшего minimum'a: «не только правы — святы!» Говорят, в публике раздалось даже однажды шиканье. Но адвокат прежде всего

не дипломат; сравнение это не верно в самой сущности. Вернее, гораздо вернее было бы, указав на клиента, спросить по-евангельски: «Господа присяжные, кто из вас без греха?» О, я не против приговора говорю: приговор прав — и я преклоняюсь; он должен был быть произнесен хотя бы над одним только банком. Именно дело было такого характера, что осудить «общественною совестью» этот «попавшийся» несчастный московский ссудный банк — значило тут же осудить и все наши банки, и всю биржу, и всех биржевиков, хотя бы те еще не попались, да ведь не всё ли равно? Кто без греха, без того же самого греха, пу-тка, по совести? Кто-то уж напечатал, что наказали их слабо. Оговорюсь, я не на Ландау указываю: этот виноват действительно в чем-то необыкновенном, а я и разбирать-то этого не хочу, но Данила Шумахер, приговоренный «за мошенничество», ей-богу, наказан ужасно. Взглянем в сердца свои: многие ли из нас не сделали бы того же самого? Вслух не надо признаваться, а так про себя бы только это подумать. Но да здравствует юстиция, мы их все-таки упекли! «Вот, дескать, вам за наше биржевое и развращенное время, вот вам за то, что мы все эгоисты, за то, что мы таких подлых материальных понятий о счастье в жизни и о ее наслаждениях, за наше сухое и предательское чувство самосохранения!» Нет, осудить хоть один банк полезно за наши собственные грехи. . .

Но, боже, куда я забрался? Неужели и я пишу «о деле Струсберга»? Довольно, и поспешу сократить. Я ведь говорил про «лучшего человека» и хотел лишь вывесть, что идеал настоящего лучшего человека, даже «натурального», сильно уже грозил у нас помутиться. Старое разбилось и износилось, новое еще летало в фантазиях, а в действительности и в очах наших появилось нечто отвратительное с неслыханным еще на Руси развитием. Обаяние, которое придано было этой новой силе, золотому мешку, начинало зарождать даже страх в иных сердцах, слишком мнительных, хотя бы за народ, например. О, мы, верхнее общество, положим, хоть и могли бы соблазниться новым идолом, но всё же не пропали бы бесследно: недаром двести лет сиял над нами светоч образования. Мы во всеоружии просвещения, мы можем отразить чудовище. В минуту самого грязного биржевого разврата упекли же мы вот хоть бы ссудный московский банк! Но народ, стомиллионный народ наш, эта «косная, развратная, бесчувственная масса» и в которую уже прорвался жид, — что он противупоставит идущему на него чудовищу материализма в виде золотого мешка? Свою нужду, свои лохмотья, свои подати и неурожаи, свои пороки, сивуху, порку? Мы боялись, что он сразу падет перед вырастающим в силе золотым мешком и что не пройдет поколения, как закрепостится ему весь хуже прежнего. И не только силой подчинится ему, но и нравственно, всей своей волей. Мы именно боялись, что он-то и скажет прежде всех: «Вот где главное, вот она где сила, вот где спокой, вот где счастье! Сему поклонюсь и за сим

пойду». Вот чего можно было очень и очень опасаться, по крайней мере, на долгое время. Многие задумывались, — и вдруг...

Но что *вдруг* случилось нынешним летом, о том речь я оставлю до будущего «Дневника». Мне хочется поговорить об этом уже без «юмора», а от всего сердца и *попроще*. Что случилось нынешним летом, то — до того умилительно и радостно, что даже невероятно. Невероятно, потому что мы уже махали рукой на этот народ и признавали его грубо-некомпетентным сказать свое слово о том: каков должен быть русский «лучший человек». Мы думали, что весь организм этого народа уже заражен материальным и духовным развратом; мы думали, что народ уже забыл свои духовные начала, не уберег их в сердце своем; в нужде, в разврате потерял или исказил свои идеалы. И вдруг, вся эта «единообразная и косная масса» (то есть на взгляд иных наших умников, конечно), разлегшаяся в стомиллионном составе своем на многих тысячах верст, неслышно и бездыханно, в вечном зачатии и в вечном признанном бессилии что-нибудь сказать или сделать, в виде чего-то вечно стихийного и послушного, — вдруг вся эта Россия просыпается, встает и смиренно, но твердо выговаривает всенародно прекрасное свое слово... Мало того, русские люди берут свои посохи и идут сотенными толпами, провожаемые тысячами людей, в какой-то новый крестовый поход (именно так и называют уже это движение; это англичане первые сравнили это русское движение наше с крестовым походом) — в Сербию, за каких-то братьев, потому что прослышали, что те там замучены и угнетены. Отец, старик солдат, чем бы жить на спокое, вдруг ополчается и идет пешком, спрашивая дорогу, за тысячи верст, подраться с турком за братию, и с собою ведет девятилетнюю дочку (это факт): «дочку найдутся из христиан, что поберегут, пока я хожу», отвечает он на вопросы, «а уж я пойду, послужу делу божию». И идет... И этакие примеры — тысячами! Ну, скажи кто заранее, еще зимой например, что это у нас случится, и мы не поверили бы, — не поверили бы этому «крестовому походу», въявь начавшемуся (но далеко еще не завершившемуся). Даже и теперь, хоть и въявь видишь, но невольно спрашиваешь себя в иную минуту: «Да как же оно могло случиться, как же могло совершиться такое неожиданное никем дело?» Заявлено вслух землей русской всё, что чтит она и чему верует, указано ею то, что она считает «лучшим» и каких людей почитает «лучшими». Вот о том: какие это люди и какие обозначились идеалы — я и отлагаю до следующего «Дневника». В сущности, эти идеалы, эти «лучшие люди» ясны и видны с первого взгляда: «лучший человек» по представлению народному — это тот, который не преклонился перед материальным соблазном, тот, который ищет неустанно работы на дело божие, любит правду и, когда надо, встает служить ей, бросая дом и семью и жертвуя жизнию. Мне именно хотелось бы вывесть, по-

чему мы, образованные, можем смело и твердо теперь надеяться, что не только не утерян у нас на Руси образ «лучшего человека», но, напротив, воссиял светлее, чем когда-нибудь, и податель его, хранитель и носитель его, есть именно теперь простой народ русский, которого мы, в просвещенном высокомерии нашем, а вместе и в простодушном неведении нашем, считали столь «некомпетентным». Мне бы хотелось особенно вывесть, каким образом запросы и требования нашей «образованности» могли бы и теперь даже, в вопросе о «лучшем человеке», сойтись вполне с указанием народным, несмотря даже на столь явно наивные и простодушные формы, в которых народ «лучшего человека» указывает. Важна не форма, а содержание ее (хотя и форма прекрасная). Содержание же неоспоримо. Вот почему мы можем в радости предаться новой надежде: слишком очистился горизонт наш, слишком ярко всходит новое солнце наше... И если б только возможно было, чтоб мы все согласились и сошлись с народом в понимании: кого отселе считать человеком «лучшим», то с нынешнего лета, может быть, зачался бы новый период истории русской.

РУКОПИСНЫЕ РЕДАКЦИИ

ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

‹Май, гл. I›

PROSPECTUS *МАЙСКОГО №*

— Преступление и наказание.

— Странно, что поняли.

— Вот я на днях прочел, что L. Искривление страстей. Спасибо. Что Левин женился. Не знаю прямее идеи.[1] Не понимаю, как не заметил иронии в парадоксалисте. Ирония в том, что беречь нечего. Нахмурясь, что мир выше и нравственнее.[2] Мир-то выше, а что сладострастнее и жесточе, так на это вы не ответите, несмотря на вашего Раумера. Стоит сохранять, коли так. Язву мира обличали, а вы довольны, вы правы, вы за мир. Кусочек казенного. Хотя иносказательно ‹*2 нрзб.*›, что не дохо‹дят› руки‹?›.[3] Я же недаром заговорил о преступлении. Рассказ Алчевской. *Шатание*. Книжный, то есть добытый из книг, ненависть рядом с самым законным.[4] Пишет о молодежи. Демос доволен. В Харькове насчет того, что демос доволен. Да уж то, что вы это подняли, показывает, что демос доволен. А о молодежи скажу ниже. О преступлении и наказании опять рассказ: происшествие в Богородске. Похоже на преступл‹ение› и наказание. И, однако же, спросить если: застрелился бы он или нет — нельзя сказать. Кстати рассказ о повесившейся в «Подростке». К извинению его то, что я горжусь этим рассказом. Вообще мне хотелось бы сказать о наших вешающих‹ся› и у меня есть несколько выводов — две идеи, старая и новая.[5]

Но возвратимся к делу Каировой. Мой корреспондент недоволен. Аплодисментами — прежде всего рассказ Порецкого. А потом шатание. Действительно есть предрассудок, что суд и правосудие это как бы клещи и несправедливость, а что всякий преступник

---

[1] Не знаю прямее идеи. *вписано.*

[2] *На полях рядом с текстом:* Не понимаю ∾ и нравственнее.— *запись:* Об Идиоте.

[3] Хотя иносказательно ∾ не дохо‹дят› руки‹?›. *вписано.*

[4] Книжный ∾ законным. *вписано на полях.*

[5] Вообще ∾ старая и новая. *вписано на полях.*

только страдалец, идет от идеи, которая сильно въелась и которую надобно различать, и т. д. и т. д.

Я должен еще сказать, как г-н Утин *похвалил преступление*. Он написал и т. д.

Воспитательный дом. Мать беси<тся><?>. Бритвы.

Это письмо о молодежи. *Правой—левой*. Белинский, Боборыкин. Ник<олай> Михайловский и Тюильри. О шатании понятий, начиная с вопроса о жидах до Тернера и лесоистреблений. До следующ<его> номера.[1] Спасет текущее серьезное образование, сам народ, а пуще женщины. Я еще возвращусь, все такие интересные темы.

Константинополь и православие.

Утин.

Если б Каирова именно, напротив, сознала, хотя бы в последнее мгновение в себе женщину и гордо ушла презрен<ной> любви. Еще лучше, если б вспол<ошилась?> и ушла без гордости и презрения, а залившись слезами: до чего я сама упала.

Нет, не думать, налагают бремена тяжкие.

Но не хвалите: это, право, преувеличение.

«Возьмите его».

Г-н Утин чрезвычайно наивно (за каких простячков принимают иногда присяжных).

Одного мгновения недоставало, что<бы> он напал на самый брак.

Уж слишком аристократично-с. Великанова. Красивая женщина.

Ее творение.

Он чем дальше, тем хуже. Правда, может быть, она и думала его облагородить — в таком случае бедная женщина.

Великанова через 2 недели. Чем это уменьшает преступность? Преступность уменьшают другие соображ<ения>, а, уж конечно, не это. Это уж слишком неловко.

Жертва. Г-ну Утину ужасно хочется сказать об ней что-нибудь дурное (Великановой).

А Великанова мало ли вынесла в своей гордости, самолюбии и, может быть, в этом муже.

---

[1] До следующ<его> номера. *вписано*.

Она не хвалилась, не показывалась.

NB. Прислушиваясь, подумаешь, что в качестве законной жены. Смерти страх.

Здесь, г-да, все жалки, даже Великанов, и даже, может быть, сам г-н Утин. С Христом.

Он может красивить <?> свою клиентку, представлять ее любовь не только в романтическом, заманчивом виде, но как бы даже в назидательном, то есть она хотела его облагородить — ее творение; но от этого еще далеко до примера. Как так всякая женщина так должна поступить. Она не была бы женщиной.[1]

И вы, такой тонкий человек, — «так мало потерпела» — да неужели же не улыбнулись, вас слушая?

Я так полагаю, что трибуна наших новых правых судов — решительная нравственная школа нашего общества и народа, решительный университет, как же вы хотите, чтоб относились хладнокровно к тому, что с нее раздается?[2]

И одно только желательно, чтоб эта совесть всегда была воистину просвещена, тверда и избегала иногда излишней сантиментальности.[3]

Молодой человек...[4] Когда наша интеллигенция признает народ единственно лишь под условием, чтоб в нем не было ничего народного, а пуще всего свое<го?>, когда отцы заботятся об акциях, когда другие наши «батюшки» заботятся лишь о своем содержании (хотя и есть исключения — свет и надежда будущего, есть, об чем я всегда засвидетельствую) и когда всё после Петра подверглось шатанью — и ниже об этом шатании я скажу — равно как об идее, но теперь... вкратце:

— Утин.

— Среда. Аплодисмент.

— Воспитательный дом.

— Z. Рассказ Алчевской.

Письмо о молодом поколении, идущем в народ.

Правой—левой.

Женщины.

Ответить харьков<ским> и обещать в следующем №.

Утин. Эх, ведь фраза-то! Вот уж подлинно вникать было некогда: «Э, наворочу <?> больше <?> чувств и марли<н>щины, и сойдет, было бы горячо, а вкус, верно, какой-нибудь выйдет.

[1] Он может ∾ женщиной. *вписано на полях.*

[2] И вы ∾ с нее раздается? *вписано на полях.*

[3] И одно только ∾ сантиментальности. *вписано сверху страницы.*

[4] *Далее было*: Алчевской. *Сверху незачеркнутые слова: а.* в народ *б.* корресп<онденция>

Я только про юную трибуну нашу, г-н защитник, ведь эти мысли идут в нравственность народную.

Со всей наивностью моей замечу,[1] что Великанова в качестве законной жены употребила все средства, чтоб оставить его в покое, навести<?> на путь истинный, и что это-то и будет значить облагородить его.

Великанова зарезала. Да ее бы, может, никто и защищать не стал из порядочных людей.

...потому что я знаю, что она вынесла на лестнице со своей бритвой.

Преступление и нак<азание>? Удивляюсь, что поняли. Критик не понимал. Публика. Она разбирает<ся?>. Порадовала ирония.[2] И вот на днях читаю о моей злобе. Бог простит<?> Искривления. Отточенные нервы. В том правда. ЕСТЬ ПРЕСТУПЛЕНИЕ.[3] Надо иметь не злобу, для либерального сердца. Кусочек чего-то казенного. Сцена «Идиота», убийства в белую ночь, вот те, которые теперь наступили, эту сцену нельзя было написать без некоторой любви к человечеству, без некоторого уважения к человечеству, и этой сценой я горжусь. Насчет же искривлений — самоубийства, «Подросток», грязь.[4] Я думаю, тут надо было любить человека. Меня никто не хвалит, так я сам начну хвалиться. Мне хочется защититься, что я не искривления одни чувств пишу и ищу. Я не могу самоубийства пройти мимо.[5] Вешаются. Грязь.

Меня никто не хвалит (а меня многие хвалили, даже сам почтенный и многоуваж<аемый> г-н L., благородный тон статей которого я так очень способен оценить), и пусть не при<ни>мают<?>, что злюсь на него, но художеств<енностью?> горжусь. Я один только — обидели (злоба незн<акомого> г-на L., лично не знаю, кто он).[6]

Чтоб доложить об L. «Современ<ник»>, никогда не было ненависти. Никогда мы не делили нашей ненависти с многоуважаемым Мих<аилом> Никиф<оровичем>. Человека этого я не мог не уважать. Идею его о классическом обр<азовании> всецело, хотя и не согласен со многими применениями. Но еще одно словцо по поводу преступления и наказания в Богородске.

Аплодисмент.

И потом уже о демосе.

---

[1] *Далее было:* будь

[2] Она разбирает<ся?> ∾ ирония. *вписано.*

[3] ЕСТЬ ПРЕСТУПЛЕНИЕ. *вписано.*

[4] В белую ночь ∾ грязь. *вписано.*

[5] ***Рядом с текстом:*** Я думаю, тут надо было любить ∾ пройти мимо. — ***незачеркнутая запись:*** Павел, которому и ремня у ног развязать не смею.

[6] Меня никто не хвалит ∾ кто он). *вписано. Далее было:* Кстати.

Рассказ Алчевской. Современ<ность?> Богородск. По книжности похоже на «Преступление и наказание», по вопросу: убил бы себя или нет? Похоже на дело Каировой. Однако как далеко мы ушли от дела Каировой.

Путались и несколько не понимали, что именно граф нам хочет сказать. Делает честь даже блестящему таланту графа Льва Толстого.

По цитате из Раумера подозреваю одного ученого, о котором мне еще покойный брат мой (любивший и знавший лично этого ученого) рассказывал мне несколько невеселых, но забавных анекдотов.

Слишком робки наши присяжные, но пусть: ведь из уважения к человечеству. А если тут есть и ошибка — опять-таки уважение к человечеству. Но Утин — это неуважение к человечеству.[1]

— Мне пишут о Каировой...

На ступеньках, бритва.

То есть, собственно, о присяжных и говорить не буду.

— Где-то их похвалили за решение. Не стоило, ибо они и не могли поступить иначе.

1) Убила ли бы до конца. Раскольников.

2) Экспертиза, в пользу, хотя это среда. Мой корреспондент тоже среду.

Среда — пагуба, вместо либерального и гуманного решения — самое враждебное человечеству решение, отнимает личность. Аз есмь *<нрзб.>* Становит рабом обстоятельств. Два идеала свободы. Возьму их в крайностях: по всем по трем — денег — не то петля — или пустынник 100 лет, ум, чистота наслаждений, одоление всего. Я взял два полюса, которое верное?

Не меня дразнить негуманностью; мои сочинения — противное. И не апелляция ко среде пагубна. Быть человеколюбивым не пагубно. А всегда есть та черта, что человек непременно должен отвечать за себя. Не наказывайте его, если хотите, но назовите зло злом, иначе вы сделаете большой вред.[2] Понимаете, что есть глупое учение, что во всем виновато устройство общества. Вздор, если вы украдете или если наклевещете для чина, я вас сочту подлецом, а то что вы скажете: меня соблазнило, зачем Петров мимо меня в кабриолете катается, я не захочу считать за серьезное. Падчерицу выкинула — хорошо или нет? Ведь я потому[3] спрашиваю, что серьезно знаю, что скажут, что хорошо. А две девочки в Киеве?[4] Общество не давало ему духовных наслаждений,

---

[1] *Сверху страницы незачеркнутые записи: а.* в Богородске. Вот в этом-то аргументе и был лабиринт. Он отразился в последней фразе его. Негодование? Нет, у нас можно озадачить. *б.* Корчится под камнем.

[2] иначе вы сделаете большой вред. *вписано.*

[3] *Далее было:* знаю.

[4] *Далее над строкой незачеркнутая запись:* Каин, Мефистофель.

он захотел воспользоваться‹?› Но Каирова — нельзя не оправдать. Но Утин наврал. Прокурор и Утин. Присяжные.

Среда. Есть совесть и есть сознание. Есть всегда сознание, что я сделал дурно, и главное, что я мог сделать лучше, но не хотел того. Пусть присяжные прощают преступников, но беда, если преступники сами начнут прощать себя и говорить: это была болезнь, я не мог сделать иначе. Кончат тем, что скажут: я и не должен был делать иначе. Совесть надо подымать, развивать, а не затемнять. Свобода не в том, чтоб не сдерживать себя, а в том, чтоб владеть собой. Решить же, что все преступления — болезнь, слишком рискованно. Если Каирова несчастна, то зарезавший за рысаков.[1] Вы его отдадите в больницу, он над вами же засмеется. Иное леченье должно быть и потяжелее. Вот другой вопрос совершенно — о наказании. Во всяком случае[2] общество имеет право удалять развратного негодяя (две девочки). Правда, надо быть и к нему гуманным, но можно перевоспитать его. Не в одном прощении милость. Лишение свободы и труд, и суровый труд[3] необходимы для иной развратной природы. Твердых начал надо в обществе. Г-н Орест Миллер укорил. Я ни от чего не отступился.[4] Неужели я делаю большой подвиг, говоря против либеральной рутины? Пусть не чванятся передо мной. Я жалел многих.

Среда. *Две свободы.* Есть две крайности этих двух идей, одна требовала *праздников, гетер* устами чистейших, лучших публицистов — по всем по трем, другая требовала самооблад‹ания›. Монахи — великие образы.

Есть черта, где человек должен владеть собой. Свидетельству‹ют?›, что сам труд — над собой истязание.[5]

Несмотря на то, вас влечет и тянет, вы как будто плывете к преступлению. Что в том, о, что в том, что вы сознаете даже в эту минуту всю низость вашей души, вашего нравственного понятия, тщету, бесцельность, глупость, злобу вашу, что в том, что вы, может быть, в самое это мгновенье сознаете, что найдутся такие, которые посмотрят на поступок ваш ‹как› чуть не на подвиг, чуть[6] не на доблесть, и что вы знаете, как ‹?› ‹глупы› эти люди, и смеетесь над ними, и презираете их — что в том, вас влечет на пакость, вы сами[7] знаете, что на пакость — идете и производите эту пакость — нет, это глубоко жалко. Видеть такое извращение человеческой природы невозможно без сожаления к тому, который не может этого вынести. Разумеется, не жалость (ибо и вы не свя-

---

[1] *Так в рукописи.*
[2] Во всяком случае *вписано.*
[3] и суровый труд *вписано.*
[4] Твердых ∾ не отступился. *вписано.*
[5] Среда. *Две свободы.* ∾ истязание. *вписано на полях.*
[6] чуть *вписано.*
[7] *Далее было начато:* мож‹ет›

той), а глубокое негодование и омерзение родится в вас обратно, когда вы, плывя к преступлению, не только не чувствуете омерзения к себе, но даже уважаете себя за него. Еще сквернее, если само общество[1] закричит вам, что вы сделали не преступление, а подвиг, но это другой вопрос. Боятся наказания. Но вопрос о наказании совершенно другой вопрос. Тут лишь вопрос о том: в вашей ли воле и в вашем ли сознании было преступление, факт или нет. И если в вашем, то скажите, что виновен.

Утин. По духу русского суда, если осмелюсь так выразиться, — присяжные не могли бы решить <?> иначе экспертов как в пользу.

Помешанная или все должны подражать. Истинно гуманными: дразнить Великанову, сказала она, — пустое. И т. д. Вплоть до слов Христа.

Воспитательный дом.

О молодежи, в народ. Правой—левой.

Утин. Бесспорно умные люди увлекаются так, что выходит почти что и не умно.

Кощунство.

А между тем, хоть и клубничка, а все-таки несчастье. Страсть к такому существу для женщины есть само по себе несчастье.

Ее творение. — Но что же сотворил<а>? Он чем дальше, тем хуже. Перестал пить, но зато как лжет.

Утин. Ведь если вы допускаете извинение в бритве,[2] то как извините[3] восклицание[4] несчастной жены. И признаюсь, если б Каирова так *серьезно*[5] поняла, что жена отдаст ей мужа, — то была бы большая шутница. Но, вероятно, это произошло как-нибудь иначе: не могла же Каирова подумать, что ей в самом деле отдали Великанова.[6]

Адвокату это пока более не выгодно.[7] Пожалейте и Великанову, надобно быть для всех гуманными, не то скажут, пожалуй, что вы гуманны — лишь для своих клиентов, то есть по должности.

Возлюбил<а> много. Юнкерское убеждение. Не надобно так рисковать своим клиентом.

---

[1] *Вместо:* само общество — *было:* общество, суд
[2] *Сверху вписано:* шла в ‹*нрзб.*›
[3] *Было:* не видеть
[4] *Было:* горестное восклицание
[5] серьезно *вписано.*
[6] ***Рядом с текстом:*** Утин ∾ отдали Великанова. — *разрозненные записи: а.* (о чем, право, никому не известно). *б.* Характер. Так ведь никому не известно *в.* Невозм‹ожно›
[7] Адвокату ∾ не выгодно. *вписано.*

Воспитательный дом. Сортир. Не пеняйте, что невежлив. Право, стоит загрязнить наше изящное воображение.

Я знаю стыд. Девица, страх и проч. Тут всегда. Но ведь есть и другое. Вот сидят и точат бритвы — противно.

Как всякое преступление называть болезнью? Называли и подвигом. Жена Суворина и иголка в темя,[1] ибо мог не сделать, а сделал. А что он жалел, это другой вопрос.

Различать преступление — это надо, но сказать, что нет никакого преступления, а есть только болезнь, — выйдет абсурд.[2] Да если даже и болезнь, то не всякая болезнь такова, что с ней нельзя справиться. НА ТО СОВЕСТЬ ПРИСЯЖНЫХ. И никогда больше нельзя ценить.[3] Две нравственности.

Все на меня восстали, когда я *обличил* мужика, варварски убившего свою жену.

Как всякое преступление называть болезнью, называли и подвигом.[4]

Наказание — вопрос другой. Смешивать два эти вопроса грешно и постыдно; не затемняйте смысла. Не надо затемнять. Г-н Утин похвалил преступл‹ение›.

Важный факт, что в Каировой все похвалили ее. Я рад, что хвалят милосердие суда, но применена похвала неправильно. Оправдайте, не карайте, но назовите зло злом.

Девочку из окна (Пет‹ербургская› газета уже хвалила).[5] Это можно сделать либеральному публицисту, не любящему человечество и желающему решать без труда, без страдания, без сомнения. Катай-валяй, было бы либерально. А оно даже и не либерально.

Бубновый валет, Суворин про девочку. Этого мерзавца, этого валета — ведь вы не оправдаете же болезнью или средою. ‹*нрзб.*› Слово, произнесенное в процессе Каировой.

Да ведь об чем же я и говорю, не предполагается даже и различения.

Утин (выписка) похвалил. Надо быть вполне беспристрастным, признаться: постель чрезвычайно раздражительна для женщины, да еще для такой женщины. Но не говорите: она была бы не женщина. Есть высокие типы, высшие идеалы женщины, кото-

---

[1] Как всякое преступление ∾ темя *вписано*.
[2] *Далее было начато: а.* Не всякая бол‹езнь› *б.* Да преступление
[3] На то совесть ∾ ценить. *вписано*.
[4] Все на меня ∾ подвигом. *вписано*.
[5] Важный факт ∾ хвалила). *вписано*.

рые были же на свете и которые даже в подобную минуту <?> *могли одуматься* и стать выше страстей. Куда же этих женщин деть. Я не идеализирую. Куда же их-то деть. Закричат мне: не требуйте же того от всякой! Я и не требую, я содрогнулся, подумав о постели, я рад, что Каирову оправдали, я шепчу про себя великое слово: налагают бремена тяжкие и неудобоносимые — но божественный Спаситель наш, простив преступницу, сказал ей: иди и не греши. Стало быть, грех всё же назвал грехом, пожалел, но не оправдал. А г-н Утин говорит — она не была бы женщина. Стало быть, не только оправдывает, но и не понимает, как можно поступить иначе. Это грубо — несправедливо. Очень нехорошо и скандально услышать в суде на всю Россию. Г-н Утин что-нибудь знает,[1] может быть, про Великанову, что-нибудь знает. Я ничего не знаю.

Кавалер громадного роста и исполинского сложения с завивающимися мелкими белокурыми кудрями.

<Июль—август, гл. II, §§ I—III>

АВСТРИЯ

Психология. Цинизм. Мнение о правительстве. Неблагодарность Австрии. Меттерних. Народ. Нападай на правительство, но не на народ. Тогдашний западник и славянофил. Нет мнения у народа. Иерусалим. Посмотрите теперешнее движение: не народно оно? Киреев.

КОРОЧЕ

Благодарный человек. Злоба дня — реформа, торговл<я>.

Но нападай на правительство, а не на народ. Тут выразил Запад. О, он любит народ; взгляд западника.

Иерусалим. Ныне — Киреев. Цинизм — психологическая черта. Благодарность Австрии; до Меттерниха.

В нем правительство. Захват. Есть и еще ошибки.

1) Меттерних.

2) Идеалист забыл, что и всегда почти торжествуют мысли идеальные.

Эта статья напис<ана> с злобой дня — Меттерних.

3) Не надобно стыдиться своего идеализма и своих идеалов. Успокойся, ты проповедуешь прекрасное, а стало быть, истинное. Если уж такие люди, как ты, будут стыдиться своего идеализма, то кто же будет пророками. — А ведь так да дойдешь до Меттер<ниха>

---

[1] Очень нехорошо ∾ знает *вписано*.

4) О, и Гранов<ский> был самолюбив, как и все способн<ые> русские люди без дела. Но не к самолюбию надо отнести чрезвычайное раздражение этой статьи. Есть даже исторические ошибки, странные для Грановского. Австрия—Италия.

«Гражданин», злоба дня. С напускным цинизмом о том, что русск<ие> захва<тить> хотят славян.

5) Но нападай, а не на народ. Но тут западник; в этом западник и выразился. Народ он любит, но идиллического быта. Для него народ не имеет мнения.

Хотят Иерусалим.

Народ наш имеет мнение, если с ним искренне, и пойдет даже за славян.

Как бы удивил<ся> почтенный идеалист, если б посмотрел на тот же народ в эту минуту.

Раскольник.

А общество. Кровь. Киреев.

Самолюбив — бездель<е> — вследств<ие> всеобщей тоски по делу в наших передовых людях.

Пусть даже он прав, в частности, отрицая бескорыстие нашей помощи.

Кто же как не историк укажет на высшую честь и правду <*нрзб.*> восторжествовал во всех.

Обществ<енное> мнение объявил<ось>. Мимо газет объявил<ось>. Требуют тоже войны. А ведь и впрямь она была бы нам невыгодна.

Быскорыстно любят ли нас сербы-то? ревниво смотрят на нас. Призвание рот — благодетельность. И не ждать благодарн<ости>. Кончат тем, что полюбят. Правда восторжествует.

Государственность <?> необходимая вещь. Дошли до того, что и нравственность необходимая вещь, извиняли и оправдывали себя естествен<ными> наукам<и>, различие<м> негра с белым, естественным подчинением негра.

Разве не уверяли еще недавно миллион людей в образованнейшей — нации, что невольничество негров необходимая вещь. Вот эти-то прекрасные непрактическ<ие> вещи и оказывают<ся> полезными.

Благодарность, честь нации бледнеют перед практическим, но высшим понятием чести всегда лучшим <?>, даже в ущерб себе.

Кто же станет защищать «всё прекрасное и высокое». Ты наговоришь чрезвычайно умных вещей про неискренность помощи Рос<сии>, напрочь забывая, между прочим, что факт помощи все-таки был, искренний или не искрен<ний>, но ум не тут, ум выше.

Есть моменты, когда и справедливейший человек не может, почти не должен быть беспристрастным. Народ услышит всегда призыв искренний.

Даже малейшее развитие какой-нибудь торговли, даже малейшее усиление на море, и вот уже болезненная мнительность, болезненная тоска за барыш.

Затрепетать за будущ‹ность› своих итальян‹ских› влад‹ений› и очень могла еще поколебаться, к кому ей пристать в Восточной войне, к нам или Болгарам.

Ведь это не одному ответ, а многим.

Вот где беда. И очарование твое и прелесть твоя в этой широкости и в то же время — беда.

Прелесть бесконечная, мучающая меня прелесть и в то же время беда.

О Карамзинской библиотеке.

Отвечено ли Кошарову в томах.

‹*Нрзб.*› есть воплощение мертвящей казенщины иных *либеральных* понятий.

ТЕКУЩЕЕ

Эмс. — Уединенье. Почувствуете в уединении среди многоязычной толпы.

Нигде так не жил уединенно, как в каторге 4 года, нигде так не уединяетесь. Не быть одиноким. У меня квартира, соседи.[1] Кур-лист, тысячи посетителей, русские.

Местоположение, грусть, действие вод, кошмары. Лист. Римляне. Тут где-то.

Музыка,[2] скверные товары, Вильгельм, Бенедетти.

Девушки у источников — Шарфзин (в вагоне вас зухен зи? Картинная галерея). Немцы и находчивы и остроумны, но иногда вы странно о них заключаете. В вагоне.

Толпа у источника.

Русские. Сокращай без удержу генералов (Спешнев).

Учтивость немцев — почтамт.

Рабочие чиновники. Девушки-работницы.

Жертвы на blödige Kinder и неимущих. 5 pfenige.

Лермонтов.

О русских — французский язык —

увражей.

Классическое преподавание без русского языка (из острых слов).[3]

Англичанки. Русские женщины.

Утром дети в школу. — Нет твердого быта, всё не так, как у нас — (что-то твердое — где хорошо, где зло).

Бедные. Описанье. Немцы не любят давать. Русская церковь — вон. Земледелие.

---

[1] Нигде так ∾ соседи. *вписано.*

[2] *Вместо:* Музыка — *было начато:* Сквер‹ная›

[3] Классическое преподавание ∾ слов). *вписано на полях.*

Пересмотр переписки.

NB. Может быть, это ограниченность, распущенность. Невежда Suspechov <?> Кстати, я не рассказывал, считал мелким, но в каждой мелочи есть мудреная сторона.

О лучших людях и проч.

От этой грязи бегут русские за границу и проч.

Было бы очень досадно в чем себе отказать, в иных <?> расходах, тоже необходимых.

Слишком довольны.

Хорошо, если он глуп и будто тайный советник, но если он умен и мыслитель.

Скука.

Формы, сосуд, яд, мыслитель, скука, похабность, в школах наизусть, латинский язык, аржаны.

Эмс место блестящее — катар дых<ательных> путей, простудится.

Живописное местоположение и удивительный климат, дождь.

Императоры. Бенедетти.

Излюбленный император Вильгельм. Чахлые товары; судя по приливу, теснящемуся[1] у источников — источников много, Кренхен, Кессельбрунен. Но для меня девушки. Анекдоты. Заметливы, все кланяются.

Работницы в отеле — не так, как у нас. Законы наши, мужики нанимают и уходит. Почтамтский чиновник по кур-листу. Где у нас? (Тут порядок полиции.)

Уединение. Каторга.[2] Многотысячная толпа. Музыка.

Русские. Острые слова. Генералы. Blödige Kinder не скажу какой нации.

Русский язык. Французский язык. Классическое воспитание без языка. Формы языка — аржаны.

Римляне, так что всё это представляется как бы вместе с сильным направле<нием>. Но какой уж тут Лермонтов, какая поэзия. Но этого я уж и не знаю blödige-то кто, маленькие идиоты из беднейших семейств,[3] ну зачем[4] бы тут[5] острить-то.

---

[1] *Было:* толпящемуся
[2] Каторга. *вписано.*
[3] из беднейших семейств *вписано.*
[4] *Было:* но что
[5] *К словам:* ну зачем бы тут — *незачеркнутый вариант:* ну чего бы тут

Страшная вещь тоже уединение.

Хороший вкус подсказал хорошему обществу, что соприкасаться[1] с природой — это самое последнее слово и *науки*, и рассудка, и здравого смысла.
Умеренно.

Встречать с улыбкою, быть кротким, подражать раю.
Байронов‹ы› герои, Печорины, даже Онегины — но какая враждебность. Имели успех, но дурного тона.

Да я женат уже 3-й год, куды, 4-й год.

Болгарская женщина.
Любвеобильность, если заездить клячу.
Да, да, я с вами совершенно согласен, я тоже пожертвовал.

— Расскажите уж и мне.
— Я еще не знаю, достойны ли вы, чтоб это услышать.

Мне так было тяжело на нее смотреть, что я их там оставил и приехал сюда.
Да, я согласен с вами, народность и т. д. Но мне так тогда было пакостно через эту бабу, что пакостно и до сих пор.

— Я вам говорю, это пройдет — уже в одной окраине population reste stationnaire.
Ничего. Это просто был пот, и если б я не был влюблен в нее, я бы расцеловал ей ноги, за пот, за труд и т. д.

— Если б я бросился. Я не знаю, может быть, и было бы что-нибудь. Было бы разрушение моего идеала и только, даже в самом удачном случае. На это я не мог решиться, меня именно соблазнило, что она не примечает, что ли, одной нечистой мысли или насмешки. Всё, что есть лучшего в природе, то было передо мною, а над нами жаворонок.

...и сделаться мужиком, то есть собственным крепостным своим человеком, но ведь этого папенька и маменька ни за что бы не захотели позволить, и я знал, что это была только прелестная фантазия и больше ничего. Вообще вы не поверите, до какой степени преобладал всю жизнь во мне здравый смысл и особенно в моих увлечениях.

Замочек-то осмотрел, висел заперт
...даже узнать, где дело и в чем оно состоит.

---

[1] *Было:* умеренно соприкасаться

Конечно, и я повторю это. Конеч<но>

Журналист.
Атеист.
Патриотизм, драться, что-ли.
Славянские идеи перестали быть славянофильскими, а перешли и высказались отчетливо в общем сознании. Драться. Офицеры, крепостной народ. Правительство опережает <?>. Уважать.
Всепримирение сословий
выражает целое сознан<ие>
Согла<сие?>

Как ни вертите землю, а все-таки у нас земля всё.[1]

<Июль—август, гл. III—IV>

Англичанки — облагодетельствован женщиной.
— Мы друзья.
— Она счастлива? Н-нет — муж — без ног. — Ученая.
— Я ей высказал взгляд. По глупости родит.
— Дети. Здесь в Эмсе. Глупый городишко. Tel que vous me voyez. Я несчастлив, но они — народить детей. Stationnaire. Дети и Земля. Болгарка.

Если хотите переродить человечество — дайте ему землю.

— Мы с ним заговаривали и об B<lödige>
Я пожертвовал. Пусть бранят. Любвеобильность.
Но пусть бранят. Дети.
И потом:
Это лето.
У нас слишком много новых идей.
Знаете, это лето. . .
Да я подписался.
Славяне нас ненавидят.

P<o>st Scriptum.
Это лето.
Атеист.
Журналист о старушке.
Разве не передал с благоговением истинным и не усвоил ее формулу разом. За православное дело.[2]
Чрезвычайный выигрыш.
Славянофильские идеи по всей Руси.

---

[1] *Фраза:* Как ни ∾ всё. — *зачеркнута.*
[2] За православное дело. *вписано.*

Черняев сделал всё, что возможно, до самой той точки, что уже кончились силы Сербии и где уже должна была начаться поддержка.

Атеист[1] понял наконец, что православное дело не есть лишь целая церковность[2] (как непременно поняла бы Европа: le fanatisme religieux), а есть весь прогресс человеческий, и всё очеловечение человеческое, и так именно понимается русским народом, ведущим всё от Христа и воплощающим всё будущее во Христе и в идее его,[3] и не может представить себя без Христа — тогда как в Европе это давно раздвоилось.

Поехали офицеры, чтоб куда-нибудь поехать.

Пьяницы.

Но, вероятно, таково свойство его как славянина.

Мать, а не госпожа.

Крики славян против России были, не могли не быть.

Нарочно подослали к ним Черняева, чтоб парализовать.
Черняев, рисуется фигура деловая.
Православное дело — не в смысле лишь церквей, не в старушечьем лишь понимании.
Фешень — и вообще это скучно и — грустно.

Умер Снегирев<?>.
Да, хорошо жить на свете, и жить и умирать.

А всего лучше смотреть на детей. Пусть моя жизнь прошла, но эти

Без детей нельзя бы было так любить человечество.

Ножи черкесов, болгарских детей.

И мне ужасно хотелось говорить, но Парадоксалиста уже не было.[4]

Эмс не стану описывать. Фешенебельное общество. Уединение. Хорошо ведут себя.
Женщины — польки, француженки. Мне на этот раз любопытнее были всего англичанки. Но я смотрел больше на англичанок, и вот почему. — Я взял с собой брошюру. . .

---

[1] *Было:* Атеизм
[2] *Над словом:* церковность — *вписано:* идеал
[3] и в идее его *вписано.*
[4] И мне ∽ не было. *вписано.*

Роды, болезнь — вкус — плоские рессоры.
Старухи, старики.
Дети.
Знакомый, Ульяна.
Болгария. Мать поет.
Газетная комната.
Пробрало.

Переписка

Черняев. Боюсь хвалить, а хвалить хочется, и хвалить и хвалиться. Надоело нам жить в цинизме. Боишься хвалить — до того недоверчив становишься к русскому. Это уж не Хлестаков, у которого всё это вдруг.

Новые идеи.
Вот несчастный Макк <?>!
Чтоб решиться на это, нужно некоторую высоту духа.
У нас надежда: есть Черняев.

Что у меня наконец будут лоскутки, чтоб обтирать перья.
Здесь есть одна дама, которая очень любит человечество.

Почему-то я не розню детей от земли.
В Германии я поражен был возделыв<анием> полей немцами.
Но о полях[1] я поговорю потом, а Эмса — Эмса я не стану описывать.

Уединение. Газеты.

Теперь дело обозначилось.
Черняев.
Обозначившаяся Россия.
600 разрушающих и самоубийц.

NB

На этот раз как бы и не за границей.
Все русские перенесли свои интересы.
Толпятся в читальне.
Нет, русских пробрало.
Сначала пожертвования.
Славяне, их ропот. *Мать.*

Теперь, когда пишу это, дело обозначилось. Выступает фигура.

Лето для нас значительное. Что-то по всей России.

---

[1] *Было:* Но об этом

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Аржаны.

Женщины.

Дети. А Дюма-fils.

Розы и нищие.

Эмс, римляне, поля, земледелие.

Читальня. Славяне. Дети.

Русская кровь. Черняев. Новая мысль, новое слово — через русскую кровь. *Православное дело.* (Не одни церкви, но в Христе истина и всякое разрешение — все человеколюбия, с этой мыслью надо бороться.)

Переписка — Герцен.

Не существует ли закона, то есть что если мужчины начнут любить женщин других наций по преимуществу, то тогда разлагается этот народ.

Сколько здесь удивительных роз и прелестных женщин.

Розы продаются.

Что приятнее, как видеть людей в празднике, в веселье, а сводится на плоские рессоры.

Старуха, Дон-Кихот.

Что же до прелестных женщин

Англичанки.

Но всего лучше дети.

Школа.

Александр Дюма-fils.

Дети и земля кажутся мне чем-то неотделимым друг от друга.

Эмс, лист, поля.

В этакое ясное утро мелькает мысль: не заботьтесь, во что одеться, — как полна любовь.

Где эти тайны?

Они так ясны. Почему.

Фешенебельное общество тем хорошо, что оно хоть карикатурит натуральнее.

Не земля через порядок, а не порядок ли через землю и так как земля с завоеваний, то ненормальные плоды взросли только теперь.

Декабрист Якушкин

Человек, который не был ребенком, будет плохим гражданином.

Соприкосновение с природой насколько позволяет приличие и хороший тон.

Замочек, плоские рессоры.

Старуха — больно. Но, впрочем, я вовсе не хочу направления на известную тему — и старуху мы оставим, хотя не могу забыть старика.

Перевод.
Гоголь.
Древний язык.

Пусть мыслит по-парижски.
Тай<ный> сове<тник>
Яд
Хорошо, коли глуп. А если мыслитель, скука, разврат. На голом <?> разумеется напри<мер?>.
...аржаны
...развратные тайные советники

Но здесь я остановлюсь потом.
Я только чтоб вывесть лицо.
Взгляд его пошл и не нов, но самодоволен и выражает он его гневно.

Баба, чтоб народить как можно больше детей.[1]
(предчувствую ваши возражения (я и не думал))
Университеты. Но сначала университеты, а потом детей, роди до бессилия. Чтоб народить детей, нужно много ума. Бог на всех пошлет. Участвовать в живой жизни. У меня ничего нет на свете. Кому ума недоставало? А вот же недостает. Любит детей. Две дудки. Это в Эмсе лучше. Мираж.
Глупый Эмс. Уже в одном крае la population reste stationnaire. Зато старики. Да хоть бы они провалились. Не хотят родить.
Дюма-fils. Article de Paris — обнаружил.
С другой стороны — Гавроши. Association. Я за тебя заплатил. У Золя. Reste stationnaire.

Причина — земля. Я детей от земли само собой[2] не розню. У немцев нет земли — стало быть, ошибка в соприкосновении с землею. У высших тоже порок: захватили много, владеют слишком — по-моему, должно быть другое. Рыцари, фабрики, Сад. Пусть приходят смотреть.
Как это сделать.
— Не знаю. Но страшно сказать — у русских есть формула[3]

---

[1] *Рядом с текстом:* Я только ∾ детей. — *начато:* Иметь детей... Тут опять так пошлая гордость думать, что я, дескать, в постоянном

[2] само собой *вписано.*

[3] есть формула *вписано.*

земли. Якушкин. Мы ваши, а земля наша. Факт тот, что землю русский считает сущностью, началом всего (считая по крайней мере) семьи, чести, свободы. Всё это в зерне, требует развития. Вред страшный от общины — но оригинально, как же нам не обращать на это внимания?[1]

Это всё известно, что вы говорите. Впрочем, предсказание о Саде мне нравится, и даже оригинальна мысль, что непременно обновление человечества произойдет в Саду. Но оставим, а вот я сейчас читал про одну мать.

—Болгарка. Да что? Да, эпос.[2]

— Только эпос. Ах, да вы об Восточном, он в моде.

— Здесь даже весь Эмс — все русские толпятся у газет. Я тоже пожертвовал.

— Вы, кажется, не любите В‹осточный› вопрос.

— Нет, ничего, ничего. Я только любвеобильность эту не люблю. Дело люблю.

— Да ведь я пожертвовал.

— Любвеобильность, в ногу.

— Вот видите, а про Черняева другие разуверяют. По-моему, так и было. Но обозначилась новая мать. Много новых идей. Нынешнее лето много новых идей пришло. Русские неправдоподобный народ. С весельем в сердце говорю это иногда.

POST SCRIPTUM

Само правительство будет уважать Россию более за ее мнение. Само правительство будет радо; не всё разложение. Мы можем совокупиться около знамени.

Вы хотите проследить эпос в его источниках, в его первом, стихийном, так сказать, появлении.

Я всего больше боюсь, чтоб с нас братство не соскочило. Впрочем, не соскочит, это видно. То и отрадно, что нынешним летом это стало видно. Выдержать надо. Тут тоже мать.

Вот видите, я вам признаюсь. Я кой-чего боюсь: я любвеобильности, во-первых, боюсь.

Всё это пока поэзия, а теперь надо дело. Кровь великая вещь, но не надо попрекать этим. Лето недаром прошло. Мы и сами много получили. Мы родных нашли — и не в Славянском комитете только, а всей землей. С этого лета многое начнется.

---

[1] *Далее было начато:* А вот

[2] *Далее было начато:* Ах, да вы об Восточном

Англичане решатся на нее просто,[1] что‹бы› предупредить Россию, когда придет крайний срок: «Мы и сами-де[2] сумеем облагодетельствовать».

ТУРКИ, ТЕКУЩЕЕ

И однако ж, это последнее слово цивилизации, всё, что Европа могла дать и сказать. И хоть это и не искреннее слово, но всё же честь, совесть и гуманность отданы жидовск‹им› расчетам. Вопрошающий человек стоит в недоумении, где же нравственность, как далек мир, считают за идеалистов, и высшей честност‹и› нет будто бы места в реализме.

Грановского брошюра, злоба. Австрия не бесчестна.

Политика чести высшая. Идеалисты прикидываются всегда высшими циниками: не народна-де война за славян. В наше время никого не поднимешь — расчет. Политика чести высшая.

А народно иль нет теперешнее движение русских? Киреев. ‹*нрзб.*›

Землевладение.

Немцы очень хорошо в дороге умеют сходиться без раскрытия дружественного, за что сами потом сердятся и проч.

Анекдоты. Англичанка. (У нас бы загоготали.) Грязь. Про себя.

Кстати, почему англичанок считают

Страхова брошюра.

Смерть Аполлона Григорьева. Анекдот в суде уже в Эмсе. Иначе ведь дойдем до оправдания Меттерниха (это Грановский-то). Но циник дорог в милом человеке. Он уверяет, что Австрии и надо лишь честность.

Немцы. Кушелева. «Голос», тонкое замечание. Робкая изворотливость. Нравственный человек. Турки — последнее слово цивилизации.

Но статья эта замечательна не тем, не промахами историка, ставшего политиком, замечательна она всего более с ее психологической стороны, и в этом смысле о ней очень любопытно вспомнить.

Т. Н. Грановский есть прекраснейший из русских идеалистов, прекрасный идеалист.

Идеалист боится того, что он идеалист, чтоб не назвали идеалистом, и ей-богу, это от некоторого русского неуважения к себе, того самого, которое есть главнейший признак нашего интеллигентного класса.

Став пророком и оправдателем, и какой пошлой, матерьяльной, но будто бы высшей необходимости.

Пусть он нападает на кого угодно, но оставь народ, верь в народ.

---

[1] *Вместо:* просто — *было:* единственно

[2] *Было:* дескать.

Он даже уверяет, что народ не пойдет. Св‹ятые› места и пр. Ну уж тут западник, не понимающий народ.[1] Западнику дела нет до народа.

Народн‹ая› идея о Восточном вопросе. Посмотрите раскольников, села, артели, чуть ли не раньше высших классов. Нет, тут уж проявилось мнение народное, не так ли?

Тут не в том, что выгодно будет Австрии, — ошибка наша. Выгода была еще двусмысленной. А в том, что вообразили, что Австрия считает нас так же сильною, как мы себя считаем, но она не сочла нас сильною, а потому тотчас же подчинилась и примкнула к сильнейшим.

Меттерниховская идея; ведь все-таки же невольничество ведь уничтожилось же, столь поддерживавшееся приближенными. Соединенные штаты отделились же, революция восторжествовала же. Всё неестественное и бесчестное в политике против других и нас и противное *истинным* интересам нации рано ли, поздно ли уничтожится само собой.

Неестественна Австрия, неестественное соединение народов рано ли, поздно ли уничтожится же.

ТЕКУЩЕЕ

Тут не враги. «Биржев‹ые ведомости›».

Это милая статейка и, может быть, дельная, но всё же не очень.

Сел в вагон. Отдохнуть в Эмс. Казалось бы, но «Дневник», и как же я пропущу, а между тем Юг России, кобылиц. К несчастью землевладельцев, Крым рискован. Статья, что такое земледелие.

Чтоб не быть с русскими в вагоне, набрал газет. Характеристика русского. Немцы лучше (разумеется, не все).

И далее: Грановский. Николай Киреев.

Это был один из самых лучших и из самых благородных Степанов Трофимовичей[2] земли русской, к которым не могла уже прикоснуться ни малейшая комическая черта, с которы‹ми› я вывел моего Степана Трофимовича.

У немцев выработалась общительность.

Ведь всё равно на Крым бросят‹ся›, если не мы, так жиды. Жиды теперь только что воскресли и только что начинают жить чрезвычайной равноправностью.

---

[1] *К словам:* западник ∾ народ *незачеркнутый вариант:* западническое непонимание.

[2] *Далее было:* сороков‹ых› годов

Юнкер.

Я попросил бы только вникнуть в факт, что высшее образование жида не уничтожается. Что же до землевладения, то...

Скрывающий и недоговаривающий. О, недоговаривать ужасно важная вещь.

Взял мою же мысль да ее же и растянул. Впрочем, пусть не взял. Эту мысль можно иметь и самому, не за то прописал. Это же литературная нечестность.

А вы всё думаете, что будет[1] всё один Петербург продолжаться? Вы не примечаете, что мы в новый фазис вступили?

Понимаю. Смерть провинции или нет, хоть не эти, так будущие скажут.

Что всё дело, что о православии-то.

Тут я подразумеваю идею. Беда, коли прямо выскажу. Не договаривать ‹?› лучше. Я ‹*нрзб.*› собою. Насмешек не боюсь и вашего тона свысока.

А у вас тон свысока (начало).

Знать славян. Эта ведь идея сто́ит того, и ею займутся. Не всё свет в Петербурге в ваших кружках, где седенькие, седенькие старички считают себя иной раз молодым поколением, думая, что и теперь то же, что 20 лет назад, когда они так поучали. Не политически только, время, жизнь сложилась ‹?›.

Социальное обновление в русских началах, в православии вижу идею. Компетентен, чтоб ответить, и верую, что Россия может сказать свое слово в человечестве, и это всем так смешно.

(Высказать результат, всё не договаривать.)

Про Петра. Домонтович — неостроумно, впрочем, но вот что нехорошо, нечестно, я и третейский суд собирать не буду. Я прямо обращусь к ...; благо бы, но есть и дурной прием, не «Биржевые ‹ведомости›», а все и надо обличить. Дурной прием этот называется литературной нечестностью.

Братство различ‹ных› национальностей есть великая, прекрасная, самая русская вещь, то есть самая русская цель. Это впоследствии все поймут, что это одна из главных русских целей. Хотя в прошлом «Дневнике» моем я выразил эту мысль, может быть, слегка обнаженно.

ПОРЯДОК

Турки, пусть Европа не верит в наше бескорыстие, но невероятно, чтоб она так верила в нашу силу.[2] Они сделали изучение. Мы сильны, но вовсе ведь не так, чтоб покорить Европу или *придавить*, или, как они высоким слогом говорят, цивилизацию.

---

[1] *Незачеркнутый вариант:* не теперь, так скоро будет

[2] *Далее было начато:* Мы сильны, но вов‹се›

Это лишь слова для возбуждения массы. Может ли кто верить в такую дряхлую мечту (что русские покорят Европу).

Робкая изворотливость. В окно <?> турки. Последнее слово цивилизации — бескорыстное движение русских. По поводу движения пришел на ум Грановский. Злоба гражданина (всё о Грановском<ском>).

Final. Признает один захват от русских, а в народе не признает и идеи. Что же до России, то тут и циник и западник вместе. Повторяю, это прелюбопытнейшая[1] статья.

А между тем какими компетентными приговорами считалось всё это тогда, в таком еще недавнем прошедшем.

У нас все талантлив<ые> люди должны быть еще долго с раздраженным самолюбием именно от неимения соответствующего их силам и способностям дела, на котором они сами бы могли себя смерить и оценить и узнать свой *удельный вес*.

Эта тоска по делу страшно раздражала людей. Являлось сомнение, иногда почти неприличное[2] человеку, судя по его нравственной силе и духовной высоте, именно потому, что он сам не в силах был определить себя, своих сил и знаний, узнать, так сказать, свой удельный вес и свою стоимость. Узнав это, он, как высоко одухотворенный человек, не почел бы низостью сознаться, в чем он чувствует себя неспособным. В настоящую же пору он обидчив и в раздражительности берется часто не за свое дело.

Политическая статья Грановского написана, разумеется, чрезвычайно умно.

Он не мог не любить народа. Их задача была та же, как и у славянофилов, соединен<ие> с народом, но пути были разные и взгляд разный. Славянофилы любовались народом, а они его оплакивали. Те находили в нем красоту, мощь и признавали, что он во многом лучше нас, интеллигентного, высшего слоя. Западники никак не могли этого признавать, и много, много, что видели в нем естественные способности и прекрасные начала для будущего, но в настоящ<ем> в действительн<ости> замечали в народе лишь дурное, пагубное, ужасное, погибшее. Он видел мучение народа в эту ужасную войну, сострадал его бедствиям — рекрутчине, поборам, повинностям, застою промышленности и торговли. В этом сострадании, в этой любви высказалась прекрасная душа, но зато и высказался взгляд на нечто пассивное замкнутого идиллического быта. Он не предполагает...

Совсем не то, что после Восточной войны, когда он вдруг встал как большое могущество. Тогда и entente cordiale[3] с Англией не обозначилось еще в том виде, как впоследствии.

---

[1] *Вместо:* прелюбопытнейшая — *было: а.* драгоценнейшая *б.* психологическая

[2] *Далее начато:* для

[3] сердечное согласие (*франц.*).

Степан Трофимович. Это было нечто безупречное и прекрасное, о, не без раздраженного самолюбия, разумеется, но у кого из тогдашних русских людей его не было, а у теперешних даже и больше именно от неимения дела.

Скорее оправдание Австрии[1] не в том, что у народов должна быть в политике нравственность другая, а в том, что Австрия и не народ, а народы — неестественное соединение, а потому и поступила неестественно. Так ведь это дурной частный случай, а в политике народов должна быть честь.

— Гори всё огнем, только б мне было хорошо. Это вовсе не натуральная политика народов, равно как и частных людей. Став на эту точку, можно дойти, наконец, и до оправда‹ния› Меттерн‹иха›, признать его за явление натуральное, тогда как все эти явления суть только явления больных организмов.

26. Турками.
27. Грановский — Киреев.
28. Немцы в дороге, анекдоты, англичанка[2]
Грязь — вот почему об англичанке, как не загоготать.
29. Почему англичанка
30. Смерть Ап‹оллона› Григорьева.
31. Эмс ‹*нрзб.*›

Сказав, что русск‹ие› за границ‹ей›, я выставлял как два яркие типа того и другого разряда русских — Белинского и князя Гагарина — одного ставшего социалистом, другого ставшего иезуитом. Выбрал же я эти два лица именно по их яркости, именно потому, что они наиболее ярко выражают каждый тот или другой разряд — и, наконец, потому, что они лица слишком известные. Но, однако, под эти типы подходят сотни и тысячи типов. Между тем фельетонист замечает.[3] Это всё равно. В самом деле, неужели вы думаете, что я имел в виду только этих двух? Повторяю 100 и тысячи. Неужели вы и вправду подумали. А теперь это уже факт, а не идея.

Приписывать чего у него не было и выбрасывать то, что именно у него и есть, да еще прежде вашего было. Вы даете отчет вашим читателям, Ваши читате‹ли› могут составить превратное понятие. Нет, это нехорошо.[4]

Гимназист 2-го кл‹асса› поймет.

---

[1] *Было:* народов

[2] *Далее было:* 29. Почему англичанка 30. Смерть Ап‹оллона› Григорьева 31. Эмс

[3] *Далее было начато:* Это все вы не разобрали

[4] *Далее было:* В‹оз›держивайте‹сь› от этого, вникните в что пишете и, может быть, кто знает, и напишете когда-нибудь остроумное. Всё может случиться.

Гусар в нас — вот так-то. Белинский и Гагарин, два ярких типа. Но под этот тип подходят сотни и тысячи. Неужели же вы этого, в самом деле, не разобрали? В таком случае даже вы нашли способ меня удивить. Век живи, век учись.

‹Сентябрь, гл. II›

Конечно, ему такое знание[1] можно. Это пустые слова и захочется самым точным образом определить[2] заране, кто именно[3] станет помогать Турции, а стало быть, воевать с нами. Но на это[4] хоть и существуют довольно точные, так сказать, указания, и главное, ясные уже для всех в России, без исключения, но так как все-таки будущность со всеми ее частными случаями и непредвидимостью может знать единственно один только бог, то я опять-таки не понимаю,[5] на что опять-таки жалуется автор? Неужели он тоскует[6] о всеведении?[7] Но такого ведения не дано никому на земле, и, как ни тоскуй, — ничего не выйдет. А между тем автор не только тоскует, но даже и как бы винит кого-то.

Если вникнуть, то в настоящем случае всё, что только можно знать, кажется известно всему свету одинаково, судя по мнению[8] газет и по чрезвычайной общности и сходству и всех частных соображений всей Европы. О, без сомнения, правительства Европы в каждый данный момент знают несколько более, чем частное лицо, кто бы оно ни было. Но чтоб не тосковало данное частное лицо и не жаловалось на то, что оно знает меньше правительств, существуют для него два утешения. Первое, что правительственные политические тайны в наш век (телеграф, железные дороги и европейская пресса, конечно) обнаруживают[9] даже довольно[10] скоро, так что слишком немного надо пройти времени, чтобы самое наитоскующее частное лицо[11] было в этом смысле по возможности удовлетворено. Во-вторых, что и самые правительства даже не могут знать[12] вполне не только будущности, хотя, например,[13] узнают о событиях, но даже и всего текущего,[14] или вообще о тех данных,[15] по которым можно составить

[1] *Вместо:* Конечно ∾ знание — *было:* Впрочем, может, автору
[2] *Было:* узнать
[3] *Было:* кто именно из
[4] *Было:* Но надо
[5] *Вместо:* то я ∾ не понимаю — *было:* то мы опять-таки не понимаем
[6] *Далее было:* что он не одарен
[7] *Было:* о всезнании
[8] *Было начато:* по крайней
[9] *Было:* указывают
[10] *Было:* и очень
[11] *К словам:* частное лицо — *незачеркнутый вариант:* человек
[12] *К словам:* не могут знать — *незачеркнутый вариант:* не знают
[13] *Далее было:* в первое время
[14] но даже и всего текущего *вписано.*
[15] *Вместо:* или ∾ данных — *было:* или о том, на что

известное соображение,[1] как я сказал, уже несколько раньше частных лиц. Я бы присовокупил и еще третье утешение частному лицу, в случае уж слишком сильной гражданской тоски его,[2] именно то, что знать безошибочно будущее[3] вперед несколько даже было бы и скучно для обыкновенного смертного, но сознаюсь сам, что замечание мое, в виду настоящего случая,[4] было бы легкомысленно. Одним словом, это место у нашего автора для меня совсем неясно, то есть по чем именно он так тоскует?

Жур‹налист?›. Если правда

Если же неправда, то надобно разобрать, сделана ли она была из ненависти или всего лишь от излишней предосторожности.

Движение в пользу славян.[5] Пропускаем начало этого места статьи, очень характерное в своем роде, но не останавливаться же на каждой строчке. Вот что, например, г-н автор

...и все простые и не искалеченные сердцем люди в либеральной научно-гуманной[6] болтовне.

Россия принадлежит русским, а не татарам. Мы завоевали татар и покорили их мéчем, но всегда равноправие, братские отношения. Но равное право на Россию с нами за ними никогда не признавали и ни за что не признаем. Россия принадлежит русским и одним русским. Мои же верования я не сравня‹ю›

...вполне молодые и что в них-то по-настоящему и заключена настоящая русская жизнь. А между тем они считают себя носителями указания того, как бы надо было идти,[7] следовало бы идти настоящей русской жизни. Это старые западнические клеветы на великую нашу, добрую и благородную Россию, клеветы, впрочем, не из подлости, а единственно от грозного лишь незнания России и русского духа. Но увы, и народ и те, которые начинают примыкать к нему и учить его,[8] разрешают эти вопросы, несравненно прямее и яснее, вернее и безошибочнее.

Они до того любили народ по-своему, что как будто и не любили его совсем. Грановский и пр‹очие›. А вы стали‹?› о Восточном вопросе

---

[1] *Вместо:* соображение — *было:* заключение

[2] в случае ∾ тоски его *вписано.*

[3] *Далее было начато:* даже нес‹колько›

[4] *Вместо:* в виду настоящего случая — *было:* в виду столь серьезной тоски автора

[5] *Было:* Славянское движение

[6] научно-гуманной *вписано.*

[7] *К словам:* как бы надо было идти — *незачеркнутый вариант:* тех путей, по которым

[8] *В рукописи ошибочно:* ему

...без сомненья пожелали бы ему лучше остаться, так сказать, в виде косной массы, чем проявиться в таком необразованном первобытном виде, более, так сказать, современном и подходящем к нашему просвещенному веку.

Я из единоверия помогаю, но не из фанатизма. Ведь я и не жег его церкви, не притеснял его веру, и он уж на этом только мог бы оценить, что я за веру его воюю. Если же он пойдет к турке, то, конечно, чтоб жечь мои церкви, потому что турок иначе не воюет. Извращение понятий. Мы не потому воюем с турками, что они мою

Я столько же русский, сколько и татарин.

Не воюю ни против татар, ни против мусульманства, потому что, помогая турке, я не против мусульманства иду, и я не виноват, что кавказец не понимает. Не спрятать же мне из деликатности к его мусульманскому непониманью мою историю. Ведь этак можно дойти до того, что, щадя его деликатность и оскорбительность сердца, мне придется церкви срыть. Собакам крест.

‹Октябрь, гл. I—II›

— Действительность и литературн‹ая› художественность.

— Это я знал.

— Но пропустил, что и действительность требует глазу.

— А то *просто*. С простотой этой очень мирятся (не добиваясь дальнейшего смысла явлений), другие нет.

— С простым уживаются и консерваторы и нигилисты.[1] У тех вдруг стало разумно. Как бы разумно мы ни устроили, но это обращ‹ается› вновь в хаос и нуль, хоть и нужно, но вечны, мертвы законы природы, но тем не менее в них глубокое неуважение ко мне, и к разуму, и к нашему праведному счастью, которого мы достигли.[2]

— Искусство побеждает и осмысливает. Вечное достоянье. Молчалин. Как понял Щедрин. О Молчалине. (О действительности.)

Захожу в читальню. Теккерея.

Прямолинейн‹ость›, кстати стушеваться.

— И то было *просто*. Надо было *выждать*. Теперь стало сложнее.[3]

---

[1] *Далее было:* прямо *Рядом с текстом:* Действительность ∾ и нигилисты. — *на полях помета:* то есть для чего

[2] Как бы разумно ∾ достигли. *вписано вдоль полей.*

[3] *К тексту:* Захожу в читальню ∾ сложнее. — *вдоль полей зачеркнутая запись:* Я не удив‹ился?› направл‹ению›.

— К стыду вашему относится, что вы спрашиваете.

— А какие у вас книги

— Нынче разумный спрос. Нынче таких глупостей не спрашивают.

Вы фантазируете.[1] Кстати: что такое фантастическое в искусстве. Побежденные и осмысленные тайны духа навеки.

Родоначальник Пушкин. «Пик‹овая› дама», «Мед‹ный› всадник», «Дон-Жуан».

Дочь Герцена. — С образом. — Мачеха в окно.

Я ничего не знаю фантастичнее России.

Но просто — это всё можно затушить.

Этого смиренного кроткого самоубийства... — более разумный спрос.

Холодный мрак и скука. Явления бывают, но мы чувствуем, что осмыслить их не можем — всё фантастическое остается неразрешенным.

Это мне сообщено было давно, но я вспомнил по поводу смиренного самоубийства.

И если б возможен был мир Молчалина, если б он не был фантастичнее всего фантастичного, то мир бы простоял хорошо.

Ужас, но он рад ему: это вызов.

— Дон-Жуаны поражаться идеями не могут слегка.[2]

— Поехала бы в Сербию.

— Сберегите ваш энтузиазм. *Школы*.[3]

Вы увидите человека остроумного даже, и доброго, и великодушного.

Он забыл (Щедрин), что действительность определяют поэты.

Иначе она бы прошла неразобранною, как и художественные произведения.

— Вы не поняты (Молчалины).

Лучшие люди, **égalité**.[4]

Хоть и слуга, но совесть, честь и правда.

Шекспиру отрезать язык.

Будь Шекспир сколько угодно

Я тоже совесть, честь.

Это Россия явит.

Европа же явила другое.

---

[1] *Вместо:* Вы фантазируете. — *было:* Фантастический вид. Вся Россия.

[2] *Рядом с текстом:* Ужас ∾ слегка. — *на полях помета:* Дон-Жуан

[3] *Рядом с текстом:* Поехала бы ∾ *Школы*. — *на полях помета:* Образ.

[4] равенство (*франц.*).

Штрусберг — Россия жидовская и христианская.

«Медный всадник». Все-таки неправда.

«Дон-Жуан». — Отстаивает потерянную партию из гордости. Status.

— Марья Семеновна.

Только и справедливого, что с образом, *думается.* Всё равно, какая бы ни была драма, но драма была.

Действительность пересиливает фантазию. Щедрин: это и я знал. Молчалин. Но и в действительность вглядывается поэт, а другой ничего не увидит.[1]

Родоначальник *всего* Пушкин. Фантастическое: Германн, Дон-Жуан, Медный всадник. Шекспировское значение.[2]

Фантастическое, корреспондент, дочь Герцена.

Проза, не матерьялизм ли[3] задавил фантастическую душу? Вглядываться в значение жизни не в силах. Одностороннее направление матерьялизма.

Кстати, насчет фантастической действительности.

Девочка из окна. Мачеха. Сын.

Пауперизация. Приходят.

Кто будут лучшие люди?

Шатающиеся понятия о лучшем человеке. Народ. Идеалы. Теперь жертвы за сербов. Совершенно фантастические черты. Солдат и девочка. Студенты в Пеште. Продажа детей в Константинополе.

Высший класс. Струсберг. Великие идеи.

Россия жидовская и христианская.

Подавить христианскую трудно.

Школы. Прямолинейность. Стушеваться.

Струсберг — откровенно жидовская. Школы — маскированно жидовская.[4]

Константинополь.

Последние словечки.

Эгоизм ли управляет людьми или более высокое чувство? Мѵро и 100 динариев.[5]

Школы — замаскированный эгоизм.

Школы всегда при себе иметь будет.

А славян — не всегда.

Правда, и славян всегда.

Но если теперь пропустите и не отзоветесь на славян, не отзоветесь и на школы.[6]

---

[1] Но и в действительность ∾ не увидит. *вписано.*

[2] *Рядом с текстом:* Марья Семеновна ∾ значение. — *на полях помета:* Частная беда

[3] не матерьялизм ли *вписано.*

[4] Струсберг — откровенно жидовская ∾ жидовская. *вписано.*

[5] Мѵро ∾ динариев. *вписано.*

[6] Школы всегда при себе ∾ на школы. *вписано.*

1) Лучшие люди.

2) Россия представляет чрезвычайно фантастическую картину — жидовскую и христианскую.

Там у них великие люди, Штрусберги, Шумахеры.

Счастье в мильонах или в Сижке.

Нет, лучшие не поддались. Елисеев.

ЭТА

Мачеха — всё о мачехе — сложность и фантастичность явлений — кто их разберет?

— У нас наступил период сложнейший.

— Знаете ли вы, что действительность.

— Это я знал.

— Но глаз. — Для других же просто — художественность побеждает. Искусство. Молчалин. И если стало фантастичнее, то *далеко не для всех.*

— Для других же просто.

— Просто и у ленивых и у бойких.[1]

Фантастическая Россия — задавить.

Солдат, дочка, слушал станового.

С другой стороны, Теккерей — просто. Надо было выждать. Теперь всё усложняется — движение, было наивнее. Выходя, дал себе слово написать критику. Кстати, я забыл рассказать один анекдот.[2]

Дочь Герцена — просто *не выдержала. простоты.*

С образом. Смиренное самоубийство. Простота. Повесть.[3] Школы. Восточная Европа.

Пауперизм. Приходят.

Лучшие люди. (Короче.) Победоносцев. Победить силою доброго движения общества. Купцы — развратный мужик Овсянников.[4]

Струсберг.

Россия христианская и жидовская.

Не так просто подавить Россию.[5] Россия христианская спасет себя сама от жидовской.[6]

---

[1] *К слову:* бойких — *незачеркнутый вариант:* нигилистов

[2] Выходя ∾ анекдот. *вписано.*

[3] *Вместо:* Повесть. — *было:* простота.

[4] Победоносцев ∾ Овсянников. *вписано.*

[5] *Далее было начато:* Купцы

[6] *Рядом с текстом:* Пауперизм ∾ от жидовской. — *на полях запись:* Фантастическая картина общества. Но нет лучших людей.

Победоносцев: победить силою доброго движения общества.

Лучшие люди. Захочет ли общество *этих лучших* людей (Струсберга).

Мы отчаивались в последние 15 лет. Жидовство нахлынуло. Опять про нынешнее лето! Но нынешнее лето дало надежду. Хочет *другого лучшего Россия* (идеалы, Илья Муромец, юродивый).

Надо самоуправление. Сами больше скажем. Можно ввериться. Монархия наша.

Как такая сила, народное начало, как монархия, не осмыслено и не употреблено нами в дело? [1]

Есть ли тут особенное народное начало? (именно что не захотим)

Но подавить трудно.

Много надежды дало это лето.

Школы. Прямолинейность. Высшая интеллигенция хуже народа.

Константинополь. Англичане займут все места, но хоть бы и заняли — недовольство, мрак, но не отчаяние. Мы сильнее духом, чем мы думали: устоим.

На чей глаз: не только чтоб писать, но и чтоб смотреть, нужен художник. Для иного все явления в самой трогательной простоте, другого же до того заботят те же самые явления, или даже еще гораздо пристальней, что, не в силах их обобщить, понять и упростить, он решается пустить себе пулю в лоб. Право, так.[2]

И воротятся домой одни молчаливые и грустные,[3] человеку рабочему, однако, грустить некогда, пойдет дело по-прежнему, изредка только будет ворчать на девочку... А та, двадцатилетняя-то женщина, жена без мужа и с ребенком, пойдет она в каторгу. Я не знаю, как теперь в каторге и где теперь каторга, слышно, вон в Вильне где-то да в Пильве, но знаю только, что жизнь ее только что началась, и началась весьма может быть не к добру. Она из каторги еще молодая выйдет, и...[4]

Алексей человек божий. Юродивый — Марко.
Народ. Золота мешок.
Но хранилась вера, что всё же это разврат.

Продал Влас свое имение,
И сбирать на построение
Храма божьего пошел.

---

[1] Как такая сила ∾ в дело? *вписано.*

[2] *Текст:* На чей глаз ∾ Право, так. *вписан с обратной стороны листа.*

[3] *Далее было:* хотя

[4] *Текст:* И воротятся домой ∾ выйдет, и... *вписан с обратной стороны листа.*

Пострадать хочу — зачитал Библию.

И вот встал.
Следственно, не прорвал мешок и увлек с собой.

Сила вся души великая
В дело божие ушла...

Лучшие люди, идеал в душе цел.
Школы.

Честь и доблесть в народе. Формулировать.

Просвещение выработают, указав ему прямые цели.

У нас говорил ‹*не закончено*›

Такой народ не отвратится от школ, важно то, что мы в том уверились, равно как и от всего, в чем увидит хорошее и доблестное.

Вот что дало нам это лето.
...означает, что нам есть на кого надеяться, что народ победит все условные идеалы. Прежние идеалы в виде сказочек.
Но действенная сила
Возблагодарим же провидение за честь принадлежать к народу русскому.

Но ведь дело ‹*не закончено*›

... да не имею я такого еще ничего

... до каких пределов

Я сказал от ‹*не закончено*›

ДОЧЬ ГЕРЦЕНА

Кстати, вот одно весьма курьезное рассуждение одного самоубийцы, разумеется матерьялиста. Эти существа рассуждают так:
«В самом деле: какое право имела эта природа производить меня вследствие там каких-то своих вечных законов? Я создан с сознанием, и эту природу *сознал*: какое право она имела производить меня, сознающего? Сознающего, стало быть, и страдающего, но я не хочу страдать, ибо для чего бы я стал страдать? [1] Природа в сознании моем говорит мне о какой-то гармонии в целом, и что я, хоть и знаю вполне, что в гармонии этой участвовать не могу и никогда не буду, да и не пойму ее никогда, но все-таки должен почему-то ей подчиниться, смириться, [2] принять

---

[1] *Далее было начато:* Для как‹ого?›
[2] *Далее было:* и жить

страдание и жить.[1] Но[2] уж лучше хочу быть счастливым одно мгновение, пока я существую, а до целого и его гармонии[3] мне дела нет никакого, существуй опо в самом деле[4] или уничтожься[5] сейчас же вместе со мною. Для чего бы я должен желать о сохранении его, если живу один миг и умру бесследно сам.[6] Пусть уж лучше я был бы создан как все животные, я бы тогда согласился жить,[7] а сознание мое есть именно дисгармония, потому что я несчастлив с ним. Я вижу даже, что очень многие люди, похожие на животных по малому развитию их сознания,[8] соглашаются жить охотно, именно под условием жить как животные, то есть есть, пить, спать, собирать деньги, устроивать свое гнездо, одним словом, жить именно как животные. Но те пз них, у которых сознание развивается сильнее, те уже не могут жить как животные. Итак, если на земле можно жить лишь на условиях животных, то уж сознание есть дисгармония. Зачем же природа произвела эту пробу на мне, если никому и до меня нет никакой заботы. Спрашиваю и не получаю ответа (получу, дескать, в целом). Хочу быть счастливым, а мне говорят: будь счастлив в целом, да п не говорят даже вовсе, потому что я сам это всё говорю себе. Ergo: так как природа не только не признает за мной права спрашивать у нее отчета, но даже и не отвечает мне вовсе на мой вопрос,[9] и не потому что не хочет, а просто потому что и не может ответить,[10] да и не знаю я, кто тут ответит мне наконец.[11] Наконец, я даже и гармонии-то в целом не верю,[12] потому что не могу ее отыскать и ничем не могу в ней удостовериться. Так как, наконец, я не могу уничтожить эту природу, которая так безотчетно[13] меня произвела на страдание, то и истребляю себя сам, во-первых, от скуки, а во-вторых — не желая подчиниться косной тирании, в которой даже и виновного не могу отыскать.[14]

---

[1] и что я, хоть и знаю ∾ и жить. *вписано.*

[2] *Далее было: а.* я целого не могу обнять, и гармония целого не делает меня счастливым, и если уж я сознаю это, то *б.* живя, я несчастлив, потому что я сознаю это мое несчастье, все-таки сознание при мне и от меня не отнять

[3] *Вместо:* и его гармонии — *было:* и прочего

[4] *Вместо:* никакого ∾ в самом деле — *было:* хотя бы оно не существовало вовсе

[5] *Было:* уничтожилось

[6] *Вместо:* Для чего бы я должен ∾ сам. — *было:* Но дав мне сознание, природа не дала мне счастья, сознаньем она дала мне несчастье.

[7] я бы ∾ жить *вписано.*

[8] *Вместо:* по малому ∾ сознания — *было:* с малоразвитым сознанием.

[9] на мой вопрос *вписано.*

[10] *Далее было начато:* Так как я не верю

[11] да и не знаю я ∾ наконец. *вписано.*

[12] *Вместо:* Наконец ∾ не верю — *было:* Так как я не верю даже и гармонии-то в целом.

[13] *Было:* глупо.

[14] *К тексту:* отыскать и ничем ∾ не могу отыскать — *незачеркнутый вариант:* отыскать природу. В сознанпп моем я убедился, что отвечать

NB. (Есть, пить, спать — значит наживаться и грабить, устроить гнездо — значит по преимуществу грабить.) Мне скажут, что можно устроиться и устроить гнездо на разумных основаниях, на социальных, а не грабить. А я спрошу, для чего? Для чего устроиваться и для чего столько старания устроить правильно жизнь? На это, без сомнения, никто мне не сможет ответить. (Правильно, разумно и нравственно праведно.) Всё, что могут мне сказать, чтоб получить полное наслаждение. Но если б я был цветок или корова, я бы получил полное наслаждение, а задавая, как теперь, себе беспрерывно вопросы, я не могу быть счастлив даже и самым высшим счастьем — любовью всего человечества, ибо знаю, что завтра всё это будет уничтожено и я обращен буду в ничто, уничтожен, и всё это будет вечно продолжаться, *но без меня*. А под таким условием я не могу принять никакого счастья, не от нежелания согласиться, или не хочу по упрямству или по принципу, а просто потому что не буду счастлив[1] на условии грозящего нам завтра нуля.[2]

Но, во-1-х, если б даже и предположить эту сказку возможною

И наконец, если б я даже и поверил сказке — то одна уже мысль, что природа варварски истязала человека тысячелетия, пока довела его его же умом нравственно до этого счастья — глубоко возмущает меня.

Придет в голову, что человек был пущен на землю в виде какой-то наглой пробы: уживется ли, дескать, такое существо на земле. Но, очевидно, тут не было ни малейшей пробы, а всё произошло от каких-то там вечных мертвых законов, до которых мне нет никакого дела.

В том и досада, что и обвинить даже некого.

Он понимал, что начал великое дело и что не может уже бросить его. Честолюбец просто бы уехал, а Черняев остался, остался из чести своей, и из чести России, которую представлял собою в Сербии. И не из об‹*не закончено*›, а из великодушия русского — и, уж конечно, пожертвовал всем — и судьбой, и славой, и карьерой. Да в возвеличении России и гибнут наши имена. Да и не мог он уехать от русских добровольцев, которые все стекались к нему за идею. Это подвиг не мелкий, это величаво. Но во всем

себе во всей природе могу один только я... Но так как эту комедию вопросов и ответов я нахожу бесцельною, для меня бесполезною и для сознания моего неприличною, то и прекращаю ее раз и навсегда. *Текст:* Дочь Герцена ∾ раз и навсегда. — *записан на месте, содержащем отрывок белового автографа:* NB. Вставка к 4-му полулистку.

[1] *Вместо:* не буду счастлив — *было:* не могу быть счастливым.

[2] *К словам:* на условии ∾ нуля. — *незачеркнутый вариант:* на условии завтра же уничтожиться.

этом видно великодушие. Но какой же просто честолюб<ец> столько пожертвует? Гениальность уже то, что поехал. Кстати, даже защитники Черняева признают в нем честолюбие.[1]

воен<ные?> критик<и?>

Неудачи Черняева разъяснены.

Интриги и <*не закончено*>

Но и не одни английские или сербские самолюбия, помогали тут много и русские.[2]

Не мне[3] говорить, объяснят и без меня, но один факт удивителен.

Я говорил о боязни России. Россия их хочет проглотить.

Зависть к России.

Наша великая и славная будущность.

Двойная роль.

Бесспорно лучше и вернее нельзя сказать.

Лучшие люди это те, перед которыми мы вольно преклоняемся. Но которые и заставляют поклоняться.

Народы исторические жить, кажется, не могут без насилия.

Генерал.

... на всё на это с снисхождением, ибо есть две Сербии: одна — из дурн<ого> прав<ительства> а другая — народ.

Кровь русская утучняет <?>

Период кончился. Громовое слово. Опять дипломатия, опять пенье <?> Только чтоб не Россия, а дипломаты; и что им так хочется, чтоб Россия не имела роли? Им надо показать, что не испугались русского царя, что они не послушались.[4]

А Болгария.

Шарьят.

Комиссию, ревизию — Франция, Англия, отрицать.

Мир, дорогой, и на другой год опять.

Против Черняева. Бритые подбородки, реакция — все.

Сербия — маленькие славяне. — Две нации — народ и министры, предводители народа. Лакеи. Порох.

Что Черняев сделал и лучшие люди.

Интриги. Сердитые и злые за беспорядок. Он не мог не оскорбить самолюбивость <*нрзб.*> Посмотрите, как у нас —

— Лакей.

---

[1] Но какой же просто ∾ честолюбие. *вписано.*

[2] *Далее было:* враги

[3] *Было начато:* Я не

[4] Только чтоб не Россия ∾ послушались. *вписано.*

Но у них пуще.

Два народа. «Моск‹овские› ведом‹ости›».

Он не виноват был, что весь русский народ во Франции при невозможных обстоятельствах. Стало быть, есть обстоятельства, при которых и Сув‹оровы› отступают.

Опять аглицкий minimume.

Опять интриговать и указывать, Англия.

Теперь и обстоятельства 53[1] года, и если были когда обстоятельства вынуть меч и сказать строгое слово, то теперь.

ЛЕЧЕНИЕ ‹?›

Не поднялись бы до такой высоты. Скажут, что в том-то и беспорядок, выгоды России.

Такие огромные нации должны жить и высоким духовным значением.

Люди мелкие и злые и которые называют себя людьми порядка.

Черняев, генерал-лейтенант, как какой-нибудь воп кондотьери или, так сказать, мальчишка и т. д.

... закон исторический, и никакое общество до сих пор еще не могло устроиться и связать себя в целом без некоторого[2] добровольного над собой насилия

Довольно родилось и изменилось.

Эти условные лучшие люди

Э, пропадай всё на свете, был бы я и животы мои целы.

Удивил грека.

в тот же миг, когда я умру

Яму. Из этой ямы

Народ освобожденный 19 ф‹евраля›

Лучше стало ведь.

Государь Освободитель.

Если эта идея — древняя история.

Всепримирение сословий.

Сравнение с немцами.

Стяжание!

Во имя — жертвы собою, их лютеранство, какой задорный пастораль.

---

[1] *Было:* 54

[2] *Далее было:* насилия

Полушки.
Сознание.
Согласие.
Сам знает — русские все русские, русских больше русских, чем мы думали.
Мы имеем генерала серьезного.

ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ ФРАГМЕНТОВ ТЕКСТА (*ДР*)

‹Июнь, гл. II, § IV›

Невозможно, чтобы два могучие соседа не подрались. Вот это-то и имеет в виду Англия в среднеазиатском вопросе. В восточноевропейском — константинопольский вопрос, у нас промах. Она воображает, что мы тоже завалены товарами и жаждем такого порта, как Константинополь. Но у нас другое; Россия лопнула бы на две части, если б мы взяли Константинополь. Обаяние Константинополя так велико, что и Петербург не устоял бы. Я часто спрашиваю себя: как без *переворота* можно согласиться бросить такие дворцы, — кстати, что будет с Петербургом, если бросят. Уцелеют немцы, множество домов без поддержки, без штукатурки, дырья в окнах — а посреди — памятник Петра.

Хотя язык, например, остался бы его. Одним словом, завоевание Константинополя теперь было бы более гибельно, чем полезно. Это, впрочем, вопрос: отделился ли бы великорус? Великорус может согласиться лишь на первенство, но греки как теперь немцы. Немцы нам вреда не сделали, а греки-то бы сделали.

И тогда (в Константинополе) уже не великорус будет первенствовать и вести, а дело православия, ибо славян, греков и великорусов могла бы связать в целом *лишь* весьма сильная идея, а только православие нет. И великорус, может быть, *обособился* бы, *отъединился*.

Невозможно, чтоб императоры русские там не оставались (я говорю лишь о самом дальнейшем будущем). Уже по тому одному, что тогда они перестали бы быть императорами русскими прежде всего, а были бы, так сказать, императорами народов православных, императорами всего православия, что, впрочем, в сущности не противоречило бы основной русской идее, ибо эта идея есть идея Московского царства. Как из лесного желудя[1] выходит дуб (идея, не отвергнутая и Петром). И хорошо, что резко Россия не высказалась про герцеговинцев, нечего предупреждать дела раньше.

---

[1] *Вместо:* из лесного желудя — *незачеркнутый вариант:* из зернышка дуба.

Хочу, чтоб и вы не имели права требовать от меня стыда,[1] глупых слез и раскаяния. Я хочу, чтоб вы сознались в том, что не имеете права этого требовать.

— Что дурного в поступке вашем. Знайте, милостивый государь, что вы имеете право на всё плевать и всё презирать и даже делать всё, что вам вздумается, но до известной черты, до тех пор, пока поступок ваш не вредит ближнему. Вот где нравственное основание поступков человеческих!

— Вредит ближнему? А почему бы мне не вредить ближнему?

— Но это порочно,[2] безнравственно.

— Нравственность[3] — вещь относительная, я уже вам сказал,[4] и ни на чем даже не основанная. К тому же везде различная, кто только умеет всмотреться: а уж про различие в веках и временах и говорить нечего. Опять-таки всё это потому, что тут старый обычай, закон — и более вы ничего не сумеете сказать. С законом мы кончили: вы меня упекли, а потом я вас упеку — вот результат закона. Но все-таки почему безнравственно и порочно? Я хочу, чтоб вы сознались.[5] Не сами ли вы, то есть вся ваша мудрость, ваша наука, ваши философы, давно уже согласились махнуть рукой на предрассудки и[6] то, что прежде считалось любовью, добродетелью, считается[7] теперь повсеместпо у людей передовых и ученых за тот же самый эгоизм. Благодеяние ближнему[8] я делаю для себя же, для собственной выгоды и для собственного удовольствия и не иначе, и это все знают теперь, все, кто мыслят и трезво смотрят на вещи.[9] Если же опять вопрос о выгоде, то опять-таки повторяю: оставьте меня самого быть судьей моих выгод.

— Но ведь соглашаетесь же вы, по крайней мере, что во вреде ближнему ваша собственная невыгода и первый же страдаете вы! Вспомните слова одного английского государственного человека, сказавшего о преступнике: «Преступник это прежде всего нерасчетливый человек», — и, уж разумеется, в этом великая истина! Милостивый государь! Поверьте, что поступки ваши должны именно иметь мерилом[10] выгоду вашего ближнего.[11] Иначе общество же и восстанет на вас. Вас один, а их миллионы, и если б

---

[1] *Было:* претендовать на мой стыд и
[2] порочно *вписано.*
[3] *Было:* О. нравственность
[4] я уже вам сказал *вписано.*
[5] *Вместо:* упеку ∾ сознались. — *было:* упеку. Но почему безнравственно?
[6] *Далее было:* даже
[7] *Далее было:* тем
[8] ближнему *вписано.*
[9] и это все ∾ на вещи. *вписано.*
[10] *Далее было начато:* вред
[11] *Далее было начато:* Делайте всё не

все пошли[1] друг против друга — то вечная война и все поели бы друг друга! Напротив, ассоциация, разумное определение взаимных выгод, «всякий для всех и все для каждого». A chacun selon sa capacité, a chaque capacité <. . .>[2]

— Так, так я бы всё это мог опровергнуть, но пусть, по-вашему, это так, ну и что же из того? В общем вы верны, а в частном я могу проскочить. Повторяю: я сам судья моих выгод. К тому же это мой характер и если тут риск, то риск веселит меня. Иначе жить скучно. Да и что делать на свете, как не рисковать.[3] Вы говорите, что я всем поврежу и все меня возненавидят и изгонят из общества? А хитрость: я всех надую, прикинусь общественником, святым, а сам свое про себя сделаю потихоньку. Сам сделаю и вас же и обвиню: скажу, это не я сделал, а вы сделали.

— А высший идеал? А нравственность? Нравственность?

— Да ведь с нравственностью мы покончили, ведь вы же мне ее уступили. Ведь мы реалисты.[4] Нравственность ведь тот же эгоизм, то же чувство самосохранения, значит, опять-таки только одна моя выгода. А о моей выгоде позвольте мне самому беспокоиться.

— Да ведь нравственность не рассуждение, не выгода, это скорее чувство, чувство неизвестное, почти инстинктивное, но природное: венец его, последнее слово этого чувства, этого влечения человечества, непрерывающегося в нем с начала веков, есть уже объявленная, открытая уже нам формула. Именно что верх счастья <?> есть жертва за ближнего, то положение жизни.

— Вы хотите, чтоб я положил жизнь и был счастлив...

— Ничего, ничего, идеал, а не реализм всегда управлял человечеством. Идеал в том, что я положу жизнь и все наконец просветятся, догадаются, почувствуют, что выше нет счастья как это, и сами положат жизнь за меня. Тогда жизнь обратится в рай, люди будут обниматься и целоваться, всякий будет работать один для другого, разбитые *силы* усилятся во многие миллионы раз, жизнь увеличится каждым мгновеньем счастья, слава и подвиг личности будут вознаграждаться не утолением тщеславия, а восторгом благодарной любви и тогда — кому тогда ваш социализм, ваши формулы, ваши искания? Если я люблю всех и каждого и всякий всех то же самое, то мы поневоле все тотчас найдем как нам жить. Вот у Zola разговор Либертиста тем драгоценнее, что это разговор массы, пример, как она поняла и приняла учение: 10 лет коварной диктатуры, посмотрите на брак, esclave[5] и Христос...

---

[1] *Было:* шли [од‹ин›]

[2] Каждому по способностям... (*франц.*).

[3] Иначе ∾ рисковать. *вписано. На полях:* Такой пробный и не определившийся еще трус

[4] Ведь мы реалисты. *вписано.*

[5] раб (*франц.*).

— Я вас слушал, но наш век есть век реализма, а не идеалов.

— Идеалы всегда управляли.

NB. Он ведь со мной согласен. Это он только так спорит.[1] Его историю рассказать. Путешествие (больно бил Семена).

Но перед историей (вкратце) отзыв «От‹ечественных› з‹апи-сок›» и «Биржев‹ых ведомостей›».

О Жор‹ж› Занд и проч.

Затем вдруг история — затем Эмс.

Турция — Европа, победа. О Герц‹ене›.

Апо‹ллон› Гри‹горьев›.

‹Сентябрь, гл. II, § I›

...как и самый образованный человек. Всех немедленно единит прекрасное и великодушное чувство бескорыстной и великодушной[2] помощи распинаемым на кресте своим братьям; но Европа не верит этому, не верит ни благородству России, ни ее бескорыстию.[3] В Европе укушенные, в Европе тайна. Тут главное, с этим Восточным вопросом всегда усиливается[4] в Европе какая-то неизвестность, которая мешает всякому ясному взгляду, всякому точному разрешению. Эта неизвестность, эта загадка, эта тайна есть, конечно, опять-таки[5] Россия, с которою живет Европа[6] уже двести лет как будто и считая ее своею, европейскою, но про себя, однако, всегда косясь на нее как на роковую загадку, бог знает, откуда явившуюся и[7] которую надо, однако же, разрешить во что бы ни стало, и вот каждый раз с Восточным вопросом эта загадка, эта неизвестность усиливаются до болезни,[8] а между тем ничего не разрешается: кто же и что же это, наконец, такое и когда мы это наконец узнаем? Кто они, эти русские? Азияты, татаре? хорошо кабы так, по крайней мере, дело бы было ясно. Но нет, про себя мы должны сознаться, что нет. Неужто и в самом деле это что-то новое с попытками новой, особенной какой-то и на нас непохожей цивилизации? Так что же хочет сказать эта цивилизация?[9] Кончают тем, что разрешают по-своему, на свой аршин, «Орда,[10] захват, дескать, завоевание, бесчестность, коварство,[11] будущее истребление цивилизации, татаре».

---

[1] Это он только так спорит. *вписано.*

[2] и великодушной *вписано.*

[3] бескорыстию *вписано.*

[4] *Вместо:* с этим Восточным ∾ усиливается — *было:* в этом Восточном вопросе всегда наступает

[5] опят-таки *вписано*

[6] *Было:* она

[7] бог знает, откуда явившуюся и *вписано.*

[8] *Далее было:* Разрешить загадку надо неминуемо

[9] кто же и что же ∾ цивилизация? *вписано.*

[10] Орда *вписано.*

[11] *Далее начато:* готовят

И однако же, даже самая ненависть к России не в силах соединить вполне укушенных: с Восточным вопросом вся Европа,[1] из целого немедленно раздробляется на свои личные отдельно-национальные[2] эгоизмы.[3] Всякому хочется что-то получить, так что всякий раз с появлением этого рокового вопроса разбаливаются и начинают нарывать[4] тоже и все остальные застарелые политические распри и боли Европы. А потому всем естественно хочется затушить вопрос, а Россию, если можно, заговорить, заколдовать, запугать.

‹Сентябрь, гл. II, § II›

Как отнесется к ним общество, само правительство, думаю, отнесется к ним как к государственным изменникам и, уж конечно, сумеет их остановить вовремя. Это ясно как день. Во-вторых: если война еще не будет объявлена, а турки начнут резать славян, которым все русские равно сочувствуют, то в случае, если начались бы[5] пожертвования, деньгами или людьми, русских мусульман в пользу турок — неужели[6] вы думаете, что кто-нибудь из русских[7] мог бы отнестись к такому факту без особенного чувства и без негодования? По-вашему, вся беда в вероисповедном характере пожертвований, то есть если уж русский стал помогать славянину *как единоверцу*, то как же может он, не нарушая гражданской равноправности и справедливости, запретить такое же пожертвование и русскому татарину в пользу единоверца своего, турка? Напротив, очень может и имеет на то самое полное право.[8] Ведь если я, русский, пожертвую в пользу славянина, воюющего с турком, хотя бы даже и из единоверия, то ведь победы ему желаю над турком вовсе не потому, что тот мусульманин, а потому лишь, что тот режет славянина.[9] С другой стороны, если б турок воевал не с нами или не с славянами, которых мы считаем всё равно как за самих себя, а повел бы войну с кем угодно: или политическую в Европе, или какую-нибудь даже религиозную, ну, например, с Персией, или[10] междуусобную с Египтом или с кем бы там ни было, а наши татаре, пожалев турку,

---

[1] *Было:* все народы Европы

[2] отдельно-национальные *вписано.*

[3] *Над строкой начато:* Всё идет из ложной идеи, что кто-то хочет что-то захватить, заграбить: так вот бы и мне.

[4] нарывать *вписано.*

[5] *Было:* начнутся

[6] *Было:* то неужели

[7] *Далее было:* И в таком случае

[8] *Вместо:* Напротив, очень ∾ полное право. — *было:* Но тут решительно смешиваются два дела в одно.

[9] *Далее было: а.* и режет-то он его именно за то, что тот, будучи христианином, райей, осмеливается домогаться с ним равноправия? Как же в таком случае избежать вопроса вероисповедности? *б. начато*: тогда как татарин

[10] *Далее было:* просто

стали бы сбирать для него пожертвования и именно из мусульманства, из-за веры, из-за того, что султан есть калиф, — то вряд ли кто из русских вознегодовал на них в таком случае: какое нам дело до их мусульманства? Русскому слишком понятно, что одноверец может пожелать помочь другому своему одноверцу. Но когда турок воюет уже с русскими, а татарин начнет помогать ему, даст деньги или сам пойдет в его ряды, то ведь тогда уже совсем другой случай:[1] он сам нарушает свою гражданскую равноправность со мною и идет в ряды моих врагов. Я могу скорбеть всем сердцем о том, что он на это решился, но тем не менее никакое либеральное дилекатничанье не заставит меня переносить его удары молча: он мой враг и политический неприятель, и сам первый восстал на меня, тогда как я не думал восставать на него вовсе,[2] потому что мусульманства его я ничем не трогал. Да, наконец, и в том даже случае, когда уже я буду принужден воевать с ним, то вовсе не потому, что он мусульманин, а потому, что он сам пошел на меня. Точь-в-точь и в настоящем случае, на который вы указываете. Войны, положим, у нас еще нет, но если все русские, возмущенные страданиями славян, превосходящими всякое воображение, шлют деньги и сами рвутся в ряды славян и льют за них кровь, еще до объявления войны всей Россией, то татары, сбирающие в то же время деньги и идущие к туркам, чтоб воевать против русских, — станут тотчас же нашими врагами, и, что важнее всего, сами первые захотят того. Скажут, пожалуй, что это мы-то их и побудили пойти войной, потому что если мы себя считаем вправе, как русские, помогать славянину, как единоверцу, то и татарину должны были позволить помогать турке как единоверцу. Нет, вовсе не так и вовсе не должны: потому что, помогая славянину против турок, мы не становимся врагами татарина и не идем на него войной, а татарин, помогая турке, разрывает с Россией, становится изменником России и идет прямо на нее войной. Кроме того, помогая славянину,[3] я не только не нападаю на веру татарина, но мне и до мусульманства-то турки нет дела, оставайся он мусульманином сколько хочет, лишь бы только моего единоверца не трогал. Скажут опять так: «Если ты помогаешь единоверцу против турок, то уж тем самым и идешь против русского татарина и против веры его, потому что, видите ли, у него шариат, а султан — калиф всех мусульман. Но в таком случае зачинщик религиозной войны уже татарин, а не я».[4]

---

[1] *Было:* вопрос

[2] *Далее было начато:* Сверх того, если я и

[3] *Вместо:* помогая турке ∾ славянину — *было:* помогая турке, становится прямо против нас и идет именно на нас войной. Кроме того, помогая славянину, я вовсе не трогал ни татарина, ни его мусульманства.

[4] *Вместо:* Но в таком ∾ а не я». — *было начато:* Но в таком случае, во-первых, уж то, что я не затеваю религиозной войны

‹Октябрь, гл. I, § I—II›

...об каком-нибудь самом мизерном холсте, об теплых сапогах и валенках в дорогу. Почем знать, может быть, самым задушевным образом сойдутся вот теперь-то, когда их развели, а прежде ссорились.[1] И не попрекнут, может быть, друг дружку даже словом ‹?›,[2] а разве так только поохают на судьбу, себя одних, друг дружку и[3] жалеют. Почем знать?

Поверить трудно, как это[4] просто и прозаично, пошло ‹?› так происходит[5] у этого люда, да и всегда почти, а не то что иногда.[6] Самое[7] трагическое будет то,[8] что завоют, может быть, в голос, когда будут прощаться на железной дороге в последнюю минуту. Завоет тут и девчонка, разинув[9] рот до ушей,[10] на них глядя, а они, наверно, поклонятся оба каждый в свою очередь друг другу в ноги[11] между вторым и 3-м звонком:[12] дескать, помпи, прости, матушка, Елена Прокофьевна, не помяни лихом, а та ему: «Прости и ты меня, батюшка,[13] виновата я во всем перед тобой»,[14] а тут еще[15] и грудной младенчик заголосит, который уже во всяком случае тут будет находиться — возьмет ли его с собой она али у отца оставит. Одним словом, с нашим народом никогда поэмы не выйдет, это самый прозаический народ в мире. В Европе какой бы роман или поэма на эту тему могли бы выйти, да и обстановка не та: там горы, там замки, моря,[16] поток...[17] А у нас — а у нас подаянные калачи в дорогу, да медные копейки, да поклоны в ноги.[18] Почти стыдно за наш народ. Ну, попробуйте описать это дело всё в повести, черту за чертой, начиная с попреков[19] молодой жены у вдовца, иногда[20] до швырка[21] из окна до той минуты, как та из окна поглядела вниз: расшибся ль младе-

---

[1] а прежде ссорились *вписано.*
[2] даже словом ‹?› *вписано.*
[3] одних, друг дружку и *вписано.*
[4] *Далее было:* иногда
[5] *Было:* иногда происходит.
[6] а не то что иногда *вписано.*
[7] *Было:* Самое большое и
[8] будет то *вписано.*
[9] *Было:* безмерно разинув
[10] разинув ∾ ушей *вписано.*
[11] *Далее было:* не взыщи
[12] между ∾ звонком *вписано.*
[13] *Далее было:* за дурость.
[14] виновата ∾ тобой *вписано.*
[15] *Далее было:* пожалуй
[16] *Было:* реки
[17] *Далее было:* Там, например, каторжный французик с необитаемого острова убежит и по тропическому лесу ходит 14 дней без пищи и питья, а по дороге ему встречаются боа-констрикторы и, представьте, его не съедают (смот‹ри› ром‹ан› Zola «Le ventre de Paris»).
[18] *Вместо:* в ноги — *было:* после 2-го и третьего звонка на дороге
[19] попреков *вписано.*
[20] иногда *вписано.*
[21] *Было:* вышвыривания

нец, и пошла каяться в часть — виновата, дескать, до процесса потом в суде, с акушеркой до родин,[1] еще в чреве матери каторжника за грех его наказанного, до проводов, до поклона — и уж какой бы, кажется, богатый материал, а ведь ничего не выйдет, кроме родного запаха лаптем и зипуном, а впрочем, что же я — ведь главное тут взгляд и глаз. На чей глаз лапоть и зипун, а на другой, может, оно вышло бы лучше всех романов с гер‹оями?› презрения. Всё это стихийно-русская глупость.[2] Даже, может быть, вышло бы вовсе не так просто и прозаично. Даже всяких замков и потоков бы стоило и всяких героев с раздвоением и направлением. И чего, право, смотрят наши романисты. Вот описать черту за чертой, одну правду написать. Но вот беда, нужен взгляд и глаза.[3]

Ведь вот, например, господин Алексе‹й› Жемчуж‹ников› смотрит на все наше народное движение в пользу братьев славян сего года с таким презрением, что даже стыдно за русский народ становится (прочти его статью в «Голосе»),[4] ну, а на другой глаз ведь совсем другое дело нынешним летом у нас происходило. Тут глаз, тут взгляд. На иной глаз просто и более ничего, как лапти, необразованный кулак да шапками закидаем ‹?›, ну, а на другой так стоит[5] всякой поэмы,[6] даже самой величавой и фантастической. По-моему, простого и не существует вовсе на свете, а есть только разные[7] глаза у людей.[8]

Но, видно, дело[9] какой-то там бедной крестьянки показалось слишком мало скандальным, слишком немудреным и нелюбопытным сравнительно с высшими и мудреными чувствами — например, Каировых — и преступницу упрятали-таки[10] в каторгу.[11]

---

[1] *Далее было:* заранее

[2] *Далее было:* и мерзость — жизнь, за которую краснеть надо перед иностранцем.

[3] Всё это ∾ взгляд и глаза. *вписано.*

[4] (прочти ∾ в «Голосе») *вписано.*

[5] и более ничего ∾ так стоит *вписано.*

[6] *Было:* всяких фантастических чудес

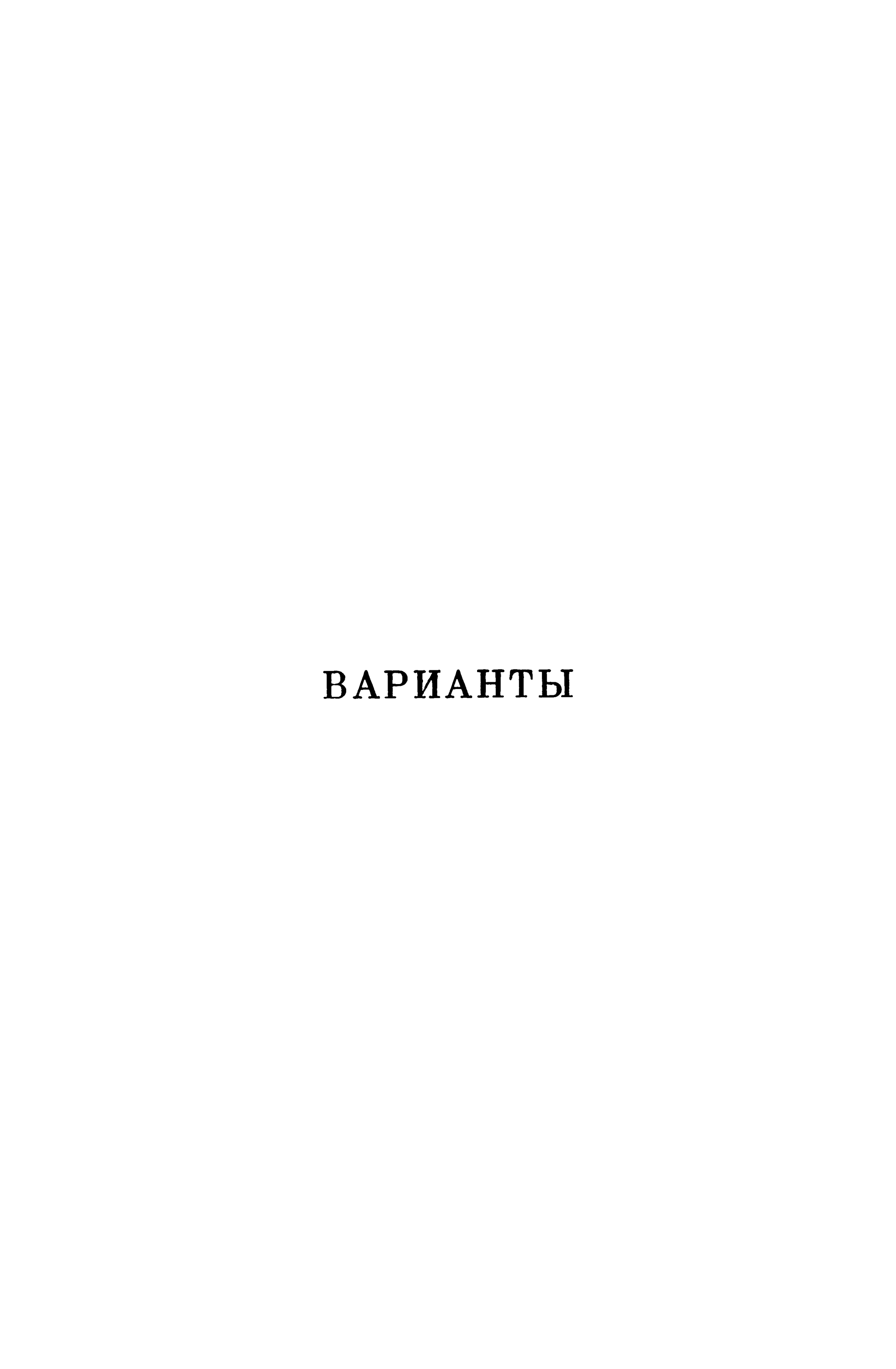
[7] *Было: а. Как в тексте б.* всякие

[8] *Вместо:* глаза у людей — *было:* глаза и взгляды.

[9] *Далее было начато:* бедной

[10] *Было:* присудили

[11] Но, видно ∾ в каторгу. *вписано. К октябрьскому наброску относятся также черновые записи на полях:* Простота в этом случае состоит именно в желании добиться до nihil'а ‹ничто (*лат.*)› и до tabula rasa ‹чистый лист (*лат.*)› — тоже в своем роде [искание правды и желание поскорее успокоиться] успокоение, ибо что проще нуля и начал и что ‹*не закончено*› *Далее начато: 1.* Тот же Теккерей и к стыду вашему относится. *2.* Заметьте тоже, что в их вопросах заслышался опять Теккерей и к сты‹ду› ‹*не закончено*› *3.* С другой стороны, тот же Теккерей и к стыду ‹*не закончено*› *См. также черновые записи к этому же наброску на полях ПМ к апрельскому выпуску «Дневника писателя»: 1.* Уж на что проще. До смешного просто. А между тем вовсе бы вышла повесть. А впрочем, мож‹но› сделать и непросто. Мцыри. *2.* Есть ли что-нибудь на свете просто. Всё от взгляда.



ВАРИАНТЫ

ДНЕВНИК ПИСАТЕЛЯ ЗА 1876 г.

Варианты чернового автографа (ЧА)

‹Май, гл. I—II›

Стр. 5.

4–5 Май. Глава первая. *Рядом помета:* Вторник 18 / Среда 19

6 *Заголовка*: Из частного письма. — *нет.*

9 *После*: характерно — оно слишком строго

10 привести / *а.* взять *б.* привесть ◊

12 на меня / на это ◊

12 цитирую / цитую ◊

16 выразило / всецело выразило ◊

22–23 даже власть / власть ◊

23 перед нею / пред этой личностью

23 задала / дала ◊

26 весь этот процесс / всего этого процесса ◊

27 нее / ее ◊

36 цинизму / или цинизму ◊

Стр. 6.

1 *Цифры*: II — *нет.*

1 *Заголовка*: Областное новое слово. — *нет.*

4 нашей жизни / *а.* жизни *б.* жизни нашей ◊

6 нашей публики / публики

6 все-таки ∾ словцо / стоит сказать одно слово. *Рядом с текстом помета на полях*: тем не менее я рад, что оправдали

7 *После*: поздно — *начато*: *а.* Ибо дело течет и продолжается *б.* Ибо всякое дело течет, даже прошедшее течет и продолжается, и обновляется

8–9 Ибо ничто ∾ инстанции *вписано на полях.*

8–9 не прекращается ∾ продолжается / не умирает, всякое дело продолжается

22–24 Судя ∾ недавно / *а.* Судя по письмам, которые даже я лишь один получаю, почти можно вывесть чрезвычайно замечательное явление текущей жизни, на которое [еще] уже косвенно намекал прежде *б.* Судя хоть только по одним письмам, которые даже я один получаю, можно отметить чрезвычайно замечательное явление текущей жизни, на которое я уже косвенно намекал недавно ◊

24 все во всём / все

25 мнение и заявить себя / *а.* мнение *б.* мнение [обо всем]

17 в один общий / в общий
18 есть письмо / письмо ◊
19 к слову / кстати
19–20 зажить / жить ◊
20 эмансипироваться / эманципироваться ◊
20–21 от столиц совсем / *а.* от столиц *б.* от столиц совершенно ◊
21 гораздо раньше / раньше ◊
22 У меня / *Начато*: Кажется, у меня
23 изданный / выданный ◊
24 надо бы ∾ слово / надо бы сказать слово
24 *Слова*: некоторое — *нет.*
24–25 *После*: именно потому — *а.* что он слишком подымает повсеместно *свое мнение б. Начато*: что он выходит реш‹ительно›
25–31 выступает решительно ∾ не произнесено *вписано.*
25–26 с намерением ∾ слово / с претензией на новое слово ◊
27 всё это / это
27 новые ∾ хоре / новый голос в нашем старом хоре
28 полезны / полезно ◊
28 любопытны / очень любопытно ◊
30 *Слова*: проектированных — *нет.*
30 *Слова*: в сущности — *нет.*
30–31 не произнесено / не было сказано ◊
31 но / и
31–32 послышится ∾ неслыханное / *а.* под конец скажется у нас что-нибудь свое и новое *б.* под конец скажется у нас что-нибудь свое и новое, еще неслыханное в нашей провинции ◊
33 всё это / всё ◊
33 произойти / быть
34 теперь же / теперь. . .
34–36 когда роль ∾ кончились / когда [кул‹ьтурная›] роль Петербурга и культурный вэлет ‹?› кончились *вписано.*
36 теперь. . . ∾ вопрос / но вот и вопрос
37 окончилась? / кончилась? ◊
37–38 если и изменилась, то / изменилась
38 да и прежде-то / теперь да и прежде
38 за все-то / все-то ◊
39 *После*: вели Россию — *начато:* не вся ли Россия
40 Так ли ∾ деле? / так ли это, верно ли правде *вписано.*
41 притекала и толпилась / сходилась, сбегалась и толпилась ◊
41 Москве / к Москве ◊
41–42 полтораста лет сряду / *а.* полтораста лет *б.* полтораста сряду лет ◊
41–42 *После*: полтораста лет сряду — Да и то если уж взять духовную интеллигентную жизнь — вела одна Москва, а Петербург разве лишь в последние десятки лет, нам уже памятные, начал заявлять что-то вроде своего слова
42–45 в сущности ∾ у всех русских *вписано.*
43–44 обновляясь свежим притоком ∾ окраин / *а. Начато*: подновляясь из провинции новыми свежими силами, приливавшими‹ся› из областей ‹*нрзб.*› в которых *б.* обновляясь притоком нов‹ых› свеж‹их› сил из областей, ничем не рознившихся в сущности от России ◊
44–46 *Текста*: в Москве ∾ ни было — *нет.*

Стр. 6—7.

46–13 Ведь уже чего ∾ развивать ◊ *вписано.*
47–1 *Текста*: если судить ∾ в принципе — *нет.*

Стр. 6.

47 как Петербург с Москвой / Петербург с Москвою ◊

Стр. 7.

2 *Слов*: и *всей ее идее — нет.*

3 составили / составляли ◊

3–4 *Текста*: и это тотчас ∾ преобразования — *нет.*

5–6 нисколько ∾ характерности / несмотря на отделявшее их расстоянье и на разделявшие их характерности ◊

7–8 немедленно ∾ в Москве / зарождалось и развивалось в Москве ◊

9 в этих двух / в двух

10 во всей / всей ◊

10–11 *в каждом* ∾ *Россия* / два-то города, в сущности, и были всей Россией ◊ *вписано.*

12 местные особенности / особенности ◊

13–15 но таковы ли ∾ недоумением / Конечно, как [нибудь] не быть в областях и окраинах своих особенностей, но таковы ли эти особенности, чтобы грозить духовным разъединением или даже просто какой-нибудь ссорой ◊ *вписано.*

15–16 Вообще у нас ∾ Во всяком случае / *а.* Вообще темна вода, но как не сказать вперед такого пожелания: 1) лучше вместе, чем врознь (и это во всяком случае), 2) не ссориться же из-за мнений и третье *б.* Вообще тут темна вода, но во всяком случае, дай бог развиваться всему, что только может развиться, это первое и главное, второе: не терять единства; лучше вместе, чем врознь (и это во всяком случае), не делиться же из-за мнений, и третье. Тем более, что и не стоит очень ссориться, потому, в сущности, еще ничего не сказано, потому что пока еще совсем нечего и сказать-то ◊

20 новое слово / новое

21 *После*: несомненно — *начато*: дай бог

21 всё же я не думаю / не думаю ◊

21–24 чтобы сказано ∾ выносимое / чтоб слишком особенное ◊

24–26 Великорус ∾ всему миру / Великорус только что начинает жить, только что подымается, чтоб сказать свое слово уже всему миру ◊ *вписано.*

26–27 а потому ∾ дай бы бог / *а.* Москве еще долго жить, да и надо долго жить, да и дай бог *б.* А потом и Москве, центру великоруса, еще долго жить, да и надо долго жить, да и дай бог ◊

28 Москва / она ◊

28–29 должно же исполниться / должна исполнить ◊

29 «четвертого Рима / четвертого

30 *Слов*: а без Рима мир не обойдется — *нет.*

31 *После*: с Москвой заодно — Да я, знаете ли, и не помню даже, когда они были врозь ◊ *вписано.*

31–33 Да, признаюсь ∾ аллегорию / *а.* Да и признаться, и под Москвой-то я подразумеваю [лишь] не столько город, сколько аллегорию *б.* Да и признаться, и под Москвой-то я подразумеваю не столько город, сколько некоторую как бы аллегорию ◊

33 и Астрахани / иль Астрахани ◊

34 почти совсем не за что / почти нечего ◊

34 ихним сборникам / Сборникам ◊

35 даже выйдет / выйдет

35 и «Второй шаг» / «Второй шаг»

36 *Цифры*: III — *нет.*

36 *Заголовка*: Суд и г-жа Каирова — *нет.*

37 Однако / Но однако

37–38 *После*: заметить — *а.* что в мнении корреспондента моего я вижу слишком *б.* моему корреспонденту, что в мнении почтенного корреспондента моего, с которым *в.* моему корреспонденту, что я хоть и *г.* моему корреспонденту, что хоть я и согласен с [почтенным] корреспондентом моим ◊

39–40 *После*: желаний — и вовсе не могу находить в преступнице столь много симпатичного, сколько в ней возвещали

18 почтенного корреспондента / корреспондента
42 он и сам / *а.* он сам *б.* и он сам ◊
42 сумасшедшую / сумасшествия ◊

Стр. 7—8.

45–11 ***Рядом с текстом***: Что до меня, то я просто рад ∾ я ведь не сошел еще с ума — ***заметки и наброски***: Но без сумасшествия, так жальче. Что до меня, просто рад, хотя не признаю сумасшествие; Но страдала, сидела — точила; эти ночи, эти дни, и потом таскали, таскали. Но я очень рад, что так сложились обстоятельства. Я собстве‹нно› о присяжных говорить не буду — похвалили. Раскольник‹ов›. Были вопросы. Выступив ‹?› Утин вместо того, что ‹. . .› почти похвалил. Вот это-то у нас и скверно, что меры нет. Преувеличение нахожу тоже в мнении о дамах. Это от среды.

Стр. 8.

1 оправдали / почти оправдали ◊
2 и не верю сумасшествию / сумасшествию не верю ◊
3 части экспертов / *а.* половины экспертов *б.* некоторых экспертов ◊
3 пусть ∾ мнение / *а.* Но пусть уж это будет личное мое мнение *б.* Пусть это личное мое мнение *в.* Не объясняю причин. Пусть это личное мое мнение ◊
3 я / но я ◊
6–7 столько муки / убийство ◊
7–8 если только убивает не «Червонный валет», — есть *вписано.*
9–10 *После*: накипающее — *начато*: оск‹орбление›
11–12 еще с ума / с ума ◊
12 жальче, что она / жалка она, что ◊
12–14 не могла понимать ∾ совершенно обратное / *а.* не могла этого видеть *б.* не понимала, что она-то и есть обидчица, а видела и чувствовала совершенно обратное ◊ *вписано.*
15 ступеньках / ступенях ◊
16 всё это довольно тяжело / этот последний час невыносимо тяжел ◊
17–18 ***После***: как Каирова — *начато*: *а.* Если б г-н *б.* Мне кажется, если б г-н Утин
18–19 *Фразы*: Тут не по силам ∾ стоны придавленной. — *нет.*
20 и — столько ее / ее столько ◊
22 нечто до того несерьезное / *а.* нечто такое несерьезное *б.* нечто такое до того несерьезное ◊
23–24 до того ничего не понимающее ∾ и так даже / *а.* непонимающее даже *б.* непонимающее, незаконченное, тоскующее, ‹*нрзб.*› даже ◊
25–26 ее совсем / ее ◊
29–30 а потому ∾ факта *вписано.*
29 лишь простым / грустным, потрясающим ◊
30 а не пускаться / и не пускаться ◊
32 мерки / меры ◊
33–46 На Западе ∾ поступить ***вписано.***
32–33 гениальная гипотеза / гипотеза ◊
33 давно уже аксиома / аксиома ◊
34 есть лишь болезнь / болезнь
35 же эта / такая ◊
37–39 сделанная даже ∾ либеральное / считается не только уже за болезнь, но почти даже за право ◊
39–43 Разумеется ∾ казалось либерально. / Я, разумеется, и у нас-то не про серьезнейших людей говорю. Я говорю про улицу, про бездарную средину — про людей, спекулирующих либерализмом. ◊
44 он / он тоже ◊
44 ***После***: «похвалил преступление» — ***начато***: *а.* то мож‹ет› *б.* что он
44 поступить / сделать ◊

46–47 и вот так-то ∾ даже не умно / Таким образом, бесспорно умные люди увлекаются, так что выходит почти что и не умно ◊
47 *Слов*: Я так думаю — *нет*.
48 что будь / и будь ◊
48 в ином / в другом ◊

Стр. 8—9.

48–1 то есть имей ∾ приговор ◊ *вписано*.

Стр. 9.

1 такое / это ◊
2 *После*: г-на Утина — *начато*: Впрочем, кто знает, может быть, г-да присяж‹ные›.
2–3 так что он сам ∾ клиентке / и клиентка его проиграла бы ◊
5–6 одни похвалили ∾ хулят / даже хвалили ◊
5 тут нет / что тут нет ◊
6–7 просто сказали такой приговор *вписано*.
7–8 по решительной ∾ иное / *а*. а одна лишь решительная невозможность иного приговора *б*. а просто сказали такой приговор [потому] от решительной и полной невозможности сказать что-нибудь другое ◊
12–14 *Рядом с текстом*: *в исполнение своего намерения* ∾ отрицательно — *помета на полях*: Отрицательно тоже и на втор‹ой› раз
14 *После*: ответили отрицательно — Вопрос же о том — действовала ли при совершении преступления Каирова в припадке аффекта, достигавшего умоисступления, присяжные оставили вовсе без ответа ◊
15–16 *Текста*: Остановимся ∾ вопрос. — *нет*.
17 ответить / отвечать ◊
18–19 но мы ∾ присяжных / но у присяжных были мнения части экспертов о сумасшествии, а по духу наших законов они должны были (хоть и не обязывались к тому) формально истолковать заключение экспертов в пользу преступницы. Но мы говорим лишь об утвердительном (сказанном) решении ◊
19 *После*: Тут — *начато*: утвердительно
19–20 на вопрос, так поставленный / Тут, на такой вопрос ◊
21 и сама / сама ◊
23–24 если б не остановили ее / если б ее не остановили, ну кто же это может знать ◊ *вписано*.
25 ее купила / покупала ◊
25 *Слова*: еще — *нет*.
26 резать-то или / резать иль ◊
26 а не только ∾ или нет / И хочет ли она лишать жизни иль нет ◊ *вписано*.
26–29 *Рядом с текстом*: И вернее всего ∾ соперницей. — *на полях*: Вопросы же и тогда, когда резала, из второго вопроса очевидно, надо было изгнать, тогда, по крайней мере, не вышло бы абсурда и скандала
27 об этом ни слова / *а*. не знала (наверно, не знала) *б*. в этом ни слова не знала (наверно, не знала) ◊
28 *Слов*: уже с бритвой в руке — *нет*.
28 а сзади / тогда как сзади ◊
29 *После*: с ее соперницей — А хочет ли лишить жизни иль нет, конечно, не знала даже. Я лет десять тому назад рассказывал одну историю об одном молодом человеке и о том, как он пошел резать старуху закладчицу. Преступление было сложное, злобы на старуху нисколько ‹?›, покража и грабеж хоть и были сделаны им потом, но почти машинально как ненужная вещь, как выдуманная вещь, которой он и не воспользовался, хотя и уже ограбил вещи. Чувство [бы‹ло›], увлекшее на убийство, было выдуманное, почти книжное, был какой-то принцип, но чувство это было глубоко и совершенно реальное и тем ужаснее, что реальное. Этими невыдуманными чувствами и

принципами, пришедшими в душу от тяжелого невзгодья и возлелеянными, конечно, тяжелой судьбой, но и искривл‹енной› потерями, но в которой, однако, ни капли не виновата была старуха закладчица; при этом молодые запросы, бурное молодое негодование, нетерпение, смесь всего самого едкого и жгучего рядом с книжными парадоксами — из всего этого составилось какое-то убеждение в необходимости, в неизбежности и в неминуемости совершения этого преступления, преступление было долго обдумываемо, бросаемо, опять подымаемо. Но что в том, что вы бросаете и отрекаетесь от преступления, оно вас влечет и тянет, вы как будто плывете к нему сами.[1] Молодой человек приготовил и обернул в бумагу вещь, чтоб передать закладчице, затянул нарочно узел, обдумав и рассчитав, как она оборотится к окну, чтоб распутать узел, приготовил петлю, под [мышкой] своим пальто, чтоб скрыть в ней топор, правда, чуть не забыл топор, но все-таки достал его и пошел в летний горячий вечер по пыльным улицам в квартиру старухи. Ну вот он идет: спросите его: убьет ли он или нет? Что он вам ответит? [‹*нрзб.*› Как вы сами думаете: убьет он или воротится? Очень может быть, что воротится]. Проходя мимо решетки публичного сада и смотря на фонтан, он думает об устройстве фонтанов, но, однако, он идет, всё идет. Но уверяю вас, что именно в это-то время он думает об устройстве фонтанов, или считает шаги, или рассчитывает, догонит ли вон тот прохожий извозчика.

Конечно, он знает, что идет убивать, но что убьет ли он наверно, не знает, и до того, что [наверно] не мог бы сказать даже, дойдет ли только до квартиры старухи или воротится. Преступление есть вещь тяжелая и сложная для многих натур. Вы вот думаете, что вы вот и бросили его, даже идею выгнали. Не беспокойтесь: оно вас вовлекает‹?› и тянет, как будто вы плывете.[2] Вот дошел на квартиру, вот в квартире — ведь уже, кажется, убьет. Но так ли-с, так ли? Если бы это был «московский червонный валет», то, может быть, и убил бы, не думая, но тут. . . вот уж старуха обернулась к окну, вот уж ни секунды нельзя медлить долее, вот уж он высвободил и поднял топор — опустит он его иль нет. Конечно, опустит. Смотрите, не ошибитесь. А что, если вдруг вскрикнет и бросится старухе в ноги и всё ей расскажет, да и не с тем вовсе, чтобы простила, а напротив, умоляя поскорее послать за полицией. Эти люди ужасные чудаки.[3]

29–30 *Фразы*: Никто ∾ слова. — *нет*.
30–41 Да мало того ∾ так, вероятно, и было. *вписано*.
34–35 *Фразы*: я даже ∾ не допускаю. — *нет*.
35 *После*: наверно — *начато*: знала
36–37 *Слов*: сознательно ∾ *целью* — *нет*.
37 свою соперницу / ее ◊
37 этого она могла / могла ◊
39 в гневе ∾ вовсе / лишь чтоб грозить, не думая ◊
40–41 этой беспорядочной ∾ и было / Каировой это именно могло быть ◊
41–46 *Текста*: А заметьте ∾ иначе. — *нет*.
48 а тут / что тут ◊

Стр. 10.

2–3 полоснув ∾ Великановой / *а.* полоснув бритвой *б.* полоснув раз по горлу бритвой ◊
4–5 *После*: не случилось бы? — как можете вы за это поручиться?

---

[1] *Рядом помета на полях*: и вот на днях я читал о моей злобе

[2] Конечно, он знает ∾ вы плывете. *вписано на полях*.

[3] *К тексту*: Я лет десять ∾ ужасные чудаки. — *наброски на полях*: Вопрос не в том, дорезал ли бы он, ибо он мог дорезать и против воли, а в том, мог ли он остановиться, в воле ль его

5–6 *Фразы*: А случилось ∽ не дошло бы. — *нет.*

6–10 А теперь ∽ или каторги! / А от вас требуют сведений: дорезала ли бы она или не дорезала, сведения положительного. Вы присяжный, вы давали присягу — ну как тут ответить, не зная наверное. Именно не зная. ◊

10–17 *Рядом с текстом*: А что если бы так случилось ∽ отрезала бы нос, губы — *вписано на полях*: вскоч‹ила› Я опять-таки повторю, что, может быть, в то самое время, как она ее резала, она не знала, что хочет лишить ее жизни.

11 сама себя / себя

12 *Слов*: да, может быть, тут бы себя и зарезала — *нет.*

13 *После*: почувствовав — *начато*: бры‹зги›

14 первые ∽ крови / первый брызг крови

17–18 *Слов*: и только потом ∽ такое сделала — *нет.*

20–22 из одной и той же души ∽ что не ошибаюсь / *а.* и потому, что я знаю об этом наверно *б.* из одной и той же души, из одного и т‹ого› же существа и потому, что я знаю об этом наверно ◊

22 Итак, как же было / Ну, так как же ◊

23 на такой мудреный вопрос / на вопрос ◊

23 *После*: суда — Да почем я знаю? Дорезала бы иль нет. Как могу я взять ответ на себя. Почем я знаю, что она купила бритву, чтоб зарезать, что она действительно хотела резать. Ничего я этого не знаю. Так нельзя ставить вопросы.

23–24 *Фразы*: Ведь тут ∽ судьбы. — *нет.*

25 сильно рискуя / желая ◊

27–36 Но, скажут ∽ вещь. *вписано.*

27 Но, скажут на это / Мне скажут ◊

28–29 ни судить ∽ выздоровела / в убийстве, или в намерении убить, если жертва не умерла, или преступление было недокончено

29–36 Нет, мне кажется ∽ великая вещь / Нет, такие случаи есть, если б даже и не докончилось. Цель — отнятие жизни, смерть жертвы. К тому же совесть присяжных, эта важная и великая вещь. Совесть говорит: «Есть преступление» ◊ *Далее заметки*: *1.* Равно как 2-ой вопрос. Утин. Тут всё скверно, порочно, нелепо, но [оправдать] отпустить было надо, отпустить, но не оправдать. Присяжные отпустили и сделать иначе не могли, а г-н Утин подгадил именно тем, что оправдал дело. *2.* Совесть говорит: «Есть преступление». Кстати, о преступлении и наказании, которое я сейчас вспомянул. Отлагаю на время дело «Каировой» и [скажу] выскажу несколько мелькнувших у меня недавно мыслей по поводу этого воспоминания. Правда, я почти забыл мой роман, память у меня очень плохая,[1] так что посторонние еще недавно напоминали мне некоторые места из этого старого моего романа, но главную-то мысль, и иные главы особенно первой части я всё же помню. Преступление было сложное [книжное] [отчасти], родилось книжно, придумано. Злобы на убитую старуху в сердце молодого человека не было ни капли. [Покр‹ажа›] Убийство было сделано для кражи и грабежа, но кража и грабеж преступнику были не нужны, были придуманы, да он ими и не воспользовался, и хоть унес несколько золотых вещей из сундука убитой закладчицы, но ими не воспользовал‹ся›, спрятал их, зарыл в землю, как ненужную совсем вещь. Всё было сделано из недостатка основных понятий и чувств, из шатания не только мыслей и понятий, но даже самых основных (совершенно известных народу) убеждений в зле и добре [всё] [*начато*: чувство, увлекшее молодого человека на]; убийство было сделано по какому-то принципу, отчасти принятому на веру, отчасти даже чужестранному и социальному, тем не менее, с других точек своих — совершенно реальному, и тем ужаснее, что реальному.

[1] память у меня очень плохая *вписано.*

Тут была картина глубоко жалкой души, беспомощно оставленной *всеми* единственно на одни свои силы. [Тут] В ней было молодое негодование, преступное нетерпение, действительно некоторая степень тяжелого невзгодья рядом с оскорбительным и завистливым сознанием о жалкой судьбе двух[1] бедных милых ему существ — матери и сестры его. И вот из всего этого составилось убеждение о необходимости, неизбежности и неминуемости самого уродливого, самого ни к чему доброму не ведущего поступка, ничего не удовлетворяющего и ничего не спасающего, тем не менее весь процесс, пережитый душою несчастного, — был истинен, и вот в *истинности* его я и хотел убедить читателя и вселить сострадание и ужас. И вот — почти невероятно мне теперь это — всё было понято до последнего слова, высказанного и подразумевавшегося, понято всеми, так что ничего теперь для меня нет удивительнее из всей моей тридцатилетней литературной карьеры, кстати, во всю мою литературную карьеру, критика, кроме первой статьи Белинского о «Бедных людях», не очень-то баловала меня. О, конечно, и не презирала меня, так что вдруг иногда после страшных плевков, например за «Подростка», меня вдруг ставили наряду с лучшими писателями; но я наконец разобрал, отчего это происходило. Это происходило оттого, что, начиная с самой первой моей повести до самых последних написанных мною строк, — у меня всегда было *много* читателей, которым я, по-видимому (теперь-то я уже могу это высказать), доставлял некоторое удовольствие, некоторое удовлетворение, некоторый ответ на вопросы, которым они оставались довольны [и вот как раз читаю на днях]. Вернее же всего заметили во мне человеколюбие. И вот на днях читаю пресерьезную тираду. *Рядом с текстом записи на полях*: *1.* При бесспорной учености (читал Раумера и цитует его). *2.* Я имел слабость [почти всего в одной статье] негодовать иногда на тяжеловесность мысли в литературе. Почти в одной статье, как бы негодовал, встретив низость. Низости я не встретил, но тяжеловесность встретил. Так тяжеловесно не понять — доказывает, что я не хуже знаю. Тут ирония. Что он вопиет к будущему социаль‹ному› перевороту во имя... Мысль та: так действительность-то, охраняемая миром, все-таки не лучше войны, до того не лучше, что, право, не стоило б ее и охранять. Мысль грустная [но] и в том-то и грусть, что она истинная. Но основное это — авось мои читатели поняли лучше; к Парадоксалисту я еще вернусь. Но вот что написал г-н *L*. Дальше: (   )[2] Вот этого уже не ожидал.

Стр. 11.

39 *Заголовка*: Г-н защитник и Каирова — *нет*.
40–41 *Рядом с фразой*: Речь ∾ талантлива. — впрочем, разбирать не буду, тон любез‹ный›, слащавый.
41 разных «чувств» / выделанных чувств ◊
42–43 той условно-либеральной ∾ чуть не всякий / *а.* того казенного либерализма, к которому прибегает теперь часто *б.* того условного, гуманного либерализма, к которому прибегает теперь всякий ◊
44 (так что ∾ некстати) / *а.* (а г-н Утин еще талантлив) *б.* (так что г-ну Утин‹у› его и совс‹ем› бы не ‹*нрзб.*›) ◊
45 придать / возместит‹ь›

Стр. 12.

1 оно бы могло / оно могло бы либерально и с честью
2–3 Эта ∾ гуманность / Этот гуманный условный либерализм ◊
3 чем дальше, тем больше / *а.* всё более и более *б.* *Начато*: чем да‹лее›

---

[1] с оскорбительным ∾ двух *вписано*.
[2] *Оставлено место для цитаты*.

3–5 И всякий ∾ пособие. / и всяк догадывается, что он лишь подручное пособие ◊

5–6 Я так даже ∾ в людях / Я так бы думал, что теперь уже мало [кого] надуешь, не десять лет тому назад, а между тем, глядь, еще столько простодушных людей на свете. ◊ *вписано на полях.*

6–7 *Текста*: особенно у нас в Петербурге! А простодушие-то наше и любо «деятелю». — *нет.*

7–19 Деятелю некогда ∾ Почти всегда сходит. / *а.* Вам лень, например, заняться делом, вникнуть в него, ваше сердце слишком очерствело, чтоб заниматься несчастьями [како‹й-нибудь›] страдающей души вашего несчастного клиента, и вместо сердца в груди вашей бьется кусочек чего-то казенного, условно-либерального и гуманного, взятого раз навсегда на все экстренные случаи, чтоб уж потом больше не беспокоиться: «Напущу, дескать, либеральных фраз и гуманной трескотни и довольно этой. . . галерее». *б.* Вам лень, например, заняться делом, вникнуть в него, вы слишком очерствели вдобавок с годами, чтоб заниматься несчастьями страдающей души вашего клиента, и вместо сердца в груди вашей давно уже бьется кусочек чего-то казенного условного и либерального, взятого напрокат‹?› раз навсегда на все грядущие экстренные случаи, чтоб уж потом больше не беспокоиться: «Напущу неск‹олько?› фраз и гуманной трескотни помоднее и довольно этой. . . галерее». ◊

19 Повторяю, это определение / это определение

20 *После*: он талантлив — и, кажется, человек с чувствами ◊ *вписано.*

20–21 *Слов*: и чувство у него, вероятнее всего, натуральное — *нет.*

21–25 Но трескучих фраз ∾ в настоящем случае. / *а.* но трескучих фраз он все-таки употребляет не в меру много, что и доказывает некоторое небрежное, негуманное отношение к делу *б.* но трескучих фраз он все-таки употребляет не в меру много, что и доказывает не то что недостаток вкуса (г-н Утин талантлив, если захочет отнестись к делу внимательно), а именно некоторое небрежное и, стало быть, даже негуманное отношение к делу ◊

24 *После*: к делу — «замещу, дескать, чувство и сострадание фразами и довольно с них

27 *После*: времени — *начато*: так что поневоле прибегаешь

27–29 то и он ∾ обдуманнее / то он бы, может быть, отнесся к делу гуманнее, а отнесся бы гуманнее, то был бы и обдуманнее ◊

30 крайне пошлой / довольно пошлой ◊

30 слога / слова ◊

30–31 про «встрепенувшихся львиц / про львиц ◊

31–35 не напал ∾ каламбура / не нападал бы с такою яростию на Великанову, которую не дорезали, соблазняя тем читателя на догадку, что адвокат хочет прельстить [публику] галере‹ю› либерализмом [осмеивая законную жену], свысока третируя законный брак, не изрек бы, наконец, своего неожиданного каламбура ◊

35 *После*: из Евангелия — Вообще (и уже, конечно, лишь по недостатку времени) речь носит на себе явные следы сильной небрежности, как в замысле, так и в отделке. Тоже вообще много бесцеремонности.

35–41 Впрочем ∾ много комического. / *а.* Очень возможно, что в натуре это было и не так, я в суде не был, но по газетны‹м› отчетам выходит, что как будто тут была какая-то, так сказать, гусарская распущенность свысока. . . что, одним словом, что-то бесцеремонное и незадумывающееся, не знаю, хвалили ли эту речь слушатели, но [защитник] сами себя они похвалили, по крайней мере защитник прокурора, с того и начали. Это было довольно комично. *б.* Очень и то возможно, что в натуре это было и не так, и г-н Утин [имел] [читал свою] проговорил свою речь совершенно с серь‹езным› видом, я в суде не был, но по газетны‹м› отчетам выходит, что как будто тут была какая-то, так сказать, распущенность свысока. . . одним словом, что-то ужасно незадумывающееся и много комического ◊

44 кроме того, что была / была ◊
45–46 была ∾ защитительная / и скорее защитительная ◊
48 и в том ∾ либеральна / что она была не только гуманна, но и в высшей степени либеральна ◊

Стр. 13.

1 господа / господа-ораторы ◊
2 *обвинителя*-прокурора / прокурора
3 *После*: до конца — *начато*: а то бы ему следовало
4 вместо защиты ∾ клиентку / и начал обвинять Каирову, свою клиентку ◊
5–6 Это жаль ∾ к делу. / И это жаль, потому что было бы оригинально. ◊ *вписано.*
6–7 Я думаю ∾ удивились / Я так думаю, что присяжные не очень бы даже и удивились.
7 *Слов*: потому что наших присяжных удивить трудно — *нет.*
8 замечание мое / замечание ◊
8–9 *После*: стороны — но мне хотелось лишь выразить, что у нас всё может случиться ◊
9 г-н Утин / но г-н Утин ◊
10–11 напротив ∾ защищал / что слишком горячо защищал ◊
11 так сказать, даже пересолил *вписано.*
11 упомянул / сказал
12 лишь некоторою / некоторою
12–13 предварительною небрежностью / небрежностью ◊
13 *После*: к «делу» — происшедшего, вероятнее всего, от недостатка нужного времени, чтобы вникнуть в дело, осмыслить и изучить его предварительно ◊
13–16 «Отделаюсь ∾ адвокатов. / «Отделаюсь высоким слогом и довольно этой . . . „галерее“, — вот как, вероятно, думал г-н Утин, — пригрожу и не посмеют быть не либеральными и главное тут — законная жена. Не посмеют в пользу законной жены решить». Вот, заручившись такими твердыми данными, он, вероятнее всего, и не развертывал дело Каировой до самого судопроизводства.◊ *вписано.* ***Рядом с текстом фраза***: Пристыжу вперед
16–18 Г-н Утин ∾ виде / Он ужасно силится, например, с самого 1-го слова своего представить свою клиентку решительно романтически идеальной какой-то героиней.◊
18–20 *Слов*: без прикрас ∾ присяжных — *нет.*
21–22 это что-то кипящее, это поэма / Это — это поэма ◊
24 *После*: Г-н Утин не — *начато*: хочет
25 ее / Каировой ◊
26 продолжал / сказал
31 *После*: такое — *начато*: мало ли куда отправл‹ялись›
32 тут не произошло вовсе / *а.* не было *б.* не произошло, ведь не в львиную же пещеру она поехала ◊
32–35 мало ли кто куда ∾ г-же Каировой *вписано.*
32 мало ли кто куда / мало ли-то кто куда ◊
33–34 несчастных, талантливых соглашаются / несчастных согласны ◊
34–35 похуже ∾ Каировой / похуже, чем г-жа Каирова ◊
36 выходит какая-то жертва самоотречения / *а.* уже идеальность, жертва самоотречения *б.* выходит идеал, какая-то героиня великодушия ◊
36–37 *Слов*: а из контракта в актрисы — *нет.*
37 Ну, и дальше ∾ роде. / Ну, и всё далее в этом же роде. ◊
39–40 выпрашивает / испрашивает ◊
41–44 опять ничего ∾ интрижку / Ну, и ничего бы особенного, да и [какая женщина] многие женщины, с подвижным характером, как Каирова, начали бы «хлопотать» ради милого человека, если уже завели с ним интригу. . . [Далее, рассказав о] ◊
46 его клиентка / она ◊

48 плотного, гренадерского сложения / плотного сложения
48 с вьющимися / и с вьющимися ◊

Стр. 14.

1 *После*: на затылке — *начато*: одним слов‹ом›
1 *После*: Г-н Утин — *а*. весьма часто *б*. поминут‹но› ◊
1 утверждает / упоминает ◊
2 *Слов*: как на «свое дитя» — *нет*.
3–7 Г-н Утин ∾ тем хуже. / А между тем он чем дальше, тем хуже.
8–10 Одним словом ∾ удивительно. / Очень может быть, что и в самом деле хотела «облагородить», странные ведь бывают фантазии, и в таком случае действительно это — бедная женщина не туда пошла и жаль ее, но у г-на Утина сверх того везде выходит какой-то неподходящий к делу идеализм. ◊
11 «милое дитя» / он ◊
12–13 задушевные письма / письма
14 писать ∾ «неблагороден» / и ужасно неблагороден ◊
17–18 у него ∾ слогом / *а*. у него всё лишь пафос и красноречие *б*. у него везде красноречие ◊
18 и они опять / опять они ◊
19 в Петербурге ∾ вдруг / в Петербурге и вот вдруг
22 действительно начинается / начинается ◊
23 этого красноречия ∾ жальче / красноречия, то, действительно, было бы, может быть, жальче ◊
26 человеком / негодяем ◊
26–28 *Рядом с фразой*: Он — то жену обманывает ∾ за границу. — а Каирова почему-то думает, что имеет полное на то право. *вписано на полях*.
30 в назидательном ∾ виде / *а*. назидательном виде *б*. в назидательном, так сказать, высоконравственном виде ◊
31 Она, видите ли / она даже
32 уступить ей / уступить той ◊
33 стало быть, думала / думала ◊
34 возьмите / возьмите его ◊
35–36 *Фразы*: Это она ∾ сказала ли. — *нет*.
37–38 уехать ∾ без всяких / *а*. уехать без всяких вопросов *б*. уехать совсем, если уже хотела чем-нибудь кончить ◊
39 никаких невозможных / невозможных ◊
42 «предложениях» / «предложениях и решениях» ◊
43 растолковывает суду / распространяется ◊

Стр. 15.

3 она таким образом / таким образом она ◊
6 и. . . / и там. . . ◊
15 *После*: фраз-то — Вот уж подлинно вникнуть было некогда: Наворочу им, «чувств» и марлинизмы, и сойдет.
16–18 однако же, на этих ∾ в защите / однако на этой фразе она очень нехороша, и тем пуще, что это самая *главная* фраза в защите ◊
19 слишком согласен / согласен
20 спокойной в сцене / спокойною в той сцене ◊
22–29 *Рядом с текстом*: женщина ∾ бесспорна. — *а*. Мало того, даст знать, что. . . *б*. Неужели это ваш идеал, г-н защитник, неужели нельзя и поступиться им?
23–25 привязчивая ∾ не правда ли / *а*. привязчивая и великодушная, но в то же время ведь и беспутная же, не правда ли *б*. привязчивая и великодушная (про что, впрочем, я до сих пор ведь не знаю, несмотря на вашу защиту), но в то же время ведь и беспутная же, не правда ли ◊
25–26 Я не развратную ∾ несчастна / Я не про развратную беспутность натуры говорю: она несчастна ◊
27 в этом / об этом ◊

27 совсем не возьмусь / не возьмусь
29 по этой-то беспутности / потому-то
30 минуту / свою минуту ◊
31 решая иначе / *а.* иначе надо его *б.* иначе решить значит ◊
32 как определили вы / как [опред‹елили›] решаете вы ◊
34 более благородного / [светлого] благородного ◊
35 не допускаете / не видите
35 в такую / в этакую ◊
36 бросить бритву *вписано.*
36–37 вы бы ∾ обозвали / вы бы назвали ◊
38–39 сказал про вас / сказал выше ◊
39–40 Это ∾ благородное / Конечно, это было увлечение с вашей стороны, весьма, может быть, благородное ◊
43 *После*: серьезно — А если извините, то выслушать должны.
44 женщины / женщин ◊
44 были же и являлись же на свете / *а.* были же на свете *б.* были же, появлялись на свете, и ◊
45 *После*: бесспорно. — И такие женщины, даже в подобные страшные минуты, могли бы поступить иначе, как поступила несчастная г-жа Каирова, не унося [от вас] нареканий в том, что душа у них камень и что они существа без сердца ◊
45–46 И что если б ∾ минуту / Ну что, если б нашлась такая женщина, которая в этот самый последний момент и уже ◊
47–48 *Слов*: (не беспокойтесь ∾ момент) — *нет.*
48 несчастье / уже несчастье ◊

Стр. 16.

3 *После*: самоотвержение» — г-н защитник
4 порока и падения / порока
6 *Слов*: при этом — *нет.*
7 его облагородить / тем облагородить его
8 *После*: ушла — без гордости и презрения, а◊
9–15 случилось ∾ презрением? / *а.* случилось, если б объявилось такое существо — неужели же вы назвали б его камнем и женщиной без сердца и заклеймили бы его всенародно с трибуны вашим презрением? *б.* случилось, если б объявилось такое существо — неужели вы бы не пожалели его, не нашли бы отзывчивого доброго чувства в добром, бесспорно, сердце вашем, г-н защитник, а назвали бы эту вдруг духом воскресшую [и облагородившуюся] женщину камнем, существом без сердца и заклеймили бы его всенародно с нашей юной трибуны, к которой все жадно еще прислушиваются, вашим презрением? ◊
15 *После*: вашим презрением? — *а.* А такие женщины есть, так куда же их деть? Неужели же у вас в самом деле нет идеала выше, как тот, который вы провозгласили с вашей трибуны? *б.* Этих считают невменяемыми. Такие обращенья вдруг в последнюю минуту даже довольно часто случались, даже исторически известно.◊ *вписано.*
16 однако же / однако ◊
17–18 то место / дело Каировой
19 последний час / час
20 отпустили / оправдали
22 это слово / это ◊
23 прощал / простил
23 Тот прибавил / *а.* сказал *б.* то прибавил ей ◊
24 все-таки / всё же ◊
24 *После*: грехом — *начато*: пожале‹л›
24–25 оправдал его / оправдал
26–27 так что даже ∾ было иначе / *а.* Значит, не только оправдывает, но и не понимает даже, как можно поступить иначе.◊ *б.* Значит, даже не смеет прощать, а прямо оправдыва‹ет› *вписано на полях.*

28–29 несмотря ∾ подвига / *а.* не возносить почти до подвига *б.* а не подвигом ◊ *Далее начато*: И уж если блистать гуманностью

30 *Цифры*: V — *нет.*

30 *Заголовка*: Г-н защитник и Великанова — *нет.*

31 провозглашать гуманность / *а.* блистать гуманностью *б.* так выставлять гуманность

32 г-жу Великанову / Великанову

33 отнимает / решительно отнимает

35–36 решительно ∾ поминутно / *а.* решительно не ошиб‹усь›, сказав, что г-ну Утину поминутно *б.* решительно не ошибусь [заметив], заключив [по прочтении речи], что г-ну Утину в продолжение всей речи поминутно ◊

37–39 Признаюсь ∾ тороплив / *а.* Это уже слишком простодушно и, по-моему, самый неловкий прием *б.* Признаюсь, это уже слишком было простодушно и, по-моему, самый неловкий прием ◊

39–40 пожалуй, г-н защитник, что / пожалуй, что вы

41 подхватили и привели / привели

42 *После*: например — *начато*: так‹ую›

42 когда Великанова / когда жена Великанова

43–44 кто избавит / кто бы избавил ◊

44–45 и что Каирова ∾ на это / *а.* И вот г-жа Каирова, бывшая тут, говорит *б.* И что г-жа Каирова, бывшая тут, тотчас [ответила] выскочила вперед ◊

Стр. 16—17.

45–1 а Великанова ∾ возьмите» / *а.* Возьмите [отвечает] отвечала Великанова *б.* а Великанова ответила ей на это: ну и возьмите ◊

Стр. 17.

1–3 заметили ∾ создание / *а.* заметили, что с этой-то вот минуты Каирова считает его своим, она видела в нем свое создание *б.* заметили, передав этот факт, что с этой-то вот минуты Каирова и стала считать его своим, стала видеть в нем свое создание ◊ *Рядом с текстом фраза*: У г-на Утина есть ядовитые слова

3 и «свое / свое ◊

3–4 Всё это ∾ И, во-первых / *а.* Ну, как это наивно. И наконец *б.* Такой вывод очень наи‹вен› И во-первых

6–7 что Каирова / что она ◊

7–8 *Слов*: в чем я вам в высшей степени верю — *нет.*

11 любви к нему / любви ◊

11–12 засвидетельствовать / свидетельствовать ◊

13–14 и отношения ∾ невозможный / и жить невозможно

17 отдает / в самом деле отдает ◊

18 уж и право имеет / может ◊

19 *После*: как-нибудь иначе. — Г-жа Великанова могла вскрикнуть в раздражении и в ревности: «Кто избавит меня» и хоть и сказала «возьмите», но ведь, наверно, бы не отдала.

19–22 И не надо ∾ семействах?) / *а.* И не надо смотреть на человека так аристократично. В этих семействах (да знаете ли еще в каких семействах, а не в одних этих!) *б.* И не надо смотреть на иного бедного удрученного человека [за его иные фразы] так свысока, за иную его фразу. В этих семействах (да и не в этих одних, знаете ли еще в каких семействах, а не в одних этих!) ◊

23–27 жизненная тягота ∾ Лермонтова / жизненная тягота, беспорядок нравственный и физический и отношения семейные иногда грубеют, так что допускаются иные фразы, которых бы не сказал лорд Байрон своей леди Байрон, даже в самую минуту их окончательной ссоры, или Арбенин Нине. ◊

27–31 Конечно ∾ гуманнее. / Конечно, этого извинять нельзя, но смотреть *попроще*, право, будет гуманнее, г-н защитник: тяжело иногда ведь жить людям ◊
31 А если хотите, то выходка / и если хотите так уж [вопрос] выходка ◊
32 гораздо мерзче / мерзче ◊
34 г-н защитник / г-н Утин ◊
35 про эту жену / про Великанову ◊
40 в данном случае / до этого, г-н защитник ◊
45 Пусть превышает / Пусть превышает ваши понятия ◊
46 аристократичны / аристократичны, г-н защитник ◊
46 *После*: несправедливы — потому что г-жи Великановой не было на суде, и слова ваши были забыты.
48 Про Великанову / про нее ◊

Стр. 18.

1 насказано / сказано ◊
3 может быть / очевидно ◊
4 жалея даже / и жалея ◊
4 *После*: мужа — может быть, даже жалея свою убийцу. . . ◊
4–5 Ведь ∾ не явилась / ведь об этом никто ничего не может сказать. . .
6 видно ∾ тех особ / [может] она не из [таких] тех ◊
7–8 всенародно ∾ чувства / *а.* свое отчаяние *б.* всенародно свои чувства ◊
8 *После*: чувства — Но она, бесспорно, повредила себе тем, что не явилась ◊
8–9 И кто знает ∾ явилась, то / [ибо] я уверен, что ◊
14–15 за эту квартиру / за квартиру ◊
15–16 Ей даже ∾ кто тут / Ей, может быть, трудно было распознать (приезжей) кто ◊
16 звал ее / звал ◊
17 и квартиру / тут и квартиру ◊
18 ведь ∾ обманывал / *а.* Ведь же ужасно обманывал и в то время, обеих их обманывал *б.* Ведь он их обеих обманывал ◊
20–21 какая-нибудь ∾ всё разом / какой-нибудь самый ничтожный факт, может быть, всё бы разъяснил ◊
21 *После*: разом — повторяю в третий раз и очень жаль, что г-жа Великанова ‹не› явилась, [чтоб разъяснить это. Не знаю почему, но я уверен, что она всё бы это разъяснила] И вообще мне чрезвычайно стало жалко эту несчастную жену, особенно после вашей речи, г-н Утин. ◊ *Рядом на полях*: Он, очевидно, пошутил, но для чего — не знаю.
21–22 Вообще ∾ несправедливы / К ней решительно все несправедливы ◊
22–23 мне сдается, что / кажется ◊
23–24 с своим мужем / с мужем ◊
24 *После*: бритвой — и мне сдается ◊
25 *После*: жены — Законная жена это [тиран и даже ретроград] что-то вроде тирана, а любовница:

Законы осуждают
Предмет моей любви,
Но кто, о сердце, может и т. д. и т. д.

27 Великанова не потерпела / никто не потерпел
27 *После*: что — *начато*: г-жа Великанова
29 играла потом / что играла
29 тогда как Каирова / а Каирова ◊
29 просидела / сидела ◊
30 в заключении / по разным заведениям ◊
31 согласитесь, что и г-жа Великанова / но г-жа Великанова ◊
32 немало / очень немало ◊
33 последнего я / чего я ◊
35–37 так гуманно ∾ вынесла / такой гуманный человек — вспомните, сколько она вынесла ◊

37–38 (слишком много минут) / (много минут, может быть, дней) ◊
38–39 *Текста*: Знаете ли ∾ понять это. — *нет.*
40–41 разбуженная ∾ над собою / *а.* под бритвой убийцы, яростно на нее бросившейся, она отбивалась от нее *б.* под бритвой своей убийцы, увидела яростное ее лицо, она отбивалась от нее ◊
42 а та продолжала ее полосовать *вписано.*
43 в эти ∾ минуты / в первые минуты ◊
43–44 *Слов*: и смерть неминуема — *нет.*
44 да ведь / уж конечно
45–48 наяву ∾ Помилуйте / *а.* Это прочтенный смертный приговор у столба и уже в мешке. . . *б.* только в сто [раз], в тысячу раз сильнее горячешного кошмара, это прочтенный смертный приговор у столба и когда на привязанного к столбу для расстреляния надвинули уже мешок. . . Полноте ◊

Стр. 19.

3 играла на сцене / играла ◊
3–4 который ∾ вынесла / который она вынесла ◊
8 не претерпела? / *а.* не вынесла *б.* не претерпела, не пережила ◊
9 себе ∾ мачеху / как ее
11 за него насильно / насильно
13 Тут пойдут / тут картина ◊
13 Она, простодушная, невинная / и она, невинная ◊
14 (при нашем-то ∾ особенно!) / (при нашем-то воспитании, при нашей-то среде!) ◊
15 радостей / них
15–16 запачканного белья / запачканного ребенком белья ◊
16 стряпня / стряпанье ◊
18 обмывание ребенка / обмыванье ◊
18–19 может ∾ приищет / *а.* может быть, очернят ребенка, приищут *б.* ведь, может быть, найдется такой, что начнет чернить ребенка, приищет ◊
18–23 *Рядом с текстом*: чернить ребенка ∾ из окна ребенка?» — *фраза*: дума‹ю›, что это-то и есть настоящий адвокатский прием в этом случае
19–20 скверные, ненавистные качества!) / *Начато*: скверные качества, привычки, найдут, что этот прием
20 в отчаянную минуту / и вот в отчаянную минуту ◊
20–21 в аффекте безумия / в аффекте, в безумии ◊
21 *Слов*: почти не помня себя — *нет.*
21 эту девочку / *а.* девчонку *б.* девочку ◊
22 не сделал того же самого? / этого не сделал? ◊
22–23 Кто бы ∾ ребенка?» / *а.* Он был бы камнем без сердца, если б переносил долее. . . *б.* Он был бы камнем, он был бы без сердца, если б переносил долее. . . *в.* Кто б из вас не выбросил из окна девчонку! ◊
24 Мои слова / Конечно, мои слова ◊
24–25 эту речь / речь ◊
25 *После*: что-нибудь — довольно эффектное и именно в этом роде, т. е. именно ◊
27–28 Вот это-то ∾ карикатуры / Но в том-то и дело, что вроде этой карикатуры, это-то и возмутительно ◊
29–30 должен потребовать / потребует ◊
30 тонкого и глубокого / и тонкого глубокого ◊
30 *После*: глубокого разбора — Ведь или это было *мгновение*, или это было действие *обдуманное* и уж только в этом одном, уж одно то! какое колоссальное различие! ◊
30–31 *Слов*: который мог бы ∾ преступницы — *нет.*
32–34 иногда ∾ адвокатов / *а.* когда наши защитники прибегают иногда к такому простодушию в своих «защитах» *б.* когда наши защитники прибегают иногда в защитах к слишком большому простодушию

приемов в своих «защитах» ◊ [Главное так очевидно]. Что делать: заняты, торопятся, на всех не хватает. Впрочем, и мне бы надо поторониться; я слишком [долго говорю] уж распространил‹ся› об этом деле Каировой и опять захватил всё место ◊

34 С другой / Но с другой ◊

34 думаешь так / опять-таки думаю так ◊

34–35 новых судов / новых «правых» судов

36–37 Ведь ∞ нравственности / Ведь [он] народ учится из нее правде и нравственности ◊

37 *После*: нравственности — Сплошь оправдывать это не лекарство. Утверждать, что *всякое* преступление безумие — есть нелепость. А между тем зло непременно должно быть названо злом во всеуслышанье, и беда обществу, в [где] котором смешается понятие о зле и правде, о лжи и истине, как же нам. *вписано на полях.*

37–38 что ∞ трибун? / *а.* что с нее иногда раздается *б.* что раздается с наших трибун ◊

39 Г-н защитник / г-н Утин ◊

39–40 своей речи / речи ◊

43 *этакую* / эту

44 приводить / вспоминать

45 давнишнего / многолетнего ◊

46 *После*: мелкого — *начато*: и [смеш‹ного›] забав‹ного› ◊

46–47 мелкого ∞ характерного / мелкого и [смеш‹ного›] забавного, но довольно характерного, чтоб на него потратить несколько [строк] лишних слов. [Главное] [И во-вторых] И, уж разумеется, оно нисколько не касается г-на Утина. Это главное и прежде всего. ◊

48 Я заметил ∞ с юнкерства / Я заметил вот что: я еще с детства моего запомнил и даже [до сих пор] еще недав‹но› наблюдал ◊

Стр. 20.

1 у гимназистов / у гимназистов, н‹апример›

2 у юнкеров / у юнкеров всего б‹ольше›

3 с самой школы / в наших школах

4 *После*: клубничку — *а.* Повторяю опять, заметка ничтожная *б.* Конечно, это очень ничтожно и не серьезно, но характерно в том смысле, как понима‹ется› иногда смысл писания. А это действительно так. *в.* Разумеется я не обращал внимания на эту ловкость, но теперь, кстати, припомнилось. ◊ *вписано на полях.*

4–7 *Текста*: или лучше сказать ∞ многих — *нет.*

7–8 Я помню ∞ вопрос / Я именно помню, что [я] иногда задавал себе [даже] вопрос ◊

8 мальчики / они все

9 место Евангелия / место ◊

10 так учат / учат ◊

10 *Слов*: закону божию — *нет.*

10–12 Но ведь ∞ физиологические *вписано. Далее*: [действует] например, при несомненном добре. *Рядом наброски*: *а.* тут скорее действует особый избыток юнкерских *б.* действует тот особый

11–12 Я заключил ∞ вероятно / Или тут ◊

13–16 при несомненном ∞ женщину / или тут при несомненном добродушии русского мальчика действует тот некоторый избыток юнкерских сил при взгляде на женщину? ◊

15–16 *После*: женщину — *начато*: Не знаю, но этот текст [именно] так именно толкуется. [Право, не думаю, чтоб я ошибался] Разумеется, не всеми, есть что и потоньше ‹?›. Повторяю

16–17 А впрочем ∞ вовсе. *вписано.*

16 что это / что всё это ◊

16–17 приводить вовсе / приводить ◊

17–19 уж конечно ∞ этот текст / *а. Начато*: разумеется, только пошутил и я вовсе не к нему применял, еще раз оговариваюсь; и уж *б.*

разумеется отлично знает, как надо толковать текст
19 в заключение речи / чтобы закончить речь
21 *Заголовка*: Нечто об одном здании. Соответственные мысли — *нет.*
26 порывался посмотреть / порывался
29 *После*: раза — *начато*: впос‹ледствии›
31–32 Я даже намерен / Даже положили ◊
32 *После*: чухонкам — *начато*: у которых и
33 *После*: младенцы — и высмотреть
33 Следовательно / так что и
34 а теперь ∾ воспоминания / теперь же [остались] мелькают лишь в воспоминании ◊
35 ряд великолепных зал / великолепные залы
35 младенцы / младенцы с их кормилицами ◊
40–41 бывших воспитанниц / воспитанниц ◊
43 взгляд / вид ◊
43 говорят с вами / говорят ◊
45 ласковый вид / ясный, ласковый вид ◊
45 нашего / моего ◊

Стр. 21.

2 имеют образование / *а. Начато* получили об‹разование› *б.* имеют значительное образование
2 заинтересовало меня / понравилось мне
3 *После*: известие — которое я запомнил
5 *После*: младенцев — *начато*: отд‹анных›
5–6 чего, однако, нельзя сказать / чего в высшей степени нельзя, однако, сказать ◊
7 *После*: внизу —*начато*: у двер‹ей›
9 должно быть, взглядом / взглядом
12 даже на мою / на мою ◊
14 грудченка / грудь ◊
15 ручками / ручонками ◊
16 вас беспокоить / беспокоить ◊
17 *После*: груди — требует
17–19 на уход ∾ там, в семействах / *Начато*: *а.* имеют право жить как все *б.* на уход, требуют ухода, не справляясь ни с ценами ни с социальными
21 оглядишься кругом / невольно оглядываешься кругом ◊
21 а невольно мелькает / а и мелькнет ◊
26–27 (забыл ∾ мачеха) / (лучше, если мачеха)
27 прежней / другой ◊
28 всё кричавшего / кричавшего ◊
28–29 кипящему, клокочущему самовару / кипящему самовару ◊
30 на нее кран / кран ◊
31 *После*: милая! — *начато*: *а.* Впрочем, дру‹гие› признали *б.* Впрочем, разумеется *в.* Вероятно
32 *После*: судили ли — Случай читал, а об суде пропустил, да, может [быть], в газеты и не попало ◊ *вписано на полях. Рядом фраза*: Симпатичная девушка
32 *Слова*: полно — *нет.*
32–33 Не правда ∾ снисхождения» / По-моему, «достойна снисхождения» ◊
33 ребятишки / дети
34 *Слов*: расстроят нервы — *нет.*
34 *После*: не правда ли — *начато*: Матери
35–36 Впрочем ∾ гуманнее / Вот матери иные так гораздо гуманнее ◊
36 девица / девочка ◊
37 там обморок / обморок ◊
37 *После*: обморок — *начато*: и иногда
38 ребеночек / ребенок ◊
39 попадет / попал ◊

39–40 ну и захлебнется / и захлебнулся
40 Захлебнуться / это ◊
40 легче / ему легче ◊
40 *Слов*: не правда ли — *нет.*
41 *После*: нельзя — неправда ли?
41–42 бедная ∾ кушать / Бедная, обманутая, симпатичная, ей бы только конфетки кушать ◊
42 вдруг обморок / обморок ◊
43 *После*: «Фауста» — Нет, тут всего виноватее среда: не было бы известных услов‹ий›, не носили бы во влагу. А сколько, сколько ведь литература и поэзия дали трогательных мотивов на эту тему! [Так что] Впрочем, был бы Воспитательный дом и с Маргаритой не случилось бы, может быть, несчастья, но во время Фауста еще не было, кажется, воспитательных домов, а подкидывали к честным мирным гражданам да на соборные паперти разных Квазимодов
43–45 (из присяжных ∾ сделать. / *Начато на полях*: (из присяжных встречаются иногда самые литературные люди), то как судить, нево‹зможно›
45 деток / детей ◊
46 что / что они
46 попали / попали наконец ◊
46 в это здание / в это здание, а не в влагу ◊
47 И, признаюсь / я присматривался к этим детям и понять не мог, отчего

Стр. 22.

2 не такие / не обыкновенные
3 как «те другие» / не такие, как «те другие» ◊
3 а гораздо хуже / не обыкновенные, а гораздо хуже обыкновенных
3 совсем не по праву / не по праву
5 наблюдения над детками / наблюдения и присматривания ◊
7–8 что, может быть, и нельзя поверить / что если б не было беспрерывных примеров, то и нельзя бы было поверить, даже судя на научных основаниях ◊
8 *После*: В самом деле — если воображать
9 научных игр / игр ◊
10 почти отвергнуть / и отвергнуть ◊
23 похвально / хорошо ◊
26–27 и гораздо более вас / *а.* вернее иного *б.* гор‹аз›до ‹?› вернее вас ◊
27–28 но увлекающегося ∾ торопливостью / *а.* но увлеченного модным направлением или торопливостью *б.* но увлекаемого модным направлением, так сказать, торопливостью ◊
28 *После*: идей — *начато*: я и отношу идеи и ◊
30 *Слов*: у этих здешних детей — *нет.*
32 *После*: «всех хуже» — Это, так сказать, первый подарок жизни
32 уверен, что / уверен, например, что ◊
33 ребенок об этом / он это ◊
35 ужасно уже много / он всё уже ◊
36 слишком ∾ раскусил / всё уже раскусил ◊
37–38 Я, конечно ∾ мыслей. / *а.* А, впрочем, я зафилософствовался и даже почти неприлично. *б.* А, впрочем, я [и тогда уже знал, что] зафилософствовался, но тогда я никак не мог сладить с течением мыслей. ◊
38 пришел / пришел тогда ◊
39 такой / еще такой ◊
41 вышвыривают / швыряют
41–42 *После*: кипятком) — есть и такие, что и ласкают детей) ◊
45 приискать / дать ◊

Стр. 23.

3 смешная / однако смешная ◊

3–4 вообразить только, что / точно

4 симпатичные / симпатические ◊

4–6 нарочно ∾ университеты / *а.* порожда‹ют› этих детей, чтоб провести их через университет *б.* нарочно [будут] и усиленно начнут порождать этих детей, чтоб провести их через университет ◊

6 *После*: университеты — *а.* и думать о высшем образовании [будущих] именно [в ту минуту] в такое время, когда не думает никто *б.* да они и не думают о детях, особенно в то время. Они подумают о детях тогда, когда уж придется отправляться в укромное место. С другой стороны, нельзя тоже представить, чтоб усилился принос детей в здание: материнство разве может исчезнуть? Напротив, может быть, если общество возвысится до гуманной идеи о сознании своего долга к этим несчастным вышвыркам, то не может оно и само не улучшиться, а в улучшенном обществе улучшится и мать, улучшится и сознание долга родительского. Долг же общества к этим вышвыркам ясен: если государство признает, что семейство есть основание обществу, долгу, чести, [всему] государству, будущему его, всем человеческим целям, то чем небрежнее оно относится к этим вышвыркам, тем вернее лишит их средств приобресть чувства долга, чести, гражданина — т. е. всего того, что приобретается в семействах, стало быть, рискует породить негодяев самому себе же во вред. ◊ *Отчеркнуто красным карандашом.*

7–8 уж коли ∾ совсем!» / «Уж коль прощать, так прощать!» ◊

9 станет / будет

9 *После*: станет — самым гуманным ◊

14 Вот теперь / теперь

15 все восемь / восемь или десять

15 Все-то тотчас / Все-то

16 все тотчас / все-то ◊

16 да на / на ◊

17 *После*: фабрики — *начато*: или на улицы, а тут эти вышвырки

17 и это ∾ бог. . . / да это еще благо ◊

17 те / эти ◊

18 доканчивать будут / доканчивают

18 свою / мою

22 Подумайте / В самом деле ◊

24–25 Стало быть ∾ незаконен / И законен и незаконен. Всё разрешается в духе христианства. По-моему, христианство едва только начинается у людей. А ведь дело именно должно разрешиться нравственной, т. е. самой трудной, стороной. А начать разрешать, что тут законно и что незаконно, другим путем — непременно провалишься. А, впрочем, если в фельетоне заговоришь об этих темах, то непременно тоже провалишься, а потому замолчу. К тому же я с самого начала объявил, что скажу только лишь по поводу, а что здание это придется еще и еще раз поглубже исследовать. *Отчеркнуто красным карандашом.*

25 *После*: что за путаница! — О, как много у нас умных людей и какие недоступные. Нет, вот разрешите-ка мне это, господа недоступные. Но довольно, я ведь ◊

26 однако / впрочем

28 *Фразы*: Вот ведь тоже вопрос. — *нет.*

29 *После*: другие — *начато*: пониже, замкнутее в себя

30 не разрешат и не поймут / *а.* не решат и всю жизнь страдальцы *б.* не решат, а мстить будут ◊

30–31 *После*: мстить будут. — Поэзия иногда касалась этих типов, но редко. Кстати, мне припомнился сыщик Javert из романа Гюго «Les Misèrables». Он родился от [такой] матери с улицы, чуть ли не в укромном уголке, но избежал влаги и всю жизнь ненавидел этих женщин. Он

за ними присматривал как полицейский и был их тираном. Он всю жизнь обожал казенный порядок, данный строй общества, богатство, имущество, родоначальность, собственность и не как лакей, о, совсем нет! Я ничего не читал глубже в этом «отрицательном» роде. Говорят о реализме в искусстве: Javert не реализм в высшей степени, а идеал, но ничего нет реальнее [это‹го›] [как мысль] этого идеала. ◊ *Отчеркнуто красным карандашом.*

31–32 *Текста*: этих «вышвырков», если б таковое происходило — *нет.*

32 скажу так / скажу утвердительно

33–34 может быть отрицательное, чем прямое и положительное / отрицательное, чем прямое ◊

34–36 Прямо ∾ ужасно многие / Прямо в злодеи редко кто пойдет, напротив, ужасно многие ◊

35–36 *Слов*: дайте только им воспитание — *нет.*

36 *После*: «здания» — (т. е. получившие образование высшее, прочие же [стоящие] мастеров‹ые›, например цеховые, должно быть, дают чрезвычайный контингент негодяев, да так я и слышал) ◊

38–39 начать ∾ деток / *а.* начать имя, взвести дет‹ей› *б.* начать имя, приобрести значение, собственность, взвести деточек ◊

39–40 возлюбить ∾ отнюдь / *а.* возлюбить их и отнюдь *б.* возлюбить их и в воспитании их отнюдь ◊

41–42 *Текста*: И вообще ∾ имя его. — *нет.*

42–43 этот новый родоначальник / он ◊

43 своих деток / их ◊

44 *После*: университет — *вписано*: самост‹оятельно› ◊

44 *После*: счет — всё это, мечтал я, будет не иначе как если он сам пройдет через университет ◊

46 всю жизнь / всю его жизнь ◊

46 это будет / это

46–47 лакейством ∾ независимостью / лакейство или самая высшая независимость!

47 По-моему / Скорее ◊

Стр. 23—24.

48–1 *Слов*: не совсем *господскою — нет.*

Стр. 24.

1–2 хотя ∾ честно / хотя и честно ◊

2 независимость духа / независимость ◊

2–3 дает совсем другое ∾ длинная история / *а.* даст лишь семейство *б.* даст лишь свое родное семейство, ну не без исключений конечно. Замечу только бегло, мимолетом: кто именно у нас доставляет главный контингент людей свободномыслящих ◊ *Далее наброски*: *а.* Эк‹ая› божественная вещь человек; домок *б.* Куда вы идете, милые [для чего мы все] Чего вы так устали не живши. Для чего мы вас так растили младенцами? Как здесь все непохожи на дет‹ей› От младенца ‹*нрзб.*› *в.* дом, дворец, юрта ‹*нрзб.*› цивилизации. Не знаю. Невозможно очертить границы реальному, тяжело жить в цивилизации; отрицание цивилизации. Хулить или хвалить, не знаю. Может быть, скажут, что я варвар. Может быть, тут может что-то новое, высшее‹?› Может, мы не одними формами удовольствоваться не можем. Может, это после новейшей формы истинная, которую мы ищем и которая никак не находится. Может быть, найдете совсем «Темна — вода» *г.* Самая высшая честь — бесчестие. Самое высшее счастье — отсутствие долга. *д.* Так взяли формулу «чем хуже, тем лучше» и работают над ней. Не знают, что такое независимость. Рутина развратничает, лучшие люди, обособляясь нарочно, и чему-то верят, а откровенные, честные, но тупые натуры (ибо всего чаще честное-то и тупо) — кончают самоубийством. Честные, но парадоксальные натуры совсем уже не могут справиться. Самоубийств‹а› так усилились, что про них

и не говорят. Право, русская земля как будто перестала держать русских людей. Родить-то их всё еще родит, но сдержать не умеет. *е*. Предрассудки. Матерьяльные понятия. Камни в хлебы. Морфий.

7 *После*: одинаково — ⌊Теперь настали хорошие дни, можно ходить пешком по улицам и гулять. Вы видите, что всё строится. Говорят, австрийский император похвалил наш город: «Красив, хорошо выстроен». Я этого не понимаю, хотя очень люблю архитектуру. Красивых зданий действительно довольно, но [довольно] до того всё это разнохарактерно выстроено, что другого такого города, я думаю, нет на свете. Все типы архитектур, рядом с полной бесхарактерностью увидите чуть не на каждой улице. Если б вдруг мы перенеслись тысячу лет спустя и Петербург как-нибудь сохранили как Помпею, то всякий бы спросил: «Какой это такой народ жил в этом городе? Какая у него была идея, какой был у него характер?» Всё было, все характеры, и ничего, значит, не было. Ну вот, например, вам дворец, княжеский дом, точно итальянский паласцео средних веков, выстроен прочно, навеки, как будто с мыслию, что эти Foscari и Qrimani никогда не исчезнут, вечно будут тут сидеть и первенствовать. И уж казалось бы, это — независимость та же формула, по крайней мере, заявление независимости, силы, твердого убеждения. И вот ничему этому я не верю, никакой силе и никакому твердому убеждению. Мне даже кажется, что владелец паласцео до сих пор решительно больше любит юрту, палатку, деревянный домишко, который можно сейчас снести, а что паласцео эти только так у него для моды. Цивилизации много и ужасно много в нее сил и расходов идет, а цивилизации никто не верит. Никто как будто не верит у нас никаким границам [и] никаким очертаниям и не остановился еще ни на каком определении. Да и то не знаю, есть ли у нас хоть одна такая идея, в которую хоть кто-нибудь верит.⌋ Пусть верующие и высоко цивилизованные люди русские простят с улыбкою этот праздный вопрос мизантропу. Но отрицание цивилизации и даже [какое-то усиленное] какая-то радость отрицания русского человека при отрицании этом для меня несомненны. Всё утешение — это верить, что тут лежит, может быть, что-нибудь высшее, что [там] та ихняя цивилизация, которая там у них dahin, [1] для нас мала, узка, нам не впору, [2] что вся тоска наша, русская теперешняя тоска (которая несомненна) — всё это лишь искание этой новой будущей нашей цивилизации, новой формы ее, которую мы, впрочем, и не ищем, но только тоскуем о том, что [ее] ничего не находим. [Может, и не найдем совсем никогда.] Но всё это похоже на злую и рискованную шутку, а для других, конечно, чистый вздор. А пока — а пока мы не верим ни в какие границы. Самое высшее счастье [у нас пока] наше — отсутствие границ, отсутствие всякого долга, отрицание чести, совести — и вот в этом-то, может быть, и [находит] видит русс‹кий› человек у нас свою независимость. Я про часть лишь нашего общества говорю, и ужасно рад буду, если мне докажут, что я [ошибаюсь] вру. ◊ *Отчеркнуто красным карандашом.*

8–9 *Слов*: да и не знаю ∾ серьезно верит — *нет*.

10 любит ни об чем не думать / любит наглость [и любит развратничать], любит тоже ни об чем не думать ◊

10–11 и просто ∾ скучно *вписано*.

11–12 Люди получше рутины «обособляются» / *а*. люди получше обособились *б*. Правда, люди получше обособляются ◊

13 кажется / кажется, верят ◊

---

[1] *Буквально*: туда (*нем.*); имеется в виду стремление к высоким идеалам.

[2] *Рядом с текстом*: Всё утешение ∾ не впору — Так что выходит иной европеец, цивилизатор, сам себе не верит, сам себя отрицает.

13 *Слов*: и сами себя тешат — *нет.*
14 за формулу / за формулу: что
14–15 разрабатывающие эту формулу / и разрабатывают ее ◊ *вписано.*
15 *После*: парадоксалисты — *начато*: большею частию
16–17 *Слов*: особенно, если честны — *нет.*
20 *После*: людей — [Нравственная] Как будто сил‹а› тяготения в рус-ск‹ой› земле [как бы] исчезает. Право, кто-нибудь послушает это да скажет: «Аристократ, ты свою дрянную верхушку за всю русскую землю принимаешь». Это очень бы [утешительное было словцо] утешительные были слова, но в том беда, что верхушку-то эту любишь, что она всем родная, и если хотите, так уж что вовсе она не дрянная.◊ *Отчеркнуто красным карандашом.*
20–21 И сколько ∾ женщин! / *а.* О, подлецов много, уж так много, даже слишком, но есть и честные люди и особенно женщины *б.* И сколько [тут] в ней и честных люд[ей] и особенно женщин ◊
21 Женщины у нас / женщины
22 многое / много ◊
22–23 буду говорить / поговорю ◊
23–24 Женщины ∾ роковую минуту / Женщины — наша большая надежда, может быть всей России ◊ *вписано.*
25 у нас много / много ◊
25 очень / ужасно ◊
25–26 *Слов*: то есть, видите ли ∾ честных — *нет.*
26 но никто ∾ не знает / а никто не знает
27 не верит / не веруют ◊
27–29 формулу ∾ что за чудо? / формулу, и это так, это несомненно. Что за чудо?
28 ее формулы / формулы ◊
29 *Слов*: так называемая — *нет.*
30–31 не может ∾ решительно / не может — решительно ◊
35–36 *После*: придавливают — Под Москвой, за городом, застрелился один семинарист (в Богородске, кажется, нет со мной теперь этого № газеты). Он не нуждался, был обеспечен, но оставил записочку, что лишает себя жизни, потому что не хочет жить вором. Видимо, какая-то идея придавила его, и не справился.◊ *Отчеркнуто красным карандашом.*
37 и придавливает его / придавит ◊
37–38 корчится / и корчится ◊
38–39 Иной ∾ себя. / Иной соглашается жить, а другой несогласен
40 одно / тоже одно ◊
40–41 приведенное в «Новом времени» / в «Новом времени» ◊
42 *Фразы*: Фамилия — Писарева. — *нет.*

Стр. 24—25.

45–1 не нуждалась вовсе / не нуждалась ◊

Стр. 25.

5 только ∾ устала / а между прочим, надо сделать распоряжение, и вот она до мелочи распоряжается своими деньгами, кофточками, хламом, в чем похоронить ◊
8 всё так / всё-то так ◊
9 резкие слова / слова
19 поскорей бы только — и дайте / поскорей дайте
20–29 Брезгливого ∾ Это ужасно! / *а.* Брезгливости и цинического неверия страшно много, оно мучительно: она в Липареву и в Петрову, которую так любит, не верит. Вот она начинает письмо: «Не ахайте»... — Кроме смеху. Эта мысль так и скользнула в ней и в такую минуту. Смех над телом ее, смех от Петровой, как это ужасно. *б.* Брезгливого и цинического неверия страшно, мучительно много.

Она и в Липареву, и в Петрову, которую так любит, не верит. Вот как она начинает письмо: «Не ахайте». — Кроме смеху. Эта мысль [о схеме], что над нею, над телом будут смеяться, так и скользнула у ней, и в такую минуту. Это ужасно.◊ *вписано.*

33 *После*: отвезите им» — *начато*: Ведь я не еду же туда, куда они предполагают. . .

34 может быть / как бы

35 предрассудка всей жизни / предрассудка ◊

36–40 Одним словом ∾ среды» и т. д. и т. д. / и [что] т. е. были бы все обеспечены, были бы и все счастливы, не было бы преступлений и т. д. Одним словом, проглядывается главное, руководящее убеждение всей жизни: начала она, наконец, принимать морфий, и записка ее кончается наблюдением над действием морфия от 5 до 15 минут, до тех пор, пока могла писать. Тут маленькая зарисовка, а может быть, действительно, бедная думала умереть «принеся научную пользу». Но какое бессмыслие.◊

40–43 В этом-то ∾ всё, всё. *вписано на полях.*

40–41 В этом-то и состоит / В этом [вероятно], кажется, и состоит

41–44 обиходный ∾ и жизнью) / крошечный катехизис [нового направления и новых идей]. *а.* которым они заменяют всё — живую жизнь, связь с землей ‹*нрзб.*› движения и потребности души и природы. *б.* в который они единственно верят и которым они заменяют всё — живую жизнь, связь с землей, веру в правду, всё, всё.◊

45–48 Она устала ∾ существования. / [Она не то что устала] Очевидно, она устала от скуки жить, утратилось всякое сознание какого-нибудь долга (да и было ль когда-нибудь?), утратилась всякая вера в правду. Одним словом, полная потеря высшей идеи существования.◊

48 *После*: существования — Впрочем, выше «камней, обращенных в хлебы» у этих несчастных и не бывает идеи. Это общая их идея, знамя, вера: всего несчастнее они тем, что ужасно честные.◊ *Далее начато*: *а.* иногда эти несчастные *б.* они иногда

Стр. 26.

2 дай хоть / дай ◊

2 *Слов*: позволь это — *нет.*

3 в такую ∾ соскучилась *вписано между строками.*

3 уже не соскучилась / не соскучилась ◊

4 (всё / (о, всё ◊

4 куда же это вы / куда вы

5 *После*: уходите — чего вы устаете, не живши? [Посмотрите, распустились] ◊

5–7 отчего вам ∾ деревья, а вы *вписано на полях.*

6 мила стала / мила ◊

6 *Слов*: на небе — *нет.*

8 весеннее / вешнее ◊

8–9 так любовались ∾ младенцами? / лелеяли [вас еще] младенцами! ◊

9 *После*: младенцами? — Можно ли брезгливо воображать про их вытье в такую последнюю минуту. Устали вы и любить-то! Поскорее, поскорее! Но где же я, и как это всё несоответственно. ◊ *Фразы*: А в младенце столько надежд! — *нет.*

11–15 *Текста*: Так и ты была ∾ что они воют? — *нет.*

16 показали сейчас / показали ◊

17 у нее что-то / что-то ◊

18 кивнет головкой / поклонится

20–21 ничего не знает / не знает ◊

21–25 не знает ∾ жизнь / [ничего] не знает, что она калека, урод, но неужели она из-за нее возненавидит жизнь? ◊

23 вставим ножку / сделаем ногу

23 не заметит / не заметит, вырастит ◊

24 *После*: лаская ее — *начато*: Ее все ласкают, она
24 *Слов*: чтоб *не заметила — нет.*
27–28 засветит ∾ ум / засветит великая мысль ◊
29 ведь я / я ◊
30 *После*: гадки — Мне как по пальцам ясно и почему гадки, почему выросло такое поколение, чем, какими поколениями оно подготовлялось и кто виноват. Может быть, я ошибаюсь [но верю, знаю, что], может быть осмыслив лишь один малень‹кий› краешек, [это] очень может быть всё это пройдет, но, по крайней мере, что осмыслил, то мне ясно [но потом, потом], а потому мне горько, обо всем этом потом. Всё это очень здесь несоответственно. *Отчеркнуто красным карандашом.*
30–36 Вон я вижу ∾ чтоб пеловали. / *а.* Вон я вижу эта баба, эта кормилица вдруг поцеловала ребенка. [Ведь] За деньги что ли? [Здесь] Нет, это не за деньги. *б.* Вон я вижу эта баба, эта грубая, простая кормилица вдруг целует ребенка. Этого-то ребенка, «вышвырка-то». Я и не думал, что здесь кормилицы целуют ребят, а меж тем сам увидел. Господа, да ведь за этим только стоило сюда съездить. А она поцеловала и не заметила, и не видала, что я смотрю. За деньги, что ли, она поцеловала его. *Далее незачеркнутые варианты*: *а.* Нет, с них поцелуев не требуют, нанимая. *б.* С них этого не требуют, их нанимают, чтобы только кормить.
36–37 У чухонок ∾ хуже / У чухонок детям [очень п‹лохо›] гораздо хуже ◊
37–38 привыкают / говорят, привыкают ◊
38 передавали / рассказывали ◊
38 их опять / их ◊
40–43 «воют ∾ тащут / *а.* Это матери, это материнство. Не всё одни деньги, «родные ведь все воют». *б.* [Тут уж] воют над ними. Нет, это не деньги, [а] это: «родные ведь все воют». Заявила Писарева. Вот они и воют, и целуют, и из деревни гостинцу приносят. ◊
43 Это не одни только / это не ◊
44 *После*: матерей — [таких матерей, которые остались после]. Это матери, заменившие матерей, это материнство. *Далее начато*: Да правда ли, что русская зем‹ля›
45 *Слов*: это та «живая жизнь» ∾ Писарева — *нет.*
47 горячим / могучим ◊

Стр. 27.

3 *После*: соперниц — или вроде того ◊
4 могут быть / конечно, могут быть
4 *После*: симпатичны — и составить каждая [в своем] роман ◊
6 *После*: Каировой — *начато*: Безо всякого сомнения
6 жизнеописания / жизни ◊
6–7 *После*: г-жи Каировой — и не про нее говорю
9 красноречивое изложение / изложение ◊
10 всякую / всю ◊
11 к себе симпатию / симпатичность
11 *После*: здания — хотя общего между этим зданием и процессом ее, повторяю это, не вижу.
12 сознаюсь / признаюсь ◊
12 оттого-то / оттого ◊
14 *Заголовка*: Несомненный демократизм. Женщины — *нет.*
15 письмо / замечательное письмо ◊
17–18 включил одну, положим, фантазию / такое мое мнение
27 *После*: корреспондент — *начато*: приводит в своем
27 *После*: мнение — делает в своем письме одно замечание ◊
28–29 причину / некоторую причину ◊
31 не могу теперь / не могу ◊
32 сообщенный им факт / факт ◊

32–33 надежды / надежду ◊
33–34 в самом ∾ будущем / в будущем ◊
35–36 получил ∾ мнениях / получил отзывы и о других мнениях
37 *После*: «демоса» — Впрочем, только одно слово, ибо тема так важна, что потребовала бы целой статьи, на которую теперь не имею времени. ◊
37 лишь / только ◊
38 *После*: оппонентов на — *начато*: две строки [этого] из
41 этого общего / этого всеобщего ◊
43–45 И потому ∾ всеобщее. / Настроение это, несомненно, демократическое и, несомненно, бескорыстное [и до того, что, по моему твердому убежд‹ению›]; мало того, оно, несомненно, всеобщее. ◊

Стр. 28.

1 заявлениях / заявлениях наших ◊
1 много / несомненно, есть много ◊
1 *После*: плутовства — да, плутов, и всяких немало ◊
2 например, в преувеличении / например, в нападках
3–4 у нас ∾ мало / до того мало ◊
4 *После*: мало — что почти и нет, а если и есть, то попрятались. Наконец, есть грубая и коварная фальшь в обвинениях, в [пре‹зрении›‹?›] ненависти к народу иных таких лиц, которые, напротив, еще более, чем другие, любят народ, и если б воспользовались иными их мнениями и советами, то было бы, может, и лучше и всем спасительнее. ◊ *Отчеркнуто красным карандашом.*
8 не объявлявшееся / не повторявшееся ◊
9 *Слов*: заявил себя — *нет.*
9 еще / и еще ◊
10 (будто бы) верх / верх ◊
12 отрицать это / этому противуречить ◊
13 ожидает / ждет довольно ◊
14 еще многое / многое
14 *После*: неприглядно — у демоса (от многих причин, и ясных и страшно неясных, и на изложение которых потребовались бы томы) ◊
15 большую / несомненную ◊
21–22 и «чем далее ∾ не верить / или может быть доволен. Еще бы недоволен! Я, впрочем, предчувствовал и тогда, что мнение мое вызовет недоумение. *Далее отчеркнуто красным карандашом*: Иной хитрый казуист, пожалуй, и теперь поймает меня на слове. «Нельзя же, — скажет он, — про такое общество, от которого сами же вы ждете таких надежд и таких *начал*, говорить так дурно, как говорите вы еще в этом же даже №, страницы две-три выше». Но ведь если я и говорил дурно и даже обещал еще в прошлом № целый трактат о том, чем мы хуже народа, то ведь в то же время я и заявил о той драгоценности, которую мы несем с собою народу. За эту-то драгоценность я и люблю это общество столько же, сколько и народ, несмотря на то, что с таким жаром говорил о его *временных недугах.* Что они временные, в том нет для меня никакого сомнения, и уж один этот несомненный демократизм нашего общества заявляет, опять-таки для меня несомненно, что оно становится народным, хочет стать народом, а от народа и вылечится. И хотя [влекут] влечение [его] к народу наполовину еще и бессознательно, тем не менее чрезмерно важно и характерно. Про [драгоце‹нность›?] шатание же общества я все-таки [напишу] буду писать, равно как и о *драгоценности*, которою оно обладает. [И хоть] Я объяснюсь потом, в будущем №, теперь же лишь закину вперед, чтоб не говорить загадками, что драгоценность эта есть то *огромное* расширение русского взгляда и русской мысли, которую приобрели в двести лет столкновения нашего с Европой. Не от Европы, однако, приобрели [ибо в Евр‹опе›], а родили из себя самостоятельно [с бою] при столкновении с Европой — ибо в Европе,

собственно, ничего нет подобного ни этому взгляду, ни этой мысли, напротив, даже всё противоположное. Тем самым мы и заявили, что мы русские и что воротились из Европы русскими. Всё это я объясню подробнее, доводами и примерами, а теперь укажу хоть на одну черту этого расширения взгляда, именно на самый этот несомненный, чистый, бескорыстный демократизм общества, начавшийся еще давно и проявивший себя освобождением крестьян с землею. Это русское дело и дело русского расширения взгляда. Но это лишь еще самая маленькая черта этого расширения, и, надеюсь, бог мне поможет быть понятным и высказать в следующих номерах мою мысль уже в полной подробности.

[Временные же недуги общества для меня несомненны, а теперь, в наше время, они даже безобразнее, чем когда-нибудь. Что ж, с злорадством разве я говорю это? Да я сам принадлежу к этому обществу и люблю его, повторяю это, столько же, сколько и народ, а теперь так даже и не хочу различать с народом. Недуги же общества не могут не мучить тех, кто принадлежит к нему и кто его любит. Мы, несомненно, больше народа одарены, например, самолюбием, болезненным и ипохондрическим [гадлив‹ы›], и это при страшном шатании [не только] идей, убеждений и воли. Мы заражены в большинстве гадливостью к людям и ироническим неверием в человека, не только в русского, но и в европейца, мы заражены жаждой безличности рядом с самым пустозвонным [самолюбием] славолюбием, болезненною робостью перед всяким собственным мнением. Мы усвоили бесконечно много самых скверных привычек и предрассудков. Мы видим доблесть в даре одно худое видеть, тогда как это одна лишь подлость, но всего не перечтешь, и если можно еще ждать спасения и обновления, то, конечно, лишь от русской женщины, которая, несомненно, лучше русского мужчины и в которой заключена огромная надежда]. ◊

23–24 А в заключение ∾ женщине. / *а.* Я уже говорил об этом выше *б.* А теперь, в заключение, мне хочется еще сказать одно словцо о русской женщине. ◊

24–25 Я сказал ∾ обновления. — *вписано.*

25–26 Возрождение / Пробуждение ◊

26–27 *После*: несомненным — [и неотразимым, но]. Оно было могущественно ◊

27 ее / русской женщины ◊

28 раза внушил / *Начато*: раза возбудил внимание и скоро

29–31 невзирая ∾ вывод *вписано.*

29 невзирая / несмотря ◊

30 несколько / [множество] несколько несомненных ◊

31 безбоязненный / безбоязненно ◊

32 Русская женщина / Она

34 *Слов*: и приступила к нему — *нет.*

37 женщина же ∾ верна / *а.* женщина же осталась верна *б.* женщина же в этот век жидовства осталась гораздо более его верна ◊

39–40 проявила ∾ мужества / *а.* проявила терпение, иногда величайшее мужество и серьезность *б.* проявила терпение и примеры величайшего мужества, серьезность ◊

41 видеть / *а.* более понять *б.* более рассмотреть ◊

41–42 я получил ∾ спрашивают они / я получаю письма, много писем, меня, немощного, слабого духом, спрашивают они ◊

45 недостатки / [несомненные] явные пока недостатки ◊

45–46 современной женщины / в русской женщине

46 и главный / а именно и даже главный

47 некоторых собственно мужских идей / *Начато*: *а.* некоторых идей современно‹го› *б.* некоторых идей, мужские

47 способность / необык‹но›венную› способность ◊

48 *После*: контроля — Не говорю обо всех, но, к сожалению, было много случаев

Стр. 29.

1 далеко / впрочем

1 всех женщинах / всех ◊

2 ценят они более всего / *а.* ценится всего более *б.* [они] ценят они всего более ◊

4–5 а поверив ∾ мнениями / *а.* Если же верят искренности человека, то увлекаются и его мнениями *б.* А если женщины поверят искренности мужчины, то увлекаются и мнениями ◊

5 и вот ∾ слишком / [но] и вот это иногда уж слишком ◊

6–10 *Текста*: Допустив искренно ∾ обновления человечества. — *нет. Ср. наброски на полях*: В этом, допустив высшее образ‹ование›, Россия могла бы опять ступить своеобразно [в духе на], и прямо и вполне искренно объявив право женщины на высшее образование и на [те] права, которые даст оно. И может [быть], этим народ наш ступил бы огромный шаг [*начато*: движение] в общечеловеческом деле.

10 *После*: женщине — более стойкости

11 *После*: разочаровываться — от ужасной иногда действительности

11–12 Но скорее / Но пусть

13 *После*: и любовью — *вписано*: пусть помнит всегда тоже, что она женщина

14 мучительные / мучительные, милые

14–15 по своей ∾ энергии / по своей невознагражденной энергии

15 высокой / прекрасной, высокой ◊

15–16 другая ∾ побежденная / *а.* другая, как сломанная на зеленом дереве ветка; как сломанный на своем стебле цветок, поддавшаяся, побежденная *б.* другая, как бедная сломанная на зеленом дереве ветка, как [бедная] несчастная, усталая, поддавшаяся, одинокая, побежденная ◊

‹Июль и август, гл. I, § 1›

Стр. 54.

1 Июль и август / Август ◊

3 *Заголовка*: Выезд за границу ∾ в вагонах — *нет.*

6–9 о, не отдыхать, а затем ∾ и для себя самого / о, не отдыхать! Без сомнения, всё это *личное*, и читателю нечего знать, где я был и куда отправился. Но дело в том, что я иногда пишу мой «Дневник» решительно как настоящий дневник, т. е. и для себя самого — а не то что для [одн‹их›] читателей ◊

10 и бывают иные как бы / *а. Начато*: так много и *б.* и бывают иные ◊

12 а читателю / но читателю ◊

14 *После*: за границу? — Но, впрочем, всё это пустое. ◊

14–15 моя бы воля ∾ туда / если б моя воля, я лучше бы отправился куда-нибудь на юг России, где никогда не бывал, «для изучений и впечатлений» там ◊

17–23 *Текста*: За ничтожный, легкий труд ∾ Гордо бродят табуны. — *нет.*

28–29 нашел статью / натолкнулся на статью ◊

30 «Московские ведомости» ∾ дерзкую мысль / «Московские ведомости» с своею обычною дерзостью проводят мысль ◊

Стр. 55.

1 один из тех / из тех ◊

1–3 о которых я говорил ∾ из них явится / *а.* что чуть явится *б.* о которых я говорил в июньском №, вопросов, которые чуть явятся ◊

4 трудно решить ∾ у нас все / трудно сказать, согласятся ли у нас ◊

6–7 *Слов*: потому что сам ∾ «крымском вопросе» — *нет.*

9 выражают желание / выставляют потребность ◊

10 не для одной лишь / *а.* то есть для *б.* то есть не для одного лишь ◊
13–14 правильно возделывать / хорошо и правильно [заниматься] возделывать ◊
20–21 если не займут ∾ почву края / если не [русские] займут место русские, то на Крым непременно бросятся жиды [Ведь они теперь только что у нас воскресли и только что [начинают жить] собираются пожить, а между тем они лишь] и кончат тем, что умертвят почву Крыма. [Кстати, справедлив ли факт, сообщенный нашими газетами (давно хотел разузнать об этом). Кстати, я вот опять заговорил о жидах (говорил об них еще и в прошлом «Дневнике») — и обо мне могут прокричать, что я собираю ненависть к жидам, желаю их утеснения, преследования. Ничуть-с] ◊
22–23 длинный ∾ взял с собой / прямо не выходя из вагона, длинный, почти двое суток. Взял с собой ◊
26 везде / где бы то ни было
30 совершенно прямо, если куда наметил / [вовсе] совершенно прямо к своему делу ◊
31 «что, дескать, про меня скажут» / что про него скажут ◊
32 а на самом деле ничего / *а.* и ничего *б.* но ничего ◊
33–34 Незнакомый русский ∾ то всегда / *а. Начато*: Как русский *б.* Незнакомый русский начинает с вами разговор ◊
36 и даже затаившееся мнительное раздражение / затаившееся раздражение ◊
37–38 или даже просто грубостью / или грубостью ◊
38–39 *Слов*: и, главное, ни с того ни с сего — *нет.*
41 бывает так, что даже совсем / *а.* даже *б.* бывает так, что даже ◊
44 опять-таки / опять-таки разумеется ◊

Стр. 56.

1 от глубоко в нем затаившегося / от глубоко затаившегося [во всяком русском] ◊
2–5 *Фраза*: Эти две ∾ «ад в душе». — *вписан на полях.*
4 и для него же первого и невыносимы / и для него почти невыносимы ◊
5 как бы / какой-то, так сказать ◊
5 Особенно тяжело / Особенно не люблю я
5–6 с незнакомыми русскими / с русскими ◊
7 в случае какой беды / в случае нужды [и в таком с‹лучае›] ◊
8 А меж тем / А между тем ◊
9 встретиться / было бы встретиться
9–10 Да и разговор-то ∾ фразы / *а.* Да и всегда начинается так разговор *б.* тем более, что и разговор-то всегда начинается именно этими словами ◊
11–15 «Вы русский ∾ тоне / *а.* «Как приятно встретить русского за границей, вот я здесь тоже». . . и т. д. Затем прямо начинаются какие-нибудь откровенности, и именно в самом дружественном тоне. *б.* «Вы русский? Как приятно встретить русского за границей, — заговорив, непременно скажет, — вот я здесь тоже» и т. д. и затем прямо начнет с чрезвычайных каких-нибудь откровенностей, и именно в самом дружественном, так сказать, братском тоне. ◊
15–16 *Слов*: приличном ∾ на чужбине — *нет.*
16 Но не верьте тону / Но не доверяйте [ему] ◊
17–18 *Слов*: вы это видите ∾ скандировки слов — *нет.*
18–19 он вас меряет ∾ боится вас / *а.* он меряет вас, он боится вас *б.* он не может не смотреть иначе, он меряет вас и непременно боится вас. ◊ *К этим словам на полях вписан вариант*: [совершенно] самым натуральнейшим тоном, а между тем подозрительно и инквизиторски вас высматривает. ◊
19–23 *Слов*: он уже хочет лгать ∾ заслужили — *нет.*
23–26 Замечательно тоже ∾ такого-то / *а.* Я заметил тоже, что всегда,

почти даже с трех первых фраз, незнакомец как бы незаметно, но тотчас не замедлит непременно ввернуть в разговор, что он вот только что видел *б.* Замечательно тоже, что всегда, почти даже с трех первых фраз, незнакомец непременно спешит ввернуть в разговор, что он вот только что встретил такого ◊

27 что-нибудь / что-то такое ◊

27–33 то есть от какого-нибудь ∾ знакомы вы?» / *а.* и при этом назовет какое-нибудь замечательное или знатное лицо — «вы, конечно, его знаете» *б.* и при этом назовет какое-нибудь замечательное или знатное лицо, но именно как приятеля, не только его, но и вашего, нашего, — «ведь вы, конечно, его знаете», — прибавляет он ◊

33–37 что совсем не знаете ∾ а между тем / *а.* что не знаете, то он тотчас же почувствует в вашем отв‹ете› нечто обидное: «ты, дескать, подозреваешь, что я хотел похвастаться знакомством со знатным лицом» *б.* что не знаете, то он тотчас же почувствует в этом обстоятельстве нечто для себя обидное: «ты, дескать, уж не подозреваешь ли, что я хотел похвастаться знакомством со знатным лицом (тогда как ◊

41 обрывается и умолкает / умолкает ◊

41–42 Соотечественник ∾ отвертывается. / [если, например, вы заперты вместе в вагоне, то] соотечественник от вас вдруг отвертывается, но вы еще не раз подметите на себе презрительные или даже мстительные [взгляды своего собеседника] его взгляды. ◊

42–44 *Фразы*: Он готов ∾ это заметили. — *нет.*

44 Начав / Начав с вами ◊

44–48 он прерывает с вами ∾ то выходит из вагона / *а.* он вдруг прерывает все сношения, грубо не замечает вас [даже не], и когда кончится путь, [ухо‹дит›] выходит *б.* он вдруг прерывает с вами все сношения, начинает грубо не замечать вас во всё время остального пути, и когда уж кончится путь, то и выходит из вагона ◊

Стр. 57.

1 «Да чем же / «Да чем [же] это ◊

3–7 Русский генерал ∾ погружается / *а.* Те в вагонах, например, ужасно сами боятся русских, т. е. чтоб не осмелился кто-нибудь не по чину с ними заговорить, а потому и погружаются *б.* Те в дороге ужасно хлопочут, чтоб не осмелился кто-нибудь не по чину с ними заговорить, пользуясь тем, что, дескать, мы за границей, а потому [уж] де и поравнялись (не Россия, дескать, под арест не посадишь), а потому и погружается с первой минуты ◊

8–15 *Вместо*: Кстати, русский генерал ∾ подчиненного. — *на полях наброски*: *1.* Генералы, отправляясь за границу, отчасти очень любят *2.* Они с особенным удовольствием снимают с себя свои фото в штатском платье, чтоб, воротясь в Пет‹ербург›, отдать знакомым, или осчастливить подарком ближайшего подчиненного.

15–17 Но, во всяком случае ∾ помогают в дороге / Припасенная книга или газета ужасно в дороге помогают ◊

19 *Заголовка*: Нечто о петербургском баден-баденстве — *нет.*

22 но не очень / хотя и не очень ◊

23 хотя и вежливо ∾ за то / впрочем, довольно вежливо ◊

25 уже взят / у него взят ◊

28 милостивый г-н Б. ∾ сочинили / милостивый государь и почтеннейший публицист, ведь это вы сами приписали ◊

30 я говорил / Я только говорил ◊

30–32 сбудется *во времени* ∾ и не ошибся / будет во времени [и, может быть, в том ошибка, что в скором] прибавил только, что, может быть, в скором, но кто знает, ведь может быть я не ошибся ◊

32–34 *К фразе*: И не виноват ∾ Баден-Бадена — *в верху листа варианты*: *а. Начато*: ведь я *б.* вы сузили, наконец, в Петербурге ваш взгляд *в.* Я не виноват, что вы сузили взгляд на Россию до размеров Баден-Бадена.

32–33 ваш взгляд / ваше воззрение (не ваше одно) ◊
33 под конец / наконец ◊
35 теперь сижу / нахожусь теперь ◊
35–36 думаете / всё думаете ◊
36 Петербург / ваш Петербург ◊
36 *После*: продолжаться — Почем вы знаете, может быть, не столько и наш Петербург.
36–39 Уж и теперь ∾ в нем обособившихся) / Я и теперь уж начинаю понимать протест провинциальной печати против Петербурга (т. е. против вас) ◊
40 Так ведь что / А ведь как ◊
41–42 *Слов*: особенно когда перестанет ∾ мешает — *нет*.
43–44 есть идея старая ∾ сочиненная / *а.* вовсе не моя, и вовсе не славянофилами затеянная *б.* и есть идея старая [или даже древняя] и вовсе не славянофилами сочиненная идея ◊

Стр. 57—58.

44–1 И не старая даже ∾ а не фантастическая / *а.* Это идея древняя, историческая, а потому реальная *б.* Это даже и не старая идея, а даже древняя русская идея, историческая, а потому реальная ◊

Стр. 58.

3 везде и во всем Баден-Баден / Баден-Баден вместо России ◊
2–3 одного / одних ◊
4 и мимо вас ∾ баден-баденства / слишком уж много баден-баденства [несмотря на скверненший климат и даже в таких местах, в которых суживать Россию до Баден-Бадена уж совсем неприлично. Вот почему я [говорю] отвечаю]
5–6 Я понимаю ∾ заключил словами / И что вас так шокировало? Это будущее предназначение России, об котором я говорю ◊
7–8 Вас это раздражило. / Так ведь тут у вас опять Баден-Баден. ◊
13 свое новое / свое собственное ◊
13–14 Но вам это стыд, а для нас / А для меня ◊
14–18 *Текст*: И даже то вера ∾ семьи человеческой. — *вписан на полях.*
15 но, может, и / но даже и ◊
17 великого союза людей / великого союза ◊
18 осмелился предположить / осмеливаюсь предполагать ◊
21–22 может сказать ∾ в грядущем / *а.* своим словом скажет слово живой жизни в буду‹щем› *б.* может сказать свое слово живой жизни в грядущем ◊
22 *После*: говорите о славянофилах — Это не славянофильская только идея.
23–26 А кто об них теперь знает? ∾ не переучились. / *а.* Главное, вас много таких, и вы ужасно много забыли. У вас всё один Петербург *б.* У нас теперь многое люди забыли и давно уже многому разучились, хотя ни во что не переучились ◊
27–28 Беда до конца / Беда публицисту до конца ◊
28–29 *Текст*: Вот вы и глумитесь ∾ осмеять его!» — *вписан на полях.*
31 не высказываться / не договаривать ◊
31 большое уважение / даже большое уважение ◊
31–32 *Слов*: даже можно — *нет*.
32–33 Да я-то этого не хочу. / *а.* но я этак не хочу *б.* я-то так не хочу. А неужели вы думаете, что я бы этого не сумел? А вот теперь прослыл парадоксалистом ◊
33–36 Меня упрекнут ∾ отметить его все-таки надо. / *а.* Повторяю, я распространяюсь теперь единственно потому, что таких, как вы, много и иногда надо же отметить. Но есть собственно и у вас дурное, почтенный г-н Б. Впрочем, опять-таки не у вас одних [а у всех таких, как вы], а у многих теперь такие повадки, и вот главнейшие я и хочу обличить. Я, например, написал в июньском № следующее. Выписываем

буквально: (*цитаты нет, — ред.*) А вы вдруг, поговорив о моих парадоксах, пишете *б.* Меня упрекнут, я знаю это, что я отвечаю вам, упрекнут мою же июньскую корреспонденцию мои же читатели, как и упрекали прежде [Дурные привычки. Высокомерный тон] [Но раз отметить] Нельзя не отметить — *Рядом и ниже наброски на полях*: *1.* Мои мысли ‹?›, но без всякой логики. *2.* Посмотрите, Белинск‹ий› и Гамлет ‹?› *3.* Но есть у вас *4.* Не ответить, а отметить, раз очень сто́ит, со мной *5.* Главное, возраж‹аете› ужасно свысока. *6.* и не имея ни одной мысли, прослыть мыслителем *Далее следует текст*: Какою же это зловещею ирониею? И вот вы пускаетесь на трех столбцах излагать (образно) то, что как плохой политик не заметил. Это именно, что славяне измучаются в борьбе и какой-нибудь современный Меттерних, сидя в кабинете и «куря сигару», в то время, когда усилия славян увенчаются успехом, вдруг встанет и закричит: (*цитаты нет, — ред.*)

Но позвольте, ведь вы только что прочли у меня [выше] это же самое, вот то, что я сейчас выше вписал. Только у меня яснее и проще, а у вас дипломат курит сигару. Вы взяли мою же мысль, да ее же и растянули. Ну да положим, не у меня взяли [эту] — такую мысль вовсе, можно иметь и самому (да это и не мысль вовсе, это теперь уже факт, всем известный), но зачем же вы [то] утверждаете, что у меня ее не было? Это уже литературная нечестность, не правда ли? Вы покривили душой для собственной славы. Неужели у вас это принято? [Вот потому-то я и изобличаю, что прием] К сожалению, прием этот довольно-таки принят и распространен. Теперь много укоренилось дурных привычек. Я уже не говорю, что за тон. Вы писатель, вы даете отчет публике о другом писателе, а стало быть, должны исполнять свое дело честно и правдиво. А это уже неправдиво.

[Но есть уже нечто совершенно личное, дурное в вашей статье, до вас одного касающееся.

Но опять-таки о Восточном вопросе. В вагон со мною я взял статью Грановского о В‹осточном› вопросе, я знал ее и прежде, но давно, а теперь мне именно захотелось перечитать ее.]

37 *Заголовка*: О воинственности немцев — *нет.*
39 нас вместе / нас ◊
40 между собою *вписано.*
40 Мне это показалось / Это было, впрочем
41–43 и хоть я знал ∾ на площадях говорят. *вписано на полях.*
45 немецкого военного офицера / военного ◊
45–46 Да и говорили ∾ политике / *а. Начато*: Говорили они не столько о высшей политике или о Восточном вопросе, как собственно *б.* Да и говорили-то они не о высшей политике или Восточном вопросе ◊

Стр. 59.

2 С торжествующим ∾ спокойствием / С торжествующим спокойствием и с некоторою надменностью ◊
5–6 компетентным / уверенным ◊
6 *Слов*: будто бы — *нет.*
8 переделка кое-как / жалкая переделка ◊
9–10 и до полумиллиона / и до 400 000 ◊ *вписано на полях.*
12 всю армию / армию нашу ◊
14 *После*: довольно весело — и уж во всяком случае чрезвычайно самодовольно. *вписано.*
17–18 Но я хоть ∾ понимаю. / *а.* Но я хоть дурно говорю, а понимаю порядочно *б.* Но я хоть дурно по-немецки говорю, а зато понимаю порядочно ◊
19 возразить / возразить вслух ◊
20 их цифры / эти цифры ◊
21 четыре года / три года

21–24 вооружение войск ∾ не уступим / можно было считать скорострельных ружей до 700 000, а теперь [наверно] их [непременно еще], без сомнения, гораздо больше, ибо дело вооружения беспрерывно продолжается и проч. и проч. ◊

28–30 (NB. ∾ немец / Маленькое N bene: если вы говорите дурно на каком-либо иностранном языке, то, чем выше по образованию туземец ◊

32 те понимают тупо / те, если вы говорите плохо, понимают тупо ◊

33–35 и особенно, если ∾ не поймут / или употребили другое, менее подходящее [а иные так] и так даже, что и совсем иногда не понимают ◊

35–40 Не знаю, так ли ∾ его совсем.) / *а. Начато*: Наш же народ *б.* Наши же солдаты, говорят, разговаривали с пленными французами в Крыму, [ну], хотя, разумеется, не словами, а жестами, потому что не знали ни одного слова по-французски, [но здесь, в Германии, одними жестами разговаривать] так что если б знали хоть [треть] половину тех слов, которые говорил француз, то наверно бы [достаточно] совершенно его поняли

41 не сделали / однако, не сделали

43–45 что я, как русский ∾ при своем / что я говорю лишь [спасая] защищая, как русский, русскую честь, но по глазам было видно, что не верили мне ни капли ◊

47 тогда / когда ◊

Стр. 60.

1 на войну / в войну ◊

2 на всех углах / на всех стенах ◊

3 появилась ∾ афиша / появилось крупными буквами напечатанное объявление ◊

4–5 и невольно любовался ими / и любовался ◊

6 важное / самоуверенное ◊

7–8 не залюбоваться / не любоваться ◊

9–11 *Рядом со словами*: какой-то необыкновенной ∾ решимостью — *на полях вписано и зачеркнуто*: ничего деревянного

9–10 необыкновенной / особенной

10 *Слов*: еще и невиданной мною в солдате — *нет.*

10–11 сознательной / вольной, сознательной ◊

11 *После*: решимостью — и готовностью *вписано.*

12 Видно было / Видно ◊

12 а что они / а они ◊

13 *После*: палочно-капрального — так что я даже подивился ◊

13–15 *Слов*: и это у немцев ∾ и палку — *нет.*

15–20 Нет, эти немцы шли ∾ поколотят немцев. / *а. Начато*: Все *б. Начато*: Видно было, что все они *в.* Они шли как один человек, с совершенной готовностью и с полной уверенностью в победе. Война была народною. В солдате сиял гражданин, и признаюсь, мне тогда же за французов стало жутко, хотя всё еще я твердо был уверен в победе их. ◊

20 Можно представить / Можно себе представить ◊

20 эти же солдаты / они

23 Прибавьте к тому обычную немецкую / Прибавьте немецкую ◊

25–26 мелочную до детскости ∾ у немца / мелочную и переходящую в нахальство ◊

26–27 народная черта / черта всякого почти немца ◊

27–28 удивительная в этом народе ∾ даже слишком / удивительная именно потому, что проявляется в немце: немец слишком ◊

27–30 народ этот ∾ мелочности / немец слишком многим может похвалиться даже перед всеми народами, чтоб выказывать такую детскую хвастливость. ◊

30–31 Выходило ∾ не ожидали. / Как будто им так уж внове была эта честь, так что почти сами признавались, что для них оно было неожиданно ◊ *вписано на полях.*

31–32 И действительно ∾ оскорблять русских. / И [именно] действительно

они до того тогда восторжествовали [тогда в Дрездене], что почти оскорбляли русских.◊

33–34 и многие ∾ даже лавочник / и [почти в<се>] многие передавали как всякий почти лавочник или бюргер ◊

36 старался ввернуть / спешил [как-нибудь] ввернуть ◊

36 покончили с французами / [теперь] расколотили французов ◊

37 вскипела / именно вскипела ◊

38 сама собою / именно была народною ◊

38 даже на всё / на всё ◊

39 понимавшие ∾ во время войны / понимавшие [роль России во вр<емя>] [сколько Россия] [роль России] политику России во время [этой] их [войны] боя с французами ◊

40 41 может быть, и не пришлось ∾ лавры / пришлось бы тогда, может быть, и не [совсем] так хорошо ◊

41–43 Правда ∾ вспомянули русских. / Правда, первый пыл военного успеха, столь неожиданного, но [эффект<ного>] любопытно, что все тотчас же обратились на русских ◊ *вписано на полях.*

43–46 Это почти невольно ∾ не жаловал русского. / Эта повсеместная ожесточенная, почти [невольная] невольно проявившаяся злоба немцев на русских показалась даже мне тогда удивительною, хотя я всегда знал, что немец вообще всегда и везде [терпеть не может] чрезвычайно не любит русского.◊ *вписано на полях.*

47 жившая / бывшая ◊

47 *После*: графиня К. — рассказывала мне, что она

Стр. 61.

1 а сзади / а что сзади ◊

1–2 восторженных / торжествующих ◊

2 ужасно / страшно ◊

2–3 «Я к ним обернулась / «Я обернулась к ним ◊

5 они бы / они бы тогда

6–8 затевали тогда ∾ и это именно / целыми пьяными ватагами за городом затевали ссоры и драки с нашими солдатами и именно ◊

9 большинство / огромное большинство

9 наполнено / полны ◊

10 *После*: России — *начато*: «Голос» заметил недавно в одной передовой статье своей, исчисляя всех

10 Указывая на эту ярость / *а. Как в тексте б.* Указывая на этот яростный хор ◊

11 *После*: прессы — против русских

12 чтоб, усилившись, низринуться / чтоб низринуться ◊

14–15 тем более ∾ как нарочно / многочисленных немцев [явился] как нарочно поднялся ◊

17 *После*: Замечание тонкое. — Действительно странно, особенно ввиду того, что, как всем известно из самых подробных сообщений всех газет в мире за последние годы, — что князь Бисмарк держит огромное большинство немецких газет и изданий в самых ежовых рукавицах, что [всё] они у него в найме, всем он дает взятки и субсидии и что на это у него устроен чуть не целый департамент [и что]. Всем известно, что две трети изданий (если не гораздо более) слова не смеют пикнуть не по его команде. А если всё по его команде, то как же они заговорили против [полити<ки>] России сейчас после свидания императоров?

Я смотрел в окно вагона, радуясь, что по крайней мере мои вагонные немцы так вежливы, что оставили меня в покое и не допустили нашего *политического* спора до раздражения. Мало того, они даже тотчас же перестали говорить о России.

«Но как [же] прилежно и упорно они нас изучают, — думал я про себя: — всего 270 000 ружей, всего только шестьдесят миллионов патронов — всё ведь это цифры, положим, совершенно вздор-

ные, но ведь они же их добыли откудова-нибудь [не может быть, чтоб это какой-нибудь только Хлестаков из головы говорил]. Ошибочно добыли, но все-таки добывали же». Мало-помалу, с течением мыслей, мелькнуло у меня воспоминание об одном отчете одного нашего техника и знатока дела, который я читал в последний год и отзывы о котором были в газетах, — именно о наших недавних юнкерских училищах [и о результатах], дающих офицеров для нашей армии [полных робкой изворотливости — словечко у меня уцелело], и об их результатах. Вспомнилось мне о дурных привычках, дурном нравственном состоянии, малой образованности, о малом подъеме духа и чести и о [несколько] какой-то «изворотливой робости» (словечко в памяти моей уцелело) этих воспитанников училищ, которых наблюдал этот составитель отчета. Впрочем, всё это только мелькнуло: «Мало ли что говорят и пишут, — подумал я, — хотя надо признаться, что наша армия, теперь, с преобразованием [военной] воинской повинности действительно пока отчасти загадка. Но, однако, кто же знает разрешение загадки? [Основания новой воинской повинности есть дело правильное и ясное, и загадка может быть великолепно разрешена. Вот только разве частности. . . А впрочем, Россию бог хранит.] Загадка может разрешиться блистательным образом. Русскому как-то нельзя не надеяться, даже несмотря на все видимости (если б и были видимости), потому что за ним теперь правое дело, а [стало] за правое дело всегда станет вся Россия. . . потому, во-первых, что русским в бесчисленных случаях только и отрада, чтоб надеяться. Во-вторых же и в частности, русскому позволительно надеяться [теперь] именно теперь, именно в настоящую минуту, даже несмотря на видимые судьбы. *Рядом с текстом*: Всем известно, что две трети изданий ∾ перестали говорить о России — *на полях наброски*: *1*. Турки *2*. Частные случаи высоты <?> *3*. *Начато*: Когда же всё это соберется вместе, когда же военный человек будет так силен, высшая мысль, чтоб осилить <?> влияние цинизма (Э, что, всё это высшее, это только так, чтоб учить детей и говорить речи, а на деле

18 *Цифры*: IV *и заголовка*: Самое последнее слово цивилизации — *нет*.

19 Да / А между тем

19–20 Вопрос о Востоке / Восточный вопрос

21–22 так что уж ∾ напора обстоятельств / *а*. *Начато*: так что дойдет уж до такой черты, что никакое миролюбие, никакое благоразумие, никакое твердое решение не зажигать войны не устоит ввиду пожара, который и без нас, сам собою *б*. и даже всех, так что уж не устоим противу напора судьбы ◊

24 Но важнее / Впрочем [факты], будущее опять-таки загадка, но важнее

24 страшный / громовый ◊

25–26 Это последнее слово / *а*. Оно *б*. Это слово ◊

26 выяснилось; оно теперь известно / оно известно ◊

26–27 и оно / и это

30 уничтожили торговлю неграми / освобо<дили> негров

30 *После*: торговлю неграми — и наконец, освободили негров ◊

30–31 уничтожили у себя деспотизм / уничтожили, обливая кровью землю, у себя деспотизм

33 святыми *зачеркнуто*.

34 и веру / и надежду

34 *После*: людей — *начато*: ввиду гряд<ущих?>

35 и истину / *Начато*: и правду, радость и счастье, заставляли человека с умилением [слушать] смотреть на братство, и человеколюбие уже действ<ительно>

37 человеков / людей

39 передавят / раздавят

40–41 и когда умолкнут ∾ ее тревожащие / и умолкнут наконец все [эти] их [жалкие] отчаянные [их крики] им досаждающие, вопли и призывы спасти их, вопли их тревожащие ◊

42 Именно за / Именно как ◊
42–43 христиан / людей, христиан ◊
45 бросают / взбрасывают на
46 ружейный *вписано.*
46 истребляются / истребляются дотла

Стр. 62.

1–2 и это дикой ∾ цивилизации / и это подлецами, трусами, которые побегут потом стаей от гневного, восставшего за своих братьев воина. Но братья эти слабы, их мало.
3 Это уничтожение систематическое / [А покамест] Это разбой, грабеж и уничтожение систематическое ◊
3–5 это не шайка ∾ Нет, тут система / *а.* Это не случай. Это не толпа разбойников, боящихся закона, нет, это система *б.* Это не случай. Это не шайка разбойников, выпрыгнувших случайно во время смуты, беспорядка и боящихся, прячущихся от закона, нет, тут система ◊
6 Разбойники / они ◊
7 министров ∾ султана / начальства, министров, султана; им велено разорить враждебную землю, очистить ее, как ладонь, свести с нее всё живое [и это распоряжение сделано министрами, правителями земли] ◊
8 А Европа / И что же? Европа ◊
8 смотрит / смотрит равнодушно
8–21 *К тексту*: смотрит с нетерпением ∾ «уничтожит цивилизацию» — *на полях наброски*: *1.* О, правда, есть честные люди и там, но не подавят ли их и не воцарится ли что-то дикое *2.* Нет, мир требует обновления, нового слова. . . И как не подумать, как ни парадоксально, г-н фельетонист, что, может быть, теперь-то и начинается начало конца и окончится в возрожденном Востоке и засияет новая правда в обновленном Востоке. *3.* Разве могут вправду верить эти ученые люди, что Россия и т. д. *4.* оспаривают, отрицают, не верят — смотрят и не верят; видят глазами, видят ясно, все до единого — и все друг другу отводят глаза: это неправда, этого не было [ваше превосх‹одительст›во]. Это они сами бьют своих, чтоб сказать на турок: Ваше пр‹евосходительст›во, она сама себя высекла. Хлестаковы! Сквозники-Дмухановские в беде! И что, неужели что-то было такое, чего бояться? А тут, видите ли, Россия, Россия усилится, наша драгоценная цивилизация разовьется втрое сильнее. Цивилизация, нажива товаров, фабрик. О, правда, есть голоса, но ведь тем грустнее. Эта честность их подавит. А главное, главное ‹*не закончено*› Но всё то, что последнее слово цивилизации псу под хвост. *5.* Где игривые фельетонисты
9 *После*: клопов» — *а. Начато*: Они оспаривают *б.* Сердца их не подымаются на крик оскорбленного человечества. Мало того, они не хотят видеть и слышать.
9–11 Мало того ∾ не верят / [Они оспаривают факт] Мало того, в Европе оспаривают факт, отрицают его в своих парламентах, не верят, делают вид, что не верят. ◊
11–12 Всякий из этих ∾ это правда / *а.* Всякий про себя знает, где правда *б.* Всякий из них про себя знает, что это правда ◊
18 и позорят сами себя / *а.* и позорят себя *б.* и сами [себя] морочат себя ◊
22 (вот ту самую цивилизацию / Особенно цивилизация-то им дорога, вот та самая ◊
23 в Англии, в Германии / в Германии, в Англии [две трети] ◊
23–24 и опять-таки лгут поголовно / и — лгут, опять-таки лгут сознательно ◊
25 Всё это / Это ◊
26–27 *Слов*: чуть-чуть мыслящего и образованного — *нет.*
28 хочет, может / может ◊
28 *После*: и в силах — *а. Как в тексте. б.* захватить [Восток] *теперь*, в эту минуту Константинополь ◊

30 это / *Начато*: но зачем
30 чтоб они / чтоб они теперь
31 стольких примеров и опытов, еще верили тому / стольких опытов и изучений, в настоящее столетие верили ◊
33 что Европа вдвое / что соединенная Европа вдвое-втрое ◊
33 *После*: сильнее России — Невероятно, чтоб не знали они, что Россия, если бы низринулась на Восток, не нашла бы себе в Европе ни одного союзника, а, напротив, всё и все устремились бы на нее единодушно. *К этому тексту на полях набросок*: и что мы, в случае захвата Константинополя *теперь*, не найдем в Европе ни одного защитника.
33–34 *Слов*: если б даже ∾ в руках своих — *нет.*
34–36 Что Россия ∾ при нападении. *вписано на полях.*
37 и себя / и даже себя
38 единственно потому, что там / *а.* не стыдясь смотреть друг другу в глаза. Нет, не тут правда: не за истребление цивилизации своей боятся они, да и что им цивилизация. О нет, там *б.* единственно для того, что там ◊
39–40 и фабрикантов ∾ интересам / фабрикантов, жидов — вот за интересы-то, за торговлю свою они боятся, вот в чем дело. И не для пользы своего народа [их] в них этот цинизм — и главное, тут всего только несколько фабрикантов-жидишек. ◊
40–46 *Текста*: Но ведь и эти ∾ пуфом. — *нет.*
46–47 Ну, а немцам ∾ всполошилась? / Ну, а немцам что? Как что? Немецкие-то газеты из-за чего всполошились?

Стр. 62—63.

47–4 А этим тó ∾ еще *цела* Франция?» / *а.* Россия целый век [им] помогала и благодетельствовала их правительствам [мешая им то своею помощью], а теперь, когда она, вдруг так усилясь, продолжает стоять у них за спиной и связывает им руки, не то — не то они давно снесли бы с лица земли Францию. Россия мешает, видите ли, Россия, главное, виновата тем, что сильна и ее нужно вогнать в пределы. *б.* Россию нужно вогнать в пределы. [О, пусть указыв‹ают?›] Она стоит у них за спиною, она мешает, из-за нее они упустили *своевременный* момент снести с лица земли Францию уже окончательно, чтоб никогда потом не беспокоила, и неужели в этой бисмарковской идее такое спасенье Германии, такая *истинная* ее выгода, чтоб из-за нее человеку и человечеству и бросить всё самое драгоцен‹ное›.

Стр. 63.

4 Да Россия / Россия ◊
7 *Слов*: а у немцев ∾ взбунтуются — *нет.*
7–10 И вот восемнадцать ∾ до слабого места / И вот из-за этого-то, вся цивилизация вдруг оказывается пуфом. [Как] Восемнадцать веков христианства, очеловечения, развития, науки оказываются вздором в данный момент ◊
11–19 что это — «последнее слово ∾ в недоумении / что уже выговорилось последнее слово цивилизации. [Тут ведь не одна Англия с своими выгодами, тут вся Европа, тут весь результат всей двухтысячелетней жизни.] Вопрошающий человек стоит в недоумении: где же правда? Неужели все надежды людей — одна лишь ложь [пустая игрушка]? Неужели мир еще так далек от правды? Да и [будет] воцарится ли еще она когда-нибудь на земле, после всего совершающегося? О, не выставляйте на вид, что и в Европе, что и в самой Англии по уголкам подымалось общественное мнение, протестом, просьбой, пожертвованиями [избивающемуся] избиваемому человечеству — [но] ведь тем еще грустнее: всё это частные случаи, и тем грустнее, что они были. Они только доказали, как [они] эти человеколюбивые люди бессильны у себя, как бессильна правда над сердцами их соотечественников и

правителей. Вопрошающий человек спрашивает ‹*незачеркнутый вариант*: Еще недавно веровавшие и надеявшиеся спрашивают› теперь с тоскою ◊

19–20 *Фразы*: «Где же правда ∾ от нее? — *нет.*

21 *Слов*: и что мешает тому — *нет.*

22 *После*: правда — *начато*: и высшая

23 *После*: и эгоизмом людей — Будет ли когда-нибудь эта хваленая цивилизация не миражом, а делом? ◊ *Далее на полях*: Неужели правда, что жид уже воц‹арился›, чтоб управлять цинизмом, эгоизмом, развратом

23 Где выработанные / *Начато*: Где истина, где

23–24 с таким мучением / с такими мучениями ◊

24 где человеколюбие / Где это человеколюбие

24–25 *К фразе*: Да и истины ∾ полно? — *незачеркнутый вариант*: Да и не погребено ли всё это навеки? *Далее было*: *а. Начато*: будет на *б.* Да и было ли когда-нибудь это вправду на свете. Правда, истина, может быть, взаправду овладеют всем окончательно! Нет, мир требует обновления и нового слова, и — и кто знает, может быть, теперь-то и начинается начало конца и засияет новая правда в [обновленном] воскресшем из [смерти] мертвых Востоке!

25–30 И не одно ∾ никогда царить?» / Неужели правда, что жид уже воцарился везде? Идеал значить лишь будет упражнение для высших чувств, для ораторских разговоров или для школьников, чтоб держать их в руках, а чуть дело, *настоящее дело, практическое*, и всё побоку — к черту идеал. Идеал вздор, поэзия, стишки ◊

31–32 Глава вторая. I. Идеалисты-циники / 4. *Далее было*: Почему-то мне тогда же, в вагоне же, припомнилась статья о Восточном вопросе покойного и незабвенного Тимофея Николаевича Грановского, написанная им, если только правда это, в самый разгар войны нашей с Европой и уже когда началась осада Севастополя. [Почтенный проф‹ессор›] В ней бесспорно много верного, грустно-верного, но [и] есть и крупные промахи.[1] Тут собственно о сущности Восточного вопроса сказано весьма мало, кроме разве того, что со стороны России Восточный вопрос есть желание политического захвата Востока и славян для порабощения и увеличения своей силы и более ничего. Почтенный профессор истории захотел вдруг стать политиком и, надо признаться, наделал довольно ошибок. Правда, тут много было «злобы дня», тут было восставшее чувство гражданина, и это нужно взять прежде всего в расчет. Но что всего дороже — это взгляд[2] западника и тогдашнего русского человека [при тогдашнем знании обстоятельств] с тогдашним взглядом и знанием России. В статье, впрочем, есть ошибки, и не относящиеся к тогдашнему взгляду на Россию, а чисто политические, например о тогдашнем положении Австрии между воюющими сторонами. Грановский жестоко подсмеивается над [тогдашним мнением] тогдашними надеждами России, что Австрия будет с нами заодно, так как связана с нами благодарностью за усмирение Венгрии. Но у нас могли надеяться на Австрию и не из-за одной ее благодарности, а и по другим причинам. Но их-то и не хочет замечать историк и прямо называет [русскую] надежду на союз с Австрией с нашей стороны глупостью, потому-де что у Австрии много славян, а стало быть, ей, больше всех европейских наций, тяжело бы было видеть наш захват и наше господство над соседними ей турецкими славянами, ибо тем самым мы бы стали решителями судьбы и всех европейских славян, а следовательно, и ей принадлежащих славянских народов. И, уж конечно, было бы глупо с нашей стороны этого тогда не приметить.

---

1 В ней ∾ промахи. *вписано на полях.*

2 *К словам*: Но что ∾ взгляд — *вариант*: Но любопытен взгляд ◊

И однако, всё дело в том, что положение Австрии во время Восточной войны было [совсем не то] несколько иное, как, например, теперешнее, и [кроме], невзирая на славянский вопрос, у ней могли найтись тогда и другие побуждения, которые очень и очень могли склонить ее к союзу с нами, по крайней мере мы могли тогда надеяться на этот союз и не по одной глупости. Тогда, всего перед тем два с половиною года, произошел в Европе крутой переворот, воцарились вновь Бонапарты. А потому слишком можно было предчувствовать, что австрийской Италии грозит страшная опасность. Италия — это первый выход, первый шаг Бонапартов еще с Наполеона I-го. [Италия со всей Францией и ей [прежде] важнее всего, а Франция]. По крайней мере, Австрия слишком могла бояться за свой Милан — этот «драгоценнейший алмаз в короне ее» и уже гораздо драгоценнейший, чем славяне, тем более что за славян Австрии, во всяком случае, тогда еще нечего было так бояться, ибо, с ее всегдашней политикой текущей минуты, она очень хорошо могла рассчитать, что если б даже и одолела Россия в этой Восточной войне, то не до такой же степени, чтоб завоевать славян окончательно и заграбастать их в свои руки, а «покровительство» над славянами, которого [бы] могла достигнуть тогда Россия, было бы [для нее] не бог знает как тогда страшно для Австрии, ибо это дело потом, с течением времени и политики, могло бы еще быть «поправлено». Вот почему русские политики и могли тогда надеяться, что Австрия в виду двух опасностей изберет меньшую и примкнет к России, и тем более, что Бонапарты столь ей опасны (что потом и оказалось, потому что отняли же у ней весьма скоро Италию, в благодарность за союз ее с ними против нас в Восточной войне) — тогда еще были только внове, только лишь воцарились, но еще не утвердились, искали союзов, а их entente cordiale ‹сердечный союз (*франц.*)› с Англией, столь их усиливший, тогда [еще] вовсе еще не так ясно и твердо обозначился как впоследствии. [Одним словом] Повторяю, мы очень и очень могли надеяться тогда на союз с Австрией и не из-за одной только ее благодарности, т. е. не из-за одной только нашей глупости. [Ошибка наша была не в [том, что] нашей уверенности, что Австрия непременно считает нас чрезвычайно сильными; но Австрия нас уже тогда разглядела и сверх того знала, что в Восточном вопросе Европа каждый раз будет против нас вся без исключения. Вот почему ей было и не выгодно к нам примкнуть]

Но [я] не [потому] эти старые суждения старой и почтенной статьи увлекли [тогда] [меня тогда в вагоне] и даже не воззрения тогдашнего западника на Россию поразили меня, когда я припомнил эту статью [а наверно]; нет, статья мне показалась драгоценною в некотором психологическом отношении. Тут мелькал один прелюбопытный психологический вывод, который я никак не мог обойти. Тут уже задет народ. Грановский ручается, что народ наш не пойдет на защиту гроба господня и славян и что ныне совсем не те интересы.[1]

37 *После*: осада Севастополя — Не знаю почему мне вдруг тогда, в немецком вагоне, припомнилась эта старая почтенная статья (конечно, по поводу теперешних дум о Восточном вопросе).

38 именно ввиду / ввиду ◊

39 теперь поднимающегося вновь / современного ◊

41–42 *Слов*: и когда ∾ согласен — *нет*.

42 В этот раз / Тут ◊

Стр. 64.

2 Не могу / И я не могу

3 впечатлением / наблюдением

---

[1] Тут уж задет ∾ интересы. *вписано на полях*.

3 *После*: с читателем — Но, во-первых, о Грановском. [Он первый] Он тут принял
4 Грановский был / Это был
6 собственный / особ‹енный›
9 честнейших / чистейших ◇
10–12 и который ∾ уважаю его) *вписано между строками и на полях.*
13 *После*: этому типу — О, этот прекрасный идеалист был тоже не без раздраженного самолюбия.
14 статьи / этой статьи ◇
15 показалась мне / показалась мне тогда же ◇
17 знающий ∾ за идеалиста / уже заявивший себя и знающий, что его считают идеалистом ◇
18 «прекрасного и высокого» / прекрасных идей
20–25 но уже «настоящем» деле ∾ иметь влияние / *а.* текущем, реальном, обыденном, и не как-нибудь заявить, а с тем, чтоб иметь влияние *б.* текущем, насущном, но уже настоящем деле, практическом деле, а не то что там в поэзии и непросто заявить, не как-нибудь, не мимоходом, а с тем, чтоб непременно иметь влияние, сказать решающее и судящее слово. ◇
25 *Слов*: каким-то чудом — *нет.*
26 реалиста и прозаика / какого реалиста или прозаика
26–28 *Текста*: Мало того ∾ языком. — *нет.*
29 *Слов*: наместо них — *нет.*
30 но вместо реальной правды / [но] вместо реализма ◇
30–32 *Текста*: В цинизме-то ∾ и реальнее. — *нет.*
32 Отчего / Почему ◇
33–36 наш идеалист ∾ предоставьте нам» / *а.* устыдится своего идеализма, он стыдится, что ему скажут: вы идеалист, что вы понимаете в текущем, проповедуйте там у себя *прекрасное*, а дела решать будем мы. *б.* идеалист наш устыдится и убоится своего идеализма, он убоится того, что ему скажут: вы идеалист, что вы понимаете в «деле», проповедуйте там у себя *прекрасное* и высокое, а дела решать не ваше дело, дела решать будем мы ◇
38 что он *только* поэт / что он поэт ◇
39 встречается / есть
40–44 *Текста*: Там, от давнишней ∾ несколько иначе. — *нет.*
46 как Пушкин и Грановский / как Грановский ◇
47 необходимым / нужным ◇
47–48 в дипломата / в политика и государственного человека, в судью и гражданина, [зная, что] [и понимая, что] зная, что в ту минуту слово [им] высказанное им, Грановским, будет словом, решающим дела, словом судьи и гражданина, словом, всеми с восторгом услышанным, прочитаться обязанным.
48 и правдивейший / и честнейший ◇

Стр. 65.

1 удивительных ∾ приговорах / *а.* странного даже цинизма в иных своих приговорах *б.* до каких-то странных выводов в иных своих приговорах ◇
2 Он, например / Он дошел [даже] до того, что ◇
4 спасли ее от распадения / тогда спасли ее ◇
4–11 И не потому отрицает ∾ нашей политики. / И не потому отрицал, что Австрия коварна, а, напротив, оправдывая в этом Австрию, говоря, что она и не могла поступить иначе, что она должна была поступить именно так, а политические надежды наши на ее благодарность выставил непростительным и глупейшим промахом нашим и глупостью нашей политики. ◇
14 до жертвы / до наруш‹ения›
14 собственным интересам / собственными выгодами ◇
15 *После*: Австрии — в настоящую войну ◇

16 *Слов*: говорит Грановский — *нет*.

20–21 *После*: *бескорыстное» — начато*: *а*. Если одно государство помогает другому, то оно *б*. и т. д. и т. д. Одним словом

22–23 почтенный идеалист ∾ *реальных* / почтенный идеалист [чрезвычайно] наговорил чрезвычайно много [умных] вещей, действительно умных и, главное, реальных (уж каких реальных!) *К этой фразе на полях набросок*: О, он наговорил очень много умных вещей, — впрочем, всем известных. Доктринерским тоном объявляет он

24–25 *Слов*: тем более ∾ живут дипломаты — *нет*.

Стр. 65—67.

24–21 *К тексту*: Умно-то это умно ∾ вот вопрос! — *наброски на полях*: *1*. Всё это очень реально. Меттерних. Разве одно только выгодное торжествует цинично. Высшая честь. Как историк забыл, что торжествуют всегда идеи высокие *2*. вот бы нам и бросить славян — ведь с ними только возня и хлопоты, и не воюем, так бюджетом. Да они отрицают. *3*. Что же делать — напасть на них, чтоб успокоить Европу *4*. Италия. Это огромное соображение совсем пропустил Грановский. Это историк-то! *5*. Когда уничтожалась торговля неграми, разве не было криков, что это непрактично, что это повредит самым насущным, необходимейшим практическим интересам *6*. С таким взглядом на право одной лишь материальной выгоды можно оправдать Меттерниха. *7*. Но в целом идея не забывалась, и не для одной лишь выгоды не забывалась, то есть не для одной лишь практической выгоды, захвата, обогащения, усиления — а и для других, более высших, причем, пожалуй, и выгод — назовите как хотите, а только не для [ваших] таких выгод, за которые вы так ополчились.

Стр. 65.

25–32 но всё же оправдывать ∾ прекрасного / но оправдывать поступок Австрии, и не то что оправдывать, а прямо говорить, что и должна была она поступить именно так, как она поступила, — как-то режет ум пополам, не правда ли, как-то сердце щемит за идеалиста. Что-то есть такое, с чем тут никак нельзя согласиться, несмотря на такой необычайный практический и политический ум, вдруг выказанный нашим историком — поэтом и жрецом ‹*незачеркнутый вариант*: проповедником› прекрасного и высокого. ◊

33 непосредственного и торопливого / непосредственного ◊

34 с этим признанием справедливости плевка / *а*. в ущерб чести и великодушию *б*. признать справедливость плевка ◊

36–37 Ведь с этим ∾ целей. / Можно оправдать даже [всю политику] всего Меттерниха. (Это Грановский.) ◊

37 Да и / И ◊

38–39 составляют / составляют всегда ◊

41 Тут ведь вопрос. / Это еще вопрос. ◊

43–44 даже, по-видимому ∾ не в ущерб) *вписано*.

44 *После*: наш историк — этот идеальный и прекрасный историк ◊

46–48 несмотря на всю ∾ идеализм / несмотря на весь [свой] идеализм и, казалось бы, [непрак‹тичность›] смешную непрактичность этих идей ◊

47–48 *Слов*: и на весь их идеализм, столь унизительный — *нет*.

48 в глазах / всегда смешную для

Стр. 66

1 *После*: Меттернихов — к которым вдруг неожиданно приписался и Грановский ◊

1–3 и что политика ∾ для великой нации / и что это-то и есть высшая, а может быть, и самая *выгодная* политика для великой нации (то есть для великой особенно ◊

3–6 *Фразы*: Политика текущей практичности ∾ положение. — *нет*.
6–7 практической и *насущной* / практической ◊
8 *После*: торжествовали — и множились. Как, по какому закону так распространяются эти идеальные [начала] идеи, казалось бы столь смешные и нелепые в их зародыше, слабым сумасбродным поэтиком? [Но нечего] Бояться и стыдиться, что они слабы, так идеальны, что за них осмеют, нечего. Ареопаг осмеет, но всегда найдется какой-нибудь член ареопага и женщина. Именно эти идеи укрепятся и одолеют. ◊
9–10 *Фразы*: А если не ∾ хотят люди. — *нет*.
11–12 глубоких и высокоумных возражений / криков ◊
13 интересам / практическим интересам ◊
14 Доходили / Доходили даже ◊
14 даже / как-то
16 заключали / заключали даже ◊
16 *После*: не человек. . . — Да ведь мало ли можно до чего дойти. ◊
18 столько лет сряду / столько лет ◊
20 *После*: бедой — и не оказалось ли, напротив, даже для самой Англии выгодным это освобождение? ◊
22 «глубокие и практические умы» / глубокие практические, дипломатические, так сказать, умы ◊
23–27 на потрясение ∾ «чувствительности» / и что не такова должна быть политика высшая, наблюдающая интересы реальные, а не вздорные «поэтические» [идеальные, нет]. С таким взглядом на право и господство одной лишь материальной текущей выгоды в высшей политике можно ведь, повторяю, далеко дойти, оправдать и Меттерниха. (Это Грановскому-то!) ◊
29 Хотя Грановский и настаивает / Грановский настаивает ◊
30 усилиться / усилиться политически ◊
30–31 и действуем только ∾ обмолвился / Да усилиться ли? Верны ли эти выгоды? Чем они нас усилят? Журавль в небе. ◊
32–37 *Текста*: и чем тут усилишься ∾ практический интерес — *нет*.
37–38 С славянами / С ними ◊
38–39 *Слов*: когда они еще не наши — *нет*.
39 *Слов*: уже сто лет — *нет*.
39–41 а теперь и не ∾ пушку / да и не косится только, а прямо, при малейшем даже движении нашем, вынимает меч и наводит пушку ◊
42 *Слов*: раз навсегда — *нет*.
42 *После*: Европу — *а*. и сколько выгод практических *б*. Это будет гораздо практичнее. ◊
44–48 стало быть, бросить ∾ не знали этого?» / а напротив, нам же на славян же восстать, поддержать Турцию, придавить славян: «Вот-де вам, милые братцы вы этакие, ждущие от нас помощи и обновления, просто государство не частное лицо, государство не может жертвовать своими интересами. Так? Знаете это?» ◊

Стр. 67.

2 каких-то в будущем / каких-то выгод от освобождения каких-то славян ◊ *К словам*: а не мечтательных каких-то выгод — *незачеркнутый вариант*: а не журавля в небе ◊
2 тотчас / сейчас ◊
4–5 на время свою доверенность ∾ убавляется / всю доверенность, военный бюджет уменьшается ◊
6 *После*: цену — ух сколько выгод? ◊
6–7 да это ли только ∾ он всё / А к тому же (Меттерних-то!) и журавль ведь никуда не улетит, а всё ◊
8–9 «государство не частное лицо ∾ со временем. . ./ государство и не может ‹*не закончено*› А затем в будущем ведь все-таки. . . ◊
9 *Слова*: Что ж — *нет*.

11–12 *Текста*: вот мы тогда к ним ∾ и братством — *нет*.

13–16 это-то и находит ∾ славянская политика / *а*. повторяю, и не признает совсем нашего бескорыстия в славянских делах *б*. уверяет, что наша политика только и делала, что давила славян, доносила на них и выдавала их Турции, что политика ◊

13–17 Он именно уверяет ∾ быть иначе. / По его *реальному* взгляду наша политика в Восточном вопросе и всегда была политикой захвата и насилия, да и не могла быть иною. ◊

17–21 (То есть и должна была быть ∾ вот вопрос! / а. Так ли? Не сказался ли тут опять циник, идеалист, [боящийся] стыдящийся своего идеализма? О, без сомнения, [Россия] [ру‹сские›] Россия не совсем безупречна в Восточном вопросе во всё последнее столетие: бывали неискренности, бывали приостановки, излишняя боязнь за текущие интересы, двусмыслия, [вследствие иных] [всяческие‹?›] дипломатические полумеры, но в сущности, в целом — вряд ли политика России хлопотала только *об одном лишь* захвате славян, умножении своей силы, богатства и политического значения, практических выгод, — нет, это было не так ‹*ср. набросок на полях*: Политика силы, но вряд ли Россия хлопотала об одной лишь практической выгоде, об одном лишь захвате, умножении силы, богатства, политического значения›. (Не должна, что ли? Ведь оправдывает он других за такую политику, вот бы и нас оправдать тоже.) ◊ *Далее было*: Ну пусть, пожалуй, освобождение славянских народностей и выгодно для России — назовите как хотите, но всё же тут не та выгода, которую вы выставляете [не закрепощая славян России].

Идеалист забыл, что и всегда почти торжествуют истины [так сказать] идеальные, а не пошло-практические, что слово «идеалист» — есть слово не стыдное и не бранное и что идеалисту не [надобно] следует стыдиться своих идеалов [и не надобно стыдиться слов «прекрасное и высокое»]. Слов «прекрасное и [высокое»] фантастическое» тоже стыдиться нечего. Такие люди, как Грановский, и являются именно для того, чтоб проповедовать «прекрасное и высокое», а стало быть, истинное, ибо прекрасное всегда истина. [Реалисты же] Практические же реалисты, определяющие по-своему пользу и выгоды народов, не всегда говорят правду, ибо человек есть целое лишь в будущем, а вовсе не исчерпывается весь в настоящем. Как человек, так и нация. Так что дипломатический ум реальной выгоды весьма часто превращается в фантастический.[1] Если уж такие люди, как Грановский, будут стыдиться своего идеализма, то кто же будут пророками... *Далее под строкой и вдоль полей наброски*: *1*. Идея растет и множится и... одолеет мир, пожалуй, и нечего стыдиться бедности и видим‹ого› бессилия и након‹ец› Фамарь *2*. Вот, правда, нам лишь бы только свободный проход в Средиземное море — вот этим дипломат займется, несмотря на то, что и представить нельзя себе, как эта комбинация осуществится и какими гарантиями будет в силах держаться. *3*. Константинополь международный город.

22 *Цифры*: II *и заголовка*: Постыдно ли быть идеалистом? — *нет*.

23–24 и даже иногда раздраженное / и даже [может] иногда раздражительное ◊

24–25 быть и у всех тогдашних наших / быть общим [своим] для всех тогдашних ◊

27–28 и имевшие, казалось бы, занятие (иной профессор) / и имевший занятие (профессор ◊

---

[1] *К фразе*: Так что ∾ в фантастический. — *на полях предыдущего и настоящего листов варианты*: *1*. и неужели он не знал, что практические-то, реальные выгоды [оказываются] обращаются иногда ужасно даже фантастическими. *2*. и некоторое неуважение к выгоде даже в честнейших и прекраснейших людях

29–31 и не по одному ∾ предполагать / *а.* предполагали *б.* предполагая ◊
33 *Слов*: чем то, которым он занимался — *нет.*
35 (иных, разумеется) / иных ◊
35 поразительна и теперь / продолжается и теперь
37 раздраженном / удовлетворенном ◊
38 столь многих / [всех] остальных ◊
38–40 современных «деятелей» ∾ пропускаю / людишек, современных людишек наших, еще так недавно начавших с азбуки и воображающих себя гениями, я [уж и не говорю] теперь пока пропускаю ◊
40 очень бьет / и бьет ◊
43 мы теперь не умеем / теперь мы [кажется] не умеем ◊
43–44 *Слов*: мало того ∾ оно состоит — *нет.*

Стр. 68.

1 по нравственной / по высокой нравственно ◊
3 сам иногда / сам ◊
5 *Слов*: на практике, на деле — *нет.*
7–8 *После*: неспособным — *вписано на полях*: ибо это дело у нас не кабинетно-политическое, а народное ◊
9 Статья / Политическая статья ◊
10 очень / чрезвычайно ◊
10 политические ошибки / ошибки ◊
11 потом в Европе / потом ◊
11–12 и, уж конечно, их можно бы было указать / Так, например, мне кажется, он неверно определил положение Австрии в начале Восточной войны, [заключая по] утверждая, что она и не могла колебаться в выборе союзников, потому что не могла не опасаться за судьбу своих славян, видя «*явную*» *цель* (?) нашего правительства захватить турецких славян. Но это [было] заключение было бы справедливо теперь, если б действительно Россия хотела захватить славян, но тогда было нечто и другое; тогда с воцарением Бонапарта [она] Австрия должна была [затрепетать] прежде всего трепетать за свои итальянские владения, которые были ей подороже славян [и которые] (славян, к тому же, в сущности, никто и не отнимал у нее тогда, а Италию у нее непременно бы отняли, что и случилось на факте в весьма даже скором времени), а потому и очень могла еще колебаться в выборе, к кому примкнуть в Восточной войне: к Бонапарту ли [даже и не выказавшему тогда еще такого могущества, как потом], или к России, еще так недавно [спасшей] уберегшей ее от распадения в Венгерскую войну. Так что тогдашние надежды наши на Австрию *нельзя* было считать прямо «совершенной глупостью», как выставляет Грановский, и расчет наш, что Австрия *непременно* примкнет к нам, мог вовсе не быть такою ужасною «политическою [глупостью] ошибкой». Ошибка наша была не в том, а в том, что мы всё еще воображали, что Австрия безусловно продолжает считать нас чрезвычайно сильными и могущественными. Австрия же нас успела высмотреть и в силу нашу уже не верила. А эта [ошибка] тогдашняя политическая ошибка наша уже гораздо извинительнее, и ее нельзя считать уже только глупостью. ◊[1]
13–14 Меня поразила лишь, в этот раз / Но меня поразила
14 *После*: статьи — раздражительность до несправедливости, а между тем я помню, статья эта читалась и переписывалась тогда как [чрезвы‹чайное›] окончательное и чрезвычайно авторитетное слово. Тогда она в списках ходила.

---

[1] *К тексту*: Ошибка наша была ∾ глупостью. — ***на полях предыдущего листа набросок***: Но [это предположение] эта ошибка, именно [то убеждение] та, что Австрия верит в наше могущество, была уже гораздо извинительнее.

14–16 О, не самолюбию ∾ нападаю я / *а.* О, не на известную тенденциозность статьи *нападаю я*: *б.* О, не самолюбию его только приписываю я раздражительность этой статьи и [не на] отнюдь уж не на тенденциозность ее напад‹аю›

17 в этом сочинении / в этой статье ◊

17 чувство / законное и оскорбленное чувство

18 *После*: скорбь гражданина — (увы, Грановский не дожил до последних реформ и не предполагал освобождения крестьян, когда писал эту статью) ◊

19 не может быть беспристрастным / — не может, почти не должен быть беспристрастным ◊

19–21 *Текста*: (увы, Грановский ∾ не на это я нападаю — *нет.*

22–23 в этом Восточном вопросе ∾ должного / смотрит на народ и не отдает должного народу.◊ *Далее было*: О, конечно, он несправедлив и относительно политики русской, не видя в ней [ничего] [относительно] ничего, во все столетия, кроме желания захватить славян в свою власть политически и тем усилить свое могущество. [Это] Нет, это, по крайней мере, дело было у нас *всегда* не одним только кабинетно-политическим, но и народным.

23–24 Участия народа ∾ вовсе. / [Но] Участия мысли народной в этом деле [и] не хочет замечать Грановский.◊[1]

24–38 *Текста*: Он положительно утверждает ∾ насчет славян)». — нет.

Стр. 68—69.

39–7 Конечно, и мы готовы ∾ этого вовсе. / Правда, что политика России по поводу славян (я положительно говорю это) в этот последний век была иногда слишком сдержанна, осторожна и тем давала повод обвинять ее в неискренности, но в сущности [это было не так, ибо никогда] политика наша в петербургский период нашей истории вряд ли разнилась в славянском, т. е. в Восточном, вопросе от древних исторических заветов и преданий наших от взгляда народного. Но народного-то взгляда Грановский не допускает вовсе никакого, тогда как Восточный вопрос в высшей сущности своей всегда был у нас народным. Он говорит [уже], что наш век не тот век:[2] нынче-де народ не соблазнишь освобождением гроба господня.◊

Стр. 69.

7–10 О, Грановский ∾ разве могут / О, он глубоко любит народ, он скорбит и плачет о страданиях его в войну и тягостях, им вынесенных. Да Грановский разве мог ◊

10–15 *К фразе*: В этом сострадании ∾ быта» — *на полях набросок*: Явилось уже нечто народное — вот ответ тем. . . идиллического быта.

12–13 и взгляд на народ наш заклятого западника / и взгляд на народ [того] заклятого западника. *Далее было*: О, он готов был признавать и прекр‹асные›

14 но лишь / но лишь зачатки и лишь ◊

15–16 *Слов*: а об настоящей ∾ не говорить» — *нет.*

16–17 *Слов*: даже во всяком случае — *нет.*

17 лишь / еще ◊

17 *К слову*: масса — *знаком отнесен набросок на полях*: и даже масса, уже проеденная насквозь лживыми началами эгоизма и так называемых положительных интересов. Впрочем, признавая это, он тем са-

---

[1] *К последующему тексту на полях помета*: Выписка про Иерусалим. Это ведь касается народа, [но] и чуть народ слышал искренний призыв, то всегда отзывался всецело.

[2] *К словам*: Он говорит ∾ век — *между строками и на полях вариант*: Слышите, как говорит: наш век, дескать, не тот.

мым по-своему думал отдать ему уважение. Но нет, мертвою массой

18 мы все ∾ поверили / мы почти ведь могли поверить тогда этому ◊

18 *После*: поверили — Я сам ведь верил тогда этому.

18–19 Вот почему ∾ а не его. / А потому и не смею нападать на Грановского. Я ведь только обличаю время, а не его ◊[1] *Далее на полях вписано*: *1*. О, Грановский умел стоять «воплощенной укоризною», и никто больше меня не ценит этих людей. Я сам ведь был немножко в этом роде. Но теперь уже наступила история[2] тому времени, и все-таки надо бы возвращать ему хоть помаленьку должное. . . и *2*. а потому для него народ наш еще мертвая безгласная масса. Пусть взглянул бы он теперь.

20 тогда по рукам и имела влияние / по рукам ◊

22–23 с настоящей, теперешней нашей минутой / именно с современной минутой ◊

24 *Слов*: а пожалуй, и *поверить — нет*.

24–32 Эти добровольные жертвы ∾ нельзя / Эти добровольные жертвы народа для славян, начавшиеся [еще] даже раньше [вызова газет] призыва сверху; эти жертвы старообрядцев, целыми обществами посылавших санитарные отряды, эти жертвы артельных работников, набранные из последних грошей, жертвы целых деревень по мирским приговорам, деревень, откуда-то узнавших про славян, потому что в деревнях вряд ли еще читают газеты, жертвы богатых купцов и беднейших мужиков, бедных матросов из жалованья — нет, это нечто уже обозначившееся, и нельзя сказать, чтоб пассивное, кажется нельзя. Народ чуток, народ заслышал родной призыв. Грановский говорит, что ныне на освобождение гроба господня народ не увлечешь, а в [деле] славянском деле он не имеет уже никакого мнения. Народ, однако же, ждет только искренности сверху [он чуток к призыву и если услышит призыв искренний, то не только жертвует, но и рад пойти на жертвы] и рад сам пойти поголовно на такую цель, как освобождение православных братьев своих и веры их от гонения нечестивых. ◊

Стр. 69—70.

33–3 *Текста*: Дамы, знатные барыни ∾ поймет. — *нет*.

Стр. 70.

3–7 Нет, народ наш ∾ как хлеб духовный. / *а*. Нет, народ наш далеко не материалист, народ не развращен еще духом, он верит в свои начала, когда надо, не посмотрит на тяготы и на бедствия, он рад вынести всё для великой цели, и благоговейно рад даже тому, что наконец-то воздвиглась подобная великая цель. Он чувствует, что он облагороживается духом и жаждет таких минут, как манны небесной. *б*. Народ наш далеко не материалист так, как кажется бы желал даже Грановский, говоря, что ныне времена не те и уже никого не увлечешь. . . [ну хоть разок на освобождение гроба господня], так сказать, отжившими идеями за храм Христов. Вот что меня поразило в статье. Это именно ‹паралле›ль[3] с современной минутой. Народ не развращен еще духом и, когда надо, не посмотрит и на тяготы, и на бедность свою, и на то, что у самого еще бедствия, напротив, благоговейно рад будет, что наконец-то воздвиглась подобная великая цель, в которой и он может принять участие. Он чувствует, что он

---

[1] *Далее на полях наброски и пометы*: Грановский пишет: Выписка. Это ведь касается народа. То-то и есть и т. д.

[2] *К слову*: история — *знаком отнесен набросок на полях*: История, а то что на одном-то сидеть и не двигаться.

[3] *В рукописи слово*: параллель — *дано знаком*: ‡-ль.

облагороживается духо и жаждет таких минут, как манны небесной ◊

7–14 *К тексту*: И неужели народ ∾ «знатоки». — *на полях вариант*: И неужели народ не знает, что дальнейшее развитие войны действительно могло бы зажечь и теперь войну. Тогда опять ему тяготы, повинности. Но, по-видимому, он не боится их, взгляните на него. Жертвы. Нет, народ наш не просто мертвая масса.

7–9 народ теперь ∾ даже и нам / народ не знает и не понимает, что дальнейшее развитие «дела о славянах» может даже ◊

9–10 Ведь тогда ему опять / Тогда ведь опять ему ◊

10–11 выпадут ∾ тяготы / повинности и тяготы ◊

12 *После*: он чего-нибудь — с другой стороны, он видит ясно движение сверху и рад ему. Дамы, знатные барыни ходят по улицам с кружками, собирая милостыню на братьев славян, и он важно и умилительно смотрит на это: «значит, все опять собираются вместе, значит, не всегда же рознь, значит, [все еще] мы все такие же христиане». И, уж конечно, до него дойдет легенда о смерти «болярина» Николая Алексеевича Киреева, и, кто знает, может быть, он сложит об этой смерти и жертве свою народную песню —

И хоть падет, но будет жив
В сердцах и памяти народной
И он, и пламенный порыв
Души прекрасной и свободной.
Славна кончина за народ!

Да, это была кончина за народ, не за один лишь славянский народ, а и за русский народ, ибо дело это [действительно] взаправду народное, русское, русское и православное дело, и народ всегда это хорошо поймет,[1] не так оматерьялизованно. Нет, не мертвая масса народ ◊

12–17 побольше ∾ во весь свой век / больше духовных и деятельных начал, чем [предполагают даже Грановские][2] предполагают знатоки, смотрящие на него с точки зрения замкнутого идиллического быта [и с точки зрения пассивности] и разве лишь будущей отдаленной возможности. Да и множество этих наших знатоков народа и писателей о народе, которые так [ведь] и остались на весь свой век ◊

19–20 Повторю ∾ не стыдное. / Повторю, у нас идеалист часто забывает, что слово «идиллия» есть дело не стыдное. Фамарь ◊

21 *Слов*: если только ∾ великодушны — *нет*.

21 одна и та же / одна ◊

22–23 только лишь / только ◊

23 *После*: различные — (только пути к достижению разные). Как в искусстве, так и в жизни [так], так и во всем другом. ◊

24 своего идеализма / идеализма ◊

24–26 Так что идеализм ∾ из мира. / Реалист, рисуя человека, как он есть, рисует потому, что любит его, желает, чтоб он был лучше и ему было лучше — стало быть — к идеалу.

Идеал‹ист› реалист уж в законченн‹ом?›. В искусстве упрекают идеалиста в фантастическом. Но ведь фантастичность формы лишь, а сущность-то реальна, тот же человек, облитый любовью и

---

[1] *К тексту*: И, уж конечно, до него дойдет ∾ поймет — *на полях предыдущего листа набросок*: Киреев *за народ*. Именно за народ, дело это наше же, народное, бескорыстное, не для захвата только. Повторю то, что сказал в июне: неужели народ воздвигся с корыстными политическими целями, для захвата и обрусения славян?

[2] *К тексту*: Нет, не мертвая ∾ Грановские] — *на полях предыдущего листа набросок*: Нет, в народе нашем, видно, больше духовных и деятельных начал, чем предполагал Грановский.

поклонением. Мадонны были в небе, но они люди, женщины. То-то и дорого! И идеалист и реалист пришли к одной точке исхода, к любви, лишь приемы различны. Как в искусстве, так и в жизни, так и всюду, хотя бы даже в истории, в политике, всюду, «идеалист» слово нестыдное. ◊

26–39 *К тексту*: Не Грановским стыдиться ∽ умолкают. — *по всему листу и на полях наброски*: *1*. Да и им ли бояться мелкоты, бедности дела вначале. Неужели в самом деле бояться насмешек ареопага мудрецов. Женщина Фамарь. *2* [И] Не историку Грановскому проповедовать, что ныне времена не те и т. д., не знать, что правда и честь торжествуют всегда, хотя бы вначале были идеалы и бедны. Ему ли бояться усмешек ареопага и примыкать к хитрецам Меттернихам. Пусть не такие, как Грановский, стыдятся смеху ареопага. Они должны и обязаны знать, что только они истинны и велики. *3*. Если уж Грановские застыдятся свисту ареопага мудрецов и перескочат в Меттернихи, то кто же будут нашими пророками? Да и Грановским ли стыдиться мелкоты, Грановским ли не знать, что и всегда найдется один член ареопага и «женщина именем Фамарь», которые [примкнут] поверят проповеднику и светлому делу, не боясь разрыва с мудрецами и дело. . . [вырос‹ши›], начавшись с незаметной кучки, выростет, умножится и. . . победят мир. *4*. И примыкают к Меттернихам: нынче, дескать, интересы не те, нынче государство и проч. Уж если и Грановский, кто же будут нашими пророками. — Уж Грановскому ли не знать, что нечего бояться, что идеи эти бедны, мелки, жалки, неправильны? И не Грановскому устыдиться ареопага — и победят весь мир и мудрецы умолкнут

40 III / 2

40 *Заголовка*: Немцы и труд ∽ Об остроумии — *нет*.

43–44 больные ∽ дыхательных путей» / преимущественно больные «катаром дыхательных путей» ◊

Стр. 70—71.

45–2 людей богатых ∽ в заботе / люди богатые или уж, по крайней мере, такие, которые в состоянии не отказать себе в заботах ◊

Стр. 71.

2 *После*: *приходят — начато*: и даже приез‹жают›

3 *После*: полечиться — как и богатые ◊

4 до сотни человек ∽ и не приходят / до сотни и [содержатся они. . . уж не знаю на чьи средства; знаю только, что и не только] очень может, что приходят и не пешком ◊

5–6 на немецких / на германских ◊

7 остановки в пути / остановки ◊

9 к пассажиру) / к посетителю ◊

10–11 пустой вагон / вагон, совершенно пустой ◊

11 стены / стенки ◊

12 должны стоять / здесь стоят ◊

15 А сколько / А, позвольте, сколько ◊

17 Прикинув мысленно размер / Прикинув размеры ◊

18 я заключил / я тотчас увидал ◊

19 да еще плечом к плечу / плечом к плечу, а грудью упираясь в спину стоящего впереди соседа. [Оказалось, что] Таким образом, на каждого полагается [квадрат‹ный›] по одному квадратному аршину пространства и буквально не более, если только действительно набьется двадцать пять человек.

19–21 таким образом, в случае ∽ сесть никак / Таким образом, то есть в случае двадцати пяти человек, ни один не мог [сидеть] сесть никак ◊

23 *После*: узелки какие-нибудь — Послушайте, да ведь [животные в своих] коровы и лошади там, в тех вагонах сзади, гораздо роскошнее помещены.

— О, разумеется, скотина и не может быть помещена так тесно, и сверх того скотина больше платит. А здесь зато, в этом вагоне, можно проехать из конца в конец всю Германию за [две марки] [один талер] (шестьдесят пять копеек).◊

24–25 *Текста*: Да, но зато ∾ для бедного. — *нет.*

26 Ну ∾ стоит. / *а.* Действительно, это такое *преимущество*, которое чего-нибудь да стоит *б.* Ну, это действительно такое *преимущество*, которое чего-нибудь да стоит для бедного ◊

26–27 Итак, эти «бедные» / Эти «бедные»

29–30 все дома / буквально все дома ◊

31 явятся, один вслед за другим, два сбирателя / непременно явятся два собирателя ◊

32–33 вида смиренного ∾ достоинстве / виду смиренного и терпеливого [но полного] и в то же время полные [совершенного] некоторого собственного достоинства ◊

33–34 Один из них ∾ бедных больных. / Один из этих собирателей и сбирает на содержание больных.◊

35 приглашение / воззвание

40 о пожертвованиях / жертвовать

40–41 *Слов*: кроме этих ∾ других — *нет.*

42–43 его чиновником) / чиновником ◊

45 слишком / очень ◊

46 сумма / часть

Стр. 72.

2 перебывает публики / перебывает ◊

4 отказываются / отказывают ◊

5–6 *Слов*: (и есть ∾ впоследствии) — *нет.*

6 публика / публика здесь ◊

7–8 эту толпу / на эту толпу ◊

9–29 *Текста*: Кстати, я читал ∾ в будущем. — *нет.*

30 то есть эмский сборщик / то есть собиратель ◊

30–31 неуклонно являющийся вслед за первым / который неуклонно является вслед за этим ◊

32 Это здешнее / Здешнее ◊

33–34 Уж разумеется ∾ неприлично было бы / Надо, конечно, [предположить] прибавить, что идиотов доставляет не один маленький Эмс: было бы неприлично ◊

33 *После*: идиотов — а [может быть] всё флоританизское ‹?› Нассау, а может, и еще кто-нибудь ◊

35–36 На заведение ∾ приходится прибегать / И, уж конечно, на них ассигнована казенная сумма, но оказывается, что находят нужным [прибегнуть] прибегать ◊

37–38 Блестящий человек ∾ получают / Блестящий человек вылечивается, получает ◊

39–40 оставляют / оставляет ◊

41 существ / идиотов

41 *После*: существ — Их, впрочем, здесь и лечат, и говорят, иногда вылечивают-таки, но всё больше неизлечимые ◊

42–43 Сбирает этот второй чиновник / Сбирает он ◊

43–44 *Слов*: «но прежде было ∾ с горестию — *нет.*

45 В этой книге / Зато в этой книге ◊

Стр. 72—73.

46–1 *После*: серебр‹ом›) — да еще фамилию свою подписал. ◊

Стр. 73.

1 Это напомнило / Я фамилию не выставлю, но это напомнило ◊

1–2 одного русского статского / одного статского какого-то ◊

4–7 С год тому ∾ о славе. / Это передавали с год тому в газетах, но

имени подписчика не объявили. Зачем же, если он сам подписался, может быть [ему именно мечталось] именно для славы ◊

7–12 Но статский советник имел ∾ третьего разряда. / *а. Начато*: Но статский советник [выказал, по крайней мере, взгляд] *б.* Но статский советник имел, очевидно, в виду выразить свою чрезвычайную [умственную силу] [сильный ум] силу ума, взгляд. направление. Он протестовал против искусства, против ничтожности поэзии в век реализма, пароходов и железных дорог и т. д. и т. д. Одним словом, против всего того, на что восстает современная средина и бездарность и всякая либеральная или вернее либеральствующая обшмыга низшего разряда ◊

15 несчастные / бедные ◊

16–17 чего уж ∾ острить / *а.* зачем бы уже тут острить-то, а *б.* чего уж бы тут-то острить, а?

20–21 а стало быть ∾ попасть / *а.* стало быть, тоже в рай попадет *б.* а потому и [этот жертвователь] этот полторакопеечный жертвователь, без сомнения, тоже в рай попадет ◊

21 на рай / чтоб в рай

22 «к чему давать лишнее?» / к чему [давать] лишнее-то давать, в самом деле? ◊

22–23 Просто ∾ не надуешь. / *а.* Экономист, больше ничего, дитя века, значит. *б.* Расчетливый человек. и больше ничего, так сказать, дитя века, надуть себя не даст. Нынче век не тот, нынче никто себя не даст надуть.◊ — *Далее начато*: *а.* Эмс я, конечно, не стану подробно описывать, на то есть книжки, а так, какие-то впечатления. Меня всего больше девушки у источников [1] *б.* 4. Эмс я подробно описывать не намерен [да и пр‹итом›]. Притом же существуют уже подробнейшие описания [Эмса], и на русском языке, например книжка доктора Гиршгорна «Эмс и его целебные источники», изданная в Петербурге. Там всё можно почерпнуть, начиная с медицинских сведений об источниках до самых мельчайших подробностей и сведений об жизни в отелях, об гигиене и даже о местоположении Эмса. И вот странность, я никогда ничего не умею описать в том роде, теряюсь и разбиваюсь, начиная с средины и даже с конца, и никогда почти с начала. Первое дело в Эмсе, казалось бы, воды; но я знаю только, что они сильно и, кажется, удачно действуют и имеют довольно резкий вкус, так что про них нельзя сказать того, что французские врачи в насмешку, а может, из зависти говорят про баден-баденскую воду, самую модную на свете: «c'est une eau claire avec un petite goût salé» ‹это прозрачная вода с небольшим соленым привкусом (*франц.*)›. ◊

24–26 С самого первого ∾ приезд. / *а.* Но меня, если хотите, с самого первого раза, еще третьего года заинтересовало одно обстоятельство, над которым, как ни смешно это *б.* С самого первого приезда в Эмс, т. е. еще третьего года, меня заинтересовало одно обстоятельство, над которым я даже задумывался. ◊

27–28 на несколько / на множество ◊

28 *После*: Кессельбрунен — *начато*: Самые

29 отгорожены от публики / отгорожены ◊

30 *После*: девушек — немок ◊

33–34 В определенные два часа ∾ тысячи больных / У источника толпится по нескольку сот больных с стаканами. а в разгар сезона и тысячами ◊ *Ср. набросок на полях*: В два часа. положенные на утреннее питье воды, у каждого источника перебывают

34–37 каждый больной ∾ питья / Каждый больной [пьет] выпьет по нескольку стаканов, по три и по четыре [зараз. то есть] в течение двух-

---

[1] *Рядом на полях наброски*: *1.* если б и хотел. Не умею я этого, в последовательн‹ом?› *2.* Если хотите, мне вот всего более показались любопытными девушки

часового утреннего питья [вод] и затем источник запирается до вечера, когда опять приходят пить. ◊
40 ни разу / нисколько
41 удивительнее / но удивительнее ◊
42 каким-то чуть не / каким-то ◊
42–43 Вы только один раз / Вы приходите
45 и она уже ∾ ни разу / и она уже вас знает напзусть во весь месяц лечения и ни разу ◊
48 *Фразы*: Кроме того ∾ в толпе. — *нет.*

Стр. 74.

3 *Слов*: в какую-нибудь четверть минуты — *нет.*
4–5 Она сама протягивает ∾ и знает / И не вы протягиваете руку за стаканом, вы, пожалуй, зазеваетесь, и она сама протянет к вам, она знает ◊
7 и сколько вам предписано выпить / *а.* и сколько вы пьете *б.* и сколько вам определено пить ◊
8 не случается / не бывает
8–9 присматривался и нарочно справлялся / нарочно присматривался и даже справлялся, расспрашивал ◊
9 больных / стаканов ◊
10 что всё это / что это ◊
12–13 *Слов*: и я всё еще смотрю ∾ фокус — *нет.*
13–14 И хоть ∾ разрешить. / И хоть и смешно удивляться, но эту задачу я не мог разрешить. ◊
16–19 а между тем ∾ недоумение / *а.* Правда, немки все ужасно привычны к работе с весьма раннего детства, да немцы тоже, это много помогает уменью делать дело *б.* Правда, немцы и немки все ужасно привычны к работе с весьма раннего детства, [но] что касается до труда, то для присматривающегося русского тут тоже большое недоумение ◊
20–22 Живя месяц в отеле ∾ и с содержанием / [И хоть, говорят, смешно беспрерывно и всему удивляться, но воля ваша, живя] Живя в Эмсе месяц в отеле (то есть, собственно, не в отеле, там всякий дом отель, а это квартиры, с прислугою [с чаем, кофеем и даже со столом] и даже с кушаньем ◊
23–24 где я жил / где я стоял ◊
24–25 а в иной и целые семейства / в [каждой] иной по несколько человек ◊
26 множество раз / *а. Начато*: несколь‹ко› *б.* по сотне раз ◊
27 была / *а.* полагается *б.* бывает ◊
28 держит / посылает ◊
31 У этой хозяйки-вдовы было / Кроме того, хозяйка — вдова, и у ней ◊
31–33 за ними надо ∾ в школу / надо присмотреть за детьми, прислужить им ◊
33 надо вымыть во всем доме полы / вымыть пол во всем отеле ◊
34–37 переменить ∾ не дожидаясь субботы / каждую квартиру, и каждый раз после выбывшего жильца вымыть всю квартиру, не дожидаясь субботы, всякому налить воды, перестлать постели ◊
37 Ложится спать / Ложится ◊
37–38 в половине двенадцатого ночи ∾ в пять часов / в половине двенадцатого, а будит ее хозяйка в пять, и нисколько не позже ◊
39 *После*: говорю — (я живал и в других отелях) ◊
39–40 нисколько / ничего
42 она / эта девушка
41–43 немыслимую ∾ чисто / и что сверх [одевать] с нее требуется, чтоб она одета была очень чисто ◊
42 в ней / в девушке
44 при ненарушимом спокойствии / и ни на что не жалуется. Но только вечно, вечно в работе — ни одной секунды отдыха, кроме ночного. Шесть часов или пять спит она. ◊ *вписано.*
44 у нас / у нас, в России ◊

46 не сделает / не знает
47 а сто раз / а тысячу раз ◊
47 ошибется / сто раз ошибется ◊

Стр. 75.

1 нельзя было / нельзя ◊
1–2 и я ∾ не знаю / но в качестве русского не знаю ◊
3 Я, впрочем ∾ и задуматься. / *а.* Я, впрочем, очень хвалю *б.* Я рискну и похвалю, хотя тут есть кой-что можно и похулить ◊
4–6 Здесь каждый ∾ большинстве. *вписано на полях.*
6–13 Но труд ∾ а и хозяева их. / Главное здесь ведь и во всем, в главном и в самом мелком, врожденный труд, и мало того, что врожденный: установившийся, веками сложившийся с обозначившимся методом, приемом [так что всякий]. Этот метод и прием [можно, пожалуй, очень похвалить] усваивает всякий, так сказать, с самого своего рождения, [но каждый [только] одно свое дело знает, [но зато труд воловий]] еще с школы умеет подойти к своему делу, а потому и овладеть им вполне. [Что же до остроты немецкого ума, сообразительности [сметливости][памятли‹вости?›] и проч., то об этом в свете существует много варьянтов]. Французы никогда не любили немцев, они тоже постоянно находили и находят немецкий ум и немецкое соображение туговатым, хотя отнюдь не тупым. Про туготу и тупость немцев у нас множество анекдотов. Тут мне кажется лишь слишком сильная своеобразность, слишком сильная национальная характерность, свой слишком особенный умственный прием — вот это-то и поражает и кажется [всем] странным и доводит [даже] до неправильного заключения. Иногда, впрочем, в общежитии, немецкий характер [кажется] действительно кажется и туговатым и странным. ◊

Стр. 75—76.

14–1 *Рядом с текстом*: Посмотрите на немецкого чиновника ∾ объяснение — *на полях наброски к последующему тексту*: *1.* прежде чем установилась марка, был счет на товары *2.* — Это мой вагон? — Нет, не этот. А вы где сидели? — Да я потерял [свой] вагон. — И я не знаю, где ваш вагон. *3.* 10 грошей. Тут именно такая манера — обойти прежнее и взять‹?› что-то такое посредствующее и [даже] двусложное, и так [везде] во всем в жизни. Предпочтение посредствующего двусложного. *4.*Ведь вы его сочли бы дураком. Но пожив в Германии, вы убеждаетесь, что всякий немец точно такой же и что всякий так же поступит. Помню лет двенадцать тому. Дрезденская галерея. Нет, отнюдь не дураки, но уж такая манера. Спрашивается, зачем же он настаивал, королевская или нет? А позвольте узнать, есть другая галерея?

Стр. 75.

15 чиновник русский / чиновник в России
17–18 и если не ∾ по физиономии / если и не выказывает раздражения видимого, то затаенное [раздраженное] видно во всей его физиономии ◊
19–20 Особенно ∾ букашке / из мелких особенно
20–22 сидят ∾ и проч. / сидят за балюстрадой и дают публике справки, принимают от вас [и выд‹ают›] [что-нибудь или] и выдают какие-нибудь билеты [впускают вас куда-нибудь или отпускают откуда-нибудь, взвешивают и дают квитанцию] и проч. ◊
23–24 получить свою справку ∾ билет / получить ответ, свою справку, [еще что-нибудь] билет ◊
25 добились наконец / добились ◊
28–30 *Слов*: хотя вы ∾ справляться — *нет.*
30 Вы, однако, готовы ждать / вы решаетесь ждать ◊

31–32 И вдруг бьют часы ∾ публика! / [Но вот] бьет два или три часа пополудни, судя по положению, и присутствие закрывается — убирайся, публика! ◊

32–33 у нас чиновник ∾ за делом / наш чиновник ужасно мало [занят] часов сидит в дню за делом ◊

34–35 *Слов*: к публике ∾ что она публика — *нет.*

36 непременно нужно / нужно ◊

38–39 а я с вами ∾ выведут» / а я всё с вами сделаю. Разругаю вас как хочу, а начнете сердиться, солдата кликну, и вас выведут ◊

39–40 *После*: какую-то обиду — которую никто из вас ему никак не сделал, да и не думал делать ◊

40 отмстить вам / Вернее же, отмстить ◊

42–43 во время сезона ∾ тысячами / *а.* что съезжаются по пять тысяч посетит‹елей› *б.* в городе во время сезона (июнь, июль) пять тысяч приезжих ◊

44 каких-нибудь двух часов / [нескольк‹их›] [дву‹х›] некоторого времени ◊

45 весь день / целый день ◊

45–46 принять почту, отправить ее / разобрать почту ◊

Стр. 75—76.

46–1 тысяча человек ∾ объяснение / *а. Начато*: Выбирая сотни *б.* тысячи людей приходят спрашивать poste restante. [Каждому] Для каждого-то он пересмотрит вороха писем, каждому выдаст, всякого выслушает, всякому даст объяснение, справку ◊

Стр. 76.

1–3 *Рядом с текстом*: и всё это терпеливо ∾ нарочно справился — *на полях набросок к последующему тексту*: Потом в Эмсе всякого приезжего русского всего больше поражает [в Эмсе] толпа русских, огромность ее. Всего скорее вы узнаете русского или русскую по французскому языку.

2 с сохранением достоинства / с полным достоинством

2–4 Он из мелкой букашки ∾ в букашку. . . *вписано.*

4–6 По приезде в Эмс ∾ poste restante. / Приехав, я долго не получал обещанного письма, каждый день справлялся и наконец стал очень беспокоиться ◊

6–7 В одно утро ∾ у себя / На другое утро, возвратясь с вод, нашел письмо это у меня в комнате ◊

7–13 и чиновник ∾ мое беспокойство / и [почтмейстер, единственно упомнив‹ший›] чиновник, упомнивший мою фамилию, но не знавший, где я живу, а потому *нарочно справившийся* для этого в печатном *курлисте* приезжих, в котором обозначено [где каждый], в каком отеле каждый остановился, послал мне его с нарочным, потому что накануне заметил мое чрезвычайное беспокойство ◊

14 так сделает? / *а.* это сделает. [Правда, здесь не столица, здесь провинция, но мне случилось прожить два года в Дрездене, [и я всегда дивился] это уж не совсем провинция, но и там я всегда дивился на их общительность, вежливость, готовность выслушать и дать всевозможные объяснения и, наконец, на неустанность работы их.] Немецкий чиновник работает по крайней мере вдвое больше часов на дню, чем наш. Между тем жалованье вовсе не больше нашего. На всё это, конечно, старый ответ: «У нас людей мало, а здесь людей пропасть». Но, может быть, есть еще и другие причины. [Труд врожденный, установившийся, веками сложившийся, и, наконец, веками сложившееся понятие о себе как о человеке, а мы — двумя последними веками народ, отученный от всякого труда. Взгляд же на себя как на человека, особенно в эти последние 150 лет, никак у нас не мог сложиться, а напротив, всё систематически пришло в хаос и так и осталось в хаотическом состоянии.] *б.* сделает такую любезность. ◊

15-32 *Текста*: Что же до остроты немецкого ума ∾ странное впечатление. — *нет.*
34 Была ночь ∾ в вагоне / Я ехал прямо из Петербурга, и шли уже третьи сутки езды [чтоб] ◊
36 *После*: спали — кажется
37 раздается / вдруг раздается
38-39 сам же и затворил / сам же запер ◊
40-41 на другом конце поезда, как вдруг / на другом конце, и вдруг ◊
41 что кто-то зовет из окна одного вагона / из окна одного вагона меня зовут ◊
48 Я и подумал / *а.* И я, наверно *б.* А я подумал ◊

Стр. 77.

1 заметив ∾ место / видя, что я потерял вагон [звал] и не знаю, где найти мое место ◊
2 Я подошел / Я подбежал ◊
4 Я не с вами сижу? Это мой вагон? / Я думал. . . Это мой вагон? Я не с вами [еду] сижу? ◊
10 *После*: кондуктор — взял меня за руку ◊
10 *После*: вагон — И действительно, кондуктор на немецкой железной дороге, к концу пути, совершенно знает вас наизусть, ваше лицо, куда вы едете, в каком вагоне сидите, на какой станции вам надо выходить или переменить поезд. ◊
10 Спрашивается / Но спрашивается ◊
11 *После*: тот немец — Иной счел бы его за дурака ◊
12 скоро убеждаетесь / вы убедитесь ◊
12-13 что и всякий ∾ поступит / и что всякий так же поступит, как этот ◊
14 Лет десять / *а. Как в тексте. б.* Лет двенадцать ◊
28 Но. . . / Но. . . позвольте
31 *Заголовка*: Русский или французский язык? — *нет.*
34 *После*: как в Эмсе — куда [съезж‹аются›] приезжают императоры.
34 Вообще ∾ лечиться. / *а. Начато*: Одним словом *б.* Вообще, чрезвычайно много русских теперь лечится. ◊
36 как рассказывают / как рассказывали мне ◊
38 генеральские / и значительные ◊
38 высылая / присылая ◊
39 и выпрашивая / и ужасно покорно выпрашивая ◊
40 Женщина ∾ строптивая. *вписано на полях.*
43 начал уже / начинает

Стр. 77—78.

44-1 Я говорю ∾ слышались лишь / Я говорю «начинает»: до сих пор слышались, правда

Стр. 78.

1 скажут / мне скажут ◊
2-3 что и тема ∾ изношенные / *а.* и тема и нравоучение стары *б.* и тема и нравоучение слишком [уж старые] изношенные ◊
4-5 не по-русски ∾ по-русски) / по-французски
11 бесспорно / бесспорно и явно
15 до нелепостей / до абсурдов и нелепостей ◊
17 людей пожилых / уже очень пожилых
18 *Слов*: для них — *нет.*
19-20 обстоятельстве ∾ беспокоившем / *а.* деле, о каком-то обстоятельстве, их очень занимавшем и беспокоившем *б.* обстоятельстве [по-видимому] [видимо], их очень занимавшем и [кажется] даже беспокоившем ◊
20 Они говорили в волнении / Они [говорили] были в волнении ◊
21 неуклюжими / нахватанными
23 подсказывал другому / подсказывал [фразы] слова другому ◊
26-27 было по-французски / [высказаться] говорить по-французски. Но

всего любопытнее было то, что *они наверно* и не предпочли, [и во‹все›] а просто говорили [так] по-французски, [даже] и вопроса не [поставив] ставя, на каком языке говорить лучше.
27–32 Это меня вдруг поразило ∾ удобнее. *вписано на полях.*
27–28 неимоверною нелепостью / неимоверным абсурдом ◊
29 Главное / Главное было ◊
29–30 не бывает ∾ хоть я / не было никакого предпочтения [или выбора], хотя я ◊
30 «предпочли говорить» / предпочли
31 просто говорят / они просто говорили
32 удобнее / лучше ◊
33 Отвратительно тоже / Но особенно ужасно
38–39 и фальшь выдает ∾ надорванной выделкой / и фальшь [так и скачет] выдает себя с первого звука [именно] прежде всего именно этой [старательной] выделкой ◊
40–41 неприличием / похабностью ◊
42–46 тем нахальным самодовольством ∾ гарсона / *а.* желанием подделаться под уличное парижское простонародье или под язык петербургского парикмахерского гарсона, а главное, тем лакомым самодовольством, с которым он говорит свою французскую фразу и которого никак не может скрыть, несмотря на то, что язык этот действительно почти его натуральный язык *б.* тем лакомым самодовольством, с которым они, до страсти желая подделаться под уличное парижское простонародье или под язык петербургского парикмахерского гарсона, выговаривают эти буквы *в.* тем лакомым самодовольством, тою детскою хвастливостью, [с которым], не скрываемою уже вовсе, даже друг от друга, с которыми они хвастаются один перед другим подделкой под язык петербургского парикмахерского гарсона. ◊
46–47 *Фразы*: Тут самодовольство ∾ отвратительно. — *нет.*
47–48 но это всё ∾ удивительным / но это удивительно ◊

Стр. 79.

1–2 языком ∾ болезненным / языком совершенно мертвым, языком болезненным
2–4 они сами не понимают ∾ по неразвитости / они сами этого пока не понимают, и вся беда, конечно, повторяю, в одном только их невежестве. [По нераз‹витости›] Напротив, они воображают, что говорят языком совершенно живым, и по неразвитости
5 *После*: мыслей — Я не спорю, конечно, что русский (или всякой другой нации) может говорить и настоящим живым французским языком, но не иначе как уже совершенно переродившись в иностранца. Если б англичанин или русский родились в Париже, в нем взросли, обучились и пробыли до двадцати лет, и ни на каком ином, кроме парижского, не говорили, мало того, [на нем] с ним прошли бы всю свою школу, то, разумеется, они [обучились] стали бы совершенными и натуральными французами.
6–25 Они не в силах рассудить ∾ гарсон. / *а.* Но такое перерождение даже и между русскими [случалось уж] редкий случай, а большею частию вырастают в России, но еще с кормилиц начиная лепетать по-французски от бонн и от гувернеров, а потом беспрерывно практикуясь в обществе. Но тут-то и ждет их разочарованье, которое они никогда не поймут: а именно то, что они говорят совсем не французским языком, [а книжным и мертвым] а каким-то фантастическим и сумасшедшим языком, несмотря на всё их желание. Они никогда не в силах усвоивать себе всех основных родовых стихий живого французского языка, а усвоивают лишь [жаргон] прежде данный чужой жаргон и парикмахерское нахальство фразы, а затем, пожалуй, и мысли. *б.* [Но переродиться или лу‹чше›] [Между тем] Они не [могут] в силах рассудить, что выродиться совершенно во французов им нельзя, если они родились и выросли в России, несмотря на то,

что самые первые слова свои лепечут уже по-французски от бонн, а потом практикуются от гувернеров и [в обществе] между собою. [Между тем] [Но языком не] Язык этот все-таки мертвый, а не живой, [язык краденый и, наконец, какой-то] язык не натуральный, а сделанный, и на котором, конечно, не говорят французы, фантастический и сумасшедший язык, а совсем не французский. Я звал этот язык [именно] как бы краденый‹*не закончено*›, а потому ни один из них не в силах породить во всю жизнь свою на этом краденом языке ни одного *своего* собственного выражения, [своего] слова, своего, а не чужого, которое бы подхватилось и пошло в ход, на улицу, что в состоянии, однако, сделать каждый[1] парикмахерский гарсон. ◊

25–27 *Текста*: Тургенев рассказывает ∾ de terre» — *нет*.

25–34 *К тексту*: Тургенев рассказывает ∾ происшествия. — *на полях наброски*: Тургенев рассказ‹ал›; beftek-pomme; очевидно истинное ‹происшествие›; а другой уже успел выучиться заказывать бифштекс по-новому, пришел и крикнул: «beftek-pomme». Первый русский, крикнувший «aux pommes de terres», был в отчаянии, как он это не знал и пропустил это новое выражение «beftek-pommes», так что теперь, пожалуй, гарсоны могут счесть его не за натурального француза, а всего только за русского, посмотреть на него с презрением.

35 русские ∾ также / они точно так же ◊

43 на эту тему / об ней

Стр. 79—80.

45– 1 хоть для очистки / так сказать, со зла и для очистки ◊

Стр. 80.

1 все-таки скажу / хоть смешон буду, а все-таки свое скажу

4 *Цифры*: II *и заголовка*: На каком языке говорить отцу отечества? — *нет*.

9–10 чем богаче тот материал / чем богаче и, главное, чем живее, жизненнее и натуральнее мой язык, то есть мой материал ◊

10 усвоиваю / усвоил ◊

10–13 для их выражения ∾ и победительнее / тем буду я счастливее, отчетнее, владычнее, победительнее

13–16 тем глубже скажу ∾ буду умнее / тем буду крепче и спокойнее духом и уже, конечно, тем буду умнее, тем скорее выражу мою мысль и волю другому ◊

18 *После*: с такою быстротою — может быть ◊

18 несравненно / *а. Как в тексте. б.* бесчисленно

19 Оттого / А оттого ◊

23–24 то всё же, так сказать / то, по крайней мере

27 *К словам*: тот язык ∾ мыслить — *незачеркнутый вариант*: наш первоначальный язык ◊

27 предпочли / будем ◊

28 *После*: нашу мысль — *а*. Такой язык, конечно, должен быть наш природный, и ему мы должны обучиться в совершенстве. *б*. Всё это, конечно, азбука. Материал этот, разумеется, язык родной, который мы должны заготовить себе для нашей мысли, которому не учатся, но с которым родятся.

30–36 Во-первых ∾ родятся. / Во-первых, чтоб читать по-французски, во-вторых, чтобы и говорить с французами, если столкнемся с ними, но уже отнюдь не между собою. На обыденную жизнь этого заученного французского языка, [всегда] конечно, и русскому хватит, но на высшую жизнь, на глубину мысли и чувства ни за что недостанет. Для этого нужен язык родной. Не так думают маменьки. Надо непременно выбирать язык родной, с которым родятся ◊

37 высших ∾ своем / иных классов русские ◊

---

[1] *К слову*: каждый — *вариант*: всякий ◊

39-40 какой-то искусственный ∾ в школе / искусственный, даже учатся языку ◊
43 *Слов*: родившись с мертвым — *нет.*
44 русскому языку / *а.* языку живому *б.* языку русскому ◊

Стр. 81.

2 писал потом / писал ◊
2–3 нередко ∾ серьезных размерах / даже и в весьма серьезных примерах ◊
3–4 по собственному своему признанию / по собственным словам своим ◊
8 Выражение *«обучиться языку»* / *а.* При сем слово «обучиться» *б.* Слово «обучиться» ◊
10 Но скажут / Скажут ◊
10–14 Но скажут ∾ воспользоваться. *вписано.* ◊
13 русский язык русскому / русский русскому ◊
14 пока / пока еще ◊
15–23 Чтоб усвоить себе ∾ иные деятели. / *а.* Чтоб [не] могли усвоить его без труда, без науки, а просто лишь живой жизнью. Язык с детства всего лучше перенимают от нянек и от простонародья. *б.* Чтоб могли усвоить его вполне прирожденно, без труда и без науки (под наукой я, [раз‹умею›], конечно не одну грамматику разумею), всего лучше с детства перенимать его от русских нянек (не боясь того, что она сообщит ребенку разные предрассудки, о трех китах, например (господи, ну как [это] киты-то у него на всю жизнь останутся!)) и от простонародья, пожалуй хоть от слуг, от которых так предостерегает родителей г-н Спасович ◊
23–27 Затем уже в школе ∾ заучивания наизусть. / затем учиться [ему] языку в школе изо всех сил, заучивать *наизусть* памятники нашего слова с самых древнейших времен, с летописей, с былин и даже с церковнославянского языка, чрезвычайно много форм которого [вошло] сроднилось с формами в живой русской речи. Именно наизусть: пригодится, невзирая для этого случая даже на всё ретроградство заучивания наизусть. Наизусть же заучите две-три былины, а они и пригодятся. А у нас [же], то есть в высшей нашей интеллигенции, ограничиваются лишь несколькими баснями Крылова. ◊
27 *Слов*: таким образом — *нет.*
28 по возможности, то есть / и усвоив хорошо, ну, то есть ◊
30 *Слов*: и приучив себя ∾ мыслить — *нет.*
32 оригинальной русской / русской ◊
33 в возможном совершенстве / в совершенстве ◊
33 в возможном же / *а.* в таком же *б.* в возможном ◊
35–36 усвоить ∾ но не прежде / усвоить через сопоставление и всех иных форм и иностранный язык ◊
38 тоже невидимо и невольно / невидимо ◊
38–39 *После*: и тем расширим ее — *знаком вставки отнесен текст*: В сущности ведь ∾ с которым родился
43 передавать / передать ◊
43 переведены / переданы ◊
43 много / много вещей ◊

Стр. 82.

3 *После*: певицы — (певшей тогда у нас в итальянской опере) ◊
7–8 ничего бы не вышло / ничего ◊
10 несмотря даже на то, что / хотя и далеко не то
10 несомненно / несравненно ◊
11 выразился / *а.* обработавшийся *б.* уж выразился ◊
14 *После*: всеобъемлющ— *начато*: И вот этакого
17 точно / понятно
17–21 И вот этакого ∾ мысль. / И вот этакий-то материал мы презираем, считаем «грубым», подкопытным языком, на котором неприлично выражать великосветское чувство или великосветскую мысль.

Этакого-то материала мы сами лишаем своих детей — для чего? Чтоб сделать их несчастными. ◊

25 даже духовным / и духовным ◊

27 *Слов*: в продолжение веков — *нет.*

36 справиться / познакомиться ◊

37 *живого* / родного, *живого* ◊

37 *После*: языка — и усиленное изучение всех форм его ◊

39 и уже поднявших / *а.* и обновившая *б.* и поднявшая ◊

44–45 не надо учиться ∾ с ним родятся / [не учат] не надо учить, потому что с ним родятся

47 *После*: давно уже — а родимся с искусственным. ◊

47–48 Живой же язык ∾ с народом. / Живой язык у нас явится, когда мы начнем походить на русский народ. ◊ [1]

Стр. 83.

3 всё это / это ◊

5 а коль / хочет

6 *После*: «и изящнее — и образованнее

7–9 Но она даже ∾ не достигнешь / Но в том-то и дело, что нужно для этого переродиться во француза совсем, а с боннами и гувернерами этого счастья все-таки не достигнешь. ◊

9–11 а сделаешь ∾ быть русским / Счастье совершенно переродиться во француза достается слишком немногим, и отпрыск остается все-таки русским, к величайшей своей досаде.

11 *После*: быть русским — *начато*: наполовину или [на $^3/_4$] совсем (даже несмотря на

11 О / Но

12–13 приглашая к нему / приглашая ◊

15–16 десятилетнего возраста / *а.* одиннадцати лет *б.* десяти лет от роду ◊

16 *После*: за ними — или от болезненной силы [природного] влечения ◊

Стр. 83—84.

16–32 *Рядом с текстом*: могущей переродить ∾ маменьке! . . — *на полях наброски*: а у сердца нет никаких слов, которыми бы оно выразило сокровенные и главнейшие чувства свои. Крошить, подгонять Россию. Не имея матерьяла, форм, [во что] в которые организоваться, его мысль будет коротка, легковесна, цинична, сердце не разовьется; теперь не насытимся еще разврат‹ом›. Но что он даже в лучшем случае. А маменька радуется: будет нравиться всем и из Отцов Отечества. По крайней мере, они все предназначают себя в Отцы Отечества. Отцы Отечества начинаются, как известно, с тайных советников. Это наша надежда, это лучшие люди, это будущие Отцы Отечества. Отцов Отечества я начинаю с чина тайного советника. Но кто же из них не достигнет этого чина, они к тому и предназначены.

Стр. 83.

16 могущей переродить / перерождающей

20 та ужасная / этакая ◊

20 *После*: в физическом — насильственно привитая к здоровому организму ◊

22 *После*: жизнь — шутя.

24 а умрет ∾ дураком / *а.* Умрет тайным советником, которого он, конечно, достигнет, потому что к тому и предназначается. Он умрет совершенно счастлив и не заметив, что был глуп. *б.* Умрет через маменьку и по-маменькиному [будет счастлив] и совершенно не заметит, что [всю жизнь свою был глуп] во всю свою жизнь был дурак. ◊

---

[1] *К словам*: начнем ∾ народ — *вариант*: совсем соединимся с народом ◊

26 это / этот
33 *После*: души своей — в своей речи, и это всю жизнь.
33–34 *Фразы*: (господи ∾ ненатуральный!) — *нет.*
34 Он сам / сам
37 заметит, наконец / заметит
42 порядки / реформы
44 *Слов*: особенно когда — *нет.*
45 фразами / словами

Стр. 83—84.

48–4 А между тем, если ∾ привычки. / *а.* а между тем именно будет как бы тосковать от бессилия именно как те старцы-юноши от скверной привычки *б.* а между тем в целом все-таки будет страдать как бы от какого-то бессилия именно как те старцы-юноши, страдающие преждевременным истощением сил от скверной привычки ◊

Стр. 84.

6 *После*: от бонны — от тощего матерьяла, в который невозможно было вогнать все богатство чувства и [всю] мысль в природе сынка и развить их во [всем богатстве] всей соответственности прирожденной силе их форм? ◊
6–13 Предчувствую ∾ вместо родного. / Что же, неужели скажут мне, что я преувеличил? [1] Не возразят ли, напротив, что тем даже лучше, что жить на чужом языке легче, легковеснее, что вот именно этих-то вопросов и запросов жизни и надо избегать и что всему этому именно способствует [чужой язык] французский язык, не как французский язык, а как чужой язык, усвоенный вместо родного ◊ *вписано.*
17 надменно / величаво ◊
27 бродит / все-таки бродит ◊
27–28 жаждет / все-таки жаждет ◊
31 ну, вот / Вот ◊
33–34 Глава четвертая. I ∾ хороший тон? / 3. ◊
38 не буду / не стану [да и не намерен] ◊
35–36 к тому же ∾ описания Эмса / Притом же существуют подробнейшие описания и на русском языке ◊
39 подробностей / сведений
44–45 огромную / странную

Стр. 85.

1–2 И, однако ж ∾ уединение / И, однако ж, я ходил в ней вовсе не мизантропом ◊
2 конечно / но ◊
3 объявил / объявлял
10 видимся ∾ знает с кем / видимся подчас бог знает с кем и ведем с ними дела.
12 *Слов*: или кого-нибудь — *нет.*
13–18 с ними ∾ годам / иногда многие годы
18 фешенебельную / этакую ◊
18 из всего этого / из этого ◊
23 настанет на земле / будет
24 то мы / мы ◊
26 *Слов*: только два слова — *нет.*
27 вместо него, можете представить / мне представите ◊
28 нельзя и теперь / нельзя ◊
28–33 обеспеченных людей ∾ на водах / людей обеспеченных, людей, если б они не пили воды, не толкались на водах ◊

---

[1] *К словам*: Что же ∾ преувеличил? — *вариант*: Предчувствую, что и не одна маменька ◊

31 Хорошие отдельные / Отдельные ◊
32 *Слов*: и в этой толпе — *нет.*
33–34 в целом она ∾ особого / в целом эта толпа не стоит не только похвал, но даже особенного ◊
36 «не знали бы / не знающих ◊
40 *После*: страдает — *начато*: Глядя на ни‹х›
41 как все ∾ смеются / что [эти] все эти страдальцы смеются ◊
42 Смеются из приличия? / То есть из приличия ◊
43 Смеются из обычая / То есть из обычая ◊
44 участие в игре в рай / участие в занятии, в игре, в игре в рай ◊
45 *Слов*: в эту игру — *нет.*
46 а тем развлекается / и развлекается ◊
47 такие / иные ◊
47–48 этот обычай ∾ приняли / принимают [его] этот обычай даже совсем за серьезную вещь ◊

Стр. 86.

1–2 *Слов*: (а вы ∾ любить) — *нет.*
4 *Фразы*: И зачем ∾ их? — *нет.*
5–6 *Текста*: — Да ведь это человечество ∾ человечества. — *нет.*
8 И совсем я не смеюсь. / Совсем нет ◊
10 *После*: хорошего тона — *вписано*: (потому что где же вы лучше [этакого] здешнего сыщете общество) ◊
14–19 больше, чем ∾ как хотят *вписано на полях.*
14–15 земледельческое / крестьянское
17 про университеты / и университеты ◊
18 *После*: как хотят — в наш век по крайней мере ◊
21 *После*: хороший тон — *вписано на полях*: По-моему, вот что: Да здравствует богатый человек! ◊
24 без разбора ∾ или нет / не разбирая, кто мы такие — злодеи или праведники ◊
26 или там ∾ поэту / вообще, пожалуй, человечеству [в его идеалах] ◊
31–34 Я наблюдал ∾ отличной манеры. / Все больше и больше соглашаются, что соприкосновение с природой есть самое последнее слово всякого прогресса, [главное] поняли, что это самое последнее слово и науки, и рассудка, и здравого смысла, и вкуса, и приличной манеры ◊
35 Войдите и погрузитесь / Войдите, погрузитесь ◊
37 веселы / любезны ◊
38 *После*: в бутоньерке — состоит в том, чтоб ◊
39 барыню / *а. Как в тексте. б.* графиню ◊
41–47 Конечно нет ∾ иного молодца. / *Набросок на полях*: [Отнюдь] Конечно нет, но заметьте, может же быть и весьма может быть, что его заставляет стараться (если только нет особых и слишком частных причин, то кто бы заставил его и в силах заставить к тому?) один лишь хороший тон, из-за которого он так старается ◊
48 *После*: выводит — *было начато*: оригинальные хар‹актеры›

Стр. 87.

1 *Слов*: с их появления — *нет.*
2 *После*: хорошим тоном — *а.* И так вот до чего хороший тон может дойти в наш век *б.* признано за дурное общество
3 тем паче / тем более
4 те / те уже ◊
4–5 это петербургские ∾ успех *вписано.*
5–6 А почему забракованы? / Почему ◊
7 так что / а таким образом ◊
8 для каждого / для всякого ◊
11 *После*: эти розы — например, хоть эти отдельные розы ◊
12–13 не подберет и не подстрижет / не обработает
13 парня / человека ◊

15–16 не прикасалась вовсе / не прикасалась ◊

16–18 Золотой век ∾ точно рай. / — это промышленность. Это просто промышленность, а между тем они рядятся, и выходит действительно точно рай

17 *После*: не всё ли равно — По крайней мере, огромное подобие золотого века достигнуто. Что же, оставайтесь и этим довольны, в другом месте вы нигде и этого не найдете. ◊ *вписано на полях.*

17–18 *Слов*: они прекрасны — *нет.*

18 *После*: точно рай. — Но какое мне до этого дело: ведь все они рядятся, все прекрасны. ◊

18–19 *Фразы*: Да и не всё ли равно ∾ рай»? — *нет.*

19–21 А меж тем ∾ выздороветь / Да и идея как верна: ну что может больше идти к питью вод, то есть к надежде получить здоровье ◊

22–23 *Слов*: Вспомните текст — *нет.*

25 *Слов*: В точности ∾ но — *нет.*

26 В них вся поэзия / Это поэзия

27–30 Но пока правда ∾ говорю / *а.* И вот всё это покупается за пять грошей, то есть всё наоборот *б.* Но пока правда природы наступит и люди будут венчать друг друга цветами из любви — всё это теперь продается и покупается за пять грошей, и не всё ли вам-то равно, опять-таки говорю. Нет, в самом деле ◊

32–33 ибо слишком ∾ и квит / даже самой бескорыстной, а тут заплатил грош и довольно ◊

33–34 А меж тем ∾ подобие / Нет, в самом деле, какое вам дело до последствий, посмотрите, что наружу, что наверху. Наверху действительно подобие ◊

37 *После*: хороший тон — и показывает фантастические картины, которые очень могут развеселить.

38 *После*: человечества — опять иногда грязная.

39 Здесь я имею изящную картину / А здесь я имею картину ◊

40 а между тем я / так что и я ◊

41 *Слов*: ничего не платя — *нет.*

42 Посмотрите / *а.* А меж тем посмотрите *б.* В самом деле, я наслаждаюсь всем этим здесь даром: посмотрите ◊

44 во дни Соломоновы / в ветхом мире, а может, и сам Соломон ◊

44–45 и хоть всё это ∾ и, наконец / и всё это мираж, и я знаю, по вам и мне весело, а между тем ◊

46 *Слов*: (Я про себя одного говорю) — *нет.*

47–48 *Слов*: вместе с самыми ∾ людей — *нет.*

48 *После*: пить — после вод ◊

Стр. 88.

1 сквернейший / скверный ◊

7–8 до того сильна ∾ действует? / таки довольно сильна. ◊

9 Помилуйте ∾ тона. / *а.* Да, но это действие вод *б.* Помилуйте, ведь только это действуют воды ◊

10 тона / общества

10 Так что еще / Еще ◊

11 хороший тон / хорошее общество, которое к ним собирается ◊

11–15 Даже доктора ∾ лекарства. / *а.* Здешние доктора тоже это говорят *б.* Даже доктора еще сомневаются, чему отдать преимущество, и вообще трудно даже и выразить, какой прогрессивный шаг сделала медицина в последнюю четверть столетия. У нее родились теперь даже идеи, а прежде были только одни лекарства ◊ *Далее наброски*: — В наш век всё шагнуло вперед, а главное женщины. — [Неужели вы это] находите? — Еще бы. У ней родились <*не закончено*>

16–17 *Цифры*: II *и заголовка*: Один из ∾ женщиной — *нет.*

19 с этим ∾ человеком / хоть я и рад был собеседнику ◊

19–20 Я знал ∾ это женщины. / *а. Начато*: Но вот, однако же *б.* Я [однако] же знал, или, лучше сказать, предчувствовал, что самая

щекотливая для него тема — женщины *в.* Я же знал, впрочем, что самая щекотливая для него тема — женщины ◊

21 *После*: заметил мне — *вписано*: однажды ◊

22 *После*: уж всматриваюсь — Чрезвычайно много здесь прелестнейших женщин и в прелестнейших костюмах, что, конечно, ничем не мешает, — ответил я ему.

23 — Это я всматриваюсь / — Вы ошиблись. Я всматриваюсь

25–26 *После*: В этой брошюре о женщинах — которую я разбирать перед вами критически не буду ◊

28 Автор вдруг пишет / Вдруг читаю ◊

29–31 *Цитаты*: «И однако же ∾ женщины. . .» — *нет.*

32–33 уж такой высокий / до того высокий ◊

33–34 в сравнении ∾ женщинами / *а. Начато*: что почти и в *б. Начато*: перед нашими *в.* в сравнении с нашими русскими ◊

36–38 в брошюре похвалить ∾ его имя / *а.* похвалить в брошюре, то умолчу имя автора, выдернув эту единственную фразу его, с которой не могу согласиться *б.* похвалить в брошюре, то и выдернув эту единственную фразу автора, с которой не могу согласиться, умолчу его имя ◊

40 всех качеств ∾ женщины / *а.* наших женщин *б.* нашей русской женщины ◊

42 правду о «качествах» русской женщины / *а.* правду, конечно, не желая сказать ее *б.* правду, конечно, вовсе о ней не заботясь ◊

42 не русскому / не русскому бы

Стр. 88—89.

44–9 *Рядом с текстом*: Я уж не стану ∾ подвигах их — *на полях наброски*: не русскому. Не буду говорить о Татьяне, о декабристках. Неведомые женщины. Не в идеалах — Каждый должен любить своих — закон природы. — Такого закона нет, но он должен быть. Польки, француженки. — Но позвольте спросить

44–1 на обозначившиеся идеалы / на идеалы ◊

Стр. 89.

3–4 то откуда-нибудь / то откудова же-нибудь ◊

4 взялись же / взялись ◊

4 из ничего / они из ничего ◊

5 такие женщины ∾ в действительности / они есть, стало быть, матерьял, из которого они создаются, существует, обилен, высок ◊

8 не ведать о тысячах / о тысячах ◊

9–11 и иногда ∾ и ужасов / *а. Начато*: в бедных, темных, так ужасно темных семьях гд<е> *б.* и иногда в какой обстановке, в каких темных, ужасных семьях, среди пороков, ужасов ◊

11–17 Короче ∾ и в своей национальности? / *а.* Я не буду защищать прав[1] [их] наших женщин, но [по-моему] мне кажется, — и я это выскажу, — мне кажется, что должен существовать такой естественный закон[2] в народах и национальностях, по которому каждый мужчина должен по преимуществу искать и любить женщину в [своем народе] своей национальности. ◊

17 ставить / ставить выше

18 *Слов*: по преимуществу — *нет.*

19–20 этой национальности / этого общества

21–22 *Слов*: именно ∾ с народом — *нет.*

26 гаремный вкус / разврат, гаремные вкусы ◊

---

[1] *К словам*: Я не буду ∾ прав — *на полях вариант*: не буду защищать ее прав ◊

[2] *К словам*: должен существовать ∾ закон — *на полях вариант*: тут просто должен существовать такой закон ◊

81-82 почему вы подумали ∽ заметил / почему вы думаете, что я сказал из язвительности ◊
84 высшими качествами / совершенствами ◊

Стр. 89—90.

84-14 *Рядом с текстом*: Тут уж по тому одному ∽ ничтожнейший из людей — *на полях наброски*: *1.* но позвольте вас спросить, почему вы думаете, что я сказал из язвительности. Может быть, ни один человек как я, не чтит и не обязан столько женщине. — Я знаю вашу свадьбу

— Я вам это рассказывал. Она могла претендовать гораздо выше, лучше. Я был недостоин. Тряпочки. Стоял в стороне. И тут-то признался в любви. Ульяне. Я не виноват, что у меня одно только чистое воспоминание в жизни. (Я знаю, что это измозжило его жизнь.) Но всё его счастье теперь в том, чтоб доказать, что тут-то он и стал счастлив. Ее муж лишился ног. Его возят на водах в Крейцнахе, но она идет подле кресел *2.* Я ими займусь, чтоб докончить с детьми. Ульяна. Он любит повязываться. Он сделает вид как бы сморщенный. Но я не знаю человека более восторженного и хвастливого, чем он.

Стр. 89.

36 облагодетельствован / *а. Как в тексте. б.* почти облагодетельствован
43-44 не предпочла ~ всё дело / не предпочла [меня], а именно забраковала, но в этом-то [самом, могу сказать] и состояло благодеяние, полученное мною ◊
44-45 пока я не был / пока еще я не был ◊
46 что мог / что могу ◊
46-47 Даже осмелюсь заметить / Я даже замечу ◊
47-48 что, может быть ∽ впечатления. / что я, может быть, даже понравился, впрочем, глупостями, конечно ◊

Стр. 89—90.

48-1 *Фразы*: Прибавлю тоже ∽ свободы. — *нет.*

Стр. 90.

1-4 И вот однажды ∽ сталось. / *а.* Но вдруг как-то случайно она дала мне слово — и вы не поверите, что со мной случилось *б.* И вот в одну такую очень странную и ни на что не похожую (могу даже так сказать) минуту (прибавлю, что она имела в доме своем много свободы) она дала мне слово — и вы не поверите, что со мной тогда случилось ◊
4-6 Всё это, конечно ∽ воротился / Когда я, вдруг совсем огорошенный, воротился ◊
8-9 по всем дрянным / по всем ничтожным, дрянным ◊
9-10 для меня ∽ необходимым / столь мне, однако ж, необходимым ◊
11 *Слов*: и фигуры моей, и волос моих — *нет.*
12-13 готов был ∽ жребия / проклинал свой жребий ◊
14 ничтожнейший из людей / пустой человек
14-15 такими ∽ сокровищами / таким совершенством ◊
15 обозначаю / говорю
16-18 неизвестную сторону ∽ из женихов / редкую, к сожалению, брачную истину, или, лучше сказать, одно чувство, которое мало кто ощущает ◊
19-20 самой глупейшей надменности ∽ этакой самой / гордости и, знаете, самой
20-21 *Слов*: и всё это ∽ тоне — *нет.*
21 к которому / к которой ◊
22-23 хоть одно мгновение / хоть мысленно ◊
25-26 с простодушной ∽ чувств ее / с беспорочностью суждений и чувств ◊

27 И представить себе / И представить только ◊
27 *Вместо*: в мою квартиру — ко мне.
28 вы / *а.* нет, вы *б.* нет, это слишком грубо, гордо, пошло и чванно.
28 *После*: мысль — ужасно грубая, неделикатная, пошлейшая и нестерпимая. ◊
29 боитесь такого / не хотите
30–31 то возьмите замарашку / то возьмите подешевле, возьмите замарашку ◊
31–32 *После*: нравственную замарашку — это я так сказал это слово).
32–33 не соглашаешься ∾ не намерен / *а.* Не соглашаешься ни за что на свете *б.* Не соглашаешься с негодованием и ни за что на свете ничего сбавлять не намерен ◊
34–37 когда я лег ∾ пружиной) *вписано.*
37 то меня / меня ◊
37–38 ничтожненькая / глупенькая
38–39 и будут наконец ∾ что ли / и все-таки уж теперь будут тряпочки, ну от выкроек там, ведь нельзя же, чтоб не оставались, так что и будет чем наконец ◊
40 такого / этакого ◊
41–42 *Слов*: без сомнения — *нет.*
43 способны иногда мелькнуть / мелькают иногда ◊
44–45 тащут на гильотину / на гильотину ведут ◊
45 вероятно, потому / вероятно, всё же потому, что был, во-первых, потерян, а во-вторых, главное ◊
47 *Слов*: что делают ∾ на свете — *нет.*
48 *Слов*: в ту же минуту — *нет.*

Стр. 91.

3 идеи / мысли
3–4 я почувствовал / я увидел ◊
4–5 самому себе ∾ мой / и что мне об ней даже и помыслить нельзя будет свободно ◊
7 *Слова*: замуж — *нет.*
8 испуг / ужас ◊
8 *После*: падение — несчастье ◊
9–10 *После*: испугалась — моего состояния
10 *После*: за стаканом воды — она побледнела
10 *После*: Я оправился — я, разумеется, оправился ◊
11 *После*: она поняла — [с тех пор] с той минуты (и только с той минуты) ◊
12 и. . . как ценил ∾ ценил / и как уважал ◊
13 она / она мне ◊
15 *Слов*: и повторяю — *нет.*
18 Так что вы / *а.* И вы *б.* Да, по крайней мере, вы ◊
20–22 *Фразы*: Русские друзья ∾ не вынесли бы. — *нет.*
23 ее супруга / ее мужа ◊
24 *После*: на нее — и я не хожу ‹*не закончено*›
25 шестидесяти двух лет / *а.* лет шестидесяти пяти *б.* лет шестидесяти двух ◊
26 и через год / *а.* *Начато*: и полтора *б.* и год
28 угодил / попал
29 их обоих / их ◊
31–33 *Слов*: заметьте ∾ постоянно — *нет.*
33 на нее ∾ обоих / на них ◊
34 *Слов*: потому что ∾ жалеть — *нет.*
39 русской женщины / женщины ◊
41–43 Мне всегда ∾ несчастлив. *вписано на полях.*
44–45 счастье и обязанность / счастье ◊
45 *После*: женщины — тем более что

45-46 *После*: не договорил — *наброски, относящиеся к последующему тексту*: Мой взгляд чрезвычайно простодушен. И я первый с этим согласен.

— Да ведь не все и мужчины ученые. Пусть женщина кончит университет, но потом пусть родит детей. Но здесь я остановлюсь, потом. Я только, чтоб вывесть лицо. Со взглядами его я не согласен, но оригинальны. Я вытянул из него, как он был влюблен. Это ничего не стоит. Но я сообщу, может, для картины. Ужасно любит детей. Tel que. . . vous voyez. Я купил две дудки. Эмс — школа. Я смеялся. Это всё, что есть лучшего. Крепостное право. Бархатная куртка. Я был влюблен всего один раз в моей жизни. Это было очень давно. Мы развратны [Известно] Мы с ним говорили и об войне. Он большой патриот, но он не может не противуречить. Славяне — дети — мать. Это лето важное для России. P. S. Это лето. Язык-то не лопатка, знает, что сладко. Я терпеть не могу этих русизмов. — Я вас не понимаю. — А дело просто. Впрочем, вы романист и, стало быть, читаете романы, а потому и должны знать.

Стр. 92.

1 III. Детские секреты / 5
4 *После*: вывести его лишь — впредь в будущих №№
7-9 с каким-то почти гневом ∾ самое больное место / с какою-то [почти] неумолимостью и даже гневно, так что я [поневоле] уж думаю, что он и сам, пожалуй, этому взгляду [глубоко верит, до того, что] своему взаправду верит, это какое-то даже у него больное место. ◊
9 Просто-напросто / Просто-запросто ◊
9 пониманию / понятию ◊
10-11 *Слов*: должна непременно ∾ и в браке — *нет*.
14 *После*: всевозможных — ее ◊
20 чем может помешать / чем мешает ◊
20 *Слов*: браку и — *нет*.
22 просто / просто лишь ◊
23 роди / родить ◊
24 ничего до сих пор ∾ не придумано / ничего нет на свете
25 больше / более ◊
25 для этого / для этого дела ◊
25 ума / ума и образования ◊
26 *Слов*: что ли — *нет*.
30-31 только кричавшим / *а. Как в тексте. б.* только кричал ◊
31 об европейском образовании / об Европе
31 *Слов*: с чужого голоса — *нет*.
31-33 так что даже ∾ Сонечке» *вписано на полях*.
32 *Слов*: как оказалось впоследствии — *нет*.
34 *Слов*: насчет ∾ недоставало» — *нет*.
36 *После*: образованных — [Зато] Хотя уж как кричали все пятьдесят лет о европейской образованности!
36-39 образованные люди ∾ серьезное дело в мире / начинают и у нас появляться образованные люди [Но], и поверьте, поймут потом, что дети и родить их самое главное и умное дело на свете. ◊
41 я пока умолчу / *а.* я уж и не говорю *б.* я ничего не скажу ◊
42 родить, что вы / помилуйте, что вы ◊
45 «еще в ангельском чине» / ангелов ◊

Стр. 93.

1 *После*: известен — и его кое-кто заметили ◊
1 Всего более ∾ в аллеях / *а. Начато*: В саду, в аллеях *б.* Всего более любил он гулять в аллеях ◊
2 вроде / нечто вроде ◊
17 с ихним / с здешним

21 рты / рот
23 смекнула / увидела ◊
28 *После*: соврал — Соврал с намерением
28–29 *Слов*: не отрекайтесь, поверили — *нет*.
30 эти толпы / это толпы ◊
32–33 *Слов*: милордов и — *нет*.
33–34 всё ∾ прелестно / Всё вместе — прелесть ◊
35 в ней признаки / признаки ◊
40–41 вместе с шелком ∾ помогла / вместе с французским вином и с фруктами и помогла ◊
42–43 и занимается ею ∾ производить детей / *а*. Он производит Articles de Paris на весь мир и перестает родить детей для себя *б*. Он производит Articles de Paris и до того занят, что перестает производить детей. *Далее было начато*: Ежегодно мини‹стр›
43–44 вся Франция / Франция ◊

Стр. 93—94.

45–1 *Слов*: видите ли — *нет*.

Стр. 94.

3–6 *К тексту*: А по-моему ∾ сыплется мало? — ***на полях вариант***: Да хотя б они провалились, эти старые пер‹- - -› которыми Франция начиняет свою палату. Есть чему радоваться, их долговечности, песку, что ли, мало?
9 бестолковейшего и очень талантливого / легкомысленнейшего ◊
16 родить только / родить ◊
17 все уже так / все так ◊
18 *Слов*: секрет распространяется ∾ быстротою — *нет*.
19 Потомство ∾ и с двумя / *а*. Потомство есть *б*. Потомство получено ◊
21–22 сама женщина ∾ выгадывается / женщина сохраняется, красота тянется дольше, здоровье, на выезды больше времени ◊
24 *Слова*: вопроса — *нет*.
25–26 нашалят еще ∾ с ними / нашалят еще, пожалуй, разобьют, возись с ними, заботься об них, надоедят ◊
26–27 только ∾ выйдет / сосчитать, так сколько на них выйдет и досады [забот] и денег ◊
28–30 а в том ∾ ни меньше / и требует, чтоб родили больше, а в том, что прямо заявляет секрет [что они], обнаруживает [его] на весь мир: так, дескать, ухитрились делать [по], что двое да и только, да всё, это всё ◊
30–31 да еще ∾ в свое удовольствие / да всё, да еще с мужьями продолжают жить брачно ◊
31 словом, всё спасено / Всё, дескать, спасено ◊
31 столь / так ◊
32 не предположил бы / не предполагал ◊
33 *После*: этаких средств — Так вот, что Articles-то de Paris значит. Слишком уж большое внимание на эту промышленность обратил, до того, что другой помешал. Что ж вы думаете, я объявляю, что это средство обойдет весь мир. ◊
33 Что ж, всё это слишком / Слишком уж ◊
36 *Фразы*: Это их изобретение. — *нет*.
36–37 *К словам*: за пределы Франции — ***знаком отнесен набросок на полях***: Вот они здесь хотят в Эмсе. Не удавшие‹ся?›, зато я для них постараюсь. Цель не переменится.
38 поумнеет / переймет секрет, подумнеет [перестанет родить], начнет родить детей по двое ◊
38 Берлин / Берлин тоже ◊
38–39 уж поумнел / как поумнел ◊
41 одной буржуазией / буржуазией ◊

41 то есть достаточным классом / и достаточным, даже богатым классом, потребляющим Articles de Paris ◊

44–44 людей некрещеных ∾ на улицы / живущих почти безбрачно, в добровольном сожитии и швыряющих детей на улицу ◊

47 а устоят, так наполняют / наполняются ◊.

Стр. 94—95.

48–1 *Слов*: так называемого у нас — *нет*.

Стр. 95.

1 одно очень меткое / *а.* удивительное *б.* одно удивительно меткое ◊

2–3 французского рабочего брака ∾ сожития / брака работников ◊

3 в романе его / в романе ◊

3–8 И заметьте ∾ тоже ведь не французы. / Что ж, Гавроши не французы, да и эти, сверху, которые собственниками родятся по двое, — тоже не французы. ◊

6–7 *Фразы*: По крайней мере ∾ сходятся. — *нет*.

8–9 Франция начинает ∾ Францией. / перестает быть Францией. Но пускай не французы, зато люди, человечество

9–11 *Фразы*: (Ну возможно ли ∾ останутся люди. — *нет*.

11–12 Но ведь люди ли? ∾ дикие / Что ж люди, что [люди] ли? Нет, может быть, и не люди. Это будущие дикие ◊

14–16 Что поколение ∾ нравственность. *вписано*.

16–17 *Фразы*: Это плоды ∾ буржуазии — *нет*.

17 По-моему / всё это, по-моему ◊

17–18 то есть почва / то есть земля как почва ◊

18 почвы / *а.* земли *б.* этой почвы ◊

18 *После*: собственность — Как земля? Земля тут причем? ◊

18–19 *Фразы*: Я вам это, так и быть, объясню. — *нет*.

20 *Цифры*: IV *и заголовка*: Земля и дети — *нет*.

21 продолжал мой Парадоксалист *вписано*.

22 выходит / вышло ◊

23–24 не хочу ∾ призадумаетесь / не стану, и так поймете. Дело в том, что всё от земельной ошибки. Даже, может быть, и всё остальное и все-то остальные беды и ошибки человечества — все, может быть, от одной земельной ошибки произошли. ◊

24–28 *Текста*: Дело в том ∾ вышли от земельной ошибки. — *нет*.

26–31 У миллионов нищих ∾ и матери. / У [нищих] миллионов нищих земли нет, во Франции особенно, вот им и негде родить детей, не на чем, места нет, а если родятся там, где-нибудь, в подвалах, то родятся не дети, а Гавроши. ◊

32 *После*: ошибка — и больше ничего ◊

33–39 а идет, может быть, еще ∾ не на мостовой / всё тоже, может быть, и вышло от земельной ошибки. У нищих нет земли, а у этих слишком уж много на каждого, слишком велик захват, уж захват не по мере, да и слишком сильно владеют. Что-нибудь тут должно переменить,[1] но только у всех должна быть земля, а вместе с тем единичный захват, может быть, должен бы приослабеть маленько. ◊

40 ио знаю ∾ родить детей / не знаю ◊

41 тоже дело / дело ◊

41–42 и родится ∾ и закон / и становится всегда подле возделанной земли ◊

42–43 фабричный работник / работник ◊

Стр. 96.

1 собственный / его собственный ◊

1–4 или, вернее, общинный ∾ своего отца / или, вернее, общий, т. е. общинный Сад, и в этом общинном саду живет его жена, славная баба,

---

[1] *К слову*: переменить — *вариант*: произойти ◊

которая любит его и ждет, а с женой его дети, которые играют в лошадки теперь, пока он работает ◊
4–7 Que diable ∾ быть счастлив. *вписано.*
7 быть счастлив / быть счастливым. Дети должны играть в лошадки, а не работать на фабриках. ◊
7 Вот он туда и будет / Он туда будет ◊
8 *Слов:* с самкой ∾ на мостовой — *нет.*
8–11 И хоть Сад ∾ не обошлось бы / И пусть хоть Сад этот и не может прокормить его с семьей (н‹а›прим‹ер›, во Франции, где так мало земли), так что и не обойдешься ◊
15 *После*: кто знает — ведь мы еще никто не знаем ◊
16–17 *Слов*: да и фабрик-то ∾ устроится — *нет.*
17–18 Одним словом ∾ сбудется / Повторяю, я не знаю, как это будет, но это будет. ◊
19 *После*: сто лет — Садом человечество и выправится ◊
19 и вспомните / Вот вспомните ◊
20–21 *Фразы*: Человечество обновится ∾ формула. — *нет.*
22 это / всё это ◊
24 в огороженных городах / и города ◊
25–26 столицы королей / столицы ◊
26–27 придворными отелями / придорожными отелями ◊
27 *После*: вплоть — шло ◊
27–34 В наш век произошла ∾ заводами. / В начале нашего века произошла революция и [явилась] одолела буржуазия. С ней явились страшные города. Таких городов, какие явились в 19-м веке, никогда прежде не [было] видывало человечество. Это города с промыслами, с ассоциациями, с наукой, с хрустальными дворцами, с общественными отелями, а кругом городов фабрики и заводы. ◊
36 поделит землю по общинам / поделит землю ◊
37 начнет / станет ◊
37 *После*: «В Саду — Человечество обновится в Саду. ◊
37–38 *Текста*: «В Саду обновится ∾ Сад. — *нет.*
38–39 Если хотите ∾ то, по-моему / Боюсь только говорить, какие идеи, а впрочем, нечего бояться, выскажу, к тому же вы один меня слушаете. Итак, знаете, что по-моему ◊
39 дети людей / люди ◊
42–43 на которой ∾ растут / *а.* рядом с хлебом *б.* подле хлеба ◊
43 пролетарии теперь все — сплошь мостовая / пролетарии — мостовая. Гавроши и дети Гаврошей ◊
44 В Саду ∾ прямо из земли / Дети будут выскакивать из земли ◊
45 *Слов*: когда еще играть хочется — *нет.*
46 *После*: тупя ум — *начато*: созерцанием

Стр. 98.

2 утомляя и губя / утомляя ◊
3 фабричным развратом / развратом ◊
4 *После*: девочки десяти лет — И где же добродетель, а то у нас, русских, где так много земли и где земля всё. ◊ *К этому тексту относятся фразы на полях*: Я знаю только, что и у нас будет Сад, еще, может быть, прежде всех устроится всеобщее согласие. Почему? По крайней мере, у нас земля и община, а это уж огромное зерно для будущей идеи. ◊
7–11 если я вижу ∾ большинстве / В самом деле [спрашиваю], я говорю вам, я не знаю, как это сделается, но не чудно ли, что, может быть, зерно этого будущего лежит в России, и именно потому, что у нас земля всё. Даже до сих пор всё: даже выше хапанья ◊
11–26 *К тексту*: Но главное в том ∾ жид встрепенулся. — *на полях наброски*: Все эти железные дороги, банки, ассоциации — всё это для меня только гром и пыль, всё это жиды, всё это непорядок, всё это

должно было после устройства земельной собственности завестись. Тогда это было бы естественно, а теперь это только биржевая игра. Весь порядок в каждой стране в земле лежит [1] и от характера и устройства землею владения. В каком характере сложилось землевладение, в таком характере сложилось и всё остальное. У нас теперь во всем беспорядок, мусор, щебень, всё на лету, пройти нельзя [камни], загромождено,[2] не расчищается, строится. Почему? Потому что если в чем есть у нас беспорядок, так это во владении землею, в отношениях владельцев между собою, к работникам; в характере обработки земли. Одним словом, я ведь никого и ничего не виню, заметьте: тут всемирная история и не собьешь‹ся?›. Ну а оттого именно и продолжающееся неустройство и во всем остальном. Но среди этого неустройства у нас есть нечто, чего нет нигде и именно относительно землевладения. *Далее разрозненные наброски: 1.* По-моему, порядок в земле и из земли, и это везде. Вот форму‹ла›. *2.* и утверждать после того, что у нас нет своих собственных оригинальных идей. Может, и не одна найдется. Стоит только поискать, получишь. Составляют. Да уж одно это может составить оригинальность стране; а у нас и не одной найдется, стоит лишь поискать хорошенько. *3.* ‹*нрзб.*› уже взял да ‹*нрзб.*›[3] что мне всё равно. *4.* Если хотите перероднть человечество, дайте ему землю, воротите его к земле.

36–39 Вы смеетесь ∾ в двадцатых годах еще / Я только что прочел, как один либеральный русский помещик пишет в своих записках, как он в самом начале столетия вознамерился было ◊

40–41 заехав в деревню, он завел в ней / живя в деревне, он завел ◊

43 придумали / сделали ◊

43–45 вот вы теперь ∾ дадут» / вот обучите хор ребятишек и наверно с барышом продадите [хор] его, большие деньги можно взять за такой хор ◊

46–48 продавать «на своз» ∾ в русской земле / продавать от отцов и матерей хоры ребятишек, то отпуск на волю был еще редким и неслыханным делом ◊

Стр. 98—99.

48–2 мужичкам говорить ∾ приходят к нему / говорить об этом деле с крестьянами, те выслушали, долго переговаривались и советовались и вдруг спрашивают ◊

Стр. 99.

3–4 «А земля ∾ исполу». / Земля моя, вам избы и усадьбы, а на земле вы ежегодно мне работайте исполу. ◊

5–6 Конечно, это удивило помещика / Это ужасно удивило того либерального помещика ◊

7–8 в нравственном падении ∾ и т. д. / La liberté Жан-Жака Руссо вспомните ◊

8 Впоследствии / Нынче

9–10 и никого уже не дивила / и никто уж больше не удивлялся ◊

10–26 Но, однако же ∾ удержал. / но важен смысл формулы. Важен тем, что он остался и после крепостного права. Смысл тот, что русский человек ведет всё от земли, что он всё еще не может и не хочет даже вообразить себя без земли. Земля прежде всего, земля в основании всего, а уж из земли — свобода, честь, семья, дети, жизнь, порядок, церковь — всё, что есть драгоценного. И в то же время земля; община. Про общинное владение всяк знает, всем известно, сколько в нем помехи нашему экономическому развитию, но в то же время

---

[1] *К словам:* в земле лежит — *вариант:* от земли ◊

[2] *В рукописи:* загромозжено

[3] *Текст поврежден.*

не лежит ли в нем зерно [этого] чего-то нового, чего-то будущего, что всех ожидает, что неизвестно, как произойдет, но что у нас лишь у одних есть в зародыше и за что так ревниво и инстинктивно еще держится мужик, несмотря на то, что есть в этой общине мерзкого и противного. [Вот] Даже, может быть, у нас-то и лежит Сад в зародыше. [И после этого нам говорят, чтоб мы об себе не думали и на себя не надеялись, что у нас нет оригинального и что оригинальность наша мираж.] А в Саду будут родиться дети и играть в лошадки вместо того, чтоб работать ситцы на фабрике в 10 лет, а девочки пить сивуху с фабричными в 10 лет. Тяжело детям в наш век, сударь. Я ведь только про детей одних и говорил. ◊ *Далее в низу листа наброски к последующему тексту*: Да и явиться-то оно не может иначе там как войной и бунтом, а у нас согласие. — Слушайте, теперь у нас страшная катавасия идет ‹*далее текст поврежден*›. А между тем опять всё это только с народом ‹*не закончено*› А вот я только что прочел об одной матери болгарке, — сказал я ему, только что прочитав в курзале газету

42 *Цифры*: V *и заголовка*: Оригинальное ∾ лето — *нет.*

43–44 На другой день ∾ толкуете / — А вот вы всё об детях толкуете, — сказал я [ему] на другой день [этому] моему чудаку

44 только что / только что вот ◊

44 прочел / прочел тоже ◊

Стр. 100.

2 болгарке, там у них / об болгарке, там ◊

3–4 Она старуха, уцелела в одной деревне / Она уцелела в одной деревне, старуха [может]◊

4 обезумевшая, по своему пепелищу / по своему пепелищу как полуумная ◊

4–5 Когда же ее / Когда ее ◊

9–10 деточки, маленькие внуки ее / детки, маленькие внучки ее ◊

10–11 и сожгли у стены ее старика / и зарезали ее старика ◊

12 младенчикам / младенцам

12–13 вспороли всем / вспороли ◊

14 лютое / горевшее

14–15 и крики деточек слышала / *а.* и всё это она слышала *б.* и всё это на ее глазах ◊

17–19 *Фразы*: А у нас ∾ устроены. — *нет.*

21 Вопрос / Отчасти вопрос

24 Нет, я тоже пожертвовал. / Нет ничего, ничего. Я тоже пожертвовал. [25-го напечатано.] ◊

28 И, полноте / *а.* Помилуйте *б.* Полноте ◊

30 я пожертвовал ∾ даже начале / *а.* я пожертвовал *б.* я тоже пожертвовал еще в самом начале ◊

32 *К слову*: вопросом — *вариант*: делом ◊

32–36 и выходил от славянофилов ∾ вещь превосходнейшая / *а.* и на любвеобильности многие выехали. Любвеобильность, конечно, хорошая вещь. *б.* и на любвеобильности многие выехали, особенно прошлую зиму с герцеговинцами. Составились несколько даже любвеобильных карьер. Что ж, любвеобильность, по-моему, прекрасная вещь ◊

37 с весны / даже весной [ужасно боялся] ◊

38 даже еще здесь / еще ужасно

38–39 чтоб с нас всё это братство / чтоб, во-первых, с нас это братство◊

40 *Слова*: даже — *нет.*

41 важная вещь, соединительная вещь! / по-моему, важная вещь.◊

44 *К слову*: полагал — *вариант*: думал ◊

44 не предположить / не думать ◊

45 не предполагаю / не думаю ◊

46 Видите ли / Видите ли-с ◊

46 верстах / километрах ◊
47 *После*: Белграда — т. е. из источника ◊
48 винят / ругают
48 *После*: Россию — *вписано*: и мне это передавали ◊

Стр. 101.

2 «Долой Черняева!» / A mort ‹Смерть ему! (*франц.*)› Черняев! *Далее на полях вписано*: Тут будто к слову и России досталось. ◊
3 уверяют / уверяли ◊
3 напротив / потом
4 *Слов*: только и делают, что — *нет.*
4 Россию / русских ◊
5 всего от Черняева / ждут всего только [от русских и] от Черняева ◊
6 были наверно, да и не могли не быть / были, и это наверно так, да и не могло не быть ◊
7 не умеют / отвыкли ◊
7–8 пропасть / много
8 принужден был / должен был ◊
9–11 не могут понять ∾ обстоятельствах / *а.* не могли понять *б. Начато*: даже и теперь-то вряд ли *в.* да, пожалуй, еще и теперь не понимают ◊
12–15 Кроме того ∾ политически. / *а.* А про Россию, я уверен, про Россию даже самые крепкие ихние головы думают, что она только спит и видит, как бы их захватить, приобресть и ими безмерно усилиться. *б.* А про Россию, я уверен, про Россию у них найдутся даже самые крепкие, так сказать, министерские ихние головы, которые убеждены и теперь, что она только спит и видит, как бы их захватить, приобресть в свою власть и ими безмерно усилить свое политическое могущество. ◊
16 я и боялся ∼ всё это / этого-то и боялся, особенно в случае неуспеха Черняева. Я боялся, чтоб на наше русское братолюбие это ◊
19 главное слово / слово ◊
21 *Слова*: заметьте — *нет.*
22 Да и не ∾ православное дело / И заметьте, на православное дело. ◊ *Далее было*: Эти убитые офицеры, ведь они поехали, не только не надеясь по службе выиграть, но должны были даже выйти в отставку, то есть по службе [потерять] хоть временно проиграть. ◊
24–25 это чрезвычайно / Чрезвычайно ◊
26–27 *К словам*: формула нашего будущего — *на полях набросок*: И вдруг ведь создалась, сама собой, значит, всегда была. Да не то что гроши на православное дело, а хоть сейчас сами идти готовы все поголовно. Ну что бы сказал покойный Грановский, уверявший, что теперь у нас на православное дело никого не подымешь и что прошли времена крестовых походов! ◊
27–28 А то, что об «захвате» ∾ оригинально. / Захвату у нас, одним словом, ни у кого в голове, это ужасно оригинально. ◊
29 *Слов*: потому что ∾ с захватом — *нет.*
30–31 *Слов*: за ее крик ∾ смысле — *нет.*
31 *Слов*: в этот раз — *нет.*
33–35 *Фразы*: Для Европы ∾ до самого конца — *нет.*
35–36 *Слов*: так сознательно и согласно — *нет.*
36–38 ведь родных и братьев нашли ∾ нашли / родных нашли, братьев нашли, и уж не в Славянском комитете только, а всей землей. ◊
39–42 *Текста*: Вот это для меня ∾ совершилось. — *нет.*
43 рассказали / рассказываете ◊
44 объявилась / нашлась
45 деток / детей ◊
45–48 об них ∾ себе / об бедных новых детках, и именно детках и именно материнский плач — опять политическая мысль для будущего, заметьте себе ◊

Стр. 102.

2 ей / нам
4 всякая истинная / настоящая ◊
6 *После*: запишется — Нынешнее лето было важное лето для русских и даже неожиданное. Для сознания русского во многом неожиданное: ◊
6–8 И сколько ∾ эпохой. / сколько русских вопросов [и обвинений] разом ответ получат. Сколько недоумений русских разом разъяснено! Нет, это лето для нас недаром прошло: ведь мы и сами много получили, как вы думаете? ◊
11 словцо это / фразу эту
11 нынешним летом / летом ◊
14 *Слов*: и в самом деле — *нет.*
15 *После*: нового — *вписано*: и неожиданного ◊
16 *Слов*: и даже всегда — *нет.*
16 *После*: в сердце — и в сущности
21 нечто как бы и неожиданное / много неожиданного, хотя, конечно, совсем не нового ◊
22–26 Неожиданного ∾ сивухи. / Неожиданно было то, во-первых (и опять-таки лишь для [многих] некоторых, но далеко не для всех), что народ не забыл свою великую идею «Православное дело», не забыл в течение двух веков рабства, мрачного невежества, а в последнее время — гнусного разврата, сивухи и матерьялизма ◊
28 самой / даже самой ◊
28 интеллигенции русского общества / интеллигенции нашей ◊
28–29 тех самых людей / тех самых ◊
29 совсем / почти совсем ◊
31 почти всей нашей печати / всей нашей прессы ◊
33 подхватывает / передает
33 передает его в газете / передает его ◊
34–35 и вы видите ∾ за то же самое / и сам всем сердцем своим за то же ◊
36–37 Даже, может быть ∾ наконец / Даже самый атеист, может быть, понял наконец у нас ◊
38–41 Они поняли ∾ выражаться / *а. Начато*: и *б.* Он понял наконец, что это вовсе не противная церковность ‹?› и формаль‹ность›, не fanatisme réligieux (как уже и выражаются
42 *После*: а — *вписано*: что «Православное дело» знают у нас
42 а что это именно есть / а именно весь ◊

Стр. 103.

5 *Слов*: по крайней мере, в большинстве — *нет.*
8 упреков / обвинений ◊
8 теперь во многом / *а.* вдруг *б.* вдруг теперь в большинстве ◊
11 *После*: многие — и даже самые
11–13 Что же соединило ∾ не разъединялись? / *а.* Что же соединило этих людей. *б.* Но что же соединило вновь этих людей, или что, вернее, что указало им, что они в сущности и прежде не разъединялись. [Неужели жажда драться, проливать кровь, желанье добиться объявления войны? Эти люди объявляли себя до сих пор за гуманность, за человечность, за всеобщий братский мир и были против пролитья крови?] ◊
15–16 а перешла ∾ высказалась / *а.* а перешла и высказалась *б.* а перешла вдруг в народ *в.* а перешла вдруг в самое сердце русского общества и высказалась ◊
17 а в *живом* чувстве совпала / *а. Начато*: и вместе с сознанием *б.* а в живом чувстве своем в то же время совпала ◊
20 толкований / объяснений ◊
20–21 политических и проч. / политических, текущих и проч. и проч. — и прежде всего и на первом месте ◊

21–22 есть жертва ∾ за братьев / *а.* жертва собою *б.* потребность жертвы собою за братьев ◊

23 *После*: за слабого — [достигнув силы, передать ее и другим] томящимся, угнетенным. Тут не жажда крови, не фанатизм, не шовинизм, не желание побед и захватов, а прежде всего — готовность жертвовать хотя бы собственной кровью. О, конечно, явилась и национальная гордость: нам тяжело было выслушивать клеветы и видеть европейскую к нам враждебность. Но такая национальная гордость есть лишь чувство собственного достоинства, а неужели не настала пора [даже], хотя бы и русскому, взглянуть на свое дело с чувством собственного достоинства? Что же до народа, то он (теперь ясно это) был [1] вне какого-нибудь «учения», а [составляло] оказалось настоящим, так сказать, инстинктивным делом народным, всегдашней сущностью духа народного, не ослабевшего, во всех сохранившегося во всей целости — тоже великое назиданье [в познании] в науке познания народа русского [2] для высших сословий русских, для интеллигенции, оторванной до сих пор от народа и начал его. Увы, познание народа русского до сих пор было почти что наукой, но пойдет ли с этой поры легче? ◊

23–24 уравняв его с собою ∾ независимости / сравнив ее с собою в силе, в могуществе и в независимости ◊

24–25 основать впредь / основать ◊

25–26 *Слов*: во имя Христовой истины, то есть — *нет.*

26 *После*: на пользу — дальнейшую и всегдашнюю ◊

27 *После*: в мире — во имя Христа, бога нашего, памятуя вечно, что и сам был унижен, угнетен и раздавлен ◊

27–35 И это вовсе не теория ∾ страданием. / И это так будет действительно, ибо все славяне воспитались и развились лишь страданием. ◊

35–36 написали выше / написали ◊

36–37 крепостном рабстве / рабстве ◊

39 не стал / не сделался ◊

39–40 замкнувшимся эгоистом / эгоистом ◊

Стр. 103—104.

39–7 эгоистом, заботящимся ∾ в единении с ним / эгоистом — что ж, это значит только, что он еще не забыл,[3] как [он] сам был угнетен, а потому и поднялся теперь духом и сердцем, чтоб помочь и другим угнетенным, и это поняла высшая интеллигенция и примкнула к нему своим сердцем. [Даже, может быть, самый атеист понял теперь у нас наконец] Значит, это свойство народа русского подыматься духом страданий и соединяться со Христом в сердце с угнетенными <?>. Итак, жертва за великое славянское дело и за всеобщую славянскую цель. ◊

Стр. 104.

8 было великодушное и гуманное / было — великодушное, чувство — гуманное ◊

8–10 и единящая ∾ наций / и единящая всех идея и всякое истинное единящее всех чувство — есть величайшее счастье в жизни национальной. ◊

---

[1] *К словам*: Что же ∾ он был — *вариант*: Народное же движение (теперь ясно это) было ◊

[2] *К словам*: народа русского — *сноска в низу листа*: Даже трудно сказать, [что] кто на кого нынешним летом более повлиял — высший ли слой на народ, или народ на нас, на высший слой общества. Мы не могли не ощутить нашего единения, нашего умножив<шегося> согласия.

[3] *К словам*: только, что он еще не забыл — *вариант*: сам помнит ◊

11–13 Мы не могли ∾ нашего. / Мы вдруг ощутили некоторое всеединение в целом и, кроме того, — всем народом ощутили некоторое вдруг усилившееся согласие и самосознание. ◊
13–14 *Слов*: обществом и народом — *нет*.
14 *После*: мысль — *а*. *Начато*: и жела‹ние› *б*. и всенародное горячее желание *в*. и всем народом горячее желание ◊
14–15 тотчас же это разглядела / кажется, это уже подглядела ◊
15 русским / русским народным ◊
16 Сознательная политическая / Политическая ◊
17 совершенная неожиданность / новость и неожиданность ◊
17–19 Она предчувствует ∾ выросли. / Для Европы и для чьего бы то ни было взгляда — мы вдруг выросли в уважении. ◊
19–22 *Рядом с текстом*: Самые слухи ∾ опровержение — *на полях вписано*: в глазах ее [отменно] сильнее
20 русского ∾ национальности / нашего общества ◊
20–22 давно уже ∾ опровержение / крепившиеся в Европе долее — получают опровержение ◊
23 *После*: соединяться — И для скольких тосковавших русских в этом факте явилось огромное утешение и ободрение. ◊
24–25 буде она ∾ в ее убеждении / если только есть таковые, должны теперь, по всей вероятности, принять ◊
25 принять сами собою / принять
26 много / множество
27–30 *К тексту*: Одним словом ∾ уважения. — *наброски на полях*: *1*. Да и на самые правительственные элементы наши, на правителей и администраторов наших. Эти движения не могут не ободрить и правительство во всевозможных его шагах и целях впереди. Опираясь на такой народ. Освобожденный народ наш. *2*. Как заявление зрелости [и высокой духов‹ности›] народной и высокой духовности его, которая не может не внушить к себе уважения и поддержки *3*. Это великодушие и всеобщее русское движение не может не повлиять, тоже и как заявление уже некоторой зрелости народной. Оно не может не внушать к себе уважения.
32 *Слов*: и отставных русских солдат — *нет*.
35 карьеристы / пройдохи ◊
38 некоторые / многие ◊
39 *Слов*: еще бывшие на службе — *нет*.
40 *Слов*: своим, хотя бы и — *нет*.
41–43 что, однако ∾ на них уже / они [с доблестью] геройски умирают в сражениях десятками и выполняют свое дело [отлично] [геройски] так, что на них уже ◊
44 *После*: Черняевым — Эти авантюристы, наконец, слава наша. ◊
44 славят / прославляют
45 в Европе / в глазах Европы
46 *После*: зачтется — и примется кем надо в соображение ◊

Стр. 104—105

47–2 Это пионеры ∾ заявленных ими / Это русское желание, русская воля, заявленная [уже] ◊

Стр. 105.

3 русская личность / фигура
4 *После*: величаво — Про генерала Черняева разом заговорили с самого начала [заговорили] в различных смыслах: были толки как и об авантюристе. В Европе же полагали даже, что он послан нашим правительством, теперь, но лишь [в последнее время] весьма недавно стало у нас известным, что он [лишь] вовсе не был главнокомандующим, а утвержден [лишь] в этом [чине] [звании] чине сербском лишь в самое последнее время. Известно тоже, что принял он командо-

вание отрядом неустроенным, милицией, из которых надо было сделать солдат. Пренебрегая всякими толками и тем, что об нем скажут в России, в Европе, генерал Черняев, не рискуя великим делом, скромно и твердо принялся за устройство, за созидание армии. Между тем генерал Черняев еще в России имел уже за собой военную славу; всем этим он чрезвычайно рисковал

8 до сих пор пока еще / для тех, которые понимают военн‹ый› ход дела ◊

8 *После*: характер — и большую военную сообразительность ◊

8 в Сербию / к сербам ◊

8–10 а стало быть, и своим / и [даже], стало быть, всем своим ◊

10–18 В Сербии ∾ генерал Черняев стал / Создав армию почти из ничего и устроив ее из новобранцев, из милиции, из простых граждан, он стал ◊

19 он должен был / он, правда, должен был ◊

20 перед напором ∾ неприятеля / перед натиском несоразмерно превосходивших [силами] сил ◊

21 *Слова*: вовремя — *нет*.

22 крепкую / чрезвычайно крепкую ◊

22 не осмелились / *а*. не смеют *б*. не посмели ◊

23 судить по-настоящему / строго судить ◊

24 свои главные действия / действовать ◊

24–26 *Фразы*: Армия его ∾ в силах. — *нет*.

26–27 К тому же ∾ могут / Но политические соображения могут ◊

28–30 уже обозначилось ∾ бесспорен / военный талант его уже несомненен [а характер], бесспорен ◊

32–33 Замечательно, что ∾ приобрел / Замечательно то, что в России он приобрел ◊

33–34 *Слов*: его имя стало народным — *нет*.

34–36 начал ∾ Европе / первый начал ее движение [что он] к цели и [заявил] поступком своим первый заявил и ее желания и волю ◊

37 он / генерал Черняев

38 *После*: любить его — Я думаю, что немало.

‹Сентябрь›

Стр. 106.

1–3 Сентябрь ∾ Piccola bestia / Глава первая. I ◊[1]

5–7 По мнению итальянцев ∾ во всей Италии. / *а*. Это самый жаркий город во всей Европе, по мнению итальянцев. *б*. Летом это самый жаркий город во всей [Европе] Италии, и самый холодный зимой, по мнению итальянцев.

8 *Слов*: чем во Флоренции — *нет*.

8 *Слова*: раз — *нет*.

8–9 в моей квартире ∾ от хозяев / в [тех двух комнатах] одной из моих двух комнат, которые я занимал (от хозяев) ◊

9–10 ко мне вдруг ∾ две служанки / В мою квартиру ворвались с криками несколько женщин ◊

11 в мою комнату / в мою квартиру

---

[1] *Над словами*: Глава первая — *заметка* (*относящаяся к последующему тексту — см. стр.* 288): Административная автономия, чтоб тем удобнее продолжать их бить по шеям и выколачивать из них копейку, а чуть нет копейки, брать девочек и мальчиков и уводить на рабство‹?›, а стариков распинать на крестах (буквально). *Здесь же, справа и слева на полях, пометы*: Лист 1. 16/17 августа.

11 вбежала / забежала ко мне ◊
13–15 пустились искать ∾ топать ногами / начали искать [в той комнате, в которую он вбежал] [сперва в первой] (а тарантул бегает шибко) под стульями, под столами, по всем углам, под шкапами, в мебели, начали выметать, топали ногами ◊
17 сыскали / нашли
19 *После*: казнили — мир праху его ◊
19 но зато перед этим ночь / Но эту ночь [однако] ◊
27–28 а в Италии ∾ обходится дело / Может быть, в Италии доктора лечут так успешно, что и лихорадка редко бывает
29–30 даже смеялся, припомнил и прочел наизусть / даже припомнил наизусть ◊

Стр. 107.

5 маленький старый / ничтожный ◊
7 я сам даже не / *а.* не удивляюсь *б.* даже сам я не ◊
10 успокоиться / заснуть
10–12 всем добрым людям ∾ в которую кончится / всем, до светлого пробуждения, до радостного утра, — по крайней мере всем добрым [сердцем] людям, всем любящим мир, человечество, процветание его, всем ждущим светлой той минуты, [что] когда наконец-то когда-нибудь кончится ◊
13 рознь / политическая рознь
13 *После*: народов — называющаяся Восточным вопросом ◊
13–18 В самом деле ∾ политические вопросы / что по крайней мере, хоть с устранением политической [розни] неурядицы совершается хоть этот первый [грубый] шаг к умиротворению европейского человечества и тогда уже [на свободе] можно будет приняться и за иные более глубокие внутренние вопросы. Что же собственно до В‹осточного› вопроса, то кажется иногда,[1] если вдуматься, что с окончательным разрешением В‹осточного› вопроса кончились бы, может быть, разом и навсегда и все [дальнейшие] прочие *политические* недоумения ◊
13 *К словам*: предрассудки Европы — *вставка на полях*: Почем знать: может быть, в этой-то формуле: «Восточный вопрос» — [всё и кроется] и заключаются
21 этого / Восточного ◊
21 могла бы наконец / может ◊
23 И вот ∾ и мешает / Но именно всему этому как бы мешает ◊
24 всегда / прежде
24 но / но теперь ◊
24 *После*: вопросом — (и вообще каждый раз, когда он поднимается) ◊
25 уже забегает в самые комнаты / забежала в комнаты ◊
26 *После*: кошмар — Конечно, не [для] у промышленников. Ужасно много людей, несомненно, выиграют в мутной воде [от], в общем кошмаре и недоумении, и даже теперь уже выиграли. [Им] Этим хорошо спится. Но в европейском человечестве не все ведь промышленники. ◊
26 *Слов*: все видят дурные сны — *нет.*
26–27 *Слов*: или что же такое — *нет.*
27–29 производит ∾ безумие / мешает спать спокойно — это трудно решить, но укушение маленького чудовища [ужасно] производит немедленно самые чрезвычайные последствия. Все как будто в бреду. ◊ *Далее было*: [и знаете ли — никто-то этого не знает] [вот что мне кажется], хотя об Восточном вопросе, конечно, напечатаны [сотни] десятки тысяч листов.

---

1 *К словам*: Что же ∾ иногда — *вариант*: И даже кажется иногда ◊

Стр. 107—108.

9-39 Всякий представляет ее себе ∾ запугать ее. / *а.* [Уж на всякого] [И я не знаю] [Как вам сказать] Тут что-то есть [какое-то зло, какое-то скрытое], чудовище — [что же] человек это? Нация? Не думаю. Какой же человек: виконт Биконсфильд, произведенный из жидишек в виконты? Не думаю, много чести ему, хотя он и похож на piccola bestia. [Вся] [Англия, Турция, Австрия? — конечно, нет.] Что же это, аллегория какая-то, какое-нибудь зло, не знаю, но верно то, что это нечто первоначальное, странное, стихийное, росшее давно уже вместе с Европой, чудовище, откормленное на ее груди и готовое теперь, когда выросло [и созрело], укусить ее. Конечно, его надобно казнить и раздавить, но кого раздавить? Может быть, для Европы мы, Россия, — тарантул, чудовище, мешающее ей жить спокойно. А что же, очень может быть, что она так полагает. С Восточным вопросом она [согла<силась?>] раздробилась на все свои личные эгоизмы, точь-в-точь как в минуту опасности кораблекрушения почти каждый заботится только о себе. Одна Россия лишь заботится не о себе самой. Тут полный, бескорыстнейший энтузиазм к человеколюбивому прекрасному делу — минута, дорогая в жизни наций, воспитывающая их, поднимающая их душу и ум, их веру в себя и в будущее. В энтузиазме принужден был [согла<ситься>] сознаться даже и «Вестник Европы», хотя с большой оговоркой и даже как бы с некоторым сожалением. И уж если тут согласились, то, значит, я прав был, утверждая в прошлом «Дневнике» моем, что многое нам, русским, взаимно объяснилось и на многие недоумения дан ответ. Это согласие (хотя бы и с сожалением) «Вестника Европы» есть [страшный шаг западничества] страшная уступка западников со времен Грановского. Ведь не мог же даже и «Вестник Европы» сказать, что настоящее, сердечное, человеколюбивое и высокое движение народное есть чувство пошленькое и вовсе не воспитывающее. Но если объяснилось многое нам в России, то еще пуще затемнило взгляд на нас европейцев. Теперь уж они нам нисколько не поверят. Ну можно ли верить такому бескорыстию для одного человечества? *б.* [Разумеется] Но однако всем ясно, что в этом неизвестном, в этом-то неизвестном иксе [и] заключается какое-то зло, сидит какое-то тайное чудовище. Кто оно — уже конечно не я разрешу. [Есть даже такие, которые наклонны принять предло<жение?>] Человек это? Нация ли? Не думаю. Пожалуй, укажу, что на этот раз, то есть в настоящий фазис, В<осточный> вопрос — это piccola bestia — виконт Биконсфильд, произведенный из жидишек в виконты? Но это уж слишком много чести ему, хотя он и ужасно похож на piccola bestia. Да уж тут аллегория какая-то, какое-нибудь зло, не знаю, но верно то, что это нечто первоначальное, странное, стихийное, росшее давно уже вместе с Европой, чудовище, откормленное на ее груди еще с детства и готовое теперь, когда выросло, укусить ее.[1] Конечно, его надобно казнить и раздавить. Но кого раздавить? Тут главное, в этом вопросе, есть какая-то для всех неизвестность, даже таинственная, которая не дает возможность определить и осмыслить его ясно никому. Вот эта-то неизвестность и есть эта piccola bestia, по крайней мере в этой неизвестности она и спрятана. Смею уверить, что нет piccola, а лишь аллегория. Так что никто почти не понимает друг друга, я именно утверждаю это. Мало того, может быть, никто и про себя-то не знает, чего хочет, то есть видите ли, он и назовет, пожалуй, в крайнем случае, что он хочет, но сам первый не доверяет тому.[2] Может

---

[1] ***Над словами***: когда выросло, укусить ее — ***вписано***: (но которое скрывается и потом вдруг вбежит в комнаты)

[2] ***Рядом с текстом***: Мало того ∾ тому.— ***вписано***: перестает понимать, чего хочет. Все что-то укуше<ны?>

быть, для Европы мы, Россия, — тарантул, чудовище, мешающее ей жить спокойно. А что же, очень может быть, что она так полагает. Во всяком случае укушение этого чудовища производит то, что все народы начинают сейчас же не понимать друг друга,[1] как при Вавилонской башне, но разойтиться не хотят и непременно хотят разрешить вопрос, но каждый по-своему, а как дойдет до дела, то и сам не зная, как. Я говорю про Европу. С Восточным вопросом она раздробилась на все свои личные эгоизмы. Что в Европе считают Россию — это чудовище, то, уж конечно, в этом нет сомнения. А между тем одна Россия лишь заботится не о себе самой, потому что одна знает вполне, чего хочет, потому заботится не о себе самой. Взгляните на народный энтузиазм. Тут полный, бескорыстнейший энтузиазм к человеколюбивому прекрасному делу — минута, дорогая в жизни наций, воспитывающая их, поднимающая их душу и ум, их веру в себя и в будущее. В энтузиазме народном и в искренности его принуждены были сознаться даже и враги движения [(верх русск‹ого› благоразумия)]: и что ж: видели ли вы хоть какой-нибудь порыв к захвату в народе нашем? Повторяю сказанное в прошлый «Дневник». Но если объяснилось многое нам в России, то еще пуще затемнился взгляд на нас европейцев. Теперь уж они нам нисколько не поверят. Ну, можно ли верить такому бескорыстию для одного человечества? ◊

Стр. 108.

40 *Слов:* урожденный ∾ d'Israeli) — *нет.*
41 вдруг открывает / открывает ◊
42 одну чрезвычайную тайну / тайну ◊
42 *После*: тайну — и пугает Россию ◊
43 спасать славян / спасать и поднимать на борьбу славян ◊ ***Далее набросок***: Кстати, когда я писал о таинственной piccola, мне вдруг подумалось, что всякий спросит: «Уж не кочет‹?› ли Биконсфильд? Но не думаю. Слишком уж много ему будет чести, хотя он и похож».
46 *Над словами*: начинена Россия — *вписано*: всё это бросилось-таки ‹?› в Сербию.
47–48 *Слов*: для приданья статьям их важности — *нет.*

Стр. 110.

3 *Слов*: и сочинил — *нет.*
3–4 эту альбомную фамилию / этакое альбомное название
4 *Слов*: напоминающую ∾ Гремпных — *нет.*
6–18 Кстати, когда я ∾ не буквально) / Кстати, это‹т› израиль прямо объявил Сербию бесчестным делом. Он плюнул в глаза на всё русское одуш‹евление?› ‹*не закончено*› *Далее на полях заметка*: Этот оскорбитель России в лицо
19 конечно / конечно уж ◊
19 *Слова*: свои — *нет.*
20 в Сербию / за границу ◊
21–25 сговорятся ∾ пугнуть» / организуются в силу. . . [страшную силу] и это надо заметить Европе, — прибавил [лорд] Биконсфильд. (Заметит и Россия [подума‹л›] эту мою инсинуационную фразу, — подумал он про себя. — Надо напугать ее. Я передаю не буквально, а лишь смысл.) ◊ *Далее было*: Но [честолюбие] жадность России такова, что она, конечно, хоть и опасается объявить войну, но, по крайней мере, хоть этими-то опасными для себя руками, социалистами-то, начнет дело и захватит там что-нибудь. . . [А потом] до

---

[1] *К тексту:* производит ∾ друг друга — *на полях вариант:* производит немедленно самые чрезвычайные последствия. Все как будто в бреду

объявления-то войны, решительно. Вот смысл речи этого Биконсфильда.

26–27 ужасно похож ∾ мохнатая bestia / маленькая лохматая piccola bestia ◊

27–28 *Фразы*: И ведь как шибко бегает! — *нет.*

28–29 ведь это он допустил ∾ chef-d'œuvre / ведь этот лорд Элиот — его советы, его попущения. И как могут существовать такие тарантулы ◊

30–32 И ведь как обрадовался ∾ романы писал. / А вот так обрадовался виконтству. Он всю жизнь мечтал о нем, когда романы писал. ◊

33 веруют / верят

34 *После*: душою — А ведь почем знать, может быть, он и сам верит тому, что говорил. Ведь Россия есть страшное недоумение для Европы, ведь ничего-то, ничего-то пока она в России не понимает! Тем не менее его слова насчет социалистов произведут в Европе эффект. И кто же ему не поверит: это премьер, у него секретные документы. ◊ *К слову*: душою — *заметка на полях*: два креста двух священников, два черных трупа.

Стр. 110—111.

34–10 *Текста*: О, души их ∾ бескорыстное"». — *нет.*

Стр. 111.

12 освежающие даже / освежительные даже, так сказать ◊

12 *Слов*: и главное, так складно — *нет.*

14 Попа? ∾ les popes. / Это, так сказать, два попа ◊

13–16 Вольно же ∾ под диван. . . / И нужно же было им подвернуться ◊

16–22 *Текста*: Mais ∾ раздавил коалицию . . . — *нет.*

23–33 *К тексту*: И вот все эти ∾ казаки с Дона — *на полях вариант*: И так эти георгиевские седые кавалеры, севастопольцы в своих измятых ветхих сертучках (многих так описывали), эти юноши, которых привели за руки родные матери, эти наши солдатушки-севастопольцы и кавказцы, казаки с Дону *<не закончено>*.

23–24 И вот все эти ∾ и кавказцы / И так все эти [георгиевские седые кавалеры] капитаны и майоры, севастопольцы ◊

25 *Слов*: всё это — *нет.*

26 иные / некоторые ◊

27 *Слов*: на это — *нет.*

28–31 *Текста*: Зато посмотрите ∾ по-вашему. — *нет.*

31–38 Ну, а эти два юноши ∾ элементы наши / Эти юноши, которых привели за руки их матери (были и эти случаи), коммунары? Эти наши солдатушки, старые кавказцы — им Тюльери сжечь хочется? Архиепископа расстрелять? Эти казаки с Дону, эти партии русских, прибывающие с санитарными отрядами и с походными церквами — [все] эти Киреевы, Раевские — эти офицеры, устремляющиеся <?> вперед бесстрашно, геройски — всё это разрушительные элементы ◊

38–41 этот наивнейший ∾ социализма / этот наивный Черняев, добрый и в России издатель «Русского мира». Это социалист!

41–42 *К фразе*: Тьфу, как неправдоподобно! — *в низу листа заметка*: Слава богу, что так вышло неправдоподобно, а то, пожалуй, ему бы и у нас поверили: ведь он премьер, ведь у него документы есть. В Европе-то все поверили.

41–42 *После*: неправдоподобно — А ведь Биконсфильд-то наверно думал, что вот когда он нафискалил, то в России и затрепещут. Но не знает он, романист, как это глупо и неправдоподобно для нас, для русских. Другое дело для Европы — там поверят. Но, впрочем, я не буду писать о Восточном вопросе. [Я утверждаю лишь [то], что его никто не понимает в Европе и в мире, что никогда не было таких потемок, такого недоумения, как теперь пред его разрешением. О, он разрешится наверно, но не головами, не умами, не приговорами.] Он разрешится *сам собою* и, может быть, как-нибудь для всех неожиданно, как раз-

решается, впрочем, всё живое в мире ◊ [*не закончено*]. *Далее* ‹*к низу листа и слева на полях наброски*: *1.* Самая бесчестная война, и этот хам, произведенный в виконты, смеет рассуждать о чести. *2.* баня, Мер‹твый› дом *3.* Мы ласковы, хотя эта кровь — это его подлое дело. И с этим человеком церемониться. *4.* И романы его у нас читали и переводили, но этот последний роман из рук вон плох. Ничего-то вы не понимаете в России, г‹оспо›да Биконсфильды, да и Гладстоны ведь тоже, и виги и тори. Ну так разрешите загадку: что такое Россия? Коробит вас. *5.* Это важнейший факт, чрезвычайный, огромнейший, а между тем в нашей прессе совсем не обратили (хотя и писали про это) на это внимание: видели прекрасный порыв, чувствительность, а формулы, политической формулы, сказанной народом, нами, что не для себя, дескать, а за братьев, — не заметили! Удивительно. Удивительно.

Стр. 112.

1 *Заголовка*: Слова, слова, слова! — *нет.*

2–4 Несколько мнений ∾ укушенные. / *а. Начато*: Но если я не буду писать о Восточном вопросе, то зато я много *б. Начато*: Не буду я *в.* Трудно теперь писать о Восточном вопросе и потому еще, что слишком много уж читано о Восточном вопросе. Кто теперь не пишет о Восточном вопросе? Но редко-редко мелькнет что-нибудь ясное, здоровое, какой-нибудь верный намек, большею же частию всё это как бы кем-то укушенные, в бреду ничего не понимающие люди. Я отчасти имею право так выразиться потому, что и меня уже два месяца назад сопричислили к этим [укушенным] в бреду ничего не понимающим людям за то, что я сказал, что Константинополь должен быть наш. Заметьте себе, я сказал: когда-нибудь, рано ли, поздно ли — почти что в идеале. Если же и этого не допускают, то я ведь не виноват, что у всех этих литературных вождей наших взгляд на Россию и на судьбы ее сузился до таких микроскопических размеров. [И] [Но] Как же решает, однако, благоразумие? Но тут-то, что ни слово, то диковинка. *г.* Трудно теперь писать о Восточном вопросе и потому еще, что слишком много уж читаешь о Восточном вопросе. Мне, впрочем, собственно, даже невозможно уже больше ничего написать на эту тему: после слов, высказанных [еще] мною еще два месяца назад, что К‹онстантино›поль, рано ли, поздно ли должен быть наш, меня [как бы исключили], я чувствую это, считают человеком, ничего не понимающим в Восточном вопросе. Кстати, если у нас все чувствуют довольно порядочно, то в мыслях есть и укушенные. Кто теперь не пишет о Восточном вопросе? Но прочитанное не возбуждает желания говорить, а, напротив, невольно повергает вас даже в молчание. Но редко мелькнет что-нибудь ясное, здоровое, какой-нибудь намек (и именно намек), большею же частию всё это как бы кем-то укушенные, в бреду ничего не понимающие люди. Я отчасти имею право так выразиться, во-первых, потому, что всё это сказано «в высшем смысле», а во-вторых, потому, что, кстати, меня уже два месяца назад сопричислили к этим в бреду ничего не понимающим людям за то, что я сказал, что Константинополь должен быть наш. Заметьте себе и то (и это главное), что я сказал: когда-нибудь будет, рано ли, поздно ли, в конце, так сказать, концов [а будет] и что совершится это потому, что не может быть иначе, так сказать, по закону природы, по естественному ходу вещей [но ведь не настаивал же я на сейчашнем исходе, хотя и указывал, как в один день и час исчезали, даже на наших глазах, [в так называемом ‹*нрзб.*› европейском] страшные и могущественные силы и великие. А в тот же день и час возникали на их местах новые. У меня же приходилось почти что как бы в идеале и почти что, так сказать, в идеале] (А ведь идеалисты разве люди серьезные? Ведь идеалисту всегда нужно простить. Да и держат их единственно, чтоб веселили и раз-

влекали фантазией, когда уж очень скучно станет деловым людям.) Ну вот бы и мне простили. Так вот нет же! Даже и в идеале вот ‹*не закончено*› Но естественности-то этой и не допускают. Но я ведь не виноват, что у всех этих литературных профессоров взгляд на Россию и на судьбы ее сузился до таких микроскопических размеров. Но пусть я энтузиаст, а как же решает, однако, благоразумие наших и иностранных газет? Но тут что ни слово, то и диковинка. Но . . . подумаешь, что строится опять какая-то там Вавилонская башня — до того все пишущие, по-видимому, не понимают друг друга. Ясно только одно: [факты грустные] в подробности пускаться не стану. Вот и административная автономия ‹*не закончено*› Вот благоразумие-то и говорит самые невероятные и несбывчивые вещи. Читаешь и чувствуешь ‹*не закончено*› *д*. Несколько [европейских] мнений о разрешении Восточного вопроса решительно удивительно. Кстати, в газетном мире есть [даже на наших глазах] и у нас как бы укушенные немного, из газетного разве мира — но есть.

4–8 О, не буду ∾ устану. / *а*. О, не буду пересчитывать всего. *б*. О, не буду перелистывать всех впечатлений, устану. ◊

8–9 Одна ∾ паралич в мозгу. / Но вот, например, пресловутая административная автономия. ◊

9–12 *Над словами*: эти права ∾ и т. д. — *вписано*: и всё это оставить под властию [турок] Порты по-прежнему, — говорят иные газеты ◊

11–12 пользуется ∾ в Европе / наиболее европейское ◊

12 такую комбинацию / *а*. какую-нибудь комбинацию. *б*. вам такую комбинацию

12–13 осуществить которую труднее / которая труднее ◊

13–14 *Слов*: или отделить воту ∾ угодно — *нет*.

14–15 а между тем ∾ довольны / и думают, что дело решили, и спокойны, и довольны ◊

15–18 *Фразы*: Нет-с, Россия согласилась ∾ г-да фразеры. — *нет*.

18 *После*: комбинацию — «благоразумие»

19–20 Кто станет ∾ заставит слушаться? / *а*. Кто станет слушаться? И как заставить слушаться? *б*. Кто станет вас слушаться, если вы и дадите какую-нибудь бумагу? И как заставить слушаться? ◊

20–21 управляет / управляет теперь

21–28 Есть ли даже ∾ в самом деле? / *а*. Есть ли там хоть единый человек, хоть что-нибудь понимающий в Европе, мало того — хоть капельку знающий историю, географию и который в самом деле, по внутреннему убеждению своему, мог бы считать христианскую райю себе равноправною? *б*. Есть ли в Константинополе хоть единый турок, хоть что-нибудь понимающий в Европе, умеющий хоть бы только эсмыслить, чего хочет Европа от Турции, и который в самом деле, по внутреннему убеждению своему, мог бы, наконец,' признать христианскую райю до того себе равноправною, чтобы могла выйти из этого хоть какая-нибудь автономия? ◊

28 с таким / с этим

28 *После*: договоры — Конечно, договоры ведутся давно уже не с турками, а с Англией, например, с Германией (прежде с Францией), тем не менее райя-то ведь у турок в лапах, ну а если [он] турок никогда не поймет, что райя с ней равноправна — [что тогда будет] [так как же дать автономию] так какая же может быть автономия?

28–30 «Устроить надзор ∾ комбинацию! / *а*. *Начато*: Так надзирать за ней, найти комбинацию, — отвечает благоразумие. А ну-тка, найдите комбинацию, заставьте-ка слушаться. О, замазать дело каким-нибудь дипломатическим шагом‹?› — это легко, но в самом деле [освободить] дать автономию — невозможно. [По крайней мере] Или это потому что *б*. Надзор учредить за ней, найти комбинацию, — отвечает публицист. Устроить на вассальных отношениях, в каких до

войны была Сербия? Но ведь это опять-таки значит уничтожить Турцию.[1] [Но] А ведь хотят сохранить и Турцию [2] и чтоб она и долг свой могла заплатить.[3] Ну-тка, найдите комбинацию, учредите надзор. ◊

30-32 Есть вопросы ∾ момент. / *а.* Некоторые вопросы решительно невозможно разрешить вот так и чтоб никак не иначе. *б.* Некоторые вопросы решительно невозможно разрешить непременно так [причем дипломатия тотчас заносит новый способ решения в свои книги и объявляет, что новый сделал старым [4]] и никак не иначе, а Восточный вопрос непременно хотят решить *в.* Некоторые вопросы решительно невозможно разрешить непременно так и никак не иначе. ◊

32-35 Гордиев узел ∾ загадку. / *а.* Гордиев узел, который сулил обладание Азией, нельзя было распутать руками, но Александр нашел способ — рассек мечом. *б.* Гордиев узел нельзя было распутать руками, но Александр нашел способ — рассек мечом и разрешил загадку. ◊ *Далее было*: Есть вопросы и в политике, и в жизни, которых специальность именно в том, что они разрешаются [не так как принято общим мнением] непременно иначе, а не так, как всем кажется,[5] одним словом, заключают в себе непременно свой собственный, особый способ решения, не похожий ни на что прежнее. [Но вот этого-то и не любит Европа, она любит именно, чтоб всё было по-прежнему, по-старому, по-казенному, упирается, как лошадь, конечно до времени, а кончает тем, что всегда покоряется. Да и без этих новых разрешенных вопросов «и жить-то было бы скучно».] Часто этот способ самый простой, вроде гордиева узла. Впоследствии, уже после разрешения, оказывается, что он был самый [естественный и] натуральный, но вот потому-то его [и не принимают] никто и не может найти. ◊

36 Но вот / Ну вот ◊

36 *После*: мнение — *начато*: Пусть Россия двинет свое войско в Турцию, но пусть она заявит при этом на всю Европу, прямо, громко и откровенно

36-37 не одно газетное / это не газетное

39 *Слова*: романистов — *нет.*

44 простого / какого-нибудь простого

45 ученая / профессорская

45 *После*: комбинация — впрочем, это всегда так во всех прямых и ясных вопросах.

46 *После*: равновесие — *начато*: сил, пока же, конечно, и предполагалось (предполагалось только и нередко просто

Стр. 113.

2-3 *Слов*: так сказать, из деликатности — *нет.*

3 что / только что ◊

3 пять волков разлягутся / пять равного весу волков разлеглись ◊

4 лакомый кусок / *а.* овечка *б.* добыча *в.* кусок мяса ◊

5 добычу / овечку ◊

6 разрешения вопроса / дипломатического успеха ◊

7 Но разрешает ∾ что-нибудь? / Но разрешает ли это Восточный вопрос?

9 на факте даже ненатуральном / даже на ненатуральном ◊

---

[1] *К фразе*: Но ведь ∾ Турцию. — *на полях вариант*: Значит, начать раздробление Турции. ◊

[2] *Над словами*: хотят сохранить и Турцию — *вписано*: надо, чтоб Турция

[3] *К словам*: и долг ∾ заплатить — *вариант*: и могла заплатить долги

[4] *Так в рукописи.*

[5] *К словам*: как всем кажется — *вариант*: как непременно тянет всех разрешить его ◊

9–10 *После*: на равновесии — В равновесие все условились верить, как в факт, а между тем [это всегда было только мечтой] и факта этого не было положительно никогда. ◊

10 Существовало / Но существовало

11 *Слов*: в самом деле — *нет.*

16 *Слова*: охранительницей — *нет.*

16–17 *Фразы*: В этом смысле ∾ эксплуатировала. — *нет.*

17–19 Зато из остальных ∾ и исполнял / Зато остальные в Европе, кажется, никто ничего не исполнял, и всякий только делал вид [и то до времени] и строго, иезуитски строго, исполнял формалистику, но лишь до времени. ◊

20 когда, по расчетам / когда ему надо было и когда по расчетам ◊

22–23 *Фразы*: Комичнее всего ∾ «равновесие». — *нет.*

23–25 и России ∾ о своем интересе / нарушать его [1] [по общепринят‹ому›] (будто бы) России ◊

26–27 Ну, вот ∾ Константинополе / *а.* Ну, и что же будет? *б.* Ну вот, и теперь то же самое ◊

29–31 как бы соединиться ∾ кусок / *а.* как бы соединиться трем против двух, истребить тех двух и поделить овечку *б.* как бы нарушить равновесие и повыгоднее разделить кусок *в.* как бы трем съесть двух остальных и поделить кусок, потому что кусок этот будет вечно лакомым, вкусу своего он не потеряет никогда, и в этом самая главная сущность дела ◊

31 Неужто это есть разрешение? / Но это не разрешение, это отдаление [разрешения] решения [на 100 лет] для решения на века. ◊

31–36 Между тем ∾ не лающую. / *а.* Между тем [происхо‹дят›] являются в 100 лет комбинации; [вдруг] происходят комбинации, и один какой-нибудь из пяти волков, вдруг в один день, в один час [из волка], каким-нибудь таким несчастным для него случаем, обращается из волка в крошечную маленькую собачку, даже и не сердитую, даже и не лающую. *б.* Между тем между волками-оберегателями с каждым днем возможны новые комбинации в равновесии, потрясения страшные, и вдруг один какой-нибудь из пяти волков, вдруг в один день, в один час каким-нибудь таким несчастным для него случаем обращается из волка в крошечную комнатную собачку, даже совсем уж и не лающую. ◊

36–40 Вот уж и потрясение ∾ господа мудрецы?. . / *а.* Вот в равновесии и потрясение. Как же профессора не рассудят, что потрясение не будет влиять на судьбу овечки. Мало того, из пяти сил могут образоваться даже только две силы, и тогда вопрос кончится сам собою, потому что обе силы могут решить его [просто по-братски, не теряя своих выгод] очень согласно: двум сговориться всегда легче, чем пятерым: вот уж и опять новая комбинация и совершенно обратная профессорской. Одним словом, Константинополь, никому не принадлежащий, есть бессмыслица из бессмыслиц. *б.* Чем же профессора заручатся, что потрясение это не будет влиять на судьбу овечки. Мало того, из пяти сил могут образоваться просто только две силы (мало ли что может случиться в будущем Европы), какие-нибудь вроде Восточной и Западной. Тогда. . . тогда что же станет с волками-оберегателями? К чему так хочется сплотиться в одной цели новому миру людей, что за славяне? Какое-такое освобождение славян, и что могут сказать они нового? ◊

Стр. 114

2 оберегающие теперь неприкосновенность Турции / оберегающие Турцию ◊

2–3 пророчествующие / пророчащие ◊

---

[1] *К словам*: нарушать его — *вариант*: лишь шевельнуться в свою пользу

5–6 султана и Константинополь / Турцию ◊

7–9 с их всегдашнею наглою дерзостью ∾ вопрос / с их смелостью, с их наглою дерзостью. Но удержатся ли, вот вопрос. ◊

9–11 Всё это ∾ на правду. . . / И это вероятнее всего, потому что смелее всех и [именно решено иначе и не так, как у всех] оригинальнее, совсем даже не дипломатически и именно по-новому, именно не так, а иначе. Удастся ли только удержаться, как в Гибралтаре, — о, это другой вопрос. [Но] Всё это, конечно, только шутка, которую, впрочем, не худо бы было запомнить, потому что эта шутка похожа [право] на правду. ◊

12 *Цифры*: III *и заголовка*: Комбинации и комбинации — *нет.*

13 *После*: допускаются — профессор‹ами›

15–18 Даже так можно ∾ предполагается, что / *а. Начато*: А впрочем, вот еще одно мнение. Не хочу его пропустить по его чрезвычайной, так сказать, насущности. Стоит только, видите ли *б.* Вот, н‹а›-при‹мер›, еще мнение. Предполагается [например], что ◊

16–17 схватится ∾ мнение / ухватятся за него газеты. ◊ *Далее было*: А уж наши особенно, хотя есть и у нас одна газета, которая решительно стоит на высоте вопроса и политические статьи которой, не только по Восточному вопросу, но и [всегда] по другим, были [лучшими из политическ‹их›] [одними] в ряду лучших даже между европейскими газетами. Но, впрочем, позвольте еще шутку, я не объявлю, какая это газета. Пусть всякая из них подумает, что я про нее говорю, хотя, конечно, мое мнение для них ничего. Тем более что и не все же плохи — нет-нет, а и в самой сбивчивой газете вдруг мелькнет прекраснейшая вещь. Именно потому, что в общем-то все согласны, именно из наших газет. Но довольно на эту щекотливейшую из тем.[1]

20 *После*: верует — и какая, однако, наивность! ◊

22 *После*: Европу — *а. Начато*: И во-первых *б. Начато*: И уж одно то, что *в.* Уж не говоря даже о том, что бескорыстие-то и подозрительно, особенно если оно искреннее. ◊

23–24 *После*: «облагодетельствуем» — *зачеркнуто и восстановлено*: славян

24–25 а только лишь ∾ бескорыстие / *а. Начато*: да тем даже и *б.* а только доказав Европе наше бескорыстие *в.* а только доказав, каким образом дело этим может кончиться и разрешиться.

25 Да Европе / *а.* Напротив, для Европы *б.* Для Европы ◊

26 *После*: облагодетельствовала — тем больше заставила их любить себя

27 тем / а стало быть, тем ◊

31 признают / уже признают ◊

31 *После*: себя — всё равно как

32 признавать будут / будут признавать ◊

32 *После*: невольно» — как совершившийся факт ◊

34 *После*: законность — и неминуемость

35 ее / для Европы

36 *После*: в будущем — И знаете ли, почти бессознательно, потому что, в сущности, они почти не понимают нашего бескорыстия. ◊

36 С ее стороны / С их стороны ◊

38 за кем же ∾ земель? / а стало быть, [и] будущее — наше. ◊

Стр. 114—115.

39–1 *Рядом с текстом*: А между тем ∾ Основана она — *на полях наброски, относящиеся к последующему тексту*: *1.* видит и управляет. *2.* Всё это, конечно, не в народе, который любит Россию, а в интеллигенции *3.* Они считают нас сравнительно с собой даже необразованными. Они не знают ни наших исторических людей, ни литературы.

---

[1] *Далее следует текст, перенесенный позднее в § IV «Халаты и мыло» (см. выше, стр. 119—121).*

Стр. 114.

40 начале / основании ◊

42–43 тоже английского ∾ так сказать, поправка / [опять] английского изделья [и именно вигов]. Это поправка ◊

Стр. 114—115.

43–1 Основана она / основана же она ◊

Стр. 115.

8 ненавистников России / ненавистников наших ◊

11–12 лишить вас ∾ будущности вашей» / лишить политической независимости ◊

12–13 *Слов*: в коварстве России — *нет.*

13 оплот / союз и оплот

13–14 против нее / против России ◊

14 *Слова*: тогда — *нет.*

18 заговаривал / говорил ◊

19 *Слов*: в части — *нет.*

19 *Слова*: некоторых — *нет.*

23 *После*: массу — да и, конечно уж, не про вас и интеллигенцию

24–25 всё еще ∾ освободительница! / солнце, надежда, друг, мать-покровительница, освободительница.◊

26–27 Разумеется, я говорю не про / Конечно, тоже я [не] говорю и не ◊

27–28 сказать про всех / сказать это ◊

28 однако же / есть, однако же

29 ихних голов» / *а.* голов их *б.* голов ихних ◊

29 (как выразился я в августовском / как сказал я в прошлом

30 *Слов*: только и — *нет.*

32–35 Нечего скрывать ∾ необразованными / Нас, русских, [вообще говоря] очень даже многие из образованных [из] славян, [даже] может быть, и вовсе не очень-то любят. Они считают, например, нас сравнительно с собой [даже] необразованными ◊

38–39 про Пушкина / *а.* нашего Пушкина. *б.* Пушкина ◊

39 *Слов*: уж очень — *нет.*

40 которые согласятся признать его / которые сочтут его ◊

41–42 Очень ∾ уверены, например, что / Какие-нибудь чехи уверены. что ◊

42 таких поэтов, как Пушкин / таких Пушкиных ◊

43–45 все эти славянские отдельности ∾ не знающие / все они политически самолюбивы и раздражительны, как все неопытные и не знающие жизни ◊

44 *После*: раздражительны — Опять-таки прошу припомнить, что говорю я не о народах славянских, а об их интеллигенции, об их, так сказать, политических предводителях

46 успех / большой успех ◊

46 могла пойти / пошла ◊

47–48 И трудно представить ∾ очередь. / И трудно [отверг‹нуть›] думать [чтоб], что она не пойдет в ход.◊

48 А между тем / А однако же

Стр. 116.

4 *Слов*: с центром — *нет.*

6 рознь и свара / война и рознь

7 даже / только ◊

8 Скажут: можно поставить / Поставить

8 империю / новую империю ◊

9 *Слов*: в мечтах проекта — *нет.*

10 *После*: дома — Но при славянине останется антагонизм греков, при греке — антагонизм славян, — наконец, пожалуй, примажут тут и венгерцев.

11 *После*: бифуркации — а скоро и рознь [лишь усложнятся] еще увеличатся ◊

13 *Слов*: и фальшивыми — *нет*.
14–15 каждый ∾ будущности / *а*. о политическом своем будущем, даже вне всякого расчета и воображения *б*. о будущем своем политическом значении ◊
15–16 уж раз бы ∾ прочнее / уж раз захочет решиться, то сделает это прочнее: она не поставит главу на полуостров ◊
16 *После*: вас — навсегда ◊
22–23 *Фразы*: Тогда ∾ будущности. — *нет*.
23–24 *Слов*: и вы, греки — *нет*.
26 Славяне ∾ не пустим. / *а*. Вы обороняйте его с севера, а я с моря, и не пустим. *б*. Славяне — потому что он тоже ваш
27 *Слов*: в Константинополе — *нет*.
28 *Слова*: союзная — *нет*.
29 руководительница и оборона / *а*. *Как в тексте*. *б*. руководительница ◊
32 могло бы / может
33–34 но, конечно, лишь на время / по крайней мере, на время ◊
35 *После*: на много лет — даже на очень много ◊
36 к тому натуральный предел / а. тому время *б*. тому срок и натуральный предел ◊
38 лишь на клевете и на неестественности / *а*. на лжи и неестественности! *б*. лишь на клевете и на одной неестественности! ◊
40 когда-нибудь даже и народы / наконец народы ◊
42 *После*: с нами — До сих пор и [она и] славяне и Россия были так заняты каждый отдельно, что об единении друг с другом почти и не думали. Потом первая начала думать об этом Россия. Но чуть лишь улучшится политическое положение славян, и недавнее знакомство наше взаимное ‹?› будет расти всё больше и больше.
42–45 *Фразы*: Ведь деятельное единение ∾ и более. — *нет*.
45–47 Славяне уверятся ∾ к ним. / *а*. Славяне почувствуют святость русского бескорыстия. *б*. Они уверятся наконец, несмотря на всю клевету, в святости и в правде русской любви к ним. ◊
47–48 *Слов*: великого и мощного — *нет*.

Стр. 118.

1 развиться / *а*. *Как в тексте* *б*. развиваться ◊
2 *Слов*: сварах и завистях — *нет*.
2 *Слова*: всеславянски — *нет*.
3 единения / единства ◊
4–5 привлекут ∾ к началу / привлечет и восхитит их ◊
9 во времена / во время ◊
11 уж этим одним / поневоле ◊
12–13 Наконец ∾ никогда. / Наконец, пролита уже русская кровь, за славян.
13–15 Возможность ∾ в крепость успеха. *зачеркнуто*.
15–16 *Текста*: Но такой успех не вековечен. ∾ осуществиться. — *нет*.
16–20 Комбинация эта ∾ облагодетельствовать». / Родственные, духовные связи, пролитую кровь они просмотрели. Разве в одном только случае они неповинны и правы — в том, что действительно англичане верят и в коварство, и в жадность России. Да оно так и есть: [Англия] они действительно в это верят, а если так, то, конечно, имеют полное право считать свою новую комбинацию вероятною [и тем вернее, что они приступят к ее исполнению. . . если восторжествуют виги и провалится лорд Биконсфильд]. Комбинация эта решительно может получить ход. ◊
21 *К слову*: добровольцы — *вариант*: волонтеры ◊
21 *После*: добровольцы — одни ◊
22 *Слов*: хоть и без — *нет*.
23 Русских добровольцев / *а*. Волонтеров *б*. Добр‹овольцев› ◊
25 и впрямь составится / уж и составится ◊
26 *После*: русских — и вдруг он разобьет турок окончательно

27 *После*: дипломаты — столь за‹тягп›вающие ‹?› дело ◊

27–28 *Слов*: таким результатом — *нет.*

28–30 «Если уж ∾ в Европе. / Тогда уже невольно посмотрели бы в Европе на Россию с некоторым почтительным страхом: [нет, дескать, это] видно, не двадцать лет тому. Если уж одни добровольцы одолели турок, что ж было бы, если б вся Россия ополчилась? Без этого впечатления и без этого рассуждения не обошлось бы. ◊

33 Нелишнее / Необходимо, впрочем ◊

33–34 и, по-моему / и кажется ◊

34 по мере / *Начато*: с недавнего

35 в Сербию / в Турцию ◊

38 собрано / пожертвовано

41–43 Не совсем хорошо ∾ полноте. / Беда только в том, по-моему, что эта формула пожертвований составлена ошибочно, по крайней мере недостаточно. ◊

43 *Слова*: семейств — *нет.*

45 *Слов*: не достанется — *нет.*

45–46 А ведь этим ∾ павшим. / А ведь этим [то], может быть, еще труднее, чем семействам павших. ◊

46 Павший / Тот

Стр. 119.

1 усиленного / лишнего

3 *После*: рот — А павший-то, по крайней мере, уж не ест и ухода не требует. ◊

4–5 есть ∾ неопределенность / очень большая ошибка еще в том, что [объявлено] формулировано просто и без объяснений

6 достаточные / весьма достаточные

8 *Слов*: совсем уже — *нет.*

9 можно бы было / надо бы ◊

9 *Слова*: хоть — *нет.*

9 *После*: «*В пользу — начато*: недостаточных (или прямо сказать

10–11 *Под словом*: *искалеченных — вписано*: *а.* израненных *б.* равно как израненных

11 *Слов*: *балканских славян — нет.*

12 кому-нибудь / кому ◊

13 *После*: формулировать — как-нибудь ◊

13 *После*: точнее — чем я предлагаю ◊

13 *Слова*: конечно — *нет.*

16 быстрее / скорее ◊

17 великодушных / благородн‹ых›

17 добровольцев / бойцов

18 *Цифры*: IV *и заголовка*: Халаты и мыло — *нет.*

19–20 Между суждениями ∾ курьез. / *а.* Впрочем, закончу одним уже совершенным курьезом. *б.* Впрочем, ввериу еще один курьез в заключение обозрения мнений о В[осточном] вопросе. ◊

20 *После*: недавно — впрочем ◊

20 в заграничной прессе / и в заграничной прессе и в нашей ◊

22 принялись / стали ◊

22 станется / будет ◊

23 совсем ∾ в Азию / *а.* и втеснить ее в Азию *б.* и выдвинуть ее обратно в Азию ◊

24 беда, страшное потрясение / [почти] беда [всей Европе] и страшное потрясение ◊

26 воскреснет / возбудится

27 *Слова*: опять — *нет.*

27–28 лишь мнением / тем ◊

28 взять-де и / взять да ◊

29 и вообще немыслимая / вещь немыслимая ◊

29 *После*: немыслимая — *начато*: Представьте же себе

30 всё это / это

30 мне почему-то было очень / мне уже очень было

30–36 но я всё еще не догадывался ∾ в Азию / *а.* и представьте же себе, [некоторые] выходило, что иные из возомнивших ведь в самом деле так и предполагали, что дело идет о том, чтоб, уничтожив Турецкую империю политически, перевести и их всех туда в Азию (так-таки буквально, вещественно). Мне кажется, непременно это предполагали, по крайней мере на банкетах и митингах этим стращали народ: будет-де страшное потрясение, беда. Между тем ровно ничего бы не было, и решительно никого, ни одного-таки турка не пришлось бы переселять в Азию. *б.* но я всё еще недоумевал [что тут именно удивительного]. И вдруг я понял, что [сочинители этих статей] все эти господа и в самом деле предполагают, что дело идет о том, чтоб, уничтожив Турецкую империю политически, перевести и действительно изгнать из Европы турок, так-таки буквально, вещественно, туда в Азию. Если не буквально, то почти так. Как это могло зародиться такое понятие, решительно не понимаю. По-моему, ни одного-таки турка не пришлось бы переселять в Азию, и ровно никакого бы не было потрясения. ◊

43 *После*: наконец — усилилось

43 *Слов*: одно время — *нет.*

44 предсказать / *а.* решить впредь *б.* и предсказать

Стр. 120.

2 великолепный / преспособный ◊

2–3 *Над словами*: объявился ∾ союзник — *вариант*: имела могучего и грозного сподручника ◊

3–4 *Слов*: страшный разбойник ∾ Москве — *нет.*

5 *Слов*: молодой царь — *нет.*

5–6 решил кончить ∾ взять Казань / *а.* порешил взять Казань *б.* порешил кончить этот тогдашний Восточный вопрос радикально (тогда еще не было дипломатов и европейского равновесия) и взять Казань. Тогда это был именно Восточный вопрос. ◊

7–22 *Рядом с текстом*: Осада была ужасная ∾ куда следовало — *на полях набросок*: если все уже начинают соединяться в чувствах и действительно начинают понимать друг друга охотно ‹?›, то всё же есть ‹*не закончено*›

7–9 и Карамзин описал ∾ выносливо / *а.* чуть не осада Трои, хотя действительно и всего вероятнее, казанцы защищались превосходно, упорно, устойчиво, — точь-в-точь как теперешние турки на Балканском полуострове *б. Начато*: по Карамзину так чуть *в.* и Карамзин описал ее потом чрезвычайно красноречиво, хотя действительно и всего вероятнее, что казанцы защищались как отчаянные, превосходно, упорно, устойчиво, выносливо, — точь-в-точь как теперешние турки на Балканском полуострове ◊

10 толпы / колонны ◊

10 *После*: взяли Казань — Карамзин тут опять рассказывает, есть

12 *Слов*: жителей поголовно ∾ Новгороде — *нет.*

13–14 Переселил ∾ в Азию? / Перевез ли казанцев за Волгу куда-нибудь в степь? ◊

16 присмирели навеки / мигом покорились ◊

16–17 Произошло же это ∾ городом / *а.* а достигли этого самым простым и сообразным образом в свете. А именно, только что овладели городом *б.* Случилось же это вот как: только что овладели городом ◊

17–18 как тотчас же и внесли / как внесли ◊

20 отобрали ∾ у жителей / обезоружили [войско] жителей ◊

22 *Слов*: и всё это ∾ день — *нет.*

24–26 что это произошло ∾ мыло / *а.* это так и было *б.* Это произошло в таком порядке

26–27 *К словам*: дело кончилось бы — *вариант*: могло бы кончиться ◊
27–28 если б пришла ∾ политически / *а. Начато*: и решительно *б.* если б там кончился калифат, ну каким бы там ни было образом *в.* если б пришла благая мысль уничтожить наконец эту империю ◊
30–31 я думаю, в тот же день / тотчас же ◊
31–32 султана бы вывезли ∾ кончилось / *а. Начато*: затем власть султана была бы немедленно у‹ничтожена› *б. Начато*: и вот *в.* [а] султана бы вывезли [или куда-нибудь выслали] и — главное и последнее — жителей обезоружили — тем бы тотчас же всё и кончилось, весь Восточный вопрос.◊
32–35 Правда, есть у турок ∾ должен / Есть [правда] у турок один закон, почти что догмат, именно что [турок имеет право] один только мусульманин может и должен ◊
35–42 они и райе ∾ пошлину / и райе, но за большую пошлину ◊
37–38 чрезвычайно / очень ◊
40 в том смысле / а именно ◊
41 *Слов*: и должен — *нет.*
42–43 *Слов*: и уверяю ∾ не надо — *нет.*
43 *После*: немного — время ◊
45–46 *После*: Что же до — виноделия
46–48 то все эти части ∾ думаю / то эти части поднялись бы [мигом] при новых [законах] порядках и при равноправии райи, наконец достигнутом (конечно, единственный ведь способ достижения) ◊

Стр. 121.

1–2 даже и неоплатные долги прошлого / неоплатные долги ◊
2 *Слова*: прошлого — *нет.*
3–5 *Слов*: и самого подходящего ∾ из Европы — *нет.*
6 *После*: на Востоке — в Аравии ◊
6 *После*: Калифат-то — может быть ◊
7 и объявился / явился ◊
7 *Слова*: азиятской — *нет.*
7–8 *Слов*: в песках — *нет.*
12–13 английский фанатизм ∾ калифату / английский не помогли бы ничем калифату ◊ *Далее было*: не с ножами же и с саблями лезть теперь на Европу.
14 *После*: хорошего — А главное, никакого [мусульманского] нигде потрясения ◊
14–15 *Фразы*: И дай бы бог ∾ дурного! — *нет.*
17 *Цифры*: I — *нет.*
24 и верую, что не ошибся / и конечно не ошибся.◊ *Далее было начато*: Если и есть
24 *Слова*: Верное — *нет.*
26 Если / Если может быть
26 *После*: ошибся — в применении к нашим фактам ◊
27 *После*: нашего — получившегося ◊
28 *Слов*: и самосознания» — *нет.*
28 *Фразы*: Но и в этом ∾ уступить. — *нет.*

Стр. 121—122.

28–32 *Рядом с текстом*: Кто любит Россию ∾ нашу интеллигенцию. — *на полях наброски*: *1.* Если же бы татарин изменил, то тогда какой же он мне брат. Он презрел то, что я с ним четыре века жил как с братом, что он жил в эти четыре века так свободно, как нигде, ни в каком государстве и ни в каком народе не ужился бы *2.* Он сам не захотел быть ему братом *3.* На таком равенстве *4.* Как можно быть равнодушным, когда наши же внутри нас оказываются нам врагами. *5.* Русский более любил и сближался с татарином, чем татарин или киргиз с русским. Я там жил, я видел это. *6.* Никогда русский не враг киргиза, а киргиз враг русского. *7.* Вы говорите: наша слав-

ная <?> привычка: укажите факты, кто у нас деспот<?> и кто заботится о православии. Народ откажет ли в помощи татарину.

Стр. 121.

29 болело / болит
30 высших ∾ с низшими / высшей интеллигенции русской
31 как / как уже
32 теперь / теперь уже ◊
32 ничьему / никакому
33 по моему взгляду / *а. Как в тексте. б.* на мой взгляд ◊
33 *После*: взгляду — *а.* с движением *б. Начато*: с теперешним
34 по поводу / по вопросу
34 *После*: дела — вместе с общим чувством сожаления к несчастным и желания помочь им
34–35 Конечно, возможности *зачеркнуто и восстановлено.*
38 минуты / моменты
39 *После*: согласию — и взаимному пониманию
39–40 *После*: недоумений» — а стало быть
42 самого народа / народа ◊
43 *После*: для него — до сих пор ◊
45 *После*: и теперь — жертвуя на славян и даже отправляясь

Стр. 121—122.

45–1 общерусском / всеславянском ◊

Стр. 122.

1 этого / нынешнего ◊
3 У народа высказалось / Тем высказалось ◊
4–5 *Слов*: и согласием — *нет.*
5 «за что именно / за что ◊
7–8 *Слов*: каким-нибудь случаем — *нет.*
10 С кем / и с кем ◊
11 недоумений / вопросов ◊
12 *После*: интеллигенцию — Еще среднее, то есть малообразованное, но и тоже оторванное от народа общество наше, делало менее промахов и шло с народом иногда даже в полном унисоне ◊
12–13 Особенно ∾ интеллигенции / но в высшей интеллигенции ◊
14 европейского / своего европейского ◊
15 в этих высших «отдельностях» / в этом высшем слое ◊
16 довольно / много ◊
17–18 простых вещей, почти / пустых и первых вещей ◊
18 в том / даже в том ◊
18–19 и чего не делать ∾ А если помогать / *а.* И чего не делать? Или, например, если уж помогать славянам, то за что именно помогать *б.* и чего не делать? Помогать или не помогать славянам? А если уж помогать

Стр. 122—123.

21–27 *Рядом с текстом*: Все эти черты ∾ к статье. — *на полях наброски*: *1*. Не буду делать предисловия. Прослежу эту статью фразу за фразой. Это курьезы — отвечая за полезное, читатель увидит, что эта маленькая критика <?>совершенно полезна. *2*. «В<естник> Евр<опы>».

— Не стану передавать цель статьи.

— Объясните в конце.

— Лучше возьму ее сначала и буду вести фразу за фразой. Поверьте, что это поучительно. *3*. «Вестник Европы». Это, так сказать, уже последние могикане теоретическ<ого> запад<ничества>, оторванные от народа, от жизни, почти уже переставшие узнавать ее, так что кроме всякого нравоучения <*не закончено*> *4*. Проследить [эти мнения] [их в самом] этих русских европейцев, так сказать,

в самом чистом их состоянии решительно [полезно и] назидательно. Вот эта статья, как нарочно, всё это и восполняет. *5.* Журнал признает движение его действительно. И безыскусственность — но ему как бы несколько почему-то досадно.

Стр. 122.

21–23 иногда до странности ∾ в фактах / нередко смешные до странности [были] [проявились] слышались в разговорах, проявились в жизни
24 *После*: в этом роде — *а. Начато*: не читал я более *б.* теоретически [с западническим] либеральном и сбившемся до потемок роде
24 статьи / как статья в
29 глубокомысленнее / *а.* поглубже *б.* глубокомысленнее и нравоучительнее ◊
31 эти странички / ее фразу
32 разумеется, не всё выписывая / фразу за фразой ◊
32–34 *Фразы*: По-моему ∾ документ. — *нет.*
37 замечу / скажу ◊
38 *После*: статьи — (или, так как статья не подписана, то сам журнал, поместивший ее) ◊
38 *Слов*: как это слишком ясно — *нет.*
41 зенит / самый верх
42 *После*: своем — так сказать ◊
42 состоянии / виде
42–43 встречается ∾ редкости / *а.* начинает встречаться даже слишком уж редко *б.* начинает встречаться как большая редкость ◊
47 мимо ∾ пользы / *а.* мимо всей пользы *б.* мимо, однако же, и пользы, которую принесло оно, и ◊
48 *Слова*: предрассудочного — *нет.*

Стр. 122—123.

48–1 вздора, продолжающего вредить и до сих пор / вздору, отчасти остающегося и вредящего до сих пор ◊

Стр. 123.

2 этих людей / их ◊
2 *После*: была — так сказать
8 четверти / последней четверти ◊
9 *Слов*: уже практическим — *нет.*
11 *После*: представляются — иногда в самом ◊
11 несмотря даже / несмотря, впрочем, даже
13 продолжают считать / считают ◊
13–14 молодыми и единственными / всё еще единственными ◊
18–18 *Слова*: чрезвычайно ∾ назидательно — *зачеркнуты и восстановлены.*
18 в минуту / во время
18–20 общественного одушевления / общерусского движения ◊
20–25 проследить ∾ и ошибочны / проследить, так сказать, в самом первоначальном источнике теоретического европеизма, до какой степени оно фальшиво разъединилось с народом и обществом, до какой степени взгляды их и решения слабы, шатки, темны, ошибочны и [даже] не тверды ◊
25 *После*: твердыми — разумными
29 *Слов*: то есть соглашается признать — *нет.*
30 достаточно / довольно
31–34 Конечно ∾ это / Ну еще бы не признавал, но всё же, однако, для них это ◊
33–34 А между тем ∾ не нравится / Но все-таки наш автор как бы чем-то недоволен, ему почему-то как бы не нравится ◊
34 *Слов*: что это движение началось — *нет.*
37–40 один из самых ∾ лишь несколько / один из чистейших [предст‹авителей›] и первоначальных представителей теоретического западни-

чества, тоже писавший о Восточном вопросе и о тогдашнем [почти] несколько ◊

42 *Слов*: мне кажется — *нет.*

43 тоже недоволен / недоволен ◊

43 нашим теперешним / современным

44 *Слов*: наш по-прежнему — *нет.*

44 отчасти даже неразвитых / [отчасти] неразвитых ◊

46 первобытных / необразованных ◊

47 *После*: веку — *начато*: Прежде всего надо устра‹нить›

Стр. 123—124.

48-1 хотя, впрочем ∾ не любили его до того / положим, даже и горячо (впрочем, я ведь это вставляю лишь из деликатности), но до того ◊

Стр. 124.

3 *После*: видеть — а дела с ним они никогда не имели и не находили нужды иметь, и на веселых собраниях своих, на ужинах, например, чрезвычайно любили, как помню это отлично, рассказывать про народ самые скверные, самые унижающие его анекдоты про его бесчестность, подлость, низость, иногда извращая факты, а вернее, не понимая их вовсе, так что много, слишком много раз, чистейшее золото народного духа, смысла и [подвигов] сердца причисляли прямо к пошлости, подлости, невежеству и [скотскому] бессмыслию [Они находили] нашего народа. ◊

4-11 *Текста*: Впрочем ∾ бессмыслию. — *нет.*

11 народ / он

11 *После*: чуть-чуть — только

12 образах / формах ◊

12-13 *Слов*: (большею частью ∾ черни) — *нет.*

16-18 не подымешь ∾ и т. д. / не подымешь на идею [избавления] о Иерусалиме, не тот век и т. д. ◊ *Далее было*: (Смотри [стать‹ю›] несколько слов моих о Грановском в августовском номере «Дневника».)

18 и теоретик / и наш теоретик ◊

19 *После*: рубрики — формы ◊

20-21 Ему очень не нравится ∾ хотелось. / *а. Начато*: Ему не нравится, что народ, оказывая помощь *б.* Ему очень ‹не› нравится, например, что народ наш, жертвуя на славян [говорит о них как о единоверцах], жертвует не под той рубрикой, под которой бы ему хотелось. ◊

23 Но мы / А, впрочем, мы ◊

23 *После*: в сторону — Вот как начинает автор: «Выше мы коснулись мимоходом вопроса о влиянии общества на внешнюю политику государства. . .

Но желать такой войны — мы признаем себя некомпетентными (не обращайте пока внимания на слог).

В вопросе о войне и мире мы совершенно должны положить‹ся› на правительство. —

[Мы нарочно выписали это [странное] длинное место целиком, хотя это только [странно] начало и в нем еще ничего не видно из того, что [намереваемся мы указать. В конце есть] Во-первых, тут есть какая-то неясность или, лучше сказать, даже странность,[1] которую, признаюсь, я [почти] не понимаю. Хотя это только начало и в нем еще ничего не видно из того, на что мы хотели бы особенно указать. Автор говорит: в войне[2] — правительство. [Но кто же] Да ведь и мы полагаемся на правительство, и [я думаю] все до единого в России, в вопросе о войне и мире полагаются, я думаю, всегда на правитель-

---

1 *К слову*: странность — *на полях набросок*: странность и, так сказать, милая ‹?› странность, что даже удивительно.

2 *Далее в рукописи пропущены слова.*

ство. [Как же] Об чем же так заботится автор и на что он жалуется? Ведь нельзя [же и на минутку] предположить, что автор [полагает, что решение обязан‹ность›] хоть одну минутку [думал] предполагал ‹что› обязанность решить, с кем [предстоит] воевать России, падет на долю «Вестника Европы».[1] [Что же касается до того, что автор как бы жалуется] Тем не менее автор действительно и даже как бы с гордостью жалуется на то, что не знает, с кем России пришлось бы воевать — [то] и это [тоже] чрезвычайно странная жалоба, потому что ‹*не закончено*› Если [бы пришлось нам воевать] б действительно [придется нам] нам пришлось воевать за славянское дело, то, мне кажется, даже последний мужик, не знающий ни истории, ни географии, тотчас же знал бы, с кем нам воевать придется: именно: [во-первых] если уж мы идем за славян, чтоб улучшить их участь, то, уже конечно, будем воевать с турками, которые мучают славян и ухудшают их участь, а [во-вторых] потом и со всеми теми, которые [начнут] бы вздумали помогать туркам. Это так просто, что понять нельзя, на что тут жаловаться. Если же автор пожелал бы еще больше узнать, то ‹*не закончено*› Если туркам начнут помогать австровенгерцы — то с ними, англичане — то и с ними.[2] [Мало того, теперь даже стало известно наверно, что Германия даже может] [3] Мало того, теперь даже стало [известно] нечто и гораздо более известно [именно] Если же автор хочет знать еще больше, то есть всё даже будущее в самых мельчайших подробностях, то ведь это [как известно] не дано ни единому человеку, как ни желай знать, не узнаешь.[4] [А потому вероятно вовсе не о том [жалеет] тоскует автор]. Неужели ж он жалуется даже на это, и притом кого-то даже виня, что ему не дано всеведения. Одним словом, это место неясно.[5] [Автор, очевидно] Всего вероятнее, что автор хотел провести какую-то политическую мысль с тем, чтобы вышло [как можно] поглубже и пооригинальнее [вышло], но оно как-то не вышло. Слова же: «Но желать такой войны мы признаем себя некомпетентными» — кроме грамматической своей неясности заключают уже и в высшей степени странность: [но] ибо кто же, кто же, скажите, желает войны или может пожелать [войны] ее? По-моему, надобно только твердо и великодушно [уметь] на нее решиться, если повелят оскорбленная честь или неотложный долг великодушия. В этих случаях надо решиться на войну даже несмотря на то, что война, сама в себе, есть такое ужасное зло, что невозможно и представить себе, что кто-нибудь может «считать себя желать ее компетентным». [Нет] Одним словом, тут тоже какая-нибудь неяс-

---

[1] *Рядом с текстом*: обязанность решить ∼ на долю «Вестника Европы» — *на полях наброски*: *1.* хоть мы *2.* что вопрос, с кем воевать, решил «Вестник Европы» у нас в России. *3.* Так вот, дескать, я поставлен в какие тиски! [людьми неловкими и запутавшими дело и т. д. и т. д.]

[2] *К тексту*: Если туркам ∾ с ними. — *на полях вариант*: Если уж кто начнет помогать туркам противное, то и со всеми теми, которые будут помогать туркам. Чего же больше хочется автору? ◊

[3] *Рядом с текстом*: Если [бы пришлось ∾ даже может] — *на полях набросок*: Надо только решиться на нее, когда она неизбежна или честь ‹*не закончено*› несмотря на то, что она такое зло, что вряд ли возможно хоть какое-нибудь предположение, что кто-нибудь мог желать ее.

[4] *К тексту*: Если же автор ∾ не узнаешь. — *на полях варианты*: *а.* Если автор желал чего-нибудь еще подробнее, то известно и более, например, что в самом худшем случае, кроме Турции, мы могли бы иметь Австрию и Англию, но только в самом худшем [это-то уж всякий знает] И очень, очень может быть, что мы будем ‹*не закончено*› *б.* Если автору еще более хочется знать больше всех о том, что ему не дано предвидеть, то неужели он тоскует ‹*не закончено*›

[5] *К слову*: неясно — *вариант*: странно

ность и именно в слоге. Кстати о слоге: очень уж многие полюбили писать теперь с какою-то почти надменною небрежностью (но больше всего отличаются многословием) [Какое мне дело до публики, я мысль провожу.].[1] Прежде, по крайней мере, писали так, что читать можно было, ну, Белинский, например, а ныне [писатель] публицист, чтоб одну какую-нибудь [мысль] идейку провести, [он] целый воз сена провезет сначала. [Эту фразу] Это суждение мое я не отношу к автору статьи «В‹естника› Европы» вполне: многословия [великого] у него нет даже вовсе, и разве лишь одна вышеприведенная неясность в слоге. Правда, у него вместо многословия какая-то, так сказать, пышность в слоге и величавость, но это [еще ничего. Виден, так сказать, характер] и не [недо‹статок›] порок, а лишь один, так сказать, характер. Следующее место статьи чрезвычайно характерно ◊ *Далее в низу листа и на полях наброски, относящиеся к последующему тексту*: *1*. Вот, дескать, оно есть во Франции, на Западе, в католичестве, так вот, стало быть, оно есть и у нас. *2*. совершенно теоретически *3*. Сыск *4*. но есть ли хоть один русский за веру *5*. — Слишком старые сыски России. — Какие это сыски?

— Кифа Мокиевич?

Так разве это сыск. *6*. И потому-то нам не сметь называть себя единоверцами. *7*. Довольно было бы и одного этого места, чтоб показать весь разрыв и до какой *мокиевщины* можно договориться. Сбиться с толку. *8*. Я не знаю, о чем тут говорит автор. Если на Кавказе и в Крыму действительно волнение мусульман, то всякий русский должен бы был озаботиться ввиду войны, если надо, то и указать. Элемент шарната. *9*. Как такие простые вещи ‹*не закончено*› Либерализм, дескать. *10*. Семья, старший сын. *11*. Но Россия есть преимущественно Россия. Она не винов‹ата›, что царство Казанское, Астраханское, Крымское в нее входят. Укажите, когда мы протестовали за веру. *12*. Главное полиберальничать. Попедантич‹нич›ать либерализмом. О единоверии ничего. Вот, дескать, мы всех тоньше обсудим. А на деле это всё лишь смесь теоретического либерализма с самолюбиями, смесь, которая и выразить-то себя [складно и толково] не умеет хоть сколько-нибудь толково. *13*. Единоверие.

24–19 *Текста*: Пропускаем начало ∾ старший сын России». — *нет*.

Стр. 125.

1 одного этого / этого одного

1 указать / доказать

2 с общественным смыслом / *а*. с здравым народным смыслом *б*. с здравым общественным смыслом ◊

2–3 праздной «кифомокиевщины» / *а*. Праздной «мокиевщины» *б*. «кифомокиевщины» ◊

4 теоретический европеизм иного прежнего / теоретический либерализм [и нового последнего могикана] иного пережившего свой век

5 Автор / Он

5 вопросы / удивительные вопросы

6 удивляющие ∾ деланностью / *а*. удивительные, именно своею придуманностью, сделанностью *б*. *Начато*: которые даже изумляют *в*. *Начато*: изумляющие даже *г*. *Начато*: такого сорта *д*. сразу удивляющие своею придуманностью, сделанностью ◊

8 мы будем / мы должны будем ◊

14 точный / полный

16 на это / *а*. тоже *б*. На это тоже ◊

---

[1] *К словам*: Какое мне дело ∾ провожу. — *на полях набросок*: по этому делу?

16–17 разве только что ∾ удивлением / мало того, европеец-то, пожалуй, и не [даст] захочет [даже] отвечать, а только посмотрит на вас с удивлением ◊

17–25 Заметим, кстати ∾ нужным. / *а.* Как [толь‹ко›] можно даже задавать такие вопросы. Заметим, кстати, и вообще, что наше русское западничество, то есть европейничанье, [переселяясь к нам, в лице своих теоретиков — представителей тотчас же] переселяясь на русскую землю, принимает далеко не европейский характер, а непременно какой-то восточный, так что иную европейскую идею, хотя бы и занесенную к нам иными «хранителями указаний», иногда даже и узнать нельзя вовсе — до того изменяется она в приложении к русской практике [и перемалывается в] в теоретическом перемалывании из пустого в порожнее *б.* Заметим, кстати и вообще, что наше русское западничество, то есть европейничанье, водворяясь на русскую землю, принимает почти всегда далеко не европейский оттенок, а непременно какой-то свой особый восточно-фантастический, так что иную европейскую идею, уже национальную, занесенную к нам иным «хранителем указаний», иногда даже и узнать нельзя вовсе [причина тут в том, что теоретик, схватив мысль в Европе, замыкается лишь в одной кабинетной болтовне и совершенно не привык хотя к какому-нибудь практическому действию, так что в суждениях о вопросах текущих, практических решительно не умеет приложить вывезенную им из Европы идею, потому что не знает ни России, ни жизни и не хочет знать их вовсе] — до того изменяется она в приложении к русской жизни, которую вдобавок теоретики не знают вовсе, и знать ее не находят нужным, довольствуясь теоретическим перемалыванием из пустого в порожнее. Кроме того, в гордости своей, «хранитель указаний» не хочет знать ни России, ни действительной даже жизни. Но, однако же, обратимся к заданному вопросу ◊

25 *После*: нужным — Итак

26 *Слова*: которые» — *нет.*

31 сумеет ∾ вовремя / *а.* их остановит *б.* сумеет остановить их: это ясно как день ◊

33 *После*: резать — и терзать ◊

34 начались бы пожертвования / начнутся пожертвования ◊

35 *После*: турок — режущих славян ◊

36 *После*: русских — в таком случае ◊

42 *Слов*: единоверца своего — *нет.*

42 *После*: турка — *а.* Позвольте, вы комически смешали дело *б.* вы смешали дело *в.* Но тут, по-моему, решительно смешивают два дела в одно ◊

42–45 *Текста*: Напротив ∾ войной — *нет.*

47 *Слов*: Кроме того — *нет.*

48 *После*: пожертвую — хотя бы даже и из единоверия ◊

Стр. 126.

1 *Слов*: хотя бы даже и из единоверия — *нет.*

3 *После*: режет славянина — Если же я прибавляю, что жертвую как страдающему единоверцу, то ведь не из фантазии же я прибавляю это, а именно потому, что этим характеризуется факт — ибо турок режет славянина [за то, что этот], и ни более ни менее режет-то его именно за то, что тот, будучи христианином, осмеливается домогаться с ним равноправия. [Это именно так: известен мусульманский закон, что всякий ренегат тотчас же [делается] тем самым становится равноправным всякому мусульманину.] С другой стороны, если б турок воевал не с нами или не с славянами, которых мы считаем всё равно как за самих себя, а повел бы войну с кем угодно, или политическую в Европе,[1] или какую-нибудь даже религиозную, ну хоть с Персией,

[1] *Рядом с текстом*: Это именно так ∾ в Европе — *на полях вписано:* (NB. Как же в таком случае избежать вопроса вероисповедности?)

или просто междоусобную с Египтом или с кем бы то ни было, а наши татаре, пожалев турку, стали бы сбирать для него пожертвования, и именно из мусульманства, из шариата, потому что султан есть калиф, то вряд ли бы кто из русских вознегодовал на [то] них в таком случае: какое нам дело до их мусульманства? [Понятно] Русскому слишком понятно, что одноверец [может воспылать жаром своей веры] может пожелать помочь другому своему одноверцу, но когда турок воюет уже с русскими, а татарин помогает ему, дает деньги и сам идет в его ряды, то [какой же он тогда гражданин русский?][1] [тут является совершенно другой вопрос] тогда уже он сам [тогда] нарушает свою гражданскую равноправность со мною и идет против меня войной в ряды моих врагов. Я могу скорбеть всем сердцем о том, что он на это решился, но тем не менее никакое либеральное деликатничанье не заставит меня переносить его удары молча: он мой враг и политический неприятель [Я с ним воюю не] и сам первый восстал на меня, тогда как я и не думал на него восставать. [Да и в] Сверх того, если я и принужден с ним воевать, то ведь вовсе не потому, что он мусульманин, а потому что он [стал мне врагом] сам пошел на меня. [Но точь] Точь-в-точь так было бы и до войны: то есть вовремя оделя‹ли› деньгами и людьми, точь-в-точь и в настоящем случае, на который вы указываете. Войны, положим, у нас еще нет, но если русские, возмущенные [бессмысл‹енными›] страданиями славян, превосходящими всякое воображение, шлют деньги и сами рвутся[2] в ряды славян и льют за них кровь еще до объявления войны [с] всей Россией, то татаре, собирающие в то же время деньги и идущие к турку, чтоб воевать против русских, становятся тотчас же [мне] нашими врагами и изменниками своему Отечеству, и я к [нему] ним не могу отнестись иначе как к [врагу] врагам [тогда как если б я пошел против турок в ряды славян, то в то же время вовсе не пошел против татар]. Я тем самым вовсе не иду против турок.[3] Это так [естественно] очевидно, что тут не может быть[4] никакого [сомнения] недоумения.◊

3–7 *Текста:* тогда как татарин ∾ защитить — *нет.*

7–20 Помогая славянину ∾ не поможешь. . . / *а. Начато:* Вы скажете *б.* Скажут, пожалуй: так если ты себя считаешь вправе, как русский, помогать [единоверцу] славянину как единоверцу, то и татарину должен позволить помочь турке как единоверцу. Нет, [в случае войны турок с русскими] это вовсе не так, и я вовсе не должен позволить, ибо тут опять-таки то, что сказано выше: помогая славянину против турок как угнетенному турком единоверцу [(а он] [(так как он именно и угнетен за веру, или из-за веры, что всё равно)], я вовсе тем самым не притесняю и не иду войной на равноправного мне русского татарина, а лишь на турка [тогда как татарин, помогая турке, идет на меня войной]. Я не только тем не трогаю татарина за [мою] его веру, но мне и до мусульманства-то турки нет дела, оставайся он мусульманином сколько хочет, лишь бы он только мою веру не трогал.[5] [И я не виноват, что татарин этого не понимает. Кроме того, повторяю еще раз, мы все русские нисколько не обидим‹ся›

---

[1] *Рядом с текстом:* какой же ∾ русский? — *на полях набросок:* разве толь‹ко› что Европа осмотр‹ит› вас сначала с чрезв‹ычайным› удивлением.

[2] *К словам:* шлют ∾ рвутся — *вариант:* шлем деньги и сами рвемся.

[3] *Так в рукописи. Нужно:* татар.

[4] *Над словами:* не может быть — *вписан и зачеркнут вариант:* и не может возникнуть

[5] *К тексту:* но мне и до мусульманства-то ∾ не трогал. — *на полях вариант:* До мусульманства же самого турки мне нет никакого дела. Ну, положим, даже в крайнем случае, что я пойду на турка за то, что тот нападает на мою веру

[если та‹тарин›] и вполне допустим, если татарин ‹будет› помогать турке как единоверцу [но только], с кем бы тот ни воевал [против], кроме нас. Но если он воюет с нами, то мы не можем допустить помощи татарина турке, потому что] Помогая славянину против турки, мы не становимся врагами татарина и не идем на него войной, а татарин, помогая турке, становится прямо против нас и идет именно на нас войной. Тут [выйдет] вышла бы огромная неравноправность. Я не [воюю ни с татарином, ни с его мусульманством] объявляю войну ни татарину, ни, главное, его мусульманству, а лишь [с туркой] турке за то, что тот режет славянина за правоверие [или, что еще яснее] (я вам уступлю до последней крайности), за то, что тот нападает на мою веру. Я помогаю славянину лишь против одного турки, а тот, помогая турке, идет прямо против меня.

Скажут опять, что если я помогаю [турке] единоверцу славянину против турки, то тем самым иду уже и против русского татарина, [потому] и против веры его, потому что у них шарьят, а султан калиф всех мусульман. Но в таком случае не я затеваю религиозную войну, а именно он-то, татарин, и затевает, потому что, защищая моего единоверца от турки, я вовсе не иду на мусульманство, то есть на турку за то, что он мусульманин, а татарин [именно идет на меня потому, что я христианин], защищая турку, идет из-за веры, из-за шарьята, а если из-за веры, то, стало быть, естественно идет на меня потому, что я христианин, а не мусульманин. Скажут: но ведь он же сам, татарин, если пойдет к турку, ни во что, значит, не считает, что он русский, родился и жил на русской земле, то, что я, русский, его соотчич, он ни во что не считает и тот час же сам меня против на турок. . .[1] Ну так ведь это его же дело. Скажут, что он был к тому мною же подвигнут. Надобно допустить равноправность и в мою сторону, иначе я буду очень угнетен. А потому, допустив равноправность пожертвований между мной и татарином, я допущу большое несходство, ибо я найду нелепость и неравенство в ущерб себе и здравому даже смыслу. [Нет, ибо татарин, жертвуя турке, идет тем самым прямо на меня войной, я же, жертвуя деньгами и людьми славянину на борьбу с турком, еще вовсе не иду войной на татарина, а лишь на турка] [Скажут] Вы скажете, что я жертвами моими в пользу единоверцев-славян против турок все-таки оскорбляю сердце русского татарина и оскорбляю его веру, а потому я обязан быть деликатным, а стало быть, и не должен помогать славянину как единоверцу, а под другим каким-нибудь предлогом. [Как?] Но и это нелепо. нелепая утонченность, которой расхохочется всякий европеец, всякий, например, англичанин, владеющий целым миром магометанским. Чем могу я оскорбить татарина, заступаясь за мою веру? [Ведь я не нападаю же на мусульманскую веру, я только говорю турке: не тронь [мою веру и] моего единоверца.] Его веры я не оскорбляю тем самым ничем, нимало. [Если уж до такой степени нежно сердце татарина, оскорбляющееся тем, что я люблю мою веру, то ведь он, пожалуй, потребует, чтоб и ру‹сский?›] [Но я тем] Тем именно оскорблю и нарушу равноправие, скажут мне ‹*нрзб.*›, что не даю ему помогать единоверцу. Неправда, даю и вполне допущу, но, повторяю, лишь в том случае, если турка будет воевать не со мной или не с тем только, кого я считаю за самого себя. Если же он и тут пойдет к турке, то сам объявит мне войну, и именно моей вере, я же не иду на [их] его веру, а только на турка.◊

20-21 Вы вот думаете ∾ скрыл / Вот вы думаете, что всему виною рубрика единоверия и что если я скрою ◊

22-20 выставил бы на вид ∾ за веру / [а] скажу ему, что я помогаю под другой рубрикой [зато], потому, например, что тот угнетен туркой,

---

[1] *Так в рукописи.*

лишен [свободы и т. д.] гражданской свободы, ну вот той самой [котор‹ой›] гражданской свободы, которою он, татарин, в России пользуется, — то неужели татарин так мне и поверит? Смею вас уверить, что он вовсе и не поймет меня.[1] Да он хоть бы даже и поверил мне, что я иду за славянина потому, что тот лишен свободы, «сего первого блага людей», но для него это то же[2] самое, как бы я пошел помогать ему за веру. ◊

29 *После*: за веру — По [Кор‹ану›] шарьяту райя не может быть свободен и не может быть равен в правах турке, а потому если я иду отыскивать ему свободы, то в глазах [татарина] всех мусульман[3] тем самым иду уже против ислама. ◊

29 Неужели вы этого не знали? / *а. Начато*: Неужел‹и› *б.* Так не всё ли равно, под какой бы я рубрикой ни шел, и неужели вы этого не знали? ◊ *Далее вписано и зачеркнуто*: В глазах татарина в этом случае все рубрики равны будут.

33–35 Это вы написали ∾ разъяснили. / и тут же сейчас ниже разъяснили, что вы это написали про татар: единоверие, дескать, разъединяющий меня с татарами мотив.

39–40 *Текста*: Вы предлагаете ∾ его успокоит. — *нет.*

40–44 Но, опять-таки ∾ русский не виноват / Но смею уверить вас, что для татарина [все мотивы одинаковы], если уж он решится помогать турке, все мотивы и все рубрики одинаковы, потому что в его представлениях (и по его вере), идя на турка, я иду [на] уже на самое мусульманство, а стало быть, [война] начинаю войну религиозную. Но ведь я не виноват ◊

Стр. 127.

1 III. Продолжение предыдущего / 3 ◊

2–3 Мне даже ∾ распространиться, / *а. Начато*: Вы скажете *б.* Я очень досадую, я должен был так распространиться *в.* Я очень досадую, что должен был так распространиться. Ну как в Европе ‹*не закончено*› *г.* Мне даже очень досадно, что я должен был так распространиться об таких ясных вещах. ◊

2–3 *После*: распространиться — *а. Начато*: Но раз навсегда надобно же было обнаружить это заимствование либерализма. *б.* Всему виною эта бесплодная формалистика, заимствованное либеральничанье, этот [бесплодный] пресмыкающийся либерализм, из которого кроме уродливостей [и ошибок] ничего не выходит. Я не против либерализма говорю, я говорю лишь против нашего, теоретического, рубричного, формального либерализма, который, чуть лишь *при-*

---

[1] *К словам*: то неужели татарин ∾ меня — *вариант*: то неужель вы полагаете, что татарин поймет меня?

[2] *Рядом с текстом*: потому что, защищая моего единоверца ∾ это то же — *на полях наброски*: *1.* Кавказцы — наши земли ‹?›, не татарские. Брат как нигде ‹?› Татарин скорее не хочет. *2.* Сыск. Да вот вы сами же говорите, но требуете, чтоб я не смел говорить о вере.

— Что за деликатничанье.

— В таком случае и храм мой оскорбляет его.

— К тому же, повторяю: жертвуя единоверцу, я вовсе не иду на мусульманство — не говоря уже о том, что у вас странная идея, что я тем возбужу фанатизм. По понятиям татарина, вопрос все-таки будет оставаться вероисповедным, как бы я ни скрывал этого от него, потому что я все-таки помогаю славянину райе против мусульманина. Война же с райей у него всегда священна. Сыск, какой это сыск, несколько случаев ‹?›. Послушайте, неужели объявить опасность сыска? Это обязанность, и где вы нашли у нас такой сыск в фанатизме за веру. Есть ли у нас фанатизм за веру? А правительство Остзейских провинций и т. д. и т. д.

[3] *К словам*: всех мусульман — *вариант*: татар

коснется к действительности, так тотчас же и выкажет свою наивность. ◊ [1]

4 и при этом заволновались / и если б заволновались

5 мусульмане / магометане ◊

5–6 что французы не усмирили бы их / что она не усмирила бы их ◊

7 *После*: образом — Равно и у англичан ◊

8 *Слов*: из опасения — *нет*.

9 *После*: не оскорбились — Но ведь если уж такова мусульманская вера, что объявление войны султаны [2] оскорбляет их всех, то кто тут хоть в чем-нибудь виноват, кроме их веры?

10 *После*: России — в такой, например, фразе ◊

12 *Слов*: стало быть — *нет*.

17 Чем виноват ∾ в семье / Чем [он] виноват великорус, что мусульманин-кавказец ◊

18–20 против турок / против турка ◊

20 старший сын ∾ против него и всего / я иду уже против[3] всего ◊

21–24 Вы тревожитесь ∾ тревога! / Но вы опять [4] потому и написали это величавое назиданье, что заговорили против руб‹рикп› о единоверии, дескать, помогая из единоверия, тем оскорбляешь сердце младшего брата в семье. Но ведь уж я [доказал в] указал вам, что для мусульманина все рубрики одинаковы, и позвольте: что за унизительное деликатничанье. Но в таком случае сердце мусульманина вдруг оскорбится [что] тем, что на одной и той же улице стоят его мечеть и наша православная церковь, — так уж не снять ли мне православную церковь, чтоб он не оскорблялся.[5]

24 Вы напираете на то, что / *а.* Вы говорите, что *б.* Кстати, вы напираете на то, что ◊

30 татарину / татарам ◊

30–31 *Слов*: за двухвековое мучительство — *нет*.

31–33 подобно как ∾ не обидевшего / *а.* подобно как турок унизил райю *б.* подобно магометанам, как турок измучил и унизил райю ◊

35–36 в самых ∾ Запада / в самых цивилизованных западных землях

36 *После*: Запада — (Вспомните, опять-таки, [Алжир и] алжирцев, магометан Англии) ◊

36–37 русский ∾ иногда / русский татарин иногда пользовался ◊

37–38 против самого русского, против самого / против русского ◊

38 никогда тоже / никогда ◊

40–42 нигде на Западе ∾ русского человека / на всем свете, ни в каких республиках в мире не найдете вы такой широкой, такой человеколюбивой веротерпимости, как в России ◊

42 Поверьте / И поверьте ◊

44 своего / его

45 подле татар / *а.* близко татар *б.* близко с татарами ◊

47 это всё одно / в этом случае одно

Стр. 127—128.

47–3 и уж если православному ∾ veto! / *а.* и уж если надобно будет русскому воевать с турком, но никогда ему, татарину, не скажет veto. *б.* и уж если надобно будет православному русскому воевать с мусульманином-турком, то никогда на своей земле не скажет veto. [6]◊

---

[1] *Текст*: Всему виною ∾ свою наивность. — *отмечен красным карандашом.*

[2] *Так в рукописи.*

[3] *Далее вписано*: них

[4] *К слову*: опять — *незачеркнутый вариант*: именно

[5] *Рядом с текстом*: Но в таком случае ∾ не оскорблялся. — *помета*: в конце пред ‹?›: не бежать же из земель

[6] *Над словами*: то никогда ∾ veto — *вариант*: поверьте, что не позволит он кому-нибудь сказать себе когда-нибудь veto.

Стр. 128.

4 сметь / и не сметь

5 самые ∾ чувства / самое великодушное и невольное из чувств ◊

5–6 *Слов*: вовсе никому не обидные — *нет.*

9–10 чувства сострадания ∾ для русского. . . / *а.* сострадание к измученному славянину, хотя бы и из-за единоверия — есть требование смешное и невозможное. *б.* состраданье к измученному славянину, хотя бы и из-за единоверия, и, кроме того, вилять и прятать от татар и всё то, что составляет [1] назначение, будущность, силу и главную задачу русских, единственно из боязни, чтоб не оскорбить сердце татарина, есть требование смешное и унизительное. ◊ *Далее было*: Ведь я [тем самым] по моему взгляду и по моей совести не иду ‹ни› на татарина, ни на его мусульманство, а если уже у него такой взгляд и такая вера, что прямо говорит ему, что, помогая славянину, я иду на него и на мусульманство,[2] то чем же я, русский, виноват, что у него такая вера?

11 и единоверцам / и моим единоверцам ◊

11–15 *Текста*: И чем я виноват ∾ не оскорбить». . . — *нет.*

15–16 *Слова:* позвольте — *нет.*

16 то ведь он, пожалуй / то, пожалуй, бы ему ◊

17–19 *Слов:* оскорбиться и тем ∾ не оскорбился — *нет.*

20–21 Не залезть же ∾ из-за того, что / *а.* Не залезть же ему совсем под стол *б.* или залезть куда-нибудь под стол, чтоб было и не слышно и не видно, потому-де, что ◊

22 *После*: живет — *а.* так чтобы как-нибудь его чем-нибудь не обидеть *б.* Как вы думаете, спрятать все свои чувства лучшие и инстинкты и трепетать ‹?›, что скажет инородец, значит, бежать из своей земли

29 наша / нехорошая ◊

30–32 это лишь фальшивая нота ∾ либеральной идеи / *а.* это лишь фальшивое либеральничанье, теоретически отделывающееся фразами, а не делом, умничанье *б.* это лишь фальшивое либеральничанье с вашей стороны и [главное] по старым преданьям *в.* это только фальшивая нота старого теоретического либеральничания и ничего более. ◊ *Далее было*: не умеющего и приложить-то с толком заимствованные из Европы либеральные идейки, до совершенного незнания всякой окружающей действительности.

33 народ / русский народ ◊

35 о русской журналистике / о нашей прессе ◊

35 Так что ж это / Что это ◊

36–37 И какую ∾ оплакиваете? / И про какую нехорошую привычку [которая нас всё еще не оставила] вы говорите? ◊

37–43 Привычку сыска ∾ возводить / Это в нашей-то литературе? [3] Уверяю вас, что русский не сыщик и что у нас никогда ни на кого не доносили за веру. Если же были, может быть, частные случаи, то они до того уединенны и исключительны, что грешно и стыдно ставить ◊

43 *Над словами*: в общее правило — *вписано*: для литературы

44 *После*: оставила» — *а. Начато*: Да и про *б.* Правительство наше, тоже самое, никогда не преследовало ни одного нашего инородца за веру. ◊

44–46 Да и что такое ∾ намекаете. / Да и про какие статьи *сыски* вы говорите, «*сыски* [чувств] по части чувств русских граждан невеликорусов». Не знаю этих статей. ◊

---

[1] *В рукописи ошибочно*: заставляет

[2] *Над словом*: на мусульманство — *вписано*: на татарина

[3] *Над словами*: Это ∾ литературе? — *вариант*: Это в нашей русской-то жизни?

Стр. 128—129.

48-1 об этих волнениях ∾ *факта* / об них *как об совершившемся* факте.◊

48-1 *Рядом со словами*: написали ∾ *факта* — *на полях вписано*: Значит, тоже известен об них.

Стр. 129.

2 *После*: и в Крым — и в Среднюю Азию ◊

3 эти волнения в самом деле / волнения ◊

3-5 я, в настоящем случае ∾ спрошу вас / мы теперь не об этом судим ◊ [1]

5-7 неужели же ∾ назваться / [Так] Но неужели ж, если какая-нибудь из газет сообщит [про] подобный слух или факт, так уж это [называется] можно назвать ◊

7 иноверцев» / инородцев. *Далее вписано*: Признайтесь, что вам хотелось выставиться всех гуманнее и всех либеральнее.◊

8-10 Ну, положим ∾ и вообще на том / Да положим, если эти факты были, так как же об них умолчать, да еще газете, которая на том ◊

12 *После*: подле них — Подлинно не знаете, что сказать. Если б всё это выходило лишь из раздражительности самолюбия: «дай, дескать, скажу всех умней», то, конечно, это было бы в высшей степени простительно, потому что это невинно. Но невинно ли то, что вы говорите теперь? Очень, очень жаль, что вы не [привели фактов] объяснили: про какие [это] именно «сыски» вы [говорите] пишете, и не привели фактов.

13 газета / она ◊

14 приведет / приводит ◊

14 *После*: *донести* — и наверно ◊

14 *Слова*: правительству — *нет.*

15 был бы сыск / было бы похоже на сыск

15-16 но ведь если ∾ что ли? / Но если факты верны, то ведь газета предупреждает о том <?>

16-34 Да и кто гнал у нас ∾ «единоверие». / *а.* Надобно точнее [знать] понимать слова и знать их употребление. Надо знать и понимать, что такое «сыск» и что в другом случае просто есть обязанность. А в сысках по части вероисповедных чувств — вы решительно у нас никого не уверите. Нет у нас таких сыщиков. Всему причиною рубрика. Вам, главное, не понравилось слово «единоверие». *б.* Надобно точнее понимать слова и знать их употребление. Надо знать и понимать, что в одном случае есть «сыск» и что в другом случае просто есть обязанность. Кроме того, всякая русская газета, извещающая про что-нибудь в среде революционно настроенных или чувств<ующих>, отлично хорошо знает (и вы вместе с нею), что никакого таки гонения, никакого наказания, никакого страдания она тем не возбудит против инородцев. Никогда у нас за это никого не гонят и не преследуют (разве в случае уж явного преступления). Просто будут приняты самые *тихие* предосторожности и ничего более. Вы говорите *совсем не про то.* Вы люди умные, вы поймете, что я говорю. Иначе придется согласиться с иными немцами, обвиняющими нас, что мы преследуем русских немцев в Остзейских провинциях.◊ *Далее в низу листа наброски*: *1.* Гарибальди и проч. *2.* Либеральная идея — вот, дескать, там церковность и клерикализм мешают развитию, так и у нас тоже. Где вы видите у нас церковности и клерикализм в нашем тихом православии? (Наше тихое, наше неслышное православие.)

34 Главное / И почему

34 *Рядом с фразой*: Главное ∾ «единоверие». — *на полях вписано*: вот из-за чего вся и история ◊

---

[1] *К словам*: мы теперь не об этом судим — *начат вариант*: я в настоящем случае не разбираю, но если б они были

36–37 а сам ∾ разом / а что он сам явился, сам сказался [неизвестно] и сказался всеми разом, долго не думавши ◊
38 *После*: до сих пор — в живой жизни
40 беспрерывно / беспрестанно ◊
41–42 Но что же делать ∾ выходит. / *а*. Но это замечание уже комично: надо иль не надо придавать, а оно *само собою вышло* вероисповедным *б*. *Начато*: Видите ли *в*. Но что же делать с историей и с [действительной] живой жизнью; само собой так вышло. Нельзя же идти против истории, против *всего* народного движения и здравого смысла. ◊
44–45 болгарин / болгаре ◊
45–46 и турок ∾ за своего / *а*. и турки тотчас же признали бы их за своих *б*. и турки тотчас же перестали бы их резать, напротив, признали бы их за равноправных себе и перестали бы мучить ◊
47 болгаре / они
47–48 то, уж / то ◊

тр. 129—130.

48–1 Так как же ∾ славянина / Как же тут русским, и особенно русскому народу, жертвуя на болгар ◊

тр. 130.

1 русскому / русским ◊
2 не придет / не приходит ◊
2–5 *После*: избегать — Повторяю, эта рубрика не подделанная, не сысканная, а сама далась живой жизнию.
5–8 Да и кроме ∾ не может. / *а*. Русский человек воплотил в христианстве (крестьянстве) все свои идеалы. *б*. *Начато*: Но и кроме [истор‹ической› действительной жизни *в*. [К тому же] Да и кроме текущей и исторической необходимости русский [простой] человек ничего не знает выше христианства, да и представить не может. Он воплощает в христианстве все свои идеалы. ◊
8 *Слов*: у народа нашего — *нет*.
9 нации / народы. Для русского же народа [это] тут и сила и убеждение. ◊
9 В русском христианстве / в нем
10 вовсе / ни на каплю
11 *Слов*: по крайней мере, это главное — *нет*.
13 *Слов*: особенно в иных местах — *нет*.
12–13 мешают течению ∾ религии / и даже, может быть, самой религии мешает ◊ *Далее было*: *а*. И вот вы, думая, что и у нас то же (потому что так в Европе), тревожитесь и предупреждаете *б*. Но ведь нельзя же думать, что и у нас то же самое [То-то и есть, что у нас совершенно обратное] В применении к нам это опять-таки европейская идея, перемолотая по-русски теоретическим европейничаньем и ошибочно примененная за незнанием действительности. ◊
14 *После*: жизни — народа
14 преуспеянию жизни / преуспеянию и прогрессу ◊
15–17 Но похоже ли ∾ жестокий / Ну похоже ли наше, наше неслышное православие на коварный, предрассудочный, мертвый, заговорный, жестокий и продажный ◊
17–18 *Фразы*: Как же может ∾ народу? — *нет*.
18–20 Народные стремления ∾ в самом деле. / Надо вникать в реальную правду вещей, а не уединяться в [свои] теоретические определения. К тому же, опять-таки, стену плечом не сдвинешь, историю и живую жизнь не похеришь, «надо иль не надо ль придавать движению характер вероисповедный», но эти движения [живой жизни] наций суть продукты живой жизни и организуются сами собою, а не сочиняются [«надо иль не надо»] в [журналах] отделах критики в редакциях журналов. ◊

25–26 но ведь что ∾ единоверия / но почему вы думаете, что оно выше [единоверия], чем сочувствие по единоверию ◊ *Далее было*: *а.* Повторяю, и русские и славяне вынесли столько, в свое время, за свою веру, что сочувствие по единоверию сказалось невольно в живой [слав‹янской›?] жизни. Кроме того, славянин и до сих пор страдает за веру, а русский, ему сочувствующий, видит в вере своей все идеалы жизни — человеколюбия, правды, красоты и самой свободы. *б.* Русский народ не знает образа красоты высшего, чем данный в Евангелии. ◊

26–28 Единоверие ∾ негодую. / Помощь приниженному, забитому — это в христианстве. ◊

28 *Слов*: Это значит — *нет.*

29 выше / больше ◊

29–30 вот что говорит мотив единоверия! / это говорит ему христианство, зачем же устранять [ему] мотив единоверия? ◊

30–31 *Слов*: я осмелюсь ∾ что — *нет.*

31 искать «рубрик» для добрых дел / искать рубрики для доброго дела ◊

32 ведь это вовсе / это вовсе ◊

34 *После*: христианин — рая ◊

36 то тем самым как бы выставляю / [и что] то [ставлю] понимаю как бы причину [рубрику]

39 выйдут и всех / будут, например, всех ◊

39 *После*: помощи — и всякого сострад‹ания› ◊

40 немного / несколько ◊

41 *Слова*: вначале — *нет.*

41–42 ничтожными кучками / крошечными шайками ◊

43 по пальчику / по одному пальчику ◊

45–46 *Слов*: как бы в безумии — *нет.*

46–47 чтоб они ∾ деточек / *а.* чтоб те пощадили детей их *б.* думая в исступлении, что те [пощадят] послушают просьб и бросят мучить ◊

47 Ну, так / Так ◊

48 всего только / только просто ◊

Стр. 131.

2 *После*: людей» — А ведь это

2 дрянно не помыслите / никогда не помыслите

3–4 что, вводя причины ∾ выводов / что причины и мотивы дела в человеколюбии почти всегда ведут к несколько подобным рассуждениям и выводам

5 помогать просто потому / просто помогать из сострадания, потому ◊

6 единоверцу / единоверцам ◊

6 и означает / и значит помощь несчастным ◊

6–8 повторяю вам ∾ обозначение / «единоверец» тут означает несчастного, измученного, распятого на кресте, а не то что какого-нибудь клерикала, запасливого, расчетливого, делающего заговоры ◊

8–12 *Текста*: Поверьте ∾ действительности. . . — *нет.*

13 IV. Страхи и опасения / 4

14 Всего / Но всего ◊

15 увлечении / движении

18 спать / отдыхать

18 *После*: пишет — *в рукописи пропуск для цитаты и ряд набросков, относящихся к последующему тексту*: *1.* Но мы должны *2.* Иные политики. . . *3.* В этом смысле *опасны* *4.* Праздновали? *5.* И далее. . . *6.* Мы должны помнить *7.* Свободы

19–37 *Текста*: «В этом смысле опасны ∾ „аттестата зрелости“. . .» — *нет.*

41 *После*: самых — *начато*: неле‹пых›

42 обвинений устарелого / факт устарелого ◊

43 *После*: не делать — и свидетельствующие о совершенном незнании ни народа, ни общества

43 всегда лежавшего / лежавшего ◊

43–44 и читавшего нравоучения с печки / и болтавшего с печки ◊
45 заглядывавшего на себя в зеркало / смотревшего на себя в мысленное зеркало, самолюбов‹авшегося?› ◊
45–47 Это предрассудочное ∾ именно тогда / *а.* Болтовня эта зародилась тогда *б. Начато*: Фальш‹ивая› *в. Начато*: Неверная *г.* Предрассудок о русской склонности к засыпанию и т. д. зародился именно тогда ◊

Стр. 131—132.

47–8 *Рядом с текстом*: лежал на печи ∾ делать — *на полях помета*: разговариванье

Стр. 132.

3 *После*: запрещали ему делать — *начато*: Напротив, в последние двадцать лет этот старый предрассу‹док›
4 тотчас же обнаружил / обнаружил ◊
5 беспокойство и нетерпение / *а.* беспокойство нетерпения *б.* нетерпение ◊
5–6 и даже неустанность / и *неустанность* ◊
6 лезть на печку / спать на печке
6 Если же / Если ◊
7 не совсем ладится дело / не совсем так ладится всякое дело ◊
14–16 ну, хоть чтобы ∾ давнишних годов / ну, чтоб проверить [иные факты] и поправить свои старые предвзятые мысли и взгляды ◊
17 Но опасение / Но мысль
19–43 *Рядом с текстом*: Напротив ∾ стремящемся жить — *на полях наброски*: *1.* Но я не мог удержать себя *2.* В этих словах я так и заслышал [пророчество] *3.* В этом тоне я заслышал голоса, может быть, уже близкого будущего. По крайней мере, судя по ходу дела, очень можно ожидать *4.* Тут только застарелый теоретизм [может быть], стариковский предрассудок и, уж конечно, даже и невинный в своем самоупоении, в роли школьного учителя (Вот, дескать, вы-то все увлеклись, а я-то был всех умнее) для всей России, но мы услышим цинизм. *5.* Не удастся движенпе (увы, что так может случиться).
21 и к сладкой полудремоте / и к сладкому засыпанию
26 русское общество / русский народ
27 *Фразы*: Все факты тому противоречат. — *нет.*
31 скептический / критический
32 *После*: двадцать лет — *начато*: по освоб‹ожденип›
33–36 В недоверии к себе ∾ совершенствами. / Мало того, мы всегда и прежде доходили в недоверии к себе до болезненных крайностей и никогда не засыпали в самоупоении [успе‹хами›] своими успехами. ◊
40 *После*: всеобщей — всякой ◊
40–41 Ведь если / Если
42 обществе / народе ◊
42 еще слишком верящем в жизнь / уважающем жизнь ◊

Стр. 132—133.

43–2 какую-нибудь ∾ народы молоды / самые древнейшие книги, ну Библию, например, и увпдите, что первый молодой восторг успехом был свойствен самым древнейшим народам в мире, лишь бы они были молоды ◊

Стр. 133.

2–3 У нас ∾ на свои успехи / *а.* Эта, может быть, преждевременная радость [на] за свои успехи *б.* У нас это могла быть преждевременная радость за свои успехи ◊
3 и на то, что мы / на то, что и мы ◊
3–4 бросили же / бросили ◊

4–6 и начали тоже ∾ предостерегатель? / и начали жить — но это так невинно, и так естественно. Но опасно ли это сколько-нибудь. ◊
6 эти-то люди / эти-то ◊
7 с таким чувством / с чувством ◊
8 от самовосхваления / на самовосхвалении ◊
9 Поверьте / Напротив ◊
12 *Слов*: с движением вперед и вперед. — *нет.*
12 хоть и отрезвимся / и отрезвимся ◊
16 не было бы одушевления с критянами / не было бы критян
19 да и / даже и ◊
20 *После*: постепенно — прежним
20–21 так прямо маленькими / прямо холодными ◊
24 Вы / Вам бы
25 *Слов*: ну что ж — это ваш вкус — *нет.*
25 О, вы, конечно / *а.* Вы выставляете, что в Ев‹ропе› *б.* Вы, уж конечно ◊
29 *Фразы*: Вот что вы пишете. — *нет.*
30 в пример скромности / в пример ◊
32–33 всеобщую европейскую / европейскую ◊
33 нестерпимым гордым / гордым ◊
34–35 Таковы же были ∾ 1871 года. / Такими же были они и всегда потом ◊
36–37 с этой точки / с этой точки зрения
37–38 насчет англичан ∾ немцев / насчет англичанина или особенно немца. ◊
39 хвалиться / хвалить и хвалиться ◊
40 немцы! / немец. ◊
40 выводы / факты ◊
41 *Слов*: пока делаем — *нет.*
42 *Слов*: собственно сама — *нет.*
44 *После*: соображениям — и после Орсини. И больше ничего. Мы знаем роль Франции относительно Италии даже вовсе не так‹ова›. А впрочем, что ж, вы даже венгерцев ставите русскому народу в пример великодушия? ◊

Стр. 133—134.

44–1 *Текста*: и вовсе даже неизвестно ∾ политического захвата — *нет.*

Стр. 134.

1–2 Нам вот кажется ∾ сама Франция / Но за то [сказали] и Наполеон и Франция [очень не] ◊
2–14 О, конечно правда ∾ Наполеоном III. . . / На Италию французский народ всегда смотрел более стяжательно, чем родственно, и сравнивать с этим наше русское горячее сочувствие к славянам почти неизмеримо. Тут совершенно два разнородные факта. ◊
14–15 А, впрочем, что ж, вы даже ∾ великодушия. / кого-кого наш критик не ставит в пример русскому народу, даже венгерцев. Венгерцы, видите ли, помогли Италии, хотя вовсе были другого с ней племени. Какие это венгерцы, много ль их было.
17 узкая в них / узкая ◊
17 ко всякой мысли / к мысли ◊
17–18 об облегчении участи славян / об освобождении славян ◊
18 ненависть / ненависть в них ◊
18 *После*: к России — Но они венгерцы, [а стало быть, уж этим одним выше русских], а стало быть, тем и всё сказано.
18–19 *Фразы*: Как это вам пришел на ум ∾ народ?. . . — *нет.*
20 *Цифры*: V *и заголовка*: Post Scriptum — *нет.*

Стр. 134—135.

21–18 что так распространился ∾ Сон и не больше. . . / что принужден был так распространиться. Но этот узкий, отпетый и отживший век

свой теоретизм вреден тем, что и до сих пор еще не обличен окончательно, и до сих пор еще продолжает извращать русскую жизнь и вредить ей обаянием своего прежнего авторитета. Это теоретическое самоупоение мертвит жизнь, обращает живой организм в плесень. Впрочем, впредь буду избегать таких увлечений. Этим номером моего дневника я очень недоволен и никогда более не позволю себе литературы, кроме ‹*не закончено*› ◊ *Далее в верху листа и вдоль полей наброски*: *1.* Человек любит погордиться успехом, особенно если он нов, наивен и чист сердцем. *2.* Щедр‹ин›. Сатирический взгляд на себя. Напротив, у нас этого слишком много (то есть недоверчивости к себе), а не аттестат зрелости. Тоже и про русское движение неверно, что любит захват‹ыв›ать (?›. *Сдерживаемо* было, заборы. Чуть только раздвиглось движение неустанное, вы отделались от него, вы сидите в ваших редакциях, хоть бы вы вдумывались в факты, сообщаемые газетами. *3.* Движение подновилось — ну хоть обстоятельства, да и то никогда совершенно: на то история. Чуть же раздвиглись заборы — движение уже не останавливалось. Вообще много старых, извращенных взглядов, про славянскую лень и проч. *4.* Напротив, более всё засыпает ‹?› А этакие моменты всенародные — благотворны, след‹овательно?› *5.* И где вы видели, чтоб русский народ был склонен к самокри‹тичности?› *6.* Напротив, это самый самобичующий себя народ во всей Европе и доходящий до нелепой крайности. *7.* Резвые. Мы и крестьян освободили, и никогда сатира ‹*не закончено*› *9.* Вы говорите, стали ли зрелее? — А как же нет? А что восхваляли — так ведь это так естественно. Напротив, это радостно после скептицизма. Крит — дал плод теперешних движений. Вы ставите в пример французов. Знали кого, англичан. Одним словом, мне хотелось обнаружить теоретизм. Ему жизнь чужда, среди одушевления — трезвый голос. Я всех умнее — а между тем какой мелкий прием, какая скука глядеть. Кстати, исторические факты. Этот высокомерный взгляд на Россию и этот самодовольный взгляд свысока на современное прекрасное движение России невыносим. Я ведь потому распространился. Меня жалость взяла. Ведь не удайся современное движение, обратись в ничто, предали славян, и тотчас же раздадутся эти высокомерные самодовольные слова и взгляды над. Прекрасное самодов‹ольство› над прекрасным русским движением. О, не дай бог не сбыться движению. Сколько явится цинизма, безверия в обществе, сколько безверия в молодежи. Насчет сил России. Как бросится она бежать из обществ! Кстати, о молодежи имею кой-что написать, и даже самое настоятельное, но до следующего раза. Как бы соединило и скрепило.

‹Октябрь›

Стр. 136.

1–3 Октябрь ∾ Простое, но мудреное дело / Сентябрь.[1] Глава первая. 1

4 Пятнадцатого октября / Две недели тому назад (15-го октября)

7 *После*: ребенок — упав на землю, стал на ножки

9 была за вдовцом / вышла за вдовца

12 *После*: шло лучше — *начато*: даже хлеб

13 до того, что она / что она, любившая его прежде ◊

14 вздумала / она вздумала

14 прежней жены / *а. Как в тексте. б.* Прежней ◊

15–17 история ∾ ясною историей / *а.* произошла самая простая история — и обыкновенная история *б.* история, кроме чудесного спасения ре-

[1] *Так в рукописи.*

бенка, разумеется, [по-видимому, оказалась ясною и понятною] [оказалась] по-видимому, представляется самою простою историей ◊

17-19 С этой точки ∾ простейшим образом / *а.* С этой точки взглянул на дело и суд и самым <?> обыкновенным в таких случаях образом *б.* С этой точки взглянул на дело и суд и тоже самым [ясным и понятным] простым и ясным образом ◊

24-25 И однако ∾ разъяснившееся. / *а.* Тут, впрочем, было одно и не совсем обыкновенное обстоятельство *б.* И однако, несмотря на всю простоту и ясность [дела, было] предмета, [вышло], остается тут как бы нечто и не совсем [разъясненное] [разъяснившееся] разъясненное ◊

28 была / разумеется, была

29 это преступление / преступление ◊

31-32 *К слову*: рутинность — *вариант*: шаблонство [и прямолинейность] ◊

Стр. 137.

5 *После*: написал тогда — Оказывается, что *странность* поступка мачехи мне только померещилась, и, напротив, всё произошло чрезвычайно ясно. В самом деле, что могло быть яснее.

5 по фактам / факты ◊

6 подсудимая / она

6 *После*: виновною — *начато*: даже в деле

7 сама же / сама же она

10 *После*: на мужа — *начато*: и давно уже была

11 *После*: она — просто-запросто

13 велела / сказала

13 влезть / чтоб та влезла

13-14 посмотреть вниз, в окошко / *а.* посмотрела в окно *б.* посмотреть вниз, в окно ◊

14 *После*: в окошко — *начато*: Малосмысленный реб<енок>

18 Преступница, поглядев / *а.* Преступница, заглянув в окно (так сама рассказывала) и посмотрев *б.* Затем преступница, поглядев ◊

21-22 Вот факты ∾ фантастического / *а.* Вот как было дело. Одним словом, всё произошло чрезвычайно просто. Но, несмотря на всю ясность дела, всё еще тут есть как бы нечто фантастическое *б.* Вот факты, кажется, чего бы проще, [но несмотря] а между тем сколько тут фантастического ◊

25 *После*: чувство — *а. Начато*: Я не могу забыть одного *б. Начато*: Согласитесь, что

25-26 *Слов*: самых ∾ людей — *нет.*

27 нельзя же / нельзя же было ◊

31-34 принципа суда ∾ всенародно / *а.* принципа преступления. В карании преступника первое дело, первый принцип дела состоит в том, чтоб зло было определено, показано и названо злом. *б.* принципа суда, в непонимании того, что в суде первое дело, первый принцип дела состоит в том, чтоб зло было определено, показано и названо злом всенародно. ◊

36 *После*: огромные — конечно ◊

37 *После*: судебного — и независимые от суда ◊

39 даже совсем у нас / даже еще ◊

40 по этим отделам / по этому отделу ◊

40-41 деятельности / жизни

41 *После*: не произнесено — *начато*: и идет дело

42-43 эти обе ∾ выходит иногда / и не сформленные иные идеи смешались, и выходило ◊

43-45 Выходит, что преступление ∾ судом же / *а.* Между тем преступление как бы не признавалось преступлением, обществу, напротив, как бы говорилось: и нет преступления *б.* Между тем обе функции смешиваются: преступление как бы не признавалось преступлением, обществу, напротив, как бы возвещалось кем-то ◊

46 *Слов*: видите ли — *нет*.
48 в *иных* частных / в частных ◊

Стр. 137—138.

48–1 *Слов*: и в известных разрядах явлений — *нет*.

Стр. 138.

2 общему / всеобщему ◊
3 тут есть ∾ черта / *а. Начато*: целое и всеобщее здорово и идет по известным *б*. тут есть такая черта ◊
4 переступить / перешагнуть
5 зависящей ∾ ветра / повинующейся первому ветру
5 *После*: ветра — Кроме того, болезнь и сумасшествие может являться не только единично, но и очень сложно, но целое, всеобщее — всегда здорово, и хоть не может определить, почему, но всегда знает, что назвать злом, а что добром.
7 *После*: наукой — а до сих пор ложно понимавшуюся ◊
7–8 Между тем ∾ не начиналось. / на что наука о человеке не может представить еще никаких твердых данных, а стало быть, и не имеет права так заключать о [человеке] нем ◊
11 *После*: «не виновен — дескать ◊
12 *После*: приговоры — не только удивляли, но и возмущали
13 *Слов*: у места и — *нет*.
14 а в обществе ∾ недоумение / и вселяли недоумение и шатость в обществе ◊
17 Вот бы им / вот бы ◊
17–18 *После*: оправдать ее — да и не мне одному пришло это в голову
18 *После*: преступления — Может быть, и была бы ошибка, но в иных случаях лучше уж ошибиться.
19 Впрочем / Я, впрочем ◊
25 *После*: бывает — *начато*: почти
28 *После*: случаях — принимают иногда ◊
29 Но что / И что ◊
30 чрезвычайные-то явления) / чрезвычайные влияния ◊
31–32 довольно и того ∾ человека / довольно того ◊
32–33 и даже только могут / и могут ◊
33–42 *Рядом с текстом*: Доктор Никитин ∾ их помнят — *на полях наброски*: *1*. беременность *2*. воровавш‹ая› дама *3*. Конечно, доктор и вся медицина. *4*. Но в таком случае лучше ошибиться *5*. Да и как они судят *6*. сознательно *7*. дама *8*. Да и сама сосланная будет думать: за дело. Вообще не так просто, а фантастично. *9*. Любопытно о младенце — выкормить. Калачи носить. Сюжеты романов. *10*. Вычтут срок. Дуров.
34–35 Корнилова / Прокофьева ◊
36 что / что такое
38 делается людьми / совершается
39 *После*: медицина — (которая, кажется, очень мало в этих случаях знает)
40 совершенно сознательно / бессознательно
41 взять сумасшедших / сумасшедшие ◊
42 *После*: сознательно — и даже отчетно ◊
43–45 защищать перед вами ∾ в тупик / защищать, [и] будут из-за них спорить с вами и иногда так логично, что вам с ними и не сладить ◊
47 *После*: которая — *начато*: во время
47 бывала / была ◊

Стр. 139.

3–4 *Слов*: куда ∾ купить — *нет*.
5 *Слов*: по принадлежности — *нет*.

5–6 дама слишком не бедная / женщина не бедная
7 ей и в голову бы / ей в мысль бы ◊
8 Всеми решено было тогда / Все знали, и всеми решено было ◊
11 в этом отчет / отчет ◊
11–12 *Фразы*: Сознание ∾ устоять. — *нет.*
13 сказать / сказать тут ◊
14 насчет / собственно, насчет ◊
14–15 этих явлений / дела
15 *Слова*: именно — *нет.*
17 тут может / может тут ◊
18 играет / играть ◊
18 возможность / факт ◊
19–20 *Слов*: во время беременности женщин — *нет.*
20 неоспорима. . . / неоспорим. ◊
21–22 встречаются / случаются
21–22 *После*: встречаются — Повторяю ◊
22 *К слову*: судящего — *вариант*: присяжного ◊
22 в таких случаях / в таком случае ◊
24 не пошла / что не пошла ◊
24 *После*: воровать — вещи ◊
25–26 именно ∾ *к делу* / складно и понятно ◊
31–32 с падчерицей / с дочерью
32 прибитая / только что прибитая ◊
34–35 *не сделала* / не сделала бы ◊
38 если б оправдали подсудимую / оправдывая подсудимую ◊
40 всё же бывают / бывают же они ◊
40–41 ну так что, если / ну что, если ◊
42 было бы / стало бы ◊
43 *После*: понятно — *начато*: А потом еще и то: если б даже она и в самом деле была вполне виновата — может быть, [в этом милосердии было бы] действительно
43 *Слов*: и не возбуждало бы шатания мысли — *нет.*
44 выйти / быть
45 что тут ∾ невозможно / а тут и проверить-то невозможно ◊
46 *После*: виновною — Так и пойдет в Сибирь
46–47 она сознается сейчас же после / созналась сейчас после ◊
48 *После*: пойдет — вполне ◊

Стр. 140.

1 *После*: себя — вполне ◊
2 *Слов*: в последний час — *нет.*
3 *Слов*: да и никому на свете — *нет.*
3 *После*: о каком-то — там
4 *Слов*: бывающем в беременном состоянии — *нет.*
4–6 может быть ∾ не вышло / может быть, и удержаться она не могла ◊
5–6 и не вышло / не было ◊
6 уж лучше / лучше ◊
9 усталый / просто от утомленья ◊
10 *После*: у которого — одно только дело
11 *Слов*: или два — *нет.*
11 это у того бывает / *а.* есть *б.* бывает ◊
12 Такому ∾ от нечего делать. / *а. Начато*: Вот этому, пожалуй, и начнет *б.* Тому, пожалуй, начнет мерещиться и не будет спать. ◊
13 *Фразы*: Одним словом ∾ пороков. — *нет.*
14 посмотрите / неправда ли
15 осудили / *а.* как будто осудили *б.* ведь осудили ◊
15–16 *К слову*: не родившегося — *вариант*: не явившегося ◊
16 *Слов*: как это странно — *нет.*
16–18 *К словам*: Положим, что неправда — *вариант*: И хоть вовсе неправда ◊

18 да еще самую полную / да еще на самую полную [правду]. Ведь когда ее заставили встать с места, чтоб выслушать приговор, ведь она встала вместе с ним, может быть виновным во всем происшедшем. ◊

18–24 В самом деле ∾ лишен семьи / *а.* В самом деле — ведь вот уж он, во-первых, осужден [быть без матери] следовать за матерью. Она его кормить должна *б.* Итак, он еще прежде рождения своего уже как бы сослан в Сибирь. Во-вторых, если он пойдет за матерью, то отца лишится, если же его оставит у себя отец (не знаю, может ли он теперь это сделать), то лишится матери. Одним словом, лишен прав семьи. ◊

25 мало ли что будет / нечего «пенки снимать». Мало ли что будет ◊

26 посмотреть / посмотрите ◊

26–27 *После*: фантасмагории — и вопросы ◊

27 *После*: в жизни — И уже, во-первых, сколько я понимаю, не следуя простым путем, которым пошло дело, матери дадут разродиться [в остроге] до ссылки, не смеют раньше этого. Затем, так как ведь никак уж нельзя сослать вместе с нею в Сибирь и младенца, то младенца у нее возьмут и отдадут отцу: таким образом, в лишение всех гражданских прав состояния войдет и лишение [прав] естественных прав матери. [Затем уж] Это бы ничего, но в лишение всех прав состояния матери включится и лишение права младенцу иметь мать. . . А впрочем, я опять за то же, нечего пенки снимать, хотел было смотреть просто, а *всё* спотыкаюсь. Далее. Если ребенка отдадут отцу (кому же иначе? [Разве в Воспитательный дом, но вряд ли отец отдаст)], то ведь его надобно вскормить [между тем отец крестья‹нин›], и уж неужели матери и вскормить-то ребенка не дадут? А между тем где она его вскормит? Конечно, в таком случае он поступит на прокормление в Воспитательный дом. *Рядом с текстом*: Разве в Воспитательный дом ∾ дом. — *на полях и в верху листа наброски*: *1.* Простозапросто ребенка придется ‹*не закончено*› *2.* — Но отдадут ли ей выкормить?

— Нет, это уже стало бы похоже на насмешку.

— Да и где ей кормить?

— Эх, я законов-то не знаю. Непре‹менно?› в Воспитательный.

28 *Слова*: столь — *нет.*

30–31 В самом деле ∾ ведь он / *а. Начато*: Между тем отец ведь *б.* Заметь‹те›, Корнилов ведь ◊

31–37 *Рядом с текстом*: теперь свободен ∾ вылетевшей — *на полях вписано*: Казалось бы, самое фантастическое положение, а между тем правда. Например, может случиться

32 его жены / жены ◊

33 до дороги / до ссылки в нашей острожной больнице ◊

34–35 *Слов*: в острожной больнице ∾ положат — *нет.*

35–37 Корнилов ∾ ведь почем знать / Корнилов, может быть, будет ее навещать, больную, почем знать ◊

37 *После*: может быть — а по-моему, так наверное ◊

38 сходиться и говорить / говорить ◊

39–40 об каком-нибудь там мизерном холсте ∾ в дорогу. Почем знать / Об отправке ее, например, об снаряжении каком-нибудь, об том. будет ли писать, об теплых башмаках и валенках в дорогу, о холсте, и почем знать ◊

41–48 сойдутся теперь ∾ зайдут» / сойдутся, чего не могли прежде сделать и ссорились. И не попрекнули бы друг друга, или так только немножко, себя жалеючи. Почем знать, может быть, эта вылетевшая из окна девчонка будет к ней бегать теперь от отца каждый день на побегушках, калачи носить. «Маменька, вот тятенька вам холста прислал», а [сами завтра придут] завтра чаю сахару купят и сами ей принесут. . . ◊

Стр. 140—141.

48–10 Самое трагическое ∾ оставит. / Ведь и поверить трудно, как это *просто* иногда происходит у этого люда. Так и проводят ее, плакать, выть над ней будут. Потом подосадуешь даже, что всё это так [просто и] прозаично у них происходит.◊

Стр. 141.

10–11 Одним словом ∾ не правда ли? / С нашим народом никогда поэмы не будет.◊

12–13 так что ∾ становится / Стыдно нашего народа.◊ *Далее на полях набросок*: Но для удовлетворения этих лживых людей, Мцыри

13–15 *Фразы*: Ну, то ли, например ∾ достоинстве! — *нет.*

15–22 Ну, попробуйте ∾ наших поэм / Попробуйте описать это в повести, слово в слово, черту за чертой и. . . а впрочем, что ж я! [хотел было сказать] говорю: ничего не выйдет, а меж тем, может быть, выйдет лучше даже всех [этих] поэм наших ◊

23 *После*: прозрением» — *вписано*: Сколько теплоты, сколько естеств‹енности› и сколько самого фантастического отражения действительности, самого непростого, обнаружилось в деле, противуположного с нашими вымышленными формами жизни. Конечно, всё это будет дело мужицкое, простонародное. Но ведь уж если ‹*не закончено*›

23 знаете / знаете ли, может быть, они вышли бы и вовсе не так просто. Я так думаю даже, что простого вовсе и нет на свете. [Правда, повыли бы над ней, когда проводили, а потом бы и стерпелись.] Он человек рабочий, некогда и думать-то, а она. . . А она двадцати лет женщина [мать], жена без мужа и с ребенком, мать, у которой отняли первенца — ребенка и которого, может быть, она, именно в противуположность поступку с падчерицей, в каких-нибудь несколько часов успела страстно полюбить, она пойдет в каторгу и пойдет в партии. Я не знаю, как теперь, но прежде они шли или партиями, человек по две-три сотни, по этапам, и *шли* в Сибирь месяцев восемь, и хоть женщины и мужчины особо, но в партии, я знаю это, можно сообщаться, особенно если деньги есть. Тут происходили романы. Я слыхал рассказы об ревностях, убийствах, и всё [дорогой] между этими преступниками, по ‹*не закончено*› Заметьте, что эти семь-восемь месяцев тяжелого, каторжного пути не считаются за каторгу. Каторга, то есть те два года 8 мес‹яцев›, на которые приговорили, начнутся ей только тогда, когда она прибудет на место, да и то бывают варьянты. Я, например, и покойник Сергей Федорович Дуров, с которым меня привезли (политических возят с фельдъегерем) в Омск в каторгу в январе, после четырех лет каторги, когда пришел нам четырехлетний срок, выпущены были из каторги не в январе, а в конце марта [два с половиною месяца]; так что мы прожили в каторге два с половиною месяца лишних и проработали единственно потому, что [писарю вздумалось за нас] писарь забыл нас занести в книгу своевременно, а хватился [вписать] пометить наше прибытие лишь два с половиною месяца спустя. Это факт. Удивительно, как это было всё тогда просто. Но я не про то, я про ту женщину. А впрочем, что ж про нее говорить. Одним словом, ее жизнь только что [начинается] *началась*, она еще из каторги выйдет молодая и. . .

Видите ли [оно вот уж и], решительно оно не так просто. Решительно можно [написать] составить целый роман. А впрочем, что ж я. А уж [если] хотите, так можно самую полную и величавую поэму. *Далее было*: *а.* [то чего вам [больше] лучше: вот этот мальчик. Написал же Лермонтов «Мцыри», а тут ведь побогаче. Взрастет сын, узнает про мать и пойдет ее отыскивать в Сибирь: какие чувства. *б.* Можно даже напредставить себе так, что этот мальчик, вскормленный в Воспитательном доме, а потом у отца, выросши и узнав всё про мать, пойдет ее отыскивать в Сибирь. Ведь написал же Лермонтов «Мцыри», а тут — тема побогаче. Выйдет, значит, целая поэма. А впрочем,

я *смеюсь*: обойдется всё ‹более› простым манером, чем у Мцыри, и малый вырастет, будет извозчиком, и он женится [Жизнь так проста, так прозаична. Право, лучше смотреть на жизнь] и жену прибьет]. *в.* даже из этого происшествия с Корниловой составить, самую европейскую и удовлетворяющую самому строгому европейскому вкусу. Вы только представьте себе этого ребенка, во время дела родившегося. Вырастет, узнает всё про мать и пойдет отыскивать мать. Написал же ‹Лермонтов› «Мцыри». А тут тема-то получше. Само собою, надо, чтоб он как-нибудь взрос в барском доме, ну хоть принятый из человеколюбия, так чтоб воспитался вместе с барчонком — и вдруг — не хочу, дескать, с вами, хочу, дескать, демократических стремлений, пойду мать отыскивать, и всё это в стихах, в таких стихах, что не будет ‹*не закончено*›

28–32 *Текста*: ведь я просто не понимаю ∾ ошибка! — *нет*.

33 II. Несколько заметок ∾ упрощенности / 2◊

34 *Фразы*: Теперь о другом. — *нет*.

34–35 Теперь бы мне ∾ вообще. / Кстати, насчет *простоты* вообще.◊

35 *После*: простоты вообще — На свете случаются иногда странные обороты, а у нас в России так и всех чаще. У нас [например] самые простейшие явления жизни принимают вдруг самый фантастический вид, и обратно — фантастические — самый простейший. [А главное, что те же самые явления, которые вы же тридц‹ать›] По-моему, что может быть фантастичнее, как Россия нынешним летом? А между тем сделалось так, что из фантастического приняло вид самый простейший и всем понятный. Но понятность эта заключалась уже не в жажде нашей упростить явление и, пожалуй, свести его до нуля. Понятность лежала в самой истинности явления. И вот эта-то понятность и не понравилась [я говорю понятно. Всем понятно]. . . не понравилась до ненависти. [Начало] Есть начало сильной реакции. Реакция и прежде была, но она таилась, молчала в России, но крайней мере, теперь же подняла голову и собирается говорить, даже заговорила. Из самой простой, косной массы (на иной взгляд, конечно), лежавшей в стомиллионном своем виде на многих тысячах верст неслышно [послушно] и бездыханно, в вечном зачатии и в вечном бессилии что-нибудь произвести, в виде чего-то вечно стихийного [бестолкового] и послушного, а по иным так даже и бестолкового — вдруг вся эта Россия преображается, встает [и] смиренно, но твердо выговаривает всенародное и прекрасное слово. Мало того, люди берут свои посохи и идут сотенными толпами, провожаемые тысячами людей, в какой-то новый крестовый поход (именно так и назвали, англичане уже сравнили с крестовым походом) в Сербию за каких-то братьев, потому что прослышали, что они замучены и угнетены. Отец, старик солдат, чем бы жить на спокое, вдруг ополчается и идет пешком, спрашивая дорогу, за тысячи верст, побиться с турком за братию и с собою ведет девятилетнюю дочку, это факт: «Дочку, найдутся из христиан, что и поберегут, пока я хожу, — отвечает он на вопросы, — а я уж пойду». И идет. И вот слышно теперь, что они уже не сотнями, а тысячами слагают там свои головы в битвах. Про это знает и читает русский народ и не хочет, чтоб русская кровь проливалась «мучителями» и чтоб тысячами ложились под ятаганами варваров наши *лучшие люди.*◊ *Далее было*: И всё это на иной взгляд есть необычайно простое явление, а на другой, на мой например, совершенно фантастическое.

Стр. 141—143.

35–2 *Текст*: Мне припомнился ∾ относится». — *в рукописи следует ниже.*

Стр. 141.

35–36 Мне припомнился ∾ анекдот. / Кстати, припомнился мне один маленький анекдот.◊

37 время наше ∾ взгляд / *Начато*: время, для иного вз‹гляда›
40–41 я надумал ∾ из него / *Начато*: Мне понадобился один роман Теккерея. Я надумал тогда одну критическую статью и роман Теккерея мне
45–46 *Слов*: с невыразимым — *нет*.
46 *Слов*: которого, ей-богу, я не заслуживал — *нет*.

Стр. 142.

3 *После*: внезапностью — *начато*: Искусству стр‹ашно›
3–4 самый уличный / совершенно уличный ◊
5 и вознесены были «сапоги» / и были в моде сапоги
7 и Теккерея вздором / Теккерея совсем уж вздором ◊
8 принимая / приняв ◊
13 *После*: *простоте* — вот о той самой, о которой рассуждал [теперь] выше
13–14 *Слов*: и об нашей ∾ в частности — *нет*.
14–26 Эта удовлетворимость ∾ как эмблема. / *а. Начато*: Я знал *б*. Я тогда давно уже знал, что *простота* взглядов [в то время] [и вдруг] началась у нас вдруг [и даже] во всех направлениях, от нигилистического и до крепостнического [встречалась иногда удивительная], однако всё же был смущен. [Для барышни] Это барышне, например, ничего не стоило представить себе, что вот до нее все и вся Россия были дураки, а вот теперь явились вдруг все умники, [и все стали вдруг спокойны] и она в том числе. И вдруг пошло всё и вся по-другому. Главное, что нет ничего проще. Мало того: до того ей должно было казаться это простым, что она, наверно, о том и вопроса не ставила. Тем не менее я всё же был смущен. Мне скажут [теперь], что это напрасно, что случай этот был мелкий и вздорный, что барышня была просто неразвитая дурочка, а главное, необразованная и что и вспоминать анекдот не стоило. А между тем меня именно поражает, как и тогда поразила [эта общность, эта наша русская, так сказать, стремительность к обобщению и простоте. Для скорого спокойствия, для спанья, что ли, эта наша страсть к простоте?], эта удовлетворимость наша малым и ничтожным вместе с нашей русской стремительностью [так сказать] к обобщению и простоте. Для скорого ли спокойствия, для спанья, что ли, поскорей эта наша страсть к обобщению и простоте? Ведь эта барышня, наверно, только это и умела сказать, то есть об сапогах и об Теккерее, да и то с чужого голоса: это по словам и по лицу ее было видно, а между тем она совершенно была удовлетворена и сияла как именинница [целый цикл], у ней уже не было более вопросов. [Она уже действовала, она сияла как именинница.] В ней замкнулся цикл идей, и она уже более не спрашивала, а действовала. ◊
27 *Слов*: в теперешний «разумный спрос» — *нет*.
28–29 обо всем народе ∾ *простота* / обо всей России [Неужели вы не пораз‹итесь›], а теперь именно все эти суждения вдруг раздались опять: какая простота ◊
31–32 *Слов*: произнести приговор — *нет*.
32–33 не заботиться больше ∾ простоит / не заботиться, и это, поверьте, чрезвычайно еще продержится, вплоть до того, пока сами мы не научимся изучать явления. Но этого еще очень долго не будет. ◊
33–35 *Текст*: Посмотрите ∾ в этом году — *зачеркнут*.
35–39 а между тем ∾ как славянам / а между тем, на мой взгляд, уж как это явление упрощено. Другие же всеми силам добиваются еще более упростить. Один из членов комиссии Славянского комитета по сбору пожертвований говорил, что он получил уже несколько писем с такими, например, вопросами: «Для чего помогать славянам ◊
40 точно так же / так же ◊
42 помните / Вспомните ◊

42–43 *После*: в «Вестнике Европы» — Тут, конечно, тоже добиваются простоты.
43 *Слов*: о которых ∾ «Дневнике» моем) — *нет.*
44 тут / это ◊
45 *Слов*: не стремление упростить — *нет.*
45 *Слов*: в вопросах этих слышится — *нет.*
46 *После*: беспокойство — стремление выйти из сложности явления ◊

Стр. 142—143.

46–2 но простота ∾ относится» / По крайней мере, нашу всю Россию принимают иные наши умы за слишком уж нехитрую, несложную и [простодушную] простую вещь — до того простую, что даже стыдно и неприлично ее и равнять с чем-нибудь. За такую вещь, с которой всё может случиться и с которой, что бы ни произошло, всё равно ничего не выйдет. Вчера Теккерей, а нынче разумный спрос, а завтра — опять Теккерей — вот Россия. Для иных ужасная простота, а для других большая сложность — это конечно; сложные люди всегда бывают, и даже в России, и если они действительно сложны, то мучаются своею сложностью у нас в России, я думаю, больше, чем где бы то ни было в другом месте. Но всё же простоты больше. Повторяю: нет нигде такой жажды простоты, как у нас, такой потребности, такой страсти к обобщению и простоте для скорого спокойствия — как у нас. [Нет ничего, вздор, всё просто, никаких явлений, всё выдумки, да и не может быть в России.] Я не знаю, поймут ли, что я говорю и пишу это вполне простодушно. ◊ *Далее вдоль полей и в низу листа наброски*: *1.* Дали и рациональное воспитанье. Если не понимают рационального воспит‹анья›, то и не явятся *2.* Я раз как-то недавно. *3.* Мы говорили о комизме явлений и о художеств‹енном› мастер‹ств›е. Разгов‹аривал› со мной был большой художник. *4.* — Я это знал раньше. — Но простота требует глазу, а то прямолинейность. Кстати, прямолинейность. И стушевался

Стр. 143.

3–6 Сомнения нет ∾ не понравилось / Например, есть очень много из самых интеллигентных и, так сказать, высших людей, которым это народное, тихое и смиренное, но твердое и сильное слово в высшей степени не нравится ◊
6–9 и не потому ∾ реакции / Что ж? Потому ли, что непонятно, или наоборот, что уж слишком понятно стало. По крайней мере, теперь есть уже признаки реакции. Наступает реакция. ◊
9–16 Я не про те ∾ и пр. и пр. / Я не про [тех] те голоса говорю, которые еще и прежде слышались, то есть что не надобно спешить [не надо] и увлекаться каким-то там делом, несколько грубым и невежественным, как помощь славянам, не потому, что они люди вообще, а потому, что они братья, не потому, что они сражаются за высший принцип свободы, а потому, что они единоверцы. ◊
17–19 а про настоящую ∾ подымет голову / а про явную, настоящую реакцию, которая уже начинает подымать голову ◊
19–41 Вот эта-то реакция ∾ упростителям. / *а.* И представьте, ведь вовсе не по фантастичности явления [не нравится], то есть в том, например, смысле, что вот такая до сих пор косная и бестолковая простота осмелилась [загов‹орить›] вдруг стать и не косною и не бестолковою. Напротив, не понравилось именно из простоты взгляда: «Взять бы, дескать, да запретить это всё, чтобы всё лежало в косном порядке по-прежнему», — вот желание, и уж согласитесь, что более высшей, более полной простоты взгляда на явление и представить себе нельзя. Между тем что может быть лучше, как простота взгляда в тех случаях, когда нужна решительность и деловитость, — ведь, кажется, так? А между тем от иной простоты иногда погибает дело. Простота не меняется, простота прямолинейна, и сверх того высокомерна.

б. Вот эта-то реакция естественно и невольно примыкает к тем господам, которые говорят: «Взять да запретить». И представьте, ведь, казалось бы, оно им должно не понравиться вовсе не по фантастичности явления, то есть в том, например, смысле, что вот такая до сих пор косная и бестолковая простота осмелилась вдруг заговорить как будто и впрямь какая-то сила, живая и сознательная. Напротив, не понравилось именно из простоты, именно за всем понятной, которая изо всей этой фантастичности вышла, именно за то, что всё это вдруг стало всем понятным и что всё это необычайное явление стало так как будто совсем обыкновенное. Как смело оно стать вдруг всем так понятным: «Взять бы, дескать, да запретить это всё явление, чтобы всё лежало в косном порядке по-прежнему», — вот желание этих людей, и уж согласитесь, что тоже в своем роде простое и понятное в вашей статье, так что уж все теперь ему верят. Надобно заметить, что взгляд этих мудрецов чрезвычайно прост. Заметьте только, а между тем от иной простоты воззрений на иные явления иногда погибает всё ваше дело, то есть всё то, за что вы сами ратуете, [отрицая явление], стремясь запретить явление. Простота не меняется, простота прямолинейна и сверх того высокомерна.◊

43–46 Очень часто ∾ в фантастический. / Кончится тем, что вы до такой степени упростите взгляд свой на русский народ (от поколения к поколению и по старой памяти), что и не разглядите, наконец, совсем и предмета, или перестанете [уж] совсем понимать его.◊

46–48 Это именно ∾ от другой. / [а у нас тем более, потому что] Именно у нас это может произойти и именно у нас *простота* иных [направлений] взглядов наших на народ и Россию доходит даже [и несм‹отря›] до *фантастического*: «Запретить явление и кончено».◊

Стр. 143—144.

48–1 Наша оторванность ∾ и началась / А оторванность именно и началась ◊

Стр. 144

2 *После*: *на другую* — простоты, доходившей даже до простодушия

2 Началась она / Началось же это ◊

2–6 как известно ∾ упрощался / В Петровское время выработался, например, необычайно простой взгляд на народную Россию, и с тех пор, от поколения к поколению, на мой взгляд, он, мне кажется, только и делал у нас, что упрощался.◊

6 *После*: упрощался — И право, вы еще до сих пор найдете персон, которые не прочь бы сказать: «Закрепостить бы снова опять, да и кончено». Скажи кто заране, что это у нас случится, и мы не поверили бы, не поверили бы этому крестовому походу, въявь начавшемуся. Да и теперь, когда уже [всё] случилось, хоть и понимаешь всё, что пока случилось, но невольно как-то спрашиваешь себя всякую минуту: «Да как же она могла случиться, такая [невероятная] неожиданная вещь? И как же могла совершиться?» Или, например, что не лучше ли все эти [деньги] жертвованные на славян деньги употребить на собственные школы и стипендии. [Я только о простоте иных взглядов. Повторю: явления не меняются, но взгляды на них, и особенно у нас, ужасно меняются.[1] Короче, простота взгляда бывает иной раз весьма опасна и в нашем русском простодушии в перемене взглядов.[1] Запретить явление — ведь оно значит почти что запретить всю Россию. Но есть и другое явление: есть у нас неимоверное простодушие в изменении взглядов. Существует какая-то внезапность, какое-то падение с неба. То вдруг у нас всюду путаница,

---

[1] *Далее в рукописи знаки, отсылающие к другой рукописи, нам неизвестной.*

всюду вопросы [всюду] или гордиевы узлы, то вдруг всё яснеет, все умнеют, все вопросы и вся путаница исчезают и вместо [вопросов] гордиевых узлов [повсеместно] наступает прямолинейность. И это не у одних консерваторов. [Это и у нигилистов, это у всех] И это от самых ярых консерваторов до самых ярых нигилистов. [Впрочем, на эту тему говорить скучно, и я расскажу что-нибудь помельче и посмешнее.] ◊[1]

7 III. Два самоубийства / 3 ◊

9 о комизме в жизни / о комизме жизненных явлений

12 знающий / знаю ◊

12 только / а только ◊

13 типов этой комедии / его типов ◊

14 именно / именно тогда ◊

14 *Слов*: то есть — *нет*.

16 (Об Молчалине / Об этом типе ◊

17 тема знатная) / очень стоит того ◊

20 ни написали / ни изобразили

21 в художественном произведении / в действительности

22 ни изобразили / ни написали

23 чем в действительности / действительности ◊

23–28 Вот вы думаете ∾ и воображение!. . / Самое комическое, самое уродливое или самое трагическое и [порочное] ужасное явление, которое бы вы вывели в вашем прозведении, — всё это выйдет *несравненно* слабее того, что представит вам в этом же роде и тотчас же действительность, [и] никогда вам не исчерпать всего явления и не добраться ни до конца, ни начала его. ◊

32–35 даже вовсе ∾ какой нет / даже [самый малейший] вовсе не слишком яркий на первый взгляд факт действительной жизни и вы [увидите], пожалуй, если только вы в силах, найдете, увидите в нем глубину, какой [нет] [не найдете даже] нет ◊

35 Но ведь в том-то и весь вопрос / Но ведь [в чем] в том и вопрос ◊

36–38 чтоб создавать ∾ в своем роде художника / чтобы писать и создавать поэмы, но и чтоб видеть и отметить факт, нужно художника ◊

39 *Слова*: жизни — *нет*.

40 думать / думать-то

40 *После*: не о чем — мало того

42–43 до того иной раз ∾ не в силах / до того [иногда заботят и мучают] озаботят, что [будучи] не в силах ◊

Стр. 145.

1 вопросами разом / вопросами. В результате опять-таки глаз и [глаз] «кто в силах» ◊

1–7 *Текста*: Это только ∾ фантастическое. — *нет*.

8 один из уважаемых моих / *а*. один из самых драгоценных моих. *б*. один из наиболее [дорогих] уважаемых моих ◊

9 *После*: об одном — не ожидавшемся

10 говорить / сообщить

10 В этом самоубийстве / *а*. потому, что оно довольно любопытно и наталкивает на вопрос *б*. потому что [оно] [до сих пор меня мучает вопрос] тут даже и видимой «простоты» явления не встретите, напротив ◊

11 *Слов*: по свойству ∾ конечно — *нет*.

12–13 постарался ∾ успокоиться» / долго разгадывал и по свойству человеческой природы постарался на чем-нибудь остановиться, чтоб успокоиться ◊

16 русская / так что русская

---

[1] *Далее в рукописи следует текст, перенесенный позднее в начало (стр. 319—320, строки 33—36*: мне припомнился ∾ относится).

16 *После*: по крови — и по роду ◊
17 смутно / смутно об этом
20 написала / написала она
27 Предпринимаю длинное / Собираюсь предпринять [долгое] длинное ◊
27 Если / Если мне
29 схоронили меня / *а.* не похоронили *б.* не зарыли меня
31 *Слово*: *выйдет — зачеркнуто. После*: *выйдет!* — Эта молодая девица, написавшая такую записку в последнюю минуту своей жизни, была вторая дочь Герцена. Первая дочь его, Наталья [любимая дочь его], которую он обожал, сошла с ума еще при его жизни, и это было для него страшным ударом. Эту Наталью Герцен я встречал раза два-три, последний раз в 63-м году, на пароходе из Неаполя в Геную. Мне случилось с ней проговорить почти целый час, и она была очень грустна, хоть и разговорчива [Она], грустила об отце, о том, что в России все от него отвернулись, считают его изменником России (это был год польского восстания), она не вдавалась передо мною в защиту его, не объясняла его убеждений. Она, видимо, принадлежала к тем [существам] женщинам, которые живут сердцем, чувством, и не заботятся о том, чтоб хвалили их ум и развитие. Мне она всегда казалась чрезвычайно симпатичным существом, которое вряд ли совпадает с окружающей ее резкой и предвзятой обстановкой, в которой никак не мог воцариться порядок. Одним словом, жизнь всей этой *семьи* была странная и не по силам этой молодой душе, находившей отзыв себе лишь в сердце отца, ее обожавшего. Когда я [услы‹шал›] узнал об ее помешательстве, меня почему-то не удивило это [но эту] [тоже будто я].

Вторую же дочь Герцена, самоубийцу, я [запомнил] видел лишь однажды, и именно в [этом] это же путешествие и [потом] на другой день у них за обедом, в Генуе. Ей было тогда лет одиннадцать или двенадцать, но я резко ее запомнил. (Полагаю, что это была она, то есть самоубийца, потому что у Герцена, сколько запомню, было только две дочери и сын.) Это был [чрезвычайно] довольно грациозный ребенок, за столом она несколько конфузилась, помню, за ней очень ухаживали, после обеда она пошла и легла на кровать, под предлогом, что у ней разболелась голова, но, однако же, простилась со мной смеясь и пожелав еще раз непременно со мной увидеться. Когда я [прочел] узнал о ее самоубийстве и теперь прочел ее записку (такую шикарную записку) — странная мысль мне запала в голову. Мне вдруг показалось, что она должна была истребить себя именно из-за простоты и от прямолинейности [той] жизни, которую унаследовала в родительском доме.

Заметьте — это дочь Герцена, человека высокоталантливого, мыслителя и поэта. Правда, жизнь его была чрезвычайно беспорядочна, полна противуречивых и странных психологических явлений. Это был один из самых [замкнувшихся] резких русских раскольников западного толку, но зато из самых широких, и с [совершенно] некоторыми вполне уж русскими [иными] чертами характера. Право, не думаю, чтобы кто-нибудь из его европейских друзей, из тех, кто потоньше и поумнее, решился бы [назвать] признать его вполне своим европейцем, до того сохранял он всегда на себе чисто русский облик и следы русского духа, его — обожателя Европы. И вот [неужели] (думается и представляется невольно) [этакий] — неужели даже такой одаренный человек не мог передать от себя этой самоубийце ничего в ее душу [кроме холодного мрака] из своей страстной любви к жизни — к жизни, [которую], которою он так [страстно любил] дорожил и высоко ценил [кроме холодного отчаяния и скуки] и в которую так [широко] глубоко верил [жизни, которую он так любил]. Эта такая шикарная предсмертная записка от дочери такого человека необыкновенно примечательна. Убеждений своего покойного отца [и] его стремитель‹ной?› веры в них — у ней, конечно, не было и

быть не могло, иначе она не истребила бы себя. [(Немыслимо и представить даже себе, чтоб такой страстный [верователь] верующий как Герцен мог убить себя)]. С другой стороны, сомнения нет, она возросла [вне всякого вопроса о Боге] в полном [убеждении] матерья‹лизме?›, даже, может быть, вопрос о духовном начале души, о бессмертии духа и не пошевелился [в душе ее] в ее уме во всю жизнь. Но всё равно: дочь Герцена все-таки должна была, кажется, быть почти непременно существом [одухотворенным], имеющим хоть понятие о чем-нибудь высшем, чем бутылка Клико, — и вдруг такое предсмертное прощанье с жизнью.◊

33 но на что же / [на что же] (от [скуки] прямолинейности и меланхолии люди умирают не так). Но злоба на что же? ◊

33–37 *Текста*: Просто грубые натуры ∾ негодование?. . — *нет.*

37 на простоту / На пустоту ◊

37 *Над словами*: на простоту ∾ на бессодержательность — *наброски*: *1*. Заметим, что *2*. Следств‹енно›, у ней было не материали‹стическое› *3*. но грубая злоба

38 Это те ∾ судьи / Это как бы судьи ◊

39–40 на бестолковую / на насмешливую

41 Тут слышится душа именно / Слышится душа ◊

43 ей / ее душе ◊

Стр. 145—146.

44–2 И безобразнее ∾ и скуки» / *а*. Но что безобразнее всего — не вынесшей этой прямолинейности безо всяких вопросов, безо всяких сомнений; никогда сомнение и мучение от сомнения не посещало [может быть] отчетливо эту молодую душу. В прямолинейности сообщенных ей невольно взглядов она и не сомневалась, но прямолинейность-то эта, эта-то замкнутость духовная ее убивала. *б*. Но если так, то эта самоубийца-мыслитель. Ужаснее и безобразнее всего то, что она, конечно, умерла безо всяких сознательных вопросов, безо всяких сомнений; вероятнее всего, что умерла от холодного мрака и скуки, вот и всё. В прямолинейности всего представлявшегося ей была, конечно, совершенно убеждена, а перенесть ее не могла бессознательно [1] как в нечто данное, в отцовском доме найденное. И вот что для отца было жизнью и источником [жизни] мысли и сознания, для дочери обратилось в смерть.◊

Стр. 146.

2 *Слов*: с страданием ∾ безотчетным — *нет.*

3 просто стало / *а*. Было *б*. Стало ◊

3 *После*: душно — и глупо ◊

3 *После*: недостало — И рядом с этим неуважение к жизни (Клико) — последняя мнительная, болезненная забота о том, чтоб ее не похоронили мертвую.[2] [В то же время] А между тем она, взросшая в полном материализме, она пишет: «Je m'en vais entreprendre un long voyage» ‹предпринимаю долгое путешествие (*франц.*)› — фраза, написанная, конечно, бессознательно и именно показывающая, что она и не задумывалась о [буду‹щей›] вечной жизни (если б задумалась и в чем-нибудь сомневалась, то не написала бы ее). А между тем эта фраза написалась. Таким образом, это одно могло бы свидетельствовать о грубости натуры самоубийцы, о том, что в ней не таилось мыслителя. Но грубые натуры истребляют себя самоубийством лишь от материальной, внешней данной причины, а по записке видно, что у ней не [могло быть] было такой причины. Что ж это такое? Одним словом, холод и мрак окружающего, тягость [прямолинейность],

---

[1] *Далее в рукописи пропуск.*
[2] *Так в рукописи, вместо*: живую

ничтожность переданного душе ее мира, невозможность что-нибудь в нем уважать. Существо, замученное бессознательно слишком уже упрощенным взглядом на жизнь и бытие, переданным ей с пеленок

4–5 Душа не вынесла ∾ сложного. . . / Душа не вынесла такой материальности[1] и потребовала чего-нибудь [посложнее] более сложного. [Противная упрощенность, противная простота.] Не сознательно потребовала, а стало просто противно и тошно (сознание мучения облегчает мучение), а просто стало противно и тошно. Оттого и такая записка.◊

8 выбросилась / Выскочила ◊

9 *Слова*: молодая — *нет*.

11 *После*: *держа* — свой

12–13 Этот образ ∾ черта! / *Начато*: Эта странная черта, этот об‹раз›

13 Это уж / Тут ◊

14 ропота / и ропота ◊

14–15 *После*: попрека — кому-нибудь ◊

15 *После*: нельзя жить — оттого и умерла с образом в руках

16 *После*: умерла — *начато*: *а*. Я было и *б*. Вот это убийст‹во›

16 *Слова*: помолившись — *нет*.

16–18 как они ∾ виноваты / как-то думается, как они с виду *ни просты*. И долго не перестается думать.◊

18–19 невольно мучает мысль / Мучает вашу мысль [А между тем подумайте и вы найдете] своей трогательной беззащитностью.◊

19 Вот эта-то смерть / *а*. Вот это-то самоубийство *б*. Вот эта-то смерть швеи ◊

20 еще летом / летом ◊

20 эмигранта / Герцена ◊

20–22 Но какие ∾ смерти! / *а*. Какие два разные создания, какие две разные смерти? Точно обе с двух разных планет. Какая разность. *б*. Неправда ли, какие две разные смерти, какие, однако же, два разные создания.◊

22 из этих душ / из них ◊

23 *После*: на земле — Да правда, что действительность глубже всякого человеческого воображения, всякой фантазии. И несмотря на видимую простоту явлений — страшная загадка. Не от того ли загадка, что в действительности ничего не кончено, равно как нельзя приискать и начала, — всё течет и всё *есть*, но ничего не ухватишь. А что ухватишь, что осмыслишь, что отметишь словом — то уже тотчас же стало ложью. «Мысль изреченная есть ложь».

Стр. 146—148.

25–9 *Текста*: IV. Приговор ∾ виноватого». N. N. — *нет*.

Стр. 148.

12 *Заголовка*: Новый фазис Восточного вопроса — *нет*.

15 так как / потому что ◊

16 Суворов / он ◊

16–17 Не виноват он был / Он не виноват был ◊

19 хотим только / только хотим ◊

21–22 *Слов*: военные действия — *нет*.

22 *После*: что он — *начато*: *а*. виноватый *б*. они [скажут] именно говорят

23 что повел / что сам повел ◊

24 будущие полководцы / *а*. *Как в тексте*. *б*. критики

24 полководцы наши / полководцы, критикующие всё ◊

25 *После*: пока еще — *а*. пороху не нюхали *б*. *Начато*: Это военны‹е›

25 *После*: не бывали — и стало быть, критикуют только в теории.

27 *После*: до политиков, то — какой же великий человек велик в гла-

---

[1] *К словам*: такой материальности — *вариант*: простоты◊

зах своего лакея? А у Черняева в Петербурге из тех, которые вострят на него свои копыты, бывали и лакеи.

30–31 из ямы / из той ямы ◊

32 *После*: интрига — и которая была пострашнее суворовской, [ту яму и готовили с тем, чтоб засыпать в ней Черняева [Интрига эта была слишком сильна] навеки. Но Черняев народный герой]

31–33 а из ямы ∾ народ русский / из той ямы вам кажется, уж он более и не выйдет

33 Вы забыли, господа, что Черняев / *а.* Но Черняев народный герой, и народ не даст вам похоронить его в вашей яме. *б.* Вы торжествуете, но напрасно: Черняев народный герой, и не вам его, господа, хоронить в вашей яме. Черняева вытащит весь русский народ. ◊

36 царя / русского царя ◊

37 России / славянства ◊

40–41 ведь не всё ли равно / это ведь всё равно ◊

42 *После*: обожателей — Обожателей — иначе и назвать нельзя. Это какая-то влюбленность в эту неблагородную, злокозненную, жидовскую ерунду со всей Европы, перед которой хотят принизить и обезличить Россию: «Только бы, видите ли, Россия не [молчала] [не пикнула] осмелилась как-нибудь пикнуть, только бы не осмелилась сказать самостоятельного слова, вместо того, чтобы ползти уценивать захват Европы» — вот желания, вот [расчеты, вот] взгляд на Россию и ее будущее! ◊

44 европейская пресса / дипломаты и ломаться над нами ◊

45 почти еще за день до ультиматума / очень еще недавно ◊

46 объявить / говор‹ить›

Стр. 149.

1–2 нам англичане ∾ что их / Англия, которая про себя даже, может быть, дивится, что ее ◊

5–6 нам знать ∾ не хочет / нам их мнение и [их слово] стоит ли даже знать нам, чего она там у себя хочет или не хочет ◊

8 *После*: были бы — более ◊

8 *После*: безвреднее — а она столь сильна [внутр‹енним›] духом, как теперь.

8–9 Но пусть, пусть опять воцарится / *а.* Но пусть хоть *б.* Но пусть тут опять царит

9–10 *После*: любителей — пусть ◊

10–12 Но Болгария ∾ ни минуты. / Опять вытащут на сцену аглицкий «minimum», но Болгария, Болгария. Это ведь не болтовня дипломатическая. Это ведь дело насущное, которое не ждет ни минуты.

12 с ними / с нею ◊

12–13 *Слов*: может быть — *нет.*

13 болгарская / ее ◊

15 *Слова*: «знать — *нет.*

16 коли режем / перережем ◊

17 мы в таком случае / *Начато*: тогда

18–19 *К слову*: отопрется — *вариант*: отречется ◊

21 *После*: комиссию — *а.* сделает распоряжение, одним словом, всё сделает, чтоб успокоить Россию *б.* сделает быстрые распоряжения

22 *Слов*: и как придирается ко мне — *нет.*

23 да резать / и резать, несмотря на комиссию ◊

23–24 европейская пресса / Европа ◊

25–30 скажет ∾ еще год / Скажут, пожалуй, что Россия придирается нарочно, интригует против конференции, хочет войны и. . . и очень может быть, что всё кончится миром на английском «minimum‹e›», только очень, очень дорогим миром, миром [вооруженным] усиленно вооруженным, хотя бы только для нас одних (я уж не про болгар говорю, тех, может быть, уже всех перережут), миром с беспокой-

ством, с волнением всей страны, с мрачными ожиданиями, и это, пожалуй, на целый год! ◊

30 Целый год опять неизвестности! . . / Целый год — ух!

30 Ну, а через / А через ◊

31 *После*: конечно — *начато*: опять непременно

31 *Слов*: после такого мира — *нет*.

31–33 Надо славянам ∾ конец. / Дай бог мира, до истока! Нет, теперь [потому что] никакой мир на английских основаниях ничего не означает‹?› [Тут] Не мир теперь нужен вовсе даже, а конец. ◊

34 раздались-таки / таки [уже] раздались у нас ◊

35 усилится / *а*. окрепнет *б*. вырастет

37 движения / народного движения ◊

38 отвечая ∾ против / отвечая «Биржевым ведомостям», нападавшим на

39 те / они

40–41 но — вряд ли ∾ люди / Но — это вряд ли будет [и «Петербургская газета» может быть]: есть очень много людей ◊

42 те самые / те ◊

45 *Слов*: по преимуществу — *нет*.

46–47 генерал-лейтенант ∾ в приключения / генерал-лейтенант, чем бы служить в Петербурге, а он как какой-нибудь кондотьер, или, так сказать, мальчишка, полетел в приключение ◊

Стр. 149—150.

46-8 *Рядом с текстом*: дескать, генерал-лейтенант ∾ слов — *на полях набросок*: прекрасно ответило прямыми, смелыми, откровенными словами, не боясь наивности и идеализма слов

Стр. 150.

1 люди высшей / люди иной, высшей ◊

7 прямо и уже откровенными / прямыми и откровенными ◊

8 *Слов*: чего так все стыдятся — *нет*.

9 случилось написать в «Дневнике» / случилось написать несколько слов ◊

12–15 а в искренней ∾ славянского мира / а в высоком им покровительстве, в братском единении с ними и в сообщении им своего высокого духа и великой любви, живущей в сердце народа русского

18 в этом году / этого года ◊

21 *После*: *за правое дело* — по жажде пожертвовать, а не выгоду получить. В том и выгода, что знамя великой идеи — радость за такой народ и царя — это высший порядок, а не беспорядок. Тем-то и гениален Черняев, что он понял. А что касается до стратегических талантов, то раскрой‹те› историю Петрова ‹?›. Все эти славяне требуют руки России. *Далее следуют наброски*: *1*. Но сами-то что, лучшие люди. *2*. «Москов‹ские› ведом‹ости›» как политическая бесспорно первая наша газета [и лучшая], почти без сравнения с другими. *3*. Черн‹яев›

22-23 и уже ничем не поколебимых / *а*. и непоколебимых ничем *б*. и ничем ◊

24 правды / истины ◊

24 *Слов*: и знающий, где она — *нет*.

25 высоких / высших ◊

28 оно радуется / радуется ◊

28 про то знает / знает это ◊

28 не было / нет никакого ◊

30 *Цифры*: II *и заголовка*: Черняев — *нет*.

31-40 *Рядом с текстом*: Черняева даже ∾ несвоевременно. — *на полях наброски*: *1*. Тем-то и гениален план Черняева, что он стал предводителем. Поставил знамя. Не для выгоды поехал. Если б для выгоды, то давно бы уехал. Из критиков его ни один бы не выдер-

жал того, что он вынес. А стратегическая история 2. Кончить: лучшие люди

31 *После*: теперь уже — после видимого неуспеха

32 *После*: лишь — честным

32–33 Но одно уже то ∾ движения / *а*. Но стать во главе движения всей Европы *б*. Но возможность стать в славянском деле во главе движения всей Европы

34 было / есть

34 *После*: прозрением — еще в мыслях ◊

34–35 достигать ∾ силам / *а*. и достигают таких задач лишь гениальные силы *б*. и достижение таких задач дается лишь гениальным силам ◊

38 и беда / и была беда ◊

39 в том / в том даже ◊

40 *После*: несвоевременно — *а*. Но [это] вопросы эти принадлежат истории, потом лишь решится, было ли это своевременно. *б*. Но вопрос о своевременности принадлежит истории и лишь потом решится, было ли это своевременно. ◊

41 не поднята / не разрешена

41 и, право, не знаю / и не знаю, многие [люди] ли

42 *После*: своевременности — *начато*: Впрочем, вопрос — *далее знаки переноса сюда предыдущей фразы* (*см. выше*, *вариант б. к строке 40*).

45–46 *Фразы*: Решиться на это ∾ силы. — *нет*.

Стр. 151.

4 грозящих уже / грозящих ◊

5 *Слова*: немедленно — *нет*.

6–7 с одними сербами и без помощи русских / без помощи России ◊

8 уж достаточно / много ◊

9 чтоб сомневаться в этом / *а*. *Как в тексте*. *б*. *Начато*: чтоб усумниться в том *в*. чтоб сомневаться, что он это предвидел ◊

9–12 *Фразы*: Но оставить дело ∾ земель. — *нет*.

12–13 Надежда же его ∾ во всяком случае / *а*. *Начато*: А что он надеялся на *б*. Надежда же его на Россию ◊

13 произнесла / сказала ◊

14 *Слов*: великое решающее — *нет*.

14 *После*: слово — в ультиматуме туркам ◊

16–25 О, многие на месте ∾ идее русской. / *а*. Но пред очами Черняева стояла и другая цель, и другая удача — Дело Славянства и фазис, в который вступило оно. Его нельзя было покидать, и Черняев [пожер‹твовал›] предпочел пожертвовать всем — и судьбою, и славой своей, и карьерой, но не оставил [начатого дела]. Он понимал, что начал великое дело и что не может уже бросить его. Честолюбец просто бы уехал, а Черняев остался. Остался для великого дела и для чести и *выгоды* России, которую представлял собою в Сербии. Не говорю уже *б*. О, многие на месте Черняева не захотели бы ждать [тут] так долго, вот именно честолюбцы и мелкие карьеристы. Я уверен, что многие не выдержали бы до конца. Но Черняев великодушен и служит делу, а не одному честолюбию [Он], а потому не мог покинуть [дела] начатого дела, и Черняев предпочел лучше пожертвовать всем — и судьбою, и славой своей, и карьерой, но не оставил дела. Он понимал, что начал великое дело, и остался для чести и выгоды России, ибо дело славянское есть дело русское, в котором нечего делать Европе и должно быть решено *окончательно лишь Россией* и по идее русской. ◊ *Рядом наброски*: *1*. Для возвеличения России. *2*. *Начато*: И гибнут наши именно

25 Остался он / Остался ◊

26 *После*: стеклись к нему — *начато*: к одному ему, предво‹дителю›

27 представителю / предводителю ◊

27 покинуть / оставить ◊

27-28 и уж ∽ великодушие / Во всем этом [видно] много великодушия и высокий подъем духа. ◊
28 Сколько опять-таки / Потому что сколько опять-таки, сколько ◊
29-30 и идею, и Россию, и добровольцев / *а. Начато*: предвидя, наконец, ‹*нрзб.*› также неуспех дела *б.* если б убедились наконец в неуспехе дела, и бросили бы всех добровольцев ◊
30 надо же / надо ◊
32 Критикуют / Эти критики критикуют
33 эти военные / они ◊
34 *После*: всё же — сделать
35 не смог бы ∽ никто / не сделал бы никто, может быть ◊
36-39 Эти «невозможные обстоятельства» ∽ точки зрения. / *а.* Действия его тоже принадлежат истории, равно как обстоятельства. Не мне рассматривать теперь эти обстоятельства, но главные черты их столь характерны, что их каждый должен запомнить. *б.* Но [опять-таки] его действия тоже принадлежат истории, равно как обстоятельства, и теперь их нельзя [разорвать] разобрать даже и с одной стратегической точки удовлетворительно. Что же до «невозможных обстоятельств» ‹*не закончено*› но главные черты их характерны весьма. ◊
39-42 Если только правда ∽ подозрительному им / *а.* Уже одно то, что интеллигенция страны, предводители их, правители и министры Сербии, в ненависти своей к ненавистному *б.* Если только правда, что интрига эта дошла до того, что высшие чиновники страны, верхние люди Сербии в подозрительной ненависти своей к подозрительному ◊
44 последних и решающих / великих
45-47 то возможна ли ∽ пункта / то как же возможна тут правильная критика военных действий ◊
47-48 Все эти интриги ∽ беспримерны / Это тупое, мелочное раздражение даже беспримерно ◊
48 подозрительный / ненавистный ◊

Стр. 152.

1-2 из досады и ненависти / из досады на него ◊
3 только чтоб ∽ человека / только бы ему нагадить ◊
4-6 Про несомненно ∽ и шла / Интрига против Черняева шла ◊
7 *Слова*: Черняева — *нет.*
7 Интриге этой / Интриге ◊
8 *После*: англичане — и венгры
8 эти уж / уж ◊
10-11 всё же главная / главная ◊
13-15 говорить ∽ и лишит / упоминать и прежде: что он русский и «что Сербия если освободится при его содействии [освобождает], то освободит себя лишь для России и что Россия захватит их и лишит их ◊
17 они / они уже ◊
17-18 *Слова*: приезда — *нет.*
18-19 именно мечтая ∽ султана / *а.* мечтая, что одолеют султана, и главное, что станут во главе славянского движения, а, одолев султана *б.* именно мечтая о том, что станут во главе славянского движения, а одолев султана ◊
20 *После*: сербское — и славное ◊
21-22 *Фразы*: Большая и властная ∽ и мечтала. — *нет.*
22 *После*: это были — младенческие
22-23 мечтатели ∽ детей / мечтательные дети семи лет ◊
25-26 должны были испугать *партию* / испугали их ◊
27-28 после недавних военных несчастий / после неудач и несчастия ◊
28 *Слово*: усиленные — *зачеркнуто.*
28-30 Все эти мечтатели ∽ бранить русских / *а. Начато*: Интеллиген-

ция *б*. *Начато*: Что *в*. Вся интеллигенция сербская очень может будет про себя, а может, и вслух бранить русских ◊

30 утверждать / говорить

30 через / из-за ◊

31 *После*: реакция — всему этому настроению ◊

32 *Слова*: теперь — *нет*.

32–33 *После*: патриоты — Есть же несогласные и теперь, там тоже есть высокого ума и характера люди. ◊

33 Они / Сербы

34–35 Великий дух русский оставит / Дух русский выше сербского, он оставит

38 *После*: убитых за них — *начато*: шел, чтоб биться

40 *После*: разъединять — покамест ◊

41 верхняя / высшая, интеллигенция и (которая завтра же сама скажет свой взгляд) ◊

41 горячая и неопытная / *а*. младенческая, сбивчивая *б*. и горячая и неопытная ◊

42 *Слов*: но зато ∾ о будущем — *нет*.

42–43 и уже / но уже ◊

43–46 которые доходят ∾ наций / с мнительностью и ненавистью, с мечтами [о великой будущности], для которых жертвует всем насущным ◊

46–48 Но рядом ∾ есть Сербия / Но есть и другая Сербия, Сербия ◊

Стр. 153.

1 братьями / братьями своими ◊

1–2 и верящая им / и почитающая их ◊

4 ее / их ◊

5–19 *Текста*: «Мы уверены ∾ по крови и вере». — *нет*.

20–26 В заключение скажу ∾ не сравнится. / *Начато*: скажу в заключение: если б знали наши петербургские и все прочие нападчики на Черняева, до какой степени невозможно уж теперь сделать так

21 *Слов*: кроме всех *беспокойств* (?) — *нет*.

22 десятки / много

23 однако / впрочем

23–24 (что, конечно, тоже и хорошо) / (что и слава богу) ◊

24–25 определились / твердо определились ◊

25 *После*: *лучшие люди* — что народ наш прямо заявил, кого он несомненно и твердо считает за своих *лучших людей* ◊

25 есть такой / такой ◊

29–30 и европейское человечество / и судьба человечества *Далее наброски к последующему тексту*: *1*. Лучшие люди — эта тема стоит того, чтоб сказать об ней хоть несколько слов *2*. В это время белорус уже поверил, что пан лучше его и кровью выше, а он хам. И пан тому поверил. У нас еще до того не доходили. Церковь-то была <?> одинакова.

31 *Заголовка*: Лучшие люди — *нет*.

35 равенстве прав / *а*. равенстве прав его *б*. равенстве в правах его ◊

39–41 по некоторому ∾ в самом деле / *а*. по некоторому [давлению извне] принуждению и считают их «лучшими» условно *б*. по некоторому, так сказать [даже], принуждению [то есть по закону], и если и считают их людьми «лучшими», то уж несколько условно, а не то чтобы в самом деле вполне «условно» ◊

42 «условного» / второго

43–44 высших целей ∾ управления / единого порядка и точности

44–46 роптать нельзя ∾ так что никакое / роптать очень нельзя. Происходят [они по законам] эти «лучшие» по закону историческому и существовали доселе во всех государствах с начала мира [и], так что никакое ◊

48 *После*: насилия — *начато*: Нации не могут

Стр. 154.

3 чтобы каждому как он хочет про себя / чтобы каждый про себя ◊

5–11 все или величайшее большинство ∾ покровительством / *а.* все преклоняются нравственно — отчасти неуловимы, трудно определимы, идеальны, а снаружи иногда даже имеют несколько неприличный вид, то и указываются лучшие люди условно *б.* все или [огр‹омное›] большинство преклоняются нравственно и уже несомненно — отчасти неуловимы, ибо идеальны, трудно определимы, а снаружи так иногда даже имеют несколько неприличный вид, отличаются странностью и своеобразностью, то взамен их и устанавливаются, так сказать, как бы касты «лучших людей» условно ◊

12 эти / они

14 и тоже / а напротив ◊

15 но и / но даже и ◊

17 священство (но лишь высшее) / *Начато*: высшее

18 последних / этих

18–19 *После*: немного — *вписано и зачеркнуто*: Разумеется, появлялись и из народа, то есть именно безусловные, из первого разряда, вот из тех самых, которые на взгляд бывают иногда неприличными. Но историческими обстоятельствами во время больших переворотов и потрясений политических вдруг выдвигались некоторые из них на первый план и совершали великие или весьма заметные дела. Таковых естественно [причисляли] переводили иногда в касту [лучших людей] людей уже официальных и [так сказать] признанных и, так сказать, государственных. Случалось же это уже всего реже.

19 и везде / и везде почти ◊

26–27 действительно по долгу чести / из чести

28 *После*: конечно — такая честь

28 *После*: лучше — и благороднее ◊

28 *После*: лучше, чем — [иное] самое широкое иное ◊

31 у нас весьма долго / *а.* у нас до самого Петра Великого *б.* весьма долго. ◊

34 безусловными / натуральными ◊

34–35 *После*: народными — и безусловными ◊

35–36 Ну, конечно ∾ по крайней мере / *а.* По крайней мере *б.* Ну, конечно, не во всем и слишком даже, но по крайней мере ◊

36–37 было тогда / было ◊

37 *После*: сближения — особенно в идеалах ◊

38–39 *Слов*: в то же самое время — *нет.*

41 Но вдруг / Когда вдруг

42 радикальная / весьма радикальная ◊

43 рассортированы были / рассортировались ◊

44 *Слов*: один другого выше ∾ лестницы — *нет.*

46 *После*: именами — [коллежских] статских.

46–47 в дальнейшем развитии своем / *Начато*: впоследствии

Стр. 155.

3 потому что / потому что все-таки ◊

6 привнес / *а.* много оживил силы *б.* придал *в.* внес

7 *После*: плодотворного — начала ◊

7–8 ибо явились / явились ◊

9 по тогдашнему времени / в высших классах людей ◊

9–12 хотя в то же время ∾ дворян / а вместе с тем и чрезвычайно способные преображаться, разумеется, поколениями [так сказать, в чистокровных дворян. Одним словом, дворянство продолжало стоять во главе общества], весьма ловко и успешно само усвоив себе чрезвычайно много весьма прекрасных новых правил, например хоть какое-нибудь обязательное для себя образование, которое впоследствии [а в последнее] даже обратилось [так сказать] в государственный закон. Таким образом дворянство оказалось еще кроме всяких других

своих отличий и [единственно] по преимуществу образованным в России сословием, хранителем и носителем русской науки и просвещения. Но в этот период, и особенно в конце времени, оно очень уже отдалилось от народа в своих идеалах «лучшего человека», так что над иными народными представлениями «лучшего» почти вслух смеялось. Даже были попытки установить смех как бы обязательный, но попытки, однако, не состоялись, ибо произошел вдруг один из самых колоссальных переворотов, который когда-либо изживала Россия. ◊

10 чрезвычайно / весьма ◊

14 пробились / проходили ◊

14 в разряд / в число

14 *После*: людей» — хотя и имели полную к тому возможность, то есть купцы, например ◊

14–15 *Слов*: и дворянство ∾ нации — *нет.*

16 как деньги / как, например, деньги ◊

17–18 *Слов:* уже от искреннего сердца — *нет.*

19 *Слов*: в людях и — *нет.*

19 *После*: в России — так что лучшие люди уже повсеместно были

21 за великую / за величайшую ◊

22–24 Еще недавно ∾ про одну / *а.* Рассказывали и называли, например, одну *б.* Еще недавно читал я, например, в одних мемуарах про одну ◊

24 из верхнеклассного круга / (и не бог знает как важную) ◊

27 *После*: назад — Одним словом, *дворянство* продолжало стоять в главе общества [1] ◊

27–42 *Текста*: Впрочем, надо сказать ∾ вслух смеялось. — *нет.*

42–45 Но вдруг произошел ∾ во всем. / [Но вот] Вдруг уничтожилось крепостное состояние и — [как вдруг] нравственно как бы произошла революция [В сущности], то есть на взгляд, кроме крепостных отношений, ничего как бы и не изменилось. ◊

45 *Слова*: Правда — *нет.*

46 *После*: как были — а дворянство сохранило все свои слова

48 *Слов*: в чем-то — *нет.*

Стр. 156.

1 изменились частию и не к лучшему / не [к лучш‹ему›] [очень] к лучшему

2 до крайности уже / до крайности ◊

3–5 тем не менее ∾ серьезный вопрос / [тем не менее] одним словом, прежний взгляд решительно изменился, и уже очень у многих начинался в сознании чрезвычайно серьезный и глубокий вопрос ◊

6 *Слов*: где взять — *нет.*

6–7 кто возьмет ∾ основаниях / и главнейшее, кто провозгласит их лучшими, кто назовет их такими, кто поверит в них [Вера в них], когда нравственный ореол несколько пошатнется, кто даст им определение, форму и привилегии, кто послушается верить в них. ◊

7–10 *Текста*: И надобно ль ∾ воздвигнуть»? — *нет.*

10–11 Право ∾ у многих. . . / Повторяю, вопрос [был] очень серьезен, еще слишком недавно стоял он перед нами почти что неразрешенным. Известно, что лучшими людьми во время общественных шатаний и колебаний остаются по преимуществу сильные [люди] и влиятельные на общество люди.[2] *Далее по всему листу наброски к последующему тексту*: *1.* Но не в том был вопрос, ибо сила не всегда значит доблесть. Надо настоящих, но их уже совершенно негде было сыскать. Просвещенный человек не всегда человек хороший, а надо было именно разряд людей доблести и чести, таких, в каких бы все верили. *2.* Правда, в эту смутную минуту многих утешало хоть то, что раз-

---

[1] *Далее помета Достоевского*: Смотри выше.

[2] *В рукописи ошибочно:* людьми.

рушилась кастовая форма лучших людей, так что волей-неволей из условных лучшие люди преобразуются в натуральных, или обратно: натуральные займут по праву места прежних условных. И действительно, радоваться было чему [порадоваться]. Но где же и натуральные-то? Вот стал вопрос. По крайней мере, во всем верхнем слое явилось странное на этот счет недоумение. Иные кричали: Где же натуральные и кто именно теперь эти натуральные. Легкомысленные люди гордились легкомысл<ием>, провозглашая с унынием, что утрачен идеал. *3.* От прежних лучших людей отторгнулись с крепостным правом. Покровительство авторитета, просвещенный наукой человек. Уничтожалось их официальное государственное покровительство (в смысле класса). Они предоставлены были самим себе продолжать быть лучшими. Остались они те же, но только сами по себе. Н<а>прим<ер>, дворянство было хранителем просвещения, хранителем чести, чин давался. Чином как бы официально укреплялась зато доблесть. *4.* Станет он образовываться, когда у него миллион! *5.* Стала непрельстительная формула *6.* Будут идеалы *7.* Не надо быть пророком *8.* Двор<янство> может многое сделать. *9.* Но в настоящую минуту рады, что каста <?> *10.* Купец, спекулянт, биржевой человек, все по-братски. Адвокат примазал<ся>. Он защищает начала <?> Штрусберг не прорвался бы в народ. Все ждали разврата. Мелкий жид. Но всё крепостничество. *11.* Главное, ослабели в государстве (NB. Справиться с *отметками*) — в прежнем значении — так что осталось прибегнуть к лучшим людям натуральным. Люди образованные. Но не всегда свет — надо было [слишком] сначала [Если уж о] даже *идеал* составить. Иные из кожи лезли, что он есть, и составлен, и дан. Другие [вовсе] совершенно отрицали это. Явилась идея обратиться к народным (тут юродивые). Но в народе забываться стал. Иные насмешке подвержены. *12.* Было одно *демократическое* воззрение, что народ даже и не *может быть* компетентным в составлении сего идеала, что его нужно прежде обучить грамоте, образить, развести школы и проч. и проч. *13.* Наконец стала грозить даже беда, в лучшие люди стали грозиться самые последние. *14.* Мешок. *15.* Известны сильные. *16.* Пот<ом> мешок *17.* [Прорвались] *18.* Портрет адвоката, купца, Штрусберга. Прорвался в народ. Критика народа. *19.* И вот вдруг нынеш<нее> лето. *20.* Нынешнее лето как нарочно. Христианская и жидовская. *21.* Штрусберг [и народ]. *22.* Школы. Но школы при таком сердце. *23.* Над ним смеялись. Юродивый. Марк богатый. Пострадать. *24.* Мешок — значенье. Богатых купцов было много и прежде, но *25.* Худшая каста. Могут указать на несколько исключений, но ведь этих исключений всегда два и три. Против этих опасений заспорят. Но ведь фактически преклонение перед мешком было *почти беспрекословное*, а от факта недалеко и до убеждения. *26.* Попевшим мешку в тон и унисон. К прежним условиям. *27.* Нечего уж и говорить, что оно было тоже [уже] и единственным хранителем и носителем правил чести. Но уже совершенно по-европейскому шаблону [причем], так что буква и форма правил совершенно осилили под конец искренность содержания [поставл<ено>] [ставилось выше духа, так что]: чести было много, а честных людей [было] стало под конец уже не так много, и в результате [стало выходить] выходило, что честь <*не закончено*> *28.* В четырнадцать разрядов, уж конечно, мало кто верил.

12 *После*: IV — *вписано*: Вообще говоря, паденье крепостного права повело за собой чрезвычайно много вещей, даже, может быть, и не ожидавшихся вначале.◊

12 *Заголовка*: О том же — *нет*.

15 *После*: официальность — кастовое, так сказать значение. [Всё осталось по-прежнему. Но если «лучший человек» утратил свою привилегию на «лучшего человека», то ведь ему вполне предоставилось продолжать быть лучшим сколько ему угодно, но лишь *самому*

по себе. Так что если б дворянин, хотя бы даже и в сословном значении, захотел бы ‹по›-прежнему продолжать быть хранителем образования и чести, но как уже обязательного долга для всякого из членов сословия, то, в сущности, ничего бы не могло быть лучше] ◊

15–20 на первый случай ∾ в натуральные / в эту самую минуту на первый случай утешило хоть то соображение, что [разру‹шилось›] прежнее если и не разрушилось [еще] совсем, то уже [как бы] подалась и раздвинулась кастовая форма лучших людей, так что всякий из них [если хочет занимать] если б захотел бы удержать за собой прежнее [место] значение, то волей-неволей из условных «лучших людей» должен был перейти [так сказать] в натуральные. ◊

20–22 Являлась ∾ мало-помалу / *а*. Мало того, явилась надежда, что натуральные-то и займут мало-помалу все места. *б*. Таким образом явилась даже надежда, что натуральные-то и займут мало-помалу и по праву ◊

23 совершится / сделается

23 *После*: загадкою — *а*. *Начато*: и всякий *б*. Не всякий [впрочем] понимал, что главный решитель дела есть время и опыт.

23–25 Для многих ∾ никакой загадки. / Но для многих и весьма почтенных даже людей, горячих и либеральных, тут даже не было никакой и загадки. ◊

25 У них / *а*. У многих *б*. У иных ◊

25–26 *После*: по писаному — и главное, они об этом даже и не рассуждали

26 а иные / Иные из них ◊

26 всё достигнуто / всего и достигли ◊

27–29 и не стал еще ∾ и станет / и не стал еще сегодня на первое место, то завтра [утр‹ом›], только лишь чуть-чуть рассветет, непременно станет ◊

29–30 Между тем ∾ тему / *а*. А тут вдруг сбоку задают вопрос тревожные скептики *б*. Другие же, более задумыв‹ающиеся› люди между тем сбоку задают вопрос ◊

31 *После*: кто-нибудь — кто теперь натуральные

31 *После*: называются — и где сидят?

32 *После*: окончательно — В старую честь никто [уж] не верит [в доблести не понимают тоже ни аза, всё стало спорно], всё шатко [всё подверглось анализу и анализа не выдержало]. По крайней мере, согласия [никакого] очень мало. . . ◊

33 *После*: человек» — кто он, перед чем и перед кем преклоняться мне духовно

34 *После*: подражать?» — *начато*: На это люди

35–38 в этих выражениях ∾ другой форме / *а*. в этих формах и в этих вопросах, но, подумав немного, мы согласимся, что всякий, или очень многие из нас, в эти два последние десятилетия выжил несколько *б*. в этих формах и в этих вопросах — но всё это волнение [изживалось] изжилось, однако, несомненно в той или другой форме обществом [в форме ли вопросов? В форме ли восторгов и [новых] надежд, или безотчетного уныния, или, наконец, даже как-нибудь бессознательно]◊

38–40 Люди пламенные ∾ новый и «лучший» / *а*. Люди пламенные кричали скептикам, что новый идеал есть, дан, найден и не подвержен никакому сомнению и что в этом случае все скептики — ретрограды. [Из] Были люди даже верившие и утверждавшие, что новый лучший человек вполне определен в [виде героев] первой [книжке] попавшейся книжке толстых журналов, в тамошних теперешних повестях и романах. Решили наконец, что новый чел[овек] лучший *б*. Люди пламенные и восторженные решили наконец, что новый лучший ◊

41–42 *После*: *предрассудков* — и что задумываться тут вовсе не над чем. ◊

42 быть принято очень многими / быть всеми принято ◊

44 наука еще / наука ◊

45 *После*: доблести — Одним словом, требовалось определить еще сначала, что такое доблесть.

Стр. 156—157.

[45-2] В эту минуту ∾ предложить / *а.* В эту минуту иные провозгласили было *б.* Иные пробовали предложить [1]

Стр. 157.

[1] *Слова*: дескать — *нет.*
[2] слово / имя
[3] ужасно многим ∾ ненавистно /*а.* было ужасно как многим ненавистно *б.* страшно многим противно и ненавистно ◊
[4] притом же / Притом ◊
[5] с своей / с особенно ◊
[5-6] искать ∾ сомнительно / брать с него пример было сомнительно ◊
[8-9] о кулаках ∾ помещиков / о кулаке и мироеде ◊
[10] даже писатели / писатели ◊
[11] сам / и сам ◊
[13] совершенно / совершенно уже ◊
[13] *После*: воззрение — именно
[13-14] *После*: народ наш — *начато*: в теперешнее
[14] в создании / в составлении ◊
[15] *После*: человека — *начато*: что он, в грубости своей, не имеет
[15-16] *Слов*: да и не то что ∾ не в силах — *нет.*
[16-17] нужно самого обучить сперва / нужно [прежде] самого еще обучить прежде ◊
[21] находила новая гроза / грозила новая беда ◊
[23] почти вдруг получила у нас / вдруг получила ◊
[24] *После*: значение — в течение всего этого [прежн‹его›] последнего нашего периода ◊
[24-25] он всегда ∾ купца-миллионера / и всегда, в виде прежнего купца нашего ◊
[26-27] возносился ∾ в последнее на таком месте и в таком значении, как в теперешнее ◊
[28-29] *Слов*: и капитал — *нет.*
[29] *Слов*: говоря сравнительно — *нет.*
[29] довольно невысокое место / решительно приниженное место ◊
[30] *Слов*: в общественной иерархии — *нет.*
[31] большего / высшего ◊
[33-34] было очень многих не хуже / было никого не хуже ◊
[34] *Слов*: если ∾ сравнительно — *нет.*
[35] вполне совпадало / совпадает ◊
[38] Прежние купцы-миллионеры / Прежний купец-миллионер
[38] *После*: разделялись — впрочем
[39-40] *Слов*: несмотря на свой миллион — *нет.*
[41] жили / жить ◊
[41-42] и нравственно и физически / и на тех, которые давно уже сбрили бороду, добились орденов
[44] они уже ∾ разрывали / они уже совершенно разорвали ◊
[45] менее сходящееся нравственно / менее сходившееся ◊
[46-47] везли ∾ Казань / везли в Казань
[47] вышвыривал / выбрасывал ◊

Стр. 158.

[1] нравственной разорванности / разорванности ◊
[2-3] полная потеря ∾ смысла и духа / [уничтожение] всякого родства с ним, самого малейшего понимания его духа ◊
[3] *После*: духа — *начато*: На фабриках этаких господ народ
[6] дочерей / дочек ◊
[7] языках / языке ◊
[7] *Слов*: с фортепианами — *нет.*

---

[1] *К слову*: предложить — *вариант*: провозгласить ◊

7–8 нередко орденом / орденами на шее ◊
8–9 над всем, что его пониже / перед всем, что пониже ◊
11–13 особенно если ∾ устроенный / *Начато*: Случалось, иным из вих залучать к себе
12 такого / его ◊
13–15 *Текста*: Эти старания ∾ на свете. — *нет.*
16 богач купец / купец ◊
16–17 *Слов*: как богу ∾ всё — *нет.*
18 всё значение / значение, значил всё в его жизни ◊
19–20 *Слов*: несмотря на все свои фраки) — *нет.*
20 никогда не могло зародиться / не могло родиться ◊
21 *После*: чувства — в сердце ◊
23 вырастала / росла ◊
25 бывал в этом случае / *а.* послужил *б.* бывал ◊
26–29 когда ∾ дворянскими / когда прямо можно поступить хоть в гусары ◊
29 с самых / еще с самых ◊
30 *Слова*: отечестве — *нет.*
31 в души ∾ и наглого / в их души ◊
32–33 стояло убеждение ∾ в аксиому / стояла аксиома ◊
35–36 юношей ∾ домах / у [многих] детей этих миллионеров ◊
37 пожалуй, и жертвовал / *а.* и жертвовал *б.* и пожертвует ◊
38 *Слова*: например — *нет.*
39 хотя / впрочем ◊
39–40 *Слов*: но пожертвования ∾ наград — *нет.*
40–43 и всегда готов был ∾ не бывает / но зато готов соединиться с первым жидом, чтоб продать всех и всё: патриотизма, чувства гражданского не бывает ◊
45–46 про наш ∾ в значении касты / лишь про большинство [так сказать] и как про касту ◊
46 Исключения ∾ и всегда. / Исключения и даже значительные бывают везде. ◊
47 отличавшихся / отличавшихся даже ◊

Стр. 158—159.

48–1 *Слов*: из миллионеров — *нет.*

Стр. 159.

3 *После*: И вот — *начато*: и опять с
3–4 раздвигаются / раздвинулись
5 и биржевой / и русский биржевой
6 к себе на обед / на обед ◊
7 с особой / с ней
8 *После*: банке — *начато*: из панибра‹тства›
9 *После*: увидал себя — чуть ли не на высшем месте в обществе
11 *Слов*: и официально — *нет.*
12–13 не усумнился ∾ этого места / сам-то он давно уже считает за высшего «лучшего человека» и даже не условного, а натурального.
13 и впрямь достоин / достоин ◊
13–14 он всё более ∾ сердца / от чистого сердца убедился
15 *Слов*: на земле — *нет.*
16 прежде него / прежде ◊
16–19 не в том ∾ лучшее / в том, что и другие (и уже очень многие) [сочтут], кажется, начинают ‹считать› его за лучшего, то есть, собственно, не его тело, а *мешок*. Мешок же у *страшного* большинства считается теперь за всё лучшее. ◊
20–22 теперешнее преклонение ∾ и беспримерно / преклонение у нас перед мешком в последнее время не только уже бесспорно, но по размерам своим у нас, на Руси, еще беспримерно ◊
22 *Слов*: Повторю еще — *нет.*
23 понимали все у нас / понимали все ◊

25–26 прежний купеческий мешок ∾ иерархии / прежний мешок купца даже чиновника не мог пересесть в общественной иерархии, и положительно не мог ввести обладателя его [в разр‹яд›] в официально признанный разряд «лучших людей»

26–31 теперь даже ∾ права свои». / Теперь же [это почти несомненно] прежняя эта иерархия как бы сама собою отодвинулась на задний план. ◊

31 биржевик / купец

31 *После*: биржевик — даже нравственно не видит никого себя лучше. [Он подкупает литер‹аторов›] С ним братаются сильные [люди] мира сего, он [подкупает] ◊

35–36 постоянно и неустанно / постоянная и неустанная ◊

37 уже попала / совпадает

37–38 и запела ∾ песнь / и [поет] давно уже запела ему хвалебные песни ◊

39 провозгласившие / провозглашавшие ◊

40 *После*: клиентов — своих ◊

40 идеалами / идеалы ◊

40–41 пропевшие ∾ лишь дали / «за лучших наших людей» (и именно даже в этих выражениях) только дали ◊

42–43 что сами-то они ∾ выдержки / что они сами — люди без выдержки, еще на степени стихийного ◊

46 *К слову*: запросили — *вариант*: потребовали ◊

46–47 чтоб добиться наибольшего minimum'а / в расчете, чтоб получить сколь возможно сносный minimum ◊

48 раздалось даже однажды шиканье / однажды раздались даже шиканья ◊

48 *После*: Но — они забыли, что

Стр. 160.

1 *После*: сравнение это — решительно

2 гораздо вернее было бы / о, гораздо бы вернее было даже дело адвокату ◊

3 *После*: без греха?» — Спросите сердца своего, многие ли из вас не сделали бы того же самого в наше биржевое развращенное время из самого материального, самого эгоистического самосохранения, понятия о жизни и наслаждении, которыми все мы заражены до единого, когда купец несомненно стал в самый первый разряд [лучших] ‹*не закончено*] *Далее было*: что не только послужит знаменем лучшего человека, но и прорвет в народе ‹*не закончено*›

3–5 *Фразы*: О, я не против ∾ банком. — *нет.*

6–8 что осудить ∾ и все наши банки / осудить их значило осудить и все теперешние банки ◊

9–10 хотя бы те ∾ равно / *а.* значит почти всех *б.* хотя те и ни в чем еще не попались ◊

10–11 *Текста*: Кто без греха ∾ слабо. — *нет.*

11–13 Оговорюсь ∾ не хочу / *а.* Я не про Ляндау и Полянского говорю. *б.* Я не буду говорить про Ляндау и Полянского ◊

14 ей-богу, наказан / наказан ◊

14 *После*: ужасно — Кто-то уже напечатал, что наказали их слабо [Про иных не говорю] [Приговор прав, я преклоняюсь, но про иных]. Не знаю, но про Шумахера действительно можно бы было спросить по-евангельски, например: ну-тка, кто из вас без греха — бросьте первый камень. Прибавлю: я не говорю что-нибудь против приговора вообще: приговор прав, и я преклоняюсь, [но согласитесь, что вместе с этим все до одного русск‹ие›] и он должен был быть произнесен хотя бы над одним только банком, но. . . все остальные банки ведь тоже ль. . .◊ *Рядом с текстом*: я не говорю ∾ тоже ль — *на полях наброски*: *1.* Шумахер же согрешил лишь тем, что на одну минуту потерялся *2.* А в самом деле, ну-тка подымите первый камень, [да] кто бы там ни было

15–23 *Текста*: Взглянем в сердца свои ∽ грехи. . . — *нет*.
24–25 Но, боже, куда ∽ сократить. / Но остановлюсь.◊
25–29 Я ведь говорил ∽ в фантазиях / Я только хотел сказать, что идеал «лучшего человека» сильно грозил помутиться (по крайней мере, в обычае), что [вместо] занять место лучшего человека явилось нечто отвратительное, новый условный [русский] лучший человек и на Руси не слыханный, даже хуже всего старого, старое разбилось, новое лежало в фантазии ◊
29–30 а в действительности ∽ развитием / А в действительности воцарился золотой мешок. И вдруг . . .◊
31 *Слов*: золотому мешку — *нет*.
31–32 начинало зарождать ∽ мнительных / наводило страх и не могло не наводить страха ◊
33–38 *Текста*: О, мы ∽ московский банк! — *нет*.

Стр. 160—161.

38–1 Но народ ∽ за сим пойду». / Косная, бесчувственная, развращенная масса, жид — попавшая к золоту, поклоняться золоту, поклоняться матерьялизму — что он противупоставит к идущему на него чудовищу [гряду‹щему›] матерьяльпзма — свою нужду, свои лохмотья, свои пороки, сивуху, порку. Мы боимся, что и не только физически подчинится, закрепостится ему, но и нравственно. Скажет: «Вот где главное-то, вот где сильное-то, вот где спокойное-то — а значит это и лучшее. А нас всё учили каким-то бредням».◊

Стр. 161.

1–2 *Текста*: Вот чего ∽ и вдруг. . . — *нет*.
2 *После слов*: — и вдруг. . . — *знак очередной главки*: 5.
3–4 Но что *вдруг* ∽ «Дневника». / И вдруг нынешним летом изменился весь вид нашего положения. [Повторю опять (выписка)] ◊ *Далее по всему листу наброски, относящиеся к последующему тексту*: *1*. Народ указал на прежние его идеалы, над чем смеялись. *2*. Но действенная сила *3*. На степени стихийной силы *4*. Я сказал определ‹енно›: луч‹шего› чел‹овека› определит народ. Чем? А как? *5*. Свеж и чист *6*. Но [вот] что вдруг случилось, то я оставлю до будущего. Мне хотелось бы об этом поговорить уже без [шутки] юмора и от всего сердца. Что случилось нынешним летом, то до того умилительно, радостно, что даже не верится. Я сказал это о *7*. Чем? Как? Это я расскажу подробно, по крайней мере так, как я понял это. Явились чистые чувства, жажда жи‹вой?› А мы-то думали, что всё это больно и заражено. Мы думали, у него уж нет идеалов. Какие идеалы? Он их сказал, он их указал, они те же самые, что и были всегда. Но как уберег он их в сердце своем. *8*. Но об идеале-то лучше я и отвечаю. В сущности идеал этот есть. Почему не понадеять‹ся?›? Даже было на всю Россию, даже за себя. Серьезно ли так? Что мы, образованное сословие, можем принес‹ти?› *9*. и [за] семью, и идти за святое дело, если оно есть. Сила вся духа великого в де‹ло› Сила вся души великая в дело божие ушла. Но не Влас поротый восстал, а *10*. И этому народу кричали про школы. Так˅народ *Далее помета*: *и здесь*

Варианты наборной рукописи (НР)

‹Июль и август, гл. I, II›

Стр. 54.

3 Выезд за границу. Нечто о русских в вагонах *вписано*.
14–15 моя бы воля / если б моя воля
15 *После*: я — лучше бы

26 получает / получает теперь
26 сторичные выгоды / сторичный труд

Стр. 55.
3 в разноголосицу / вразброд
9 выражают / выставляют
9–10 «не жалеть о татарах» / не жалеть татар
21 набросятся / бросятся
26 в вагоне / в вагонах
32 а на самом деле / но на деле
38–39 и, главное, ни с того ни с сего *вписано.*

Стр. 56.
18–19 он вас меряет / он меряет
20 и не лгать *вписано.*
21 тоже *вписано.*
24 русский *вписано.*
28 или знатного *вписано.*
29 *После*: именно — как приятеля
32 убит совершенно *вписано.*
32–33 знакомы вы / знакомы вы с ним ◊
43 булочником / лекарем
44 Начав / Начав с вами
47–48 даже ∾ доставая вас ногами *вписано.*

Стр. 57.
6 *После*: сравнялись» — не Россия, дескать, под арест не посадишь. ◊ *Далее следовал текст*: Кстати, русский генерал ∾ с особенным удовольствием ‹*не закончено*› (*см. текст, стр. 57, строки 8—13*).
8 а тем и лучше, никому не мешает *вписано.*
13 кончив сезон *вписано. Далее было*: отправляясь в Петербург
13 фотографию / свою фотографию
30 я говорил / я только говорил
39–40 хочет / хочет сказать

Стр. 58.
5 Я понимаю, что вас так шокировало / и что вас так шокировало?
31 большое / даже большое
34 отвечаю / вам отвечаю
37 О воинственности немцев *вписано.*
43 говорят / уже говорят
45 немецкого военного офицера / военного офицера

Стр. 59.
6 будто бы не более / не более
8 из старого / из старых
18–19 «патриотическим долгом» / так сказать, «патриотическим долгом»
21–22 вооружение войск ∾ результата / можно было считать скорострельных ружей семьсот тысяч
23 оно еще / это число
24 *После*: беспрерывно — и проч‹ее› и проч‹ее›
24 и что мы теперь никому не уступим *вписано.*
29 на немецком языке / на каком-либо языке
38–39 умели понимать их / даже понимали их
39 хотя только половину / хоть половину
47 тогда им / как им

Стр. 60.
6 важное выражение / и важное выражение
13 *После*: палочно-капрального — *начато*: у которых

19–20 те поколотят немцев / [од‹олеют›] они одолеют немцев ◊
23 обычную немецкую / немецкую
30 Выходило, что им / Как будто им
36 старался ввернуть / спешил ввернуть
46 очень-таки не жаловал русского / терпеть не может русских
47 *После*: сидела на — *начато*: отвед‹енном›

Стр. 61.

7 *После*: ватагами — *начато*: за гор‹одом?›
7 где-нибудь на попойке *вписано.*
17 *После*: Замечание тонкое. — Действительно странно, особенно ввиду того, что, как всем известно из самых подробных сообщений всех газет в мире за последние годы, — князь Бисмарк держит огромное большинство немецких газет и изданий в самых ежовых рукавицах, что все они у него внайме, всем он дает взятки и субсидии и что на это у него устроен чуть не целый департамент; что он их сам называет рептилиями, и что [по край‹ней›] эти [рептилии] издания-рептилии (может быть, две трети всей немецкой прессы, если только не больше) слова не смеют пикнуть не по его команде. А если всё по его команде, то как же они так ругательски напали на Россию сейчас, после свидания императоров? ◊
23 напора обстоятельств / напора судеб
24–25 страшный факт / громовый страшный факт
26 последнее слово / слово
40 *После*: отчаянные — *начато*: воп‹ли›

Стр. 62.

7 правителей государства / правителей земли
11–12 из этих вожаков народа знает про себя / из них про себя знает
12 всё это / это
28 хочет *вписано.*
28 *После*: в силах — захватить сама в июле Константинополь и
35–36 у себя дома ∾ нашествия / у себя, когда защищает себя
36 но вчетверо того слабее / но вчетверо, впятеро еще слабее
39 болезненно мнительных и болезненно жадных / которые, пожалуй, мнительны и болезненно жадны
44 у них / там

Стр. 63.

4 *цела* Франция / *целая* Франция
8 Европе / в Европе
9 вдруг *вписано.*
14 *После*: Англии — по уголкам
14 *После*: просьбой — *начато*: по‹жертвованиями›
18 *После*: случаи — какие-то идеалисты
18 они / Братья-квакеры
17–18 против всеобщего ∾ направления *вписано.*

Стр. 64.

15 показалась мне / показалось мне тогда же
32 и реальнее / реальнее
37 в Пушкине / в великом Пушкине
41 *После*: рассортироваться — *начато*: за‹нятия›
41 веками *вписано.*
43 *После*: и в — *начато*: своей
47–48 в дипломата / в не только дипломата, а и государственного человека

Стр. 65.

5 что это нам / что об этом уже след‹овало›
7–9 что она ∾ как поступила *вписано.*

9 *После*: стало быть — политические
9–10 надежды наши *вписано.*
10 составляют / суть
31 столь вдруг и столь неожиданно / столь неожиданно
38 текущие ли только барыши / текущие ли только цели
46 *После*: нациях — хотя

Стр. 66.

1 Меттернихов, и что политика чести и бескорыстия / *Начато*: Меттернихов? Неужели не знал он, что политика чести и бескор‹ыстия›
4 себя *вписано.*
5–6 бессилие государства / бессилие
9–10 *Фразы*: А если ∾ хотят люди. — *нет.*
13–14 государств / нац‹ий›
19–20 Англии будет гибелью / *Начато*: от автономии английских интересов будет
26 на модных экономических соображениях / на экономических соображениях
36 На 1000 лет наживем. *вписано.*

Стр. 67.

12 примажемся *вписано.*
15–16 славянская политика / политика
17 не могло быть иначе / не могла быть иною ◊
22 II / 2 ◊
24 раздраженное / раздражительное
24 и у всех / у всех
25 тогдашних наших / тогдашних
27 казалось бы *вписано.*
36 об одних *вписано.*
38 *После*: многих — *начато*: об
38–39 современных «деятелей» / людишек
43 мы *вписано.*

Стр. 68.

9 Статья / Политическая статья
21 тогда / тогда даже
23–24 Участия народа, мысли народной / Участия мысли народной
26 не имел / не имел и не имеет
38 и насчет славян / и о славянах
39 мы готовы согласиться, что / я готов повторить это
40 бывала / была
41 порою / когда-либо ◊
41 слишком / может быть [чер‹есчур›] слишком ◊

Стр. 68—69.

49–1 петербургский период нашей истории / период нашей петербургской истории

Стр. 69.

2 древнейших / древних
15 возможной / уже возможной
18 я и не смею / я не смею
25 *После*: славян — и для освобождения их от ига магометанского, начавшиеся даже раньше призыва сверху ◊
29–31 *Текста*: наконец — русские люди ∾ за них кровь — *нет.*
33 *После*: нельзя. — Народ чуток, народ заслышал родной призыв и откликнулся. Народ ждет лишь искренности сверху, чтоб отозваться. Он видит ясно движение сверху и рад ему.◊
43–44 свою народную песню / песню ◊

Стр. 70.

9 и нам грозить войной / грозить войной ◊
16 иным нашим писателям / иным писателям
20 идеализм / слово «идеализм»
20 *После*: идеалиста — *начато*: од‹на›
23 одни *формы* / формы
24–26 Так что идеализм ∾ из мира. *вписано.*
26 и никогда / да и никогда
28 уж и Грановские / Грановские
32 и сохранить их *вписано.*
34 найдется / найдутся
34 такой член / член
34 ареопага / этого ареопага
35 еще изначала *вписано.*
39 мудрецы ареопага / мудрецы
40 III / 3 ◊
43 преимущественно грудью, «катарами / *а.* преимущественно катарами *б.* преимущественно грудные, катарами

Стр. 71.

2 в заботе / в заботах
7 в пути / во время пути
9 пассажиру / посетителю
19 *После*: к плечу — и каждый грудью упираясь в спину [своего соседа] стоящего впереди
19 впрямь *вписано.*
20 то есть полный комплект *вписано.*
23 *После*: какие-нибудь — Послушайте, да ведь коровы и лошади в тех вагонах, сзади, гораздо комфортнее помещены.
— О, разумеется, скотина и не может быть помещена так тесно, и, сверх того, скотина больше платит. А здесь зато в этом вагоне можно проехать из конца в конец всю Германию менее чем за талер.
24–25 Да, но зато ∾ бедного. *вписано.*
26 Итак *вписано.*
32 *После*: терпеливого — *начато*: но в то же

Стр. 72.

5 собирателя / посетителей
14–15 повстанцев / восставших слав‹ян›
15–16 что в Англии / говорили, что в Англии
16 более нашего / более чем русские
18 европейских *вписано.*
24–25 своего интереса / интереса
25 *После*: была — и действительно
34 только Эмс / маленький Эмс

Стр. 73.

5 *После*: не объявили — тогда как
11 восстает обыкновенно / *а.* восстает тоже *б.* впрочем, восстает тоже ◊
20 даже ни в каком случае / да ни в каком случае
25 и с самого первого дня *вписано.*
25 *После*: меня — же довольно
29 *После*: самые — *начато*: кра‹сивые?›
30 стоит / стоят ◊
33 В определенные два часа / В два часа
34 у этих балюстрад / у балю‹страд›
44 унций кренхена / унцов кренхену [раздельно] ◊
46 различает / различит

Стр. 74.

6 унций / унцов ◊
12 я всё еще смотрю / я смотрю
12–13 непостижимый фокус / неразрешимый фокус ◊
16 всего только / только
17 работы / труд‹а›
21 *После*: отелей — *вписано*: кроме нескольких огромных гостиниц ◊
24–25 целые семейства / по нескольку человек
34 *После*: каждому — *начато*: по‹стельное›
39 *После*: говорю — и в этом и в другом домах
39–40 нисколько / ничего
42 нет / не было
47 сто раз / тысячу раз

Стр. 75.

3 задуматься / подумать
7 труд установившийся / установившийся
10 Тут каждый / За то каждый
19 Особенно / и особенно
29 готовы подозревать / подозреваете
37 за балюстрадой *вписано.*
39 отмстить / непременно отомстить
44 каких-нибудь двух / двух-трех
45 заняты / сидят

Стр. 76.

7 пришло / пришло в Эмс ◊
10 они остановились / остановились
10 письмо / его
15–16 ума и немецкой сообразительности / ума и его сообразительности
22 всегдашнее желание / всегда желание
23 из единичного / из единичной мысли
25–26 искреннее преклонение / преклонение
27–28 упорная, даже до надменности / *а.* упорная *б.* упорная и надменная
29 иногда *вписано.*
41 кто-то зовет / меня зовут

Стр. 77.

10 Спрашивается / Но спрашивается
10–11 для чего же / для чего
11 Но, поживя / Поживя
12 точно такой же / *а.* почти такой же *б.* почти точно такой же ◊
13 и точно так же поступит / *Начато*: и всякий так же
19 весьма серьезной / с виду весьма серьезный

‹Июль и август, гл. IV, §§ III—V›

Стр. 92.

1 III / 5
7–8 с каким-то почти гневом / с какою-то неутомимостью и даже гневом
9 его / моему
10–11 непременно выйти замуж и в браке *вписано.*
10 *После*: непременно — *начато*: в брак‹е›
14 проявлениях / ее проявлениях
20 браку и рождению детей / *а.* рождению детей *б.* браку и не только рождению детей, но даже и самому браку
22 для будущих ученых / для ученых

24 до сих пор на свете еще не придумано / *а.* нет на свете *б.* [ничего] до сих пор на свете еще не выдумано ◊
25 для этого / для этого дела ◊
30 всю жизнь / и всю жизнь
31 с чужого голоса *вписано.*
32 как оказалось впоследствии *вписано.*
33 неизвестному лицу / неизвестно кому
38–39 иметь детей ∾ в мире / стоит, и родить их — есть самое главное и умное дело на свете
39 *После*: быть. — Серьезнее этого ничего нельзя придумать.
42 что вы? / помилуйте, что вы?

Стр. 93.

1 гулять в аллеях / гулять в саду, в аллеях
7 вроде / нечто вроде
11 эти толпы детей / эти толпы
17 ихним / здешним
21 разинув рты / разинув рот
23 смекнула / увидела
28–29 не отрекайтесь, поверили *вписано.*
32–33 всех милордов и маркизов / всех маркизов
34 это прелестно / прелестно
35 в ней признаки вкуса / признаки вкуса
40 шелком *вписано.*

Стр. 94.

4 старые ‹- - -› *вписано.*
9 бестолковейшего и очень талантливого / *а.* легкомысленнейшего *б.* ‹*нрзб.*› бестолковейшего ◊
14 женщины во Франции / женщины Франции
26 *После*: с ними — заботься
27 на них, так сколько досады / *а.* на них, так столько заботы и досады *б.* так сколько заботы и досады на них
28 а в том / *Начато*: а то чт‹о›
33 Что ж, всё это слишком соблазнительно. / Так вот что — Articles de Paris, значит, через одну промышленность другой помешал. Что ж вы думаете: я объявляю, что это средство обойдет весь мир, слишком уж соблазнительно.
39 в этом же смысле / в этом смысле

Стр. 95.

18 *После*: собственность — Как земля? Земля тут ни при чем.
18–19 Я вам это, так и быть, объясню. *вписано.*
20 IV / 6
23 *После*: поймете — *начато*: это к‹оли›
27–28 где слишком уж, и без того, малоземельно / слишком уж малоземельно
36 ничего не уступают *вписано.*

Стр. 96.

1–2 общинный Сад / общий, то есть общинный Сад ◊
2 и что / *Начато*: а в
5 *После*: порядочный — отец
11 *После*: знает — или ведь еще никто не знает

Стр. 98.

3 не знал Содом / не знал и Содом
8 *После*: уцелел — *начато*: од‹ин›
12 *После*: сакраментальное. — Поэтому, по крайней мере, порядок в земле и из земли, и это везде, во всем человечестве.
14 наделите их землею / наделите всякого землею ◊

17 По-моему / По-моему, по крайней мере ◊
25 остальном / дальнейшем
33 *После*: лишь — только
34 стратегические / тактические
40 *После*: волю — Не догадавшись
45 за хор дадут / дадут

Стр. 99.

7–8 блага людей / благодеяния
10 не дивила / не дивила, а особенно в наше время ◊
10 *После*: всего — откудова она могла зародиться? ◊
16 людей / умных людей
18 здесь удивительнее то / удивительнее это то
19 народ остался с сущностью / он остался с
19 формулы / формулой
23 всё остальное / все остальные драгоценности
28 в нем / в ней
44 только что / только что вот

Стр. 100.

9–10 деточки, маленькие внуки ее / дети маленькие, внуки ее
14 деточек / их
19 полагать / думать
19 устроены / сочиняются
33 выехали / выезжали
33 прошлой зимой / прошлую зиму
36 сама в себе *вписано.*

Стр. 101.

2 «Долой Черняева!» / A mort Черняев
9 *После*: они — этого
12 Кроме того, я / А притом я
13–14 такие, которые убеждены / такие, что уверены
19 главное слово / слово
26–27 нашего будущего / будущего
27 ниоткуда ни звука / ни звука
34 и всякое действие ее — недоумение *вписано.*
38–39 всей землей нашли / всей землей
39–40 никак не поверил / и не поверил
40 *После*: не поверил — *начато*: Вы вот про мать-болгарку сей‹час›
40–41 столь, так сказать, *внезапному* / неожиданному ◊

Стр. 102.

6 *После*: запишется? — Ух, недаром прошло ◊
8 *После*: эпохой. — Мы вот готовы благодетельствовать, а пожалуй, даже и свою кровь пролить, а [между] меж тем знаете ли, что и сами мы многое получили, как вы думаете? ◊
28 самой высшей / даже самой высшей
39 *После*: какая-нибудь — *начато*: обр‹ядность›

Стр. 103.

21 даже *вписано.*
23 теперешнем *вписано.*
30–31 *Слов*: даже хотя бы миром с Европой — *нет.*
32–33 на защиту / в защиту
33–34 так должно быть / так будет и должно быть ◊
36–37 в крепостном рабстве / в рабстве
39–40 замкнувшимся эгоистом / эгоистом
43 среди рабства и унижения / в рабстве и унижении *вписано* ◊
44 *После*: истине — *начато*: в раб‹стве›

Стр. 104.

2–3 своего «Православного дела» / «Православного дела»
3 братьев своих / братьев
6 желанию народа / желанию народному
14–15 тотчас же это разглядела / кажется, это уже разглядела
18 с чем надо / с которым надо ◊
20 русского общества / нашего русского общества
25 принять / принять теперь
26 *После*: другой исход. — *начато*: *а*. Одним словом *б*. Э‹та?›
26 Да, много *вписано*.
32 *После*: отставных — *начато*: ста‹рых?›
37 никаких денежных / никаких особенных денежных

Стр. 105.

12 недавно только / недавно
23 Если судить по-настоящему / Если строго судить
24 главные действия / настоящие действия
26 чрезвычайно еще / чрезвычайно
26 *После*: К тому же — *начато*: высшие
29 военный талант / *Начато*: талан‹т›
35–36 дело, совпадающее с самыми лучшими и сердечными ее желаниями / ее собственное движение к цели ◊
36 ее желания Европе / *а*. ее волю *б*. ее волю Европе ◊
37 он / генерал Черняев

‹Сентябрь, гл. II, §§ IV, V›

Стр. 131.

13 IV/4 ◊
38–39 не верно действительности / *а*. *Как в тексте*. *б*. не верно с действительностью ◊
45 заглядывавшего на себя в зеркало / *а*. смотревшего себя в мысленное зеркало самолюбования *б*. смотревшегося в мысленное зеркало самолюбования ◊
46 оказенившееся обвинение / оказененное обвинение

Стр. 132.

7–8 не потому, что оно / не потому оно
15–16 предрассудочные взгляды старинных давнишних годов / предрассудочные мнения и взгляды
27 Все факты тому противоречат. *вписано*.
33 *Слов*: в эти годы — *нет*.
34–35 до непозволительной насмешки над собою, до незаслуженного презрения к себе *вписано*.
36 нашими совершенствами *вписано*.
43 обществе / народе ◊
45–46 из древнейших книг / древнейшую книгу
47 над своим успехом / над успехом
47–48 самым древнейшим / древнейшим

Стр. 132—133.

48–1 а стало быть, существовал с самого начала мира *вписано*.

Стр. 133.

1 под тем условием, если эти народы / когда они были еще
4 бросили же / бросили ◊
4 *После*: делом — но ведь это также важно и естественно

5–6 но опасно ли ∾ предостерегатель? / И опасно ли это сколько-нибудь?
9 Поверьте / Напротив ◊
10 пройдет мигом / пройдет мимо ◊
16 не было бы / не было
21 педантиками / педантиками и школьными учителями ◊
23 опаснее / опасны
29 Вот что вы пишете. *вписано.*
34–35 по-настоящему и всегда, до самого 1871 года / они и всегда потом
39–40 особенно немцы / особенно немец
40 выводы / факты
42 собственно сама Франция / Франция
43–44 лишь Наполеон III / Наполеон III
44 *После*: соображениям — и после Орсини и больше ничего. Мы слишком знаем роль Франции относительно Италии за всё столетие, да и в прежние столетия. Если пожелаете доказательств, то я их готов представить. А впрочем, что ж, вы даже и венгерцев ставите русскому народу в пример великодушия. А ведь теперь особенно красивы и великодушны ваши венгерцы, не правда ли? Какая узкая в них ненависть к мысли об освобождении славян, какая ненависть к России! Но они венгерцы, а мы только русские, и, стало быть, тем всё сказано.
44–45 *Над словами*: и вовсе даже ∾ французский народ — *начато и зачеркнуто*: а что до Франц‹ии›

Стр. 134.

7–8 все-таки больше / больше
8–9 дело это / *Начато*: но все же дело Франции
9 дальнейшие результаты / результаты
10 *После*: искреннее — полного самоотвержения
13–14 Северной Италии / *Начато*: Ит‹алии›
19 такой пример и такой народ / такой пример
22 впрочем весьма невинных, словах / высокомерных словах
22–23 бесспорно умного ∾ автора *вписано.*
24 высказаны эти слова, как бы послышались / они высказаны, послышались
26 *После*: О, конечно — тут не только стариковское самодовольство и невинное желание сказать что-нибудь всех умнее: «Вы-то все увлеклись, а я-то всех умнее».
26–28 эти будущие ∾ послышались. *вписано.*
28 В самом деле, случись / Но случись
29 всё это доброе / всё это прекрасное, доброе
32 уже новые крики / новые голоса
32–33 торжествующем и победном тоне / торжествующем тоне
33 уже не невинные, а насмешливые, язвительные / *а.* даже не невинные как эти, [а новые] а совсем иные *б.* уже не невинное, а насмешливо язвительное ◊
34 победу празднующие / *а.* и как бы победу празднующее *б.* победу празднующее ◊
35 даже / *а.* даже уж *б.* даже было
39 подумают бедненькие *вписано.*
40 завопят победившие / завопят цинические голоса

Стр. 135.

1 написали / выдали
3–4 Вот что ∾ не упишешь. *вписано.*
7 червонных / бубновых ◊
9 опять шатание / опять безверие в [свои] русские силы, опять полное неверие в Россию
12 у нас / внутри нас

12–13 с новым порывом / с [вели‹ким›] прекрасным [и благородным] порывом ◊
17 похоже на правду / похоже на правду, что я написал ◊
17 *Фразы*: Разве это сбудется? — *нет.*
18 *После*: сон! — Что за карканье, что за пророчества! Прочь, дурные сны!
18 Сон и не больше. . . *вписано.*

‹Октябрь, гл. II, § II›

Стр. 151.

3 и рискуют / рискуют
4 уже верной / верной
8 уж достаточно *вписано.*
9–12 Но оставить дело ∾ земель. *вписано.*
12 даже и на немедленную помощь России / на Россию
13–14 Россия произнесла же наконец свое великое решающее слово / *а*. Россия сказала же наконец свое слово в известном ультиматуме *б*. русский царь сказал же наконец великое слово в известном ультиматуме
19–20 служил огромному делу, а не одному своему честолюбию, и предпочел / великодушен и служит делу, а не одному своему честолюбию, [А] а потому и не мог покинуть начатого дела. Он и предпочел
21 даже жизнью / жизнью
22–23 он работал для чести и *выгоды* России и сознавал это / он понимал, что начал великое дело и не бросил его для чести и *выгоды* России
24 одной Россией / Россией
26 под его знамя / именно под его знамя
27 покинуть / оставить
28 тоже есть великодушие / много великодушия
28 Сколько / И сколько
29–30 идею, и Россию, и добровольцев / и всех добровольцев
32 Критикуют / Эти критики критикуют
33 эти военные / они
35 может быть *вписано.*
48 подозрительный / ненавистный

Стр. 152.

3 неприятного / ненавистного
8–9 эти уж неизвестно из чего / уж неизвестно отчего
10 Но всё же / Но
13–14 то есть предвзятая идея очень многих сербов, что если и освобождены будут русскими славяне / именно то, что если сербы и освобождены будут русскими
21–22 Большая и властная у себя партия сербов только об этом и мечтала. / Огромная и властная партия славян только об этом и думала.
24–25 уже генералами / генералами
26 *партию* / их
28–29 Все эти мечтатели, про себя, а может, и вслух, начнут теперь / Все эти мечтатели, вся эта властная партия сербов будет про себя, а может и вслух, бранить
36 и их / их
42 зато страстно / страстно
43 с партиями / с партией
43–44 которые доходят ∾ неопытности / которые и опять-таки по горячей неопытности своей доходят иногда до таких пределов

45 подобного / подобных
46 наций / нациях
47 столь спешащей жить политически / спешащей жить еще не живший

Стр. 153.

6 *После*: интриги — *начато*: Если английские корреспонденты
23–24 (что, конечно, тоже и хорошо) / что, пожалуй, и слава богу
25 *После*: *лучшие люди* — что народ наш прямо заявил, кого он несомненно и твердо считает за своих лучших людей ◊
28–29 настоящими лучшими людьми / лучшими людьми

ПРИМЕЧАНИЯ

Двадцать третий том Полного собрания сочинений Достоевского продолжает публикацию «Дневника писателя» за 1876 г. (выпуски с мая по октябрь). Журнальный текст этих выпусков подвергся ряду цензурных искажений. В настоящем издании все цензурные купюры впервые восстановлены. Подробно о цензурной истории «Дневника писателя» см.: наст. изд., т. XXII, стр. 275—279.

Раздел «Рукописные редакции» состоит из впервые публикуемых подготовительных материалов к «Дневнику писателя» за май—октябрь; черновых набросков, планов, заметок. Публикуются также впервые варианты чернового автографа и наборной рукописи к данным выпускам.

Текст «Дневника писателя» подготовили: И. Д. Якубович (май, июнь), В. Е. Ветловская (июль—октябрь; главка «Нечто о петербургском баденбаденстве» — Т. И. Орнатская). Варианты чернового автографа: май, июнь, декабрь — Е. А. Костюченок, июль—октябрь — Т. И. Орнатская; варианты наборной рукописи — Г. В. Степанова. Подготовительные материалы: май — Н. Ф. Буданова, июль—октябрь — Т. И. Орнатская (июль—август; гл. IV, § I—III, стр. 171—173; гл. III—IV, стр. 182—186 — Е. А. Костюченок). Редакции фрагментов текста — Е. А. Костюченок, Н. Ф. Буданова (октябрь, гл. I, § I—II).

Примечания к тому составлены В. Д. Раком.

Редакторы тома — Е. И. Кийко и Г. М. Фридлендер.

Редакционно-техническую подготовку тома к печати осуществила И. Д. Якубович.

ДНЕВНИК ПИСАТЕЛЯ ЗА 1876 г.

(Стр. 5)

МАЙ—ОКТЯБРЬ

Печатается по тексту $ДП_1$ с устранением явных опечаток и со следующими исправлениями по *ЧА* и *НР*:[1]

Стр. 25, *строка 20*: «Брезгливого» вместо «Брюзгливого» (по *ЧА*).

Стр. 57, *строка 19 — стр. 58*, *строка 36*: «II. Нечто о петербургском баден-баденстве ∾ так отметить его все-таки надо» (глава печатается по *НР*).

Стр. 80, *строка 4*: «отцу отечества» вместо «будущему столпу своей родины» (по *ЧА*).

Стр. 83, *строки 40—41*: «отцы отечества» вместо «столпы своей родины» (по *ЧА*).

Стр. 84, *строки 28—31*: «Отцом отечества ∾ ну, вот маменьке пока и довольно» вместо «Столпом своей родины он будет, конечно, ему ли не дослужиться ∾ ну, вот маменьке пока и довольно» (по *ЧА*).

Стр. 95, *строки 23—26*: «призадумаетесь. Дело в том ∾ вышли от земельной ошибки. У миллионов» вместо «призадумаетесь. У миллионов» (по *НР*).

Стр. 95, *строки 30—38*: «может, и матери. Это с одного краю ∾ и дети должны родиться» вместо «может, и матери. Дети должны родиться» (по *НР*).

Стр. 96, *строки 20—38*: «людей, толковал. Человечество обновится ∾ города и Сад. Если хотите» вместо «людей толковал. Если хотите» (по *НР*).

Стр. 98, *строки 15—17*: «земля и община в сквернейшем виде ∾ в этом и штука. По-моему» вместо «земля и община. По-моему» (по *НР*).

Стр. 98, *строки 21—26*: «и всё остальное. Если есть ∾ и во всем остальном. Я ведь» вместо «и всё остальное. Я ведь» (по *НР*).

Стр. 98, *строки 34—36*: «только стратегические признаю. Всё это должно ∾ а теперь это только» вместо «только стратегическим признаю. Это только» (по *НР*).

Стр. 99, *строки 17—21*: «представить себя без земли. Но всего ∾ Уж когда свободы» вместо «представить себя без земли. Уж когда свободы» (по *НР*).

Стр. 99, *строки 26—41*: «удержал. А что есть община? ∾ больше всего» вместо «удержал. . .».

Стр. 101, *строка 43*: «Мать» вместо «мать» (по *ЧА*).

---

[1] Сведения об источниках текста и преамбулу к «Дневнику писателя» за 1876 г. см.: наст. изд., т. XXII, стр. 262—315.

Стр. 5. *Меня спрашивают: буду ль я писать про дело Каировой? Я получил уже несколько писем с этим вопросом.* — Отставной флотский офицер, поручик Василий Александрович Великанов, тридцати трех лет, в 1874 г. был антрепренером театральной труппы в Оренбурге, в которую входила и его жена Александра Ивановна Великанова. Весною 1875 г. Великанов обанкротился и уехал в Петербург со своею любовницей, актрисой его труппы двадцатидевятилетней Анастасией Васильевной Каировой, которая внушила ему надежду на продолжение театральной деятельности в столице. А. И. Великанова, оставшаяся в Оренбурге, приехала в конце июня в Петербург, явилась на дачу в Ораниенбауме, где жил ее муж с Каировой, и объявила о своем решении с ним остаться. Каирова первоначально уступила и переехала в Петербург, но в ночь с 7 на 8 июля тайком приехала на дачу и полоснула несколько раз бритвой по горлу Великановой. Рана оказалась несмертельной. Дело разбиралось 28 апреля 1876 г. Петербургским окружным судом. На суде обнаружилось двуличное поведение Великанова, который сам хотел снова сойтись со своей женой; заслушивались показания экспертов о вменяемости Каировой и было обращено внимание на то, что в ее роду были часты случаи психической ненормальности. Присяжные заседатели оправдали Каирову.

Отчет о процессе печатался во всех ведущих газетах (*НВр*, 1876, 29—30 апреля, 1—2 мая, №№ 59—62; *Г*, 1876, 29—30 апреля, 2—3 мая, №№ 118—119, 121—122; и др.).

Дело Каировой, естественно, вошло в уже давно продолжавшуюся с перерывами дискуссию о суде присяжных заседателей и адвокатуре. Г. К. Градовский (псевдоним: «Гамма») в своем очередном «Листке» отмечал, что в Петербурге много говорят о процессе и повсеместно выражают недовольство оправдательным вердиктом присяжных заседателей, утверждая, что подобные приговоры приведут к безнаказанности (*Г*, 1876, 2 мая, № 121). Не соглашаясь с вердиктом по существу, газета утверждала, что он был следствием неверно сформулированных вопросов, на которые нельзя было ответить категорично «да, виновна» (*Г*, 1876, 2 мая, № 121; ср.: 21 мая, № 140). Журнал «Домашняя беседа» (1876, 8 мая, № 19, стр. 493—494), говоря об «одном известном гнусном деле», негодовал на то, что на процессе обвинение «подало руку» защите, у которой на первом месте оказалась «глубоколюбящая, самоотверженная душа»; защитника обвиняли также в богохульном цитировании Евангелия. (Эта заметка частично была перепечатана в *НВр*, 1876, 13 мая, № 73). П. Д. Боборыкин в статье «Любовные драмы» (*СПбВед*, 1876, 11 мая, № 129) писал, что суды слишком часто и необоснованно руководствуются толкованием преступления как бессознательного действия.

Принявшее участие в дискуссии суворинское «Новое время», напротив, увидело в оправдательном вердикте свидетельство зрелости и разумности института присяжных заседателей. Газета писала: «Еще один приговор присяжных разумный, гуманный, справедливый и притом приговор по делу, в котором коронные судьи, завзятые юристы запутались бы, пожалуй, в дебрях всяких теорий, научных вопросов и всевозможных соображений. ‹. . .› Присяжные еще раз доказали, как правильно понимают они лежащие на них обязанности представителей общественной совести» (*НВр*, 1876, 30 апреля, № 60). Сам Суворин, положительно оценивая процесс, похвалил также действия прокурора и защитника (Незнакомец ‹А. С. Суворин›. Недельные очерки и картинки. *НВр*, 1876, 2 мая, № 62). «Петербургская газета» в статье «Суд присяжных и дело Каировой» (1876, 5 мая, № 86), разобрав мотивы преступления и характеры лиц, замешанных в деле, пришла к выводу, что «и на этот раз нападки на суд присяжных, как всегда, оказываются неосновательными». Сочувственная оценка процесса была дана в «Биржевых ведомостях» (1876, 2 мая, № 120) в очередном фельетоне Буквы (И. Ф. Василевского) «Наброски и недомолвки».

Иначе оценили процесс катковские «Московские ведомости», уже давно нападавшие на суд присяжных. В передовой статье (*МВед*, 1876, 9 мая, № 115) газета резко полемизировала с точкой зрения А. С. Суворина на приговор присяжных заседателей. Продолжая свою давно начатую кампанию

против института суда присяжных заседателей, газета в мае напечатала и другие статьи, в которых подвергла критике решения присяжных по разным делам (*МВед*, 1876, 6 мая, № 112; 28 мая, № 132). «Гражданин» (1876, 23 мая, № 17, стр. 468—469) выразил свое отношение к вердикту присяжных и оправданию преступницы словами: «Чудны дела твои, о русская жизнь!»

Преступление Каировой будет упомянуто в «Братьях Карамазовых» (см.: наст. изд., т. XV, стр. 177).

Стр. 5. *Одно письмо особенно характерно. . .* — Письмо Д. В. Карташова от 10 мая 1876 г. (*ИРЛИ*, ф. 100, № 29737. CCXIб.6, л. 5—5 об.).

Стр. 5. *. . . в «нижнем помещении публики, занятом исключительно дамами, послышались аплодисменты» («Биржев‹ые› вед‹омости›»).* — В газетных отчетах говорилось: «В нижнем помещении публики, занятом исключительно дамами, послышались рукоплескания, которые тотчас же были заглушены дружным шиканьем остальной части публики» (*БВ*, 1876, 30 апреля, № 118; *Г*, 1876, 30 апреля, № 119; *НВр*, 1876, 30 апреля, № 60).

Стр. 6—7. *Областное новое слово.* — Этот раздел является откликом Достоевского на полемику о «местной» литературе и провинциальной печати, которая была ответвлением дискуссии о централизованном и федеративном устройстве России и продолжалась к этому времени уже несколько лет, периодически то затухая, то снова возобновляясь. Вопросы, которых она касалась, неоднократно обсуждались в печати в конце 1875 г. В августе—сентябре, например, их затронул М. П. Драгоманов в статье «Ново-кельтское и провансальское движение во Франции» (*ВЕ*, 1875, №№ 8—9), а в октябре А. Н. Пыпин в статье «О сравнительно-историческом изучении русской литературы» (*ВЕ*, 1875, № 10). Особенно сильным толчком к оживлению дискуссии послужила статья Д. Л. Мордовцева «Печать в провинции», напечатанная в сентябре—октябре 1875 г. в журнале «Дело». Автор статьи полемизировал с точкой зрения, сторонники которой считали, что «провинции, подобно столицам и большим центрам, заговорят своим независимым языком, подадут свой собственный голос в общем представительстве человеческого слова, и голос этот будет иметь такое же решающее значение в представительстве мысли, как и голос центров-монополистов» (*Д*, 1875, № 9, отд. Современное обозрение, стр. 46). Д. Л. Мордовцев придерживался мнения, что «притязания ‹провинции› на равную с крупными интеллигентными центрами долю участия в общечеловеческой работе печатного слова почти не имеют под собой реальной почвы и положительно не оправдываются тем направлением, которое принимает жизнь цивилизованных народов» (там же, стр. 47). Доказывая это положение, Мордовцев развивал «теорию больших городов», утверждая, что законом общественной жизни является тяготение всех областей к крупным центрам и что именно этим путем происходит приобщение к культуре и прогрессу даже самых отдаленных местностей. Большие города собирают самые крупные силы, осуществляют «монополию проявления интеллигентных сил человечества, монополию ума, монополию гения человеческого, наконец, монополию печати» (там же, стр. 47—48). Задача местной печати, по Мордовцеву, состоит в том, чтобы освещать местные вопросы и нужды, отнюдь не притязая на равную со столицами роль в духовно-интеллектуальной жизни страны.

Статья Д. Л. Мордовцева вызвала большое число откликов. Ряд остро полемических выступлений был напечатан в газете «Неделя» (1875, 9 ноября, № 45, стр. 1464—1470; 30 ноября, № 48, стр. 1581—1588; 1876, 2 мая, № 8, стр. 269—274; 6 июня, № 15, стр. 513—518; и др.). Свое мнение по вопросу о провинциальной печати высказали крупнейшие столичные газеты (например: *СПбВед*, 1876, 2 февраля, № 33; 21 февраля, № 51; *НВр*, 1876, 30 марта, № 31; 22 мая, № 82; *Г*, 1875, 30 октября, № 300; 1876, 24 июня, № 173; *БВ*, 1875, 26 сентября, № 265; 1876, 20 июня, № 168; *РМ*, 1876, 1 января, № 1; 10 января, № 9; 29 февраля, № 58; «Молва». 1876, 25 апреля, № 17; 4 июля, № 27; 5 сентября, № 36). На дискуссию откликнулся Н. К. Михайловский («Записки профана. XVIII. Разные разности». *ОЗ*, 1875, № 12); получила она отражение и в художественной литературе (например, в романе А. К. Шеллера-Михайлова «Старые гнезда». *Д*, 1875, № 11, стр. 173—

175). Д. Л. Мордовцев вернулся к поставленному им вопросу в статьях «Наши окраины» (*Д*, 1876, № 1) и «Еще к вопросу о печати в провинции» (*НВр*, 1876, 10 мая, № 70).

Своеобразным ответом на эту дискуссию явилась книга «Первый шаг. Провинциальный литературный сборник. 1876» (Казань, 1876; ценз. разрешение 10 февраля 1876 г.). Сборник включал художественные произведения, этнографические и исторические очерки, литературно-критические статьи литераторов Поволжья. Сам факт появления этого сборника должен был, по замыслу его участников, доказать справедливость той мысли, что провинция может создать «свою» литературу. О необходимости такой литературы и развития провинциальной печати говорилось в нескольких статьях сборника. Программным в этом смысле было обширное «Литературное обозрение» К. В. Лаврского (псевдоним: «Литератор-обыватель»), который резко полемизировал с Д. Л. Мордовцевым, утверждая, что «тогда только будет в строгом смысле *русская* литература, когда каждая область России будет затронута самостоятельным литературным движением и своих Решетниковых перестанет отдавать отдаленным, посторонним для нее центрам» (Первый шаг. . ., стр. 578).

Сборник привлек внимание столичной печати. Отдавая должное отдельным напечатанным в нем произведениям, рецензенты осуждали позицию обособления провинции и нападки на столичную печать; резкой критике подверглась статья К. В. Лаврского (см.: З а у р я д н ы й   ч и т а т е л ь ‹А. М. С к а б и ч е в с к и й›. Мысли по поводу текущей литературы. *БВ*, 1876, 19 марта, № 77; С. Ш а ш к о в. Спасители отечества из Казани. *Д*, 1876, № 4; Ф а у с т   Щ и г р о в с к о г о   у е з д а ‹С. А. В е н г е р о в›. Литературные очерки. *НВр*, 1876, 8 апреля, № 38; Вс. С-в ‹Вс. С. С о л о в ь е в›. Современная литература. *РМ*, 1876, 18 апреля, № 105; Библиографическая заметка. «Молва», 1876, 9 мая, № 19 (подпись: . . . ов . . .ин).

Первые записи Достоевского, относящиеся к дискуссии о провинциальной печати, появляются среди черновых записей к январскому выпуску «Дневника писателя». Достоевский намечал, в частности, «справиться» в «Отечественных записках», имея в виду статью Н. К. Михайловского (см.: наст. изд., т. XXIV). Затем Достоевский предполагал высказать свое мнение о провинциальной печати в февральском выпуске, намереваясь, по-видимому, полемизировать с Н. К. Михайловским. В самых первых числах февраля он записал в тетради: «№. NB. — О местной печати. Пересмотреть газеты непременно. Крики Михайловского в „От‹ечественных› записках" (декабрь). ‹. . .› — О провинциальной прессе. Хочет ли, и *надо ли* правительству развитие провинциальной прессы. ‹. . .› С Вас‹илием› Вас‹ильевичем› Григорьев‹ым› [1] поговорить о провинциальной печати и об наших восточных окраинах» (см.: наст. изд., т. XXIV). Эти записи находятся рядом с выписками из «Московских ведомостей» от 4 февраля, но до упоминания о «Голосе» за 7 февраля. Следовательно, они были сделаны 5 или 6 февраля и, несомненно, связаны с письмом Достоевского к Н. Ф. Юшкову, отправленным в эти дни. Редактор «Казанских губернских ведомостей» Н. Ф. Юшков в письме к Достоевскому от 20 января 1876 г. жаловался на трудности их издания, вызванные, в частности, мнением, будто газеты подобного рода не нужны и не имеют права на существование («Казанский корреспондент Ф. М. Достоевского. Неопубликованное письмо к Н. Ф. Юшкову». Публикация Ю. А. Красовского. В кн.: Встречи с прошлым. Сборник неопубликованных материалов Центрального государственного архива литературы и искусства СССР. Вып. 1. М., 1970, стр. 48). В ответном письме от 5 февраля Достоевский заявил, что он «всегда смотрел на развитие сил нашей окраинской прессы как на указатель общего развития сил нашей родины. Дело это еще в будущем, но людей твердых и с ясными взглядами на дело желательно бы иметь заранее» (там же, стр. 49). В наброске плана, записанном около 8 фев-

[1] Об отношениях Достоевского с В. В. Григорьевым см.: наст. изд., т. XXII, стр. 327—328.

раля, значился пункт «Губернские ведомости»; в более позднем февральском плане снова значилось «О губернской печати». Не выполнив своего намерения в феврале, Достоевский возвращался к мысли о нем и в марте, но также его не осуществил. В двадцатых числах марта, еще делая наброски к мартовскому выпуску, писатель составил первый вариант плана апрельского номера, включив в него пункт «Сборник казанский» (см.: наст. изд., т. XXIV).

Скептическая позиция, занятая Достоевским в комментируемой главке по отношению к сепаратистским стремлениям провинциальных литераторов, определялась его резким неприятием проектов децентрализации и федеративного устройства России (см.: наст. изд., т. VIII, стр. 214; т. IX, стр. 443; т. X, стр. 22; т. XI, стр. 108; т. XII, стр. 215, 284; ср. письмо к А. Н. Майкову от 18 февраля (1 марта) 1868 г.), а также его верой в «силу политического единства» русских и надеждами, которые он на это единство возлагал, о чем говорил, например, в апрельском выпуске, полемизируя с В. Г. Авсеенко (см.: наст. изд., т. XXII, стр. 111).

Рассуждение Достоевского о роли Петербурга и Москвы могло быть вызвано, в частности, следующими словами из статьи К. В. Лаврского: «Было время, когда живое слово разносилось из „сердца России“ — из Москвы; но когда это слово обветшало, когда Белинский почувствовал в себе призвание сказать другое „новое слово“ — он переменил место своей деятельности, перенес ее в Петербург. В половине шестидесятых годов „новое слово“ Петербурга в свою очередь обветшало, как все теперь видят, а московское и совсем сгнило, все чувствуют, что должна наступить новая перемена, и ждут опять какого-то „нового слова“, и ждут его из таинственных недр русской жизни. Но где же эти таинственные недра? Они в провинции. . .» (Первый шаг. . ., стр. 577).

Стр. 6. *. . . когда роль Петербурга и культурный период прорубленного в Европу окошка кончились. . .* — Окончание «роли Петербурга» Достоевский связывал с «концом» реформы Петра (см.: наст. изд., т. XXII, стр. 40, 341). Прорубленное в Европу окошко — иронически перефразированная строка из «Вступления» к поэме А. С. Пушкина «Медный всадник»:

Природой здесь нам суждено
В Европу прорубить окно.

Стр. 7. *. . . у нас будущее «темна вода». . .* — Крылатое выражение «темна вода во облацех», употребляемое в тех случаях, когда речь идет о чем-нибудь непонятном, восходит к следующему стиху из Библии: «И ‹господь› положи тму закров свой, окрест его селение его, темна вода во облацех воздушных» (Псалом 17, ст. 12; в более позднем переводе: «И мрак сделал покровом своим, сению вокруг себя мрак вод, облаков воздушных»).

Стр. 7. *Москва еще третьим Римом не была ∾ «четвертого Рима не будет». . .* — Теория «Москва — третий Рим», на которую здесь ссылается Достоевский, начала складываться с середины XV в., особенно интенсивно после падения Константинополя (1453), и являлась выражением идеи сильного централизованного государства, каким в это время становилась Московская Русь. Россию, переживавшую период быстрого прогресса во всех областях, набиравшую мощь и начинавшую играть видную роль в международных делах, стали рассматривать как преемницу «второго Рима» — Византии, Москву — как наследницу политического и религиозного ее авторитета, блюстительницу православия, руководительницу православного мира. Эти идеи были обобщены в десятых годах XVI в. старцем псковского Елеазарова монастыря Филофеем, который в послании к великому князю Василию Ивановичу писал: «И ныне глаголю: блюди и внемли, благочестивый царю, яко вся христианская царьства снидошася в твое едино, яко два Рима падоша, а третей стоит, а четвертому не быти, уже твое христианьское царство инем не останется» (цит. по кн.: В. Малинин. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Киев, 1901, Приложения, стр. 54—55). В XIX в. теория «Москва — третий Рим» нашла отражение во взглядах славянофилов. Она использовалась также в пропаганде вокруг Восточного вопроса.

В частности, на нее ссылался, например, В. И. Ламанский в статье «Россия уже тем полезна славянам, что она существует», напечатанной в сборнике «Братская помочь пострадавшим семействам Боснии и Герцеговины» (СПб., 1876, стр. 11—12; Достоевский был членом комиссии по изданию сборника).

Рассуждение на тему «Москва — третий Рим» входило еще в первоначальный план мартовского выпуска «Дневника писателя», записанный в черновой тетради между 15 и 18 марта (см.: наст. изд., т. XXIV). Несколько позднее она вспомнилась Достоевскому в связи с книгой Ю. Ф. Самарина «Окраины России» (Прага, 1868; Берлин, 1871). Достоевский в это время делал в тетради первые полемические заметки, из которых впоследствии выросла первая глава апрельского выпуска. Возражая В. Г. Авсеенко, умалявшему, по его мнению, народ, Достоевский в этой главе указывал, что русский народ сумел создать единое государство и укрепить за собою «свои окраины» (см.: наст. изд., т. XXII, стр. 111). В связи с этой мыслью, в ее первых набросках, и была сделана запись о книге Ю. Ф. Самарина и теории «Москва — третий Рим», которая здесь была охарактеризована как «древнее понимание народа о своем значении» (наст. изд., т. XXIV). В окончательный текст апрельского выпуска это рассуждение не вошло, но вопрос об «окраинах» еще раньше ассоциировался в сознании писателя с вопросом о провинциальной печати (см. стр. 357). Таким образом ссылка на теорию «Москва — третий Рим» оказалась, наконец, в этом разделе «Дневника писателя».

Стр. 7. *. . . сам признает повлиявшую среду, почти до невозможности борьбы с нею.* (Ср. стр. 19: *Кстати, я уж воображаю себе невольно ∾ Кто бы из вас не вышвырнул из окна ребенка?»* — и стр. 21: *Не правда ли, что «достойна всякого снисхождения»: иногда ужасно ведь эти ребятишки кричат, расстроят нервы, ну, а там бедность, стирка, не правда ли?*) — О полемике Достоевского с теорией «среды» см.: наст. изд., т. XXII, стр. 333.

Стр. 8. *. . . если только убивает не «Червонный валет». . .* — «Червонными валетами» называла себя шайка московских мошенников, состоявшая преимущественно из прокутившихся молодых людей дворянского происхождения, которые совершили большое число дерзких уголовных преступлений. Названием шайки стало заглавие романа французского писателя П.-А. Понсона дю Террайля (1829—1871) «Клуб червонных валетов» (1865). В 1876 г. проходило следствие по делу «Червонных валетов», процесс состоялся в феврале—марте 1877 г.

Стр. 8. *Утин* Евгений Исакович (1843—1894) — адвокат, либеральный журналист, критик, постоянный сотрудник журнала «Вестник Европы». Свою мысль о том, что, защищая Каирову, Утин «почти похвалил преступление», Достоевский поясняет в следующей главке.

Стр. 8. *На западе Дарвинова теория ∾ нечто либеральное!* — Достоевский повторяет мысль, которую ранее развил в очерке «Одна из современных фальшей», говоря о «всех этих европейских высших учителях наших, свете и надежде нашей, всех этих Миллях, Дарвинах и Штраусах» (см.: наст. изд., т. XXI, стр. 132). Эту же мысль повторит Иван Карамазов: «. . .я давно уже положил не думать о том: человек ли создал бога или бог человека? Не стану я, разумеется, перебирать на этот счет все современные аксиомы русских мальчиков, все сплошь выведенные из европейских гипотез; потому что что там гипотеза, то у русского мальчика тотчас же аксиома и не только у мальчиков, но, пожалуй, и у ихних профессоров, потому что и профессора русские весьма часто у нас теперь те же русские мальчики» (наст. изд., т. XIV стр. 214). В «Дневнике писателя» за 1877 г. (февраль, гл. I, § 3) Достоевский также указывал на опасные, с его точки зрения, социальные последствия распространения в России дарвинизма. Теорию, объяснявшую преступление патологическими явлениями в организме человека, болезнью, помешательством, развивал, вслед за западноевропейскими учеными (А. Кетле, К. Фохтом и др.), в журнале «Русское слово» В. А. Зайцев. Круг проблем, с нею связанных, неоднократно обсуждался в русской печати в 60—70-е гг. См. подробно: наст. изд., т. XII, стр. 306; *Фридлендер*, стр. 151—157. Достоевский полемизировал с этой теорией в эпилоге к «Преступлению и наказанию»

(см.: наст. изд., т. VI, стр. 411); . «Бесах» он указывал на ее вредные, разрушительные последствия, проистекавшие, по его убеждению, из того обстоятельства, что она могла стать орудием политических мошенников типа Петра Верховенского (см.: наст. изд., т. X, стр. 324). Ее он также вскользь упомянул в «Подростке» (см.: наст. изд., т. XIII, стр. 12, 240).

Стр. 8. *Я говорю про улицу. . .* — См.: наст. изд., т. XXII, стр. 101, 369.

Стр. 12. *. . . смеется ли г-н Утин ∾ скорее защитительная, чем обвинительная.* — В начале своей речи Е. И. Утин напомнил суду, что эксперты, наблюдавшие за Каировой в течение долгого времени, разошлись в оценке ее психического состояния; из этого он сделал вывод, что присяжным заседателям, которые видят Каирову лишь несколько часов, будет очень трудно составить мнение относительно ее вменяемости. Далее в отчете говорилось: «Здесь г-н защитник очень благодарил г-на прокурора за указание его на то, что данное дело во всяком случае возбуждает сомнение, которое должно быть истолковано в пользу подсудимой, и вообще за его речь, которая была „блестяща и талантлива, красноречива и гуманна“ и больше защитительная, нежели обвинительная» (*НВр*, 1876, 2 мая, № 62). Обвинителем на процессе выступал прокурор Петербургского окружного суда Владимир Константинович Случевский (1844—1926).

Стр. 16. *. . . «налагают бремена тяжкие и неудобоносимые». . .* — См.: наст. изд., т. XXII, стр. 354.

Стр. 16. *. . . но Тот, Кто сказал это слово ∾ Тот прибавил: «иди и не греши» ∾ не возносить почти что до подвига.* — Достоевский ссылается на евангельскую притчу о Христе и блуднице. Книжники и фарисеи привели к Христу блудницу и спросили его, следует ли соблюдать заповедь пророка Моисея и побить эту женщину камнями. Христос хранил молчание и, не обращая на них внимания, писал перстом на земле. «Когда же продолжали спрашивать его, он, восклонившись, сказал им: кто из вас без греха, первый брось на нее камень». Обвинители, «будучи обличаемы совестью», разошлись, и тогда Христос сказал женщине: «. . . и я не осуждаю тебя; иди и впредь не греши» (Евангелие от Иоанна, гл. 8, ст. 2—11). Эту притчу Достоевский вспомнит также в октябрьском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г., гл. II, § 4 «О том же» (см. выше, стр. 160) и декабрьском выпуске за 1877 г., гл. I, § 6. К ней он неоднократно обращался и ранее: в «Неточке Незвановой» (см.: наст. изд., т. II, стр. 243—244, 411, 495), «Идиоте» (см.: наст. изд., т. IX, стр. 395—396), подготовительных материалах к «Подростку» (см.: наст. изд., т. XVI, стр. 344). Замечание Достоевского о том, что Христос «грех все-таки назвал грехом; простил, но не оправдал его», повторяет слова Радомского относительно Настасьи Филипповны, обращенные к князю Мышкину: «Как вы думаете: во храме прощена была женщина, такая же женщина, но ведь не сказано же ей было, что она хорошо делает, достойна всяких почестей и уважения?» (наст. изд., т. VIII, стр. 482).

Стр. 17. *. . . которых бы не сказал, например, лорд Байрон ∾ окончательного разрыва. . .* — О внимании Достоевского к семейной трагедии Байрона свидетельствует запись в подготовительных материалах к «Подростку», называющая жену поэта прототипом генеральши Ахмаковой (см.: наст. изд., т. XVI, стр. 87; т. XVII, стр. 408; ср.: *Гроссман, Биография*, стр. 500—503).

Стр. 18. *Знаете ли, что такое смертный страх? ∾ на привязанного уже надвинут мешок. .* — Эти строки навеяны, несомненно, вызванными по ассоциации воспоминаниями об инсценировке казни петрашевцев 22 декабря 1849 г.

Стр. 19. *Вон мачеха недавно выбросила ∾ совсем невредимый. . .* — «Новое время» (1876, 13 мая, № 73, отдел «Городская хроника») сообщало: «11 мая, в здании экспедиции заготовления государственных бумаг, по Фонтанке, во флигеле для рабочих, в 4-м этаже, живет семейство крестьянина Корнилова, работающего в экспедиции, состоящее из Корнилова, его дочери от первой жены и жены Екатерины. Жена Корнилова очень не любила свою падчерицу 6-летнюю Машу и постоянно истязала. Утром 11-го мая, когда муж ушел на работу, Корнилова разбудила Машу и стала посылать ее

в школу, в общину сестер милосердия, где та училась. Девочка что-то раскапризничалась, и тогда мачеха схватила несчастную падчерицу и выбросила ее за окно, затем спокойно отправилась в участок, где и заявила, что Маша сама упала за окно. Между тем женщины, живущие в этом же флигеле, подняли девочку и нашли ее в полной памяти; оказалось, что ребенок, по счастливой случайности, упал на ноги и получил лишь сильные сотрясения всего тела, но не настолько опасные, чтобы выздоровление ее было невозможно. Девочка сама рассказала о том, как ее выбросила мачеха. Девочка находится в детской больнице, и доктора ручаются за ее выздоровление» (ср.: *ПГ*, 1876, 13 мая, № 92; *Г*, 1876, 13 мая, № 132; 15 мая, № 134; *МВед*, 1876, 17 мая, № 122; *СПбВед*, 1876, 13 мая, № 131).

Суд, состоявшийся 15 октября 1876 г., вскрыл несколько иную картину преступления (в частности, Корнилова сама призналась в преступлении, хотя падения девочки никто не заметил). Прочтя в газетах отчет о суде над Корниловой, Достоевский пришел к выводу, что преступление было совершено в состоянии аффекта, и выступил в защиту осужденной в октябрьском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г. (гл. I, § 1). Экспедиция заготовления государственных бумаг — находившееся в ведении Министерства финансов предприятие, на котором изготавливалась бумага для денежных знаков, гербовых и почтовых марок и т. п.

С т р. 19. *Г-н защитник ∾ цитату из Евангелия: «она много любила, ей многое простится»*. — В отчете говорилось: «Г-н защитник закончил свою речь цитатою из Священного писания: „Она много любила, ей многое простится". Если бы не было святотатством, то я прибавил бы: ей многое простится, потому что она много, много страдала» (*НВр*, 1876, 2 мая, № 62). Цитата приведена из евангельской притчи о Христе и грешнице. В доме фарисея Симона, пригласившего Христа вкусить с ним пищи, женщина, «которая была великая грешница», «ставши позади у ног его и плача, начала обливать ноги его слезами и отирать волосами головы своей, и целовала ноги его, и мазала миром». На это Христос сказал: «. . . прощаются грехи ее многие за то, что она возлюбила много; а кому мало прощается, тот мало любит» (Евангелие от Луки, гл. 7, ст. 36—50). Следующие далее рассуждения Достоевского об этой притче повторятся позднее в «Братьях Карамазовых» (см.: наст. изд., т. XIV, стр. 69; т. XV, стр. 538).

С т р. 20. *. . . я попал в Воспитательный дом, в котором никогда не был и куда давно порывался. . .* — К Петербургскому воспитательному дому внимание Достоевского было привлечено еще в 1873 г. (см.: наст. изд., т. XXII, стр. 325). О воспитательных домах Достоевский вспомнил в декабре 1875 г., когда набрасывал заметки к неосуществленной полемической статье о «Дыме» и взглядах Потугина. Из посещения колонии для малолетних преступников он вынес впечатление о низком умственном развитии многих детей, находившихся прежде в Воспитательном доме. О намерении Достоевского побывать в Воспитательном доме свидетельствует запись в черновой тетради, сделанная в марте 1876 г. Статья о Воспитательном доме предусматривалась уже в черновом плане апрельского выпуска (см.: наст. изд., т. XXIV). Очевидно, Достоевский читал следующую заметку в «Голосе» (1876, 19 апреля, № 108), которая могла повысить его интерес к воспитательным домам: «„Биржевые ведомости" сообщают как слух, что, ввиду часто повторяющихся, в последнее время, случаев убийства и скрытия матерями незаконнорожденных детей, последствием чего бывают также нередко смертные случаи, в административных сферах поднят вопрос о необходимости устройства в провинциях приютов для воспитания незаконнорожденных детей, на тех же основаниях, на каких существует императорский воспитательный дом, с тем, чтобы приюты эти составляли как бы отделения этого дома». Внимание Достоевского, возможно, привлекли также многочисленные сообщения об истязании детей, появившиеся в газетах в мае 1876 г. Широкую огласку приобрело преступление Е. П. Корниловой, которое Достоевский упомянул выше. В очередном «Листке» Гаммы (Г. К. Градовского) говорилось о генерале, истязавшем детей (*Г*, 1876, 16 мая, № 135). «Новое время» (1876, 16 мая, № 76) сообщало об убийстве в Киеве в ботаническом саду двух сестер-

подростков. Многие случаи жестокого обращения с детьми указывались в статье «Провинциальная жизнь (Летучие заметки)», напечатанной за подписью «П» в «Биржевых ведомостях» (1876, 20 мая, № 138).

Дата посещения устанавливается по упоминанию о том, что оно состоялось в то время, когда в суде разбиралось дело Капровой: 28 апреля 1876 г. Л. П. Гроссман указывает неопределенно: 29 апреля—2 мая (*Гроссман, Жизнь и труды*, стр. 248).

Стр. 20. *Благодаря знакомому врачу. . .* — В Воспитательном доме работал врачом-педиатром двоюродный брат Анны Григорьевны — Михаил Николаевич Сниткин (см.: наст. изд., т. XV, стр. 199, 606; *ЛН*, т. 86, стр. 336).

Стр. 20. *Бецкой* Иван Иванович (1704—1795) — главный деятель педагогической реформы в России в XVIII в. По его плану, утвержденному Екатериной II («Генеральное учреждение о воспитании обоего пола юношества, конфирмованное ее имп. величеством 1764 года марта 12 дня». СПб., 1764), были преобразованы старые и открыты новые учебные заведения. По его же инициативе были основаны Воспитательные дома в Москве (1764) и Петербурге (1770) («Генеральный план Императорского воспитательного дома в Москве», чч. 1—3. СПб., 1763—1767). Бронзовый бюст Бецкого, скопированный в увеличенном виде скульптором Н. А. Лаверецким с мраморного бюста работы Я. И. Земельгака (1803), был установлен в 1868 г. во дворе Воспитательного дома (ныне корпус Ленинградского гос. педагогического института им. А. И. Герцена).

Стр. 21. *. . . лет десять назад ∾ Это было тогда во всех газетах.* — Этот случай упоминается в подготовительных материалах к «Бесам» (см.: наст. изд., т. XI, стр. 275; т. XII, стр. 361), в черновых материалах к «Подростку» (см.: наст. изд., т. XVI, стр. 346; т. XVII, стр. 422—423), в очерке «Среда» (см.: наст. изд., т. XXI, стр. 22, 389).

Стр. 21. *. . . заберется интересная, симпатичная девица в укромный уголок ∾ невозможно судить, а даже надо подписку сделать.* — Достоевский иронизирует над оправдательным вердиктом присяжных заседателей по делу шестнадцатилетней дочери придворного лакея Богомоловой, обвинявшейся в том, что 1 ноября 1875 г. она убила новорожденного младенца. На суде, состоявшемся 19 марта 1876 г. в Москве, Богомолова дала показания, которые иронически пересказывает Достоевский (*Г*, 1876, 13 апреля, № 102; *НВр*, 1876, 14 апреля, № 44; *МВед*, 1876, 18 марта, № 70).

Стр. 22. *. . . если б ребенок развивался только посредством научных пособий и научных игр и узнавал мироведение через «утку». . .* — Ср.: наст. изд., т. XXII, стр. 9, 23, 329.

Стр. 23. *Вышвырок* — что-либо негодное, выброшенное, дрянь (В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. I. М., 1955, стр. 327). Употребление здесь и ниже этого слова связано с фразой: «Швыряют даже из окон . . .» (см. выше, стр. 21). Ср. в «Подростке»: «. . . сироты, незаконнорожденные, все эти выброшенные и вообще всякая дрянь . . .» (наст. изд., т. XIII, стр. 62).

Стр. 23. *. . . «если простить им, так простят ли они?»* — Эта формулировка, возможно, является реминисценцией евангельского текста: «И прости нам долги наши, как мы прощаем должникам нашим» (Евангелие от Матфея, гл. 6, ст. 12).

Стр. 23—24. *. . . ужасно многие из вышедших из этого «здания» выйдут именно с жаждой почтенности ∾ многое будет не совсем приглядно, хотя и в высшей степени честно.* — Рассуждение о «жажде буржуазного, *данного* порядка» у питомцев Воспитательного дома было, очевидно, подсказано Достоевскому воспоминаниями о полицейском надзирателе Жавере из романа В. Гюго «Отверженные». Родившись в тюрьме от гадалки, чей муж был сослан на каторгу, Жавер становится ревностным и бескомпромиссным охранителем устоев буржуазного общества («Отверженные», ч. I, кн. V, гл. 5). Делая в черновой тетради заметки к этой главке майского выпуска «Дневника писателя», Достоевский вспомнил о Жавере (см.: наст. изд., т. XXIV). См.: Е. И. Кийко. Из истории создания «Братьев Карамазовых» (Иван

и Смердяков). *Материалы и исследования*. т. II, стр. 127; ср.: наст. изд., т. XV, стр. 609—610. Из этой же книги «Отверженных» Достоевский привел цитату в январском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г. (см.: наст. изд., т. XXII, стр. 7, 317).

С т р. 24. *Есть и особые люди, взявшие за формулу: «Чем хуже, тем лучше»*. . . — В конце апреля или начале мая 1876 г., получив письмо от неустановленного лица. Достоевский сделал в черновой тетради следующую запись: «*Письмо помещика* — эта молодежь недоумение Они должны бы были быть славянофилами, т. е. всепримирением брать, а не проповедовать, что чем хуже, тем лучше, и будь моим братом, или голову долой» (см.: наст. изд., т. XXIV). Формула «чем хуже, тем лучше» записана ранее в тетради 1872—1875 гг. (наст. изд., т. XXI, стр. 264).

С т р. 24. *Женщины у нас подымаются и, может быть, многое спасут*. . . — См. ниже примеч. к стр. 28—29.

С т р. 24. *Чрезвычайно характерно одно письмо одной самоубийцы*. . . — Предсмертное письмо двадцатипятилетней Надежды Писаревой было напечатано в фельетоне L. W. «Из жизни и судебной практики» (*НВр*, 1876, 26 мая, № 85). Свои мысли по поводу самоубийства Писаревой Достоевский развил и разъяснил в письмах к В. А. Алексееву (7 июня 1876) и П. П. Потоцкому (10 июня 1876), отвечая на их вопросы, вызванные данной главкой «Дневника писателя».

С т р. 25. . . . *но она устала, она очень «устала»*. . . — В письме Н. Писаревой: «. . . я устала, страшно устала <. . .> Ах, как я устала! <. . .> я чувствую страшную усталость, мне нужен покой. . .».

С т р. 25. . . . *«о камнях, обращенных в хлебы»*. — См.: наст. изд., т. XXII, стр. 337.

С т р. 27. . . . *еще на одно письмо одного корреспондента*. — По-видимому, речь идет о несохранившемся «письме помещика» (см. примеч. к стр. 24). Основанием для этого предположения является запись в подготовительных материалах: «Пишет о молодежи. Демос доволен» (см. выше, стр. 163; ср. стр. 164, 165, 169).

С т р. 27. . . . *получил уже сведение* ∾ *о довольстве нашего «демоса»*. — Достоевский имеет в виду беседу с Христиной Даниловной Алчевской (1843—1918), деятельницей народного образования, проживавшей в Харькове. В 1876 г. между ними завязалась переписка, а 19 мая Алчевская приехала в Петербург с целью встретиться с писателем. Они виделись несколько раз. После первой беседы, состоявшейся 20 мая, Алчевская записала в своем дневнике: «На вопрос его, как относится Харьков к „Дневнику писателя“, я отвечала, что первые три номера были встречены хорошо, но последний вызвал протест, и я указала ему на место, где сказано, что демос наш доволен, а со временем ему будет еще лучше. „А много этих протестующих господ?“ — спросил он. „Очень много!“ — отвечала я. „Скажите же им, — продолжал Достоевский, — что они именно и служат мне порукой за будущее нашего народа. У нас так велико это сочувствие, что действительно невозможно ему не радоваться и не надеяться“» (Х. Д. А л ч е в с к а я. Передуманное и пережитое. Дневники, письма, воспоминания. М., 1912, стр. 78; *Достоевский в воспоминаниях*, т. II, стр. 292).

С т р. 28—29. *А в заключение мне хочется прибавить еще одно слово о русской женщине* ∾ *как бедная усталая, уединившаяся, поддавшаяся, побежденная*. . . — В 1875—1876 гг. в связи с работой правительственной комиссии по высшему женскому образованию в прессе появлялось много материалов по этому вопросу. В частности, Достоевский, очевидно, читал заметки в «Голосе» (1875, 9 ноября, № 310) и в «Новом времени» (1876, 24 апреля, № 54). В черновой тетради отмечена статья «Женщина и наука» (*НВр*, 1876, 6 мая, № 66), в которой говорилось: «. . . женское движение к новой жизни не может не заслуживать сочувствия. Что из него выйдет, — мы еще вполне не знаем, но в основе его лежит благородное стремление к добру, к пользе, к самоусовершенствованию. Эти стремления служат залогом дальнейшего нравственного и умственного роста женщины». Позже Достоевский отметит речь преподавателя тверской женской учительской школы А. Н. Робера,

который, обращаясь к выпускницам, говорил об обязанности «внести первый свет в темную массу невежества» (*НВр*, 1876, 13 июня, № 103). В конце года писатель обратит внимание на сообщение о ходатайстве одного из архитекторов об открытии бесплатного женского архитектурного класса (*НВр*. 1876, 16 декабря, № 289). Об отношении Достоевского к женскому вопросу и отражении этой проблематики в его художественных и публицистических произведениях см.: наст. изд., т. VII, стр. 371—372; т. XI, стр. 267; т. XII, стр. 300, 359; т. XVII, стр. 449—450; т. XVIII, стр. 62; т. XIX (статьи «Образцы чистосердечия» и «Ответ „Русскому вестнику"»); т. XXI, стр. 125, 153—156.

Стр. 29. . . . *пусть, как жена Щапова, она утолит тогда свою грусть самопожертвованием и любовью.* — «Новое время» (1876, 27 мая, № 86) перепечатало в отделе «Среди газет и журналов» следующую выдержку из «Внутреннего обозрения» майского номера «Отечественных записок»: «Ольга Ивановна Щапова, урожденная Жемчужникова, представляла собою редкий экземпляр женщины, прежде всего по своему самоотвержению и силе характера. Она познакомилась со Щаповым незадолго до его последней болезни в Петербурге, в доме покойного профессора Жиряева, и увлеклась им. Узнав, что Щапов сильно болен, лежит одинокий в клинике, что он высылается в Иркутск, она пошла и сделала ему предложение соединить свою судьбу с его судьбою. Напрасно родные и знакомые отклоняли ее от этого шага, указывая ей на отсутствие всяких определенных средств к жизни, на дикий характер Щапова пьяного, на его страшную болезнь. Храбрая девушка ничего не хотела слышать: решилась и поехала с Щаповым. В течение десяти лет жизни с ним ей пришлось перенести много физических лишений и болезней, еще более перестрадать нравственно; но она твердо донесла свой крест до конца и умерла со словами любви на устах к человеку, которому отдалась. „Ты один для меня ближе, роднее всех для меня!" — говорила она в своих предсмертных муках Щапову. Ольга Ивановна Щапова умерла 13 марта 1874 года» (*ОЗ*, 1876, № 5, отд. 2, Современное обозрение, стр. 186). Автором этой характеристики был сотрудник «Отечественных записок» Г. З. Елисеев (1821—1891), воспользовавшийся для нее «Воспоминанием», которое после смерти жены написал и переслал ему А. П. Щапов. О А. П. Щапове см.: наст. изд., т. XXII, стр. 386.

Стр. 30. . . . *в «стране святых чудес».* . . — Цитата из стихотворения А. С. Хомякова «Мечта» (1835).

Стр. 31. . . . *но всечеловечеству.* — Термин «всечеловеческое» был введен в употребление Н. Я. Данилевским, который в статье «Отношение народного к общечеловеческому» (1869) провел различие между «общечеловеческим» и «всечеловеческим» (Н. Я. Данилевский. Россия и Европа. Изд. испр. и доп. СПб., 1871, стр. 127—128).

Стр. 31. . . . *как непременно требуют того Потугины.* . . — См.: наст. изд., т. XXII, стр. 329—330.

Стр. 31. *Ихние поэты* ∾ *многокнижной Германии.* — Ранее Достоевский об этом писал в статье «Книжность и грамотность» (см.: наст. изд., т. XIX, стр. 17).

Стр. 31. *Французский конвент 93-го года, посылая патент на право гражданства* ∾ *знали во Франции* ∾ *да и то чуть-чуть.* — Решение о предоставлении Шиллеру почетного гражданства Французской республики было принято Конвентом 26 августа 1792 г. Формула, приводимая Достоевским, была, очевидно, создана им самим на основании суммарных впечатлений об эпохе Великой французской революции, составившихся в результате чтения. Выражение «l'ami de l'humanité» является, по-видимому, реминисценцией заглавия газеты, которую издавал Марат, — «L'ami du peuple» («Друг народа»); «другом народа» Марат называл себя. Достоевский был прав, говоря об особой, исключительной роли, которую играло в духовной жизни русского общества творческое наследие Шиллера (см., например: Р. Ю. Данилевский. Шиллер и становление русского романтизма. В кн.: Ранние романтические веяния. Из истории международных связей русской литературы. Изд. «Наука», Л., 1972, стр. 3—95), но в полемическом задоре он не-

верно судил об известности Шиллера во Франции (как и несколькими строками выше о восприятии Шекспира, Байрона и других в Германии).

Стр. 31. *А у нас он, вместе с Жуковским ∾ период в истории нашего развития обозначил.* — Достоевский повторяет мысль, ранее высказанную им в статье «Книжность и грамотность»: «Да, Шиллер, действительно, вошел в плоть и кровь русского общества, особенно в прошедшем и в запрошедшем поколении. Мы воспитались на нем, он нам родной и во многом отразился на нашем развитии» (наст. изд., т. XIX, стр. 17). Об отношении Достоевского к творчеству Шиллера см. также: наст. изд., т. III, стр. 526; т. VII, стр. 366, 385, 396; т. XV, стр. 461—462, 536—537 и др.; т. XIX, стр. 265, 290—291; *Фридлендер*, стр. 277—285; С. Ф. Терехов. Шиллер в русской критике 50—70-х годов XIX в. В кн.: Фридрих Шиллер. Статьи и материалы. Изд. «Наука», М., 1966, стр. 139—146.

Стр. 32. *. . . и Меттерних не умел смотреть. . .* — Меттерних-Виннебург Клеменс Венцель Лотар (1773—1859) — министр иностранных дел и фактический глава правительства Австрии в 1809—1821 гг., канцлер в 1821—1848 гг.; его деятельность была направлена на борьбу с революционным, либеральным и освободительным движением во всех странах, он был инициатором полицейских репрессий в Австрии и государствах Германии.

Стр. 32. *Томы Тьера и Рабо ∾ Вольность прославляет.* — Цитата из стихотворения Д. В. Давыдова «Современная песня» (соч. 1836, напеч. 1840). Ранее оно цитировалось в коллективной «Петербургской летописи» (см.: наст. изд., т. XVIII, стр. 114, 305). В виде скрытой цитаты первая строка приведена позднее в черновом наброске статьи о Некрасове для декабрьского выпуска «Дневника писателя» за 1877 г. Ср. также запись в начале тетради 1875—1876 гг.: «. . . революционеры, старого Гаврилу. . .» (наст. изд., т. XXIV).

Тьер Адольф (1797—1877) — французский государственный деятель и историк. В стихотворении упоминается как автор многотомной «Истории французской революции» (1823—1827), написанной с либерально-буржуазной позиции, которую автор занимал до июльской революции 1830 г. После 1830 г., занимая различные государственные посты, Тьер проводил крайне реакционную буржуазную политику, в 1871 г. руководил разгромом Парижской коммуны. Рабо Жан Поль (1743—1793) и Мирабо Оноре Габриель Рикети (1749—1791) — деятели Великой французской революции.

Стр. 33. *. . . несмотря ни на каких Магницких и Липранди. . .* — Магницкий Михаил Леонтьевич (1778—1855) — попечитель Казанского учебного округа с 1819 по 1826 г., заслуживший славу реакционера-мракобеса. Проведя в 1819 г. ревизию Казанского университета, Магницкий предложил его закрыть за «безбожное направление» преподавания, а само здание в торжественной обстановке разрушить. Состоя попечителем Казанского учебного округа, он видел свою основную задачу в искоренении «вольнодумства». С этой целью он уволил 11 профессоров, обязал преподавателей доказывать на лекциях преимущество религии перед наукой, предлагал отменить в университетах изучение философии и т. п. Отставленный от должности за растрату, Магницкий занялся литературной деятельностью. В своих статьях он проповедовал обскурантские взгляды, воздавал хвалу А. А. Аракчееву, объявлял татарское иго благом, спасшим Россию от пагубного влияния Европы.

Липранди Иван Петрович (1790—1880) — в 1840—1856 гг. чиновник особых поручений при Министерстве внутренних дел, организовавший наблюдение за петрашевцами и составивший по предложению Следственной комиссии записку о ходе этих наблюдений, а также «Мнение» о злоумышленниках.

Стр. 33. *Особенно пугали русских дам ∾ сделать ее смешной.* — Например, в статье «Странные признания Жоржа Санда» (*БдЧт*, 1836, т. 17, отд. 7, Смесь, стр. 6—10) говорилось: «Она одевается в мужское платье, разгуливает в этом наряде об руку с молодыми людьми по улицам Парижа, идет с ними ужинать в кофейные дома и трактиры и с ними же посещает другого рода места, куда женщины никогда не ходят. . .». Далее приводился рассказ одного русского о том, как Жорж Санд попросила у него закурить;

и в конце статьи формулировался вывод: «Эта женщина решительно помешана. . .».

Стр. 33. *Сенковский ∾ начал называть ее печатно г-жой Егором Зандом. . .* — Например: «. . . великая Егор Санд произвела великую драму „Козима“, каковая великая драма, от природы очень скучная, а по содержанию своему весьма беспутная, упала головой вниз, хотя в ней разложена была полная коллекция безнравственных умствований, которые составили славу упомянутой Егора Санд» (*БдЧт*, 1840, т. 41, отд. 7, Смесь, стр. 27). Об этом «остроумии» Сенковского Достоевский вспомнил раньше в статье «Ответ „Русскому вестнику“» (см.: наст. изд., т. XIX, стр. 125, 304—305).

Стр. 33. *Впоследствии, в 48-м году, Булгарин печатал об ней в «Северной пчеле» ∾ министра внутренних дел Ледрю-Роллена.* — В одном из писем, присланных из Парижа и напечатанных в «Северной пчеле» (1848, 17 мая, № 109, стр. 435), говорилось: Ледрю-Роллен «сделался другом и покровителем всех двусмысленных женщин и воспользовался своим званием для удовлетворения своих странных и развратных прихотей. В течение двух месяцев происходят буйные оргии в Министерстве внутренних дел. Гражданка Жорж Санд и актрисы, известные более своими похождениями, нежели талантом, пируют там на счет Республики».

Леру Пьер (1797—1871) — французский социалист-утопист, один из представителей христианского социализма, бывший первоначально последователем Сен-Симона, а позднее создавший собственное эклектическое учение, которое оказало большое влияние на Жорж Санд. С кружком Пьера Леру писательница сблизилась в начале сороковых годов. Ледрю-Роллен Александр Огюст (1807—1874) — французский политический деятель, после февральской революции 1848 г. министр внутренних дел Временного правительства. Жорж Санд активно сотрудничала с левыми членами Временного правительства, к числу которых принадлежал и Ледрю-Роллен.

Стр. 33. *Афинские вечера* — оргии.

Стр. 33. *Появилась же она на русском языке ∾ не знаю — когда и какое первое произведение ее было у нас переведено. . .* — Первым произведением Жорж Санд, переведенным на русский язык, был роман «Индиана» (СПб., 1833). До 1838 г. (когда Достоевский впервые прочел ее повесть) были переведены еще пять произведений: «Письма путешественника», «Симон», «Квинтилия», «Мопра», «Мельхиор». См. подробно: Л. М. Жикулина. Французский романтизм в русской журналистике тридцатых годов XIX века. Учен. зап. Лен. гос. пед. ин-та им. М. Н. Покровского, 1940, т. 4. Факультет языка и литературы, вып. 2, стр. 168.

Стр. 33. *Мне было, я думаю, лет шестнадцать ∾ ее повесть «Ускок». . .* — Воспоминания Достоевского точны (о первой публикации «Ускока» и переводе его на русский язык см.: наст. изд., т. XXII, стр. 331). Эту повесть Достоевский вспоминал, работая над «Преступлением и наказанием» (см.: наст. изд., т. VII, стр. 86, 406).

Стр. 33—34. *Даже Диккенс ∾ его значение во французской литературе).* — Первые переводы из Диккенса на русский язык появились в конце 1838 г. Это были извлечения из романа «Посмертные записки Пиквикского клуба» (1836—1837): «Похождения Пиквика и его друзей» («Сын отечества», 1838, т. 6, ноябрь—декабрь), «Приключение Гаврила Гроба» (*БдЧт*, 1838, т. 31, декабрь). Однако лишь с середины 40-х гг. Диккенс приобрел в России широкую известность и популярность, и вокруг его произведений разгорелась полемика, явившаяся важною составною частью литературно-общественной борьбы того времени. См. подробно: И. М. Катарский. Диккенс в России. Середина XIX века. Изд. «Наука», М., 1966. Бальзак в середине 30-х гг. был хорошо известен русскому читателю: почти сразу за первой журнальной публикацией романа «Отец Горио» (декабрь 1834—февраль 1835) появились два его перевода на русский язык: «Дед Горио» («Телескоп», 1835, ч. 26) и «Старик Горио» (*БдЧт*, 1835, т. 8—9). Судя по заглавию, приведенному в «Дневнике писателя», Достоевский читал его в «Библиотеке для чтения». Но не исключена возможность, что он знал и перевод, опубликованный в «Телескопе» (В. Г. Реизов. Бальзак. Сб. статей. Изд. ЛГУ, Л., 1960,

стр. 169). Достоевский увлекся Бальзаком в юношеском возрасте. «Бальзак велик! Его характеры — произведения ума вселенной! Не дух времени, но целые тысячелетия приготовили бореньем своим такую развязку в душе человека», — писал он брату Михаилу Михайловичу 9 августа 1838 г. Это отношение к французскому писателю сохранилось у него на всю жизнь. В 1843 г. он перевел на русский язык роман Бальзака «Евгения Гранде» (1833) (см. об этом: наст. изд., т. I, стр. 459). Д. В. Григорович, поселившийся вместе с Достоевским как раз в то время, когда он кончал свой перевод, рассказывает: «Увлечение Бальзаком было причиной, что Белинский, к которому в первый раз повел меня Некрасов, сделал на меня впечатление, обратное тому, какое я ожидал. Настроенный Некрасовым, я ждал, как счастья, видеть Белинского; я переступал его порог робко, с волнением, заблаговременно обдумывая выражения, с какими я выскажу ему мою любовь к знаменитому французскому писателю. Но едва я успел коснуться, что сожитель мой, имя которого никому не было тогда известно, перевел „Евгению Гранде“, Белинский разразился против общего нашего кумира жесточайшею бранью, назвал его мещанским писателем, сказал, что, если бы только попала ему в руки эта „Евгения Гранде“, он на каждой странице доказал бы всю пошлость этого сочинения» (Д. В. Григорович. Литературные воспоминания. Гослитиздат, М., 1961, стр. 87—88; см. также: *Достоевский в воспоминаниях*, т. 1, стр. 131). Достоевский, возможно, знал об этом разговоре Григоровича с Белинским. Об оценке Достоевским отношения Белинского к Бальзаку см.: наст. изд., т. XIX, стр. 90, 289—290. Подробнее об отношении Достоевского к творчеству Бальзака см.: Л. П. Гроссман. Достоевский и Бальзак. «Русская мысль», 1914, № 1; *Библиотека*, стр. 27—63; Л. П. Гроссман. Поэтика Достоевского. М., 1925, стр. 64—115; Р. А. Резник. Достоевский и Бальзак. В кн.: Реализм в зарубежных литературах XIX—XX веков. Межвузовский научный сборник, вып. 4. Саратов, 1975, стр. 153—203; см. также: наст. изд., т. VII, стр. 344.

Стр. 34. *Ote toi de là que je m'y mette.* — См.: наст. изд., т. XXII, стр. 86, 359.

Стр. 34. ...*«свобода, равенство и братство»*... — См.: наст. изд., т. XXII, стр. 362.

Стр. 34—35. ...*и пророчествует о «правах свободной жены» (выражение про нее Сенковского)*... — Это выражение встречается в «Библиотеке для чтения» неоднократно. Например: «...Мария Волльстонкрафт проповедовала <...> „права женщины“ и бралась возродить род человеческий посредством „свободной жены“» (*БдЧт*, 1834, т. 6, отд. 7, Смесь, стр. 73—74). В другом номере сообщалось о признании Жорж Санд в том, что «она родилась с *мужскими склонностями*, что ее пожирает безмерное честолюбие, что она в отчаянье от того, что она женщина, и горько сожалеет, зачем, родившись поэтом, свободною женою, существом, предназначенным вести *кочевую* жизнь, вышла замуж за *человека*, связалась с *человеческим* семейством» (*БдЧт*, 1836, т. 17, отд. 7, Смесь, стр. 9).

Стр. 35. *«Альдини»*. — В повести «Последняя Альдини» (1837) изображается гордая аристократка Алезия Альдини, готовая всем пожертвовать ради своей страстной неукротимой любви к актеру Лелио. Последний, однако, отказывается от девушки, как и много лет ранее, когда она была еще ребенком, отказался от любви ее матери, у которой в то время служил гондольером. В 1844 г. Достоевский переводил «Последнюю Альдини» на русский язык, о чем сообщал в апреле в письме к брату Михаилу Михайловичу. Однако эта попытка поправить свои денежные дела Достоевскому не удалась: заканчивая перевод, он обнаружил, что повесть уже была переведена раньше (Il primo tenore. Повесть из нового романа госпожи Дюдеван. *БдЧт*, 1838, ч. 27).

Стр. 36. ...*эта же тема повторена потом в великолепной повести ее «La Marquise», тоже из первоначальных)*. — В повести «Маркиза» (1832) рассказывается о бурной, всепоглощающей любви вдовствующей маркизы де Р., прошедшей в свои молодые годы через разочарования несчастливого брака и светского адюльтера, к актеру-итальянцу Лелио (ср. выше). Совер-

шая в порыве чувства безрассудные поступки, маркиза сохраняет нравственную чистоту, не опускаясь до незаконной связи с любимым человеком. Появившаяся ранее других упоминаемых здесь произведений Жорж Санд, эта повесть была поздно переведена на русский язык (*ОЗ*, 1845, т. 41), что, по-видимому, и явилось причиной хронологической ошибки, допущенной Достоевским.

Стр. 37. *Жорж Санд умерла деисткой, твердо веря в бога и бессмертную жизнь свою ∾ хотя формально (как католичка) и не исповедовала Христа.* — Эта характеристика Жорж Санд основана на сообщениях, печатавшихся в «Новом времени». В конце некролога (*НВр*, 1876, 29 мая, № 88) приводились ее слова, которые газета квалифицировала как «собственный ее profession de foi»: «Моя религия никогда не изменялась в основе: формы прошлого исчезли для меня, как и для моего века, при свете разума, но вечное учение верующих — бог всеблагий, бессмертие души и надежды на другую жизнь — вот что устояло против всякой критики, всяких рассуждений и даже против приступов безнадежного сомнения». Через несколько дней со ссылкой на французскую газету сообщалось, что похороны состоялись без участия духовенства (*НВр*, 1876, 3 июня, № 93). Однако затем было напечатано сообщение, что семья писательницы, вопреки ее предсмертному пожеланию, и церковь пошли на взаимные уступки; эта корреспонденция кончалась словами: «Жорж Санд умерла, как и жила, верная своим независимым философским убеждениям» (*НВр*, 1876, 6 июня, № 96). Наконец, в статье «Парижские заметки» (*НВр*, 1876, 7 июня, № 97) говорилось: «Первые полученные в Париже известия о смерти Жорж Санд сообщали, что похороны ее будут иметь чисто гражданский характер. Известие это, оказавшееся впоследствии ложным, основывалось, по всей вероятности, на предположении, что Жорж Санд не исполняла никаких обрядов римско-католической церкви и вообще не верила в формальную сторону религии. Она, действительно, осталась верной своим убеждениям и на смертном одре, и физические страдания, превратившие в кающегося грешника не одного издевавшегося при жизни над религией и открыто исповедовавшего атеизм философа, не омрачили ее светлый ум. Дело в том, что Санд питала такое же отвращение к последователям атеизма, как и к тартюфам, ставящим непременным условием спасения души соблюдение всех религиозных формальностей. Будучи деисткой в полном значении слова, она верила в провидение и полагала, что лучшим доказательством веры служат добрые дела».

Стр. 37. *Конечно, как француженка ∾ главной идеи православия. . .* — Эта мысль Достоевского основывалась на его убеждении, что с развитием цивилизации западноевропейское общество и католическая и протестантская церкви утратили «истинную» веру, которую, как он считал, сохраняло лишь православие. Об этом он, в частности, писал в настоящем выпуске «Дневника писателя» (см. выше, стр. 46). Ср. в подготовительных материалах к «Бесам»: «На Западе Христос исказился и истощился. . .»; «. . . можно ли веровать, быв цивилизованным, т. е. европейцем? — т. е. веровать безусловно в божественность сына божия Иисуса Христа? (ибо вся вера только в этом и состоит).

NB) На этот вопрос цивилизация отвечает фактами, что нет, нельзя (Ренан), и тем, что общество не удержало чистого понимания Христа (католичество — антихрист, блудница, а лютеранство — молоканство)» (наст. изд., т. XI, стр. 177—178; т. XII, стр. 350—351). Ср. запись в тетради 1875—1876 гг.: «Высшая нравственная идея, выработавшаяся всей жизнью Запада есть грядущий социализм и его идеалы, и об этом нет возможности спорить. Но христианская правда, сохранившаяся в православии, — выше социализма. Тут-то мы и встретимся с Европой. . . то есть разрешится вопрос: Христом спасется ли мир, или совершенно противоположным началом, т. е. уничтожением воли, камнем в хлебы» (наст. изд., т. XXIV).

Стр. 37. . . . *«во всей вселенной нет имени, кроме его, которым можно спастися». . .* — Неточно цитируемые из Евангелия слова апостола Петра: «Ибо нет другого имени под небом, данного человекам, которым надлежало бы нам спастись» (Деяния апостолов, гл. 4, ст. 12).

С т р. 37. . . . *а не на муравьиной необходимости.* — О символическом значении образа «муравейника» в произведениях Достоевского см.: наст. изд., т. VII, стр. 387; ср.: т. V, стр. 371. Кроме «Зимних заметок о летних впечатлениях» (наст. изд., т. V, стр. 81) и «Записок из подполья» (там же, стр. 118), этот образ встречается у Достоевского в статьях «Опять „Молодое перо"» и «Господин Щедрин, или Раскол в нигилистах» (наст. изд., т. XX, стр. 95, 110, 328), в записных тетрадях 1864—1865 гг. (там же, стр. 188, 193), в подготовительных материалах к «Бесам» (наст. изд., т. XI, стр. 122; т. XII, стр. 343), в очерке «Старые люди» (наст. изд., т. XXI, стр. 10), в записной тетради 1875—1876 гг. (наст. изд., т. XXIV), в «Братьях Карамазовых» (наст. изд., т. XIV, стр. 235) и «Дневнике писателя» за 1880 г., гл. II, § 3. Символическим образом муравейника объясняется в «Бесах» название Муравьиной улицы, на которой происходит собрание членов кружка Петра Верховенского (М. С. А л ь т м а н. Достоевский. По вехам имен. Саратов, 1975, стр. 201—203).

С т р. 37. . . . *«не единым хлебом бывает жив человек».* — Крылатое выражение, восходящее к Библии (Второзаконие, гл. 8, ст. 3; Евангелие от Матфея, гл. 4, ст. 4; Евангелие от Луки, гл. 4, ст. 4).

С т р. 37. *Пишут об ней* ∾ *(она происходила по матери из королевского Саксонского дома)*. . . — «Новое время» (1876, 4 июня, № 94) напечатало сообщение газеты «France» о том, что в Ноган, поместье Жорж Санд, съехались друзья писательницы — видные люди Франции. «Весь край оплакивает смерть Жорж Санд, — говорилось в корреспонденции. — Крестьяне стекаются в Ноган, неся с собой массу цветов. Все сельское население Ногана и окрестностей его будет присутствовать на похоронах». Позднее в газете было напечатано письмо И. С. Тургенева, содержавшее отрывок из письма П. Виардо, которая, в частности, писала: «Эта деятельная, живая доброта привлекала к Жорж Санд, закрепила за нею тех многочисленных друзей, которые пребыли ей неизменно верными до конца и которые находились во всех слоях общества. Когда ее хоронили, один из крестьян окрестностей Ногана (замка Жорж Санд) приблизился к могиле и, положив на нее венок, промолвил: „От имени крестьян Ногана — не от имени бедных, по ее милости здесь бедных не было". А ведь сама Жорж Санд не была богата и, трудясь до последнего конца жизни, только сводила концы с концами!» («Несколько слов о Жорж Санд. Письмо И. С. Тургенева к издателю „Нового времени"» ‹А. С. Суворину, 9 (21) июня 1876 г.›. *НВр*, 1876, 15 июня, № 105; ср.: *Тургенев*, *Сочинения*, т. XIV, стр. 233; *Тургенев*, *Письма*, т. XI, стр. 275).

Мать Жорж Санд была простой крестьянкой. Ее бабушка по отцовской линии была незаконною дочерью герцога Морица Саксонского (1696—1750), который в свою очередь был незаконным сыном польского короля Августа II (1670—1733). Достоевский повторил ошибку некролога в «Новом времени», автор которого написал, что Жорж Санд происходила от Морица Саксонского по женской линии, имея в виду, конечно, бабушку писательницы (*НВр*, 1876, 29 мая, № 88). О своей родословной писательница подробно рассказала в многотомной «Истории моей жизни» (1854—1855), не забыв отметить, что сложными связями она находилась в родстве с королями Франции Людовиком XVIII (1755—1824) и Карлом X (1757—1836). Замечание Достоевского о склонности Жорж Санд ценить свое аристократическое происхождение могло также быть подсказано тем абзацем в статье «Парижские заметки» (*НВр*, 1876, 7 июня, № 97), в котором описывался ее кабинет и упоминалось, что среди семейных портретов в нем висел портрет Морица Саксонского.

С т р. 38. *Вновь ошибка с Европой* ∾ *вновь на русских смотрят в Европе недоверчиво*. . . — См. ниже, примеч. к стр. 44 и след.

С т р. 38. . . . *подобно гуннам, готовым нахлынуть на древний Рим и разрушить святыню*. . . — В 452 г. гунны вторглись на территорию Италии, входившую в то время в состав Западной империи. Угрозу, нависшую над Римом, предотвратил, по преданию, папа Лев I, которому якобы удалось уговорить вождя гуннов Аттилу пощадить город. Гунны ушли, не взяв Рим.

С т р. 38. *Что русские действительно в большинстве своем заявили себя в Европе либералами, — это правда*. . . — Сходную мысль высказал ранее

Н. К. Михайловский в статье «Борьба за индивидуальность» (1875): «... русский читатель <...> по отношению к европейским делам почти всегда либерал...» (Н. К. Михайловский. Сочинения, т. I. СПб., 1896, стр. 446).

Стр. 39. *Grattez le russe et vous verrez le tartare.* — Это крылатое выражение, которое приписывалось разным историческим лицам (см.: наст. изд., т. XII, стр. 361; т. XVII, стр. 392), встречается у Достоевского также в подготовительных материалах к «Бесам» (наст. изд., т. XI, стр. 284), «Подростке» (наст. изд., т. XIII, стр. 454), черновых набросках к «Братьям Карамазовым» (наст. изд., т. XV, стр. 203).

Стр. 41. *Вот Россию безлесят ∾ две идеи противуположные.* — Тема истребления лесов, принявшего в пореформенной России грандиозные размеры, была одной из постоянных в русской литературе и публицистике 60—70-х гг. и позднее. В 1876 г. пресса часто возвращалась к этому вопросу в связи с работою правительственной Комиссии для рассмотрения проекта положения об охранении леса (см., например: *НВр*, 1876, 8 марта, № 9; 20 марта, № 21; *МВед*, 1876, 3 марта, № 55). Говоря о «двух противуположных идеях», Достоевский, очевидно, имеет в виду полемику вокруг доклада Н. П. Заломанова в Петербургском собрании сельских хозяев 13 февраля 1876 г. В отчете «Голоса» (1876, 23 февраля, № 54) о прениях по этому докладу сообщалось, что Г. Б. Бланк, согласившись с Н. П. Заломановым в том, что учеными не доказана водорегулирующая функция лесов, сказал: «... меры, сопряженные с принудительностью, некоторым образом нарушают право собственности, между тем как главная цель всякого союза государственного есть твердость прав личных и прав собственности. Следовательно, стоит ли нарушать столь коренные права из-за ученых, я позволю себе сказать, фантазий...». С этим тезисом полемизировал публицист «Голоса» Е. Л. Марков в статье «Истребление лесов» (*Г*, 1876, 18—19 марта, №№ 78—79), ставивший вопрос не только об экономическом, но и социально-общественном значении сохранения лесов и утверждавший право и обязанность государства взять под контроль судьбу частных лесов. С Марковым было не согласно «Новое время» (1876, 20 марта, № 21), которое вообще в ряде статей подвергало сомнению теорию водохранительной функции лесов. Достоевский писал об истреблении лесов в «Подростке» (см.: наст. изд., т. XIII, стр. 54, 381; т. XVII, стр. 397; ср.: т. XVI, стр. 9, 38, 208). Записи в черновой тетради показывают, что писатель обращал внимание на статьи по вопросу о сохранении лесов главным образом в марте 1876 г., причем даже, по-видимому, предполагая сделать относительно них полемические замечания в «Дневнике писателя» (см.: наст. изд., т. XXIV).

Стр. 41. *Кто-то сострил в нынешнем либеральном духе ∾ провинившихся мужиков и баб.* — Эта острота зафиксирована Достоевским уже в подготовительных материалах к «Бесам» (см.: наст. изд., т. XI, стр. 285, 287; т. XII, стр. 362). В записной тетради Достоевский повторил ее 10 марта 1876 г., прочитав в «Новом времени» (1876, 2 марта, № 3), а затем в «Гражданине» (1876, 8 марта, № 10) письмо крестьянина о телесном наказании, первоначально напечатанное в газете «Молва» (1876, 29 февраля, № 9; наст. изд., т. XXIV). В «Братьях Карамазовых» эту «остроту» обыграет Федор Павлович Карамазов: «Мужик наш мошенник, его жалеть не стоит, и хорошо еще, что дерут его иной раз и теперь. Русская земля крепка березой. Истребят леса — пропадет земля русская» (наст. изд., т. XIV, стр. 122; т. XV, стр. 545). Близкая к этой «остроте» мысль содержится в стихотворении, напечатанном во «Времени» (1862, № 4), а затем в «Голосе» (1876, 8 февраля, № 39); см.: наст. изд., т. XXII, стр. 328. А. С. Суворин в фельетоне о процессе Кроненберга иронически сказал: «... в Лесном розог много» (*БВ*, 1876, 1 февраля, № 31). О волостных судах см.: наст. изд., т. XV, стр. 545—546.

Стр. 42. *Вон жиды становятся помещиками ∾ о нарушении принципа экономической вольности и гражданской равноправности.* — В июне 1876 г. газеты сообщили о разработке ограничительных правил приобретения евреями поместий (например: *НВр*, 1876, 20 июня, № 110; *БВ*, 1876, 21 июня, № 169; *РМ*, 1876, 21 июня, № 169). В отделе «Городская хроника» газеты «Новое время» (1876, 14 мая, № 74) внимание Достоевского привлек отчет о заседа-

нии 12 мая 1876 г. Общества для содействия русской торговле и промышленности, на котором М. И. Гриневич сделал доклад о «действительных» причинах упадка сельского хозяйства и внутренней торговли (ср.: *Г*, 1876, 15 мая, № 134; *БВ*, 1876, 14 мая, № 132; *СПбВед*, 1876, 14 мая, № 132). Под влиянием заметки в «Новом времени» Достоевский сделал пространную запись в черновой тетради (наст. изд., т. XXIV). В его библиотеке имелась вышедшая позднее книга М. И. Гриневича «О тлетворном влиянии евреев на экономический быт России и о системе еврейской эксплоатации» (СПб., 1876) (*Библиотека*, стр. 159; *Гроссман, Семинарий*, стр. 46). Аргументы, которыми оперировал М. И. Гриневич, часто приводились в 70-е гг. для объяснения причин упадка в стране сельского хозяйства. См., например: *Салтыков-Щедрин*, т. XI, стр. 558; А. И. Васильчиков. О настоящем положении землевладения в России. В кн.: Братская помощь пострадавшим семействам Боснии и Герцеговины. СПб., 1876, стр. 403—404; *БВ*, 1876, 20 апреля, № 108; 13 мая, № 131; «Молва», 1876, 30 мая, № 22; С. М. К. С юга России. Евреи-землевладельцы и немцы-колонисты. — *Гр*, 1876, 25 июля, № 26, стр. 716—720. Свои мысли по этому вопросу Достоевский подробно развил во второй главе мартовского выпуска «Дневника писателя» за 1877 г.

Стр. 42. *Status in Statu*. — Крылатое выражение, возникшее, по-видимому, в эпоху религиозных войн во Франции и впервые встречающееся у французского писателя Агриппы д'Обинье (1552—1630) (*Ашукин*, стр. 170).

Стр. 42. *Недаром сказал Аполлон Григорьев ∾ «если б Белинский прожил долее, то наверно бы примкнул к славянофилам»*. — В статье А. А. Григорьева «Знаменитые европейские писатели перед судом русской критики» говорилось: «Белинский был прежде всего доступен — даже иногда неумеренно доступен всякому новому проявлению истины. Можно без особенной смелости предположить, что в 1856 году он стал бы славянофилом, и несомненно полагать, что еще в 1851 году указал бы он на Островского как на провозвестника нового литературного движения. . .» (*Вр*, 1861, № 3, отд. 2, стр. 47). С различными нюансами эта мысль повторялась и в других статьях А. А. Григорьева, написанных в том же году и составивших цикл «Развитие идеи народности в нашей литературе со смерти Пушкина»: «Народность и литература» (*Вр*, 1861, № 2, отд. 3, стр. 89; ср.: А. А. Григорьев. Сочинения, т. 1. СПб., 1876, стр. 488) и «Белинский и отрицательный взгляд в литературе» (*Вр*, 1861, № 4, отд. 2, стр. 209, 218; ср.: Сочинения, т. 1, стр. 570—571, 579). В различные периоды Достоевский по-разному относился к этой точке зрения. В начале 60-х гг. он ее разделял и повторил суждение А. А. Григорьева в объявлении об издании «Времени» на 1862 г.: «Если б Белинский прожил еще год, он бы сделался славянофилом, то есть попал бы из огня в полымя; ему ничего не оставалось более; да сверх того он не боялся, в развитии своей мысли, никакого полымя. Слишком уж много любил человек!» (наст. изд., т. XIX, стр. 149). Во второй главе «Зимних заметок о летних впечатлениях» Достоевский объяснил, в каком отношении и почему он подозревал в Белинском «тайного славянофила», указав одновременно, что ему не приходилось встречать «более страстно русского человека» (наст. изд., т. V, стр. 363). В эти годы «Время» старалось подкрепить «почвенничество» авторитетом Белинского, стилизуя его взгляды таким образом, чтобы представить его своим идейным предшественником. В этом плане очень удобной оказывалась гипотеза о возможной эволюции Белинского к славянофильству, так как она подразумевала его отказ от социалистических, западнических «заблуждений». Позднее, в период страстного неприятия идей Белинского, Достоевский отвергал точку зрения А. А. Григорьева на возможную эволюцию взглядов Белинского. О своем несогласии с нею он писал А. Н. Майкову 11 (23) декабря 1868 г., и с нею же он полемизировал в очерке «Старые люди» (наст. изд., т. XXI, стр. 11—12). Подробно см.: В. Я. Кирпотин. Достоевский и Белинский. Изд. 2-е, доп. М., 1976, стр. 84—86, 99—100, 107—112, 153—154, 203—204.

Стр. 43. *. . .коренной и древнейший русский князь Гагарин ∾ перескочить в иезуиты*. — Гагарин Иван Сергеевич (1814—1882) — русский дипломат, друг П. Я. Чаадаева, ученик немецкого философа Ф. Шеллинга (1775—

1854), в 1842 г. принял католичество, а в 1843 г. вступил в орден иезуитов. Гагарин был сторонником подчинения православной церкви Ватикану. О переходе русских аристократов в католичество Достоевский ранее писал неоднократно: в «Униженных и оскорбленных» (наст. изд., т. III стр. 218, 535), в «Идиоте» (наст. изд., т. VIII, стр. 449—453), в подготовительных материалах к «Бесам» (наст. изд., т. XI, стр. 87; т. XII, стр. 338), в «Подростке» (наст. изд., т. XIII, стр. 31, 51).

Стр. 44. *Кто из нас в этот месяц ∾ успеха не приобретут.* — Конец мая—первая половина июня прошли в напряженном ожидании войны Турции с Сербией и Черногорией. 27 мая (8 июня) Турция потребовала от Сербии и Черногории разъяснений по поводу проводившихся в этих странах военных приготовлений. Отвечая 11 (23) июня на этот угрожающий запрос, Сербия потребовала отвести турецкие войска от ее границ и поручить навести мир и порядок в Боснии и Герцеговине сербским и черногорским войскам. «Один вопрос занимает все умы: будет ли война или не будет?», — констатировало «Новое время» (1876, 2 июня, № 92). Вопрос о войне касался также и возможного участия в ней России, а отсюда и возможного столкновения с другими европейскими державами. Газеты были полны противоречивых сведений. В Петербурге обозначился лагерь противников войны. Газеты «Голос», «Биржевые ведомости», «С.-Петербургские ведомости» призывали к осторожности и «благоразумию», указывая, что интересы России требуют сохранения мира в Европе. Они рекомендовали сербскому правительству положиться на дипломатию и воздержаться от войны, предупреждая, что в случае ее возникновения Россия ни в коем случае не должна будет принимать в ней участия. Эти газеты имел в виду Достоевский, говоря о «пугающих» и «трусливых». Воинственную позицию заняло «Новое время». Полемизируя с утверждением, что Россия не готова к войне, газета писала: «Мы не готовы, но мы сильны. <. . .> Наша сила зависит от силы воодушевления, от популярности идеи, от того мужества, которое всегда было девизом нашей армии, от того великодушия, которое живет в нашем народе, великодушия бедняка, дающего последние средства для поддержания чести родины» (*НВр*, 1876, 1 июня, № 91). Резким нападкам подвергались на страницах «Нового времени» «Биржевые ведомости», которые обвинялись в том, что руководствуются «плутократическими интересами, совершенно чуждыми чувству народной гордости» (*НВр*, 1876, 7 июня, № 97, ср.: 8 июня, № 98). Это заявление было сделано по поводу утверждения «Биржевых ведомостей» (1876, 6 июня, № 154), что война нанесет ущерб «расширению нашей торговой и промышленной деятельности». С той же позиции «Новое время» критиковало и «С.-Петербургские ведомости», усматривая в их предостережениях и «голосе благоразумия» «трусливую опасность биржевого спекулятора или ростовщика, который боится за свои бумаги и за свои 2—3% в месяц» (*НВр*, 1876, 19 июня, № 109). В рассуждениях Достоевского чувствуется отзвук оценок «Нового времени». С началом военных действий позиция многих газет, выступавших ранее против войны, изменилась.

Стр. 44. *. . .отправляя послов к королю Стефану Баторию ∾ лишь бы мир выпросили.* — Об этом посольстве 1581 г., отправленном к Стефану Баторию после ряда крупных военных неудач, рассказывается в «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина (т. IX, гл. V): «Более и более снисходительный, Иоанн в ласковом письме именовал Стефана *братом*; жаловался, что литовцы не престают тревожить России нападениями; молил его не собирать войска к лету, не истощать тем казны государственной — и немедленно послал к нему думных дворян, Пушкина и Писемского, велев им не только быть смиренными, кроткими в переговорах, но даже (неслыханное уничижение!) терпеть и побои! Так Иоанн пил чашу стыда, им. не Россиею заслуженного!» (Н. М. Карамзин. История государства Российского. Изд. 5-е. Кн. 3. СПб., 1843, стр. 187). Об отношении Достоевского к «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина см.: наст. изд., т. IX, стр. 385, 520; т. XXI, стр. 134.

Стр. 44. *Князь Милан Сербский и князь Николай Черногорский, надеясь на Бога и на право свое, выступили против султана. . .* — 30 июня

(н. ст.) 1876 г. Сербия и Черногория объявили войну Турции, и 2 июля их войска, перейдя границу, открыли боевые действия. Милан Сербский — Милан Обренович (1854—1901), князь Сербии в 1868—1882 гг., впоследствии (1882—1889) король Сербии Милан I. Николай Черногорский — Николай Петрович-Негош (1841—1921), князь Черногории, поддерживавший тесные отношения с Сербией и стремившийся усилить и расширить Черногорию за счет Герцеговины.

Стр. 44. *Нерешительность и медленность великих держав ∾ зажгло и двинуло войну.* — Во время берлинского совещания «трех канцлеров» (см.: наст. изд., т. XXII, стр. 382) был принят составленный А. М. Горчаковым документ, получивший название «Берлинского меморандума». Державы требовали от Турции прекращения на два месяца военных действий против восставших и проведения реформ с целью умиротворения восстания. Они также объявили о том, что в случае если умиротворение не будет достигнуто, они дополнят дипломатическое воздействие «заключением соглашения для проведения действенных и соответствующих интересам общего мира мероприятий». Франция и Италия присоединились к меморандуму, но Англия, противодействовавшая русской политике и поддерживавшая Турцию, отказалась его подписать. Русская пресса, оживленно обсуждавшая возможные последствия Берлинского совещания, писала об Англии как о противнице России, не исключая даже возможности войны между ними. «Настоящий смысл отказа Англии заключается в том, чтобы „не дать в руки России разрешения восточного вопроса“», — оценивало, например, ситуацию «Новое время» (1876, 17 мая, № 77). Защита Турции, направленная на сохранение существовавшего положения вещей на Балканах, — так единодушно характеризовала позицию Англии русская печать (например: *НВр*, 1876, 13 мая, № 73; 18 мая, № 78; *Г*, 1876, 13 мая, № 132; *СПбВед*, 1876, 27 мая, № 144; и мн. др.). Меморандум предполагалось вручить турецкому правительству 30 (18) мая. На протяжении всего мая газеты сообщали о происходивших в Турции массовых волнениях фанатически настроенных непримиримых националистов, требовавших отклонить условия европейских держав, отозвать русского посла Н. П. Игнатьева и т. п. Поступали слухи о возможности государственного переворота. В ночь с 29 на 30 (н. ст.) мая султан Абдул-Азиз был свергнут, и на престол вступил Мурад V, ставший орудием в руках мусульман-фанатиков и военной партии. Дирижером всех этих событий русские газеты считали Англию (например: *НВр*, 1876, 21 мая, № 81; 26 мая, № 85). В связи с переворотом вручение меморандума было отсрочено для того, чтобы не создавать новому турецкому правительству с самого начала затруднений. Текст меморандума был опубликован в русской печати много позже в переводе из иностранных газет (например: *МВед*, 1876, 26 июня, № 116; *РМ*, 1876, 27 июня, № 175; *БВ*, 1876, 26 июня, № 174). В апреле 1876 г. вспыхнуло восстание в Болгарии, которое подавлялось со страшными жестокостями. С конца мая сведения об этих событиях стали появляться в русских газетах. Первоначально они публиковались сравнительно не очень часто, но в конце июня стали одной из ведущих тем русской прессы. Цифру 60 000 убитых болгар (значительно преувеличенную) неоднократно называли русские газеты; например: *НВр*, 1876, 22 июня, № 112; 29 июня, № 119; 30 июня, № 120; *Г*, 1876, 27 июня, № 176; *РМ*, 1876, 29 июня, № 177.

Башибузуки — солдаты нерегулярной турецкой армии (конницы и пехоты), которых вербовали среди самых отсталых, диких и воинственных племен, проживавших на территории Турецкой империи. Они отличались неорганизованностью и жестокостью нравов, которая поощрялась частично их правовым положением (правительство обеспечивало их лишь оружием и продовольствием, но не платило им жалованья). Черкесы — здесь: черкесы-мусульмане, эмигрировавшие в Турецкую империю после присоединения Кавказа к Российской империи.

Стр. 44. *У славян много надежд ∾ обратится в панический страх.* — С открытием боевых действий на Балканском полуострове русские газеты стали публиковать материалы о численности и состоянии армий воюющих стран. Газеты, приветствовавшие вооруженную борьбу против Турции, да-

вали, как правило, оптимистическую оценку сербской армии, в то же время отмечая низкий боевой и моральный дух армии Турции (*МВед*, 1876, июнь 18, 23—27, №№ 153, 158—162; *НВр*, 1876, 17 июня, № 107; 22 июня, № 112; 26 июня, № 116; 27 июня, № 117). Однако были и другие мнения, исходившие от противников войны. См., например: *Г*, 1876, 19 июня, № 168. Достоевский опирался, возможно, на статью «Боевые силы Сербии и Турции» (*НВр*, 1876, 22 июня, № 112). Впоследствии оценки сербской армии в русской прессе и у Достоевского изменились (см. стр. 105, 395).

Стр. 44—45. *Невмешательство Европы* ∾ *не во Франции.* — По мере того как становилось все яснее, что войны на Балканском полуострове не избежать, остро вставал вопрос о том, как поведут себя в новой ситуации европейские державы. Русские газеты были наполнены самыми различными и противоречивыми слухами и прогнозами, почерпнутыми из иностранных источников, но преобладали сообщения о том, что ни одна из держав не намерена принимать участие в вооруженном конфликте. Анализируя обстановку накануне объявления войны, «Московские ведомости» (1876, 13 июня, № 148) писали в передовой статье, что «европейские державы решились остаться зрителями происходящего между Турцией и ее подданными и вассалами». С началом войны появилось много сообщений о том, что все державы решили придерживаться принципа невмешательства (например: *Г*, 1876, 25 июня, № 174; 27 июня, № 176; *СПбВед*, 1876, 26 июня, № 174). «Англия в нерешительном раздумье, тройственный союз вновь скреплен, Франция доброжелательно настроена к России — вот при каких благоприятных обстоятельствах начинается бой славянства и исламом. . .», — писало в передовой статье «Новое время» (1876, 22 июня, № 112). Оценка Достоевского очень близка к этому заявлению. Позднее «Новое время» поместило сообщение от 23 июня (5 июля) о том, что «северные державы представили английскому кабинету уверения в их желании сохранить нейтралитет». Одновременно сообщалось о циркуляре А. М. Горчакова, который предлагал странам — участницам Парижского договора 1856 г. заявить о своем невмешательстве в конфликт; указывалось, что от Германии, Австрии и Франции получены утвердительные ответы (*НВр*, 1876, 28 июня, № 118). Позиция Франции характеризовалась в корреспонденции, переведенной из немецкой «Allgemeine Zeitung» (Augsburg): «Французы являются не более как безучастными зрителями событий; среди них не заметно ни волнения, ни участия, ни одна газета не требует, чтобы Франция играла первенствующую роль в событиях. Общее настроение должно соответствовать политике правительства» (*НВр*, 1876, 29 июня, № 119). В корреспонденциях из Франции на протяжении всего месяца Восточный вопрос затрагивался очень редко и лишь вскользь. 14 (2) июня состоялась встреча Александра II с Вильгельмом I в Эмсе; 8 июля (26 июня) встретились Александр II и Франц-Иосиф в Рейхштадте. Свидание австрийского и русского императоров вызвало много слухов и догадок. В телеграмме из Вены от 28 июня (10 июля) говорилось: «Обе великие державы согласны относительно соблюдения принципа невмешательства, оставляя за собой право, как скоро военные действия приведут к решению, установить интимное согласие между всеми христианскими великими державами. Вообще получается такое впечатление, что всякая опасность видеть перенесение войны за нынешние ее пределы может считаться устраненной» (*НВр*, 1876, 30 июня, № 120). Однако оставалось неизвестным, что во время этой встречи было заключено секретное и официально не зарегистрированное соглашение относительно занятия Боснии и Герцеговины Австрией, а юго-западной Бессарабии Россией в случае распада Османской империи.

Стр. 45. *Позволит ли стащить с постели больного человека совсем домой?* — «Больным человеком» назвал Турцию Николай I в беседе с английским послом Джорджем Гамильтоном Сеймуром (Seymour, 1797—1880) в 1853 г. (*Тарле*, т. VIII, стр. 89, 102, 141; *Лависс и Рамбо*, т. V, стр. 204). Тогда же опубликованное и ставшее крылатым это выражение широко употреблялось в русской публицистике второй половины XIX в., отражая составившееся о Турецкой империи представление как о разваливавшемся государстве, которое было не в состоянии решить ни одного стоявшего перед

ним политического, экономического, религиозного и другого вопроса. Так, «Новое время» (1876, 5 июня, № 95) писало: «Чрезвычайно важный исторический момент собрал всю Европу к могиле больного человека. Сомневаться в том, что Турецкая империя лежит в предсмертной агонии и что могила ей уже вырыта, мы считаем непростительным легкомыслием: не о том теперь речь, чтобы нанести Турции последний удар — меч уже занесен, — а о том, кто получит ее наследство — славяне или английские купцы». См. также, например, передовые статьи: *Г*, 1876, 19 мая, № 138; *СПбВед*, 1876, 6 мая, № 124; 21 июня, № 169; *РМ*, 1876, 12 июня, № 160. Ср. стр. 376. У Достоевского выражение «больной человек» встречается ранее в заметке 19 августа 1864 г. к неосуществленной политической статье: «Пока французы будут ждать, что больной человек цивилизуется» (наст. изд., т. XX, стр. 188).

Стр. 45. *Пусть в Англии первый министр ∾ его ложь. . .* — На заседании Палаты общин 26 (14) июня 1876 г. премьер-министр Англии Бенджамин Дизраэли (1804—1881) отвечал на запрос одного из членов парламента относительно массовой расправы турок с болгарами. Говоря об этой речи премьер-министра, «Новое время» (1876, 22 июня, № 112) писало в передовой статье, что «Дизраэли наотрез отрицает ‹зверства башибузуков в Болгарии› и приписывает все бесчеловечные истязания и убийства „славянским выходцам“». В действительности Дизраэли говорил не о «славянских выходцах», а о «чужестранцах» (strangers entering the country); см.: Hansard's Parliamentary Debates. 3-rd ser., vol. 230. London, 1876, p. 425. Точно перевели это место «Московские ведомости» (1876, 23 июня, № 158) и «Русский мир» (1876, 20 июня, № 168); в переводе «Голоса» (1876, 25 июня, № 174) говорилось о «христианских пришельцах».

Стр. 46. *Это-то и есть та самая драгоценность, про которую я говорил уже в одном из предыдущих № «Дневника». . .* — См. заключительные строки первой главы апрельского выпуска «Дневника писателя» за 1876 г. (наст. изд., т. XXII, стр. 119).

Стр. 47. *. . .«без чего соединение обоих слоев окажется невозможным, и всё погибнет».* — Пересказ рассуждения из февральского выпуска «Дневника писателя» за 1876 г. (наст. изд., т. XXII, стр. 45).

Стр. 47. *Кто хочет быть выше всех в царствии божием — стань всем слугой.* — Перефразированное евангельское изречение: «И, сев, призвал двенадцать и сказал им: кто хочет быть первым, будь из всех последним и всем слугою» (Евангелие от Марка, гл. 9, ст. 35; см. также: гл. 10, ст. 43; Евангелие от Матфея, гл. 20, ст. 25—26; гл. 23, ст. 11—12). Ср.: наст. изд., т. XIII, стр. 311; т. XIV, стр. 288; т. XV, стр. 568; т. XVII, стр. 385.

Стр. 48. *. . .Константинополь — рано ли, поздно ли, должен быть наш. . .* — В связи с обострением положения на Балканском полуострове в очередной раз стала злободневной старая и одна из основных проблем Восточного вопроса: в чье владение отойдет Константинополь в случае развала Турецкой империи. В начале 1876 г. русские газеты обратили внимание на брошюру английского публициста Джеймса Льюиса Фарли (1823—1885) «Турки и христиане. Решение восточного вопроса» (J. L. Farley. Turks and Christians. A Solution of the Eastern Question. London, 1876), в которой, как излагал ее содержание «Голос» (1876, 1 марта, № 61), выдвигался следующий проект: «Мы не можем бороться против судьбы, и владеть Константинополем суждено России. ‹. . .› Если же для обладания Константинополем Россия встретит препятствия со стороны Австрии, пусть Константинополь будет вольным городом под протекторатом великих держав. Или же еще лучше: пусть Константинополь с Болгарией и Македонией образует королевство под управлением английского принца и русской княгини, герцога и герцогини Эдинбургских, с титулом короля и королевы Византии». Несколькими днями позже «Голос» (1876, 4 марта, № 64) рецензировал брошюру другого английского публициста (A. B. Rathborne. Turkey and the Victims of Its Bad Faith and Its Misgovernment. Financial, Religious, and Political. London, 1875), также считавшего, что Константинополь должен стать столицей христианской монархии, где престол будет принадлежать сыну английской королевы и его жене — дочери Александра II. «Голос» не оценивал этих

проектов по существу, но считал весьма примечательным сам факт их появления в стране, где, как он указывал, ранее не допускали и мысли о нарушении целостности Турецкой империи. Брошюру Фарли рецензировали также и другие газеты (см., например: *МВед*, 1876, 17 января, № 15; *НВр*, 1876, 22 марта, № 23). О Константинополе шла речь в рецензии на памфлет турецкого публициста Али Суави «Относительно Герцеговины» в фельетоне Незнакомца (А. С. Суворина) «Недельные очерки и картинки» (*НВр*, 1876, 2 мая, № 62). В конце мая в отделе «Среди газет и журналов» «Нового времени» (1876, 29 мая, № 88) Достоевский обратил внимание на перепечатанную из газеты «Современные известия» (1876, 27 мая, № 143) выдержку из статьи, в которой речь шла о будущем Балканского полуострова и Константинополя в случае распада Оттоманской империи. Газета возражала против английского проекта, о котором до нее дошли слухи, отдать Константинополь грекам, чтобы создать «враждебный стан славянству». Через несколько дней «Новое время» (1876, 5 июня, № 95) напечатало программную передовую статью «Нужен ли славянам Константинополь?». «Только когда Константинополь будет в славянских руках, — писала газета, — Россия может сделаться по существу мировой державой. <. . .> Свободный Константинополь в руках свободных славян, наших союзников, друзей, братьев, — вот девиз нашего внутреннего и мирового процветания». Достоевский, регулярно читавший «Новое время», был, по-видимому, знаком с этой статьей, и возможно, что в его рассуждении о Константинополе содержится полемика с точкой зрения суворинской газеты. Во всяком случае, первая запись в черновой тетради к этому месту «Дневника писателя» была сделана между 31 мая и 10 июня (наст. изд., т. XXIV). Вопрос о Константинополе затронули в июне 1876 г. и «Отечественные записки» в статье Г. З. Елисеева «Воевать или не воевать?», в которой, в частности, говорилось: «Местоположение Константинополя можно назвать, пожалуй, единственным в Европе не только по его торговому, но и по его военному значению <. . .> Нет никакого сомнения, что когда наступит дележ наследства больного человека, коалиция европейских государств не позволит занять этого места ни одной из нынешних сильных держав. В этом можно быть вполне уверенным, а в особенности можно быть уверенным в том, что ни в каком случае не получит этого места Англия» (*ОЗ*, 1876, № 6, отд. 2, Современное обозрение, стр. 6; перепечатано: *НВр*, 1876, 24 июня, № 114). Рассуждения Достоевского о том, что Константинополь должен принадлежать России, вызвали иронический отзыв И. Ф. Василевского в «Биржевых ведомостях» (Б у к в а. Наброски и недомолвки. *БВ*, 1876, 4 июля, № 182). С этой статьей Достоевский полемизировал в разделе «Нечто о петербургском баден-баденстве» июльско-августовского выпуска «Дневника писателя» за 1876 г. (см. выше, стр. 57—58). О Константинополе Достоевский будет писать в разделах «Слова, слова, слова!» и «Комбинации и комбинации» сентябрьского выпуска «Дневника писателя» за 1876 г. (гл. I, §§ 2—3). К этой теме он будет неоднократно возвращаться в записной тетради и в последующие месяцы (см.: наст. изд., т. XXIV) и снова изложит свою точку зрения подробно в первой главе мартовского выпуска за 1877 г.

С т р. 48. *В Европе верят какому-то «Завещанию Петра Великого». ∾ бумага, написанная поляками.* — Фиктивное «Завещание Петра Великого» (инспирированное Наполеоном I в целях антирусской пропаганды накануне войны 1812 г.) было впервые изложено в «пересказе» чиновником министерства иностранных дел Франции Ш.-Л. Лезюром (Ch.-L. Lesur, 1770—1849) в книге «О развитии русского государства с основания до начала XIX века» («Des progrès de la puissance russe depuis son origine jusqu'au commencement du XIX siècle». Par M. L.*** Paris, 1812, pp. 176—179). В этом «документе», который, как утверждал Лезюр, хранился в личном архиве русских царей, были будто бы сформулированы тайные экспансионистские цели России, в том числе изгнание турок из Европы и овладение Константинополем. Название «Завещание Петра Великого» сфальсифицированный Лезюром документ получил в романе-памфлете Ф. Гайярде «Записки кавалера д'Эона» (F. G a i l l a r d e t. Mémoires du chevalier d'Eon. 1836). «Завещание» неоднократно перепечатывалось на Западе как отдельно, так и в различных

изданиях и активно использовалось в целях антирусской пропаганды (см. R. Minzloff. Pierre le Grand dans la littérature étrangère. St.-Pétersbourg, 1872, pp. 455—458; Bibliothèque Impériale Publique de St.-Pétersbourg. Catalogue de la section de Russica ou écrits sur la Russie en langues étrangères, t. 2. St.-Pétersbourg, 1873, p. 408). К 1876 г. его происхождение было уже выяснено (см., например: G. Berkholz. Napoleon I auteur de Testament de Pierre le Grand. Bruxelles, 1863; Les auteurs de Testament de Pierre le Grand. Paris, 1872; Кто автор Завещания Петра Великого. *РВ*, 1872, т. 98, № 3, стр. 338—344), но в пропагандистских целях оно по-прежнему многократно использовалось на Западе как подлинный документ, на что неоднократно указывала русская пресса (см., например: *Г*, 1876, 16 октября, № 286; 1 декабря, № 332; *НВр*, 1876, 20 октября, № 232; 24 октября, № 236; *БВ*, 1876, 15 июня, № 163; 25 декабря, № 356; *РМ*, 1876, 15 ноября, № 283; «Сын отечества», 1876, 23 апреля, № 91; и др.).

Стр. 49. *Если же теперь Царьград может быть нашим и не как столица России* ∾ *И не похоже ли бы это было как бы на политический захват славян Россией, чего не надо нам вовсе?* — В истории общественно-политической мысли XIX в. неоднократно выдвигались различные проекты федерации славянских государств, в том числе со столицею в Константинополе. Здесь Достоевский имеет в виду тот вариант идеи славянской федерации во главе с Россиею, который развивал Н. Я. Данилевский в серии статей, печатавшихся в 1869 г. в журнале «Заря» и составивших впоследствии книгу «Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому» (1870). Об отношении Достоевского к этой книге см.: наст. изд., т. XII, стр. 233 и *ДП*, 1877, ноябрь, гл. III, § 1. В числе различных претендентов на владение Константинополем в случае распада Оттоманской империи была и Греция, объявлявшая себя политической наследницей древней Византии. Русская пресса и публицистика разных направлений в 60—70-е гг. отрицательно относились к этим притязаниям. В таком же плане оценивались они и в указанной статье Н. Я. Данилевского. «Разжалованный в столицу незначительного государства», Константинополь, делал вывод Н. Я. Данилевский, «или потерял бы свое всемирное историческое значение, или раздавил бы само это государство под тяжестью этого значения, как здание, раздавливающее свой фундамент, несоразмерный с его громадностью» (Н. Я. Данилевский. Россия и Европа. Изд. испр. и доп. СПб., 1871, стр. 409).

Предсказывая конфликты между «всеславянством» и греками, Достоевский опирался на политический опыт 40-х—начала 70-х гг., которые прошли под знаком борьбы болгар за национальную церковь против греческой иерархии, стремившейся их денационализировать (см.: История христианской церкви в XIX веке. Изд. А. П. Лопухина, т. 2. Пг., 1901, стр. 346—362). Церковное по форме и национально-освободительное по своей сущности, это движение закончилось тем, что в 1870 г. фирманом султана было признано существование болгарского экзархата, после чего Константинопольский собор в феврале 1872 г. признал болгар схизматиками. С конца 50-х гг. в русской печати, особенно в славянофильской, часто появлялись материалы о взаимоотношениях греков и болгар; ее отклики на решение Константинопольского собора были в большинстве сочувственными по отношению к болгарам (*Никитин*, стр. 184—199, 219—220, 295—297). В славянофильской пропаганде сложилось представление о греках как о врагах славян и как о народе, который являет собою «пример гордости духовной». Оно было сформулировано, например, в памфлете «К сербам. Послание из Москвы» (Лейпциг, 1860), написанном славянофилами А. С. Хомяковым, М. П. Погодиным, Ю. Ф. Самариным, П. И. Бартеневым, И. С. Аксаковым и другими, а также нашло отражение в статье Н. Я. Данилевского «Восточный вопрос».

Восприняв это представление о греках, Достоевский тем не менее был на их стороне в оценке решений Константинопольского собора с канонической точки зрения. Он считал, что, поставив национальный вопрос выше собственно церковного, болгары «исказили» христианство и к православию отнеслись как ко «второстепенной вещи». С этой позиции он поддержал статью

Т. И. Филиппова «Определение Константинопольского собора» (*Гр*, 1872, № 23—27), в которой постановления собора признавались не подлежащими оспариванию, и отказался напечатать в «Гражданине» речь несогласного с ними М. П. Погодина (письмо к М. П. Погодину от 26 февраля 1873 г.), в то же время предоставив место в журнале сочувственной грекам статье Г. Паламы «Еще о болгарском вопросе» (*Гр*, 1873, № 12—14).

Замечание Достоевского о том, что России не следует становиться во главе всеславянского государства, чтобы не производить впечатление захвата славян, отражало переоценку в 70-е гг. проекта славянской федерации под эгидою России, который в 1867—самом начале 1870-х гг. в различной степени пользовался поддержкой или сочувствием в разных кругах, в том числе и либеральных. Под воздействием официальной внешней политики сближения с Австрией и Германией, в условиях недоверия к России со стороны многих славянских общественных деятелей и бурной пропаганды против панславизма в западной печати ведущие славянофилы, как например М. П. Погодин, оставили свои «панславистские (всеславянские) мечтания» (М. П. Погодин. Собрание статей, писем, речей по поводу Славянского вопроса. М., 1878, стр. 50), а вся русская печать единодушно уверяла западные страны, что России чужды стремления распространить свою власть на другие славянские народы и что в ней нет панславистской партии. Сам термин «панславизм» в силу приобретенного им одиозного политического значения уже в начале 70-х гг. стал заменяться словом «всеславянство» (*Никитин*, стр. 281—294). Свои взгляды по вопросам, затронутым в комментируемом отрывке, Достоевский подробно развил в первой главе мартовского выпуска «Дневника писателя» за 1877 г.

Стр. 49. *. . .роль, предназначенная ей еще с Ивана III* ∾ *выше древнего герба России. . .* — В связи с образованием сильного централизованного Московского государства и теорией «Москва — третий Рим» (см. примеч. к стр. 7) возникли новые внешние атрибуты верховной власти; они должны были подчеркнуть величие и мощь Руси как наследницы Византии. Иван III принял титул «царя всея Руси», «великого государя»; при нем же на печатях появляется изображение двуглавого орла (впервые в 1497 г.), ставшее гербом России.

Стр. 51. *В газетах почти уже все перешли к сочувствию восставшим* ∾ *не сравнивали бы их с Пиемонтом. . .* — С началом военных действий на Балканском полуострове петербургские газеты «Биржевые ведомости» и «С.-Петербургские ведомости», которые до этого выступали противниками войны, стали высказываться за поддержку славянского движения. Эту смену их позиции с удовлетворением отмечало «Новое время» (1876, 20 июня, № 110) в своем ежедневном обозрении «Среди газет и журналов». В газетах появлялись сообщения о помощи, которую тайно оказывала Турции Англия, о пребывании в Безикской бухте около пролива Дарданеллы английского флота (например: *НВр*, 1876, 13 мая, № 73; 13 июня, № 103; *РМ*, 1876, 12 мая, № 129; и др.); о том, что английские броненосцы будут сопровождать турецкие корабли, подвозящие войска и военное снаряжение к месту боевых действий (*МВед*, 1876, 24 июня, № 159); о предлагаемой организации двух турецких корпусов под командованием английских и греческих офицеров (*НВр*, 1876, 29 июня, № 119). Много сообщений было напечатано также о военных приготовлениях Австрии и об участии венгров в войне на стороне Турции (например: *НВр*, 1876, июнь 22, 26—28, 30, №№ 112, 116—118, 120; *МВед*, 24 июня, № 159; *РМ*, 1876, 29 июня, № 177). Русские газеты внимательно следили за австро-венгерской прессой и отмечали ее недружелюбное отношение к борьбе славян за независимость (*МВед*, 1876, 24 июня, № 159; *НВр*, 1876, июнь 22, 25, 27—28, №№ 112, 115, 117—118).

Пьемонт — главная область королевства Сардинии, вокруг которой произошло объединение Италии. Название «Пьемонта Балкан» Сербия получила еще в 60-е гг. вследствие того, что в своей внешней политике она преследовала объединительные цели, претендуя на роль ядра, вокруг которого должны были, по ее замыслу, объединиться христианские славянские государства по мере сбрасывания ига Турции (*Никитин*, стр. 163, 172, 208; *Ла-*

юисс и Рамбо, т. V, стр. 248). Сравнение Сербии с Пьемонтом было привычным в публицистике 1876 г. Так, в отделе «Ежедневное обозрение» «Новое время» (1876, 28 мая, № 87) писало: «Пойдут ли сербские войска на Константинополь, или высшие влияния заставят Сербию отказаться от роли Пьемонта на Балканском полуострове. . .» Ср.: «Пусть Сербия в борьбе с Турциею докажет, что она заслуживает данное ей громкое прозвище „Пьемонта Балкана"» (*СПбВед*, 1876, 15 июня, № 162; цитируется в *НВр*, 1876, 16 июня, № 106).

Стр. 51. *Генерал Черняев* ∾ *санитарная часть всей сербской армии чрезвычайно слаба. . .* — Телеграмма М. Г. Черняева (см.: наст. изд., т. XXII, стр. 381) на имя председательницы Петербургского дамского комитета для вспомоществования семействам славян О. К. Граве была напечатана в «Голосе» (1876, 28 июня, № 177), а на следующий день перепечатана в других газетах (см., например: *МВед*, 1876, 29 июня, № 164; *НВр*, 1876, 29 июня, № 119).

Стр. 51. *Славянский комитет.* — Московский славянский благотворительный комитет был основан в 1858 г. с целью оказания помощи школам, библиотекам, церквам в славянских землях и славянам, учившимся в России. Позднее были организованы отделения комитета в других городах (Петербургское — 1868 г.). Объединяя людей славянофильских и панславистских убеждений, Славянский комитет не удовлетворялся лишь благотворительной деятельностью и стремился играть активную политическую роль в славянском мире. Таким моментом был, в частности, 1876 год, когда Славянский комитет стал в России центром движения в поддержку национально-освободительной борьбы славянских народов Балканского полуострова (см. подробно: С. А. Никитин. Славянские комитеты в России в 1858—1876 гг. М., 1960). Достоевский был членом Петербургского отдела и неоднократно присутствовал на его заседаниях. Воззвание Московского славянского комитета было опубликовано в «Московских ведомостях», 1876, 26 июня, № 161.

Стр. 51. *Сербское подворье.* — Сербское церковное представительство в Москве при храме св. Кира и Иоанна, открытое в 1874 г. по инициативе Московского славянского комитета и по ходатайству сербского митрополита Михаила. Доходы от домов Сербского подворья отсылались на нужды сербской церкви. Молебен в церкви Сербского подворья, состоявшийся 28 июня, был организован в пропагандистских целях, о которых И. С. Аксаков писал кн. В. А. Черкасскому 24 июня 1876 г.: «В понедельник на Сербском подворье будет (для сербов) отслужено молебствие о даровании победы и одоления, и мы эксплуатируем это обстоятельство, придав ему, потом, гласность телеграммами. Хоть призрак общественного мнения!» (*Славянский сборник*, стр. 149). В петербургских газетах телеграммы были опубликованы на следующий день после молебна (см., например: *НВр*, 1876, 29 июня, № 119; *Г*, 1876, 29 июня, № 178). «Новое время» (1876, 29 июня, № 119) напечатало открытое письмо Н. Н. Писаревского председателю Комитета для сбора пожертвований в пользу славян. Автор письма указывал, что восставшим славянам нужна регулярная помощь деньгами, и брал на себя обязательство присылать 10 рублей ежемесячно, «пока не кончатся бедствия войны». Именно это письмо, очевидно, имел в виду Достоевский, говоря о «заявлениях» публики.

Стр. 51. . . . *ко мне позвонила одна девушка.* — Софья Ефимовна Лурье (род. 1858—ум. в 1890-е гг.), дочь банкира, приехавшая в Петербург из Минска (*Гроссман, Семинарий*, стр. 65). В письме от 25 апреля 1876 г. она обратилась к Достоевскому с просьбой принять ее и «быть руководителем» (*Письма читателей*, стр. 181—182). Писатель пригласил ее зайти к нему и обещал подобрать для нее книгу. Переписка между Достоевским и Лурье поддерживалась и впоследствии: сохранились еще несколько писем Лурье к писателю, из которых одно он частично напечатал в мартовском выпуске «Дневника писателя» за 1877 г., и два ответных письма Достоевского (от 11 марта и 17 апреля 1877).

Стр. 53. . . .*и, уж конечно, через неделю будет там.* — В Сербию

С. Е. Лурье не поехала, так как этому воспротивился её отец. См. письмо к Достоевскому от 15 августа 1876 г. (*ИРЛИ*, ф. 100, № 29768. CCXIб. 7).

Стр. 53. В конце июньского номера «Дневника» имелось следующее примечание: «В этом июньском номере „Дневника", в первой главе, в статье о Жорж Занде, вкралось несколько непростительных опечаток, которые были замечены, лишь когда уже был отпечатан лист. Две из них я спешу оговорить. На странице 150 во 2-м столбце 28 стр. сверху напечатано: „Шиллера. . . знали во Франции лишь как профессора словесности". Тут слово: *как* лишнее. Надо читать: „Шиллера. . . знали во Франции лишь профессора́ словесности". На странице 152 во 2-м столбце вторая строка сверху напечатано: „Здесь надо заметить, что и то, что у нас, несмотря ни на каких Магницких и Липранди. . ." и т. д. Надо читать: „Здесь надо заметить и то, что у нас, не смотря ни на каких. . ." и т. д.». Опечатки эти были исправлены во всех последующих изданиях.

Стр. 54. *. . .сел в вагон и отправился в Эмс. . .* — Эмс — курортный город в Германии в центре земли Рейнланд-Пфальц, славившийся горячими минеральными источниками; в 1874—1879 гг. Достоевский четыре раза лечился в Эмсе. В 1876 г. Достоевский выехал для лечения из Петербурга в Эмс через Берлин 5 июля. См. о пребывании писателя в Эмсе и о местах, связанных здесь с его памятью, книгу: Н. А. Натова. Достоевский в Бад-Эмсе. Франкфурт-на-Майне, 1971.

Стр. 54. *О, конечно, моя бы воля, я отправился бы куда-нибудь на юг России. . .* — Достоевский писал Х. Д. Алчевской 9 апреля 1876 г.: «Не знаю, куда меня пошлют на лето доктора; думаю, что в Эмс, куда езжу уже два года, но, может быть, и в Ессентуки, на Кавказ; в последнем случае, хоть, может быть, и крюку сделаю, а заеду в Харьков, на обратном пути. Я давно уже собирался побывать на нашем юге, где никогда не был». Ср. в рассказе «Кроткая» слова героя о своем праве «собрать <. . .> тридцать тысяч рублей и окончить жизнь где-нибудь в Крыму, на Южном берегу, в горах и виноградниках. . .».

Стр. 54. *Где с щедростью обычной ∾ Гордо бродят табуны.* — Цитата из думы К. Ф. Рылеева «Петр Великий в Острогожске» (1823). В библиотеке Достоевского имелось издание «Сочинений» Рылеева (*Библиотека*, стр. 134; *Гроссман*, *Семинарий*, стр. 28).

Стр. 54—55. *Кстати, недавно в «Московских ведомостях» нашел статью о Крыме ∾ уме(ют)ствят почву края. . .* — Достоевский излагает содержание передовой статьи «Московских ведомостей» (1876, 10 июля, № 174). Вопрос о хозяйстве и о положении татар-земледельцев в Крыму часто поднимался в то время в печати начиная с середины 60-х гг. Обсуждался он и в месяцы, предшествовавшие выходу июльско-августовского выпуска «Дневника писателя» за 1876 г. (например: *Г*, 1876, 13 февраля, № 44; 24 февраля, № 55; *НВр*, 1876, 23 марта, № 24; *СПбВед*, 1876, 2 мая, № 120; *РМ*, 1876, 14 мая, № 131; «Молва», 1876, 25 июля, № 30) и в последующие (*БВ*, 1876, 8 сентября, № 248; *МВед*, 1876, 25 сентября, № 244; *НВр*, 1876, 27 октября, № 239; *Г*, 1876, 1 сентября, № 241) в связи с рассмотрением его особой комиссией Министерства внутренних дел. «Либеральное», как называет его Достоевский, мнение утверждало необходимость протекционистских мер и ограничения произвола помещиков, видя, в противоположность «Московским ведомостям», причину зла именно в этом произволе.

Стр. 57. *Кстати, русский генерал ∾ осчастливить подарком преданного подчиненного.* — Этот пассаж повторяет следующие слова из письма Достоевского к Л. В. Головиной от 23 июля (14 августа) 1876 г.: «. . .барон Ган совсем не собирается умирать. Статское платье его сшито щегольски, и он с видимым удовольствием его носит. (Генералы наши, я заметил это, с особенным удовольствием надевают статское платье, когда едут за границу.) К тому же здесь так много „хорошеньких дам" со всего света и так прелестно одетых. Он, наверно, снимет с себя фотографию, в статском платье, и подарит карточки своим знакомым в Петербурге». Барон Ган — очевидно, Теокар Федорович Ган, генерал, в 70-е гг. член Артиллерийского комитета в Петербурге (*РЛ*, 1961, № 4, стр. 147).

С т р. 57. . . .*попал как раз в «Биржевых ведомостях» на брань за мой июньский «Дневник».* — Речь идет о статье И. Ф. Василевского (псевдоним: «Буква») «Наброски и недомолвки» (*БВ*, 1876, 4 июля, № 182), в которой отвергалось предложенное в июньском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г. решение Восточного вопроса, предполагавшее присоединение Константинополя к России. Вывод И. Ф. Василевского: «. . .г-н Достоевский — отвлеченный мечтатель. . ., крайне плохой, наивный политик, который чем более старается ободрить и утешить, тем более зловещею ирониею звучат его слова в применении к реальным данным».

С т р. 57. . . .*до размеров какого-нибудь Баден-Бадена или даже фюрстентум Пассау*. . . — Немецкие княжества; на территории второго из них находился г. Эмс.

С т р. 57. *Уж и теперь начинается местами протест провинциальной печати против Петербурга*. . . — См. примеч. к стр. 6—7.

С т р. 58. . . .*и началась она с Ивана III-го.* — Достоевский имеет в виду, что «историческая идея», о которой идет речь, «началась» сразу после падения Византии (1453), когда Москва приняла на себя роль ее политического и религиозного наследника, центра православия. Ср. выше, стр. 49, 378.

С т р. 58. *И что вы говорите о славянофилах*. . . — В статье И. Ф. Василевского содержалась характеристика славянофильства как «учения довольно фантастического, одностороннего и крайнего, но, несомненно, привлекательного своею стройностью и цельностью, своею героическою беззаветностью, своею внутреннею теплотою и чистотою и чистою, непоколебимою верою» (*БВ*, 1876, 4 июля, № 182).

С т р. 59. *Один важный и рослый немец* ∾ *патроны-то эти дурно сделаны.* — В тетради 1875—1876 гг. есть запись о подобном разговоре, происходившем 5 ноября 1875 г. у В. П. Мещерского. Генерал М. Г. Черняев приводил еще более низкие цифры (см.: наст. изд., т. XXIV). Ср. свидетельство «Голоса» (1876, 3 августа, № 213): «Вооружение нашей армии — любимая тема наших пессимистов, на разные лады доказывающих, что относительно вооружения мы находимся в переходном состоянии, что принятые системы оружия оказываются будто бы негодными, что иностранные армии лучше нас вооружены и т. п.».

С т р. 59. *Но я хоть и дурно говорю по-немецки, зато понимаю.* — А. Г. Достоевская писала: «Федор Михайлович говорил по-немецки, с трудом подыскивая слова, но если он воодушевлялся и, особенно, если сердился, то приходилось удивляться, откуда у него брались такие язвительные и мудреные фразы. Особенно я припоминаю спор Федора Михайловича в вагоне со стариком немцем, бесцеремонно занявшим мое место. Я просто диву далась знанию им немецкого языка» (*Гроссман, Семинарий*, стр. 65).

С т р. 59. . . .*про русских севастопольских солдат рассказывали* ∾ *умели понимать их*. . . — Ср.: наст. изд., т. XXII, стр. 125.

С т р. 59. *Пять лет тому назад, в 71-м году* ∾ *саксонские войска после войны*. . . — Достоевский с женою поселился в Дрездене в начале августа 1869 г. и прожил там до 5 июля 1871 г. (отъезд в Россию). О шовинистическом угаре, охватившем Германию, он писал А. Н. Майкову 30 декабря 1870 г. (11 января 1871) и 26 января (5 февраля) 1871 г. В письме к С. А. Ивановой от 6 (18) января 1871 г. он сообщал: «Россию здесь ненавидят».

С т р. 60. *Война была народною*. . . — В письме к А. Н. Майкову от 30 декабря 1870 г. (11 января 1871) Достоевский как свидетель и очевидец иначе оценивал отношение немцев к франко-прусской войне: «Между прочим наблюдение: первоначально Wacht am Rhein раздавалось на улице в толпе часто, теперь *совсем нет*. Всего больше горячатся и *гордятся* профессора, доктора, студенты, но народ не очень. Совсем даже нет». В. И. Ленин указывал, что во время франко-прусской войны «вся буржуазия была опьянена победами над Францией, и. . . широкие массы населения дали увлечь себя подлой, человеконенавистнической „либеральной“ проповеди национализма и шовинизма» (Полн. собр. соч., т. 20, стр. 144).

С т р. 60. *Немецкая слобода.* — Окраинная территория Москвы, отведенная для поселения иностранцев (с 1652 г.); район нынешней Бауманской ул.

С т р. 60. *Одна русская дама, жившая тогда в Дрездене, графиня К. . .* — Примечание А. Г. Достоевской: «Графиня Любовь ‹Ивановна› Кушелева-Безбородко, сама явившаяся знакомиться с Федором Михайловичем в 1870 году, когда мы жили в Дрездене» (*Гроссман*, *Семинарий*, стр. 65). Это свидетельство подтверждается черновыми записями к июльско-августовскому выпуску «Дневника писателя» (см.: наст. изд., т. XXIV). О Л. И. Кушелевой-Безбородко (урожд. Кроль) см.: наст. изд., т. III, стр. 540; т. IX, стр. 386.

С т р. 61. *Я сам читал ∾ из «патриотизма».* — В 1871 г. газеты неоднократно сообщали факты высокомерного и недружелюбного поведения немцев. «Вообще немцы сильно подняли нос в последнее время, не довольствуясь одним пением своих патриотических песен», — говорилось, например, в фельетоне «Листок» газеты «Голос» (1871, 4 июля, № 183; подпись: Петербуржец). Достоевский мог читать этот номер, так как в нем был напечатан отчет об очередном заседании суда по «нечаевскому» делу.

С т р. 61. *Указывая на эту ярость немецкой прессы ∾ Замечание тонкое.* — В передовой статье, на которую ссылается Достоевский (*Г*, 1876, 21 июля, № 200), содержался прозрачный намек на то, что антирусская пропаганда в немецкой прессе инспирировалась имперским правительством Германии. Газета писала: «Немецкие издания, идущие, при всей своей независимости, об руку с правительством, безусловно поддерживающие преимущественно его иностранную политику и находящиеся в близком обмене мыслей с руководящею берлинскою печатью, разражаются теперь бранью на Россию: это явление, развивающееся параллельно с дружественными свиданиями монархов, так замечательно, что оно не может проходить бесследно в европейском общественном мнении, не может не вносить смуты в его понятия о взаимных отношениях Германии и России».

С т р. 62. *«Ваше превосходительство, она сама себя высекла!»* — Неточно цитируемые слова городничего из комедии Н. В. Гоголя «Ревизор» (д. IV, явл. 15): «. . .Унтер-офицерша налгала вам, будто бы я ее высек; она врет, ей-богу врет. Она сама себя высекла».

С т р. 62—63. *Ну, а немцам что ∾ не беспокоиться с нею вовеки.* — Весною 1875 г. Бисмарк пытался спровоцировать военный конфликт с Францией с тем, чтобы, разгромив ее, не дать ей оправиться от поражения в войне 1870—1871 гг. и подготовиться к реваншу. Русское и английское правительства вмешались в конфликт, и под их воздействием Бисмарк был вынужден отказаться от своих намерений. В мае 1875 г. Александр II посетил Берлин, и после проведенных переговоров прекратилась бешеная антифранцузская пропагандистская кампания, которую по наущению Бисмарка вела немецкая пресса. Печать того времени единодушно подчеркивала, что именно Россия предотвратила назревавшее военное столкновение и явилась спасительницей Франции (см.: А. З. Манфред. Образование русско-французского союза. Изд. «Наука», М., 1975, стр. 97—100).

С т р. 63. *. . .les esclaves, дескать, рабы. . .* — В IX—X вв., как следствие порабощения коренного славянского населения земель, захваченных в ходе германской экспансии на восток, в западноевропейских языках слово, имевшее значение «славянин», приобрело значение «раб» (совр. франц. esclave, нем. Sklave). В полемике вокруг происхождения слова «славянин», развернувшейся в XVIII—XIX вв. (свод литературы XIX в. см. в кн.: Библиографический указатель литературы по русскому языкознанию с 1825 по 1880 год. Вып. 2. М., 1954), обращалось внимание на оскорбительный для славянского патриотического чувства характер этой этимологии. Через несколько дней после выхода июльско-августовского выпуска «Дневника писателя» за 1876 г. публицист Е. Л. Марков писал: «Если имя славянина, имя серба обречено на то, чтобы быть вечным синонимом раба (sclavus, servus), Россия невольно ощутит на самой себе отражение этого рабского позора» (*Г*, 1876, 9 сентября, № 249).

С т р. 63. *. . .не выставляйте на вид ∾ мнение протестом. . .* — В печати сообщалось о депутации, посетившей министра иностранных дел Англии и выразившей протест против поддержки Турции; о митинге, организованном в Лондоне Лигой помощи христианам в Турции, и о других аналогичных

фактах (см., например: *НВр*, 1876, 8 июля, № 128; 20 июля, № 140; 25 июля, № 145; *МВед*, 1876, 12 июля, № 176; 13 июля, № 177; 22 июля, № 186; 27 июля, № 190; и др.). Вопросу о проявлении в Европе сочувствия к славянам Балканского полуострова была посвящена передовая статья «Нового времени» (1876, 25 июля, № 145).

Стр. 63. *А помнит ли кто статью незабвенного профессора* ∾ *в 1855 году. . .* — Т. Н. Грановскому приписывалась анонимная статья «Восточный вопрос с русской точки зрения 1855 года», которая во время Крымской войны распространялась в рукописном виде, а позднее трижды была напечатана за границей: в журнале «Благонамеренный» (1861, № 12) за подписью Грановского, отдельной анонимной брошюрой (Лейпциг, 1861) и в «Собрании материалов для истории возрождения России» (т. 3, Лейпциг, 1874). Автором брошюры был Б. Н. Чичерин (1828—1904), ставший позднее видным юристом. Достоевский упомянул эту статью еще в 1870 г. в подготовительных материалах к «Бесам» в связи с разработкой образа Степана Трофимовича Верховенского (см.: наст. изд., т. XI, стр. 65; т. XII, стр. 332). Об отношении Достоевского к Т. Н. Грановскому см.: наст. изд., т. XII, стр. 169—172, 175—176. «Незабвенным профессором» Достоевский назвал Грановского еще в «Бесах» (см.: наст. изд., т. X, стр. 11; т. XII, стр. 279). В противовес официальной и славянофильской пропаганде Б. Н. Чичерин писал, что самодержавие, ведя Крымскую войну, стремилось к укреплению и расширению власти на Востоке. Признавая эти цели «законными и справедливыми» с точки зрения государственных интересов России, Чичерин в то же время подверг резкой критике все действия правительства, представив их как сплошную цепь дипломатических и военных просчетов и провалов, которые привели страну на грань катастрофы (*Чичерин*, стр. 8). Причину создавшегося положения он видел в том, что политика Николая I, считавшего себя «всемогущим и премудрым», была направлена исключительно на поддержание «монархического начала» и существовавшего порядка и основывалась на союзе с самыми реакционными силами Европы. По мнению Чичерина, России необходимо было «обновиться с головы до ног», осуществить широкую программу социальных и политических преобразований, включая отмену крепостного права. Однако, пессимистически кончал он брошюру, «от народа ожидать нечего, а правительство, конечно, не отважится на такую перемену политики» (там же, стр. 41).

Стр. 64. *. . .который наши критики находили правильным.* — Обзор критических оценок образа Степана Трофимовича Верховенского см.: наст. изд., т. XII, стр. 257—266.

Стр. 65. *Он, например, совершенно отрицает даже возможность благодарности к нам Австрии* ∾ *надежды наши на ее благодарность составляют лишь непростительный и смешной промах нашей политики.* — Спором Австрии с венгерцами Достоевский называет здесь Венгерскую революцию 1848—1849 гг. Во время Крымской войны Австрия не только не оказала поддержки России, но сблизилась с ее противниками, подписала направленные против России соглашения и предпринимала враждебные ей акции, лавируя, однако, таким образом, чтобы не дать вовлечь себя в активные военные действия (см. подробно: *Тарле*, тт. VIII—IX). Оценивая политику Австрии на 1855 г., Чичерин полагал, что помощь ей Николая I в 1848—1849 гг. не была бескорыстным актом, но диктовалась боязнью распространения революционного движения в Европе. Кроме того, Австрия боялась движения западных славян за свое освобождение. Поэтому, делал вывод автор, Австрия «не могла не действовать против нас, и упрек неблагодарности здесь неуместен» (*Чичерин*, стр. 28). О «коварстве» и «неблагодарности» Австрии не раз вспоминала русская пресса в 1876 г., цитируя слова «Австрия удивит мир своей неблагодарностью» (см., например: *Г*, 1876, 1 января, № 1; 13 октября, № 283; *СПбВед*, 1876, 29 мая, № 146), которые историческая легенда приписывала главе австрийского кабинета, министру иностранных дел Ф.-Л. фон Шварценбергу (1800—1852) (см.: *Тарле*, т. VIII, стр. 113; *Лависс и Рамбо*, т. V, стр. 142).

С т р. 65. *«У нас коварство и неблагодарность Австрии ∾ никогда не бывает бескорыстное»*. . . — *Чичерин*, стр. 26. Выписывая цитату, Достоевский допустил ряд отклонений от оригинала.

С т р. 65. *Ведь с этим, пожалуй, можно оправдать политику Меттерниха. . .* — Имя Меттерниха (см. примеч. к стр. 32) перерастает здесь в символ коварной политики Австрии, вдохновителем которой он был. Меттерних вышел в отставку 13—14 марта 1848 г., но его политический курс продолжался и после этого.

С т р. 66. *. . . или Константинополь, «которого нам никогда не дадут»?* — Подобной фразы текстуально в брошюре нет. Достоевский, по-видимому, имеет в виду рассуждение: «С своей стороны морские державы смотрят па Константинополь как на ключ к Черному и Средиземному морям, все их политические и торговые виды требуют, чтобы он был в руках для них неопасных. Таким образом, ни одна из великих держав не может стремиться к владычеству над Турцией, не восстановивши всех остальных; в особенности никто не допустит распространение владычества России» (*Чичерин*, стр. 14).

С т р. 67. *А впрочем, Грановский ∾ да и не могло быть иначе.* — В брошюре о политике царя говорилось: «Нет, мы в Турцию никогда не являлись либералами; напротив, постоянно были противниками всех реформ, сделанных в последнее время турецким султаном ‹. . .› мы эти преобразования считали зараженными духом западного либерализма; мы открывали турецкому правительству все заговоры, которые составлялись в надежде на наше содействие; мы выдавали тех людей, которых объявляем теперь воинами христианской ‹церкви?›, справедливо восставших ‹!› на защиту ее прав» (*Чичерин*, стр. 7).

С т р. 68. *. . .я слишком понимаю «злобу дня». . .* — Крылатое выражение, восходящее к словам из церковнославянского перевода Евангелия: «Довлеет дневи злоба его», то есть «довольно для каждого дня своей заботы» (Евангелие от Матфея, гл. 6, ст. 34).

С т р. 68. *Участия народа, мысли народной ∾ только чувствовал тяготу повинностей и наборов.* — Автор брошюры утверждал, что Восточный вопрос и Крымская война были делом рук самого же самодержавия. Он писал: «В начале войны, за исключением немногих мыслящих людей, все мы слепо, без рассуждений, хотя и без патриотического одушевления, последовали за правительством. ‹. . .› В России голос имеет одно правительство, да глупые или наемные патриоты, говорящие в его смысле. Масса в последнее время не имела никакого мнения, а образованным людям запрещено было говорить» (*Чичерин*, стр. 4—5). В брошюре много говорилось о тяжелых экономических последствиях Крымской войны для народа.

С т р. 68. *«Прежде всего надо устранить мысль ∾ прямо говорится это и насчет славян)»*. — *Чичерин*, стр. 6. Курсив введен Достоевским, ему же принадлежат слова в скобках. В цитате допущен ряд отклонений от оригинала.

С т р. 68. *. . .ключи Вифлеемского храма ∾ целей политических. . .* — Вифлеемский храм в палестинском городе Вифлееме (ныне Бейт-Лахм в Иордании), построенный над пещерой, в которой, по евангельскому преданию, родился Иисус Христос. Спор о «святых местах», послуживший непосредственным поводом к Крымской войне, касался, в частности, вопроса о том, кому владеть ключами от Вифлеемского храма. В январе 1853 г. уполномоченный султана, действовавшего под французским влиянием, передал ключи от восточных и северных ворот храма католическому епископу. Показательно, что даже высшее русское духовенство оставалось равнодушным к распре относительно «святых мест» до тех пор, пока ее не начали раздувать в международный конфликт по указке Николая I и Наполеона III, каждый из которых искал предлога для осуществления своих политических целей на Ближнем Востоке. Со своей стороны, православное духовенство в Палестине не желало вмешательства России, опасаясь, что тем самым будет нарушено тогдашнее статус-кво, которое в целом его удовлетворяло. Таким образом, автор брошюры правильно оценивал сущность споров о «святых местах»,

политическая подоплека которых была ясна многим современникам событий. См. подробно: *Тарле*, т. VIII, стр. 132—137, 150—153, 165.

Стр. 68. . . .*(в другом месте прямо говорится это и насчет славян)».* — О политике самодержавия в отношении славян, находившихся под владычеством Турции, Б. Н. Чичерин писал: «Вся наша цель в сношениях с Портою состояла в распространении нашего владычества и нашего влияния, и лучшим орудием служит для этого религиозное единство с подданными Турции. <. . .> Бескорыстная выходка служит личиною других замыслов <. . .> Цель войны есть, следственно, чисто политическая. . .» (*Чичерин*, стр. 8).

Стр. 69. *О, Грановский глубоко любил народ!* — В период работы над «Бесами» Достоевский склонялся к мысли, что Белинский и все западники презирали Россию. Это неверное утверждение не раз повторяется и в подготовительных материалах к роману, в том числе с упоминанием имени Грановского (см.: наст. изд., т. XI, стр. 75, 111, 169), и в окончательном тексте (см.: наст. изд., т. X, стр. 33—34; т. XII, стр. 169). К 1873 г. взгляды писателя несколько изменились. В очерке «Старые люди» он писал об отношении к народу Герцена, Белинского и других западников: «Они любили его отрицательно, воображая вместо него какой-то идеальный народ, — каким бы должен быть, по их понятиям, русский народ. Этот идеальный народ невольно воплощался тогда у иных передовых представителей большинства в парижскую чернь девяносто третьего года» (наст. изд., т. XXI, стр. 9). Ту же точку зрения Достоевский развивает в комментируемом отрывке, как и в сентябрьском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г. (см. выше, стр. 124).

Стр. 69. . . .*взгляд на народ наш заклятого западника* ∾ *«лучше уж и не говорить».* — Достоевский вспоминает слова, которые он приводил в апрельском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г. (см.: наст. изд., т. XXII, стр. 104), из статьи В. Г. Авсеенко «Опять о народности и культурных типах».

Стр. 69. . . .*эти жертвы старообрядцев, посылающих от обществ своих санитарные отряды. . .* — В передовой статье «Московских ведомостей» (1876, 15 июля, № 179) сообщалось, что «общество московских старообрядцев пожертвовало значительную сумму денег на устройство походного лазарета во 100 коек для отправки в Сербию». 26 июля лазарет выехал из Москвы (*МВед*, 1876, 27 июля, № 190). 29 июля в Троицком соборе в Петербурге «происходило напутственное молебствие по случаю отправления в Сербию походного лазарета московских старообрядцев» (*ПГ*, 1876, 30 июля, № 148). Отправка этого госпиталя рассматривалась как событие большой общественной значимости, и о нем сообщили многие газеты.

Стр. 69. *И, уж конечно, слышал, да и в церкви молился за упокой души Николая Алексеевича Киреева. . .* — Киреев Николай Алексеевич (род. 1841)— отставной штаб-ротмистр лейб-гвардии конного полка, один из самых деятельных членов Славянского комитета в Петербурге. По поручению Комитета он в середине апреля 1876 г. выехал за границу для оценки перспектив и возможностей подготовлявшегося в Болгарии восстания. Прибыв в начале июня в Сербию, он занялся вербовкой и формированием болгарских добровольческих отрядов и принял над ними командование. С началом военных действий его отряд, в который влились и сербские подразделения, принял участие в боях с турками. 6 июля Н. А. Киреев геройски погиб в сражении, о чем 7 июля М. Г. Черняев известил телеграммой Славянский комитет в Москве. Сообщение о гибели Киреева было напечатано во многих газетах (*Г*, 1876, 10 июля, № 189; *МВед*, 1876, 11 июля, № 175; *НВр*, 1876, 11 июля, № 131; *БВ*, 1876, 12 июля, № 190; и др.). Многочисленные панихиды по Кирееву служились по всей России: 10 июля — в Москве, в присутствии Славянского комитета, при большом стечении публики; в тот же день — в Петербурге в помещении Географического общества перед заседанием Комиссии для сбора пожертвований в пользу южных славян; 11 и 13 июля — в г. Павловске (под Петербургом), где находилось в то время на даче большое число петербуржцев; 14 июля — в Казанском соборе в Петербурге (организована Петербургским Славянским комитетом); 20 июля — в Херсоне; 23 июля — в Орле; и т. д. О гибели Н. А. Киреева и панихидах написала

Достоевскому в Эмс жена 15 июля 1876 г. (Ф. М. Достоевский, А. Г. Достоевская. Переписка. Изд. «Наука», Л., 1976, стр. 224).

Стр. 69. *И хоть падет, но будет жив* ∾ *Славна кончина за народ!* — Цитата из думы К. Ф. Рылеева «Волынский» (1822). Ср. стр. 54, 380.

Стр. 70. . . . *так и остались, во весь свой век, лишь обучившимися русскому мужику иностранцами.* — Имеется в виду Д. В. Григорович (см. запись в черновой тетради между 4—6 мая 1876 г. — наст. изд., т. XXIV). Григоровича в детстве воспитывали мать и бабушка, обе француженки. Позднее он учился в частном французском пансионе. Русскому языку он выучился от дворовых и крестьян, из числа которых особенно любил камердинера своего отца. Первые книги на русском языке он прочел по рекомендации Достоевского, когда вместе с ним учился в Главном инженерном училище (Д. В. Григорович. Литературные воспоминания. М., 1961, стр. 23, 26—34, 47—48). В 70-х гг. в произведениях Григоровича идиллическое, «пейзанское» изображение жизни русского мужика отмечали многие критики. Отрицательную оценку творчества Григоровича дали уже Ап. Григорьев в статье «Отживающие в литературе явления. Prolegomena. Д. В. Григорович» (*Эп*, 1864, № 7), М. Е. Салтыков-Щедрин в статье «Напрасные опасения» (*ОЗ*, 1868, № 10). Ср. характерные отзывы о Григоровиче в прессе 1876 г.: «Целых два поколения читателей и читательниц зачитывались повестями и романами Д. В. Григоровича. . . Он, с некоторых пор, слинял, публика его *переварила*. . .» (П. Д. Боборыкин. Воскресный фельетон. *СПбВед*, 1876, 29 февраля, № 59). «Г-н Григорович <. . .> взял из-за границы образец западного крестьянина, перенес его на родную почву, произвел, так сказать, литературное скрещивание с нашим мужичком и произвел тех российских, слегка подкрашенных мужичков, которые обусловили возможность у нас романов из простонародного быта» (Тор. <В. П. Буренин>. Литературные очерки. *НВр*, 1876, 10 декабря, № 283). Комментируемое замечание Достоевского было направлено, очевидно, и против Тургенева. Ср. запись в черновой тетради: «Тургеневу недостает знания русской жизни вообще. А народную он узнал раз от того дворового лакея, с которым ходил на охоту («Записки охотника»), а больше не знал ничего» (наст. изд., т. XXIV).

Стр. 70. *А если устыдятся уж и Грановские* ∾ *а мудрецы ареопага умолкают.* — В этом отрывке используется евангельский рассказ о проповеди апостола Павла в афинском ареопаге, кончающийся словами: «Услышав о воскресении мертвых, одни насмехались, а другие говорили: об этом послушаем тебя в другое время. Итак Павел вышел из среды их. Некоторые же мужи, пристав к нему, уверовали; между ними был Дионисий Ареопагит и женщина, именем Дамарь, и другие с ними» (Деяния апостолов, гл. 17, ст. 32—34).

Стр. 72. *Кстати, я читал еще весной в наших газетах, что мы, русские, очень мало пожертвовали для восставших славян. . .* — Подобные заявления высказывались неоднократно. См., например: *Г*, 1875, 29 августа, № 238; 1876, 20 июня, № 169; *НВр*, 1876, 13 мая, № 73; 24 июня, № 114; 10 июля, № 130.

Стр. 72. *Что же до Австрии* ∾ *заходит в дипломатическом мире речь*) . . . — Слухи о возможном занятии Австрией части Боснии и Герцеговины периодически циркулировали и сообщались русской прессой на протяжении многих предшествующих месяцев (например: *РМ*, 1876, 3 января, № 2; 28 марта, № 86; *СПбВед*, 1876, 14 апреля, № 102); ходили они и в конце июля (*НВр*, 1876, 28 июля, № 148; 30 июля, № 150). Ср. свидетельство «Голоса» (1876, 21сентября, № 261): «С самого начала боснийско-герцеговинского движения в европейской печати стали распространяться слухи, будто Австрия готовится занять своими войсками Боснию и Герцеговину и тем положить конец периодически возобновляющимся восстаниям балканских христиан».

Стр. 73. . . .*пожертвование одного русского статского советника* ∾ *С год тому это передавали в газетах. . .* — Сообщение об этом случае появилось первоначально в «Современных известиях» (1875, 17 июня, № 164); оно было перепечатано и комментировалось рядом других газет (например: «Сын отечества», 1875, 4 июля, № 150).

Стр. 75. *Всякий знает, что такое чиновник русский* ∾ *отмстить вам за свое ничтожество.* — Ср. в «Бесах» (ч. 1, гл. 2, IV) тираду Степана Трофимовича Верховенского об «административном восторге» русского чиновника (наст. изд., т. X, стр. 47—48; т. XII, стр. 290).

Стр. 75—76. *Здесь, в Эмсе, в почтамте* ∾ *Ну, кто из наших чиновников так сделает?* — Об этом случае Достоевский писал жене из Эмса 13 (25) июля 1876 г.

Стр. 76—77. *Дорогою из Берлина в Эмс* ∾ *точно так же поступит.* — Этот же случай в связи с подобными же рассуждениями о «тугодумии» немцев Достоевский описал в письме к жене от 7 (19) июля 1876 г.

Стр. 77. *Лет десять назад* ∾ *нету никакой.* — Этот случай произошел во время пребывания Достоевского с женою в Дрездене в 1867 г. О нем в своих «Воспоминаниях» рассказывает также А. Г. Достоевская (*Достоевская, А. Г., Воспоминания*, стр. 148; ср. письмо Достоевского к жене от 7 (19) июля 1876 г.).

Стр. 77. *Даже у Вундерфрау* ∾ *грозная и строптивая.* — Вундерфрау (нем. Wunderfrau — знахарка) — немецкая знахарка по фамилии Гогенестер. Сведения, сообщаемые о ней в «Дневнике писателя», Достоевский узнал из устных источников (о ней ему в Эмсе рассказывал, например, барон Ган, см. письмо к Л. В. Головиной от 23 июля (4 августа) 1876 г. и А. Г. Достоевской от 24 июля (5 августа) 1876 г.), а также мог почерпнуть из пространного очерка «Мюнхенская знахарка (Wunderfrau)», напечатанного в «Новом времени» (1876, 7 июля, № 127). В очерке, в частности, говорилось: «Благодаря случайным обстоятельствам, она ‹Гогенестер› получила известность в России, сначала в так называемом большом свете, потом и в среднем классе людей, увлеченных чудесными рассказами о ее будто бы необычайных успехах лечения. С наступлением весны из Москвы и Петербурга сотни верующих отправляются в новую Мекку, готовые на всякие денежные и нравственные жертвы, в надежде получения там разъяснения всех сомнений и исцеления всех недугов». Ср.: В р-л ь. Несколько слов о мюнхенской знахарке. (Письмо к редактору). *НВр*, 1876, 16 августа, № 167.

Стр. 77. *Пузыри* — склянки с мочою.

Стр. 77. *. . . вы различаете русских, разумеется, прежде всего по говору,* ∾ *начал уже повергать в изумление.* — О французском языке в употреблении русской дворянской интеллигенции см.: М. П. Алексеев. Письма Тургенева (*Тургенев, Письма*, т. I, с. 74—78). Замечания Достоевского перекликаются с рассказом в романе И. С. Тургенева «Дым» о встрече Литвинова в Баден-Бадене с компанией русских дам и кавалеров (гл. 10): «Литвинов тотчас признал их за русских, хотя они все говорили по-французски. . . потому что они говорили по-французски» (*Тургенев, Сочинения*, т. IX, стр. 198). Автор очерка «Мюнхенская знахарка» также писал о том, что, оказавшись за столом с двумя лицами, говорившими по-французски, он тотчас по выговору признал в них русских (*НВр*, 1876, 7 июля, № 127). Ср. в «Подростке» разговор на французском языке между «длинным» и Альфонсиной (наст. изд., т. XIII, стр. 346).

Стр. 78. *. . . по берегу Ланна. . .* — Река, на которой расположен Эмс.

Стр. 78. *. . . усиленностью картавки и грассейемана, неприличием произношения буквы р. . .* — Имеется в виду утрированное подражание парижскому грассирующему произношению. Картавка — картавление. Грассейеман (франц. grasseyement) — грассирование, картавление.

Стр. 78. *. . . петербургского парикмахерского гарсона.* — Гарсон (франц. garçon — мальчик) здесь: мальчик на побегушках.

Стр. 79. *Тургенев рассказывает в одном своем романе анекдот* ∾ *с истинного происшествия.* — «Дым», гл. 5 (*Тургенев, Сочинения*, т. IX, с. 167—168). Пересказывая этот эпизод, очевидно, по памяти, Достоевский допустил неточность: вторым посетителем был «настоящий француз».

Стр. 80—81. *Я знал одного русского писателя* ∾ *писал потом романы из крестьянского быта.* — См. примеч. к стр. 70.

Стр. 81. *. . .Пушкин, по собственному своему признанию, тоже принужден был перевоспитать себя. . .* — Достоевский имеет в виду следующие

строки из письма поэта к брату (Михайловское, первая половина ноября 1824 г.): «Знаешь ли мои занятия? ⟨. . .⟩ вечером слушаю сказки — и вознаграждаю тем недостатки проклятого своего воспитания» (*Пушкин*, т. XIII, стр. 121).

Стр. 81. *. . . о трех китах. . .* — Имеется в виду восходившее к древним космогоническим теориям представление о том, что «земля стоит на осьмидесят китах-рыбах меньшиих да на трех рыбах большиих» (И. Порфирьев. История русской словесности, ч. 1. Изд. 6-е. Казань, 1897, стр. 310; Ашукин, стр. 667—668). Ср.: наст. изд., т. VII, стр. 52—53.

Стр. 81—82. *Я не могу без смеха вспомнить один перевод ∾ Пушкин тоже во многом непереводим.* — О сборнике повестей и рассказов Н. В. Гоголя, переведенных на французский язык Л. Виардо и И. С. Тургеневым, а также о переводах «Пиковой дамы» и «Капитанской дочки» Достоевский писал ранее в очерке «По поводу выставки» (см.: наст. изд., т. XXI, стр. 68—69, 424—425).

Стр. 82. *. . . сказание протопопа Аввакума. . .* — Протопоп Аввакум Петрович (род. 1620 или 1621—ум. 1682) — основатель русского старообрядчества, возглавлявший церковный раскол. «Житие протопопа Аввакума, им самим написанное» (между 1672—1675 гг.) было издано в 1861 г. Д. Е. Кожанчиковым под ред. Н. С. Тихонравова. В статье Н. Я. Аристова (1834—1882) «По поводу новых изданий о расколе», напечатанной в журнале братьев Достоевских, давалась положительная оценка личности и деятельности Аввакума как одного из «народных героев в борьбе против угнетения и неправды», которые, «руководствуясь порывами ума и совести на пути к самостоятельности и свободе развития, ⟨. . .⟩ организовали свое демократическое общество, составили тесное братство на народных началах, стали в оппозицию правительству. . .» (*Вр*, 1862, № 1, отд. 2, стр. 82). Язык «Жития» отличается живой образностью, обилием поговорок и пословиц, меткими и живописными, нередко грубоватыми оборотами речи.

Стр. 82. *Кстати, ровно пять лет назад произошла у нас так называемая классическая реформа обучения ∾ составляет всю развивающую их силу.* — В 1871—1872 гг. министр народного просвещения граф А. Д. Толстой (1823—1889) провел реформу среднего образования с целью заглушить революционные настроения среди учащейся молодежи и ограничить доступ в университеты выходцам из низших сословий. А. Д. Толстой считал, что «вопрос между древними языками как основою всего дальнейшего научного образования и всяким другим способом обучения есть вопрос не только между серьезным и поверхностным учением, но и вопрос между нравственным и материалистическим направлением обучения и воспитания, а следовательно, и всего общества» (С. В. Рождественский. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802—1902. СПб., 1902, с. 520). Реформа предоставляла право поступления в университеты только выпускникам классических гимназий. Основными предметами в этих гимназиях были древнегреческий язык, латынь и математика. В обоснование целесообразности реформы указывалось, что она проводит в жизнь принципы, на которых основана система среднего образования в странах Западной Европы, отличающихся высоким уровнем развития науки и культуры (см. там же, стр. 524). Проект реформы и ее осуществление вызвали бурную дискуссию в печати. В поддержку реформы выступили М. Н. Катков и П. М. Леонтьев. Демократический лагерь подверг ее резкой критике. Ср. замечания Достоевского о реформе в записной тетради 1872—1875 гг. (наст. изд., т. XXI, стр. 268—270) и наст. изд., т. XIV, стр. 497—498; т. XV, стр. 582—583; т. XVI, стр. 11, 17; т. XVII, стр. 398.

Стр. 84. *Бонмотист* (от франц. bon mot — острота) — остряк.

Стр. 84. *Бутоньерка* (франц. boutonnière) — петлица или маленький сосуд для букетика или цветка, прикалываемый к платью.

Стр. 84. *. . . превосходно гантированный молодой человек ∾ одних аржанов.* — Гантированный (от франц. ganter — надевать перчатки) — в перчатках. Увраж (франц. ouvrage) — сочинение, литературное произве-

дение. Тенебры (франц. ténèbres) — тьма, мрак, невежество. Аржан (франц. argent) — деньги.

Стр. 84. *...книжка доктора Гиршгорна...* — А. Ю. Гиршгорн. Эмс и целебные его источники. Действие их на здоровый и больной организм, применение в различных болезнях, правила употребления вод и т. д. СПб., 1874. Книга имелась в библиотеке Достоевского (*Библиотека*, стр. 158; *Гроссман, Семинарий*, стр. 46).

Стр. 86—87. *Поэзия выводит Байронов* ∾ *за самое дурное общество...* — В декабрьском выпуске «Дневника писателя» за 1877 г., отвечая на пренебрежительный отзыв одного из участников похорон Некрасова о Пушкине и Лермонтове как «байронистах», Достоевский писал: «...словом „байронист" браниться нельзя. Байронизм хоть был и моментальным, но великим, святым и необходимым явлением в жизни европейского человечества, да чуть ли не в жизни и всего человечества» (гл. II, § 2 «Пушкин, Лермонтов и Некрасов»).

Стр. 87. *Золотой век еще весь впереди...* — Эта ироническая фраза Парадоксалиста выражает убеждение, которое неоднократно высказывали французские социалисты-утописты, в частности Сен-Симон, и которую у них восприняли петрашевцы. Так, памфлет Сен-Симона и О. Тьерри «О преобразовании европейского общества или о необходимости и средствах объединить все европейские народы в одно политическое тело, сохраняя каждому его национальную независимость» (1814) кончался словами: «Воображение поэтов поместило золотой век в колыбели человеческого рода, среди невежества и грубости первобытных времен; но это время правильнее отнести к железному веку. Золотой век человеческого рода не позади нас, но впереди» (цит. по кн.: Родоначальники позитивизма, вып. 3. СПб., 1911, стр. 162). Об этом же говорил и эпиграф к трактату Сен-Симона «Рассуждения литературные, философские и промышленные» (1825): «Золотой век, который слепое предание относило до сих пор к прошлому, находится впереди нас» (Сен-Симон. Избр. соч., т. 2. М.—Л., 1948, стр. 273). В России тот же тезис декларировал М. В. Петрашевский в «Карманном словаре иностранных слов, вошедших в состав русского языка» (вып. 2. СПб., 1846, стр. 219): «Не преданием о прошедшем, но сказаньем о *будущем*, должно считать ‹...› золотой век». Вспоминая о петрашевцах и о влиянии на них идей французских социалистов-утопистов, М. Е. Салтыков-Щедрин писал: «Оттуда лилась на нас вера в человечество, оттуда воссияла нам уверенность, что „золотой век" находится не позади, а впереди нас...» (*Салтыков-Щедрин*, т. XIV, стр. 112). Ср.: наст. изд., т. XXII, стр. 320.

Стр. 87. *«Не заботьтесь во что одеться, взгляните на цветы полевые, и Соломон во дни славы своей не одевался как они, кольми паче оденет вас бог».* — Неточная цитата из Евангелия (Евангелие от Матфея, гл. 6, ст. 28—30; Евангелие от Луки, гл. 12, ст. 22, 27—28).

Стр. 88. *Я взял с собой сюда в дорогу две брошюры: одну Грановского о Восточном вопросе, а другую — о женщинах.* — О брошюре, приписывавшейся Т. Н. Грановскому, см. стр. 383. Вторая брошюра: Н. Н. Страхов. Женский вопрос. Разбор сочинения Джона Стюарта Милля «О подчинении женщины». СПб., 1871 (оттиск из журнала: «Заря», 1870, № 2, отд. 2, стр. 106—149). Н. Н. Страхов полемизировал с тезисом Милля об умственном и нравственном равенстве между мужчиною и женщиною. Утверждая, что «женский вопрос выдуман мужчинами» (там же, стр. 141), он считал уделом женщины семью. Задача общества по отношению к женщине состояла, по его мнению, не в том, чтобы дать ей равные права с мужчиною, а в том, чтобы обеспечить «охранение ее во всей чистоте, развитие тех качеств, которые она может иметь, и устранение тех недостатков, которые ей свойственны» (там же, стр. 140).

Стр 88. *И однако же, всему свету известно, что такое англичанка* ∾ *наши русские женщины...»* — Н. Н. Страхов писал: «Англичанки находятся в очень дурном юридическом положении, гораздо худшем, чем русские женщины. И однако же, всему свету известно, что такое англичанка. Это очень высокий тип женской красоты и женских душевных качеств, и с этим типом не могут равняться наши русские женщины, несмотря на то, что издавна на-

ходились в несравненно лучшем юридическом положении. <. . .> Вот сторона дела, которую, по-видимому, никак нельзя упускать из виду и которая не может нас не интересовать. Что будет из русской женщины? Даст ли она миру новый образец красоты человеческой природы или же останется примером бесцветности и, пожалуй, какой-нибудь нравственной уродливости?» (там же, стр. 138).

Стр. 88. *Должно быть, автор холостой человек. . .* — Н. Н. Страхов действительно был старым холостяком.

Стр. 89. *Не стану тоже говорить, например, о декабристках. . .* — В очерке «Старые люди» Достоевский писал о встрече с женами декабристов в Тобольске в 1850 г.: «Мы увидели этих великих страдалиц, добровольно последовавших за своими мужьями в Сибирь. Они бросили всё: знатность, богатство, связи и родных, всем пожертвовали для высочайшего нравственного долга, самого свободного долга, какой только может быть. Ни в чем неповинные, они в долгие двадцать пять лет перенесли всё, что перенесли их осужденные мужья» (наст. изд., т. XXI, стр. 12). Ср. письмо к М. М. Достоевскому от 22 февраля 1854 г.: «. . .ссыльные старого времени (то есть не они, а жены их) заботились об нас, как о родне. Что за чудные души, испытанные 25-летним горем и самоотвержением». Ср.: С. В. Житомирская. Встречи декабристов с петрашевцами. — *ЛН*, т. 60, кн. 1, стр. 615—628.

Стр. 89. *. . . не правда ли, мне кажется, должен существовать такой естественный закон* ∾ *если мы разучились понимать ее . . .* — В подготовительных материалах к «Бесам» аналогичные полемические мысли высказывает Шатов, возражая Грановскому, который «повторяет мнение Страхова об англичанках» (см.: наст. изд., т. XI, стр. 120; т. XII, стр. 342—343).

Стр. 90. *. . . до нервных припадков не люблю оставлять стальных перьев невытертыми. . .* — Примечание А. Г. Достоевской: «Федор Михайлович был донельзя опрятен в своем обиходе и держал свои стальные перья в чистоте. Такой же щепетильной чистоты Федор Михайлович требовал и в своем хозяйстве» (*Гроссман, Семинарий*, стр. 65).

Стр. 91. *Крейцнах* — город в Рейнской провинции Пруссии (ныне земля Рейнланд-Пфальц в ФРГ), расположенный на реке Наэ, являющейся левым притоком Рейна; популярный бальнеологический курорт.

Стр. 92. *. . . чтоб иметь детей // Кому ума недоставало?* — Цитата из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» (д. III, явл. 3).

Стр. 92. *. . . даже завещания не сумел написать, как оказалось впоследствии, а оставил имение неизвестному лицу, «другу моему Сонечке».* — В третьей главе сатирического цикла М. Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Молчалины» (напечатана в *ОЗ*, 1874, № 11 под заглавием «Экскурсии в область умеренности и аккуратности») о Чацком говорится, что он в конце концов женился на Софье и составил в ее пользу юридически безграмотное завещание («а имение мое родовое предоставляю другу моему Сонечке по смерть ее»), которое после его смерти опротестовал его «внучатный брат» Загорецкий на основании неясности, «какой такой» «мой друг Сонечка» (*Салтыков-Щедрин*, т. XII, стр. 45; *Борщевский*, стр. 295—296). Опираясь на Салтыкова-Щедрина, полемизировавшего с либеральной интерпретацией образа Чацкого (см.: З. Т. Прокопенко. Чацкий в русской критике XIX века и сатире Салтыкова-Щедрина. *РЛ*, 1972, № 3, стр. 139—150; *Салтыков-Щедрин*, т. XII, стр. 626—629), Достоевский в этом месте добавляет еще один штрих к сложившейся у него отрицательной оценке Чацкого как западника старой формации, оторванного от почвы человека, оказавшегося неспособным к плодотворной практической деятельности. Декабрьский выпуск «Дневника писателя» за 1876 г. по первоначальному плану (наст. изд., т. XXIV) должен был содержать главу «Сатира, Чацкий, „Ревизор", Алеко—Щедрин», к которой Достоевский сделал ряд полемических заметок о Чацком. Ср. замечание о Чацком в апрельском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г., гл. I, § 2 (наст. изд., т. XXII, стр. 106). О развитии взгляда Достоевского на Чацкого см.: наст. изд., т. V, стр. 61—62, 367; т. XI, стр. 86—88; т. XII, стр. 338; т. XVII, стр. 391. Подробно см.: А. Бем. «Горе от ума» в творчестве Достоевского. «Slavia», 1931, т. X, № 1, стр. 88—108; М. Альтман. К статье

А. Бема «Горе от ума» в творчестве Достоевского. «Slavia», 1931, т. X, №№ 3—4, стр. 486; А. Л. Бем. У истоков творчества Достоевского. Грибоедов, Пушкин, Гоголь, Толстой и Достоевский. В кн.: О Достоевском. Сб. статей под ред. А. Л. Бема, т. III. Прага, 1936; Н. К. Пиксанов. Комедия А. С. Грибоедова «Горе от ума». В кн.: А. С. Грибоедов. Горе от ума. М., 1969, стр. 286—287; А. Л. Гришунин. Грибоедов и «Горе от ума» в наследии Достоевского. В кн.: Искусство слова. Сб. статей к 80-летию чл.-корр. АН СССР Д. Д. Благого. М., 1973, стр. 192—199; А. В. Архипова. Дворянская революционность в восприятии Ф. М. Достоевского. В кн.: Литературное наследие декабристов. Л., 1975, стр. 219—246.

Стр. 92—93. *. . . он любит детей ∾ опять туда наведался — всё дудят.* — Достоевский придает Парадоксалисту автобиографические черты. А. Г. Достоевская сделала к этому месту следующее примечание: «Федор Михайлович чрезвычайно любил маленьких детей, и когда ему приходилось, уезжая в Эмс, жить без семьи, то он очень тосковал по них и всегда приголубливал чужих деток, играл с ними, покупал им игрушки. Обо всем этом Федор Михайлович упоминает и в своих письмах ко мне» (*Гроссман, Семинарий*, стр. 65). В письме к жене от 18 (30) июля 1876 г. Достоевский писал: «Когда гуляю, всё останавливаюсь у детей и любуюсь ими или заговариваю. Останавливаюсь и у маленьких годовых ребят — всё воображаю в каждом Лешу. . .». Ср. сцену между писателем, маленькой девочкой и ее матерью, описанную в очерке «Маленькие картинки» (см.: наст. изд., т. XXI, стр. 112). Рассказ о том, как Парадоксалист подарил детям дудку, перекликается с записью в «Дневнике» А. Г. Достоевской от 28 апреля (10 мая) 1867 г. (см.: *Достоевский в воспоминаниях*, т. II, стр. 98). В наброске плана для июльско-августовского выпуска «Дневника писателя», озаглавленном «Эмс. Картинки», много места уделялось зарисовкам, отражавшим пристальное внимание писателя к детям. О любви Достоевского к детям см. также: И. И. Попов. Минувшее и пережитое. Из воспоминаний. М.—Л., 1933, стр. 88 (перепечатано: *Достоевский в воспоминаниях*, т. II, стр. 426—427); наст. изд., т. XV, стр. 548.

Стр. 94. *Он требует, чтоб французская женщина родила ∾ Двух родят и забастуют.* — Заканчивая свой нашумевший памфлет «Мужчина—женщина» (1872) отеческим советом сыну в день достижения им совершеннолетия, А. Дюма-сын писал: «. . .восхваляй ее ‹жену› только как супругу и мать; но пусть она будет матерью в высоком смысле этого слова, и пусть она ею становится как можно чаще. Большое число детей у такой матери, как она, и такого отца, как ты, это не только благословение для семьи, это — пример, а пример действует лучше поучения» (A. Dumas-fils. L'Homme—femme. Réponse à M. Henri d'Ideville. 39e éd. Paris, 1872, p. 171—172). По поводу супружеских «секретов» в памфлете говорилось: «Через девять месяцев ‹после свадьбы› у нее появляется малютка ‹. . .› Когда уплачена эта дань природе и наследованию, жена заявляет мужу, что это для нее слишком утомительно и что еще раз становиться матерью она не желает, по крайней мере некоторое время. Муж не возражает; какое ему дело, если он получает все удовольствия отцовства без досадных его последствий! Он согласен. Малютку отдают кормилице ‹. . .› и, если жена разумна, она становится законной любовницей своего мужа. Он хочет, чтобы его любили — и его любят» (там же, стр. 78—79). Достоевский, по-видимому, читал этот памфлет (его название записано среди книг, которые он предполагал прочесть в Эмсе летом 1875 г.) и, во всяком случае, знал его по многочисленным отзывам в печати (ср. наст. изд., т. XVIII, стр. 383—384).

Стр. 94. *Мальтус, столь боявшийся увеличения населения. . .* — Полемику Достоевского с Мальтусом см.: наст. изд., т. VIII, стр. 312; т. IX, стр. 448—449; т. XI, стр. 181; т. XII, стр. 188, 351—352.

Стр. 94. *Гаврош* — персонаж романа В. Гюго «Отверженные» (1862). Жизнерадостный, дерзкий на язык, пронырливый и одновременно храбрый и отзывчивый парижский гамэн (уличный мальчишка), погибший на баррикаде.

Стр. 94—95. *У Zola ∾ в романе его «Le ventre de Paris».* — Пример «брачного сожития» в романе «Чрево Парижа» (1873) являют учитель Шарве

и регистраторша на торгах рыбного аукциона Клеманс, которые свыше десяти лет «жили друг с другом на началах свободного брака и взаимной материальной независимости», исповедуя равноправие полов и придерживаясь убеждения, что «брак — это товарищество» (*Золя*, т. IV, стр. 139, 186). Романом «Чрево Парижа» начался в России период огромной популярности Золя. Уже в 1873 г. появились пять переводов и три пересказа романа. С этого времени русская периодическая печать оживленно обсуждала произведения Золя и его художественный метод, причем эта дискуссия была тесно связана как с оценкой состояния и перспектив развития русской литературы, так и с решением ряда злободневных социальных и политических вопросов. Во многих статьях, особенно П. Д. Боборыкина и В. В. Чуйко, Золя характеризовался как «реалист», а его художественный метод — как «реалистический», «новый реализм» и т. п. (М. К. Клеман. Начальный успех Золя в России. «Язык и литература», 1930, т. 5, стр. 271—328; то же в кн.: М. К. Клеман. Эмиль Золя. Сборник статей. Л., 1934, стр. 189—265). В русской критике тех лет встречаются сопоставления Золя и Достоевского, например: А. ‹В. Г. Авсеенко›. Общественная психология в романе. *РВ*, 1873, № 8, стр. 802; с этой статьей Достоевский был знаком (см.: наст. изд., т. XII, стр. 261—262, 271); W. Литература и жизнь. *Г*, 1873, 13 сентября, № 253; В. С-в ‹Вс. С. Соловьев›. Ф. М. Достоевский и Эмиль Золя о Жорж Занд. *РМ*, 1876, 11 июля, № 189. До 1876 г. Достоевский не читал произведений Золя. Уезжая летом 1875 г. на лечение в Эмс, он предполагал прочесть в местной библиотеке критическую литературу «о романах Zolà» (*ЛН*, т. 83, стр. 362). Находясь в Эмсе летом 1876 г., он писал жене (15 (27) июля): «. . . взял Zolà, потому что ужасно пренебрегал за последние годы европейской литературой, и представь себе: едва могу читать, такая гадость. А у нас кричат про Zolà как про знаменитость, светило реализма». Ср. письмо ей же от 18 (30) июля 1876 г. Читал Достоевский «Чрево Парижа». В это же время Вс. Соловьев прислал ему свою статью «Ф. М. Достоевский и Эмиль Золя о Жорж Занд». В первоначальный план июльско-августовского выпуска «Дневника писателя» за 1876 г. был включен раздел о Золя (см.: наст. изд., т. XXIV). Автор и Парадоксалист должны были беседовать о семье «христианской» и «социальной». Под последней имелось в виду «брачное сожитие», изображенное в романе Золя. Этот план выдержан и в черновом отрывке (см. выше, стр. 201). Заметки, сделанные в записной тетради, свидетельствуют о том, что Достоевский намеревался изложить свою точку зрения на Золя подробно, но этот замысел не был осуществлен. В окончательном тексте сохранилось лишь комментируемое замечание о «Чреве Парижа». Неприятие Золя, проявившееся, в частности, в ироническом замечании о «так называемом у нас реалисте», объяснялось тем, что Достоевский полемизировал с «теорией среды» и с так называемым «естественнонаучным» объяснением человека и общества, на котором основывался творческий метод французского писателя, признанного теоретика и вождя натурализма. Полемика с Золя по этим кардинальным вопросам прослеживается позднее в «Братьях Карамазовых» (Б. Г. Реизов. Борьба литературных традиций в «Братьях Карамазовых». В кн.: Б. Г. Реизов. Из истории европейских литератур. Изд. ЛГУ, Л., 1970, стр. 147—158). Ср. примеч. к стр. 201.

Стр. 95. *Хлодвиг* (465 или 466—511) — король германского плем франков, завоевавшего Галлию и ассимилированного впоследствии мес населением.

Стр. 96. *. . .с хрустальными дворцами, с всемирными выставками. .* Хрустальный дворец — здание из стекла и железа в Лондоне, в которо проводились всемирные выставки 1851 и 1862 гг. О нем Достоевский писал ранее в «Зимних заметках о летних впечатлениях» (см.: наст. изд., т. V, стр. 69, 368).

Стр. 96. *Оно поделит землю по общинам. . .* — Это предсказание Парадоксалиста-Достоевского находило опору в рецензиях русской печати на книги зарубежных экономистов Э. Лавеле и Г. Мэна, которые признавали общину прогрессивной формой землевладения и говорили о возможности перехода к ней в будущем на Западе. 7 декабря 1876 г. Достоевский

записал в черновой тетради: «Пролетарии у французов. Кстати, правда ли, что у них опять подымается вопрос об общинном хозяйстве». См. подробно примеч. к указанной записи (наст. изд., т. XXIV).

Стр. 96. *...а не поступать девяти лет, когда еще играть хочется, на фабрики...* — Эксплуатация детского труда на капиталистических предприятиях неоднократно привлекала внимание Достоевского и позднее, но развернутого изложения в его художественных произведениях и публицистике эта тема не получила, оставшись лишь в кратких замечаниях и беглых черновых записях (см.: наст. изд., т. XIV, стр. 286; т. XV, стр. 199, 567—568; записи в тетради 1880—1881 гг.).

Стр. 98. *...фабричным развратом, которого не знал Содом.* — Согласно библейскому мифу, жители городов Содом и Гоморра в Древней Палестине предавались безудержному разврату, за что эти города были разрушены огненным дождем и землетрясением.

Стр. 98. *...я только что читал одни мемуары одного русского помещика...* — «Записки Ивана Дмитриевича Якушкина». Лондон, Вольная русская типография, 1862, стр. 31—35. (Записки декабристов, вып. 1). Достоевский вольно интерпретирует пересказанный далее эпизод, создавая представление о Якушкине как об оторванном от «почвы» дворянине. Якушкин учил детей не хоровому церковному пению, а грамоте «с тем, чтобы после раздать их в Москве в учение разным мастеровым». Якушкин имел в виду их «сколько-нибудь осмыслить и потом доставить им более верные средства добывать пропитание, нежели какие до сих пор имели отцы их». Совет соседа-помещика «поучить их петь и музыке», а потом продать по дорогой цене, он приводит в качестве иллюстрации диких крепостных нравов того времени. Решив отпустить крестьян без выкупа, Якушкин предполагал отдать им безвозмездно их дома, скот, лошадей, имущество, усадьбы и выгоны, относившиеся к деревням. Остальную землю он оставлял в своем владении и рассчитывал половину ее обрабатывать вольнонаемными работниками, а половину отдавать в аренду своим бывшим крестьянам. О разговоре с крестьянами он писал: «Я собрал их и долго с ними толковал; они слушали меня со вниманием и наконец спросили: „Земля, которою мы теперь владеем, будет принадлежать нам или нет?“ Я им отвечал, что земля будет принадлежать мне, но что они будут властны ее нанимать у меня. — „Ну так, батюшка, оставайся всё по-старому: мы ваши, а земля наша“». В «Записках» отсутствует рассуждение, которое приводит Достоевский, заключая свой пересказ: «Конечно, это удивило помещика: дикий, дескать, народ; свободы даже не хотят в нравственном падении своем, свободы — сего первого блага людей и т. д. и т. д.». Якушкин заканчивает свой рассказ об этом эпизоде своей жизни следующими словами: «Напрасно я старался им объяснить всю выгоду независимости, которую им доставит освобождение. Русский крестьянин не допускает возможности, чтобы у него не было хоть клока земли, которую он пахал бы для себя собственно». Проект декабриста И. Д. Якушкина освободить своих крепостных крестьян по «остзейскому образцу» (см.: наст. изд., т. XXII, стр. 380), относившийся к лету 1819 г. и неодобрительно встреченный властями, был одной из серьезных попыток практического воплощения тех пунктов программы декабристов, которые касались крестьянского вопроса. Вопрос о необходимости наделять крестьян землей при освобождении [...] поставлен в декабристских кругах несколькими годами позже. Мысль, [...]орую Достоевский развивает в данном отрывке, была намечена еще в под[...]овительных материалах к «Бесам», где Шапошников в полемике с Гра[...]овским указывает на пропасть, лежащую между «либералами» и «западниками», декабристами и народом: «Бьюсь об заклад, что декабристы непременно бы освободили тотчас русский народ, но непременно без земли — за что им непременно сейчас же народ свернул ‹бы› головы и тем бы доказал им, что не одно их московское общество составляет Россию, — к величайшему их удивлению. Но что? Они и без голов ничего бы не поняли, несмотря на то, что головы-то их всего больше и мешали им понимать» (наст. изд., т. XI, стр. 88).

Стр. 99. *Исполу* — на половинных началах, пополам с кем-либо.

С т р. 100. . . .*прочел в одной корреспонденции об одной матери* ∾ *крики деточек слышала.* — Корреспонденция похожего содержания из «Кельнской газеты» была напечатана в «Новом времени» (1876, 9 августа, № 160), однако ее детали сильно отличаются от приводимых Достоевским.

С т р. 100—101. . . .*даже здесь в Эмсе* ∾ *ждут всего от Черняева.* — См. примеч. к стр. 105.

С т р. 101. . . .*не через славянский лишь комитет*. . . — См. стр. 379.

С т р. 102. *Старушка божия подает* ∾ *читая статью.* — Очевидно, речь идет о статье «Заметки кружечного сборщика в пользу славян», напечатанной за подписью «И. Л.» в «Новом времени» (1876, 15 августа, № 166). Автор рассказывал: «Вкладчиками славян были большею частию те старушки, в белом чепчике, одетые в черное платье, с узелком в руке, которые шли помянуть своих родственников. Редкая проходила мимо кружки, не положивши своей посильной лепты на „православное дело", как многие называли свою жертву. Мне пришлось быть свидетелем таких сцен, которые сильно щемили мое сердце и навсегда врезались в моей памяти». Далее в статье рассказывалось, как одна из старушек развязала узелок на платке и там оказались 4—5 медных монеток. «Видя ее скудные средства, я не мог удержаться, чтобы не сказать:

— Бабушка, да не надо, с тебя и бог не взыщет.

— Как же, батюшка, это можно, — ответила мне старуха, обидевшись, — да теперь я буду спокойна, что и моя копеечка пошла на божеское дело. — Опустила свою лепту и, перекрестившись, побрела дальше».

С т р. 103. *Удрученный ношей крестной* ∾ *Исходил, благословляя!* — Третья строфа стихотворения Ф. И. Тютчева «Эти бедные селенья. . .» (1855). Достоевский привел ее, очевидно, по памяти, изменив знаки препинания в третьей и четвертой строках. Это стихотворение Тютчева неоднократно цитируется и перефразируется в разных произведениях писателя и черновых записях к ним. См. подробно: А. В. А р х и п о в а. Достоевский о Тютчеве. (К атрибуции одной статьи в «Гражданине»). *РЛ*, 1975, № 1, стр. 174—176; ср.: наст. изд., т. IX, стр. 306; т. XIV, стр. 226.

С т р. 105. *Обозначилась и еще одна русская личность* ∾ *Россия не забудет его и будет любить его.* — Прибыв в апреле 1876 г. в Белград, генерал М. Г. Черняев (см.: наст. изд., т. XXII, стр. 381) принял командование моравской армией — главной из четырех армий, на которые были разделены вооруженные силы Сербии. Перейдя 20 июня (2 июля) границу, моравская армия начала наступление, но после первых успехов, вызвавших в России восторг, стала под нажимом турецких войск отступать на территорию Сербии. 25—26 июля (6—7 августа) без боя, из тактических соображений, был сдан город Зайчар. В газетах заговорили о поражении Сербии (см., например: *НВр*, 1876, 27 июля, № 147; 28 июля, № 148; 29 июля, № 149; 30 июля, № 150). Появились сообщения о враждебном отношении в Сербии к Черняеву (например, корреспонденция из Белграда, переведенная в *НВр*, 1876, 28 июля, № 148, из газеты «Politische Correspondenz»). Телеграмма от 26 июля (7 августа) извещала: «Сильное волнение. Толпы народа требуют увольнения Черняева» (*НВр*, 1876, 30 июля, № 150; ср.: *Г*, 1876, 28 июля, № 207; *РМ*, 1876, 28 июля, № 206). Однако 25 июля (6 августа) Черняев был назначен главнокомандующим объединившейся тимоко-моравской армии, которая закрепилась на позициях у городов Алексинац и Делиград, преградив турецким войскам путь на Белград. 12 (24) августа турки были вынуждены отступить от Алексинаца и из долины реки Моравы; это рассматривалось в России как важная победа Черняева (например: *НВр*, 1876, 17 августа, № 168; *МВед*, 1876, 15 августа, № 207). Однако в следующие дни положение изменилось, и 20 августа (1 сентября) турецкая армия нанесла поражение силам Черняева, которые оставили Алексинац. В газетах это событие расценили первоначально как разгром сербской армии (например: *НВр*, 1876, 24 августа, № 175; 28 августа, № 179). Тревожные ноты, прозвучавшие в первых сообщениях о поражении Черняева, сменились постепенно на спокойно-уверенные по мере того, как становилось ясно, что турецкие силы не вошли в оставленный сербской армией Алексинац. Новые позиции, занятые армией Черняева

под Делиградом, стали расценивать как неприступные (например: *НВр*, 1876, 31 августа, № 182). Оптимистические оценки сербской армии, которые высказывались в начале войны (см. стр. 44, 373—374), стали после ее первых неуспехов сменяться суждениями противоположного характера. См., например, корреспонденции из Сербии А. С. Суворина (Незнакомца) «Среди сербского воинства» (*НВр*, 1876, 10 августа, № 161) и «Недельные очерки и картинки» (*НВр*, 1876, 15 августа, № 166). Однако в это время в русских газетах было напечатано заявление Черняева о том, что «сербская армия организована и в состоянии снова перейти в наступление» (*РМ*, 1876, 9 августа, № 218; ср.: *Г*, 1876, 9 августа, № 218; 14 августа, № 223; *СПбВед*, 1876, 10 августа, № 219; 16 августа, № 225). После поражения снова появились отрицательные отзывы. «Армия славян состоит из едва обученных новобранцев», — писало, например, «Новое время» (1876, 29 августа, № 180). В течение августа газеты многократно писали о борьбе в Сербии партии войны и партии мира, о том, что князь Милан колеблется, стоит ли продолжать войну, и что Англия убеждает его обратиться к европейским державам с просьбою о посредничестве для установления мира. Сообщалось также о недоверии к России в высших кругах Сербии. «В Белграде идет теперь игра, может быть опаснейшая для Сербии, чем та, которая решается на полях битв», — писали «Московские ведомости» (1876, 20 августа, № 212). «Голос» (1876, 24 августа, № 233) и «Новое время» (1876, 25 августа, № 176) отмечали: «С самых противоположных сторон приходят грустные известия о существовании в Белграде партии, смотрящей с недоверием и даже с некоторою боязнью на помощь, оказываемую русским народом Сербии». Ср.: *Г*, 1876, 14 августа, № 223; *НВр*, 1876, 23 августа, № 174; *СПбВед*, 1876, 24 августа, № 233. 12 (24) августа еще в период успеха сербской армии Милан заявил о готовности принять посредничество держав, и 21 августа (2 сентября) они обратились к Турции с нотой, требовавшей установления перемирия. Турция временно приостановила военные действия, но официально перемирие подписано не было.

Стр. 106. *Piccola bestia.* — Образ паука как символ зла и порока встречается у Достоевского в «Униженных и оскорбленных» (наст. изд., т. III, стр. 358, 537), «Записках из Мертвого дома» (наст. изд., т. IV, стр. 40), статье «Ответ „Русскому вестнику“» (наст. изд., т. XIX, стр. 136), «Бесах» (т. X, стр. 402; т. XII, стр. 317), «Подростке» (т. XIII, стр. 306, 335; т. XVII, стр. 385, 386).

Стр. 106—107. *Лет семь тому назад* ∾ *я заснул лучше.* — В этом отрывке описывается действительное происшествие, случившееся с Достоевским во время его с женою пребывания во Флоренции в 1869 г. (*Гроссман, Семинарий*, стр. 65).

Стр. 106. *. . . в мое время в Семипалатинске, ровно пятнадцать лет до Флоренции. . .* — По окончании срока каторжных работ Достоевский был направлен в Семипалатинск в Седьмой Сибирский линейный батальон, где начал службу рядовым в марте 1854 г.

Стр. 106—107. *. . .нравоучительную басню Кузьмы Пруткова «Кондуктор и тарантул». . .* — Достоевский часто использовал образы и цитаты из произведений Козьмы Пруткова. См.: наст. изд., т. I, стр. 434, 498; т. II, стр. 327, *517*; т. III, стр. 132—134, *514*; т. V, стр. 56, *366*.

Стр. 107. *. . .все в Европе сейчас же как будто перестают понимать друг друга, как при Вавилонской башне. . .* — Согласно библейскому мифу, после потопа люди вознамерились построить в земле Сенаар (Месопотамия) город и башню, которая достигла бы небес. Бог, разгневанный их дерзостью, «смешал язык их» и рассеял их по всей земле. Недостроенный город был назван Вавилоном; Библия, отражая народную этимологию, возводит это название к древнееврейскому глаголу «балал» — смешивать (Бытие, гл. II, ст. 1—9). Достоевский часто пользовался символом вавилонского столпотворения в своих произведениях и в подготовительных материалах к ним (см.: наст. изд., т. IX, стр. 253, 466; т. X, стр. 10; т. XIV, стр. 25, 230, 235; т. XV, стр. 248, 250, 527; т. XVI, стр. 16; и др.).

Стр. 108. *И вот виконт Биконсфильд* ∾ *начинена Россия.* — Бенджа-

мин Дизраэли (1804—1881), премьер-министр Англии в 1874—1880 гг., происходил из еврейской семьи, принявшей англиканство. 12 августа 1876 г. (н. ст.) было объявлено о пожаловании ему королевой титула графа Биконсфилда. В сообщении об этом «Нового времени» (1876, 5 августа, № 156) он был назван виконтом Биконсфилдом. Уже на следующий день газета именовала его графом (*НВр*, 1876, 6 августа, № 157). В некоторых статьях и корреспонденциях других русских газет Дизраэли также называли виконтом (*Г*, 1876, 9 августа, № 218; *СПбВед*, 1876, 8 августа, № 217; 11 августа, № 220). Путаница разъяснилась, когда «Голос» (1876, 13 августа, № 222) напечатал переведенное из «The London Gazette» официальное сообщение о том, что Дизраэли «возводится в звание виконта и графа Соединенного Королевства под именем, наименованием и титулами виконта Юэнден-Юэнденского в графстве Бекингемском и графа (earl) Биконсфильдского, в названном графстве». Достоевский, очевидно, намеренно использовал титул «виконт», сочтя, по-видимому, что, будучи фонетически «звучным», в сочетании со столь же звучной и, как говорится ниже в «Дневнике писателя», «альбомной» фамилией Биконсфилд, он лучше всего подходит для создания саркастического эффекта.

В речи на банкете Центрального общества скотоводства и земледелия 20 (8) сентября 1876 г. Дизраэли утверждал, что весною был обеспечен мир «на основаниях, которые могут быть одобрены всяким благоразумным и добрым человеком», но что все «разумные» планы были разрушены действиями «тайных обществ», которые «объявили войну Турции через посредство сербов» (Речь Дизраэли, лорда Биконсфильда. *НВр*, 1876, 14 сентября, № 196; ср.: *Г*, 1876, 14 сентября, № 254). С этой речью Достоевский соединил напечатанную в «Новом времени» (1876, 15 сентября, № 197) выдержку из статьи венского корреспондента английской газеты «Times»: «За немногими исключениями большинство русских (известно, что большинство русских волонтеров — солдаты и казаки) волонтеров принадлежит к числу людей самых крайних убеждений, которым в сущности мало дела до России или Сербии, но считающих настоящую войну удобным предлогом для осуществления своих славянофильских и социально-демократических идей, так что довольно правдоподобно, что желание избавиться от этих вредных элементов играло роль в готовности, с которой русское правительство согласилось давать разрешение своим подданным на поездку в Сербию и участие в войне. Только подобная политика, в случае если она действительно имелась в виду, сама отмстит за себя: опасные элементы, разбросанные по всему пространству России, собравшись в Сербии, получат возможность организоваться и рано или поздно, возвратясь в Россию, сделаются гораздо опаснее для нее, чем были ранее».

Достоевский, безусловно, читал также напечатанную в этом же номере «Нового времени» статью А. С. Суворина «О речи Дизраэли», в которой намек Дизраэли расшифровывался сопоставлением с этой заметкой. Через четыре дня в той же газете Достоевский мог прочесть об отношении немецкой прессы к вопросу о русских революционерах в сербской армии; сообщалось, что немцы тревожатся за судьбу России после возвращения этих людей на родину (*НВр*, 1876, 19 сентября, № 201). В записной тетради (наст. изд., т. XXIV) отмечена передовая статья «Московских ведомостей» (1876, 14 сентября, № 234), в которой выражалось негодование по поводу «возмутительной» речи английского премьер-министра.

Заявление Дизраэли преследовало демагогические цели. Однако среди русских добровольцев действительно были представители революционной молодежи, особенно революционного народничества. Движение в Герцеговину началось в демократических и революционных кругах еще осенью 1875 г., задолго до массовой отправки добровольцев Славянским комитетом. Об этом с тревогою писали официальные представители России из Турции и с Балкан. Участие русских революционеров в военных действиях на Балканах было, однако, кратковременным и кончалось, как правило, разочарованием. Царское правительство принимало все возможные ограничительные меры, чтобы не допустить революционеров в ряды добровольцев, отъезжав-

ших в Сербию (см. подробно: *Никитин, Русское общество*, стр. 32—37; *Снытко*, стр. 80—88; В. Богучарский. Активное народничество семидесятых годов. М., 1912, стр. 277—293; В. Я. Гросул. Революционная Россия и Балканы (1874—1883). М., 1980).

Стр. 108—110. *. . .у меня секретные документы. . .* — Иронический намек на тактику, которой придерживался Дизраэли в Палате общин в июне—июле 1876 г. Выступая с заявлениями о положении дел на Востоке и о политике английского правительства, Дизраэли несколько раз просил Палату отложить прения по Восточному вопросу и не требовать оглашения документов, мотивируя свои действия необходимостью сохранить эти документы в секрете. Позднее он объяснял задержку публикации их большим объемом и необходимостью получить от правительств других государств разрешения на предание гласности конфиденциальной переписки. Одновременно он просил членов парламента не доверять газетным сообщениям и вынести свое суждение лишь на основе подлинных документов, когда те будут опубликованы. Это маневрирование английского премьер-министра было объектом пристального внимания русской прессы, которая видела во всех его шагах уловку для обмана общественного мнения.

Стр. 110. *Я уверен ∾ он романист.* — В полемических целях, для создания сатирического эффекта, Достоевский утрирует сведения, почерпнутые им из газет. «Новое время» (1876, 5 августа, № 156), например, сообщило: «Согласно собственному его желанию, английский премьер возведен в звание пэра и ему дарован титул виконта. Титул этот был предложен королевою главе консервативного кабинета еще в 1868 году, но тогда Дизраэли отказался от этой чести ввиду того, что ему пришлось бы отказаться от звания члена Палаты общин». Получив титул графа, он должен был бы перейти в Палату лордов.

Биконсфилд — небольшой город в графстве Бакингемшир. Недалеко от Биконсфилда находилось поместье, которое Дизраэли купил в 1848 г. В течение тридцати лет (1847—1876) Дизраэли состоял членом Палаты общин именно от графства Бакингемшир. Этими обстоятельствами и определялся его титул графа Биконсфилда. Ср. черновую запись: «Биконсфильд, ‹Д›израэли романист, верно сам сочинил, какая прелесть. А если и была такая земля, и проч.» (наст. изд., т. XXIV).

Гремин — персонаж романтической повести А. А. Бестужева-Марлинского «Испытание» (1830).

Дизраэли был писателем. Его перу принадлежит несколько романов («Вивиан Грей», 1826—1827; «Конингсби, или Новое поколение», 1844; «Сибилла, или Две нации», 1845; «Лотарь», 1870; и др.).

Стр. 110. *Провозгласив в своей речи, что Сербия ∾ поступок бесчестный. . .* — Говоря об объявлении Сербией войны Турции, Дизраэли заявил: «Не только все принципы международных законов и общественной нравственности, но все принципы чести были нарушены». Саму войну он назвал «возмутительной» и «преступной», утверждая, что «изо всех войн, когда-либо происходивших, не было еще ни одной такой несправедливой, как сербская война» (Речь Дизраэли, лорда Биконсфильда. *НВр*, 1876, 14 сентября, № 196).

Стр. 110. *Ведь это избиение болгар ∾ его chef-d'oeuvre.* — С того момента, как стали поступать сведения о массовых убийствах в Болгарии, русская печать беспрестанно писала о том, что Турция решилась на эту варварскую акцию лишь потому, что все время получала поддержку со стороны Англии. Типичной в этом отношении была, например, передовая статья «Московских ведомостей» (1876, 10 августа, № 202), в которой говорилось: «Восточная политика г-на Дизраэли, ныне графа Биконсфильда, дорого обошлась злополучным болгарам. Действия ее еще не истощились. Разнузданные страсти свирепствуют повсюду до неистовства. ‹. . .› Что это распаление гнусных страстей есть плод политики торийского кабинета — отрицать это невозможно. Это говорим не мы одни. Английская политика внушила дерзкую уверенность туркам, что они могут всё позволить себе безнаказанно, Европа своим положением подтвердила эту уверенность». Ср.: *МВед*, 1876,

11 августа, № 203; 13 августа, № 205; *НВр*, 1876, 8—9 августа, №№ 159—160; *Г*, 1876, 2 сентября, № 242.

Стр. 110. *Недавно я читал, что башибузуки распяли на крестах ∾ всякое воображение.* — О распятом священнике, которого сняли с креста еще живого через сутки, а также о зверских издевательствах над другим священником рассказывалось в очередном фельетоне А. С. Суворина «Недельные очерки и картинки» (*НВр*, 1876, 25 июля, № 145). Месяцем раньше о распятом священнике сообщал «Русский мир» (1876, 26 июня, № 174).

Стр. 110. *Биконсфильд хоть и отрицал вначале в парламенте всякие муки. . .* — При повторном запросе относительно массовых убийств в Болгарии, сделанном 10 июля 1876 г. (н. ст.) тем же членом парламента, который вносил аналогичный запрос и ранее (см. стр. 375), Дизраэли, как писали «Московские ведомости» (1876, 8 июля, № 172), по-прежнему утверждал, что сообщения газет об убийствах преувеличены. С подобными заявлениями Дизраэли выступал также 17 июля и 11 августа (н. ст.) (см.: Hansard's Parliamentary Debates, 3rd ser., vol. 230. London, 1876, p. 1489—1495; vol. 231. London, 1876, p. 1139—1142), о чем неизменно с возмущением сообщали русские газеты (например: *НВр*, 1876, 11 июля, № 131; 5 августа, № 156; *МВед*, 1876, 9 августа, № 201; *РМ*, 1876, 11 июля, № 189).

Стр. 111. *. . .„государство не частное лицо ∾ никогда не бывает бескорыстное“».* — Достоевский приводит цитату из брошюры «Восточный вопрос с русской точки зрения 1855 года» (Лейпциг, 1861). Ср. выше, стр. 65 и примеч. к ней. Кроме того, он мог иметь в виду следующее место из статьи «Речь лорда Дерби» (*НВр*, 1876, 21 сентября, № 203): «. . .иностранные политики и иностранные кабинеты не поддаются влияниям чувства, и нельзя ни в коем случае предположить, чтобы они предприняли крестовый поход ‹против Турции›, не имея ясного сознания в том, что это может принести выгоду для страны». Эдуард Генри Смит Стэнли, пятнадцатый лорд Дерби (1826—1893), был министром иностранных дел в кабинете Дизраэли. В указанной речи, обращенной к одной из посетивших его делегаций, он оправдывал политику Англии в отношении Турции.

Стр. 111. *И вот все эти наши капитаны и маиоры ∾ Эти Киреевы, эти Раевские. . .* — Все эти сведения Достоевский почерпнул из газет. О пьянстве русских добровольцев в Сербии писали, например, корреспондент «Санкт-Петербургских ведомостей» Д. К. Гирс (*СПбВед*, 1876, 12 сентября, № 252) и профессор П. А. Висковатов (*Г*, 1876, 6 сентября, № 246; 11 сентября, № 251). Ср.: *НВр*, 1876, 7 сентября, № 189; *Г*, 1876, 15 сентября, № 255; 22 сентября, № 262. Признавая эти факты, журналисты, поддерживавшие движение в помощь славянам, настойчиво обращали внимание на храбрость русских воинов в бою, которой оправдывали их безобразные поступки, совершенные в пьяном угаре. Так, А. С. Суворин писал: «. . .если Белград может указать на некоторых русских офицеров, которые не удовлетворяют требованиям благовоспитанного человека, зато он не укажет ни на одного, который бы провинился трусостью» (Недельные очерки и картинки. *НВр*, 1876, 5 сентября, № 187). В этом же ключе были написаны и еженедельные фельетоны С. И. Смирновой (в замужестве Сазоновой, 1852—1921), печатавшиеся в «Новом времени» под псевдонимом «Русский». «В одном только не может упрекнуть их никто ‹. . .› это в трусости!» (Воскресные беседы. *НВр*, 1876, 12 сентября, № 194). Возвратившись к этой же теме через неделю, С. И. Смирнова писала: «Волонтеры по-прежнему продолжают быть отчаянно храбрыми. В числе их есть и севастопольские, и кавказские ветераны с георгиевскими крестами, есть и с медалью за взятие Парижа, и даже сражавшиеся за Дон-Карлоса! Это уж прямо, значит, военная косточка!» В этом же фельетоне упоминается «один 75-летний старик», который «пошел сам и семерых сыновей с собой повел» (Воскресные беседы. *НВр*, 1876, 19 сентября, № 201). В той же газете, в корреспонденции из Самары об отправке в Сербию отряда добровольцев, рассказывалось о матери, которая просила содействовать отправлению ее сыновей в Сербию (*НВр*, 1876, 13 сентября, № 195). В том же номере «Нового времени» в разделе «Среди газет и журналов» был перепечатан из газеты «Современные известия» (1876,

11 сентября, № 250) отрывок, очень схожий по духу и по манере с данным местом «Дневника писателя». Отвечая на заявления в Англии о русских революционерах в Сербии, газета писала: «К тайным обществам принадлежат эти тысячи волонтеров, поспешающие в долины Сербии, чтобы положить свой живот за братьев; к тайным обществам принадлежат все эти города, снаряжающие добровольцев, и сотни тысяч их провожающие, миллионы из всех классов общества льющие слезы о горькой судьбе задунайских братьев, несущие всякий, что по силам, что может, свои вклады далеким страдальцам, эти купцы, крестьяне, отставные военные, плетущиеся за тысячи верст, целые войска казаков, дышащие нетерпением сразиться с басурманом, священники молебствующие, архиереи напутствующие и проповедующие, печать как бы одними устами об одном взывающая, это все члены тайных обществ, их орудия!».

Стр. 111. *Тюльери.* — См.: наст. изд., т. XXII, стр. 339.

Стр. 111. *...с санитарными отрядами...* — Летом 1876 г. в России развернулось широкое движение по сбору средств и отправке в Сербию врачей, сестер милосердия, санитарных отрядов. Ср. стр. 385.

Стр. 111. *...с походными церквами...* — 13 (25) августа М. Г. Черняев послал Московскому славянскому комитету телеграмму следующего содержания: «У меня в армии три корпуса и резерв. Желательно было бы иметь для каждого корпуса походную церковь, а также певческие хоры, так как здесь нет стройного пения. Роскоши не нужно, но как можно скорее». Публикуя телеграмму, «Московские ведомости» (1876, 15 августа, № 207) сообщали о скорой отправке церквей и о необходимости собрать средства на организацию хоров. Об отправке церквей сообщалось, например, в «Новом времени» (1876, 30 августа, № 181; 13 сентября, № 195; ср.: *МВед*, 1876, 24 августа, № 216; 28 августа, № 219).

Стр. 111. *Киреев* — см. стр. 385—386.

Стр. 111. *Раевский* Николай Николаевич (род. 1839) — полковник, убит в сражении 20 августа 1876 г. Телеграмма о его смерти была напечатана в «Московских ведомостях» (1876, 27 августа, № 218, особое прибавление). Достоевский читал и отметил в записной тетради корреспонденцию, в которой рассказывалось о панихиде в Белграде и торжественной церемонии отправки праха в Россию (*НВр*, 1876, 13 сентября, № 195). Ранее газета напечатала некролог Раевского (*НВр*, 1876, 28 августа, № 179).

Стр. 112. *Слова, слова, слова!* — Ставший крылатым выражением ответ Гамлета Полонию на вопрос «Что вы читаете, принц?» (В. Шекспир. «Гамлет», д. II, сц. 2).

Стр. 112. *Кстати, в газетном мире ∞ паралич в мозгу.* — После приостановки военных действий с 5 (17) по 12 (24) сентября (ср. стр. 395) Турция выдвинула унизительные и заведомо неприемлемые для Сербии условия мира. В начале сентября в Сербию прибыла большая партия русских солдат и офицеров. В этих условиях верх в Сербии одержала «партия войны». Предложение о продлении перемирия было Сербией отклонено, и 16 (28) сентября военные действия возобновились. Между тем европейские державы продолжали попытки решить конфликт дипломатическим путем. Проект урегулирования положения на Балканском полуострове, выработанный Англией и представленный ими Турции, предусматривал сохранение в Сербии и Черногории status quo ante bellum ‹положения, существовавшего перед войной (*лат.*)› и предоставление восставшим областям и Болгарии самоуправления («административной автономии»). Сообщая, например, о речи, с которой лидер Палаты лордов граф Дерби (см. стр. 398) обратился 16 (28) сентября к депутации, явившейся к нему с требованием воздействия на Турцию с целью прекратить избиение славян, «Новое время» (1876, 17 сентября, № 199) писало: «Разрешения нынешних затруднений граф Дерби ожидает от дарования местной автономии восставшим провинциям, одинаковой свободы для христиан и мусульман и действительных гарантий против возобновления жестокостей». Проект «административной автономии» оживленно комментировался русской прессой. Против него резко высказывались газеты, поддерживавшие войну против Турции. «Новое время» (1876, 18 сен-

тября, № 200) охарактеризовало его, например, как одну «из тех западных формул, которые под наружным лоском новизны скрывают страшное узаконение существующей неправды, страшное потому, что от нас требуют подать руку Западу в деле порабощения наших братьев мусульманским пришельцам на времена вековечные». «Опять пустые фразы». — писали по поводу речи Дерби «Московские ведомости» (1876, 22 сентября, № 241; ср.: 19 сентября, № 238). В то же время Генеральное русское агентство, принадлежавшее А. А. Краевскому, в передовой статье своего литографированного обзора заявило, а «Голос» перепечатал: «Требования эти, относительно которых не так легко было установить соглашение, кажутся нам такого рода, что они могут удовлетворить людей самых требовательных» (*Г*, 1876, 18 сентября, № 258). В том же номере газета писала, что она не теряет «надежды на мирную и удовлетворительную для славян развязку европейских столкновений в Турции». Подобные заявления имел в виду Достоевский, говоря об «укушенных».

Стр. 112. *...Россия согласилась на это лишь в принципе, а за исполнением хотела сама присмотреть, и по-своему...* — Достоевский имеет в виду предложение, сделанное в сентябре Россией Австрии, о совместных действиях с целью осуществления гарантий проведения предложенных европейскими державами реформ в славянских провинциях Турции. Под этим понималось занятие русскими войсками Болгарии, а австрийскими — Боснии и Герцеговины. Предложение было Австрией отклонено.

Стр. 112. *Райя* (турец. r̂aya; от арабского слова, имеющего значение «стадо») — немусульманское сельское население Турции. В России в XIX в. этим словом называли главным образом славянское население Балканского полуострова.

Стр. 112. *Гордиев узел ∾ разрешил загадку.* — Выражение «Гордиев узел», восходящее к легенде о том, как Александр Македонский мечом разрубил хитроумно завязанный узел фригийского царя Гордия, широко употреблялось в русской публицистике 1876 г. применительно к Восточному вопросу. См., например: *БВ*, 1876, 30 сентября, № 270; 15 декабря, № 346; *СПбВед*, 1876, 22 апреля, № 110; *Г*, 1876, 10 октября, № 280.

Стр. 113. *Мейстерштюк* (нем. Meisterstück) — шедевр.

Стр. 114. *...оберегающие теперь неприкосновенность Турции...* — Русские газеты сообщали о заявлении министра иностранных дел Англии лорда Дерби относительно необходимости охранять «неприкосновенность территории Турецкой империи» (*Г*, 1876, 21 сентября, № 261). С подобным же заявлением выступил и лидер оппозиционной либеральной партии Гладстон (*Г*, 1876, 16 сентября, № 256).

Стр. 114. *Вот, например, еще одна «неестественность» ∾ разом разрешено и покончено».* — Говоря о дипломатических интригах вокруг Восточного вопроса, «Новое время» (1876, 14 сентября, № 196) в передовой статье «Ежедневное обозрение» писало: «На стороне России бескорыстие и абсолютная справедливость, и этим знаменем она без труда одержит верх над своекорыстными комбинациями западных кабинетов. ‹...› Пусть только Россия громко и открыто заявит, что она не имеет никаких видов к увеличению своей территории, но, внимая призыву своих единоплеменников и ввиду доказанной невозможности оставить их под игом мусульман, — она требует, чтобы Европа вняла желанию этих провинций и не препятствовала провозглашению их независимости от Турции. После такого открытого заявления общественное мнение всей Европы станет за справедливые требования России и все интриги кабинетов составить против нас коалицию под предлогом завоевательных и угрожающих спокойствию всей Европы замыслов России разобьются о благоразумие самих наций».

Стр. 114—115. *Эта новая комбинация ∾ не пустят они ее туда никогда!»* — Достоевский говорит о программе решения Восточного вопроса, предложенной в статье «Что делать?» («What ought to be done?») в английской газете «Daily News», которая была органом либеральной партии, критиковавшей из тактических соображений внутрипарламентской борьбы политику английского кабинета за поддержку Турции и возбуждавшей через печать

и на митингах общественное мнение страны против турок сообщениями об их зверствах. Достоевскому статья была известна по ее изложению в «Новом времени» (1876, 19 сентября, № 201).

Стр. 115. *Про факт этот уже я заговаривал прежде, вскользь.* — Ср. выше, стр. 101, 105, 395. После выхода июльско-августовского «Дневника писателя» за 1876 г., где Достоевский коснулся взаимоотношений русских и славян, эту тему подробно осветил А. С. Суворин в очередном фельетоне «Недельные очерки и картинки» (*НВр*, 1876, 5 сентября. № 187). Рассуждения Достоевского перекликаются с его письмом к А. Н. Майкову от 26 октября (7 ноября) 1868 г. и с рядом заявлений М. П. Погодина в разных выступлениях (М. П. Погодин. Собрание статей, писем и речей по поводу Славянского вопроса. М., 1878, стр. 52—53, 68 и др.).

Стр. 116. *Вот и рознь и свара, хоть у греков с славянами на первый случай. . .* — О притязаниях Греции на Константинополь и отношениях греков со славянами см. стр. 377—378. Под «славянским элементом» Достоевский здесь имеет в виду в первую очередь Сербию. О ее великодержавных устремлениях неоднократно с неодобрением вспоминала в сентябре русская пресса. При этом указывалось, что именно они были причиной недоверия к России со стороны сербских правительственных кругов и части ее интеллигенции.

Стр. 116. *. . . уж не из Габсбургского ли дома? ∾ дуализмы, бифуркации.* — Габсбургский дом — правящая династия Австро-Венгерской монархии. Термином «дуализм» обозначалось государственное устройство Австро-Венгерской монархии с 1867 г. вплоть до ее распада в ноябре 1918. Империя состояла из двух государств — Австрии и Венгрии, управлявшихся парламентами и сохранявших самостоятельность в решении внутренних дел. В компетенции императорской власти находились вопросы внешней политики и вооруженные силы. Славянские народы, входившие в состав империи, правами автономии не пользовались. Бифуркация (от лат. bifurcus, bifurcatus — двузубый, раздвоенный) — раздвоение, разветвление.

Стр. 116. *Ионические острова* — группа островов в Ионическом море у западных берегов Балканского полуострова. С 1809 г. Ионические острова являлись отдельным государством, находившимся под протекторатом Великобритании. В результате национально-освободительной борьбы, проходившей под лозунгом воссоединения с Грецией и приведшей к нескольким вооруженным восстаниям, Великобритания после долгих проволочек возвратила в 1864 г. Ионические острова Греции. Русская печать внимательно следила за развитием событий и в основном единодушно оценивала передачу островов как уступку, которую Англия сделала в своих же интересах, расширив сферу своего влияния (см.: *Никитин*, стр. 217—218).

Стр. 118. *. . . а слышно, русских офицеров убивают опять в битвах десятками.* — См., например, сообщения «Голоса» (1876, 28 августа, № 237; 6 сентября, № 246; 29 сентября, № 269).

Стр. 118. *В наших газетах ∾ собрано на эту рубрику до трех тысяч рублей. . .* — Впервые эта рубрика появилась в «Голосе» (1876, 20 августа, № 229) под названием «В пользу семейств русских воинов, павших в борьбе с турками». С 3 сентября она получила название, приводимое Достоевским. На 27 сентября было собрано 2834 руб. 31 коп. (*Г*, 1876, 27 сентября, № 267).

Стр. 119. *Как-то раз, недавно, в заграничной прессе появилась странная вещь ∾ вещь невозможная и вообще немыслимая.* — О различных проектах и предложениях изгнания турок из Европы русская пресса писала в 1876 г. многократно в связи с тем, что вопрос этот был поднят в английском парламенте депутатами либеральной партии (см., например: *НВр*, 1876, 1 августа, № 152). Его также коснулся лидер либеральной партии Гладстон в своей брошюре «Болгарские ужасы и Восточный вопрос» («The Bulgarian Horrors and the Question of the East»), вышедшей в свет 6 сентября 1876 г. В первых числах сентября русские газеты сообщили о речи по этому вопросу лорда Дерби 11 сентября. В корреспонденции, в частности, говорилось: «Лорд Дерби сказал, что предложение о совершенном изгнании турок из

Европы неосуществимо. Это изгнание вызвало бы всеобщую религиозную войну, которая сопровождалась бы еще большими жестокостями» (*НВр*, 1876, 1 сентября, № 183; ср.: *НВр*, 1876, 3 сентября, № 185; *Г*, 1876, 1 сентября, № 241; 5 сентября, № 245; *МВед*, 1876, 1 сентября, № 222; *СПбВед*, 1876, 1 сентября, № 241). Подобным же было мнение Дизраэли (*НВр*, 1876, 14 сентября, № 196).

Стр. 119. . . . *на банкетах и митингах этим несомненно стращали народ*. . . — Имеется в виду банкет Центрального общества скотоводства и земледелия 19 (7) сентября (см. примеч. к стр. 108), а также многочисленные «митинги негодования» (indignation's meetings), проходившие в Англии в августе—сентябре. Их организовывала либеральная партия. Возбуждение общественного негодования политикой консервативного правительства Дизраэли в Восточном вопросе и поддержка движения балканских славян были для нее всего лишь тактическим маневром в межпартийной борьбе.

Стр. 119—120. *Когда кончилась татарская Орда* ∾ *Карамзин описал ее потом чрезвычайно красноречиво*. — Осада и взятие (октябрь 1552) Казани Иваном IV описаны в четвертой главе восьмого тома «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина. В рассказе о мероприятиях, осуществленных Иваном IV в Казани, Достоевский ошибается, утверждая, что они были проведены в один день. В первые годы после падения в бывшем Казанском царстве происходили волнения и восстания, о которых Карамзин рассказывает в следующей главе того же тома. Эпизод взятия Казани упоминается в «Белых ночах» (см.: наст. изд., т. II, стр. 116, 490). Ср. стр. 372.

Стр. 120. . . . *тотчас же бы отслужили молебен в Святой Софии* ∾ *в тот же день подоспел бы колокол*. . . — Храм Св. Софии, построенный в Византии (Константинополе) в 532—537 гг. малоазийскими зодчими Анфимием из Тралл и Исидором из Милета, после взятия города турками (1453) был превращен в мечеть Айя-София; к нему было пристроено четыре легких минарета, а фрески замазаны. Мечта о возвращении креста на храм Св. Софии и символическом в нем молебне разделялась многими из представителей славянофильских кругов. См., например, стихотворение Ф. И. Тютчева «Пророчество» (соч. 1850, опубл. 1854). В статье Н. Я. Данилевского «Царьград» говорилось: «Каким дух занимающим восторгом наполнило бы наши сердца сияние нами воздвигнутого креста на куполе святой Софии!» (Н. Я. Данилевский. Россия и Европа. Изд. испр. и доп. СПб., 1871, стр. 408). В романе «Декабристы» Л. Н. Толстой, говоря об эпохе Крымской войны, писал, имея в виду графиню А. Д. Блудову: «Это было ‹. . .› время, когда Россия в лице дальновидных девственниц-политиков оплакивала разрушение мечтаний о молебне в Софийском соборе» (*Толстой*, т. XVII, с. 7).

К символическим актам первых месяцев Крымской войны восходит мысль Достоевского о присылке из Москвы колокола для Св. Софии. Во время Дунайской кампании 1854 г. в занятые русскими войсками области посылались колокола для болгарских церквей в качестве эмблемы освобождения. Например, 12 апреля 1854 г. К. С. Аксаков радостно извещал своего брата И. С. Аксакова: «Мы перешли через Дунай, слава богу, и уже посылаются болгарам колокола для церквей» (*Тарле*, т. VIII, стр. 464). В 70-е гг. Московский славянский комитет отливал колокол для православной церкви в Праге, придавая ему также символическое значение.

Стр. 120. . . . *один только мусульманин* ∾ *а райя нет*. — Сведения о положении райи в Турции Достоевский мог почерпнуть из разных статей и корреспонденций, публиковавшихся в русской прессе во второй половине 1876 г. В частности, о законе, облагавшем райю налогом за право носить оружие, рассказывалось в «Русском мире» (1876, 15 июля, № 193), из которого соответствующая выдержка была приведена в «Новом времени» (1876, 19 июля, № 139).

Стр. 122. . . . *удивительнее статьи «Вестника Европы»*. . . — ‹Л. А. Полонский›. Внутреннее обозрение. *ВЕ*, 1876, № 9, с. 351—354.

Стр. 122. . . . *последние могикане*. . . — Могикане — вымершее племя североамериканских индейцев. Употребленное Достоевским крылатое выражение восходит к роману Ф. Купера «Последний из могикан» (1826).

С т р. 123—124. *И вообще, все эти прежние старые теоретики хоть и любили народ ∾ отказались бы от него вовсе.* — См. стр. 385.

С т р. 124. *Кифомокиевщина.* — Кифа Мокиевич — в «Мертвых душах» Н. В. Гоголя (ч. I, гл. 2) лицо, чье «существование <. . .> было обращено более в умозрительную сторону»; этот персонаж олицетворяет бесплодное умствование над нелепыми, не имеющими практической ценности вопросами.

С т р. 126. *Шариат* — совокупность религиозных и юридических норм мусульманского феодального права. Достоевский связывал шариат с пропагандой турками войны против христиан. В начале октября он сделал об этом в черновой тетради запись со ссылкой на «Русский мир» (1876, 2 октября, № 239).

С т р. 126. . . . *султан есть калиф всех мусульман.* — Калиф (турецк., дословно: преемник, наследник) — титул феодального верховного правителя мусульман, совмещавшего духовную и светскую власть в ряде стран Ближнего и Среднего Востока; с начала XVI в. титул калифа принадлежал султанам Оттоманской империи.

С т р. 126. *Вы предлагаете «борьбу за свободу» ∾ в высшей степени его успокоит.* — В статье Л. А. Полонского говорилось: «Для возбуждения нас к оказанию славянам помощи совершенно достаточно того, что по сведениям, уже не подвергаемым спору, турками избито не меньше 12 тысяч беззащитных существ, что к помощи нашей взывают народы, которые издавна привыкли видеть в России свою покровительницу и которым Россия дала основания присваивать ей такую роль. <. . .> Благородное дело свободы увидало в рядах своих защитников русских людей. Уже с этой точки зрения, еще более возвышенной, чем сочувствие по единоверию и даже единству племени, дело славян — священное дело. Венгерцы, служившие в рядах итальянских волонтеров, не были даже единоплеменниками того народа, которому шли на помощь, а увлечение Гарибальди, когда он явился во Францию, веря в успех народной войны, было вызвано никак не тем, что Франция католическая страна, а Пруссия протестантская» (*ВЕ*, 1876, № 9, стр. 352).

С т р. 128—129. *Помню, читал я кое-что про волнения ∾ не знаю наверно.* — Подобные сообщения стали появляться в газетах с конца июня 1876 г. В июле широкую пропагандистскую кампанию начали турецкие газеты, утверждавшие, что на Кавказе разгорается восстание, в котором участвуют не только мусульмане, но и армяне. Со слов турецких газет о «кавказской революции» заговорила и печать Европы. В русских газетах появлялись как сообщения, подтверждавшие слухи о волнениях на Кавказе и появлении турецких агитаторов в Крыму, так и опровержения этих слухов; так что читателю было трудно составить представление о реальном положении вещей. О волнениях писалось, в частности, в «Русском мире» (1876, 18 июля, № 196). Этот номер Достоевскому прислал в Эмс Вс. С. Соловьев; здесь была напечатана его статья «Мысль по поводу Восточного вопроса», содержавшая отзыв на вторую главу июньского выпуска «Дневника писателя» за 1876 г. (см.: письмо к А. Г. Достоевской от 26 июля (7 августа) 1876 г.).

С т р. 129. . . . *если было в последнее время несколько редких, совсем единичных, случаев преследования штундистов ∾ осуждались всей нашей прессой.* — О секте штундистов см.: наст. изд., т. XVII, стр. 416—417. В 1876 г. русская пресса часто писала о штундистах, печатала сообщения о распространении штунды на юге России, взятые из местных газет («Киевского телеграфа», «Одесского телеграфа», «Одесского вестника» и др.). Гонения на штундистов осуждало, например, «Новое время» (1876, 23 марта, № 24; 3 апреля, № 35); об этих же случаях писали «Биржевые ведомости» (1876, 23 марта, № 81; 3 апреля, № 92). Как одно из проявлений общественного разброда и шатаний в пореформенной России, штунда рано привлекла внимание Достоевского. О ней печатались материалы в «Гражданине» в период его редакторства; сам он писал о ней в очерке «Смятенный вид» (см.: наст. изд., т. XXI, стр. 58—60). Штундисты упоминаются в записной тетради 1872—1875 гг. (см. там же, стр. 252). Интерес Достоевского к штунде отразился и в ряде заметок в записной тетради 1876—1877 гг. (см.: наст. изд., т. XXIV). Упоминаемый в тетради 1875—1876 гг. «Голос» (1875, 30 ноября,

№ 331) также содержал статью, осуждавшую репрессивные меры в отношении штундистов. Вопросу о штунде позднее будет посвящен раздел в январском выпуске «Дневника писателя» за 1877 г. (гл. I. § 2).

С т р. 129. *Кстати, уж не согласиться ли нам ∾ за их веру и чувства!..* — С подобными утверждениями «Allgemeine Zeitung» (Augsburg) полемизировали, например, «Санкт-Петербургские ведомости» (1876, 28 августа, № 237), из которых выдержку перепечатало в отделе «Среди газет и журналов» «Новое время» (1876, 29 августа, № 180).

С т р. 130. *... назвал христианством, «крестьянством».* — Оба эти слова происходят от древнегреч. χριστιανός — христианин.

С т р. 131. *Крымская война.* — См.: наст. изд., т. XXII, стр. 382.

С т р. 131. *... по поводу депеш нашего канцлера в 1863 г. ...* — См.: наст. изд., т. XXII, стр. 382.

С т р. 131. *... по поводу сочувственной встречи, оказанной у нас офицерам североамериканского броненосца...* — В последних числах июля 1866 г. в Петербург пришла эскадра военных судов США во главе с броненосцем «Миантономо», на котором прибыл помощник военно-морского министра США Г.-В. Фокс (1821—1883) для передачи Александру II поздравления от Сената по случаю спасения от покушения Д. А. Каракозова (4 апреля 1866 г.). Чрезвычайное посольство, как называли в то время эту делегацию, находилось в России в течение месяца и побывало также в Москве, Нижнем Новгороде и Костроме. См. подборки статей из прессы в кн.: Американцы в Петербурге. Дружеский союз России и Америки и подробное описание монитора «Миантономо». СПб., 1866; Американцы в России и русские в Америке, празднества и речи американцев и русских в Нью-Йорке, С.-Петербурге, Москве, Нижнем Новгороде, Костроме и подробное описание монитора «Миантономо». СПб., 1866; С. П. Я к о в л е в. Чрезвычайное американское посольство в Москве. Подробное описание приема, оказанного древнею столицею посольству г. Фокса, и праздников, устроенных в честь заатлантических друзей-гостей. М., 1866.

С т р. 131. *... по поводу сбора в пользу кандиотов...* — Кандиоты — жители о. Кипр (в то время — Кандии). В 1866 г. греческое население острова подняло восстание против оттоманского владычества, проходившее под лозунгом воссоединения с Грецией и продолжавшееся до 1869 г. Упорство и героизм повстанцев нашли горячее сочувствие в России. Русское правительство, после безуспешных попыток урегулировать конфликт мирным путем, стало с октября 1866 г. способствовать восстанию, имея в виду использовать ситуацию в своих интересах. В соответствии с этой внешнеполитической линией был разрешен сбор средств «в пользу страждущих христиан Востока», то есть кандиотов. Опубликование в печати воззвания митрополита Филарета, графинь Н. Д. Протасовой и А. Д. Блудовой послужило началом широкого общественного движения в поддержку кандиотов, охватившего русское общество и вышедшего за рамки чистой благотворительности «своим братьям по вере», которыми хотело его ограничить правительство. Это движение сочувственно и подробно освещалось и комментировалось русской прессой. См.: И. Г. С е н к е в и ч. Россия и Критское восстание 1866—1869 гг. М., 1970; *Никитин*, стр. 224—226, 233, 238, 242—246, 250—251.

С т р. 131. *... по поводу оваций славянским литераторам в Петербурге и Москве.* — В мае 1867 г. в Москве состоялся Славянский съезд, созванный по инициативе Славянского комитета и приуроченный к проходившей в то время Этнографической выставке. Съезд вызвал взрыв интереса и симпатий к славянам, который охватил широкие круги русского общества. Зарубежным славянским общественным деятелям и литераторам был оказан восторженный прием сначала в Петербурге, а затем в Москве. См. подробно: *Славянский сборник*, стр. 16—92.

С т р. 133—134. *«Франция-де и не то сделала для Италии ∾ выслушал это jamais.* — В июле 1858 г. первый министр Пьемонта (см. стр. 378) Камилло Бенсо Кавур (1810—1861) и Наполеон III заключили секретное соглашение о войне против Австрии, занимавшей в то время Северную Италию. По тайному договору, подписанному в январе 1859 г., Сардинское коро-

левство после победы над Австрией должно было получить области Ломбардию и Венецию, а к Франции в качестве компенсации за помощь должны были отойти Савойя и г. Ницца с прилегающим округом. Помимо территориальных приобретений Наполеон III рассчитывал укрепить в Италии французское влияние, а также преследовал свои династические интересы браком между принцессой Клотильдой, дочерью короля Сардинии Виктора-Эммануила, и своим двоюродным братом принцем Наполеоном, которому французский император намеревался отдать престол герцогства Тосканского. Объединение Италии в единое государство не входило в планы Наполеона III.

В черновых записях к сентябрьскому выпуску «Дневника писателя» за 1876 г. Достоевский расшифровал свое понимание «политических соображений» Наполеона III (см.: наст. изд., т. XXIV). Война, начавшаяся 29 апреля 1859 г., вызвала по всей Италии мощный подъем революционно-освободительной борьбы, которую умело использовал Кавур в целях объединения Италии, вопреки желаниям союзника. Развитие событий в Италии встревожило французскую крупную буржуазию, мелкобуржуазное крестьянство и клерикальные круги, которые были обеспокоены судьбою «святого престола» в Риме. Наполеон III поспешил заключить перемирие с Австрией (8 июля 1859 г.). По мирному договору Австрия передавала Ломбардию Наполеону III, а тот «дарил» ее Италии. В 1860 г. Савойя и Ницца после плебисцита отошли к Франции.

Тем временем в Италии продолжалась революционно-освободительная борьба и объединение страны вокруг Пьемонта. Остановить этот процесс Наполеон III был не в состоянии. В октябре 1867 г. отряды гарибальдийцев подступили к Риму и 3 ноября едва не разбили войска папы, которые были спасены от поражения французскими силами. 5 декабря французский министр Эжен Руэр (1814—1884) заявил: «От имени французского правительства мы заявляем, что Италия не овладеет Римом. Никогда Франция не допустит этого насилия над своей честью и над католичеством» (цит. по: *Лависс и Рамбо*, т. V, стр. 298).

О равнодушном отношении французских буржуа к итальянскому народу Достоевский писал в «Зимних заметках о летних впечатлениях» (см.: наст. изд., т. V, с. 83—84). События в Италии, деятельность Гарибальди, Кавура, правительства объединенной Италии подробно освещались в журнале «Время» (*Нечаева*, *«Время»*, стр. 156—160). Несколько статей на эти темы остались неопубликованными в редакционном портфеле (В. С. Нечаева. Из архива журнала «Время». — *Достоевский и его время*, стр. 288—289). Тема Гарибальди и Кавура нашла отражение в разных произведениях Достоевского и подготовительных материалах к ним (см.: наст. изд., т. I, стр. 435—436; т. XVI, стр. 69; т. XVII, стр. 406).

Стр. 134. *... вы даже и венгерцев ставите русскому народу в пример великодушия.* — См. выше, стр. 403.

Стр. 136. *Особенно теперь красивы и великодушны венгерцы ∾ такой народ?. .* — Русские газеты «Новое время», «Московские ведомости», «С.-Петербургские ведомости» и другие неоднократно писали в 1876 г. о враждебном отношении Венгрии к борьбе балканских славян против турецкого ига. Позиция Венгрии, настаивавшей на сохранении территориальной целостности Турецкой империи, определялась боязнью того, что образование у ее границ независимых славянских государств окажет революционизирующее воздействие на славян, проживавших на территории Австро-Венгерской монархии.

Стр. 135. *А сколько явится червонных валетов!* — См. стр. 359.

Стр. 136. *Простое, но мудреное дело.* — Заглавие этой главки могло быть подсказано, по наблюдению И. Л. Волгина, Достоевскому заглавием книги М. П. Погодина «Простая речь о мудреных вещах» (М., 1874) (*ЛН*, т. 86, стр. 73).

Стр. 136. *Пятнадцатого октября решилось в суде дело той мачехи ∾ свою маленькую падчерицу. . .* — Достоевский излагает дело Корниловой (см. стр. 360—361) по отчету, напечатанному в «Петербургской газете» (1876, 17 октября, № 204).

Стр. 137. *Преступница, поглядев вниз на слетевшего ребенка ∾ затворила окошко*. . . — В отчете «Петербургской газеты» говорилось: «Но посмотрев, как она упала и осталась ли жива, она притворила окно, оделась, заперла комнату на ключ ‹. . .› и отправилась в участок». Слово «но» было опечаткой. В аналогичном отчете «Биржевых ведомостей» (1876, 17 октября, № 287) было напечатано: «Не посмотрев. . .». Ср. отчет «Голоса» (1876, 18 октября, № 288): «Не узнав, осталась ли она жива. . .». Достоевский повторит ошибку в декабрьском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г. (гл. I, § 1), но исправит в декабрьском выпуске 1877 г. (гл. I, § 4).

Стр. 137. *Вот факты, кажется, чего бы проще, а между тем сколько тут фантастического, не правда ли?* — См.: наст. изд., т. XXII, стр. 363.

Стр. 137—138. *Наших присяжных обвиняли ∾ возбуждали насмешку и недоумение*. — Свое мнение по затронутым в этом отрывке вопросам Достоевский подробно изложил в очерке «Среда» (наст. изд., т. XXI). Ср. майский выпуск «Дневника писателя» за 1876 г., гл. I, § 3 «Суд и г-жа Каирова» (наст. том).

Стр. 141. *. . . Василий Иванович (или там как его)*. . . — Мужа Е. П. Корниловой звали Степан Корнилович.

Стр. 141—142. *Лет тринадцать тому назад ∾ нынче разумный спрос*. . . — Примечание А. Г. Достоевской: «Действительно бывший с Федором Михайловичем случай» (*Гроссман, Семинарий*, стр. 65). В годы, к которым относится этот рассказ, Достоевский жил на Малой Мещанской улице (ныне Казначейская ул.).

Стр. 141. *. . .в самое «смутное» время наше*. . . — Достоевский неоднократно употреблял выражение «смутное время» для обозначения пореформенной эпохи (см.: наст. изд., т. X, стр. 354; т. XII, стр. 309—310; т. XXI, стр. 58).

Стр. 142. *Идея попала на улицу и приняла самый уличный вид*. — См.: наст. изд., т. XXII, стр. 101, 369.

Стр. 142. *Вот тогда-то страшно доставалось Пушкину, и вознесены были «сапоги»*. — Формулой «сапоги выше Пушкина» Достоевский характеризовал утилитаризм журнала «Русское слово» и отрицание В. А. Зайцевым и Д. И. Писаревым значения Пушкина. Ср.: наст. изд., т. X, стр. 23, 372; т. XI, стр. 171; т. XII, стр. 284, 311—312; т. XX, стр. 109, 192—193, 327—328.

Стр. 142. *При мне рассказывал один из членов одной комиссии ∾ как и славянам?»* — Подобные настроения были широко распространены. Например, корреспондент Московского славянского комитета писал из Твери: «В настоящее время наше сочувствие основывается не на родстве с южными славянами, а на чувстве гуманности — в более образованной среде, с примесью сознания единства веры — в простом народе» (цит. по: *Никитин, Русское общество*, стр. 56).

Стр. 142. *Tabula rasa*. — См.: наст. изд., т. XXII, стр. 316.

Стр. 144. *Недавно как-то мне случилось говорить с одним из наших писателей ∾ разъяснил мне Молчалина, вдруг выведя его в одном из своих сатирических очерков*. — Речь идет о М. Е. Салтыкове-Щедрине и его сатирическом цикле «Господа Молчалины» (ср. примеч. к стр. 92; *Борщевский*, стр. 299—300). А. Н. Плещеев в письме от 29 августа 1876 г. («Литературный архив», т. 6. М.—Л., 1961, стр. 267), обращаясь к Достоевскому по поручению редакции «Отечественных записок» с предложением напечатать в журнале какое-нибудь его новое произведение, писал: «. . . здесь Салтыков, адрес которого сообщаю тебе на случай, если бы ты нашел нужным видеть его для каких-либо переговоров». Встреча Достоевского с Салтыковым-Щедриным состоялась в октябре (вероятно, до 20-го числа) 1876 г. Подробно см.: В. Д. Рак. Достоевский и «Отечественные записки» в 1876 г. (печатается в альманахе «Прометей», вып. 13). Приемом перенесения Молчалина и других персонажей «Горя от ума» в более позднюю эпоху и иную обстановку Достоевский пользовался ранее Салтыкова-Щедрина, в третьей главе «Зимних заметок о летних впечатлениях» (наст. изд., т. V, стр. 62—63, 368).

Стр. 144—145. *А знаете ли вы ∾ это всё еще пока для человека фантастическое*. — См.: наст. изд., т. XXII, стр. 363.

Стр. 145. *Кстати, один из уважаемых моих корреспондентов сообщил мне ∾ Очень даже не шикарно выйдет!»* — Семнадцатилетняя Елизавета Александровна Герцен (1858—1875), дочь А. И. Герцена и Н. А. Тучковой-Огаревой, покончила жизнь самоубийством во Флоренции в декабре 1875 г. Непосредственным толчком к самоубийству явилась ее любовь к сорокачетырехлетнему французскому этнографу-социологу Шарлю Летурно (Letourneau, 1831—1902), резко обострившая и без того напряженные внутрисемейные отношения и породившая гиперболизированно трагическое мировосприятие у нервной и впечатлительной девушки. (См. подробно: Архив Н. А. и Н. П. Огаревых. Собрал и приготовил к печати М. Гершензон. Ред. и пред. В. П. Полонского. Прим. Н. М. Мендельсона и Я. З. Черняка. М.—Л., 1930, стр. 6—7, 129—247). Лиза писала (подлинник на французском языке): «Как видите, друзья, я попыталась совершить переезд раньше, чем следовало бы. Может быть, мне не удастся совершить его, — тогда тем лучше! Мы будем пить шампанское по случаю моего воскресения. Я не буду жалеть об этом, — напротив. Я пишу эти строки, чтобы просить вас: постарайтесь, чтобы те же лица, которые провожали нас на вокзал при нашем отъезде в Париж, присутствовали на моем погребении, если оно состоится, или на банкете по случаю моего воскресения ‹. . .› Если меня будут хоронить, пусть сначала хорошенько удостоверятся, что я мертва, потому что если я проснусь в гробу, это будет очень неприятно. . .» (там же, стр. 214). В столичных газетах известие о смерти Е. Герцен появилось в первых числах мая 1876 г. (например, *МВед*, 1876, 1 мая, № 107; *Г*, 1876, 3 мая, № 122; 4 мая, № 123) со ссылкою на «Киевский телеграф» (1876, 25 апреля, № 49). Сообщалось, что причиною самоубийства были «деспотизм мачехи и безнадежная любовь к одному итальянскому доктору». О самоубийстве Лизы сообщил также Достоевскому, со слов И. С. Тургенева, К. П. Победоносцев в письме от 3 июня 1876 г. (*ЛН*, т. 15, с. 130—131). Опубликованный подлинный текст предсмертного письма Лизы отличается от приведенного Достоевским; в нем, в частности, нет возмутившей Достоевского фразы «Ce n'est pas chic!». Отрывок, заключенный Достоевским в кавычки, является почти дословной выдержкой из письма Победоносцева. Ср. рассказ Тургенева в его письме к П. В. Анненкову, написанном по свежим следам этого трагического события (27 декабря 1875 г., н. ст.): «. . . имею Вам сообщить новость печальную и странную: дочь Герцена и Огаревой — Лиза дней десять тому назад во Флоренции отравилась хлороформом — после ссоры с матерью и чтобы досадить ей. Это был умный, злой и исковерканный ребенок (17 лет всего!) — да и как ей было быть иной, происходя от такой матери! Она оставила записку, написанную в шутливом тоне, — нехорошую записку» (*Тургенев, Письма*, т. XI, стр. 177). Победоносцев, излагая рассказ Тургенева, дополнил его собственными суждениями, которые Достоевский развил в «Дневнике писателя». «Конечно, дочь с детства воспитывалась в полном материализме и безверии», — писал Победоносцев. Фразу «Ce n'est pas chic!» он сопроводил замечанием: «Последнее словечко очень выразительно — не правда ли?» Судя по первоначальному варианту черновой рукописи (см. выше, стр. 324), Достоевский ошибочно считал, что в 1863 г., будучи в Генуе в гостях в семействе Герцена, он видел «самоубийцу», которой «было тогда лет одиннадцать или двенадцать». В действительности это была вторая дочь Герцена — Ольга. Лизе, третьей дочери Герцена, было в то время пять лет. Ошибочное указание возраста Лизы Достоевский исправил в декабрьском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г. (гл. I, § 5) (наст. изд., т. XXIV).

Стр. 146. *С месяц тому назад ∾ умерла, помолившись.* — В городской хронике «Нового времени» (1876, 3 октября, № 215) сообщалось: «В двенадцатом часу дня, 30-го сентября, из окна мансарды шестиэтажного дома Овсянникова, № 20, по Галерной улице, выбросилась приехавшая из Москвы швея Марья Борисова. Борисова приехала из Москвы, не имея здесь никаких родственников, занималась поденною работою и последнее время часто жаловалась на то, что труд ее скудно оплачивается, а средства, привезенные из Москвы, выходят, поэтому страшилась за будущее. 30 сентября она жаловалась на головную боль, потом села пить чай с калачом, в это время хо-

зяйка пошла на рынок и едва успела спуститься с лестницы, как на двор полетели обломки стекол, затем упала и сама Борисова. Жильцы противоположного флигеля видели, как Борисова разбила два стекла в раме и ногами вперед вылезла на крышу, перекрестилась и с образом в руках бросилась вниз, образ этот был лик Божией матери — благословение ее родителей. Борисова была поднята в бесчувственном состоянии и отправлена в больницу, где через несколько минут умерла». Ср.: *Г*, 1876, 2 октября, № 272. В сообщении «Биржевых ведомостей» (1876, 2 октября, № 272) говорилось, что Борисова, «не имея места, жаловалась, что ей нечем существовать». Борисова послужила прототипом героини повести «Кроткая» («Дневник писателя» за 1876 г., ноябрь).

Стр. 146. *Об иных вещах, как они с виду ни просты, долго не перестается думать ∾ И какие две разные смерти!* — По воспоминаниям Л. Х. Симоновой-Хохряковой, Достоевский сильно переживал каждое сообщение о самоубийстве. В 1876 г. начиная с апреля писательница Л. Х. Хохрякова (1838—1900) несколько раз приходила к Достоевскому, беседовала с ним по поводу «Дневника писателя» и написала заметку «По поводу рассуждений Ф. М. Достоевского о русской женщине» («Церковно-общественный вестник», 1876, 2 июля, № 72, стр. 3—4). В своих воспоминаниях Л. Х. Хохрякова писала: «Федор Михайлович был единственный человек, обративший внимание на факты самоубийства; он сгруппировал их и подвел итог, по обыкновению глубоко и серьезно взглянув на предмет, о котором говорил. Перед тем, как сказать об этом в „Дневнике“, он следил долго за газетными известиями о подобных фактах, — а их, как нарочно, в 1876 г. явилось много, — и при каждом новом факте говаривал: „Опять новая жертва и опять судебная медицина решила, что это сумасшедший! Никак ведь они (то есть медики) не могут догадаться, что человек способен решиться на самоубийство и в здравом рассудке от каких-нибудь неудач, просто с отчаяния, а в наше время и от прямолинейности взгляда на жизнь. Тут реализм причиной, а не сумасшествие“» (*Хохрякова*, стр. 4).

Стр. 147. *Ergo. . .* — Смысл, вложенный здесь в это слово, Достоевский впоследствии разъяснил в беседе с Л. Х. Хохряковой: «Я хотел ‹. . .› показать, что без христианства жить нельзя, там стоит словечко: ergo; оно-то и означало, что без христианства нельзя жить» (*Хохрякова*, стр. 5).

Стр. 148. *. . .но не разбитием будто бы Черняева. Этак и Суворов был разбит в Швейцарии, так как принужден же был отступить. . .* — 17 (29) октября 1876 г. турки нанесли окончательное поражение армии Черняева и открыли себе путь на Белград. Это означало проигрыш войны сербско-черногорской стороной. Достоевский необоснованно проводит параллель между поражением Черняева, вызванным неумелым руководством, и Швейцарским походом А. В. Суворова (1799) во время войны Второй коалиции (Англия, Австрия, Россия, Турция, Неаполитанское королевство) с республиканской Францией (1798—1801). В сентябре 1799 г., согласно планам союзного командования, двадцатитысячная армия А. В. Суворова была направлена в Швейцарию, где действия и ложная информация австрийского командования поставили ее в крайне тяжелое положение. Измотанная непрерывными боями и переходами через горы, русская армия очутилась в окружении четырехкратно превосходивших сил французов, занявших все выходы из гор. С тяжелыми боями А. В. Суворов вывел армию из окружения через снеговой перевал Паникс. Переход совершался во время метели, которая занесла все горные тропы, и без проводников. Из окружения вышло около 15 000 человек, причем было приведено 2 800 пленных.

Стр. 148. *. . .теперь в Петербурге иные будущие полководцы ∾ «при невозможных обстоятельствах».* — «Новое время» (1876, 24 октября, № 236) в статье «Памфлет против Черняева» писало о ходившем по рукам памфлете в форме открытого письма к одному из гласных Московской думы. Этот памфлет, по словам газеты, имел целью «выставить в самом невыгодном свете характер нашего последнего общественного движения и особенно деятельность генерала Черняева как главнокомандующего». Автор памфлета объявлял

Черняева «третьестепенным военным деятелем», которому неумеренные похвалы вскружили голову, и, разбирая действия Черняева с военной точки зрения, доказывал, что все они были ошибочными. Не называя имени автора, военного человека, газета иронически указывала, что он «никакой боевой деятельностью себя не заявил, а пробавлялся винным откупом и интендантскими заготовлениями»; кроме того, по словам газеты, он был «известен военными и общественными этюдами, производившими курьезностью своих заключений в некоторых кружках сенсацию».

Стр. 148. *...вспомнили бы они легенду о суворовской яме в Швейцарии...* — Этот общеизвестный в XIX в. рассказ, вошедший во многие, в том числе весьма авторитетные книги, посвященные Суворову и войне 1799 г. (например: Дух великого Суворова, или Анекдоты подлинные о князе Италийском графе Александре Васильевиче Суворове... Российское сочинение В.* С.** СПб., 1808, стр. 90—91; Н. А. Полевой. История князя Италийского, графа Суворова-Рымникского, генералиссимуса российских войск. СПб., 1843, стр. 279—280), а также передававшийся в устной традиции, был признан на основании сличения свидетельств участников похода одним из «многих ‹...› распущенных о Суворове вымышленных анекдотов» (Д. А. Милютин. История войны 1799 года между Россией и Францией в царствование имп. Павла I. Изд. 2-е, т. 2. СПб., 1857, стр. 217; т. 3, стр. 367, 493—495). Ср.: наст. изд., т. IX, стр. 520—521.

Стр. 148. *...из ямы, которую выкопала Черняеву в Сербии интрига...* — О противодействии М. Г. Черняеву и настороженном отношении к русским добровольцам со стороны чиновников и некоторых членов сербского правительства, а также сербской интеллигенции неоднократно писалось в предшествующие месяцы в русской прессе. Затрагивался этот вопрос и в предыдущих выпусках «Дневника писателя» за 1876 г. (см. выше, стр. 101, 105, 115). С начала октября слухи об интригах против Черняева усилились и стали особенно настойчивыми в дни, непосредственно предшествовавшие поражению, и сразу после него. Об этих слухах Достоевский собирался писать подробно, о чем свидетельствуют многочисленные записи в черновой тетради после 20 октября. Он, в частности, отметил как «великолепную» передовую статью «Московских ведомостей» (1876, 22 октября, № 270). Однако картина была неясной, ряд сенсационных сообщений оказался недостоверным, и, возможно, поэтому Достоевский не развил этого своего замысла. Ср. стр. 395, 401.

Стр. 148. *Восточный вопрос вступил во второй период ∾ о съезде дипломатов.* — После поражения, понесенного армией Черняева, князь Милан послал Александру II телеграмму, в которой просил его спасти Сербию от разгрома. 19 (31) октября русский посол Н. П. Игнатьев предъявил Турции ультиматум, содержавший требование прекратить в течение сорока восьми часов военные действия и заключить перемирие на срок от шести недель до двух месяцев. В случае отказа Россия объявляла о намерении разорвать дипломатические отношения, и Н. П. Игнатьев начал демонстративно готовиться к отъезду. На следующий день Турция заявила о принятии условий ультиматума. В двадцатых числах октября в русскую печать проникли слухи о предполагаемом созыве международной конференции, строились предположения о месте ее проведения. Предложение о конференции выдвинули Александр II и А. М. Горчаков в беседе с английским послом Лофтусом после принятия Турцией русского ультиматума.

Стр. 148. *...опять дипломатия, к радости ее обожателей!* — Имеются в виду газеты «Голос» и «Биржевые ведомости», выступавшие за решение Восточного вопроса посредством дипломатических переговоров.

Стр. 148—149. *Ведь даже венгерцы писали ∾ не смеем объявить нашу волю.* — Пересказывая статью от 15 октября 1876 г. из венгерской газеты «Пештский Ллойд», «Новое время» (1876, 22 октября, № 234) писало, что, по мнению этой газеты, «страх, внушаемый нам мадьярами, — главная причина, почему Россия медлит решительными действиями против турок и выступает чересчур осторожно в сношениях с Портой».

Стр. 149. *Теперь не пятьдесят третий год ∾ враги ее были бы для нее*

безвреднее. — В 1853 г. началась Крымская война. Сравнение военного состояния России в 1853 и 1876 гг., а также сравнение ее вооруженных сил с силами потенциальных противников было частой темой в русской и иностранной печати. Она была поднята еще в июне, когда распространились слухи о возможности войны между Россией и Англией. «Новое время» (1876, 24 июня, № 114) напечатало, например, в отделе «Внешние известия» изложение статьи из «Аугсбургской всеобщей газеты», в которой сравнивался военный потенциал России и Англии. 31 (19) июля Гладстон, выступая в Палате общин, утверждал, что Крымская война до такой степени поколебала могущество России, истощив ее людские резервы и финансы, подорвав ее кредит и международный авторитет, что в течение 20 лет не удалось восстановить довоенные позиции и потому царское правительство вынужденно проводило политику мира (см., например, сообщение в *НВр*, 1876, 26 июля, № 146). Это заявление привлекло внимание русской печати. «Новое время» (1876, 29 июля, № 149) в статье «Россия прежде и теперь» и «Московские ведомости» (1876, 10 августа, № 202) полемизировали с Гладстоном, оптимистически оценивая военные силы России в 1876 г. и сетуя на то, что сами русские склонны недооценивать свою военную мощь. Несколько раз с обстоятельными полемическими статьями выступал «Голос» (1876, 3 августа, № 213; 13 августа, № 222); Достоевский читал и отметил в черновой тетради (наст. изд., т. XXIV) статью публициста «Голоса» Е. Л. Маркова «Идея и цифры» (*Г*, 1876, 9 сентября, № 249), который указывал, что силу и готовность к войне русской армии определяют не столько бюджет страны и вооружение, сколько моральные и идейные факторы, а также «изумительная выносливость» и «спартанская умеренность» русского солдата.

Стр. 149. *Но Болгария* ∾ *А болгар между тем будут всё резать да резать. . .* — В октябре в прессе неоднократно появлялись сообщения о возобновлении массовых убийств мирного населения в Болгарии. Корреспондент «Московских ведомостей» писал, например, из Бухареста: «Ужасная драма готовится разыграться в той стране, где еще не засохла невинно пролитая кровь» (*МВед*, 1876, 7 октября, № 255).

Стр. 149. *. . . надобно же будет Порте доказать своим софтам, что не из трусости приняла она ультиматум. . .* — Софты (или софта́) — слушатели медресе (духовных училищ), наиболее фанатичные и реакционно настроенные представители турецкого национализма. Русские газеты в эти дни часто сообщали о националистических выступлениях софтов и об их влиянии на политику Турции. Еще в сентябре внимание Достоевского привлекла напечатанная в «Новом времени» (1876, 23 сентября, № 205) корреспонденция газеты «Gaulois» из Константинополя о прокламации, которую распространили софты, требуя превращения Сербии, Черногории и Молдаво-Валахии в обычные турецкие вилайеты (административно-территориальная единица в Турции), возвращения Турции Черноморского побережья и Крыма и невмешательства европейских держав в дела Турции. В передовой статье «Московских ведомостей» (1876, 5 октября, № 253), также отмеченной Достоевским в черновой тетради, пересказывалась по материалам газеты «Norddeutsche Allgemeine Zeitung» проповедь, которая распространялась в печатном виде в г. Филиппополе и которая призывала турок истреблять христиан (ср.: *НВр*, 1876, 25 сентября, № 207; *Г*, 1876, 26 сентября, № 266). Об аналогичном воззвании, со слов газеты «France», писало «Новое время» (1876, 24 октября, № 236). Подробное объяснение о софтах Достоевский мог прочесть еще весною в «Новом времени» (1876, 13 мая, № 73; 20 мая, № 80). О софтах в связи с переворотами в Константинополе много писалось в русских газетах в мае 1876 г. (см., например: *МВед*, 1876, 11 мая, № 117; 12 мая, № 118; 19 мая, № 124; и др.).

Стр. 149. *А против Черняева раздались-таки голоса. . .* — Внимание Достоевского привлекла передовая статья «Биржевых ведомостей» (1876, 21 октября, № 291), в которой была подвергнута резкой критике вся деятельность М. Г. Черняева в Сербии. Большинство газет взяли Черняева под защиту. «Новое время», также выступившее на его стороне, поместило в подборках «Среди газет и журналов» многочисленные выдержки, в которых Чер-

няева не только оправдывали, но и объявляли народным героем (*НВр*, 1876, 22, 23, 26 октября, №№ 234, 235, 238).

С т р. 149. *«Петербургская газета» ∾ публика от них отвернется...* — В редакционной статье «По поводу дерзкой брани на М. Г. Черняева в „Биржевых ведомостях"» (*ПГ*, 1876, 22 октября, № 208) говорилось, что В. А. Полетика, редактор «Биржевых ведомостей», «глубоко оскорбил русское народное чувство, бросив ком грязи в нашего любимого народного героя М. Г. Черняева». Газета возмущалась тем, что «Биржевые ведомости» «позволяют себе сводить с г-ном Черняевым какие-то счеты (биржевой барышник сейчас виден!) и грязнить его за честолюбие, двуличность, неспособность и т. д.». В статье решительно отвергался вывод «Биржевых ведомостей», что Черняев «оказался неизмеримо ниже той громадной задачи, за решение которой взялся с таким *преступным* легкомыслием». В заключение «Петербургская газета» рекомендовала читателям выказать пренебрежение к «Биржевым ведомостям» и тем самым продемонстрировать, что русское общественное мнение нельзя оскорблять безнаказанно.

С т р. 149. *...как какой-нибудь кондотьери полетел в приключения.* — Кондотьери (итал. condottiere) — предводитель дружины наемников в Италии в XIV—XV вв.; в переносном значении: человек, готовый ради выгоды выступить на любой стороне. Защищая Черняева, «Петербургская газета» вспомнила сравнение его с кондотьери, пущенное Г. К. Градовским (*Г*, 1876, 30 мая, № 148), вызвавшее полемику (*НВр*, 1876, 1 июня, № 91; *Г*, 1876, 6 июня, № 155) и, по словам газеты, встреченное «пренебрежительно».

С т р. 150. *...«столько сил уходит на такое средневековое, так сказать, дело, тогда как, например, школы»...* — Г. А. Ларош (1845—1904) в статье «Литература и жизнь» (*Г*, 1876, 7 октября, № 277) утверждал, что не война, а внутреннее развитие должно стать главной заботой России. Достоевский, очевидно, имел в виду следующее место из этой статьи: «Пусть наши кошельки, наконец-то открывшиеся на дело общее, гражданское, на дело славян, не закроются и не оскудеют, когда придется жертвовать на наши школы, когда придется вспомнить о горестном положении наших дорог, об эпидемии пожаров, о тысяче бед, все еще тяготеющих над Россией...».

С т р. 150. *Нападающие на Черняева кричат ∾ что значит выгода...* — Через день после того, как в «Биржевых ведомостях» был подвергнут резкой критике М. Г. Черняев, В. А. Полетика опубликовал столь же резкую статью, в которой говорилось, что «за необдуманное, не соображенное ни со средствами, ни с обстоятельствами объявление войны Сербией Турции пришлось расплачиваться кровью русских добровольцев» (*БВ*, 1876, 23 октября, № 293). В отделе «Среди газет и журналов» «Новое время» (1876, 24 октября, № 236) напечатало полемический ответ на эту статью, в которой, в частности, говорилось: «Вы выставляете движение добровольцев каким-то бессмысленным и безумным. Но русские люди знали, зачем они шли, знали, какие жертвы они приносили и во имя чего. Вы оскорбляете их чувства, говоря, что их кто-то толкал. Их толкала не слава, не нажива, а чувство великодушия, чувство братства. В истории народов такие моменты нередки и составляют народную славу, народную гордость и честь, ими закладывается прочный фундамент братства и солидарности народов, закладывается ими неизмеримо прочнее, чем биржевыми, банковыми и другими спекуляторскими международными подвигами».

С т р. 150. *Черняева даже и защитники его теперь уже считают не гением, а лишь доблестным и храбрым генералом.* — «Новое время» (1876, 22 октября, № 234) в обзоре «Среди книг и журналов», выступая в защиту М. Г. Черняева, писало: «В последнее время Черняев, быть может, совершил немало ошибок, но на его месте не растерялся бы разве гениальный человек. А Черняев, конечно, не гений; это храбрый боевой генерал, сделавший много с ничтожными средствами».

С т р. 151. *...оставляли его без артиллерийских снарядов...* — В русских газетах была напечатана телеграмма о том, что в решающем сражении сербская артиллерия отказалась повиноваться Черняеву и оставила позиции (например: *МВед*, 1876, 19 октября, № 267; *НВр*, 1876, 20 октября,

№ 232). Позднее этот слух был опровергнут (*МВед*, 1876, 24 октября, № 271), но еще раньше «Русский мир» (1876, 21 октября, № 258) подверг его сомнению, заявив: «Есть намеки на то, что причиной неудачи была несвоевременная доставка боевых снарядов из Белграда и Крагуевапа, вследствие чего сербско-русское войско осталось в нужную минуту без патронов».

Стр. 151. *. . .и всё это раздражение. . .* — В передовой статье «Московских ведомостей» (1876, 20 октября, № 268) передавались сообщения корреспондентов английской газеты «Daily News» и агентства Рейтер: «В Белграде большое раздражение против русских ‹. . .› Сербское правительство сильно раздражено против генерала Черняева и имеет большие сомнения в его военных способностях».

Стр. 152. *Интриге этой помогали весьма англичане. . .* — Об этом настойчиво говорилось в русских газетах. См., например: *НВр*, 1876, 3 октября, № 215; *МВед*, 1876, 16 октября, № 264; 22 октября, № 270; 24 октября, № 271; *РМ*. 1876, 24 октября, № 261; и др.

Стр. 152. *. . .помогали иные и русские. . .* — В телеграмме корреспондента «Нового времени» от 2 (14) октября 1876 г. говорилось: «. . .сами русские здешние (из них есть промотавшиеся господа), с презрением относящиеся к Сербии и ровно ничего не понимающие в славянском движении, громко противодействуют Черняеву и называют его и его штаб „шайкой“. Английский и греческий консула поддерживают это и помогают из всех сил, чтоб погубить здесь русское дело» (*НВр*, 1876, 3 октября, № 215). Ранее в газетах сообщалось о помощнике Черняева, полковнике А. Л. Измайлове, покинувшем ставку и осевшем в Белграде, где он занимался «исключительно распространением рассказов, явно направленных против действий и распоряжений генерала Черняева» (*СПбВед*, 1876, 19 сентября, № 259). В статье В. Иванова «Заметки о современных событиях в Сербии» рассказывалось о недружелюбном по отношению к русским добровольцам поступке уполномоченного Славянского комитета и указывалось, что «вместо того, чтобы сглаживать некоторые шероховатости в отношениях русских к местному обществу, наши деятели изо всех сил стараются увеличить пропасть, и без того широкую, между ними» (*Гр*, 1876, 25 октября, № 34—35, с. 878).

Стр. 153. *Невозможно выразиться лучше, как сделали это о том же предмете «Московские ведомости» ∾ столь близких по крови и вере».* — Цитируется передовая статья «Московских ведомостей», 1876, 22 октября, № 270.

Стр. 154. *. . .лучшие люди, все, по государеву указу, рассортированы были на четырнадцать разрядов ∾ с немецкими именами.* — Указом от 24 января 1722 г. Петр I утвердил «Табель о рангах», которая устанавливала строгую иерархию должностей и чинов гражданского, военного и придворного ведомств. Все чины были разделены на 14 классов, и получение каждого из них зависело от занимаемой должности. Лица «низкого» происхождения, получавшие соответствующие чины, приобретали дворянство (низшие чины давали право на личное дворянство, высшие — на потомственное). «Табель о рангах» упраздняла служебные преимущества старой аристократии — боярских родов, устанавливала принцип продвижения чиновников по служебной лестнице в зависимости от личной выслуги, образования, способностей. Система, установленная «Табелью о рангах», открывала выходцам из социальных низов путь к дворянству; ее важным социальным последствием было увеличение численности и изменение состава правящего класса, а также постепенный отрыв чиновников от прежней социальной среды, превращение бюрократии в особую категорию общества, укрепление принципа самовластия во всех сферах общественной, политической и культурной жизни (С. М. Троицкий. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. Формирование бюрократии. Изд. «Наука», М., 1974, стр. 47, 113—118). Достоевский, в соответствии со своими «почвенническими» взглядами, рассматривал «Табель о рангах» как одно из мероприятий Петра I, закрепивших разрыв между народом и образованной частью общества. Об этом он, в частности, писал позднее в записной книжке 1880—1881 гг. и в письме к И. С. Аксакову от 3 декабря 1880 г.

С т р. 157. *«Умнейшие» даже писатели провозгласили ∾ принимает их за настоящих «лучших» людей своих.* — Имеется в виду В. Г. Авсеенко (см.: наст. изд., т. XXII, стр. 104).

С т р. 157. *Овсянников, когда его везли ∾ кидал народ в экипаж. . .* — Петербургский купец-миллионер, подрядчик, торговец мукой, коммерции советник С. Т. Овсянников был признан виновным в умышленном поджоге сгоревшей 2 февраля 1875 г. в Петербурге, на Обводном канале, паровой мельницы, арендованной им у другого миллионера В. А. Кокорева. Как было установлено на суде, поджог мельницы должен был принести Овсянникову большую прибыль. Овсянников был приговорен к лишению всех прав состояния и ссылке на поселение в Сибирь. Источником слуха, передаваемого Достоевским, было сообщение корреспондента газеты «Биржа» (1876. 21 сентября, № 259) о прибытии Овсянникова с партией заключенных в Нижний Новгород 14 сентября 1876 г. С вокзала в пересыльную тюрьму Овсянников, в отличие от других заключенных, ехал в закрытом экипаже. «На пути в некоторых местах мужики старались подать ему гроши, но конвойные солдаты не допускали. Некоторые бросали ему в экипаж медные деньги, но он их сам швырял из экипажа, что было заметно». Перепечатано: «Современные известия», 1876, 25 сентября, № 264.

С т р. 158. *Другой разряд миллионеров-купцов ∾ чувства гражданского почти не бывает в этих сердцах.* — В рассуждениях Достоевского о «миллионерах-купцах» отразились черты из истории семьи Куманиных, родственников писателя по материнской линии, первостатейных московских купцов, происходивших из монастырских крестьян и получивших в 1830 г. потомственное дворянство. Куманины несколько раз делали крупные пожертвования на разные цели и награждались за них орденами. В частности, основатель торгового дома А. А. Куманин во время Отечественной войны 1812 г. пожертвовал на ополчение 50 тысяч рублей, за что был пожалован орденом Владимира 4-й степени. См. подробно: Г. А. Ф е д о р о в. Из разысканий о московской родне Достоевского. *Материалы и исследования*, т. 2, стр. 66—70.

С т р. 159. . . .*«эта юная школа ∾ спроса и требования»* . . . — Достоевский приводит свои же слова из февральского выпуска «Дневника писателя» за 1876 г. (см.: наст. изд., т. XXII, стр. 73).

С т р. 159—160. *О, не подумайте, что я намекаю на «дело Струсберга» ∾ за наши собственные грехи. . .* — Со 2 по 25 октября 1876 г. в Москве проходил процесс по делу о происшедшем в 1875 г. крахе Московского коммерческого ссудного банка. К тому моменту, когда Достоевский писал эти строки, приговор еще не был объявлен (его чтение было назначено на 2 ноября 1876 г.), но был уже известен вердикт присяжных, основанное на нем заключение обвинения о мере наказания для каждого подсудимого и ходатайства защитников. Главной фигурой среди подсудимых был немецкий подданный, железнодорожный деятель Бетель Генри Струсберг (1823—1884), строивший в России железную дорогу Брест—Гараево; путем подкупа директоров банка Г. Ландау и П. М. Полянского он получил, под обеспечение ничего не стоивших бумаг, ссуду в семь миллионов рублей, но в результате банкротства не смог ее возвратить, и это повлекло за собою крах банка. Занявшее по своему общественному значению место в одном ряду с другими громкими процессами о крупных мошенничествах (дело игуменьи Митрофании, дело Овсянникова и др.), дело Струсберга подробно освещалось и оживленно комментировалось в печати.

С т р. 160. . . .*кто из вас без греха?»* — Цитата из притчи о Христе и блуднице (Евангелие от Иоанна, гл. 8, ст. 7). Ср. примеч. к стр. 16.

С т р. 160. . . .*но Данила Шумахер, приговоренный «за мошенничество», ей-богу, наказан ужасно.* — Бывший московский городской голова Данила Данилович Шумахер обвинялся в том, что, узнав, как член совета банка, об утрате банком значительной части капитала, воспользовался своею должностью и полностью получил свой вклад. Обвинение просило для Шумахера в качестве наказания лишение всех прав и ссылку в отдаленные места Европейской России. Приговор суда, объявленный уже после выхода октябрь-

ского выпуска «Дневника писателя», оказался мягче: Шумахер был приговорен к месяцу тюремного заключения.

Стр. 161. *...в какой-то новый крестовый поход (именно так и называют уже это движение...* — В печати приводилось, например, подобное заявление историка Д. И. Иловайского: «Мы еще не вели войны непосредственно для освобождения славян, но такая война была бы для нас *священною*, настоящим крестовым походом» (*Г*, 1876, 1 августа, № 211). Русские газеты неоднократно обращали внимание на употребление этого сравнения иностранной прессой (*Г*, 1876, 1 августа, № 211, *НВр*, 1876, 21 сентября, № 203; и др.).

Стр. 161. *Отец, старик солдат* ∾ *И идет...* — «Голос» (1876, 15 октября, № 285) напечатал следующую корреспонденцию: «Нам сообщают из Кашина, что 6-го октября к местному мировому судье Милорадовичу явился отставной унтер-офицер Коновалов, идущий пешком из города Енисейска, чтоб сражаться с турками. Коновалову лет 50 и с ним 12-летняя дочь, единственный член семейства. Этот солдат, на расспросы судьи и других, отвечал: „Наше дело бить, а можно, так и перебить всех турок. Хоть милостынею, а дойду до извергов и там сложу свои кости, а добрые люди приютят мое дитя; по крайней мере, каждый будет знать, что и Коновалов сделал то, что следует всем православным“».

ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

(Стр. 163)

Стр. 163. *Преступление и наказание.* ∾ *Вот я на днях прочел, что L.* ∾ *Кусочек казенного.* — Записи относятся к предполагавшемуся ответу на статью Г. А. Лароша (криптоним: *L.*) «Литература и жизнь» (*Г*, 1876, 19 мая, № 138), содержавшую рецензию на раздел «Парадоксалист» апрельского выпуска «Дневника писателя» за 1876 г. (гл. II, § 2). Ларош считал, что в рассуждениях Парадоксалиста изложены взгляды на войну самого Достоевского и что в них есть совпадение с мыслями князя Мышкина («Идиот») о смертной казни. Называя эти рассуждения «мрачным подземным ходом», «фельетонным застенком», Ларош видел их истоки в болезненном состоянии психики писателя: «... отнимите у г-на Достоевского раздражение, отнимите расстроенные нервы, и вы отнимете самого Достоевского».

Стр. 163. *Искривление страстей.* — Имеются в виду слова Парадоксалиста: «...явятся искривления чувств и страстей, так называемые утонченности чувства, которые, в сущности, только их огрубелость» (наст. изд., т. XXII, стр. 124). По их поводу в статье Г. А. Лароша говорилось: «Как видите, парадоксалист — небольшой охотник до романов г-на Достоевского. Я, по крайней мере, не способен ничего видеть в темах „Преступления и наказания“, „Идиота“, „Вечного мужа“, „Бесов“ и „Подростка“, кроме „искривления чувств и страстей“, ложно называемых „утонченными чувствами“. Только такие чувства и воспевает г-н Достоевский, и воспевает мастерски, как истинный виртуоз психического анализа».

Стр. 163. *Мир-то выше, а что сладострастнее и жесточе, так на это вы не ответите, несмотря на вашего Раумера.* — По поводу слов Парадоксалиста «сластолюбие вызывает сладострастие, а сладострастие всегда жестокость» (наст. изд., т. XXII, стр. 124) Г. А. Ларош иронически писал: «Очень хорошенький это пассажик про жестокость, да и про сладострастие недурен. Я полагаю, на войне никогда не случается, чтоб солдаты насиловали девушек. Точно так же я начинаю верить, что большие постоянные армии ведут не к увеличению, а к уменьшению проституции». Далее в рецензии говорилось, что Достоевскому в его беседе с Парадоксалистом следовало бы рекомендовать последнему не говорить о том, чего он не знает, и познакомиться «с историей тридцатилетней войны, но только не по Шиллеру, у которого

XVII-й век облагорожен и смягчен до того, что мало чем отличается от века самого Шиллера, а хотя бы по третьему тому „Истории Европы“ Раумера». Достоевский должен был бы посоветовать: «Прочтите ее и тогда скажите, бывало ли когда, по вашему крайнему убеждению и разумению, в мирное время такое ожесточение, доходило ли человечество до такого цинизма, как в эту войну».

Раумер Фридрих Людвиг Георг (1781—1873) — немецкий историк, автор «Истории Европы с конца XV столетия» («Geschichte Europas seit dem Ende des 15. Jahrhunderts», 1832—1850).

Стр. 163. *Рассказ Алчевской.* — Побывав у Достоевского 25 мая 1876 г., Х. Д. Алчевская записала в своем дневнике: «Рассказала я ему историю преступления К.» (Х. Д. Алчевская. Передуманное и пережитое. Дневники, письма, воспоминания. М., 1912, стр. 78; *Достоевский в воспоминаниях*, т. II, стр. 293).

Стр. 163. *Пишет о молодежи.* — См. примеч. к стр. 27.

Стр. 163. *В Харькове насчет того, что демос доволен.* — Имеется в виду беседа с Х. Д. Алчевской (см. примеч. к стр. 27). Ср. запись на стр. 165: «Ответить харьков‹ским›. . .».

Стр. 163. *. . .рассказ о повесившейся в «Подростке».* — Имеется в виду эпизод заманивания Оли в публичный дом (см.: наст. изд., т. XIII, стр. 114). В записных тетрадях (наст. изд., т. XXIV) содержится ряд заметок к полемическому ответу на отрицательный отзыв В. Г. Авсеенко об этом эпизоде (*РМ*, 1875, 27 февраля, № 55). Ср. запись на стр. 166: «„Подросток“, грязь».

Стр. 164. *Правой—левой.* — В записных тетрадях (наст. изд., т. XXIV) аналогичные заметки относятся к замыслу разделов «Мой парадокс» и «Вывод из парадокса» июньского выпуска «Дневника писателя» за 1876 г. (гл. II, §§ 1—2). Ср. запись на стр. 165, 169.

Стр. 164. *Ник‹олай› Михайловский и Тюильри.* — См.: наст. изд., т. XXII, стр. 392.

Стр. 164. *. . .до Тернера. . .* — На заседании Общества любителей духовного просвещения 14 марта 1876 г. Ф. Г. Тернер (1833—1906) выступил с докладом, в котором высказался за предоставление свободы совести и отделение церкви от государства, указав, что вмешательство власти в дела веры и все ее карательные и запретительные меры лишь укрепляют религиозный индифферентизм и антирелигиозные настроения, приводя в результате к застою «религиозного развития» (*Г*, 1876, 16 марта, № 76; 18 марта, № 78; «Церковно-общественный вестник», 1876, 21 марта, № 33, стр. 3—4). С Тернером полемизировал на заседании 25 апреля ректор Петербургской духовной академии протоиерей И. Л. Янышев (1826—1910), настаивавший на неотделимости церкви от государства и считавший свободу совести невозможной с церковной точки зрения, а с государственной — преждевременной мерой. Отвечая ему, Тернер повторил основные положения своего доклада (*Г*, 1876, 1—2 мая, № 120—121; *НВр*, 1876, 10 мая, № 70).

Стр. 166. *Преступление и нак‹азание›? ∾ в Богородске.* — Набросок ответа на рецензию Г. А. Лароша на апрельский выпуск «Дневника писателя» за 1876 г. См. стр. 414.

Стр. 166. *. . . на днях читаю о моей злобе.* — Г. А. Ларош писал, что Достоевский «в редкой степени» одарен талантом ненавидеть и «ненавидит так, что иной раз вчуже страшно становится». По его мнению, именно «желчность», которая у Достоевского «не более, как чисто литературное качество», «помогла ему написать некоторые из лучших страниц „Преступления и наказания“ и „Идиота“».

Стр. 166. *Современ‹ник›, никогда не было ненависти.* — В рецензии Г. А. Лароша говорилось: «. . . он ‹Достоевский› довольно близко подходит к славянофилам, так близко, что меня всегда удивляло его сотрудничество в ультразападническом „Русском вестнике“ шестидесятых годов. Между ним и „Русским вестником“ была только одна точка соприкосновения: общая ненависть к покойному „Современнику“; она-то их, кажется, и свела».

Стр. 166. *. . . Мих‹аилом› Никиф‹оровичем›.* — Речь идет о Каткове.

Стр. 166. *Идею его о классическом образовании...* См. стр. 388.

Стр. 167. *Раскольников.* — См. выше, стр. 213—214.

Стр. 167. *А две девочки в Киеве?* — «Новое время» (1876, 16 мая, № 76) сообщило о том, что в университетском ботаническом саду в Киеве 10 мая были найдены задушенными две сестры Богуславские, 10 и 11 лет, одна из них изнасилована.

Стр. 170. *Жена Суворина...* — А. И. Суворина была убита знакомым семьи Т. Комаровым выстрелом из пистолета в петербургской гостинице «Belle-Vue». Причиною убийства считали безнадежную любовь Комарова, который тут же покончил с собою (*Гр*, 1873, 24 сентября, № 39, стр. 1054). Ср.: наст. изд., т. XVII, стр. 424.

Стр. 170. *Все на меня восстали, когда я обличил мужика, варварски убившего свою жену.* — См. очерк «Среда» (наст. изд., т. XXI, стр. 20—22).

Стр. 172. *...«все прекрасное и высокое».* — См.: наст. изд., т. XVII, стр. 371—372; ср.: т. V, стр. 102, 109, 129, 132; т. XIV, стр. 290; т. XV, стр. 76, 81, 569, 591; т. XXII, стр. 27.

Стр. 173. *Римляне. Тут где-то.* — Речь идет о том, что недалеко от места, где находится Эмс, римский полководец Германик в 15 г. н. э. захватил в плен Туснельду, жену Арминия, вождя германского племени херусков.

Стр. 173. *Вильгельм, Бенедетти.* — Французский дипломат Винсент Бенедетти (1817—1900) приезжал в июле 1870 г. в Эмс для переговоров с лечившимся там прусским королем Вильгельмом I (1797—1888); переговоры привели к разрыву отношений между Францией и Пруссией и дали непосредственный повод к войне между ними (1870—1871).

Шарфзин (нем. Scharfsinn) — сообразительность.

Стр. 174. *О лучших людях...* — Проблема «лучших людей», поднятая Достоевским в «Подростке», неизменно присутствовала в его сознании в течение всего издания «Дневника писателя». Она представлена многочисленными записями в тетрадях 1875—1876 и 1876—1877 гг. (наст. изд., т. XXIV), косвенно затронута в рассуждениях Парадоксалиста в апрельском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г., гл. II, § 2 (наст. изд., т. XXII) и подробно рассмотрена в октябрьском выпуске того же года, гл. II, § 3—4 (наст. том).

Стр. 180. *Я за тебя заплатил. У Золя.* — Имеются в виду сцены взаимных денежных расчетов в романе Э. Золя «Чрево Парижа» между учителем Шарве и регистраторшей на торгах рыбного аукциона Клеманс, живущих «на началах свободного брака» (*Золя*, т. IV, стр. 138, 186). Ср. стр. 94—95, 201 и примеч. к ним.

Стр. 182. *Англичанка.* — Речь идет об англичанке, зашедшей по ошибке в мужской туалет. Об этом случае Достоевский писал жене 9 (21) июля 1876 г.

Стр. 182. *Грязь. Про себя.* — С этой записью соотносится следующая заметка в тетради 1876—1877 гг.: «История с англичанкой. Не засмеялись. Грязь. В „Подростке“ находил Ав‹сеен›ко грязь» (наст. изд., т. XXIV). Ср. стр. 163.

Стр. 182. *Робкая изворотливость.* — Перефразированное выражение «изворотливая робость» из книги П. О. Бобровского «Юнкерские училища» (т. 2, СПб., 1873, стр. 531). См.: наст. изд., т. XXII, стр. 400.

Стр. 184. *Юнкер.* — Имеется в виду производство юнкеров-евреев в офицеры. Аналогичные записи имеются в подготовительных материалах к «Подростку» (см.: наст. изд., т. XVI, стр. 407, 419, 429; т. XVII, стр. 424) и в тетради 1876—1877 гг. (наст. изд., т. XXIV).

Стр. 184. *Смерть провинции или нет...* — Имеется в виду брошюра: А. С. Гацискнй. Смерть провинции или нет? (Открытые письма Д. Л. Мордовцеву). Письмо I. Н.-Новгород, 1876. В библиотеке *ИРЛИ* хранится экземпляр с дарственной надписью автора Достоевскому (шифр: Бр $\frac{221}{37}$). Нижегородский краевед и журналист А. С. Гацискпй (1838—1893) полемизировал с Д. Л. Мордовцевым по вопросу о «больших городах» и будущности провинциальной печати, утверждая, что «рядом со значением столицы начинают иметь, а следовательно, и будут иметь и должны иметь значение

и другие, так называемые провинциальные центры» (стр. 3). Ср. примеч. к стр. 6—7.

Стр. 184. *Домонтович.* — В рецензии на июньский номер «Дневника писателя» за 1876 г. (см. выше, стр. 381) И. Ф. Василевский иронически предлагал Достоевскому сформировать «Константинопольский Совет министров» и назначить в нем на пост министра внутренних дел И. И. Домонтовича (1815—1895), гласного С.-Петербургской городской думы (с 1868 г.), ранее служившего в Синоде.

Стр. 186—187. *Сказав, что русск‹ие› за границ‹ей› ∾ Век живи, век учись.* — Набросок ответа на замечания И. Ф. Василевского (Буква. Наброски и недомолвки. *БВ*, 1876, 4 июля, № 182; ср. стр. 381) относительно раздела «Мой парадокс» июньского выпуска «Дневника писателя» за 1876 г. (гл. II, § 1). Достоевский полемизирует со следующими словами рецензента: «Вспомнив, с одной стороны, что Белинский не безусловно преклонялся перед Западом, и с другой — что князь Гагарин стал иезуитом, г-н Достоевский говорит: „этого довольно!“, нисколько не задумываясь, превращает эти два случая в философское обобщение, в новый, хотя и парадоксальный, но глубокий тезис. . .».

Стр. 189. *. . .стушеваться.* — История этого слова рассказана в ноябрьском выпуске «Дневника писателя» за 1877 г. (гл. I, § 2).

Стр. 190. *Родоначальник Пушкин. «Пик‹овая› дама».* . . — В письме к Ю. Ф. Абаза от 15 июня 1880 г. Достоевский назвал «Пиковую даму» «верхом искусства фантастического». О «фантастической действительности» в оценке Достоевского см.: наст. изд., т. XXII, стр. 363; ср. выше, стр. 137, 144—145.

Стр. 191. *Штрусберг.* — Так произносил свою фамилию Струсберг (*НВр*, 1876, 11 октября, № 223).

Стр. 191. *Пауперизация. Приходят.* — Речь идет о молодых людях, обращавшихся к Достоевскому за материальной помощью или с просьбами подыскать для них работу. Проблема вспомоществования молодежи занимала Достоевского в течение всего года и представлена в черновых тетрадях рядом заметок.

Стр. 191. *Студенты в Пеште.* — «Московские ведомости» (1876, 14 октября, № 262) сообщали, что в Пеште «полиция нашлась вынужденною запретить факельное шествие, которое собирались совершить мадьярские студенты в честь Турции».

Стр. 191. *Продажа детей в Константинополе.* — В передовой статье «Московских ведомостей» (1876, 15 октября, № 263) говорилось: «Англия, захватившая в свои руки морскую полицию под предлогом преследования торговли невольниками, покровительствует в Турции гнусной продаже христианских женщин и детей».

Стр. 191. *Струсберг. Великие идеи.* — Корреспондент «Нового времени» на процессе о крахе Московского коммерческого ссудного банка писал о допросе Струсберга, происходившем 8 октября: «. . .беспристрастность и холодность историка скоро надоедают Струсбергу: забывши историю, он начинает петь гимн собственной своей особе. „Я, мол, не простой смертный, а служитель высших идей! Можно ли же судить меня и мои операции по масштабу лавочников, привыкших торговать кожами и салом, хотя бы этого сала было у него на миллионы!“» (*НВр*, 1876, 11 октября, № 223). На другой день передавались следующие слова Струсберга: «Моя память способна хранить только великие мысли, а вы меня спрашиваете о пустяках» (*НВр*, 1876, 12 октября, № 224).

Стр. 191. *Школы.* — Имеется в виду статья Г. А. Лароша «Литература и жизнь» (*Г*, 1876, 7 октября, № 277). См. стр. 411.

Стр. 191. *Константинополь.* — В октябре 1876 г. Достоевский несколько раз возвращался в черновой тетради к проблеме Константинополя в связи с посвященными ей статьями в газетах.

Стр. 191. *Мvро и 100 динариев.* — Имеется в виду евангельский рассказ о том, как Мария, сестра воскресшего Лазаря, помазала ноги Иисуса фунтом нардового чистого драгоценного мира. Присутствовавший при этом

Иуда Искариот спросил: «Для чего бы не продать это миро за триста динариев и не раздать нищим?» (Евангелие от Иоанна, гл. 12, ст. 3—5; ср.: Евангелие от Марка, гл. 14, ст. 3—5). Миро — ароматический состав из благовонных веществ.

Стр. 193. *Алексей человек божий.* — Древний христианский святой, особо почитаемый русскою церковью за самоотверженность, бескорыстие и доброту. О знакомстве Достоевского с легендой об Алексее божием человеке и ее отражении в его произведениях см.: В. Е. Ветловская. Литературные и фольклорные источники «Братьев Карамазовых» (Житие Алексея человека божия и духовный стих о нем). — В кн.: *Достоевский и русские писатели*, стр. 325—354; ср.: наст. изд., т. XV, стр. 475—476; т. XVI, стр. 232.

Стр. 193. *Продал Влас свое имение // И сбирать на построение // Храма божьего пошел.* — Цитата из стихотворения Н. А. Некрасова «Влас» (1854), разбору которого Достоевский посвятил отдельную статью в «Дневнике писателя» за 1873 г. (наст. изд., т. XXI) и которое отразилось в «Подростке» в разработке образов Макара Ивановича Долгорукого и купца Скотобойникова (см.: наст. изд., т. XVII, стр. 372).

Стр. 194. *Пострадать хочу — зачитал Библию.* — Возможно, воспоминание о каком-то реальном случае, свидетелем которого был Достоевский. С этой записью соотносится заметка в черновой тетради 1876—1877 гг.: «Пострадать. Я сам был свидетелем» (наст. изд., т. XXIV).

Стр. 194. *Сила вся души великая // В дело божие ушла. . .* — Цитата из стихотворения «Влас».

Стр. 199. *Вот это-то и имеет в виду Англия в среднеазиатском вопросе.* — См. наст. изд., т. XXII, стр. 382—383.

Стр. 200. *. . .что прежде считалось любовью ∾ за тот же самый эгоизм.* Речь идет о теории «разумного эгоизма», которую в России развивали Н. Г. Чернышевский и публицисты «Русского слова».

Стр. 201. *Вот у Zola разговор Либертиста ∾ 10 лет коварной диктатуры. . .* — Имеется в виду спор учителя Шарве в романе «Чрево Парижа» со сторонниками точки зрения, согласно которой «надо подумать о труженике, о рабочем <. . .>; революция должна быть всеобъемлющей, социальной <. . .> народ устал, он тоже хочет получить свою долю благ». Придерживаясь крайнего мнения, что в ходе революции «надо будет все начисто смести», Шарве говорит: «Классовый эгоизм — одна из самых надежных опор тирании. Это плохо, что народ эгоистичен. Если он нам поможет, он получит свою долю. . . Почему вы требуете, чтобы я дрался за рабочего, если рабочий отказывается драться за меня? Кроме того, не в этом суть дела. Если мы хотим приучить такую страну, как Франция, пользоваться свободой, нам понадобится десять лет революционной диктатуры» (*Золя*, т. IV, стр. 184—185).

Стр. 201. *. . .посмотрите на брак, esclave и Христос. . .* — Имеется в виду брак «на свободных началах» между Шарве и Клеманс (ср. стр. 94—95, 180, 391—392), рассказ о котором в романе следует непосредственно за цитируемым в предыдущем примечании рассуждением. Характеристика этого брака содержит, в частности, слова: «. . .ils n'étaient pas esclaves» (É. Zola. Le ventre de Paris. Éd. 3. Paris, 1874, p. 179; русск. перевод: «. . .они не рабы». — *Золя*, т. IV, стр. 186). Смысл комментируемых слов проясняют записи в черновой тетради 1876—1877 гг. (наст. изд., т. XXIV), из которых явствует, что Достоевский предполагал провести «параллель семьи христианской и социальной», возвратившись к теме, бегло намеченной еще в подготовительных материалах к «Бесам» в связи с учением философа-самоучки крестьянина-старообрядца К. Е. Голубева (см. наст. изд., т. XI, стр. 121—122).

Стр. 202. *. . .отзыв «От<ечественных> з<аписок>» и «Биржев<ых ведомостей>».* — Аналогичная заметка в записной тетради относится к Э. Золя (см. наст. изд., т. XXIV). Имеются в виду, очевидно, статья П. Д. Боборыкина «Реальный роман во Франции. Чтение третье» (*ОЗ*, 1876, № 7, отд. 2, с. 63—87) и еженедельный фельетон А. М. Скабичевского «Мысли по поводу текущей литературы» (*БВ*, 1876, 9 июля, № 187; подпись: Заурядный читатель).

В обзорной статье П. Д. Боборыкина были проанализированы вышедшие

к тому времени романы Золя (в том числе «Чрево Парижа»), объяснена сущность и прослежена эволюция его творческого метода, показано совершенствование от романа к роману его мастерства и сделан вывод о том, что французский писатель имеет перед собою «огромные перспективы». Сочувственное отношение Боборыкина к Золя резко расходилось с мнением, которое составил Достоевский по прочтении «Чрева Парижа» (ср. выше, стр. 392). Однако в одном пункте эти две противоположные точки зрения сильно сближались. Боборыкин считал, что описания в «Чреве Парижа» часто перегружены деталями: «Он ‹Золя› слишком страстно, слишком любовно возвращается к описательным подробностям, придавая каждому неодушевленному предмету, каждому персику, каждому куску сыра своеобразную жизнь, заставляя их входить не только в описательный ensemble, но выделяться из него яркими, подчас крикливыми нотами» (с. 81). По этому же поводу Достоевский записал в черновой тетради несколько критических замечаний, например: «*Вывеска.* Он будет описывать каждый гвоздик каблука, через четверть часа, как солнце взойдет, он будет опять описывать этот гвоздик при другом освещении. Это не искусство» (наст. изд., т. XXIV).

Обобщая свои критические замечания, Достоевский там же записал: «Главное: все это неверно, все это преувеличено, а потому далеко не realité, а потому не следовало бы плевать на Жорж Занд». Речь идет о шестнадцатом «Парижском письме» Золя, напечатанном в июльском номере «Вестника Европы» за 1876 г. под заглавием «Жорж Занд и ее произведения». С этой статьей полемизировал Скабичевский. Он указывал, что отрицательная оценка творчества французской писательницы была продиктована намерением Золя «на развалинах славы Жорж Занд, как представительницы романтического романа, водрузить знамя господства романа реального, „натурального“. . .». Взгляду Золя на Жорж Санд как на «представительницу поэзии лживых фантазий» Скабичевский противопоставил историческую оценку ее творчества. Он отмечал, что ее «мечтательные фантазии» имели «громадное общеевропейское и наиблаготворное влияние на своих современников», благодаря которому, в частности, позднейший реализм «не впал в пошлость, грязь и цинизм бесцельного натурализма», но ставил «своею задачею философский анализ жизни, а не одно бесцельное списывание ее». Поскольку в русской литературе подобные споры прошли уже пятнадцатью—двадцатью годами раньше, то Достоевский, по мнению критика, «стоя вне борьбы романтизма с реализмом, как современный русский писатель, и в то же время испытавший на себе влияние Жорж Занд, как человек сороковых годов, воспитанный ею вместе со всеми своими сверстниками, ‹. . .› оценивает Жорж Занд гораздо правильнее и шире и ставит в ее деятельности на первый план то, что составляет неотъемлемое значение и достоинство усопшей писательницы».

Стр. 205. *Там, например, каторжный французик* ∾ *Zola «Le ventre de Paris»*). — Рассказ Флорана о побеге с каторги (см.: *Золя*, т. IV, стр. 114—115). Боа-констриктор — удав.

Стр. 206. *. . .господин Алексе‹й› Жемчуж‹ников›* ∾ *(прочти его статью в «Голосе»)*... — Статья А. М. Жемчужникова «Русское общественное движение (письмо к редактору)» (*Г*, 1876, 20 октября, № 290). В статье утверждалось, что патриотический подъем в русском обществе в связи с поддержкою балканских славян был случайной вспышкой и что в целом уровень общественного сознания стоял много ниже, чем в начале 60-х гг. Свойством «общественного темперамента» русского народа автор признавал способность «быстро вспыхивать пожаром и так же быстро погасать и охлаждаться».

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

Места хранения рукописей

ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР (Ленинград).

Печатные источники

Ашукин — Н. С. Ашукин и М. Г. Ашукина. Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные выражения. Изд. 3-е, испр. и доп. Гослитиздат, М., 1966.

БВ —«Биржевые ведомости» (газета).

БдЧт — «Библиотека для чтения» (журнал).

Библиотека — Л. П. Гроссман. Библиотека Достоевского. По неизданным материалам. С приложением каталога библиотеки Достоевского. Одесса, 1919.

Биография — Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского. СПб., 1883 (Полное собрание сочинений Ф. М. Достоевского, т. I).

Борщевский — С. Борщевский. Щедрин и Достоевский. История их идейной борьбы. Гослитиздат, М., 1956.

ВЕ — «Вестник Европы» (журнал).

Вр — «Время» (журнал).

Г — «Голос» (газета).

Гр —«Гражданин» (газета).

Гроссман, Биография — Л. П. Гроссман. Достоевский. Изд. 2-е, испр. и доп. «Молодая гвардия», М., 1965.

Гроссман, Жизнь и труды — Л. П. Гроссман. Жизнь и труды Ф. М. Достоевского. Биография в датах и документах. Изд. «Academia», М.—Л., 1935.

Гроссман, Семинарий — Л. П. Гроссман. Семинарий по Достоевскому. Материалы, биография и комментарии. ГИЗ, М.—Пг., 1922.

Д — «Дело» (журнал).

Достоевская А. Г. Воспоминания. — А. Г. Достоевская. Воспоминания. «Художественная литература», М., 1971.

Достоевский в воспоминаниях — Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников, тт. I—II. Изд. «Художественная литература», М., 1964.

Достоевский и его время — Достоевский и его время. Под ред. В. Г. Базанова и Г. М. Фридлендера. Изд. «Наука», Л., 1971. (Институт русской литературы АН СССР).

Достоевский и русские писатели — Достоевский и русские писатели. Изд. «Сов. писатель», М., 1971.

ДП — Дневник писателя.

Золя — Э. Золя. Собрание сочинений в 26-ти т., тт. I—XXVI. Гослитиздат — «Художественная литература». М., 1960—1967.
Лависс и Рамбо — История XIX века. Под ред. Лависса и Рамбо. Пер. с франц. Изд. 2-е, доп. и испр., под ред. Е. В. Тарле, тт. I—VIII. Гос. соц.-эконом. изд., М., 1938—1939.
ЛН — Литературное наследство, тт. 1—92. Изд. АН СССР—«Наука», М., 1930—1981. Издание продолжается.
Материалы и исследования — Достоевский. Материалы и исследования, тт. 1—4. Изд. «Наука», Л., 1974—1980.
МВед — «Московские ведомости» (газета).
НВр — «Новое время» (газета).
Нечаева, «Время» — В. С. Нечаева. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Время». 1861—1863. Изд. «Наука», М., 1972.
Никитин — С. А. Никитин. Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50—70-е годы XIX в. Изд. «Наука», М., 1970.
Никитин, Русское общество — С. А. Никитин. Русское общество и национально-освободительная борьба южных славян в 1875—1876 гг. В кн.: Общественно-политические и культурные связи народов СССР и Югославии. Сб. статей. Изд. АН СССР, М., 1957, стр. 3—37.
ОЗ — «Отечественные записки» (журнал).
ПГ — «Петербургская газета».
Письма читателей — Письма читателей к Ф. М. Достоевскому. Вступ. статья, публикация и коммент. И. Волгина. «Вопросы литературы», 1971, № 9, стр. 173—196.
Пушкин — А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений, тт. I—XVII. Изд. АН СССР, М.—Л., 1937—1959.
РВ — «Русский вестник» (журнал).
РЛ — «Русская литература» (журнал).
РМ — «Русский мир» (газета).
Салтыков-Щедрин — М. Е. Салтыков-Щедрин. Собрание сочинений в двадцати томах, тт. I—XX. Изд. «Художественная литература», М., 1965—1977.
Славянский сборник — Славянский сборник. Славянский вопрос и русское общество в 1867—1878 годах. М., 1948 (Гос. б-ка СССР им. В.И. Ленина. Труды Отдела рукописей).
Снытко — Т. Г. Снытко. Из истории народного движения в России в поддержку борьбы южных славян за свою независимость в 1875—1876 гг. В кн.: Общественно-политические и культурные связи народов СССР и Югославии. Сб. статей. Изд. АН СССР, М., 1957, с. 78—106.
СПбВед — «Санкт-Петербургские ведомости» (газета).
Тарле — Е. В. Тарле. Сочинения в двенадцати томах, тт. VIII—IX. Изд. АН СССР, М., 1959.
Толстой — Л. Н. Толстой. Полное собрание сочинений, тт. 1—90. Гослитиздат, М.—Л., 1928—1964.
Тургенев, Письма — И. С. Тургенев. Полное собрание сочинений и писем в двадцати восьми томах. Письма, тт. I—XIII. Изд. АН СССР—«Наука», М.—Л., 1961—1968.
Тургенев, Сочинения — И. С. Тургенев. Полное собрание сочинений и писем в двадцати восьми томах. Сочинения, тт. I—XV. Изд. АН СССР—«Наука», М.—Л., 1960—1968.
Фридлендер — Г. М. Фридлендер. Реализм Достоевского. Изд. «Наука», М.—Л., 1964.
Холшевников — В. Е. Холшевников. О литературных цитатах у Достоевского. — «Вестник ЛГУ», 1960, № 8. Серия истории, языка и литературы, вып. 2.
Хохрякова — Л. Симонова ‹Л. Х. Хохрякова›. Из воспоминаний о Федоре Михайловиче Достоевском. «Церковно-общественный вестник», 1881, № 18, 11 февраля, стр. 3—5.
Чичерин — ‹Б. Н. Чичерин›. Восточный вопрос с русской точки зрения 1855 года. Лейпциг, 1861.
Эп — «Эпоха» (журнал).

СОДЕРЖАНИЕ

Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета Академии наук СССР

Тексты подготовили и примечания составили:

Н. Ф. БУДАНОВА, В. Е. ВЕТЛОВСКАЯ, Е. А. КОСТЮЧЕНОК, Т. И. ОРНАТСКАЯ, В. Д. РАК, Г. В. СТЕПАНОВА, И. Д. ЯКУБОВИЧ

Редакторы XXIII тома

Е. И. КИЙКО и Г. М. ФРИДЛЕНДЕР

ФЕДОР МИХАЙЛОВИЧ ДОСТОЕВСКИЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Том XXIII

Редакторы издательства *К. Н. Феноменов, Е. А. Гольдич*
Оформление художников *С. Н. Тарасова* и *Л. А. Яценко*
Технический редактор *М. Н. Кондратьева*
Корректоры *А. Х. Салтанаева* и *Т. Г. Эдельман*

Сдано в набор 10.11.80. Подписано к печати 28.07.81. Формат $60\times90^1/_{16}$. Бумага типографская № 1. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Печ. л. $26^1/_2$=26.5 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 34.21. Тираж 55000. Изд. № 7813. Тип. зак. № 1946. Цена 3 р. 80 к.

Ленинградское отделение издательства «Наука»
199164, Ленинград, В-164, Менделеевская линия, 1

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12